

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь
Российский центр науки и культуры в Гомеле

**СЛАВЯНСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2022

УДК 811.16:398.9(082)

Славянская фразеология и паремиология. Культурное наследие и современность : сборник научных статей / редкол. : Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – 270 с.
ISBN 978-985-577-893-7

В сборнике помещены статьи, отражающие результаты фразеологических и паремиологических изысканий. В центре исследовательского внимания становление славянских фразео- и паремиофондов, влияние межкультурного взаимодействия на эти процессы, национальная специфика устойчивых выражений, особенности употребления фразеологических и паремиологических единиц в разных типах текстов, нормы и девиации в употреблении фразеологизмов и паремий в речи, проблемы современной фразео- и паремиографии.

Адресуется фразеологам, паремиологам, лингвокультурологам, социолингвистам, лексикографам, фольклористам, преподавателям и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке Российского центра науки и культуры в Гомеле

Редколлегия:

Е. В. Ничипорчик (отв. ред.),
И. Г. Гомонова (зам. отв. ред.), Е. И. Холявко (отв. секретарь),
В. И. Коваль, Е. И. Тимошенко

Рецензенты:

доктор филологических наук В. С. Новак,
кандидат филологических наук Е. В. Сузько

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-893-7

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2022

Г. Н. Абреимова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ДНЕВНИКАХ М. М. ПРИШВИНА

Аннотация. Стиль любого писателя своеобразен и индивидуален в использовании средств языковой выразительности. В статье рассматриваются особенности употребления некоторых окказиональных фразеологических единиц, выделенных методом сплошной выборки из произведений и дневников М. М. Пришвина. Проводится анализ структуры и семантики использованных писателем фразеологических оборотов с целью определения индивидуально-авторских черт.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, фразеологизм, пословица, преобразование, структурно-семантическая трансформация, контаминация.

Большое внимание учеными-филологами в последние десятилетия уделяется различным элементам индивидуального авторского стиля: роли и функционированию фразеологических оборотов в прозаических и поэтических текстах писателей. Степень владения языковым материалом определяет творческую индивидуальность любого писателя. С помощью устойчивых оборотов в произведениях раскрываются образно-экспрессивные возможности фразеологии. Под идиостилем мы будем понимать «совокупность языковых и стилистикотекстовых особенностей, свойственных речи писателя» [1, с. 89].

Цель данной статьи – исследование особенностей употребления некоторых фразеологических единиц (далее ФЕ) и выражений, построенных по моделям пословиц и поговорок, в произведениях и дневниковых записях М. М. Пришвина.

На основании проведенного анализа фразеологических оборотов, выявленных в художественном пространстве текстов М. Пришвина, мы выделили только самые яркие приемы структурно-семантических преобразований ФЕ.

Анализ фразеологического фонда писателя показал, что введение ФЕ в речевое пространство текста у М. М. Пришвина осуществляется двумя путями – прямым (дословной передачей лексического состава фразеологизма с сохранением его узуального значения) и косвенным (структурно-семантической трансформации фразеологизма).

В данной статье, опираясь на классификацию А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [2], мы описали только наиболее интересные типы трансформаций фразеологизмов, проанализировали приемы контаминации, замены, языкового обыгрывания значения ФЕ, переосмысления, ролевой инверсии, а также рассмотрели обороты, основанные на преобразовании категориального значения фразеологизма и образованные по моделям узуальных единиц.

Оригинальным стилистическим приемом авторской обработки фразеологических единиц является контаминация – неожиданное объединение нескольких фразеологизмов или наложения одной ФЕ на другую.

М. Пришвин использует фразеологизм *продавший первенство за чечевичную похлебку*, который образовался из структурных компонентов двух фразеологических единиц пальма первенства и продавать за чечевичную похлебку: «...*Писарев, продавший первенство за чечевичную похлебку...*» [3, с. 312].

Наложение фразеологизмов *утопающий хватается за соломинку* ('находящийся в трудном, безвыходном положении стремится использовать для спасения даже явно бесполезное средство' [2, с. 679]) и *якорь спасения* ('последнее средство, последняя

надежда' [4, с. 770]) образует новое значение – 'находящийся в безвыходном положении использует даже самое незначительное средство для спасения': «*И людям подай Бог хоть соломинку спасенья, и то ухватятся*» [3, с. 321].

Наложение сходных по значению ФЕ *вбить / вбивать клин* – 'разобщать кого-л. с кем-л., настраивая их враждебно друг к другу' [4, с. 59] и *яблоко раздора* – 'то, что является причиной серьезных разногласий, спора, ссоры' [4, с. 766], осложненное заменой глагольного компонента *вбивать* на *вколачивать* (с разговорной окраской), образовало новую по структуре единицу *вколачивать клин раздора* с усиленной экспрессивной окраской: «*вколачивать клин раздора между Россией и союзниками*» [3, с. 394].

В дневниках встречаются также фразеологизированные конструкции, представляющие собой контаминацию фразеологизмов *от чистого сердца* и *от всего сердца*, *вкладывать душу* и *живая душа*, что усиливает семантику окказионального оборота: «...*от всего своего чистого сердца* пожелала» [3, с. 298]; «... *в эту минуту башенного часа* *вкладывается моя собственная живая душа*» [3, с. 422].

Во фразеологизме *хлебнуть горя* происходит изменение существительного *горе* на образное словосочетание *миска общего зла*, построенное на развернутой метафоре: «...*каждому еще предстоит хлебнуть из миски общего зла*» [3, с. 594].

В произведениях М. Пришвина встречается трансформированная поговорка, в которой замещению подвергается именной компонент *рак – колбаса*: «*в тысячи голосов объявят меня первым писателем, на безрыбье и рак – колбаса*» [3, с. 28].

Изменение компонентов структуры фразеологизма *смотреть сквозь розовые очки* – 'не замечать недостатков в чем-либо' [4, с. 635] образует новое значение 'судить со своей точки зрения': «*А символист всю великую действительность видит сквозь очки своих домыслов*» [3, с. 168].

Во фразеологическом обороте *каши не сварить* со значением 'невозможно договориться или сделать какое-либо дело с кем-либо' [4, с. 596] в следующем предложении происходит замена существительного: «...*со старыми формами новой лучшей жизни не сварить*» [3, с. 563]. В представленном контексте ФЕ приобретает новое значение – 'руководствуясь старыми устоями, бесполезно строить будущую достойную, благополучную жизнь'.

Выражение *в чужом глазу сучок видим, а в своем (и) бревна не замечаем*, имеющее значение 'у других подмечаем даже мелкие недостатки, а у себя не видим и значительные, большие' [2, с. 151], писатель намеренно вводит в трансформированном виде: «*указывая на "бревна" в глазах других, не хочу замечать сучка в своем. А ведь сучок в глазу талантливого значит гораздо больше, чем бревно у бездарного*» [3, с. 33]. М. Пришвин, говоря о своем писательском труде, превращает поговорку в авторский афоризм с противоположным значением 'незначительный недостаток у талантливого человека является более серьезным пороком, чем существенный у бездарного'.

Для достижения оригинального эффекта М. Пришвин соединяет глагольный фразеологизм с нетипичными элементами окружающего контекста (*весь вышел в люди* – *частью вышел в люди* – *частью остаться в себе*): «...*я не вышел весь в люди, а только частью вышел и значительной частью остался в себе*» [3, с. 674].

Еще одной причиной фразеологических преобразований может стать намеренное языковое обыгрывание значения и структурной формы фраземы в ее связи с окружающим контекстом, что приводит к каламбурному эффекту: «*Люди с толку сбиты, постоянно стремятся возвратиться к этому же толку, и оттуда опять их шишбают...*» [3, с. 7]. Одновременное употребление в контексте синонимов *сбить* и *шибать* придает фразеологическому обороту парадоксальное значение.

Переосмыслению подвергаются фразеологические единицы *держаться на волоске* и *держаться на ниточке* в контексте: «*Погода держится на волоске*» [3, с. 295]; «*Но вот война, рискованный бой, когда человек в этой борьбе так изменится, что все*

счастье людей только **на этой ниточке держится...**» [3, с. 504]. ФЕ *держаться на волоске (на ниточке)* с узуальным значением ‘оказываться в крайне опасном положении’ [4, с. 197] в первом предложении приобретает новое значение – ‘измениться в любой момент’, а во втором – ‘в тяжелой ситуации осознавать, что счастье людей может исчезнуть в любой момент’. Переосмысление устойчивых оборотов основано на возникновении новых отношений с окружающими компонентами контекста и не изменяет состава языкового фразеологизма.

Интересной, с нашей точки зрения, является пословица *где кто родился, там и пригодился*, имеющая значение ‘лучше всего жить и трудиться в родных местах’ [5, с. 234], которая в дневниках М. Пришвина представлена в трансформированном виде с новым значением ‘то место, в котором родился человек, является избранным Богом’: *«неважно, что я гражданин России, важно, где моя колыбель, Иерусалим мой: где кто родился, там Иерусалим»* [3, с. 168].

Узуальную пословицу *что написано пером, того не вырубишь топором* со значением ‘если написанное стало известно, вошло в силу, его уже не изменишь, не исправишь’ [5, с. 359] М. Пришвин подвергает ролевой инверсии, что приводит к изменению ее значения ‘очень трудно иногда выразить всю красоту окружающего мира только с помощью слов’: *«что вырублено топором, того не напишешь пером»* [3, с. 816].

В анализируемых текстах М. Пришвина встречается достаточное количество индивидуально-авторских ФЕ, основанных на преобразовании категориального значения устойчивых оборотов за счет перехода глагольного компонента фразеологизма в отглагольное существительное: *«Суждения есть танец от печки...»* [3, с. 267] (сравн. *танцевать от печки*); *«для культуры очерка не надо сложных рассуждений, приводящих к переливанию из пустого в порожнее»* [3, с. 755] (сравн. *переливать из пустого в порожнее*); *«писательство не есть лов рыбы в мутной воде...»* [3, с. 352] (сравн. *ловить рыбу в мутной воде*); *«Единственным средством моего [оправдания] является выход в свет создаваемой картины»* [3, с. 64] (сравн. *выходить в свет*); *«Лева понимает мое все по мерке на свой аршин»* [3, с. 72] (сравн. *мерить на свой аршин*); *«кнул мужчины выразится в особой нежности вплоть до бытия под башмаком»* [3, с. 253] (сравн. *быть под башмаком*); *«любовь как выход одинокого в люди»* [3, с. 588] (сравн. *выходить в люди*); *«...получается в голове зарубка»* [3, с. 308] (сравн. *зарубить в голову*); *«...встреча со мной для него – это отвод души...»* [3, с. 217] (сравн. *отводить душу*). Специфической модификацией здесь является превращение глагольного компонента в грамматически стержневой субстантив. В научной литературе нет четкого представления о статусе фразеологических трансформаций, образованных путем замены глагольного компонента отглагольными существительными. И. Ю. Третьякова в своей работе указывает на неоднозначность мнения фразеологов об отглагольных существительных в таких трансформациях, где, с одной стороны, они сохраняют сему ‘процессуальность’, а с другой стороны, ‘приобретают иную категориальность» [6, с. 115]. Замена глагольного компонента субстантивным в трудах Е. А. Иванниковой [7, с. 26], Л. Н. Колесниковой, Р. Н. Попова [8, с. 9] и др. относится к деривационным процессам. А. В. Жуков говорит о том, что такие преобразования «принадлежат к разным лексико-грамматическим классам» [9, с. 18]. Мы придерживаемся точки зрения лингвистов о преобразовании категориально-понятийного плана фразеологизма, в котором доминирует значение ‘предметность’. Такая трансформация фразеологической единицы нами определяется как окказиональная.

М. Пришвин использует окказиональные фразеологизмы, образованные по моделям узуальных единиц. Так, на базе образа устойчивого сочетания *яблоко от яблоньки недалеко падает* построены следующие фразеологизмы: *«возможны государственные парки, однако они не могут заменить яблоко от своей яблонки»* [3, с. 321]; *«два яблочка от яблонки далеко не раскотятся»* [3, с. 139].

Фразеологизмы *камень на душе лежит* и *словно камень с сердца свалился*, образованные по языковым моделям, также в дневниках писателя представлены в окказиональном виде. Напр.: «размышляет мои собственные камни в моей душе ...» [3, с. 123] (сравн. *камень на душе лежит*); «будто камень отвалился от сердца» [3, с. 108]; «пытаюсь снять вечный камень с сердца» [3, с. 345] (сравн. *словно камень с сердца свалился*).

М. Пришвин использует яркие сравнительные обороты, где сравнение возникает на основе образа языковой фразеологической единицы: « – *Мы вас мобилизуем. – Не пойду. – Пришлем милиционера: вас нужно **выжать, как лимон.** – Не выжмете: я сухой лимон*» [3, с. 115] (сравн. *выжатый лимон*).

Таким образом, выразительные возможности фразеологизмов помогают писателю проявить свои творческие способности и расширить границы авторской мысли. Обогащение его словаря происходит за счет притока окказиональных фразеологизированных конструкций. Результаты проведенного анализа дают основания полагать, что фразеологические обороты в текстах М. М. Пришвина обладают большим преобразовательным потенциалом, структурно-семантические трансформации могут либо изменять семантику ФЕ, либо создавать индивидуально-авторские варианты фразеологизмов. Обыгрывание фразеологических оборотов с помощью контаминации и образных сравнений, созданных на базе узуальных ФЕ, является важным средством, репрезентирующим личность писателя, индивидуальные особенности его речи.

Список использованных источников

1. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 694 с.
2. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари : Астрель, 2005. – 863 с.
3. Электронная библиотека М. М. Пришвина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mememix.net/meme/krasc>. – Дата доступа : 30.08.2022.
4. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астраль : АСТ, 2008. – 881 с.
5. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок [около 1200 пословиц и поговорок] / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 2000. – 7-е изд., стереотип. – 544 с.
6. Третьякова, И. Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. Ю. Третьякова; Ярославский гос. ун-т. – Ярославль, 2011. – 379 с.
7. Иванникова, Е. А. Об отдельности и тождестве фразеологизмов в случаях структурной вариантности / Е. А. Иванникова // Проблема устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвуз. симпозиума. – Тула : Изд-во ТГПИ, 1972. – С. 120–128.
8. Колесникова, Л. Н. К вопросу о вариантности фразеологических единиц / Л. Н. Колесникова, Р. Н. Попов // Проблемы фразеологии : Республ. сб. науч. статей. – Тула : Изд-во ТГПИ, 1980. – С. 3–13.
9. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М. : Высшая школа, 1986. – 310 с.

Abstract. The style of any writer is peculiar and individual in the use of means of linguistic expression. The article deals with the peculiarities of the use of some occasional phraseological units, selected by the method of continuous sampling from the works and diaries of M. Prishvin. The analysis of the structure and semantics of the phraseological expressions used by the writer in order to determine the individual-authorship features is carried out.

Keywords: M. Prishvin, phraseology, proverb, transformation, structural-semantic transformation, contamination.

Н. Ф. Алефиренко

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. Фразеологический образ, в отличие от его субстрата, психического образа, – это, в понимании автора, вербализованное в сознании человека зрительное восприятие реалий коммуникативно значимого события, фиксирующее результаты визуального восприятия и включения в нем культурно маркированных элементов. Лингвокреативность заключенной в них этнокультурной духовности человека проявляется не только в созидании первичных образов, но и в их творческой адаптации к новым дискурсивным ситуациям речепорождения. Механизмом такого рода адаптации служит лингвокреативный тип мышления. Фразеологический образ рассматривается в статусе семиотической единицы этнокультурной памяти.

Ключевые слова: фразеологический образ, лингвокреативное мышление, этнокультурное сознание, архетип, символ.

1. Природа и сущность фразеологического образа

Фразеологические образы следует отличать от реалий окружающего мира и их чувственно-предметного отражения в обыденном сознании человека. Для понимания природы фразеологического образа важно уяснить, что содержание психики образуют отраженные в сознании и обозначенные языковыми знаками реалии коммуникативного события, его идеальный, субъективно сформированный образ. Само отражение коммуникативно значимого события и формирование соответствующих *субъективных образов* осуществляется в сознании благодаря познавательным процессам, характер которых зависит от личных ментальных способностей коммуниканта и сформированной у него этнической картины мира [см.: 1].

В порождении фразеологического образа принимают участие все три уровня познания коммуникативного события: а) элементарный (ощущение и восприятие), б) промежуточный (представление и воображение) и в) высший (мышление). Формирование смыслового содержания фразеологических образов на элементарном и промежуточном уровнях обеспечивается за счет внимания и памяти, а на высшем – речемыслительными процессами. Именно речемыслительные процессы обеспечивают формирование у фразеологических образов лингвокреативного потенциала, опирающегося на асимметрию знаков, их номинирующих.

В отличие от психической сущности образа, фразеологический образ – это *вербализованное в сознании человека зрительное восприятие реалий коммуникативно значимого события*, фиксирующее не только внешние параметры номинируемого объекта, его форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве, но и продукты «наглядного обобщения» и отбора культурно значимых событий и ситуаций. Вторая часть данного определения позволяет рассматривать фразеологический образ в качестве семиотического средства для интерпретации сущности мировидения и миропонимания определенных этнокультурных артефактов, послуживших основанием для формирования его психосемантики, отображающей как общие психо-лингвальные, так и дифференциально-психологические аспекты процесса категоризации «наглядного обобщения».

Проблема памяти универсальна для культуры. По словам Д. С. Лихачева, «история культуры – это история человеческой памяти, история развития памяти, ее углубления и совершенствования» [2, с. 1]. Однако именно в условиях современной тенденции к гуманитаризации знаний феномен этнокультурной памяти приобретает особую актуальность. Применительно к толкованию сущности фразеологических образов следует напомнить суждение К. Юнга, отмечавшего, что важнейшим свойством памяти является ее «способность репродуцировать бессознательные содержания и поддержи-

вать связь с вещами, ставшими подсознательными – подавленными или отброшенными» [3]. Особенно данная способность важна для интерпретации культурно-исторического аспекта памяти, ее социальной (коллективной) значимости. Культурно-историческая память фиксирует символическую репрезентацию сведений об историческом прошлом народа. При этом культурологическая ценность определяется не прямым отображением номинируемых реалий, а особой символической формой передачи и актуализации культурных смыслов, выходящей за рамки опыта отдельных людей как членов данного этнического сообщества. Актуализируемые культурные смыслы являются традиционными, формализованными и ритуализованными. Выражаются они так называемыми мемориальными знаками различного рода: неречевого и вербального характера. Таковыми могут выступать привычки, особенности быта, традиции, памятные места, изобразительные и монументальные памятники, даты, церемонии и ритуалы. Как явствует из такого понимания, семиотикой лингвокультуры служат отраженные в языковом сознании и представленные в психосемантике социальные, духовные и материальные маркеры, определяющие ценностно-оценочную ауру этнокультурной духовности.

Раскрыть психосемантику языкового знака – значит понять закономерности формирования фразеологического образа и его вербализацию в языковом сознании. Сравн. *остаться с носом* – ‘не получить желаемого, быть обманутым, не достичь результата, хлопотать попусту’. Обычно данный образ интерпретируется с помощью обращения к древнему обычаю, издавна существовавшему на Руси: в знак уважения делать подношения важным особам. При этом рассказывается, что, отправляясь в Приказ, чтобы хлопотать о каком-либо деле, люди брали с собой дары для чиновников. Если скудные дары воспринимались как унижение представителя власти, от него могли отказаться. В таком случае просителю на благополучный исход дела рассчитывать уже не стоило, то есть он «оставался со своим носом». Речь, разумеется, шла не о соматизме. Лингвистическое разъяснение связано с омонимическим отглагольным существительным *нос* (приношение): *остаться с тем, что принес*. Такой же исход ожидал сватающегося жениха, преподносящего подарки родителям невесты. Отвергнутому жениху дары демонстративно возвращались, и он отправлялся со своим презентом домой, то есть «оставался с носом». В современном языковом сознании выражение *остаться с носом* употребляется в значении ‘потерпеть неудачу’. И в этом значении входит в синонимический ряд *остаться на бобах*, *остаться в полете*, *остаться при пиковом интересе*, *от ворот поворот*, *не солоно хлебавши*.

При всех особенностях воплощения элементов коммуникативного события в индивидуальном образном мире каждого этнокультурного сообщества, фразеологическим образным представлениям присущ целый ряд общих свойств и категорий:

- а) **зрительная представленность** предмета мысли;
- б) **воспроизводимость**;
- в) **альтернативность** и множественность образных проекций языкового материала, когда мы стремимся произвольно вызвать в представлении различные картины, связанные в нашем сознании с определенным словом или выражением;
- г) **пластичность** фразеологических образов, то есть способность их к всевозможным перевоплощениям.

Конструктивная роль в экспликации этих свойств принадлежит архетипическим образам лингвокультуры.

2. Фразеологические образы и архетипы в этнокультуре

Запечатление во фразеологическом образе культурно-исторической памяти осуществляется главным образом за счет его генетической связи с архетипами языкового сознания [4]. На первый взгляд, взаимосвязь двух феноменов основана на семантической тавтологии, поскольку слово архетип уже содержит в своей этимологической истории компонент «образ» (греч. *arche* начало + *typos* образ). Иначе говоря, понятие ар-

хетипа было введено К. Г. Юнгом с целью номинировать изначальный образ, универсальный символ коллективного бессознательного, за которым закреплены сформированные веками установки и правила, реализующие устоявшиеся связи и отношения между людьми и реалиями окружающего мира.

Коллективное бессознательное обладает способностью передавать накопленный опыт от одного поколения к другому и проявляет себя в форме культурных архетипов – определенных моделях и образцах инстинктивного поведения, помогающих людям в восприятии окружающей действительности и отвечающих за реакции индивида на те или иные события, происходящие в его жизни.

«Культурные архетипы» – это архаические культурные первообразы, нормативно-ценностные ориентации этноса, «проросшие» через многовековые пласты истории и культурных трансформаций и сохранившие свое значение и смысл в пространстве современной культуры. Культурные архетипы «работают» на сохранение культурного генотипа того или иного народа, представляя собой коллективную память народа, подразумевают сохранение предшествующего духовного опыта. Эта память запечатлевает любимые каждым народом паттерны (систематически повторяющиеся, устойчивые элемент или последовательность элементов речевого поведения); повторяющиеся из века в век идеи и образы; устойчивые комплексы представлений. Поскольку культурные архетипы хранят глубинные установки коллективного бессознательного, они обычно не осознаются коммуникантами.

Термин «архетип» тесно связан с термином «стереотип», обозначающим некоторый фрагмент концептуальной картины мира того или иного этноса, устойчивое культурно-детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации. Каждый этнос живет в мире только ему присущих культурноносных стереотипов, хотя они и искажают отражаемые реалии. Можно сказать, что стереотипы усваиваются с молоком матери, с раннего детства и с течением времени меняются крайне медленно. Не потому ли этнокультурная идентичность определяется именно наличием базовых стереотипных символов этноязыкового сознания.

Наиболее значимыми для любой лингвокультуры являются сакральные виды пищи. В русской лингвокультуре таковыми являются хлеб (*Хлеб всему голова; Хлеб – дар Божий*) и связанные с ним обрядовые действия. Сущность стереотипов, как, впрочем, и архетипов, определяется не только означаемыми (самобытными ментальными образами), но и их означающими (знаковыми репрезентантами). Особенно ярко они представлены во фраземике, поговорках и в языке фольклора. *Хлеб в красном углу* – символ Божественного покровительства и оберег от враждебных сил, символ благополучия семьи, гостеприимности хозяев. В силу этого были выработаны достаточно строгие правила обращения с хлебом:

А) сакральные:

- а) в процессе приготовления хлеба пекари неоднократно крестились сами и крестили муку, тесто, хлеб перед выпечкой и после нее;
- б) верили, что хлеб нужен не только живым, но и мертвым, поэтому клали его в гроб;
- в) сыпали крошки на могилу: считалось, что крошки хлеба полезны для птиц, воплощающих души усопших.

Б) защитные:

- а) хлеб клали в колыбель к новорожденному;
- б) хлеб клали на место, где до этого лежал покойник, чтобы умерший не унес с собой плодородия;
- в) выносили на улицу при приближении грозы, чтобы защитить посевы;
- г) обходили с хлебом загоревшее строение, чтобы остановить распространение пожара.

В) обрядовые:

- а) хлеб брали с собой, отправляясь свататься;
- б) кормили хлебом не только живых, но и мертвых: клали его в гроб;
- в) сыпали крошки на могилу для птиц, воплощающих души;
- г) предназначали мертвым первый из выпеченных хлебов, помеченный крестиком, или пар от горячего хлеба.

Традиционным для русской культуры является сочетание *хлеба с солью* (на новоселье, приеме гостей). *Хлеб* – символ благополучной судьбы, богатства, достатка. *Соль* – оберег от враждебной энергии (чар, колдовства, сглаза и порчи).

Особенно ценилась четверговая соль. Освящалась она в Чистый четверг и использовалась для лечения людей и скота, от сглаза и от ведьмы. С этой же целью соль клали под подушку ребенку. Перед тем, как вынести ребенка на улицу, крупинку соли клали в его шапочку или на лоб.

Весьма интересным был обряд «солить молодых» и «солить девушек». В первом молодоженов, сыгравших свадьбу в текущем году, во время масленичных гуляний прятали под снегом. Второй обряд также связан с солью. После окончания масленицы парни «солили», то есть закапывали в снег девушек, в прошедшем году не просватанных. В первом и во втором случае снег символизировал соль. Смысл этих обрядов – оберег. Такими действиями, считалось, можно было уберечь молодоженов и непросватанных девушек, чтобы те не закисло (не потеряли здоровья, молодости, силы) до следующего мясоеда.

Огромное значение придавалось мучным изделиям. В свадебном обряде обязательно присутствовал каравай – особый пшеничный хлеб из сдобного теста, круглый, высокий, с разными украшениями. В русской лингвокультуре известны выражения: *Сыр да каравай принимай, а наших молодых не оставляй; Сыр-каравай примите, золоту гривну положите; На чужой каравай рта не разевай, а пораньше вставай да свой затевай*. Каравай является образным символом плодородия. Он же в древней символике русского народа – дар Божий. Поэтому с ним встречают новобрачных после венчания, им благословляют молодоженов, разламывая каравай над их головами. В качестве символа благополучия каравай украшает стол молодоженов. Затем следует главное обрядовое действие: каравай делят. Его символический смысл – деление общего блага между людьми, наделение каждого участника обрядового действия своей долей.

Итак, фразеологический образ – наиболее яркая семиотическая единица этнокультурной памяти.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса : монография / Н. Ф. Алефиренко. – 3-е изд. – М. : Флинта, 2019. – 192 с.
2. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.
3. Юнг, К. Архетип и символ / К. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 297 с.
4. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Минск : Республиканский институт высшей школы, 2011. – 194 с.

Abstract. The phraseological image, in contrast to its substrate, the mental image, is, in the author's study, verbalized in human sensations, visual perception, a real communicatively perceived event, a sensitive impact of perception and the isolation of culturally marked elements in it. The linguistic creativity of the ethno-cultural spirituality of a person contained in them is manifested not only in the creation of primary formations, but also in their adaptation to new discursive situations of speech production. The mechanism of this kind of adaptation of servants of linguo-creative thinking. Phraseological transformation into the status of a semiotic unit of ethnocultural memory.

Keywords: phraseological image, linguo-creative thinking, ethno-cultural consciousness, archetype, symbol.

Н. Г. Арефьева

ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ ВО ФРАЗЕМИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ

Аннотация. В статье рассматривается иноязычное и инокультурное влияние, отраженное во фраземике русских говоров Одесщины. Приводятся факты межъязыкового и межкультурного – славянского и неславянского – взаимодействия. Автор приходит к выводу о наиболее значительном влиянии близкородственного украинского языка и его говоров на фраземику русских диалектоносителей.

Ключевые слова: русские говоры Одесщины, диалектная фразема, межъязыковые и межкультурные контакты, иноязычное влияние, фразеологическая картина мира.

Русские говоры Юга Украины (островные, южнорусские, преимущественно курско-орловские) около двухсот и более лет находятся в поликультурном и полилингвальном окружении. Тесные многолетние межъязыковые и межкультурные контакты с соседями – болгарями, молдаванами, немцами, румынами, гагаузами и прежде всего, конечно, с украинцами явились причиной немалого количества заимствований, как лексических, так и фразеологических. Совершенно справедливы в этом ключе слова проф. В. М. Мокиенко: «Как ни один народ не может полнокровно существовать без разносторонних контактов с другими народами, так и язык истощился бы сам в себе, не находя подкрепления в других языках и не отдавая им, в свою очередь, собственных живительных соков» [1, с. 8].

Иноязычное и инокультурное влияние особенно выпукло и ярко представлено во фразеологическом фонде – аккумуляторе духовного опыта народа-носителя. М. К. Сивицкене отмечает: «В тех случаях, когда русские говоры оказываются в разноязычной среде, в которой имеются и близкородственные языки или диалекты, больше всего влияние проявляется со стороны этого родственного языка или диалекта» [2, с. 10]. Именно этим фактом, как и фактом многолетнего совместного проживания, объясняется наиболее значительное влияние близкородственного украинского языка и его говоров на фраземику русских диалектоносителей Одесщины. Рассмотрим его.

Влияние украинского языка и его говоров.

Языковые особенности украинского языка в проекции на фраземику русских говоров Юга Украины нашли отражение на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, синтаксическом [3]. Велико влияние украинского языка и его говоров на фразеологический фонд русских диалектоносителей в аспекте **заимствований слов**, ставших впоследствии устойчивым структурным компонентом фраземы. Так, широко представлен в исследуемой нами фраземике украинизм *нема́*; только по данным ФСРГО, насчитывается 21 фразема с этим лексическим компонентом, сравн.: *Вже на́до́ лу́чше, да не́ма́ кудá* ‘надо бы лучше, да некуда’, *в по́яву не́ма́* ‘в помине нет’, *ко́нця кра́ю не́ма́* ‘о чем-л., дящемся бесконечно долго’, *не́ма́ [и] мо́ды* и *не́ма́ мо́ду* ‘не заведено, не принято’, *не́ма́ тако́го за́воду* ‘нет такого обычая; не заведено, не принято’, *не́ма́ у за́води* ‘нет и в помине’, *ни ду́ши ни те́ла у́же не́ма́* ‘о состоянии сильного беспокойства, волнений, переживаний из-за кого-л., чего-л.’, *спáсу не́ма́* 1) ‘нет спасения, невозможно избавиться от кого-л. или чего-л.’; 2) ‘невозможно терпеть’ и др. [4, с. 51, 58, 112, 134–135, 140, 197]. Союз-частицу *як* вместо русского *как* находим в компонентном составе ряда фразем: *злой як Гі́тлер* ‘очень злой’, *як картинка* ‘о ком-л., чем-л. очень красивом’, *Богáтый – як схòчет, а бѣдному (бедняку) – як уда́тся* ‘у богатых много возможностей, бедный же надеется на удачу’ [4, с. 98, 231, 37–38]. В большом количестве вошли в состав исследуемой нами фраземики и другие украинизмы: *гра́ти* ‘иг-

рать', *мати* 'иметь', *рòзум* 'разум', *кабàк* и *гарбуз* 'тыква', *раптовий* 'внезапный', *крапка* 'точка', *нехай* 'пусть', *вгòру* 'вверх', *дивчйна* 'девушка', *намісто* 'бусы', *порòжній* 'пустой', *хай* 'пусть' и многие другие. Сравн. лишь некоторые из многочисленных фразем с компонентом-украинизмом: *грасть у рèмень* 'вид игры холостых парней на вечеринке накануне свадьбы', *поняття не мать* 'не иметь представления о чем-л., не разбираться в чем-л.', *рòзуму на пять бань* 'глупый человек', *кабакà (кабакòв) давàть / дать (надавàть)* и *давàть / дать гарбуза* 'отказывать жениху; отказывать кому-л. при сватовстве', *раптовий дождь* 'проливной дождь', *становить крапку* 'завершать, заканчивать какое-л. дело', *Нехай Бог дает вам с воды и росы!* 'пожелание удачи, счастья в речевом этикете старообрядцев-липован', *Нехай придет родина, чтоб была счастлива девчйна!* 'важно, чтобы девушка после замужества попала в хорошую семью', *вгòру кричàть* 'петь высоким голосом', *адегйное намісто* 'бусы, плотно прилегающие к шее', *порòжня голова* 'глупый человек', *Хай Бог тебя (вас) хранит!* 'доброе пожелание кому-л. на прощание' [4, с. 72, 167, 174, 182–183, 104, 75, 180–181, 200, 138, 139, 45, 32, 168, 218].

Ряд фразем, заимствованных напрямую из украинского языка и его говоров, вошли в речь русских переселенцев благодаря яркой экспрессивно-эмоциональной окраске: *чумàцкий шлях* 'Млечный путь' [5, с. 755; 4, с. 227–228]; *до путя* 'хорошо (делать что-л.)' [6, т. 1, с. 170]; *гонять кого как [соленого] зайца* – шутил.-ирон. 1) 'ругать кого-л., устраивать нагоняй кому-л?'; 2) 'держат кого-л. в строгости, заставляют что-л. делать' [7, с. 213]; *швидка Настя напàла* – эф., шутил. 'о расстройстве желудка' [5, с. 427] и др.

Во фраземике русских диалектоносителей нашли воплощение такие культурно значимые для украинцев концепты и культурные символы, как *чумак*, *хата*, *рушник*, *гурт*, *казак*, *борц*, *макитра*. Так, 22 фраземы сопряжены с концептом *хата* (*большая хата*, *великая хата*, *верхняя хата*, *отходящая хата* и др.); 6 – с концептом *чумак* (*чумак за солью едет*, *чумак в бульбакà попàл*, *чумак в воду (у воду) попàл*, *чумàцкий дождь*, *чумàцкий шлях*, *що чумак везэ, то и грызэ*); 5 – с концептом *рушник* (*вязать рушники*, *вязать / повязать рушникòм (рушникàми)*, *идти / пойти (ехать / поехать) с рушникàми*, *посылать / послать за рушникàми*, *перевязывать (перевязывать, обвязывать) / перевязать (перевязать) рушникàми (рушникòм)*); 2 – с концептом *гурт* (*у (в) гурте*, *Гуртом да миром сподручней*)); 2 – с концептом *борц* (*трынды-рынды – гòлый борц*, *бèлый борц*); 1 – с концептом *казак* (*казàчья суля*); 1 фразема сопряжена с концептом *макитра* (*под макитру*).

В целом из 1744 фразем, собранных нами в исконно русских селениях Юга Украины и разработанных в приложении к диссертационному исследованию и ФСРГО, 185 фразем несут в себе следы украинского влияния, то есть составляют более 10% от общего количества фразеологических единиц [3].

Влияние болгарского языка и его говоров.

Влияние болгарских говоров на фраземику русских говоров Юга Украины незначительно и проявляется в следующих видах заимствования:

– заимствование лексем, вошедших в состав фразем в качестве устойчивого структурного компонента, сравн. *умàриваться / умориться что пèтел (пèтели)* 'очень уставать': *У нèmцэф што пèтили умàривались, аж музули абдирàли* (Введ., 1971) [4, с. 214], где заимствование *пèтел* – от болг. *петел* – 'петух' [8, с. 442]; *грядину дèлать* 'обрабатывать огород': *Булгàры дèлали уридйны* (Вас., 1974) [4, с. 73], и *грядинский цветòк (цветòчек)* 'цветок майоры': *Нòни вьàрасли калàчики и уридйские цвиты* (Мур., 1973). *А эта мы уаварим уридйнский цветòчик* (Мур., 1973) [6, т. 1, с. 146; 4, с. 73], где многозначное болг. *грядина* (общеупотр. *градина*, прилаг. *градински* 'садовый; огородный' [8, с. 97]) в русских говорах стало служить для обозначения большого колхозного огорода за селом, тогда как для обозначения приусадебного участка (огорода) стало использоваться украинское слово *горòд* [9, с. 100, 107], сравн.

фразему *горòд дèлать* ‘обрабатывать огород’ [4, с. 71]. Адъективный компонент фраземы *гринадерская бригàда* ‘овощеводческая (т. е. градинарская) бригада’: *Муш у уринадерской бригàди работайт* (Вас.) [4, с. 73], таким образом, являет собой искаженный болгаризм *градинàрска (бригада)*, от болг. *градинàр* – ‘1) садовник; садовод; 2) огородник’ [8, с. 97]. В русских говорах широко употребительной стала многозначная лексема *гармàн* и ее дериваты, ставшие компонентом устойчивых сочетаний, сопряженных с мотивом молотьбы, сравн. фраземы *гарманòванная (гарманòвочная) дòска* – устар., этнограф. ‘доска, употребляемая в старину для обмолота зерна’ [4, с. 66] и *гарманòванный (гармàнный, гарманòвый, гармановишний, гармòтный) камень* – устар., этнограф. ‘большой круглый зубчатый каток, употребляемый в старину для молотьбы при помощи лошадей’ [4, с. 66–67]. По данным ЕСУМ, лексема *гармàн* – от болг. *хармàн* – заимствование из турецкого (тур. *harman* – ‘молотьба, ток’) [10, т. 1, с. 474]. В болгарском языке лексема также является многозначной и функционирует в следующих значениях: 1) ‘гумно, ток’; 2) ‘молотьба’; 3) перен. ‘большой урожай’; 4) ‘смесь (разных сортов табака, чая и т. п.)’ [8, с. 696]. Возможно, 3-е значение лексемы послужило образной основой фраземы *гармàном ийти* ‘идти косяком (о рыбе)’: *Кòрап ийти гармàнам в апрèли мèсицы* (Вас.) [4, с. 66];

– заимствование всего устойчивого сочетания (далее УС), номинирующего то или иное понятие и иногда выполняющего роль дублетного во фразеологической картине мира (далее ФКМ) русских переселенцев, сравн. фразему *годишина рòкля* ‘свадебное платье’: *Гадйшну рòклю ни нивèста, а жаних пакупайт* (Серг.) [4, с. 70];

– заимствование фраземы, обозначающей новое, освоенное в результате межкультурных контактов понятие. Так, русским переселенцам не была известна кукуруза. Осваиваясь на новых территориях, они переняли от соседей-болгар способ приготовления воздушной кукурузы, сравн. фразему *пуканки пукать* ‘готовить жареные кукурузные зерна, употребляемые в пищу; готовить воздушную кукурузу’: *Пуканки пукали для дитèй* (Павлов., 1975) [4, с. 176], где болг. *пуканки* ‘воздушная кукуруза’; *пукать* – от болг. *пукам* – 3) ‘приготавливать (воздушную кукурузу)’ [8, с. 545]. Сравн. также болг. *пукам цàревица* в том же значении [8, с. 545]. Аналогичный тип заимствования представляют фраземы *синий патладжàн, синий баклажàн* ‘баклажан’ и *красный патладжàн, красный баклажàн* ‘помидор’ [4, с. 191, 115], перешедшие вместе с новым для русских диалектоносителей понятием «помидоры», сравн. болг. *патладжàн* 1) ‘баклажан’; 2) уст. ‘помидор’ [8, с. 438];

– заимствование продуктивной структурно-семантической модели. УС *красные помидòры* ‘помидоры’ и *синие помидòры* ‘баклажаны’ [4, с. 115, 191], появившиеся в речи русских переселенцев позже в связи с освоением литературного *помидоры*, построены по аналогии с первоначальной структурно-семантической моделью, лежащей в основе болгарских фразем *син патладжàн* ‘баклажан’ и *червèн патладжàн* ‘помидор’ [9, с. 112–113].

Неславянское влияние.

Во фраземике русских говоров Юга Украины отмечают следы влияния румынского, молдавского, немецкого, турецкого, еврейского языков. В целом неславянское влияние на фразеологический фонд русских переселенцев составляет чуть более 1%.

Влияние румынского языка. Реалии, в которых находились местные жители во времена румынского боярства (1918–1940 гг.), нашли отражение в наиболее значимых фрагментах ФКМ. Так, фразема *засылать / заслать примарèй* – обряд. ‘засылать сватов; сватать невесту’: *Кавалèр засылать примарèй к нивèсти* (Нов. Некр.) [4, с. 96] имеет то же значение, что и укр. *засилати старостів*, и связана с названием сельского старосты в этот период, сравн. рум. *primar* – уст. ‘примарь’; рум. *primărie* – уст. ‘примария (городская управа, сельское управление)’ [11, с. 79]. Слово было освоено в виде нескольких фонетических вариантов: *примарь, прымар, примарь, примырь*. Позже лек-

сема расширила свое значение, став многозначной. Так, согласно данным СРГО, слово бытует в речи русских переселенцев в трех значениях: 1) устар. 'сельский староста': *Примар при румынах был* (Возн.); 2) 'староста на свадьбе': *Примар на свадьбы, ен свадьбай рукаводит* (Возн.); 3) 'председатель сельсовета': *Па-вашау притсидатель сельсавета – па-старынскаму примар* (Спас.) [6, т. 2, с. 109–110]. Освоенное русскими название румынской мелкой монеты – *бань* (мн. *бани*, от рум. *ban*, -i – 1) 'мелкая монета'; 2) рл. 'деньги' [11, с. 79]), стало символизировать недостаток / отсутствие какого-л. важного качества на основе ассоциации «мелкие деньги – недостаток / нехватка чего-л.». В ФКМ русских переселенцев символом малости, значительной нехватки или отсутствия какого-л. качества стали 5 *бань*, сравн. возникшую на региональной почве фразему *пять бань не дает* – неодобр. или шутил.-ирон. 'о беспечном человеке, которого ничего не волнует, не беспокоит': *У нивд работы нима, а он никуды ни кидайца, пять бань не дает* (Прим., 2017–2018) [4, с. 178]; *розуму на пять бань* у кого – неодобр. или шутил.-ирон. 'глупый человек': *Што с нивд взять, если у нивд розуму на пять бань* (Прим., 2017–2018) [4, с. 182–183]. Мотивация многозначной фраземы *байлык отбивать / отбить* – 1) 'выполнять / выполнить принудительную работу, отбивать / отбить повинность': *Байлык атбить – эта сваю павинасть, или йэта у нас уаварять «обязанность»* (Введ., 1971). *Здесь байлык адбывали* (Введ.); 2) часто шутил. или ирон. 'выполнять / выполнить обязанность': *Байлык адбывла я, рассказала старикам, што хатели* (Петр.) [4, с. 24] связана с ее ключевым компонентом «байлык», означавшем 'принудительную работу, повинность в период румынской оккупации': *А как рамыны были, дюжы гарманили, байлык справляли* [6, т. 1, с. 24; 4, с. 24], сравн. рум. *beilic* – 2) 'барщина' [11, с. 88]. Именной компонент фраземы *давать батай* кому – 'бить, избивать кого-л.', соотносится с рум. *bataje* – 1) 'побои'; 2) 'драка' и *bate* – 1) 'бить, избивать, колотить' [11, с. 84, 85].

Влияние молдавского языка. Длительные многолетние контакты с соседями-молдаванами оказались продуктивными в аспекте хозяйственной деятельности. Вместе с освоением новых для переселенцев понятий усваивались и новые слова, их обозначающие. Часть этих слов со временем становилась компонентом фразем. Так, заимствованный у молдаван способ подвязки винограда закрепился в виде УС *гараги (гаряди) дэлать* 'подвязывать виноград' (Ст. Некр., Рус. Ив.) [4, с. 66], где компонент *гарага* соотносится с молд. *арак, харак, хараг* 'колышек для подпорки', рум. *arac, harac, [harag]* в том же значении [10, т. 1, с. 470]. Термин «гарага (гаряга)» в значении 'колышек, вставленная в землю деревянная палка, к которой приклепляют виноградную лозу' (перевод наш – Н. А.) [12, с. 50], функционирует и в украинских говорах Одесщины.

Неизвестная русским до переселения овощная культура – кукуруза – была освоена ими вместе с обозначавшим ее молдаванизмом *папушдой* (сравн. рум. *păpusoi* 'кукуруза', *părușa* 'початок молодой кукурузы' [11, с. 615]), трансформировавшимся у русских в лексемы *папуша, папушдой, папушдой, папушоа, папушун, папуша, папуша*, их ум.-ласк. формы *папушдойка, папушдойка* и дериваты *папушдовка* 'кукурузоуборочная машина', *папушовник* 'кукурузные стебли, используемые для покрытия крыши', *папушдовня* 'листья кукурузы' [6, т. 2, с. 13–14], что в дальнейшем послужило основой создания устойчивых сочетаний *папушдойная (папушдовая) мука* 'мука из пшеницы и кукурузы; кукурузная мука': *Пекли с папушдовой мукй малай и мешали туды кабака* (Ст. Некр., 1974). *Из папушдойной мукй роблють мамалыгу и малан* (Рус. Ив., 1982). *Ложут папушдойную муку* (Рус. Ив., 1982). *Туды сыпали папушдойную муку* (Павлов.) [4, с. 167; КСРГО] и *лися папушдова* – ласк. 'о рыжем или светловолосом, с редкими волосами человеке': *Дитеначек был бравинький, но такдой аблезинький, как лися папушдова* (Прим., 2017–2018) [4, с. 122]. Параллельно в быту переселенцев функционирует и литературное *кукуруза*, закрепившееся в УС *дратая кукуруза* 'зерна кукурузы, отделенные от кочерыжки': *Дал курам дратай кукурузы* (Ст. Некр.) [6, т. 1, с. 179].

В ФКМ русских диалектоносителей нашло отражение освоенное русскими молдавское национальное блюдо из кукурузной муки, воды или молока – кукурузная каша, часто употребляемая в пищу вместо хлеба и обозначаемая словом *мамалыга* (*мамалăга*), что послужило основой создания фраземы *как мамалăга* ‘о вялом, апатичном, безынициативном человеке’ [4, с. 107]. Не исключено, однако, что переносное значение лексемы *мамалăга* было заимствовано из молдавского языка, сравн. рум. *mămăligă* – 1) ‘мамалыга’; 2) перен. разг. ‘слабохарактерный, мягкий человек, тряпка’ [11, с. 515].

Ряд фразем является маркером иной – не своей культуры, к примеру, для жителей села Троицкого Беляевского района Одесской области символом молдавской погребальной обрядности является фразема с этнокультурным наполнением *отдавать стол* ‘от молдавской погребальной традиции, по которой после выноса умершего со двора в воротах ставят стол с вином и угощениями для пришедших на похороны’ (Троиц., 2019) [4, с. 149]. Достаточно широко распространены модальные фраземы-заимствования с высокой степенью экспрессивности: *и гата* (*и гать*) – экспресс. ‘и все, и конец, и кончено, и готово’: *Парастрѣлювали, и гать* (Аннов., 1967). *Приѣхали дамѡй, и гата* (Ст. Некр.). *А то чутечку, и гата* (Возн.). *Спать, и гата* [4, с. 99], где *гата* – ‘все, конец, достаточно’ от рум. *gata* ‘готово, кончено’ и молд. *gata* – в том же знач. [6, т. 1, с. 126; 14, с. 267; 11, с. 355]; *мэй дю на тебѣ!* – экспресс. ‘выражение несогласия с собеседником’: *Мэй дю на тебѣ!* (Прим., 2012) [13].

Влияние немецкого языка (немецкие колонисты были соседями русских диалектоносителей до 1940 года) на фраземику русских говоров Юга Украины обнаружено нами лишь во фраземах *оба цвай* – неодобр. ‘о нерадивых супругах’: *Дѣти там нищасные, бо што бѣтька, што мѣтка – оба цвай, какѡй шол – такую и нашѡл. Ничивѡ дѡма ни дѣлали, пѣлец аб пѣлец ни ударяли* (Прим., 2017–2018) [4, с. 144], где компонент *цвай* – заимствование из немецкого, сравн. нем. *zwei* ‘два’. В основе фраземы, вероятно, лежит символика числа «два», сопряженная с мотивами полной идентичности, похожести, одинаковости, сравн. общеупотр. *два сапога пара, как две капли воды*, а также, в сочетании с компонентом-соматизмом, – с мотивом полноты, завершенности, предельного проявления признака: волг., шутол. *не обѡймешь двумя руками* – 1) кого ‘об очень полном человеке’; 2) ‘о большом количестве, избытке чего-л.’ [5, с. 577]; *две ноги с подходом* у кого – твер. о человеке, умеющем находить подход к людям [5, с. 440]; общеупотр. *двумя руками за* ‘быть полностью согласным с чем-л.’, *одна голова – хорошио, а две лучше*, болг. *загѡзвам с двата крака* (букв. *завязнуть двумя ногами*) ‘попадать в тяжелое положение’ [8, с. 107].

Тюркское влияние обнаруживаем во фраземе *яман-яман* ‘кое-как’: *Стѣли мы жьѣть яман-яман* (Ст. Некр.) [6, т. 2, с. 292], где *яман* – ‘худо, плохо, нехорошо’, сравн. тат., крым.-тат., тур., чагат., уйг. *jaman* – ‘плохо, плохой’ [15, с. 23; 16, с. 556]. Компонент *яман* входит в состав некоторых других русских пословиц, сравн. *Нѡня атамѣн, взѣтра яман* [15, с. 23]; *Ни яман, ни якиши, ни средней руки* (с татарск.) [17, т. 1, с. 369].

Влияние еврейского языка. Зафиксировано во фраземе *лея бѣгает* ‘о ленивой хозяйке’: *Лея бѣгаитъ* (Троиц.) [4, с. 121]. Именной компонент *лея* – производный от еврейского женского имени Лея – является широко распространенным в речи одесситов и означает ‘недалекую, несообразительную женщину; плохую хозяйку; толстую и нерасторопную женщину’ [18, с. 231].

Как видим на основе ряда приведенных примеров, тесные многолетние межъязыковые и межкультурные контакты носителей русских говоров Одессины с украинцами, молдаванами, болгарями, немцами, румынами нашли яркое отражение во фразеологическом фонде, определяя его своеобразие и оказывая несомненное влияние на формирование фразеологической картины мира русских переселенцев.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
2. Сивицкене, М. К. Некоторые вопросы изучения островных говоров / М. К. Сивицкене // Lietuvos TSR auks tjuj mokyklų mokslo darbai. – 1963. – № VIII. – С. 7–14.
3. Арефьева, Н. Г. Фразеология російських переселенських говірок Півдня України: лінгвокультурологічний та лексикографічний аспекти: дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.02 / Н. Г. Арефьева; ОНУ імені І. І. Мечникова; ДНУ імені О. Гончара. – Дніпро, 2021. – 695 с.
4. ФСРГО – Арефьева, Н. Г. Фразеологический словарь русских говоров Одесщины; под ред. Е. Н. Степанова / Н. Г. Арефьева. – Одесса: ОНУ имени И. И. Мечникова, 2020. – 236 с.
5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
6. СРГО – Словарь русских говоров Одесщины / ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник: в 2 т. – Одесса: Астро-Принт. – Т. I: А–О. – 2000. – 369 с.; Т. II: П–Я. – 2001. – 293 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
8. Болгарско-русский словарь / сост. С. Б. Бернштейн. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 768 с.
9. Баранник, Л. Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении: учебное пособие / Л. Ф. Баранник. – Одесса: ОНУ имени И. И. Мечникова, 2015. – 178 с.
10. ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: у 7 т. / уклад. Г. П. Півторак та ін. – К.: Наукова думка, 1982–2012. – Т. 1. – 1982. – 634 с.
11. Румынско-русский словарь / под ред. Б. А. Андрианова и Д. Е. Михальчи. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. – 976 с.
12. Словник українських говірок Одесщини / редкол.: О. І. Бондар (голов. ред.), Л. І. Хащенко (заст. голов. ред.) та ін. – Одеса: ОНУ імені І. І. Мечникова, 2011. – 222 с.
13. Картотека «Словаря русских говоров Одесщины». Рукопись. Кафедра общего и славянского языкознания ОНУ имени И. И. Мечникова, 1956–2018.
14. Усачева, Л. Я. К истории курского говора на территории Одесской области (Говор сел Вознесенки и Введенки Арцизского р-на): дис. ... канд. филол. наук / Л. Я. Усачева. – Одесса, 1955. – 282 с.
15. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ОЛМА «Медиа групп», 2010. – 1026 с.
16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1964–1973.
17. Даль, В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х томах / В. И. Даль. – М.: Художественная литература, 1984. – 399 с.
18. Степанов, С. М. Російське мовлення Одеси: монографія / С. М. Степанов. – Одеса: «Астропринт», 2004. – 496 с.

Abstract. The article deals with foreign language and cultural influence in the phraseology of Russian dialects of Odessa region. The facts of interlingual and intercultural – Slavic and non-Slavic – interaction are given. The author comes to conclusion about the most significant influence of the closely related Ukrainian language and its dialects on the phrasemics of Russian dialect speakers.

Keywords: Russian dialects of Odessa region, dialect phraseme, interlingual and intercultural contacts, foreign language influence, phraseological picture of the world.

А. Д. Бакина

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДУХОВНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ
ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы, касающиеся исследования фразеологии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Уделяется внимание актуализации духовного кода культуры в английской фразеологии на примере концепта «правда» / «truth». Анализируется специфика вербализации культурного кода устойчивыми воспроизводимыми средствами языка. Выявляются и анализируются лексемы и фразеологизмы, актуализирующие духовный культурный код.

Ключевые слова: коды культуры, духовный код культуры, концепт, фразеология, фразеологическая картина мира, репрезентанты.

Рассмотрение концепта как речемыслительной единицы, которая формируется в сознании человека под влиянием многих факторов, отражено в трудах современных лингвистов, таких как Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина. Несмотря на то, что в современном языкознании существует множество определений понятия и трактовок термина *концепт*, в целом ученые сходятся во мнении, что «концепт является одной из основных оперативных единиц мышления и познания» [1, с. 14].

Преобладающая часть современных исследователей наиболее важным в понимании феномена *концепт* считает, что концепт заключает в себе отпечаток культуры. Важно понимать, что концепт представляет собой в первую очередь «единицу коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям)». Это единица, «имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурной спецификой. Это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих реализаций» [2, с. 102].

В. И. Карасик определяет культурный концепт как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная сторона» [3, с. 91]. Важным свойством концепта является высокая степень его абстрактности, на которую, в частности, указывает В. В. Красных, определяющая концепт как «максимально абстрагированную идею *культурного предмета*, не имеющего визуального прототипического образа», «своего рода свернутый глубинный “смысл” предмета» [4, с. 272].

Нематериальная, абстрактная сущность концепта подразумевает, с одной стороны, его вариативную, нефиксированную реализацию. К примеру, лингвистический состав определенного концепта зависит от конкретного материала исследования и методики, применяемой автором исследования. В то же время отметим, что концепт имеет материально выраженные, конкретные единицы языка, которые репрезентируют его в речи, разворачивая его в плоскости данного контекста, но при этом базовой, отправной точкой можно считать его так называемое понятийное ядро.

Таким образом, в определение понятия «концепт» следует включить такие характеристики, как отнесенность к ментальной сфере человека, связь с национальной культурой, дискретность, лингвистическое (вербальное) выражение.

Концепт является составляющей культурного кода. Данный тезис достаточно развернуто поясняется в работе А. В. Папшевой. Автор указывает, что «система концептов лингвокультуры (концептосфера) представляется как лингвокультурный код; концепты, десигнируемые языковыми единицами, выступают как знаки – единицы лингвокультурного кода» [5, с. 492].

Интенсивная разработка современными культурологами, лингвистами, антропологами и историками вопросов, связанных с взаимодействием исторической, обще-

ственной и других сфер жизни с ментально-словесной, привела к появлению большого количества работ, в которых освещаются различные аспекты таких феноменов, как *концепт* и *культурный код* (см., напр., [6; 7; 8; 9]).

Важным вопросом является уяснение того, единицы какого типа следует считать собственно репрезентантами культурно-духовного кода. В. А. Маслова указывает, что «национально-культурная информация, заложенная в национальном языке, часто не лежит на поверхности, она «закодирована» в семантике слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе...» [9, с. 79]. То есть элементы культурного кода могут носить разноуровневый характер.

Т. Ю. Васильева анализирует особенности объективации духовного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья. Ученый пишет о том, что духовный код культуры составляют «нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры... Все другие коды культуры встраиваются в систему кода духовного, представляющего собой абстракцию, которая возникает в результате многократного наложения одного кода культуры на другой». При этом ученый указывает на важные моменты, которые являются краеугольными в подобном исследовании лексики. Такие единицы могут выражать опосредованную связь с верованием (напр., православием при анализе русскоязычных единиц, протестантством, католичеством и др. при анализе англоязычных номинаций, формирующих культурный код); также сюда могут относиться единицы, выражающие такие базовые оппозиции культуры, как «добро – зло», «хорошо – плохо», «плюс – минус» [10, с. 96]. Причислим сюда же и оппозицию, имеющую важное для духовного пространства значение – «истина / ложь».

Понятийная сфера «истина» в русском и английском языках различается. Так, в русском языке под «истиной», согласно толковым словарям, понимается «то, что соответствует действительности; “правда”, “утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом”, “нравственный идеал”, а также философский феномен (“верное отражение в сознании человека того, что есть в объективной действительности”))» [11, с. 403].

Таким образом, в русском языке согласно семантической структуре слова *истина* данное понятие распространяется на следующие предметы и явления: 1) *правда (общеизвестный факт, объективная реальность)*; 2) *научное понятие*; 3) *проявление божественной воли / силы*.

В английском языке отмечается больше значений у данной единицы: 1) *Conformity to fact or actuality*; 2) *A statement proven to be or accepted as true*; 3) *Sincerity; integrity*; 4) *Fidelity to an original or a standard*; 5) *Reality; actuality*; 6) *Truth. (Christian)*. Общими с русским языком являются первые два значения: «соответствие факту или действительности» и «утверждение, которое доказано или признано верным». Интересно, что в английском языке выделяется собственно религиозное значение, связанное с христианством: «*правда*» (*христ.*). В английском языке выделяются также значения «*искренность; честность*», «*верность оригиналу или стандарту*», «*реальность; актуальность*» [12]. Согласно другим словарям английского языка, данная единица имеет три значения: «*правдивость суждения*», «*реальный факт*», «*научный факт, тезис*» [13].

Интересно, что в русском языке понятие *правды* двойственно. Как указывает исследователь Н. В. Куражева, опираясь на работы по изучению концептов В. А. Масловой, «классическая категория *истина* заземлившись, превратилась в *правду*, поскольку русская мысль испытывает нелюбовь ко всякого рода абстракциям (по сравнению с западным мышлением)... Ключевым словом русской культуры становится ПРАВДА. Она живет в мире человеческой жизни, а истина – в абстрактном мире. Правда разделяется в русском языковом сознании на высшую правду – ИСТИНУ, и земную – ПРАВДУ» [14, с. 50].

Выявим лексические репрезентанты концепта «истина» / «truth». В русском языке нами обнаруживаются два ключевых слова, которые являются репрезентантами ядерной зоны. К приядерной части можно отнести дериваты от данных единиц. Рассмотрим их:

Существительное	истина, истинное, истинность
Прилагательное	истинный
Глагол	–
Наречие	истинно, воистину, поистине

В английском [13] языке обнаруживаем следующие номинации (в словообразовательном гнезде *truth*):

Существительное	<i>truthfulness</i> (правдивость, верность, правильность, точность), <i>truthiness</i> (правдоподобие = нечто, похожее на действительность, но не соответствующее фактам); (правдоподобность), <i>truism</i> (прописная истина)
Прилагательное	<i>truthful</i> (правдивый)
Глагол	–
Наречие	<i>truthfully</i> (правдиво, искренне)

В русском языке синонимичными единицами для слова *истина* являются следующие: *правда*, *аксиома*.

Каждое из значений слова *truth* в английском языке, согласно толковому словарю, обладает собственными синонимами. Рассмотрим их:

1) «утверждение»: *veracity*, *truthfulness* (правдивость), *verity* (правда), *sincerity* (искренность), *candor* (откровенность), *honesty* (честность), *accuracy*, *correctness*, *validity*, *factuality*, *authenticity* (достоверность);

2) «реальная действительность, факт» (*what actually happened*): *the gospel* (правда), *the honest truth* (чистая правда, истинная правда), *fact(s)* (факты), *reality* (реальность, действительность), *actuality* (актуальность);

3) научный факт (*scientific truths*): *fact* (факт), *verity* (правда), *certainty*, *certitude* (уверенность); *law* (закон), *principle* (принцип) [13].

В другом толковом словаре английского языка для всех значений слова *truth*: 1. Истина о чем-либо (факты, а не то, что выдуманно); 2. Истина – это то, что считается правдой. Почти универсальная истина и др.) приводится лишь один синоним *to be honest* [13].

Для прилагательного *истинный* синонимическими являются следующие: *верный*, *правдивый*, *настоящий*, *подлинный*, *точный*; *бесспорный*, *неоспоримый*, *неопровержимый*, *непреложный*, *непререкаемый*, *несомненный*, *признанный*, *доказанный* [15, с. 148].

Интересно, что у прилагательного *truthful* (правдивый) в английском языке не так много синонимических единиц. Это следующие синонимы:

good (хороший, честный, настоящий),
honest (честный, настоящий),
reputable (почтенный, уважаемый, достойный уважения),
veracious (правдивый, говорящий правду, достоверный).

Словарь синонимов автора И. И. Литвинова дает еще несколько синонимических адъективов для прилагательного *truthful* (правдивый): *true* (верный), *honest* (честный), *correct* (правильный), *accurate* (точный), *reliable* (надежный), *authentic* (подлинный) [15, с. 117]. Кроме того, в словаре дается следующий перечень единиц: *truth*, *facts*, *reality*, *truthfulness*, *trueness*, *veracity*, *verity*, *reliability*, *authenticity*, *trustworthiness*, *accuracy*, *exactness* [15, с. 321]. Данные единицы можно отнести к приядерной зоне концепта.

Итак, мы можем видеть, с одной стороны, общие моменты в структуре исследуемого концепта двух языков, с другой стороны, различие структуры русско- и англоязычного концепта «истина».

Фразеологические репрезентации концепта «истина» / «truth» в русском и английском языках включают как ценностно общие компоненты, так и дифферентные. Среди компонентов структуры концепта «истина» / «truth» в русском и английском языках, которые относим к общим, можно назвать:

– обожествление истины, ее связь с высшими силами:

Русский язык

Божественная истина
(истинная правда, сущая правда)
Выложить всю правду
Святая правда
Высшая истина
(Не) (по)грешить против истины

Английский язык

God's truth

Tell the truth and shame the devil
Holy Truth
Supreme Truth, highest truth
–

– ничем не прикрытый, не испорченный вид:

Русский язык

Голая правда

Английский язык

The naked truth

Однако в одном случае мы имеем дело с лексемой *истина* (божественный образ, возвышенный), а в другом случае, когда речь идет о земном образе «истины», употреблено слово *правда*. Она имеет связь с телесной природой (прилагательное *голый* имеет значение 'неприкрытое одеждой тело').

Кроме того, правда в обоих языках мнится как «горькая на вкус»:

Русский язык

Горькая правда

Английский язык

The bitter truth

В русском языке в данном случае (прилагательное в составе словосочетания имеет отношение к физиологии) также зафиксировано слово *правда* (не *истина*).

В русском языке выделяется также ряд фразеологических единиц, в которых говорится о высшей, абсолютной истине, не подлежащей оспариванию, опровержению и т. п.: *непреложная истина, непрекаемая истина, истина в последней инстанции*.

Любопытным представляется образ младенца, который ассоциирован в сознании русскоязычных представителей культуры с истиной в библейском фразеологизме *устаи младенца глаголет истина*.

Кроме того, в русскоязычной культуре истина ассоциируется с образом «дороги», «пути». В частности, выделяем ряд фразеологических сочетаний: *направить на путь истины, наставить на путь истины, сойти с пути истины, расходиться с истиной*.

Во фразеологии английского языка, к примеру, отмечаем интересные образы, связанные с культурой США, сравн. выражение *Sunday-school truth*, которое отсылает к такому феномену, имевшему место в США, как воскресная школа. Sunday school – a) a school for the religious instruction of children on Sundays, usually held in a church hall and formerly also providing secular education; это школа для религиозного обучения детей по воскресеньям, проводившаяся обычно в церковном зале и ранее дававшая также светское образование.

Интересным является также то, что в англоязычной культуре «истина» мыслится как находящаяся где-то в водной стихии, сравн. выражения: *truth lies at the bottom of a well* (ищи правду на дне морском), *truth will out* (рано или поздно правда выйдет наружу; ≈ шила в мешке не утаишь).

Таким образом, заключаем, что современные лингвокогнитивные исследования призваны «пролить свет» на различные аспекты языковедческой науки, в этом отношении фразеология предоставляет неограниченные возможности изучения и анализа вербализации духовного

кода культуры. Как видно из представленного анализа, компоненты духовного культурного кода лингвосфер английского и русского языка в одних случаях уникальны, а в других имеют аналоги. Исследование каждого случая представляет особый интерес и способствует продвижению лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований в современной лингвистике.

Список использованных источников

1. Федулова, М. Н. Понятие «концепт» в когнитивных, семиологических и дискурсивных исследованиях / М. Н. Федулова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 3. – С. 13–21.
2. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Т. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. факультет МГУ, 1996. – 245 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Красных, В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
5. Папшева, А. В. Применение категории «код» в лингвокультурологии / А. В. Папшева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т.12. – №3(2). – С. 492–494.
6. Абакумова, О. Б. Культурные коды в английских пословицах о правде / О. Б. Абакумова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2015. – С. 319–323.
7. Агиенко, М. И. Структуры концептов правда, истина, truth в сопоставительном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. И. Агиенко ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
8. Ильясова, З. К. Особенности выражения культурных кодов (на материале духовной культуры народов Дагестана) / З. К. Ильясова // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №7(63). – С. 46–50.
9. Маслова, В. А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры / В. А. Маслова // Лингвистика. – 2010. – №2(20). – С. 19–30.
10. Васильева, Т. Ю. Особенности объективации духовного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья / Т. Ю. Васильева // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12–1. – С. 95–98.
11. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
12. American Heritage Dictionary Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ahdictionary.com>. – Дата доступа : 15.08.2022.
13. АBBYU Lingvo Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.lingvolive.com/ru-ru>. – Дата доступа : 15.08.2022.
14. Куражева, Н. В. Концепты «истина» и «правда» в когнитивной лингвистике: философские текстологические наблюдения / Н. В. Куражева, М. И. Панфилова // Поиск истины в пространстве современной культуры : сборник научных статей / под ред. О. Д. Маслобоевой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 45–53.
15. Литвинов, П. П. Англо-русский и русско-английский синонимический словарь с тематической классификацией. Продвинутый английский через синонимию : учеб. пособие для самообразования / П. П. Литвинов. – М. : Яхонт-А, 2002. – 384 с.

Abstract. The article discusses the issues related to the study of phraseology in the aspects of linguocognitive and linguocultural approaches, as well as with attention to the actualization of the spiritual code of culture in the English phraseology. The author analyses the specificity of verbalisation of cultural code by stable reproducible means of language. The lexical and phraseological units, which represent the spiritual cultural code, are identified and analysed.

Keywords: cultural codes, spiritual code of culture, concept, phraseology, phraseological picture of the world, representants.

І. А. Бароўская

БЕЛАРУСКІЯ І РУСКІЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ З КАМПАНАНТАМ «ВОЧЫ» / «ГЛАЗА» Ў МІЖКУЛЬТУРНЫМ УЗАЕМАДЗЕЯННІ

Анатацыя. На матэрыяле беларускіх і рускіх фразеалагізмаў, парэмій у артыкуле даследуецца міжкультурнае ўзаемадзеянне, праводзяцца культурна-этнічныя рэаліі і адзначаюцца асаблівасці перакладу ўстойлівых выразаў пры беларускіх і рускіх камунікатыўных зносінах. Трапна ўжыты фразеалагізм надае мове непаўторную своеасаблівасць, адметную выразнасць, вобразнасць. Акрамя таго, гэтыя моўныя адзінкі выяўляюць глыбіню паэтычнага майстэрства пры стварэнні пэўных сітуацый або апісанні з'яў і дзеянняў.

Ключавыя словы: фразеалагізм, парэмія, лінгвакультурная інфармацыя, міжкультурнае ўзаемадзеянне, ўстойлівыя выразы.

Устойлівыя выразы з двух і больш слоў, якія існуюць у моўнай памяці і маюць пераноснае значэнне ўсім сваім складам, у мовазнаўстве называюць фразеалагізмамі. Ужо даволі працяглы час фразеалагізмы прыцягваюць да сябе ўвагу шматлікіх лінгвістаў.

Мэта нашага артыкула – вызначэнне пэўнай лінгвакультурнай інфармацыі, закладзенай у фразеалагічных адзінках беларускай і рускай моў. Цікаvasць выклікае пытанне міжкультурнага ўзаемадзеяння, адлюстравання нацыянальных своеасаблівасцей і пэўныя асаблівасці перакладу ўстойлівых выразаў. Аб'ектам даследавання выступаюць фразеалагічныя адзінкі з кампанентам «вочы» / «глаза».

Пры даследаванні беларускай песеннай лірыкі мы адзначалі раней, што шырокай разнастайнасцю выразных моўных сродкаў, якія дапамагаюць ствараць і яркава развіваць мастацкі вобраз, характарызуецца песенна-паэтычная творчасць беларускіх аўтараў. Адным з такіх сродкаў з'яўляецца фразеалагізм, які адлюстроўвае спосаб жыцця і характар народа, яго гісторыю, духоўнае жыццё, нацыянальныя звычаі, тэмперамент, этнічны быт і г. д. [1, с. 96].

Наша мова багатая на фразеалагізмы, што даказваюць нам і звычайныя моўныя адносіны, і творы мастацкай літаратуры. Так, вершы Купалы, Коласа, Багдановіча, Ставера, Русака, Гілевіча і многіх іншых, якія сталі песеннымі творамі, насычаны гэтымі моўнымі адзінкамі, што выяўляе глыбіню паэтычнага майстэрства пры стварэнні пэўных сітуацый або апісанні з'яў і дзеянняў [2, с. 103].

Пры даследаванні творчасці Янкі Купалы размоўныя фраземы *даюць дыхту, даюць жару* паказваюць, што паміж *даць* і *дыхту* няма сувязі, матывіроўка свайго вобразнага значэння была страчана: *Захапіўшы ў першай пары Янка Маньку, Юрка Раю, Даюць дыхту, Даюць жару* (“Вечарынка”).

Часам дасягненне экспрэсіўнага эфекту адбываецца за кошт перабудовы фразеалагічных кампанентаў, што, безумоўна, робіць радок незвычайным, а вобраз узмоцненым і яркавым: *За свабоду сваю Усёй душой настаю; У агонь у ваду Я за ёю пайду* (Я. Купала. “За свабоду сваю”). *У агонь у ваду* – трансфармаваны фразеалагізм *прайсці агонь, ваду і медныя трубы* са значэннем ‘шмат зведаць у жыцці, з поспехам пераадолець цяжкасці’. Фразеалагізм перадае антанімічныя адносіны і выражае значэнне ‘усюды’.

Правільна і да месца ўжыты фразеалагізм надае мове непаўторную своеасаблівасць, адметную выразнасць, трапнасць, вобразнасць. Фразеалагізмы разглядаюцца як знакі другаснай намінацыі, якія валодаюць вобразна-экспрэсіўным, абагульняючым, характарызуючым значэннем. Пры дапамозе фразеалагізмаў гаворачы перадае свае адносіны, эмоцыі да прадмета намінацыі. Эмацыянальнасць і ацэнка неразрыўна звязаны паміж сабой. Напрыклад, у паэме Я. Купалы “Курган” сустракаем наступнае: *Дрэмле*

памятка дзён, што ў нябыт уцяклі, Удзірванелы курган векавечны. Цікавая замена кампанента *адысці* (*адышлі ў нябыт*) на *ўцяклі*, што перадае паскораны, хуткаплынны бег часу.

Абапіраючыся на дасягненні беларускай літаратуры мінулых дзесяцігоддзяў, многія паэты значна пашырылі ў сваёй творчасці межы беларускай фразеалогіі, развілі і абагацілі стылістычныя функцыі фразеалагізмаў.

Пры выкладанні беларускай мовы ў медыцынскім універсітэце мы заўважылі, што ў студэнтаў узнікаюць пэўныя пытанні перакладу фразеалагізмаў беларускай і рускай моў. Таму ў нашым артыкуле мы паспрабавалі звярнуцца да пытання міжмоўнай камунікацыі і вырашылі прасачыць гэты працэс на прыкладзе фразеалагічных адзінак з кампанентам «вочы / глаза», прасачыць нацыянальна-спецыфічныя рэаліі.

Паміж мовай і культурай існуе моцная сувязь. Моўная ментальнасць ўздзейнічае на нацыянальна-культурную моўную спецыфіку. Безумоўна, нацыянальныя традыцыі ствараюць асобную сацыякультуру, адметнасці асаблівага беларускага мыслення, нацыянальнага характару, светапогляду, маральна-этычнага ўспрыняцця рэчаіснасці.

У свой час вядомы лінгвіст Э. Сепір сцвярджаў, што людзі ў значнай ступені знаходзяцца “пад уладай той канкрэтнай мовы, якая стала сродкам выражэння ў дадзеным грамадстве” [3, с. 14]. Такім чынам, рэальнасць носібітаў мовы будзеца найбольш несвядома на базе пэўных моўных звычак. Дзве розныя мовы ніколі не будуць падобнымі, каб у іх знаходзіць аднолькавыя сродкі выражэння для адной пэўнай рэаліі. Э. Сепір лічыў, што “сусветы, у якіх жывуць розныя грамадствы – гэта розныя сусветы, а не зусім адзін і той жа сусвет з рознымі ярлыкамі, якія на яго навешваюць” [3, с. 14].

Праз пераклады фразеалагізмаў заўважаюцца істотныя адрозненні, якія выкліканы асаблівасцямі культур і нацыянальных характарыстык кожнага народа. Наша народная традыцыя доўгі час змяшчала ў сваёй структуры рэчкі старажытнага светаўспрымання, наша паэзія і зараз выкарыстоўвае паэтыку народнай песні, а класічныя ўзоры становяцца па-сапраўднаму народнымі. Уся эвалюцыя беларускай мовы і літаратуры, культуры арыентуецца на лепшыя ўзоры фальклору, на народную традыцыю.

Унутраная форма фразеалагічных адзінак вызначаецца вобразнасцю, іншы раз метафарычнасцю, безумоўна, пэўны вобраз і становіцца правадніком паміж мовай і культурай.

Значэнне ‘вельмі моцна берагчы’ ілюструе ФА *беречь как зеницу ока*, ў беларускай мове перакладаецца як *пільнаваць як вока ў лобе // з вока не спускаць*. *Зеница* у стараславянскай мове абазначала *зрэнку*. Увогуле, вочы ў біблейскім разуменні абазначалі тое святло для цела, якое вядзе чалавека па жыццёвым шляху. Многія рэчы ў жыцці чалавечым патрабуюць асаблівай абароны, іх трэба ‘беречь внимательно, осторожно, как свои глаза’ [8, с. 17]. У Псалмах сустракаецца выказванне: *Храни меня, как зеницу ока*. Таму так шмат увагі надзяляецца менавіта вачам. Першы варыянт перакладу падобны структурна-граматычнай будоваю, і ў абедзвюх мовах прысутнічае структура *беречь как / пільнаваць як*. Аднак у беларускай мове прысутнічае яшчэ метафарызаваны варыянт *з вока не спускаць*.

Прастамоўнае значэнне, тоеснае адценне з пэўнай неадабральнай адзнакай ‘глядзець упарта, напружана’ (бел.) і ‘установіцца на кога-лібо шырока раскрытымі очамі’ (рус.) [9] мае ў рускай мове ФА *вытаращить глаза*. У беларускай мове адзначаем некалькі варыянтаў: *бэльмы вылуціць (вырачыць, выгаліць, паставіць, утаропіць) // вочы вырачыць // бэльмы выкаціць (вылуціць) // вочы ў лоб кульнуліся // вырачкі прадаваць // утаропіцца* [1, с. 42]. Безумоўна, неабходна заўважыць большую варыятыўнасць структурна-граматычнай будовы ў беларускай мове, калі мы назіраем падобную будову *бэльмы вылуціць, вочы вырачыць, бэльмы выкаціць*, але пры гэтым павялічана колькасць прастамоўных дзеясловаў *вырачыць, выгаліць, паставіць, утаропіць*. У ФА *вырачкі прадаваць* лексема *вырачкі* характэрна толькі для беларускай мовы і мае значэнне ‘пахучка (расліна)’ [6, с. 70].

У народзе існуе павер’е, што некаторыя людзі валодаюць чорнай энергіяй і могуць негатыўна ўздзейнічаць на людзей сваім поглядам. Таму у рускага народа для значэння ‘взгляд, причиняющий вред’ [8, с. 149] існуе фразеалагізм *дурной глаз*, а ў бе-

ларусаў назіраюцца варыяцыі: *паганья (нялюдскія, ліхія, кепскія) вочы // нядобры на вочы // лядашчыкава вока* [1, с. 56]. І зноў мы назіраем сінанімію лексем, у дадзеным выпадку – прыметнікаў з заніжаным, негатыўным адценнем значэння. Сустрэлася лексема *лядашчыкава*, семантыка якой не вядома ў рускай мове і раскрываецца ў Слоўніку Байкова М. Я., Некрашэвіча С. М.: *лядашчы* – ‘дранной, гадкий, негодный, хворый’ [6, с. 162].

Шлях ‘без канкрэтнага накірунку’ часта сустракаем у рускіх народных казках праз фразеалагізм *куда глаза глядят* (‘неизвестно куда’ [8, с. 206]), у беларускай мове ФА з такім значэннем мае наступныя варыянты, насычаныя метафарызацыяй кампанентаў і разнастайныя па сваёй структуры: *за вачыма // дзе вочы панясуць // у свет вочы // куды вочы павядуць* [1, с. 92].

Цікавым выступае фразеалагізм рускай мовы *видит око, да зуб неймет* [1, с. 28], калі размова ідзе ‘аб нечым недасягальным, чаго нельга атрымаць’ [7, с. 4], дзе заўважаем старажытную форму *око*. У беларускай мове з такім значэннем знаходзім наступныя варыянты: *хочацца, ды не даскочыцца // бачыць вока, ды ляжыць высока // смачны жабе арэх, ды зубоў Бог не даў // вочкі глядзяць, ды трасцы з’ядзяць // бачыць карова, што на павеці салома* [1, с. 28]. У пералічаных варыянтах чытаем беларускія словы *трасцы* і *павеці*, лексемы, характэрныя менавіта для беларусаў: *трасца* – ‘лихорадка, озноб’ [6, с. 314]; *павець* – ‘навес’ [6, с. 203]. Акрамя таго, прысутнічаюць анімалістычныя народныя вобразы *жаба – карова*.

Ёсць група ФА, якія адрозніваюцца сваім перакладам структурна, граматычна, калі ў рускім варыянце прысутнічае лексема *глаз*, а ў беларускай мове пры аднолькавай семантыцы фразеалагізма слова *вочы* не выкарыстоўваецца. Беларускія фразеалагізмы ствараюцца на вобразна-метафарычнай аснове. Так, фразеалагізм *не в бровь, а в глаз* са значэннем ‘вельмі трапна, без адхіленняў, дакладна’ [8, с. 233] у беларусаў выкарыстоўваецца у наступных варыянтах: *сказаў як звязаў (як уцяў, як у сук уляпіў) // секануў як крапіваю* [1, с. 119]. Дзеясловы *уцяў, уляпіў* са значэннем ‘ударыць, стукнуць’ [10, с. 296] маюць розную стылістычную афарбоўку і ствараюць варыятыўныя фразеалагічныя адзінкі, якія па стуктуры з’яўляюцца параўнаннямі са злучнікам *як*.

Пры даследаванні перакладу фразеалагізмаў увесь час сустракаемся з момантамі, калі кожная культура па-свойму бачыць пэўную сітуацыю. Так, народна-гумарыстычнае значэнне ‘бяздзейна назіраць, лайдачыць’ у рускай мове прадстаўлена ФА *продавать глаза* [7], для беларусаў характэрны трапныя выказванні і звароты *ветрам гандляваць // вераб’ям фігі даваць (дулі паказваць)* [1, с. 170].

Яскравы варыянт рускага фразеалагізма *нет стыда в глазах* (‘страціць пачуццё сорама, сумлення’) [7] сустракаем у беларускай культуры: *у сабакі вачэй пазычыўшы // сорама як таму цюцьку // сорама як у пеўня мяса на шпорах* [1, с. 130]. Не перастаеш здзіўляцца, з якім гумарам стваралі на Беларусі фразеалагізмы, а галоўнае, як трапна выведзены вобраз праз пэўныя вобразныя асацыяцыі з улікам анімалістычных поглядаў (*сабака – цюцька – певень*).

Парэмія *в чужом глазу соринку видит, а в своем бревна не замечает* [7] мае вядомае значэнне ‘бачыць дробныя недахопы ў іншых і не заўважаць вялікія заганы ў сябе’. Беларусы скажуць: *чужыя грахі перад вачыма, а свае за плячыма // чужое бачыць пад лесам, а свайго не бачыць і пад носам // свайго горба ніхто не бачыць* [1, с. 24]. У рускай мове сустрэўся яшчэ варыятыўны выраз з такім жа значэннем: *чужие пороки у нас на глазах, а свои – за спиной*. Карані яго знаходзяцца яшчэ ў старажытнай латыні: *aliena vitia in oculis habemus, at ergo nostra sunt*. У большасці пералічаных варыянтаў адзначаюцца антанімічныя адносіны, пры гэтым кампаненты, якія надаюць парэміі супрацьлеглае значэнне, не толькі з’яўляюцца лексічнымі антонімамі тыпу *чужом – своем; чужыя (чужое) – свае (свайго)*, але і могуць атрымліваць супрацьлеглае значэнне толькі ў кантэксце парэміі, напрыклад: *соринку – бревна; перад вачыма – за плячыма; пад лесам – пад носам*. Парэмія *свайго горба ніхто не бачыць* заснавана на вобразна-

метафарычным уяўленні дадзенага значэння, што, як ужо адзначалася, характэрна для беларускай фразеалогіі.

Група некаторых фразеалагізмаў падобная па структуры ў абедзвюх мовах: *во все глаза – на ўсе вочы; глаз не сомкнуть – вачэй не злажыць; отводит глаза – адводзіць вочы* і іншыя. Сустрэліся таксама фразеалагізмы тыпу *своими глазами – на свае вочы; на моих глазах – у мае вочы* падобныя па семантыцы і структуры, але розныя моманты сінтаксічнага кіравання ў беларускай і рускай мовах даюць пэўныя адрозненні.

Неабходна адзначыць, што асобныя фразеалагізмы, парэміі пры перакладзе маюць адрозныя лексемы, што стварае пэўны, своеасаблівы малюнак у кожнай мове: *пускать пыль в глаза – туманіць вочы // сыпаць жвір у вочы (пыль / туман / жвір); дел по горло – работы на вушы (горло / вушы)*.

Фразеалагізм *не верь глазам своим* (крылаты гумарыстычна-іранічны выраз-парада) ‘крытычна адносіцца да чужых слоў’ – *як не верыш вачам, то памацай сам // пажар тушы знізу, на рэчы глядзі зблізу* [1, с. 120]. У беларускім варыянце мала верыць на вочы, неабходна яшчэ дакрануцца рукамі. Акрамя таго, у беларускага народа прысутнічае жыццёва-павучальная сентэнцыя аб тым, што пажар трэба тушыць знізу.

Такім чынам, прааналізаваныя прыклады даюць падставу разважаць аб шматбаковасці беларускай фразеалагічнай сістэмы, якая сваімі каранямі глыбока суадносіцца з культурна-этнічным кодам беларусаў, рэаліямі беларускага жыцця і культуры. Невялікі пласт фразеалагічных адзінак у пэўнай ступені падобны с рускімі фразеалагічнымі адзінкамі і парэміямі, што ўзыходзіць яшчэ да старажытных часоў, але ў большай колькасці беларускія фразеалагізмы адрозніваюцца сваёй спецыфікай, арыгінальнасцю і даюць падставы глыбей авалодваць лінгвакультурнай інфармацыяй пры разглядзе дадзеных адзінак.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. 2000 русских и 2000 белорусских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний (Словарь с пояснениями и примерами использования) / авт.-сост. Е. Л. Боярина, В. Н. Сивчиков. – Минск : «Попурри», 2006. – 352 с.
2. Янкоўскі, Ф. Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф. Янкоўскі ; рэд. М. Яўневіч, А. Баханькоў. – Мінск : “Вышэйшая школа”, 1968. – 451 с.
3. Бароўская, І. А. Моўныя сродкі выражэння ў песеннай лірыцы Янкі Купалы / І. А. Бароўская // Весці Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны. – 2000. – № 2 (25) Беларуская мова. – С. 101–107.
4. Бароўская, І. А. Вытокі беларускай песеннай лірыкі / І. А. Бароўская // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2001. – № 5 (22). – С. 96–99.
5. Опарина, Е. О. Эдвард Сепир / Американские лингвисты XX века / Языкознание и литературоведение / Е. О. Опарина. – 2001.
6. Байкоў, М. Я. Беларуска-расійскі слоўнік / Факсімільнае выданне / М. Я. Байкоў, С. М. Некрашэвіч. – Мінск : “Народная асвета”, 1993. – 360 с.
7. Малы расійска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем [Электронный ресурс]. – Режим доступа : late.academic.ru / Словари и энциклопедии на Академике / slounik.org/. – Дата доступа : 30.08.2022.
8. Ларионова, Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю. А. Ларионова. – М. : Аделант, 2014. – 512 с.
9. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А. И. Федоров. – М. : Астрель АСТ, 2008. – Режим доступа : phraseology.academic.ru. – Дата доступа : 30.08.2022.
10. Большой белорусско-русский, русско-белорусский словарь / авт.-сост. А. Н. Булыко, Х. П. Булыко, Н. В. Полещук. – 2-е изд. – Минск : «Попурри», 2013. – 624 с.

Abstract. Russian and Belarusian phraseological units, pareomias are used in the article to study cross-cultural interaction, cultural and ethnic realities are drawn and the peculiarities of the translation of set expressions in the Belarusian-Russian communicative relations are noted. Appropri-

ately used phraseologism gives the language a unique feature, distinctive expressiveness, imagery. In addition these linguistic units show the depth of poetic skills in creating particular situations or describing phenomena and actions.

Keywords: phraseologism, paremia, linguocultural information, cross-cultural interaction, set expressions.

УДК 811.161.1'22'243'374

О. Н. Валуева

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ В ИННОВАЦИОННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫМ ОБУЧАЮЩИМСЯ: ТЕХНОЛОГИЯ БУКТРЕЙЛЕР

Аннотация. В статье показаны возможности использования технологии буктрейлер при работе с паремиологическим словарем в иноязычной аудитории. На материале паремиологического словаря-путеводителя иностранные студенты обучаются созданию буктрейлера, осваивая при этом функционально-семантические особенности, культурный фон паремий и страноведческий материал, представленный в тексте-комментарии.

Ключевые слова: паремиология, лексикография, паремиологический словарь, словарная статья, технология буктрейлер.

Современное молодое поколение нацелено на саморазвитие и самовоспитание. Отсюда – повышение интереса к научно-познавательной литературе, в том числе к инновационным лексикографическим источникам, доступно описывающим сложные понятия или образные, культурологически маркированные языковые единицы, например, пословицы и поговорки.

Использовать такие источники целесообразно и при обучении иностранцев, для которых незнание русской культуры, истории и обычаев осложняют освоение паремиологического материала. Словари пословиц и поговорок помогут им в этом, поэтому важно познакомить иностранных студентов с такими словарями. Представим нашу концепцию инновационной репрезентации паремиографического источника иностранным студентам на примере разработанного в Экспериментальной лексикографической лаборатории ПсковГУ словаря-путеводителя «Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками» [1].

После выбора книги мы задались вопросом, как презентовать ее содержание учащимся в простой и понятной форме. На сегодняшний день немногие технологии могут эффективно демонстрировать научно-познавательную книгу. В ходе анализа научно-методической литературы мы пришли к выводу, что буктрейлер выгодно выделяется среди других инновационных технологий, так как является «самобытным жанром, объединяющим литературу, визуальное искусство и Интернет» [2, с. 212]. Буктрейлер – это небольшой видеоролик, который включает в себя ключевые и интересные моменты книги, визуализируя ее содержание [3, с. 68].

Данная технология рассматривается в настоящее время как средство демонстрации исключительно художественной литературы. Для раскрытия содержания научно-познавательной книги буктрейлер практически не используется. Поэтому цель нашего исследования заключалась в теоретическом обосновании научно-познавательного буктрейлинга на словарном материале и практическая реализация концепции. Поскольку наши иностранные студенты – это будущие преподаватели русского языка, мы поставили задачу не только репрезентации им паремиографического материала в формате буктрейлер, но и формирования у них умения создавать буктрейлер по научно-познавательной книге (паремиологическому словарю), что может пригодиться им в практике преподавания русского языка у себя на родине.

В ходе серии внеаудиторных занятий студентам были представлены особенности технологии буктрейлер: виды создаваемых видеороликов (игровой, неигровой, анимационный) [4, с. 147]; структура буктрейлера и специфика каждой из его частей: во

вводной части содержится информация, которая должна привлечь внимание обучающегося; основная часть представляет собой монолог, соответствующий языковой подготовке иностранного читателя и сопровождающийся цитатами, слайдами, иллюстрациями из книги; завершающая часть буктрейлера содержит выходные данные книги [5, с. 44]. Был подчеркнут поликодовый характер технологии, которая хороша тем, что состоит одновременно из вербальных, визуальных и методических элементов, что позволяет в нашем случае наглядно представить культурный фон паремии, а в технологическом плане сформировать у обучающихся навыки составления презентации [6, с. 483]. Важна и вариативность стилового оформления буктрейлера. Данная технология очень мобильна с точки зрения передачи исходного текста книги, то есть позволяет создавать авторскую концепцию ее интерпретации [7, с. 309].

На констатирующем этапе экспериментального обучения мы выявили уровень владения языковым материалом паремиологического словаря и сформированность умения создавать буктрейлер у иностранных обучающихся. По итогу констатирующего среза были получены следующие результаты: 6% студентов от общей численности экспериментальной группы получили оценку «хорошо», 82% – получили оценку «удовлетворительно», результаты работы остальных обучающихся (12% от общего числа обучающихся) оказались неудовлетворительными.

На формирующем этапе эксперимента по книге «Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками» Е. И. Роголевой, Т. Г. Никитиной [1] в экспериментальной группе обучающихся было проведено пять занятий с использованием видео-материалов: Видеоролик № 1. «Первое знакомство читателя с научно-познавательной книгой (паремиологическим словарем)»; Видеоролик № 2. «Авторы и структура словаря». Видеоролик № 3. «Рубрики (главы) паремиологического словаря». Видеоролик № 4. «Структура словарной статьи».

При первом знакомстве читателя с паремиологическим словарем виртуальный преподаватель в кадре показал, как можно интересно представить книгу в самом общем виде, дать возможность обучающимся рассмотреть обложку, соотнести ее дизайнерское решение с названием словаря.

Рисунок 1 – Фрагмент видеоролика № 1 «Первое знакомство читателя с научно-познавательной книгой (паремиологическим словарем)»

Видеоролик № 2 «Авторы и структура словаря» представляет различные варианты показа параметров, указанные в названии ролика.

Об авторах и структуре паремииологического словаря в кадре рассказывает реальный человек (библиотекарь-преподаватель), благодаря его присутствию у зрителя создается ощущение реального общения, что усиливает мотивацию к прочтению книги.

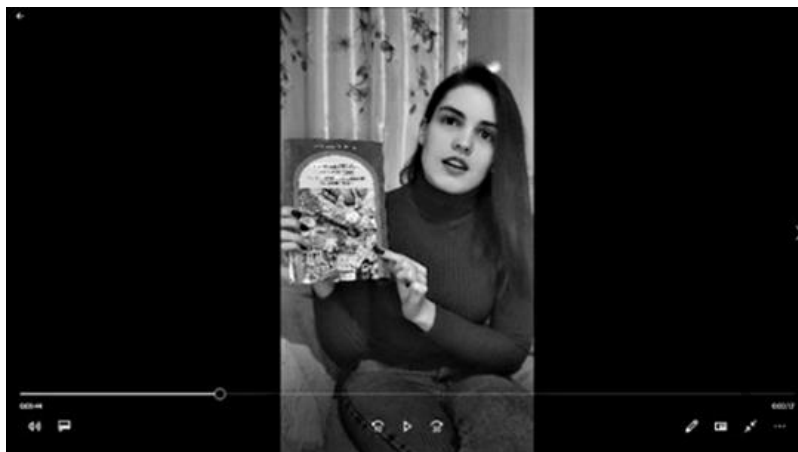

Рисунок 2 – Фрагмент видеоролика № 2 «Авторы и структура словаря»

Видеоролик № 3 представляет главы словаря. В этом видео мы пытались добиться видеоэффекта: будто бы зритель сам перелистывает страницы, изучая словарь. По названиям глав (рубрик) читатель узнает, с какими пословицами он встретится в словаре и какие регионы России при этом «посетит» (пословицы в словаре-путеводителе представлены на фоне различных российских достопримечательностей, природных зон, встреч с интересными людьми и т. п.).

Видеоролик № 4 «Структура словарной статьи» включает в себя обзор параметрических зон статьи – заголовочная паремия, ее значение, комментарии к ситуациям употребления, этимологическая справка и лингвострановедческий текст, который представляет читателю употребление паремии и страноведческую информацию. Все это – объемный материал основной части буктрейлера. Важно, чтобы обучающийся не только заинтересовался словарем и захотел его прочитать, но и понял учебный материал, продемонстрированный в данной части видеоролика. Поэтому анализ словарной статьи должен быть не только интересным, но и доступным.

Рисунок 3 – Фрагмент видеоролика № 4 «Структура словарной статьи»

Виртуальный персонаж-преподаватель объясняет, что означает пословица, когда и с какой целью употребляется, раскрывает культурный фон паремии, историю ее происхождения. Поскольку нашим источником был словарь-путеводитель, то для демонстрации страноведческого материала мы использовали видеоряд: регионы и города, о которых идет речь в словарной статье.

В конце формирующего этапа эксперимента студентам было предложено творческое задание, которое заключалось в создании собственного буктрейлера по одной из глав словаря-путеводителя. Видео должно было соответствовать всем характеристикам буктрейлера, а содержательная сторона и язык изложения оценивались на предмет доступности и занимательности, позволяющей заинтересовать и увлечь читателя.

Подведя итоги контрольного этапа эксперимента, мы пришли к выводу, что уровень сформированности умения создавать буктрейлер на научно-познавательную книгу вырос. 24% студентов от общего числа группы получили оценку «отлично». На оценку «удовлетворительно» выполнили работы 36% обучающихся от общей численности (на констатирующем этапе их было 82%). Средний уровень показали 40% обучающихся от общего числа студентов (оценка «хорошо»). Данные показывают о положительной динамике формирования умения создавать буктрейлер по научно-познавательной книге (паремиологическому словарю).

Таким образом, цель нашего исследования была достигнута: иностранные бакалавры освоили возможности использования технологии буктрейлер, которая помогает наглядно и просто демонстрировать структуру лексикографического источника и особенности представленного в нем языкового материала.

Список использованных источников

1. Роголёва, Е. И. Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками : пособие по русскому языку для иностранных учащихся / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. – М. : Русский язык : Курсы, 2020. – 136 с.
2. Яхина, Д. И. Буктрейлеры в практике обучения русскому языку как иностранному / Д. И. Яхина // Современные наука и образование: Достижения и перспективы развития : мат-лы национальной науч.-практ. конференции. – Керчь : ФГБОУ ВО «КГМУ», 2021. – С. 211–215.
3. Шевцова, Н. В. Коммуникативная функция буктрейлеров к произведениям классической литературы / Н. В. Шевцова // Челябинский гуманитарий. – 2021. – № 3 (20). – С. 68–74.
4. Щербинина, Ю. В. Смотреть нельзя читать. Буктрейлерство как издательская стратегия в современной России / Ю. В. Щербинина // Вопросы литературы. – 2012. – № 3. – С. 146–165.
5. Якина, Л. Н. Буктрейлер культурное явление? / Л. Н. Якина // Человек в мире культуры. – 2014. – № 1. – С. 42–45.
6. Щукин, А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном / А. Н. Щукин. – М. : Русский язык, 2015. – 784 с.
7. Лешутина, И. А. Буктрейлер как технология обучения чтению иностранных студентов на занятиях РКИ / И. А. Лешутина, Н. А. Алкснит // Гуманитарные технологии в современном мире : сборник статей VIII межд. науч.-практ. конф. : в 2-х ч. – Ч. 1. – М. : РА Полиграфычъ, 2020. – С. 304–310.

Abstract. The article shows the possibilities of using booktrailer technology when working with a paremiological dictionary in a foreign language audience. Using the material of the paremiological dictionary-guidebook, foreign students learn to compose a booktrailer, while mastering the functional and semantic features, the cultural background of proverbs and the local history material presented in the comment-text.

Keywords: paremiology, lexicography, paremiological dictionary, dictionary entry, technology booktrailer.

Т. В. Володина, В. М. Мокиенко

МИКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В РУССКО-БЕЛОРУССКИХ СЛОВАРЯХ СРАВНЕНИЙ (ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИИ)

Аннотация. Статья посвящена компаративной фразеологии русского и белорусского языков. Авторы опираются на собственный опыт описания таких устойчивых словосочетаний в «Большом словаре русских сравнений» (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина 2008), «Слоўніку беларускіх народных параўнанняў» (Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей 2011) и «Русско-белорусском словаре сравнений» (Т. В. Володина, В. М. Мокиенко 2018). Богатый диалектный материал двух родственных языков позволяет объективно охарактеризовать как образную и аксиологическую общность устойчивых сравнений, так и различия, отражающие национальную специфику в каждом из языков. Объектом сопоставительного анализа являются устойчивые сравнения с компонентом «гриб».

Ключевые слова: восточнославянская фразеология, устойчивые сравнения белорусского и русского языков, фразеология, аксиология, национальная специфика компаративных оборотов.

Известна любовь к сбору и поеданию грибов у славян – особенно у восточных и поляков. Естественно, что эта любовь ярко и многоаспектно отражена в их языках, особенно – в малом фольклоре. Пословицы, поговорки, загадки по-разному, но весьма положительно характеризуют микологический мир, хорошо знакомый нам, славянам, с детства, и воспетый не только фольклористами и этнографами, но и писателями и поэтами. Один из фрагментов этого мира запечатлен в устойчивых народных сравнениях. С точки зрения «грибной картинности» бросается в глаза достаточно «зеркальная» отраженность (как количественная, так и качественная) лексемы «гриб» и ее коннотаций в разных славянских языках в зависимости от оценки этого растения у соответствующих народов. Характерны в этом отношении межславянские параллели, представленные в многоязычном словаре славянских сравнений под редакцией Ж. Финк в двух словарных статьях с хорватским компонентом *gljiva* 'гриб' (Fink-Arsovski 2006, 57 [1]):

ima čega kao ludih gljiva. Ima čega u velikom broju, ima čega u izobilju

словен. *je česa kot toče (smeti)*

макед. *има нешто као плевел (коров)*

болг. *има нешто като гъби след дъжд*

укр. *має чого як гнилих груш, має чого як грибів після дощу*

рус. *как грибов после дождя чего*

пол. *jest czegoś jak grzybów po deszczu*

чеш. *je něčeho jako hub po dešti*

словацк. *je čoho ako tuku (smeti)*

nicati (rasti) kao gljive <poslije kiše>. Izenada se pojavlljivati u velikom broju

словен. *rasti kot gobe po dežju*

макед. *никнуваат (растат) като печурки <после дъжд>*

болг. *никна (раста) като гъби <след дъжд>*

укр. *рости як гриби після дощу*

рус. *расти (вырастать) как грибы после дождя*

пол. *wyrastać (rosnąć) jak grzyby po deszczu*

чеш. *růst jako houby po dešti*

словацк. *rásť ako huby po daždi*

Белорусский материал в этом многоязычном словаре отсутствует, но в своем «Українсько-білорусько-болгарсько-польський словник порівнянь» эту лакуну в какой-

то мере на уровне литературных языков восполнила О. Левченко (2012) [2]. Для нас же, составителей «Русско-белорусского словаря сравнений» (Володина, Мокиенко 2018, 162) [3] это тоже в какой-то мере стало стимулом. И, разумеется, соответствующая «грибная пара» в нем представлена:

расти как грибы. О быстро и во множестве рождающихся у кого-л. детях. Зимин, Спирин 1996, 255, 485.

= расці як грыбы. НН, 474.

расти (вырастать, появляться, плодиться, рождаться) как грибы [после дождя]. Разг., Волгогр. О чем-л. растущем, множащемся, увеличивающемся очень быстро и в большом количестве. Зимин, Спирин 1996, 485; Глухов 1987.

= расці як грыбы. НН, 474; расці як рыжок. Серж., 1999, 40; ~ расці як брыднік у лесе. Брыднік – зараснік. Кузьмічы Люб. СБГПЗБ 1, 225; ~ расці як на дражджах. Мядз. ФА.

расти как грибки. Прост. О быстро и без болезней, крепкими растущих детях. ДП, 383; Мих., 741.

= расці як грыбы. НН, 474.

Как видим, в ряду белорусских эквивалентов к сравнению *расти как грибы* представлена даже детализация микологического наименования: множество манифестируется не только сравнением с «грибами вообще», но и с их конкретной разновидностью – пластинчатым «рыжиком».

Составляя словари устойчивых сравнений белорусского и русского языков, мы не могли не обратить особого внимания на этот столь важный фрагмент сходной для них картины растительного мира, выявляя как общие, так и различные аксиологические характеристики этих представителей флоры в зеркале компаративов.

Учитывая сходство природных ландшафтов Беларуси и России и генетическую близость наших языков, следовало *ad hoc* ожидать, что в их компаративно-микологическом портрете преобладает полное тождество. Однако детализированное лексикографическое сопоставление выявляет не только идентичные аксиологемы концепта (как сказали бы когнитологи) «гриб», но и существенные различия, маркирующие национально специфический межъязыковой колорит. Такого рода сходство и различие демонстрирует материал, представленный в наших словарях русских и белорусских компаративных единиц (Мокиенко, Никитина 2008 [4]; Валодзіна, Салавей 2011 [5]; Володина, Мокиенко 2018 [3]).

Последовательное сопоставление таких оборотов в русско-белорусском словаре сравнений обнаруживает ёмкие семантические доминанты:

1. О множестве чего-л.:

чего как (что) [белых] грибов [после дождя (в лесу)]. Народн. О невероятно большом количестве чего-л.

~ многа як гразі. Янк., Пар., 104; як дроў у лесе. Санько, 208; многа як дроў. Ваўк. п. Fed., 188; многа як камення. Янк., Пар., 104; многа як ігліцы. Янк., Пар., 104; ~ хоць граблямі грабі. Мядз. СГЦРБ, 104; многа, хоць гаць гаці. Ваўк. п. Fed., 188; многа як зорак (зораў) на небе. Ваўк. п. Fed., 359; як расы' – вельмі многа. Янк., Пар., 208.

Ср.: грыбоў, хоць грэблю масці. Гродз. Сцяшк., 586; грыбоў, хоць касіць. Слон. п. Fed., 118; грыбоў, хоць касу закладай. Сержп., 79; Мін.-Ма.І., 1970, 159, Пух.; грыбоў, хоць касіць. Слон. п. Fed., 118; грыбоў як насеяна (насаджана). Саламевіч, 1974, Слонім. 13.10.69.

2. О ком-, чем-л. быстро растущем, множащемся, увеличивающемся; о большом количестве чего-л.:

расти/ вырасти как гриб в лесу. Пск. Об очень быстром росте, строительстве чего-л.

= расці як грыбы. НН, 474; расці як рыжок. Серж., 1999, 40; ~ расці як брыднік у лесе. Брыднік – зараснік. Кузьмічы Люб. СБГПЗБ 1, 225; ~ расці як на дражджах. Мядз. ФА.

расти как грибы. О быстро и во множестве рождающихся у кого-л. детях. Зимин, Спирин 1996, 255, 485.

= расці як грыбы. НН, 474.

расти (**вырастать, появляться, плодиться, рождаться**) как **грибы** [**после дождя**]. *Разг., Волгогр.* О чем-л. растущем, множащемся, увеличивающемся очень быстро и в большом количестве. Зимин, Спириин 1996, 485; Глухов 1987.

= расці як грыбы. НН, 474; расці як рыжок. Серж., 1999, 40; ~ расці як брыднік у лесе. Брыднік – зараснік. Кузьмічы *Люб.* СБГПЗБ 1, 225; ~ расці як на дражджах. *Мядз.* ФА.

расти как грибки. *Прост.* О быстро и без болезней, крепкими растущих детях. ДП, 383; Мих., 741.

= расці як грыбы. НН, 474.

Ср.: хлопцы растуць ек грыбы, а дзеўкі – ек бабкі. *Стол.* Пра хуткі рост моладзі. ТС 1, 32. < Бабка – тут: падбярозавік. дзяўчата так хутка растуць, як грыбы пасля дажджу. *Fed.*, 95. Дзеўкі што грыбы растуць адна пад адной. *Тал.* МК, 18. дару пянёчкі. каб дзеці раслі як грыбочкі. БВ, 67.

3. О крепком, здоровом, плотного сложения человеке:

крепкий как гриб. *Народн.* О крепком, здоровом, плотного сложения человеке. Ср. боровик, дубок.

= здаровы як рыжык баровы. *Карм.* В. Брычакоў, 1960, 13.3.29; *Слонім.* І. Саламевіч, 1974, 13.10.69;

~ здаровы (здараўляка, крэпкі, моцны) як дуб [скарбовы]. Янк., Пар., 73; *Рас.* Шат., 88; *Ваўк. п.* *Fed.*, 188; Сержп., 79. Вар.: Юрч., 1969, 60; крэпкі як часна'к. *Глыб.* М. Грынблат, 1971, 8.2.43; ~ крэпкі як камень. Янк., 412.

4. О чем-л. очень сухом, высохшем; о тощем, исхудавшем человеке:

высохнуть как гриб (грыб). *Кубан. Неодобр.* 1. О чём-л. очень сухом, высохшем. 2. О тощем, исхудавшем человеке. Чалов 1982, 7.

1. ~ высах як перац. Янк., 400; высах як таран. Янк., Пар., 31; *Ивац.* ФА;

2. ~ высах, хоць рэбры лічы. Янк. М., 111; высах як шкілет. Янк., 400; Ройзен., 68; высах як а'плік. *Сміл.* Шатэрнік, 19; худы (высах, выпетрыў) як бізун. *Гродз.* Сцяшк., 284; Юрч., 1977, 222; высах як былінка ў полі. Сержп., 31. Вар.: *Смал.п.* Добр., Слов., 46; высах чалавек, як сухар. *Віл.* СБГПЗБ 5, 25; высах як трэска (у трэску). *Fed.*, 345, *Ваўк. п.* Вар.: Сержп., 31; як (што) шчэпка высахнуць. *Стаўб. Сен.* МК, 320; высахла як drank. *Нар.* Горленка, 248; высахнуць як сухар. *Sielicki*, 162; высах як шчука. *Гом.* М. Мельнічэнка, 1950, 13.3.29.

сухой как гриб (грыб). *Кубан. Неодобр.* То же, что высохнуть как гриб. Чалов 1982, 7.

~ высах як перац. Янк., 400; высах як таран. Янк., Пар., 3; *Ивац.* ФА; ~ высах, хоць рэбры лічы. Янк. М., 111; высах як шкілет. Янк., 400; Ройзен., 68; высах як а'плік. *Сміл.* Шатэрнік, 19; худы (высах, выпетрыў) як бізун. *Гродз.* Сцяшк., 284; Юрч., 1977, 222; высах як былінка ў полі. Сержп., 31. Вар.: *Смал.п.* Добр., Слов., 46; высах чалавек, як сухар. *Віл.* СБГПЗБ 5, 25; высах як трэска (у трэску). *Ваўк. п.* *Fed.*, 345. Вар.: Сержп., 31; як (што) шчэпка высахнуць. *Стаўб. Сен.* МК, 320.

5. О человеке со сморщенным, морщинистым лицом:

сморщиться как гриб. *Неодобр.* О сморщенном человеке. ДП, 309.

= зморшчыцца як смаршчок. *Ваўк.* *Fed.*, 358; зморшчыцца грыб на сонцы. *Мн.* ЛЦ, 70; ~ скорчыцца, зморшчыцца як цюцька кудлаты. *Ваўк.* ФА; зморшчыцца як сабака на пасей. *Sielicki*, 163; зморшчыцца як свінны тата. *Смарг., Мядз.* ФА.

сморщиться как гриб соленый. *Новг. Неодобр.* Сморгившемся перед плачем человеке. НОС 10, 113.

= зморшчыцца як смаршчок. *Ваўк.* *Fed.*, 358; зморшчыцца грыб на сонцы. *Мн.* ЛЦ, 70; ~ скорчыцца, зморшчыцца як цюцька кудлаты. *Ваўк.* ФА; зморшчыцца як сабака на пасей. *Sielicki*, 163; зморшчыцца як свінны тата. *Смарг., Мядз.* ФА; зморшчыцца як сухая пятніца. Нос., 49.

сморщенный как гриб-сморчок. О сморщенном от старости сухощавом старичке небольшого роста.

сморщиться как гриб-сморчок. О сморгившемся от старости сухощавом старичке небольшого роста.

= зморшчыцца як смаршчок. *Ваўк. Fed.*, 358; ~ зморшчыцца грыб на сонцы. *Мн. ЛЦ*, 70; ~ скорчыцца, зморшчыцца як цюцька кудлаты. *Ваўк. ФА*; зморшчыцца як сабака на пасеі. *Sielicki*, 163; зморшчыцца як свінны тата. *Смарг., Мядз. ФА*; зморшчыцца як стары шатэрнік, 118, сміл.; зморшчыцца бы ралля. *Серж.*, 1999, 101; зморшчыцца як сухая пятніца. *Нос.*, 49.

Ср. зморшчыўся як грыб на сонцы. *Мн. ЛЦ*, 70.

6. О вялом, медлительном, обессиленном или усталом человеке:

как гриб солёный. *Новг. Неодобр.* О вялом, медлительном человеке (обычно старом). *НОС* 10, 113.

~ вялы як со сну. *Зэльв. Сцяцко* 1970, 149; вялы як гануча. *Воран. Высл.*, 300; вялы як студзень. "Добр., Слов.", 886; слабы і вялы, як перазімаваўшая муха. *Маз. ЛЦ*, 89.

как гриб солёный раскис (раздряб). *Новг.* 1. Обессилеть, устать. 2. Быть вялым, малоподвижным. *НОС* 4, 8.

1. ~ як палкі ляжом – вельмі стаміліся. *М. Грынблат*, 1964, *Виц.* 8.1.87;

2. ~ вялы як со сну. *Зэльв. Сцяцко* 1970, 149; вялы як гануча. *Воран. Высл.*, 300; вялы як студзень. *Добр., Слов.*, 886. слабы і вялы, як перазімаваўшая муха. *Маз. ЛЦ*, 89.

как гриб старый. *Новг. Неодобр.* О дряхлом, дряблом человеке. *НОС* 10-, 150.

= як стары маслюк. *Жлоб. Гор., Руд.*, 255; як грыб гнілы стаць. *Маладз. СГЦРБ*, 102; ~ зморшчыцца як грыб на сонцы. *Мн. ЛЦ*, 70; стары чоловек, як горшчок разбіты. *Жытк.* ТС 4, 297; зморшчыўся як стары шатэрнік, 118, сміл.

сидеть [раздрябши] как гриб соленый. *Новг. Неодобр.* Об обессиленном, уставшем, вялом человеке. *НОС* 4, 8.

~ ціліпацца як варона на калку. *Варлыга* 1966, 91; сядзіць нядуж: налізаўся, як вуж. *Ром., бел.*, I, 308; Янкоўскі, 245; сядзець сонны як мухі. *Чэр. Бяльк.*, 171; як прыбіты сядзець. *Жлоб. Гор., Руд.*, 255; сядзець як мяшок. *Varlyha*, 29; сядзець ціха, як бедны сваяк. *Б. ЛЦ*, 45; сядзець, як у бога не прыняты. *Іказнь, Браслаўскі раён.*

огрехнуть как гриб боровик. *Пск.* Одряхлеть, состариться.

= як грыб гнілы стаць. *Маладз. СГЦРБ*, 102; ~ расплыцца як стары маслюк. *Жлоб. Гор., Руд.*, 255; састарыцца як аўца. *Романов* 1901, 69.

Ср.: як грыб гнілы (стаць, зрабіцца) – нядужы, слабы. Жывеш-жывеш, а потым станеш як грыб гнілы; трухлявы, як грыб. *Дзятл. СБГПЗБ* 5, 133.

7. О недовольно надувшем губы человеке:

губы направить как гриб. *Кар.* О недовольно надувшем губы человеке. *СРГК* 1, 396.

~ губы бы каўбасы. *Серж.*, 1998, 43; *Слонім. І.* Саламевіч, 1973, 13.10.69; *ЛА*, 24; губы як трубы. *Янк., Пар.*, 45; ~ губы развесіць як старая кабыла. *Сержп.*, 59.

Ср.: ламаецца як здобны грыб. Здобны грыб – баравік. *Кар. Высл.*, 340.

8. О человеке с кислым, недовольным видом:

(ходить) как гриб съел. *Пск. Неодобр.* О расхаживающем с кислым, недовольным видом человеке.

~ хадзіць як мухамора. *Мядз. СБГПЗБ* 3, 89; ~ хадзіць як расплюшчаная жаба. *Ваўк. Высл.*, 412; хадзіць атлумлены як рыба абтраўленая. Атлумлены – тут: аглушаны, хмурны. *Добр., Слов.*, 556; як не свой хадзіць. *Fed.*, 48, *Ваўк. п. Стаўб.* МК, 314; хадзіць як свет (дзень) пацярэўшы. *Мсцісл. Нар. лекс.*, 191, Г. Юрчанка; *Юрч.*, 1977, 212.

Ср.: век пражыў, як салёны грыб праглынуў. *Янк.*, 157; век пражыў, як салёны грыб праглынуў. *Ваўкав. Даніловіч* 1997, 131.

9. О некрасивых, торчащих, негладко причесанных волосах:

волосы у кого как грибы (грыбы). *Кубан. Неодобр.* О некрасивых, неприятно торчащих женских волосах; о негладкой (с точки зрения старых женщин) причёске молодой женщины. *Чалов* 1982, 7.

~ валасы як дрот (з дроту). *Слонім. Высл.*, 291; *Янк., Пар.*, 24; валасы як барана'. *Краснап. Бяльк.*, 349; валасы як на вожыку. *Ваўк. п. Fed.*, 338; кудлы стояць, як певень на плоце. *Верасніца. ТС* 2, 247.

10. О резко выделяющемся, праздно стоящем где-л. человеке:

торчать как гриб. *Народн. Неодобр.* 1. О резко выделяющемся среди других человеке. 2. О праздно стоящем где-л. человеке.

~ тарчаць як патарчака. *Ушац.* Барадулін, 115; ~ тарчаць як сарока на калу. *Смарг.* ФА.

Как видим, лексикографическое описание народной фразеологии русского и белорусского языков позволяет создать максимально детализированный «микологический портрет» одной из востребованных реалий жизни и быта наших народов. При всем общем сходстве оценки этого «чуда природы», их коннотативные потенции обнаруживают массу тонких различий. А именно нюансы, как известно, в живописи определяют истинную художественность. И – не только в живописи, но и в живой образной речи наших народов.

Список использованных источников

1. Fink-Arsovski, Željka. Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. Autorica rječnika Željka Fink Arsovski. Autorice i suradnice po jezicima: Željka Fink Arsovski, Erika Kržišnik, Slavomira Ribarova, Tatjana Dunkova, Natalija Kabanova, Irina Mironova Blažina, Rajisa Trostinska, Agnieszka Spagińska Pruszk, Ivana Vidović Bolt, Dubravka Sesar, Mária Dobriková, Maria Kursar – Zagreb : KNJIGRA, 2006. – 439 s.

2. Левченко, Олена. Українсько-білорусько-болгарсько-польський словник порівнянь / Олена Левченко. – Львів : Видавництво Львівської політехніки, 2012. – 748 с.

3. Володина, Т. В. Русско-белорусский словарь сравнений / Т. В. Володина, В. М. Мокиенко. – Минск : Беларуская наука, 2018. – 811 с.

4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

5. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Нац. акад. навук Беларусі, ін-т мовы і літ. імя Я. Купалы; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей; навук. рэд. В. М. Макіенка. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 482 с.

Abstract. The article is devoted to the comparative phraseology of the Russian and Belarusian languages. The authors rely on their own experience of describing such stable phrases in the “Great Dictionary of Russian Comparisons” (V. M. Mokienko, T. G. Nikitina 2008), “Dictionary of Belarusian folk similes” (T. V. Valodzina, L. M. Salavey 2011) and “Russian-Belarusian Dictionary of Comparisons” (T. V. Volodina, V. M. Mokienko 2018). The rich dialectal material of the two related languages makes it possible to objectively characterize both the figurative and axiological commonality of stable comparisons, and the differences that reflect the national specifics in each of the languages. The object of comparative analysis is stable comparisons with the “mushroom” component.

Keywords: East Slavic phraseology, stable comparisons of the Belarusian and Russian languages, phraseography, axiology, national specifics of comparative phrases.

УДК 811.461.1'271'373:398.92:659.123.3

Е. А. Глазкова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ В СФЕРЕ ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ

Аннотация. На примере актуальных рекламных слоганов в сфере продажи недвижимости в Москве рассмотрены возможности использования фразеологизмов в рекламной коммуникации. Сделан вывод, что в рекламных слоганах жилищных комплексов устойчивые конструкции чаще относятся к фразеологическим сочетаниям и речевым штампам.

Ключевые слова: маркетинговая коммуникация, рекламный слоган, фразеологизм.

В рамках представленной статьи под фразеологизмами понимаем неологические устойчивые единицы, значение которых не равно сумме значений составляющих их слов. В качестве материала в статье рассмотрены рекламные слоганы, собранные «в полевых условиях»: в 2022 году эти языковые конструкции используются в рекламных обращениях продавцов недвижимости к потенциальным покупателям.

Спецификой рекламы как вида маркетинговой коммуникации является необходимость одновременной реализации двух функций – информирования и побуждения к совершению целевого действия. В сфере продажи недвижимости таким целевым действием со стороны клиента является покупка квартиры или дома. Несмотря на то что дорогостоящие сделки в сфере недвижимости, как правило, являются результатом длительного анализа существующих предложений, подтолкнуть клиента к тому, чтобы включить в собственную выборку и рассмотреть тот или иной вариант может именно короткое послание, в частности – рекламный слоган, презентующий жилищный комплекс (ЖК).

Наше исследование показало, что рекламные слоганы ЖК не используются в текстах рекламных объявлений на сайтах, продающих недвижимость, практически не используются на сайтах компаний-застройщиков или девелоперов. Основная сфера их функционирования – баннерная городская реклама. Баннеры как вид рекламного носителя ориентированы, в основном, на водителей и пассажиров частного и общественного транспорта, поэтому размещены вдоль автодорог. Этот факт предопределяет кратковременный визуальный контакт получателя рекламной информации с рекламным объявлением. Подробности, связанные с ЖК, характеристику, стоимость жилья, описание инфраструктуры и транспортной доступности потенциальный покупатель выяснит и проанализирует постфактум – уже после непосредственного «контакта» с баннерной рекламой. Поэтому задача баннера – выделить предлагаемый ЖК из ряда конкурентов, привлечь внимание потенциального покупателя недвижимости, создать у него эмоциональные ожидания. Требование компрессии по отношению к рекламному сообщению, о котором пишут Л. А. Брусенская и Э. Г. Куликова в работе, посвященной маркетинговым коммуникациям [1, с. 340], реализуется в сообщении на баннере в полной мере. При наличии финансовой компрессии, обусловленной необходимостью экономить денежные средства, учитывая риски относительно эффективности рекламной коммуникации, осуществляется лингвистическая компрессия: в ограниченное по объему сообщение вкладывают наиболее важные смыслы. Емко передать основную идею позиционирования ЖК помогают фразеологизмы. Фразеологическая единица по сравнению со словом или свободным сочетанием имеет потенциальную образность, оценочность, поэтому само предпочтение фразеологической единице предопределяет создание не только эффективной, но и эффектной конструкции. Е. С. Михеева делает справедливый вывод: «узнаваемость носителями языка, а также предсказуемая сочетаемость фразеологизма (одно из слов-компонентов автоматически актуализирует в сознании говорящих другие компоненты фразеологизма) повышают способность потребителя рекламного текста воспринимать, запоминать и воспроизводить слоган» [2, с. 178].

Получившая широкое распространение в 20 веке концепция уникального торгового предложения привела рекламистов и продавцов к идее «продавать» не только сами товары и услуги, но и эмоции, впечатления, ожидания, с ними связанные. Этот комплекс «нерациональных» элементов метафорически называют «атмосферой», создать «атмосферу» вокруг ЖК, спровоцировать эмоции помогают рекламные слоганы.

Само слово «атмосфера» используется в составе речевого штампа «камерная атмосфера», не найденного нами в словарях. Однако толкование его значения выводится: «атмосфера» уют, уединения, тишины, предполагающая узкий круг ценителей – такая атмосфера, которая может быть на камерном концерте, в камерном зале и под. В таком значении, предлагая как преимущества перечисленные ценности (сопряженные с утон-

ченным вкусом уют, уединение), сочетание используют в рекламе жилья: «*Камерный дом бизнес-класса Chatripe. Дом с камерной атмосферой*». Целевая аудитория этого рекламного послания – люди не только обеспеченные, но и при этом образованные. Проведенный нами в студенческой аудитории нерепрезентативный опрос показал, что среди студентов 1 курса, многие из которых из обеспеченных семей, есть те, кто не понимает значение слова «камерный», ошибочно ассоциируя это прилагательное с тюремной камерой и воспринимая словосочетание «камерная атмосфера» в негативном ключе. В опросе приняли участие студенты четырех групп, общее количество участников опроса 79 человек, из них как негативный оценили предложенный рекламный слоган 15 человек. Сами опрошенные не входят в целевую аудиторию рекламной кампании, но их родители могут быть потенциальными клиентами продавца недвижимости. Неправильное восприятие информации молодыми людьми может (хотя и необязательно) в какой-то степени отражать понимание взрослых.

В маркетинговой коммуникации в сфере продажи недвижимости есть примеры, когда фразеологизм становится отправной точкой для создания и реализации в рекламных посланиях цепочки ассоциаций. Компания «Инград» в 2018 году запустила рекламную кампанию, главным позиционирующим слоганом которой стал такой: «*Центр – там, где я*». Компрессия словосочетаний «центр района», «центр города» привела к потере второго существительного и разговорному употреблению конструкции «жить в центре». Для многих потенциальных клиентов рынка недвижимости расположение ЖК в центре города – свидетельство престижа, транспортной доступности, развитой инфраструктуры. Перечисленные представления закрепляются в структуре концепта «центр». Создатель рекламной кампании, агентство SmartHeart, разрушая стереотипные представления о ценностях жизни в «центре», транслирует систему ценностных представлений современного человека: «*Центр – там, где я в своем кругу*», «*Центр – там, где я мечтаю*», «*Центр – там, где я могу спокойно дышать*», «*Центр – там, где я могу бежать, а не стоять*», «*Центр – там, где я на своей волне*», «*Центр – там, где все рядом*», «*Центр – там, где я меняюсь к лучшему*», «*Центр – там, где я лучше с каждым днем*», «*Центр – там, где я иду вперед*», «*Центр – там, где я счастлив*». Логической кульминацией, выводом рекламной кампании нескольких жилых комплексов, разбросанных по всей Москве, становится слоган «*Центр – там, где я*», не имеющий отношения к локации на городской карте: проекты ГК «Инград», отрицая идею центристственности, «создают свой собственный инди-москвоцентризм» [3]. В цепочке представленных рекламных слоганов использована конструкция «идти вперед», буквальный смысл которой поддержан фотографией идущей прямо «в объектив фотокамеры» молодой пары. Однако носитель русского языка знает о фразеологическом употреблении этой конструкции. В словаре толкование значения сопровождается стилистическими пометами «книжное, экспрессивное»: «*Книжн. Экспрес. Достигать больших успехов; совершенствоваться. – Щепкин, в полной зрелости своего таланта, работая над собою буквально и день и ночь, с каждым днем шел вперед и приводил всех нас в восхищение (С. Аксаков. Литературные и театральные воспоминания). – Сделают ученые открытие... начинают с благоговением повторять, что наука идет у нас вперед исполинскими шагами (Добролюбов. Литературные мелочи)*» [4]. Рекламной коммуникации свойственно создание мотивирующих слоганов, поэтому учет фразеологического значения здесь уместен. Актуализация сразу обоих смыслов – буквального смысла свободного словосочетания и смысла фразеологизма – особый прием, делающий рекламное послание более эффективным и, вероятно, более эффективным.

В рамках рассмотренной выше рекламной кампании ГК «Инград» 2018 года находим еще один пример языковой игры, в котором обыгрывается представление о «центре». Однако это уже не связано с географической локализацией. Буквальное использование фразеологизированной конструкции «быть в центре событий» не предполагает

постоянное пребывание в каких-то исключительных обстоятельствах. Ассоциативно обусловленная представлениями о покупке недвижимости замена глагола «быть» на глагол «жить» трансформирует исходный смысл конструкции, предлагая новую ценность жизни в рекламируемом ЖК – яркую, наполненную событиями жизнь, а не кратковременный событийный эпизод.

В 2022 году группа «Эталон» для продажи ЖК бизнес-класса Voxhall использовала рекламный слоган «*В центре города – в центре внимания*», совместив в одной конструкции и свободное словосочетание «в центре города», и фразеологизированное «в центре внимания». Вероятно, отсутствие яркого переноса значения не позволяет многим авторам фразеологических словарей рассмотреть последнюю единицу. Однако в «Учебном фразеологическом словаре» находим такое толкование значения с пометой «неизменяемое»: «*Неизм. Главный, основной, привлекающий всеобщее внимание. С глаг. несов. и сов. вида: быть, находиться, оказаться... в центре внимания, в центре внимания кого-чего*» [5]. В представленном толковании значения ряд глаголов остается открытым, что оставляет возможность самостоятельно его продолжить глаголом «жить», подчеркнув стабильность положения. Приковывать всеобщее внимание – один из стереотипных атрибутов успешной жизни, значит, можем говорить, что в рекламном слогане при помощи этого фразеологического сочетания представлены ценности «значимость», «престиж», «успешность», на которые ориентирована финансово обеспеченная целевая аудитория.

В 2021 году ГК «Инград» в информационных материалах о заселении в новый ЖК использует слоган «*Просто как 2x2*». Не зафиксированное во фразеологических словарях, но воспринимаемое носителями языка как устойчивое, выражение легко запоминается, воспроизводится, выражая главную идею рекламного сообщения.

Трансформация устойчивого сочетания «правила хорошего тона» в «*Правила хорошего дома*» широко используется не только в коммерческой, но и в социальной коммуникации, становясь заголовком к перечню реальных правил, серьезных или шуточных. Ставшее устойчивым новое выражение было использовано и в рекламе московской недвижимости.

Рекламный слоган ЖК Nagatino i-Land группы «Эталон» «*Жизнь на 1-й линии*» у многих людей, имеющих опыт туристических поездок, вызывает приятные ассоциации с расположением отеля относительно моря. Сочетание «первая линия», считаем, в этой связи уже относится к фразеологизированным. На сайте ЖК в поддержку концепции позиционирования сказано о расположении дома вблизи двух набережных Москва-реки и о пешей доступности целого ряда достопримечательностей (нескольких ландшафтных парков, парка развлечений «Остров мечты», музея-заповедника «Коломенское»), торговых центров, станций метро и МЦ. Таким образом, ставшее фразеологическим сочетание «жизнь на первой линии» содержит указание на удобство проживания рядом с тем, что олицетворяет ценности комфортной городской жизни.

Реклама ЖК «Триколор» предлагает квартиры «*для семьи с большими планами*». Несмотря на то что схожие конструкции («большие возможности», «большие потери» и под.) зафиксированы в «Словаре русской идиоматики», интересующее нас сочетание «большие планы» в нем отсутствует [6]. В других словарях можно найти только предлагаемые синонимы, но не к сочетанию в целом, а к прилагательному: планы «значительные», «грандиозные». Учитывая сказанное, можно было бы считать сочетание свободным, однако носителю русского языка очевидно, что его значение сложнее, а использование прилагательного «большой» в составе сочетания несколько отличается от прямого. Первая ассоциация, визуально поддержанная фотографией на билборде: молодая семья, планирующая иметь больше чем одного ребенка. Переход от конструкции «большие планы» к оценочной номинации «большая семья» «запускает» цепочку ассоциаций, связанных с комфортом размещения большой семьи: удобная планировка

квартиры, просторные изолированные комнаты и под. Появление детей заставляет думать об организации их развлечений, а в дальнейшем – обучения. Семья с «большими планами» вправе рассчитывать на игровую площадку во дворе, развитую инфраструктуру, наличие детского сада и школы, а возможно – и близость центров развития для детей, центров творчества, спортивных площадок и залов. Кратковременный визуальный контакт с билбордом может заставить человека представить все эти удобства, необходимые «большой семье». Кроме сказанного, «большие планы» могут быть связаны с возможностью организации бизнеса – наличие помещения, где можно обустроить офис для дистанционной работы, например. В этом случае вновь значимыми становятся удобная планировка, изоляция, в том числе звуковая. Вывод: слоган запоминается, вне зависимости от того, насколько интенции его создателя совпадут с ассоциациями реципиентов.

Проведенное Е. В. Бирюковой, Е. Г. Борисовой и И. В. Хохловой сопоставительное исследование маркетинговой коммуникации привело его авторов к выводу, что в русскоязычной бизнес-коммуникации чаще, чем в англоязычной, встречаются примеры аллюзий [7]. В рассматриваемом нами сегменте директивный слоган «*Время покупать!*» (используется в Москве – миниполис «Дивное» – и в Санкт-Петербурге – ЖК «Белый остров») вызывает ассоциации с ветхозаветным текстом.

В заключение отметим, что в 2022 году сохранилась тенденция использования фразеологизированных конструкций в рекламных слоганах жилищных комплексов. Как показало исследование, найденные в рекламных слоганах жилищных комплексов устойчивые конструкции относятся к фразеологическим сочетаниям и речевым штампам (мы не встретили актуальных примеров использования фразеологических сращений и единств). В рамках рекламного слогана успешно используются приемы языковой игры, в том числе контаминация и буквализация.

Список использованных источников

1. Брусенская, Л. А. Лингвопрагматические параметры маркетинговых коммуникаций / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 333–350.
2. Михеева, Е. С. Функционирование фразеологизмов в рекламном слогане / Е. С. Михеева // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – С. 178–179.
3. Наша цель – создать мощный iconic-brand: ГК «Инград» запустила летнюю кампанию [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sostav.ru/publication/nasha-tsel-sozdat-moshchnyj-iconic-brand-gk-ingrad-zapustila-letnyuyu-kampaniyu-31620.html>. – Дата доступа : 02.10.2022.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-200-2.htm#zag-4687>. – Дата доступа : 02.10.2022.
5. Учебный фразеологический словарь / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rus-phraseologiya-dict.slovaronline.com/>. – Дата доступа : 02.10.2022.
6. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени / Г.И. Кустова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rus-idiomatika-dict.slovaronline.com/>. – Дата доступа : 02.10.2022.
7. Бирюкова, Е. В. Лингвистические особенности маркетинговой коммуникации (на материале текстов в Instagram на русском, английском и немецком языках) / Е. В. Бирюкова, Е. Г. Борисова, И. В. Хохлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2020. – Т. 13. – Выпуск 3. – С. 250–254.

Abstract. I considered the possibility of the using idioms in the advertising communication on the example of relevant advertising slogans. The study concluded that stable combinations in the advertising slogans of housing complexes more often refers to phraseological combinations and cliches.

Keywords: marketing communication, advertising slogan, idiom.

В. К. Голубева

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ АДЪЕКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются соотносимые конструкции: исходная «прилагательное + существительное» (адъективное сочетание) и трансформ «отвлеченное существительное + генитив» (деадъективное сочетание). Выявляется, какие семантические и синтаксические функции в тексте выполняет это преобразование. Показано, что деадъективные сочетания, которые в первую очередь обеспечивают встроенность признака / ситуации в новый синтаксический контекст, позволяют также акцентировать значимые компоненты смысла, актуализировать внутреннюю форму адъективной конструкции, служат средством выражения иронии и др.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, фразеологизм, синтаксическая деривация, синтаксическая трансформация, отвлеченное существительное.

В русской фразеологии – относительно молодой лингвистической дисциплине – уже, безусловно, сформировался остов традиционных тем, которые чаще всего оказываются в центре внимания исследователя. В их числе – мотивированность устойчивых единиц, степень слитности их компонентов и проблемы разработки типологии фразем, разграничение фразеологизмов и смежных языковых явлений, национально-культурная специфика фразеологических единиц, способы фиксации их в лексикографических источниках и др. Обозначенные проблемы изучались в самых разных аспектах, и один из наиболее интересных, на наш взгляд, – это способность фразеологизмов к варьированию. Сравн.: *кормить завтраками – кормить обещаниями; дать / накомылять по шее / шеям (кому-н.); набираться ума / ума-разума; выжить / выйти из ума / из ума выжить; каждой / всякой твари по паре; какой попадетя (под руку); лебединая песнь / песня* и т. д.

Исследования в этом направлении и попытки реализовать теорию в словарной практике [1–5] показали, что степень и характер вариативности устойчивых выражений вовсе не одинаковы. Скажем, различия могут касаться количества как «заменяемых» слов, так и «заменяющих». Например, в сочетании *висеть на волоске* изменяются оба компонента: *держаться на волоске, висеть на ниточке*, а в идиоме *мчаться / нестись / скакать... во весь опор* варьируется только глагол, но число «заменяющих» весьма велико. В то же время варианты могут и вовсе отсутствовать (*собаку съесть*).

Кроме лексической, существует и морфологическая вариативность или, наоборот, ограничение на образование форм слов в структуре фразеологизма. Скажем, идиома *выносить сор из избы* не имеет 1-го л. мн. ч.: **Я выношу сор из избы*, в отличие, например, от *Я протяну руку помощи*; во фраземе *приказать долго жить* употребляется только глагол сов. вида: **приказывать долго жить*. Или далеко не все именные компоненты идиом образуют числовые корреляции: *ударить в грязь лицом*, но **Они не ударили в грязь лицами* [5, с. 52–53].

В фокусе нашего внимания оказался такой тип грамматической вариативности, которая, на первый взгляд, возникает в силу необходимости не смены смыслового компонента фраземы (ориентированность на другое лицо, изменение количества предметов, участвующих в ситуации, и т. д.), а прежде всего соответствия устойчивого сочетания заданному синтаксическому контексту.

В частности, объектом исследования стали конструкции модели «прилагательное + существительное» (адъективные сочетания), трансформируемые в структуры типа «отвлеченное существительное (деадъектив) + существительное в родительном падеже» (деадъективные сочетания): *високосный год* → *високосность года, всемирный*

потоп → *всемирность потопа*, *луженая глотка* → *луженость глотки*. Как видно, преобразование адъективного компонента в деадъективный представляет собой процесс синтаксической деривации. (Сделаем два уточнения: функцию генитива иногда выполняет другая падежная форма, относительное прилагательное или местоимение; конструкцию модели «прилагательное + существительное» мы называем адъективной, а не субстантивной (по главному слову) для дифференциации, поскольку субстантив представлен и в соотносительном словосочетании с генитивом.)

Выбор объекта исследования обусловлен следующими моментами.

Во-первых, изучение варьирования сочетаний дает новые наблюдения для решения спорных вопросов, касающихся понятий устойчивости и идиоматичности конструкций (в частности, важно понять, какие преобразования конструкция «выдерживает», чтобы сохранить указанные качества, а при каких – утрачивает их, превращаясь в свободное сочетание).

Во-вторых, явления синтаксических преобразований устойчивых единиц в современной русской фразеологии находятся еще в начале теоретического осмысления, поэтому любые знания об этом позволяют анализировать уместность / допустимость и значимость вторичных сочетаний в речи (в том числе в сравнении с исходными).

В-третьих, такая информация в силу своей новизны ценна для фразеологии, особенно актуальна она для основательного лексикографического источника, нацеленного на предельно подробное представление включенных в реестр единиц.

Как мы уже писали в [6], изоструктурные устойчивые сочетания типа *сухое вино*, *изящные искусства*, *лишний человек*, *закадычный друг*, *черная металлургия*, *бездонная бочка* обнаруживают совершенно разные возможности преобразования (в частности, с сохранением первоначального значения / с его утратой), что предопределяется комплексом факторов. Цель же данной статьи – выявить прагматические аспекты трансформации исходных адъективных сочетаний.

Проведенное исследование позволило нам отметить следующее.

1. Одна из коммуникативных задач синтаксических дериватов – обеспечивать **встроенность** признака, ситуации **в новый синтаксический контекст**. Сравн.: «*Любопытной Варваре нос оторвали*», – *хитро улыбнулся Гришаня, но улыбка получилась тусклой* (В. Личутин). – *А любопытство Варвары не порок, а искаженная тяга к познанию* (Публ.). Так, во втором случае именной субъект должен семантически соответствовать предикату характеристики, что и обеспечивается конструкцией *Любопытство не порок*, но не исходной **Любопытная Варвара не порок*. (Здесь и далее контексты приводятся по [7].)

Или: *Меньше говорите «нет»! Ведь запретный плод так сладок* (Реч. общ.). – *Так что из сегодняшнего дня видится четко: этого человека ничто не удерживало на земле, ибо жизнь для него была лишь соединением мучений – и болезни, и памяти, и запретности любезных плодов, и сознания безысходности в будущем...* (В. Смехов) – как видно, востребованность именно деадъективного сочетания здесь обусловлена употреблением его в качестве одного из однородных определений, выраженных субстантивами.

Значимость процесса синтаксической деривации в сфере фразеологизмов предопределяется тем, что они обозначают устойчивые, совершенно узнаваемые ситуации, с которыми в культуре связывается целый комплекс ассоциаций. Поэтому предпочтение данного языкового средства другому, скажем неидиоматическому / описательному, может оказаться принципиальным для коммуниканта.

2. В случаях же, когда синтаксический контекст допускает употребление и адъективного, и деадъективного сочетаний, выбор во многом обусловлен **акцентировкой более значимого для говорящего смыслового компонента** – это или предмет / явление / лицо, или их признак. Сравн.: «*От вашего воздушного поцелуя слаще не стало*», – *басит тот же голос* (В. Распутин). – *О, сладкий миг! – воздушность поцелуя, Неиспещренность чистого листа...* (Поэзия инт.). Выдвижение на первый план или

нейтрализация признаковой лексемы вызваны ее разным семантико-синтаксическим статусом в противопоставленных конструкциях: деадъектив (в данном случае *воздушность*) выступает вершиной (главным словом) именной группы, а соответствующее прилагательное (*воздушный*) – зависимым вершины, ее модификатором. С учетом того, лексема со значением предмета или признака становится вершиной синтаксической структуры, и осуществляется смысловая акцентировка.

3. Как указывалось, исходное и полученное в результате трансформации сочетания могут различаться по наличию признаков устойчивости и идиоматичности. Часто конструкции с отвлеченным существительным утрачивают семантику исходной фраземы, используются как свободные сочетания. В связи с этим трансформ может служить для **актуализации внутренней формы адъективной конструкции**: выражая качество, оценку, абстрактное существительное актуализирует признак, легший в основу номинации. Например: *Словосочетание «прекрасный пол» оскорбительно тем, что не все представители женского пола делают акцент на своей «прекрасности», и для многих она совершенно не важна* (Реч. общ.). Или: *Что мы в наше время понимаем под медовым месяцем? – Чтобы понять «медовость» месяца, стоит заглянуть во времена Руси* (Публ.). При этом грамматически противопоставленные конструкции сталкиваются в минимальном контексте либо исходное сочетание выводится из тематики всего текста.

Весьма любопытно употребление адъективных конструкций в случаях, когда собственно признак прилагательного в них лишь частично, с одной стороны характеризует референт. Сравн.: *«Ларгус» оказался «гадким утенком» среди моих авто...* (коммуникант 1). – *Если не трудно, можно кратенько рассказать здесь, в чем эта гадкость выражается?* (коммуникант 2). Фразема *гадкий утенок* толкуется так ‘о ком-л. невзрачном, незаметном и т. п., кто впоследствии неожиданно для всех преобразается внешне и внутренне’ [8, с. 1405], т. е. предполагает наличие динамики признаков у объекта характеристики. При этом отвлеченное существительное соотносится лишь с прямым значением прилагательного *гадкий* и не покрывает фрагмент значения идиоматического сочетания ‘кто впоследствии неожиданно для всех преобразается внешне и внутренне’.

4. При рассмотрении трансформационного потенциала устойчивых конструкций также весьма интересны, хотя и редки (а потому нетривиальны) случаи **совмещения** в деадъективе **двух функций мотивирующего прилагательного** – первичной качественно-характеризующей и вторичной, «терминологической», идентифицирующей (отнесение объекта к определенному классу). Сравн.:

(1) *Я пришла в совершенный восторг от этих работ, именно потому, что они снимали давнюю проблему выбора: заниматься литературой или **точными науками*** (интервью с лингвистом А. Бонч-Осмоловской).

(2) *Он [Николай Васильевич] не догадывался, что куда больше его веры в священную **точность науки** мне была нужна в эти дни его вера в мою способность заниматься наукой* (В. Каверин).

(3) *Сам он [Михайлов] в Технологическом институте недолго занимался математикой, физикой и химией. **Точность** этих наук ему нравилась и соответствовала складу его ума* (М. Алданов).

Если во фрагменте (1) прилагательное *точный* употребляется в собственно терминологическом значении, а в (2) номинализация выполняет качественно-характеризующую функцию, то в (3) лексема *точность* синкретично совмещает в себе оценочность с идентификацией. Так, поскольку сочетание (*точность*) *этих наук* конкретизируется ко-референтными номинациями *математика, физика, химия*, отвлеченное имя начинает выполнять классифицирующую функцию (указание на конкретный класс наук); в то же время наблюдается актуализация внутренней формы термина *точные науки* посредством усиления субъективно-оценочной составляющей признака (*ему нравилась, соответствовала складу его ума*).

Совмещение в отвлеченном существительном первичных, качественных и вторичных, относительных сем прилагательного может служить и **средством выражения иронии**: *Легкая промышленность специализируется на льняных и пенько-джутовых тканях* (Публ.). – *Невыносимая легкость промышленности: государство заинтересовано только в военном секторе и ИТ* (Публ.). Субстантив *легкость* объединяет в себе функции идентификации ('обрабатывающая промышленность, изготавливающая предметы широкого потребления, в т. ч. одежду, обувь, головные уборы и т. п. и **не использующая тяжелого оборудования**' [9, с. 15]) и квалификации ('низкий по значимости, ненужный, неважный, неприоритетный'), чем и создается смысловая объемность этой лексемы.

Если исходные – адъективные устойчивые сочетания – далеко не всегда универсальны, скажем, в стилистическом плане, то деадъективные трансформы, как видно уже из приведенных контекстов, имеют не меньше, а часто и больше ограничений на употребление. Это явление можно рассматривать в разных ракурсах: в аспекте несоответствия систем значений прилагательного и производного существительного, в свете словообразовательных ограничений, но, так или иначе, мы вынуждены констатировать и «социальные» (исходя из терминологии В. Г. Гака [10]) факторы, т. е. влияние законов узуса – восприятие того или иного выражения языковым социумом.

С такой позиции отвлеченное существительное во многих случаях реализует скорее изоциренный, а не нейтральный способ выражения мысли, что не может не отражаться на прагматике сочетаний-трансформов. Их появление, часто заданное синтаксическим контекстом, вызвано отказом говорящего от перестройки высказывания для реализации более тривиального способа выражения мысли. Вместе с тем несовпадение семантических структур адъективов и деадъективов открывает интересные смысловые ходы при употреблении таких конструкций в стилях (прежде всего разговорный, художественный, публицистический), в которых неузальные сочетания выглядят вполне органично и создают интересные переключки смыслов.

Список сокращений

Публ. – публицистические тексты, в т. ч. размещенные в сети интернет.
Поэзия инт. – поэтические тексты, опубликованные исключительно в сети интернет.
Реч. общ. – тексты разговорной речи, в т. ч. затрагивающие интернет-коммуникацию.

Список использованных источников

1. Диброва, Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.
2. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: около 1000 единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стер. – М. : Русские словари : Астрель, 2001. – 853 с.
3. Добровольский, Д. О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы / Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – № 2 (14). – 2007. – С. 18–47.
4. Добровольский, Д. О. Семантическая членимость как фактор вариативности идиомы / Д. О. Добровольский // Язык как материя смысла: сб. статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Азбуковник, 2007. – С. 219–231.
5. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
6. «Закрытый слог – закрытость слога», «красная икра – ?»: о синтаксической деривации в области устойчивых сочетаний / В. К. Голубева // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – [В печати].
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 19.10.2022.

8. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

9. Поляничко, Я. В. Национальная специфика семантики прилагательного (на примере лексемы «легкий») / Я. В. Поляничко // Семантико-когнитивные исследования : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Вып. 9. – Воронеж : Издательство РИТМ, 2018. – С. 14–18.

10. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.

Abstract. The article deals with such corresponding constructions as “adjective + noun” (adjectival combination) and its transform “abstract noun + genitive” (deadjectival combination). It is revealed what semantic and syntactic functions in the text this transformation has. It is shown that deadjectival combinations, which first of all ensure the integration of a feature/situation into a new syntactic context, also emphasize significant features, actualize the inner form of an adjectival construction, serve for expressing irony, etc.

Keywords: idiom, phraseologism, syntactic derivation, syntactic transformation, abstract noun.

УДК 811'243'373:398.92

П. А. Губич, Ю. А. Петрушевская

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы и критерии отбора учебного минимума фразеологических единиц английского языка, а также различные типы упражнений в учебно-методических пособиях по дисциплине «Основной иностранный язык».

Ключевые слова: фразеологические единицы, иностранный язык, методика преподавания иностранного языка, учебное пособие.

Знание и правильное употребление фразеологических единиц является одной из важнейших языковых компетенций, которая формируется при изучении любого иностранного языка. Актуальным в этой связи являются проблемы отбора и репрезентации фразеологии в учебных пособиях по иностранному языку. Преподавателями факультета иностранных языков Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова разработана серия учебных пособий по английскому языку как основному иностранному, в которых отражены разные тематические группы устойчивых единиц [1–13], а также разработаны задания по контролю за их усвоением [14–16]. Вместе с тем остаются не вполне решенными проблемы отбора единиц и их дидактического обеспечения в учебных пособиях по английскому языку как иностранному для студентов лингвистического факультета.

Цель исследования – определить принципы и критерии отбора учебного минимума фразеологических единиц английского языка, определить содержание учебных заданий по введению в учебный процесс и закреплению в речи английских фразеологизмов.

Изучение фразеологии повышает уровень владения иностранным языком. Употребление фразеологизмов обогащает речь, а также сильнее воздействует на собеседника. Обращение к фразеологии позволяет изучить характерные черты национальной картины мира носителей языка, поскольку фразеологизмы тесно связаны с традициями и культурными реалиями страны изучаемого языка [17; 18]. Включение фразеологии в учебный процесс позволяет также задействовать все аспекты изучаемого языка: фонетику, лексику, грамматику [19; 20], а также историю языка [21; 22]. На основании изученных фразеологизмов студенты могут готовить курсовые работы по основному иностранному языку [23].

Отбор фразеологических единиц изучаемого языка как иностранного представляет собой не менее важную проблему, чем отбор лексического и грамматического минимума. Данная задача вызывает трудности, так как она наименее разработана в современной лингводидактике. Так, Л. С. Пугачева утверждает, что при отборе тех или иных фразеологических единиц для изучения иностранного языка, использования их в речи и интерпретации как языковых единиц, нужно принимать во внимание тот факт, что студентам понадобятся такие знания, которые пригодятся им не только в сугубо профессиональной деятельности, но и в бытовой сфере для повседневного общения [24, с. 193]. Поэтому в качестве основных критериев формирования фразеологического минимума она предлагает следующие: «1) тематическая принадлежность, 2) употребительность, 3) коммуникативная ценность, 4) принадлежность к одному стилистическому уровню, 5) страноведческая ценность, 6) учет специфики изучаемого языка» [24, с. 193].

Согласно критерию тематической принадлежности, фразеологические единицы, включаемые в учебные пособия по основному иностранному языку, должны быть связаны с актуальными темами общения. Отбор наиболее активных фразеологизмов проводится посредством поиска частотных единиц во фразеологических словарях и аутентичных текстах, отобранных для учебных пособий. Критерий коммуникативной ценности подразумевает включение в учебные пособия только актуальных фразеологических единиц, находящихся свое применение в реальном общении. При отборе фразеологизмов также следует учитывать их стилистическую неоднородность. Фразеологизмы могут быть как фольклорного происхождения, так и разговорными. В связи с этим представляется важным отбирать единицы, принадлежащие одному стилистическому регистру. В учебные пособия включаются те фразеологизмы, в которых отчетливо проявляются особенности культуры, традиций и обычаев народа страны изучаемого языка. Учет специфики изучаемого языка – один из важнейших критериев отбора фразеологических единиц, поэтому при выборе фразеологизмов следует отказаться от единиц, содержащих в себе сложные для понимания слова и грамматические формы, а также устаревшую лексику. В то же время следует обращать внимание на соответствие единиц определенному уровню владения языком. В учебное пособие, предназначенное для студентов с языковым уровнем В1, нецелесообразно включать единицы более высоких уровней владения языком (например, C1).

Согласно коммуникативному методу преподавания иностранного языка, при изучении новых языковых единиц преподаватель и студент проходят три стадии обучения: вовлечение, изучение и активацию. На первой стадии возникает тема для обсуждения, которая вовлекает обучаемого в процесс обучения. Стадия изучения направлена на расширение словарного запаса и овладение грамматическими правилами. На стадии активации обучаемые закрепляют полученные знания, выполняя различного рода упражнения.

В учебные пособия по английскому языку как основному иностранному, подготовленных на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, включены различные упражнения на вовлечение, изучение и активацию фразеологических единиц. Так, в них каждый раздел посвящен определенной тематике. Все упражнения раздела структурированы по секциям, одной из которых является «Focus on idioms», в которой представлены упражнения, направленные на введение, закрепление и повторение фразеологических единиц. Некоторые упражнения основаны на аутентичных текстах, представленных в секции «Focus on reading», а некоторые базируются на словах и выражениях из секций «Topical vocabulary» и «Focus on vocabulary».

Например, в разделе «Мир профессий» [1, с. 13], в одном из упражнений студентам предлагается выбрать правильный вариант ответа из нескольких предложенных:

Choose the correct idiomatic word or expression for each of these sentences.

1. A job that offers no prospect of promotion is sometimes known as a / an...
a) hatchet job
b) dead-end job
c) nose job

В разделе на тему «Выбор профессии» [1, с. 24] после прочтения текста о карьерных возможностях и выполнении упражнений на отработку лексики по теме предлагается перечень идиоматических выражений по темам «Работа» и «Карьера». В случае необходимости, студентам может быть предложен словарь для поиска новых идиоматических выражений:

Complete the sentences below with the idioms from the box. Consult a dictionary if necessary. Mind the tense forms.

a cushy number / golden hello / at the top of the ladder / get a foot in the door / a golden handshake / to slog one's guts out / a sleeping partner / track record

1. Clare's babysitting job is such _____. All she has to do is take the children to the beach and watch them play.

В разделе «Я знаю, следовательно, существую» [1, с. 113] студентам предлагается соотнести идиомы об обучении с их определениями:

Match the idioms about teaching from the box with the descriptions of the situations they can be used in. Use the idioms in the sentences or little situations of your own.

- To teach an old dog new tricks
- Those who can, do; those who can't, teach
- That'll teach them!
- To teach someone a lesson
- You can lead a horse to water but you can't make it drink
- Tricks of the trade
- Do as I say, not as I do
- To set a good example
- Take it from me

1. This is a very famous phrase for teachers everywhere, but perhaps not for the right reasons. The phrase implies that teachers only do their profession because they weren't good enough to do it as their main job. It's very rude but unfortunately it can be true (sometimes).

Объяснения даются простым языком, а контекст позволяет догадаться о значении новых единиц. Более того, для закрепления новой лексики студентам предлагается составить предложения с данными фразеологическими единицами.

Нередко именно контекст позволяет студентам догадаться о значении новой фразеологической единицы. Даются упражнения, где студентам предлагается прочитать текст и определить идиоматические выражения, содержащиеся в нем, а затем, исходя из контекста, соотнести слова и выражения с их толкованиями:

Read the paragraphs below and match the idioms in bold with the definitions in the box.

A. We had a guest staying at our hotel last week. She was a very **tough customer**, always complaining and **picking holes in everything**. Anyway, when she checked out, she demanded a refund, but our manager calmly and politely explained that this was **out of the question**. She **flew off the handle**, told him to **pull his socks up**, and **stormed out** of the hotel without paying! It's bad enough when you get a **skipper**, but when housekeeping went to clean her room, we also discovered she had **nicked** the towels!

Задания творческого характера хорошо воспринимаются студентами. Например, предлагается вставить уже известные фразеологические единицы в предложения, а затем составить историю юмористического характера с не менее чем пятью единицами:

Fill in the blanks with correct idioms from the box. Make up a funny story using at least 5 idioms.

onions, beans, grapes, beetroot, cucumber, mustard, toast, cream, tea, peas

1. *What are you smiling about? You look like the cat who got the _____.*

При обучении иностранному языку всегда рекомендуется сопоставлять фразеологию изучаемого иностранного языка с фразеологией родного языка, поскольку процесс поиска эквивалента развивает ассоциативное восприятие неродного языка [25], способствует расширению словарного запаса [19, с. 33]. По этому принципу составлены некоторые упражнения. Студентам предлагается вставить предложенные идиоматические выражения в предложения, используя правильные формы глаголов, при этом следует объяснить значения данных фразеологических единиц, а также подобрать к ним русские эквиваленты:

Complete the sentences with the idioms and phrases, connected with household appliances, from the box. Use the right form of the verbs, if it's necessary. Explain the meaning of each idioms and find the Russian equivalent

a good mixer, a storm in a teakettle, to be the toast of, to get freezer burn, to have a bun in the oven, to be a slave over a hot stove

1. *The disagreement between the brothers seemed to be nothing but _____.*

Упражнения по контролю за усвоением устойчивых единиц представлены заданиями тестового типа, которые нацелены как на отработку и закрепление уже известных фразеологических единиц, так и на развитие общей эрудиции и расширение языковых компетенций студентов:

Complete the idioms.

1. She is so absent-minded. Besides, she has memory like a ____.

a. net b. sieve

Complete the idioms choosing the right word.

1. Oh, I've dropped the ball! I'm ____.

a. oiled-fingers b. butterfingers

Complete the idioms and proverbs choosing the right word.

1. The disagreement between the brothers seemed to be nothing but a storm in a ____.

a. teakettle b. teaspoon

Complete the proverbs and aphorisms choosing the right word.

1. No man needs a ____ so much as the man who has just had one.

a. rest b. vacation c. fest

Таким образом, в учебные пособия по английскому языку как основному иностранному должны включаться фразеологические единицы с учетом их предметно-тематической отнесенности, употребительности, коммуникативной актуальности, принадлежности к одному и тому же стилистическому регистру, страноведческой ценности, специфики изучаемого языка. В учебных пособиях, которые подготовлены на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, данные критерии соблюдены, что обеспечивает эффективность введения фразеологии в учебный процесс и повышает качество преподавания английского языка [26] как основного иностранного на лингвистическом факультете.

Список использованных источников

1. Василенко, Е. Н. Английский язык. Развитие навыков устной и письменной речи = English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева ; под общ. ред. Е. Н. Василенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с.

2. Василенко, Е. Н. Английский язык. Развитие навыков устной и письменной речи = English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева ; под общ. ред. Е. Н. Василенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 2. – 232 с.
3. Василенко, Е. Н. Практика речи: Болезни XXI в. = Speech Practice: 21st Century Diseases : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Василенко, Л. В. Глуханько, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 88 с.
4. Василенко, Е. Н. Практика речи: Забота о здоровье = Speech Practice: Healthcare : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Василенко, Л. В. Глуханько, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 96 с.
5. Василенко, Е. Н. Практика речи: Личность = Speech Practice: Person and Personality : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Василенко, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 148 с.
6. Василенко, Е. Н. Практика речи: Образование = Speech Practice: Education : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Василенко, Л. В. Глуханько. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 160 с.
7. Василенко, Е. Н. Практика речи: Отдых и досуг. Путешествия = Speech Practice: Recreation & Leisure. Travelling : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Василенко, В. В. Рингевич, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 108 с.
8. Василенко, Е. Н. Практика речи: Работа = Speech Practice: Jobs : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Василенко, Л. В. Глуханько, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 104 с.
9. Василенко, Е. Н. Практика речи: Спорт = Speech Practice: Sport : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Василенко, Л. В. Глуханько, В. В. Рингевич, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 104 с.
10. Василенко, Е. Н. Практика речи: У карты мира. Городская жизнь = Speech practice: World Map. City Life : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Василенко, В. В. Рингевич, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 132 с.
11. Губич, П. А. Практика речи: Бытовое обслуживание = Speech Practice: Consumer Services : учеб.-метод. пособие / П. А. Губич. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 100 с.
12. Книга, Ю. А. Практика речи: Жилье = Speech Practice: Housing and Accommodation : учеб.-метод. пособие / Ю. А. Книга. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 76 с.
13. Якубова, В. Ю. Практика речи: Питание = Speech Practice: Food and Meals : учеб.-метод. пособие / В. Ю. Якубова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 116 с.
14. Глуханько, Л. В. Основной иностранный язык. Уровень 1. Практика речи. Лексика: правильный выбор слова = English Speech Practice. Level 1. Lexical Meaning: choosing the right word : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 68 с.
15. Глуханько, Л. В. Основной иностранный язык. Уровень 2. Практика речи. Лексика: правильный выбор слова = English Speech Practice. Level 2. Lexical Meaning: Choosing the Right Word : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 64 с.
16. Глуханько, Л. В. Основной иностранный язык. Уровень 3. Практика речи. Лексика : правильный выбор слова = English Speech Practice. Level 3. Lexical Meaning: choosing the right word : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 64 с.
17. Зверева, Ю. С. Описание национально-культурной семантики фразеологических единиц английского языка в лингвострановедческом словаре / Ю. С. Зверева // Студії з філології та журналістики. – 2016. – Вип. 4. – С. 83–85.
18. Зверева, Ю. С. Лингвострановедческий словарь фразеологизмов английского языка / Ю. С. Зверева // Скориновские чтения 2016. – Минск : БГТУ, 2016. – С. 101–105.
19. Петрушевская, Ю. А. Использование фразеологических и паремиологических единиц в обучении иностранному языку / Ю. А. Петрушевская, А. Н. Шестернева // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 32–34.
20. Шестернева, А. Н. Использование идиоматических выражений в процессе обучения иностранному языку / А. Н. Шестернева // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сб. науч. статей / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 280–283.

21. Иванов, Е. Е. Английские пословицы: из литературы и в литературе: этимология, функционирование, варианты = English Proverbs: from Literary Texts, in Literary Texts: Etymology, Usage, Variability / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 76 с.

22. Иванов, Е. Е. Происхождение и история английских пословиц = The Etymology and History of English Proverbs / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 80 с.

23. Иванов, Е. Е. Курсовые работы по языкознанию (фразеология, паремиология, афористика английского языка) : учеб.-метод. пособие / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 204 с.

24. Пугачева, Л. С. Фразеологический минимум в обучении иностранных студентов-филологов русским фразеологизмам, пословицам и поговоркам / Л. С. Пугачева // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. – 2011. – Т. 129. – С. 192–198.

25. Иванов, Е. Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сб. науч. статей. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2012. – С. 3–7.

26. Иванов, Е. Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь / Е. Е. Иванов // Проблемы качества образования Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов : в 2 т. – Москва : Российская академия образования, 2008. – Т. 1. – С. 161–170.

Abstract. The article deals with the principles and criteria for the selection of the educational minimum of phraseological units of the English language in the methodological textbooks covering the content of the discipline “First Foreign Language”.

Keywords: phraseological units, foreign language, foreign language teaching methodology, textbook.

УДК 811.161.1'22'242'27'373:398.91

О. С. Гуркова, С. Б. Кураш

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИПОСЛОВИЦ КОНТАМИНИРОВАННОГО ТИПА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. Статья посвящена русским антипословицам, образованным путем контаминации известных пословиц. Характеризуются структурно-семантические и прагматические особенности антипословиц данного типа. Выявлены основные модели построения антипословиц-контаминантов (бинарные и тринарные). Отмечено, что высказывания такого рода не характеризуют действительность, а являются в своем большинстве проявлениями языковой игры, языкового юмора.

Ключевые слова: антипословица, контаминация, модель, языковая игра, языковой юмор.

В стихии современной русской речи особый интерес приобретают средства создания языкового юмора, характеризующегося, среди прочего, использованием языка в игровой форме, посредством чего высвечиваются самые тонкие грани того или иного объекта в процессе его репрезентации в той или иной языковой (а точнее – культурно-языковой) картине мира. Юмор и языковая игра – два феномена, чаще всего идущих «рука об руку» и становящихся основным средством создания комического, достигаемого «целым рядом приемов, с помощью которых достигается юмористический эффект. Это, в частности: намеренное искажение, пародирование, передразнивание какого-то явления, преувеличение, нагромождение, выпячивание каких-то черт, вырывание, изъятие предмета из его привычной среды, столкновение несоединимых предметов или черт, например, «высокого» и «низкого», вообще снижение образа, его упрощение, вульгаризация, обманывание ожидания и т. п.» [1, с. 8].

В современной речевой действительности юмор такого плана – значительная часть так называемых «интернет-приколов», коих в интернете на различных порталах (в особенности в соцсетях, ЖЖ, специальных юмористических сайтах и пр.) предостаточно, в том числе не только в вербальной форме, но и в цифровой (видео- и аудиофайлы, флэш-анимация и пр.). Однако они, как и весь юмор в целом, отражают самые разные стороны жизни человека и общества.

В числе подобного рода средств особое место занимают антипословицы, под которыми обычно понимают «выражения, опровергающие либо пародирующие традиционную пословичную мудрость, отражающие в шутливой или ироничной форме современное осмысление жизни человека и окружающей его действительности» [2, с. 8].

Растущая популярность данного феномена обусловила и рост интереса к нему со стороны лингвистов. Так, в специальной литературе, посвященной антипословицам (как на материале русского, так и на многочисленных фактах из других языков), выработан ряд подходов к изучению данного явления, на основании которых получены и разнообразные классификации подобных единиц (см. [2]), созданы их словари ([2], [3]).

В центре нашего внимания – контаминированный тип антипословиц (по классификации Х. Вальтера и В. М. Мокиенко), т. е. такие производные единицы, которые созданы на базе «двух совершенно разных по смыслу (а нередко и по структуре) пословиц» [2, с. 20]. Они в количестве более 120 единиц были выбраны из словаря Х. Вальтера и В. М. Мокиенко [3] способом сплошной выборки.

Прежде всего, отметим то, что в буквальном смысле большинство подобных речевых отпословичных новообразований не являются антиподами известных отправных пословиц и иных устойчивых единиц, т. е. не вполне соответствуют префиксу «анти-», что, впрочем, характеризует не только данный структурный тип рассматриваемых единиц, в связи с чем сам термин «антипословица» ряд исследователей оценивал как не вполне точный или, как минимум, указывал на весьма широкое понимание данного «анти-» [3, с. 8–10]. Наиболее общую формулу такого типа контаминантов можно представить как

$$\frac{1}{2}X + \frac{1}{2}Y = Z,$$

где X – 1-е исходное устойчивое выражение (при этом $X = \frac{1}{2}X^1 + \frac{1}{2}X^2$), Y – 2-е исходное устойчивое выражение (при этом $Y = \frac{1}{2}Y^1 + \frac{1}{2}Y^2$), Z – антипословица как структурно-смысловое целое, надбуквенные индексы (¹ и ²) обозначают порядок расположения каждой из «половинок» исходных пословиц в их составе; при этом $Z \neq X$ и $Z \neq Y$. Сравн.: «Исходные паремии и производные от них антипословицы являются заведомо не синонимичными. В них ощущается стремление создать дистанцию, отделяющую носителя языка от оригинального текста и вызвать у слушателя или читателя раздумья, новые ассоциации, эмоции, причем исходный текст должен быть непременно узнаваем, что приводит к большой популярности трансформа» [2, с. 16].

Специфична и прагматика подобных антипословиц-контаминантов. Если пословицы традиционно считают «жемчужинами народного творчества, в которых отразился опыт, граненный веками и передаваемый из уст в уста, из поколения в поколение» [3, с. 3], то создание антипословиц во многом объясняется реакцией на современную действительность, по отношению к которой «пословичная система ценностей вступает в конфронтацию со здоровым юмором, едкой иронией или острой сатирой» [3, с. 4], сравн.: *Пиво без водки – деньги на ветер; Лучше пузо от пива, чем горб от работы* и т. п. Именно в этом случае мы имеем **антипословицу** в буквальном смысле этого самого «**анти-**».

Что же касается отпословичных новообразований контаминантного характера, то именно к ним отмеченное выше применимо менее всего. Какая-либо связь

с действительностью здесь практически ни при чем. Чаще всего – это языковая игра в чистом ее виде, подобная тому «филологизму», который стал отличительной чертой поэтического дискурса в XX – начале XXI веков, когда внимание стало сдвигаться от разнообразных фактов реальной либо вымышленной действительности к языку как особого рода феномену, а также к фактам любого языкового уровня (фонетического, словообразовательного, лексического, морфологического, синтаксического, текстового, в том числе и паремиологического, к речевому употреблению языковых единиц, к фактам языковой креативности и т. д.) [4, с. 113–116]. Например, в отношении таких единиц, как *На чужой каравай где сядешь, там и слезешь!*; *Не плюй в колодец: вылетит – не поймает;* *Не пеняй на зеркало, пока не перепрыгнешь*, и многочисленных им подобных вряд ли стоит искать хоть какую-то проекцию на действительность, ведем ли мы речь о традиционной аксиологии народа, отраженной в его паремиологии, либо о ценностных ориентирах дня текущего.

Замечено, что «пословичные преобразования целесообразно представить в виде деформационных стратегий, представляющих собой относительно стабильные и подчиненные определенным языковым законам механизмы (модели, схемы) трансформаций» [5, с. 264]. В соответствии с этим собранный нами материал распределен в структурно-смысловом отношении между следующими основными моделями порождения высказываний, соответствующих рассматриваемому типу антипословиц.

$$1) Z = \frac{1}{2}X^1 + \frac{1}{2}Y^2,$$

иными словами, результирующее антипословичное высказывание Z состоит из первой части первой пословицы ($\frac{1}{2}X^1$) и второй части второй пословицы ($\frac{1}{2}Y^2$), сравн.: *Первый блин клином вышибают (Первый блин комом + Клином клином вышибают)*; *Бог не выдаст, мужик не перекрестится (Бог не выдаст, свинья не съест + Гром не грянет, мужик не перекрестится)*; *Старый друг борозды не портит (Старый друг лучше новых двух + Старый конь борозды не портит)*; *Баба с возу – [и] волки сыты (Баба с возу – кобыле легче + И волки сыты, и овцы целы)*; *Дареному коню один раз отрежь (Дареному коню в зубы не смотрят + Семь раз отмерь, один отрежь)* и т. д.

Встречаются и такие примеры, когда в качестве двух «слагаемых» новой антипословицы функционируют не части известных пословиц, а строки из известных прецедентных текстов, по сути ставшие «крылатыми», сравн.: *Как много девушек хороших, а я люблю женатого (Как много девушек хороших + Парней так много холостых, а я люблю женатого)*.

Нужно отметить, что данная модель – наиболее распространенная (ей соответствует более половины всех собранных примеров), что достаточно легко объясняется силой действующих давно сложившихся в языке механизмов паремиообразования и законом языковой аналогии.

$$2) Z = \frac{1}{2}X^1 + \frac{1}{2}Y^1,$$

представлена немногочисленными примерами: *Сколько волка ни корми, а имей сто рублей (Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит + Не имей сто рублей, а имей сто друзей)*; *Сделал (кончил) дело, бабу с воза (Сделал дело, гуляй смело + Баба с возу – кобыле легче)*.

$$3) Z = \frac{1}{2}X^2 + \frac{1}{2}Y^2,$$

также представлена немногочисленными примерами: **Береги честь смолоду, коли рожка крива** (*Береги платье снову, а честь смолоду + Неча на зеркало пенять, коли рожка крива*).

$$4) Z = \frac{1}{2}X^2 + \frac{1}{2}Y^1,$$

модель, как видно, структурно обратная первой из рассмотренных выше. В чистом виде нами не зафиксировано примеров, которые бы полностью соответствовали данной модели. По-видимому, этому противоречат те же причины, которые обуславливают активное функционирование первой модели. Лишь с некоторыми оговорками к ней можно отнести единичные примеры типа **Большому кораблю рот радуется** (*Большому куску рот радуется + Большому кораблю – большое плавание*).

$$5) Z = X + \frac{1}{2}Y^2,$$

иными словами, совмещается целая пословица со второй частью второго устойчивого выражения, сравн.: **Сколько волку палец в рот ни клади, он все равно его откусит...** (*Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит + палец в рот не клади [кому]*).

Как и первая из рассмотренных, данная модель допускает в своем составе фразеологические единицы и фрагменты прецедентных текстов (в данном случае – известных песен): **Кишка тонка, и танки наши быстры!** (*кишка тонка [у кого] + Броня крепка и танки наши быстры*). Примеры, иллюстрирующие данную модель, в нашей картотеке также немногочисленны. Антипословиц данной модели, в состав которых бы входила в качестве второй части первая часть второй пословицы, не зафиксировано (см. комментарий к модели 4).

Помимо перечисленных моделей, где последовательность первой и второй частей результирующего контаминанта выражена четко (более-менее четко), нами выявлен ряд примеров, которые демонстрируют своеобразную «рамочную» композицию, когда вторая (или ее часть) (Y) монтируется внутрь первой (X), а именно:

$$6) Z = [X(Y)X], \text{ сравн.:}$$

Не плюй в колоду – пригодится в нее садиться! (*Не плюй в колодец – пригодится воды напиться + сесть в колоду*).

Наконец, небольшая группа выявленных антипословиц-контаминантов соответствует не бинарной, а тринарной структуре, общая модель которой будет выглядеть как

$$7) Z = X + Y + N.$$

В связи с немногочисленностью примеров, подходящих под данную модель, мы в рамках данного исследования оставляем ее в таком общем виде (без детализации, которая в принципе возможна при дальнейшем накоплении материала), сравн.: **Чья бы корова мычала, а паршивая овца борозды не испортит** (*Чья бы корова мычала, а твоя промолчала + Паршивая овца все стадо портит + Старый конь борозды не испортит*); **Дареного коня бороздой не испортишь** (*Дареному коню в зубы не смотрят + Старый конь борозды не портит + Кашу маслом не испортишь*); **На чужой вершок не разевай корешок** (*На чужой роток не накинешь платок + На чужой каравай рот не разевай + вершки и корешки*).

Выводы.

1. Русские антипословицы контаминантного типа достаточно разнообразны с точки зрения структурно-смысловых моделей, лежащих в их основе. Абсолютное

большинство выявленных проанализированных единиц соответствует модели, при которой первая часть первой поговорки объединяется со второй частью второй поговорки.

2. Помимо бинарных моделей антипоговорок-контаминантов, выявлена тринарная модель, в связи с чем приведенное выше определение контаминации как способа построения антипоговорки на базе двух разных поговорок следует уточнить: на базе не менее двух разных поговорок.

3. Несмотря на неожиданность и высокую степень произвольности объединения разных поговорок в одну, явную установку на языковую игру, созданные на их базе антипоговорки подчиняются установившимся в языке механизмам и языковой аналогии.

4. В плане прагматики антипоговорочные контаминанты ориентированы не на отображение внеязыковой действительности, а в своем абсолютном большинстве представляют собой результат языковой игры, средство достижения юмористического эффекта, иллюстрируют так называемую «карнавализацию языка».

Список использованных источников

1. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта ♦ Наука, 2006. – 344 с.
2. Иванов, Е. Антипоговорки Рунета : типология и словарь. Выпуск 3. / Е. Иванов ; ред. С. Важник. – Минск : Право и экономика, 2009. – 72 с.
3. Вальтер, Х. Антипоговорки русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2005. – 576 с.
4. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
5. Хопияйнен, О. А. Деформационные стратегии в образовании антипоговорок / О. А. Хопияйнен, Н. В. Филимонова // Язык и культура. – 2018. – № 42. – С. 258–272.

Abstract. The article is devoted to Russian anti-proverbs formed by contamination of famous proverbs. The structural-semantic and pragmatic features of this type of anti-phrases are characterized. The main models of the construction of contaminated antiphrases (binary and trinary) are revealed. It is noted that anti-theologians of this kind do not characterize reality, but are mostly manifestations of language play, language humor.

Keywords: anti-proverbs, contamination, model, language game, language humor.

УДК 811.16'42:398.92

М. С. Гутовская

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В работе предлагается классификация фразеологизмов разных языков по признакам межъязыкового сходства и различия с учетом языкового, культурного и когнитивного источников формирования обоих признаков. Возможности классификации демонстрируются на примере русской и английской метаязыковой (связанной с языком, речью, общением) фразеологии.

Ключевые слова: фразеология, метаязыковая фразема, план содержания, план выражения, источники формирования межъязыковых сходств и различий.

1 Проблематика исследования. В. фон Гумбольдт первым осознал, что языки различаются не только материальными оболочками, но и отображенными в них способами мировосприятия, и высказал мысль о том, что своеобразие языка оказывает воз-

действие на ментальность пользующегося данным языком народа (1830–1835). Идею этноспецифичности языкового содержания, его воздействия на ментальность и культуру народа носителя развивали Л. Витгенштейн (1921), Л. Вайсгербер (1929), Л. С. Выготский (1934), Б. Л. Уорф (1939; 1940). Постулат о самобытности заложенных в языках картин мира послужил теоретической основой эмпирических исследований, направленных на выявление особенностей представления в языках отдельных феноменов мира – цветов, эмоций, пространства, времени, движения и др. – и изучение влияния языковой концептуализации этих феноменов на их восприятие носителями языков (в работах С. И. Хаякава, А. Р. Хаякава (1949), А. П. Василевича (1987), С. Левинсона (2001), М. Хикман (2006)). Был отмечен обоюдный характер связи между языком, сознанием и культурой.

Благодаря развитию в XIX–XX вв. сравнительно-исторического языкознания, лингвистической типологии, лингвистики универсалий, продемонстрировавшим принципиальную сопоставимость разных языков, в фокусе исследования оказались не только специфические, но и общие черты национальных языков, менталитетов и культур.

В современных сопоставительных исследованиях словаря, нацеленных на выявление сходств и различий лексики и / или фразеологии национальных языков, значительное место отводится человеческому фактору. Характеристика явлений языка осуществляется в том числе с учетом особенностей видения мира представителями языкового сообщества и ценностей их культуры, выступающих ориентирами в языкотворческой деятельности (в работах В. Н. Телия [1], В. М. Мокиенко, Е. К. Николаевой [2], И. В. Приваловой [3], В. И. Ковалю [4], И. В. Зыковой [5], Е. В. Ничипорчик [6]).

Несмотря на давнюю историю изучения межъязыковых отношений, вопрос о природе сходств и различий лексики и фразеологии разных языков остается открытым. Ощущается недостаток эмпирических данных о соотношении в словаре в целом и его лексической и фразеологической составляющих интернационального и национального. Наблюдается потребность в создании классификаций с учетом источников межъязыковых сходств и различий.

2 Классификация фразеологии в аспекте межъязыковых сходств и различий с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов формирования обоих признаков. В работе представляется систематизация фразеологии в аспекте межъязыковых сходств и различий с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов формирования схожего и специфического.

Идентификация межъязыковых сходств и различий осуществляется посредством анализа плана содержания и плана выражения разноязычных фразеологических единиц. Соотносимыми признаются единицы, обладающие общим семантическим инвариантом и характеризующиеся полным или частичным совпадением внутренней формы. К национально специфическим относятся единицы, не схожие по форме или / и содержанию.

В межъязыковом аспекте с учетом разграничения языковых, культурных и когнитивных факторов формирования общего и различительного в национальных фразеологических фондах выделяются шесть групп единиц: три группы схожих – 1) единицы, сходство которых связано с языковыми факторами; 2) единицы с культурно обусловленным сходством; 3) единицы с когнитивно детерминированным сходством; три группы специфических – 4) обозначения с этноязыковой специфичностью; 5) этнокультурно специфические обозначения; 6) этнокогнитивно специфические обозначения.

Деление разрядов схожего и специфического на три одинаковые в обоих разрядах группы – обусловленное причинами языкового, культурного и когнитивного характера – производится с использованием комплекса исследовательских процедур. Графикофонематический анализ межъязыковых соответствий дает возможность определить группу графически и / или фонематически однородных единиц, возводимых к общему языковому источнику (стимулированное языковыми причинами сходство: *pro et contra*

‘(доводы) за и против’ – латинское выражение укоренилось в оригинальной оболочке во многих языках). Учет этимологических данных помогает установить группу единиц, связанных с общими культурно-историческими феноменами, наднациональными по отношению к языкам сопоставления (культурно обусловленное сходство: фраземы *эзопов язык*, *Aesopian language* со значением ‘иносказательная речь’ отсылают к античной истории). Предметно-логическое и ассоциативно-образное изучение внутренней формы позволяет выделить группу единиц, характеризующихся общностью лежащего в их основах номинативного замысла (когнитивно детерминированное сходство: *навострить уши*, *prick up one's ears* (букв. ‘ставить уши острым концом вверх, поднимать уши (о собаке)’) ‘с интересом прислушаться к тому, что говорится’). Те же три совокупности приемов используются для разграничения трех групп внутри разряда этноспецифичных единиц – группы единиц, объективирующих особенности данного языка и имеющих в других языках отличные по форме соответствия (связанная с языковыми факторами специфичность: русское *тары-бары разводить* и английское *bla bla bla* со значением ‘пустые разговоры, болтовня’ построены на основе типичных для каждого языка звукосочетаний); группы единиц, связанных со своей национальной культурой (культурно обусловленная специфичность: фразема *Лиса Патрикеевна* ‘о льстивом человеке’ отсылает к персонажу русских народных сказок, фразема *aunt Sally* (букв. ‘тетка Салли’) ‘объект необоснованной критики’ восходит к английской народной игре); группы единиц, демонстрирующих особенности национального мировосприятия и обладающих специфичной внутренней формой и/или содержанием (когнитивно детерминированная специфичность: английская фразема *chattering classes* ‘светская и богемная публика, любящая поговорить на актуальные темы во всеуслышание – на радио, телевидении, в прессе’, обозначает понятие, непоименованное в русском языке).

Возможности классификации демонстрируются в работе на примере русской и английской фразеологии с метаязыковой семантикой.

3 Разнообразие русской и английской метаязыковой фразеологии в аспекте межъязыковых сходств и различий с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов. По признакам межъязыковой схожести vs специфичности и с учетом трех порождающих эти свойства факторов в метаязыковой фразеологии рассматриваемых языков вычленяются шесть групп фразем.

3.1 Фразеологические сходства, обусловленные языковыми факторами. Фраземы этой группы восходят к общим, главным образом классическим, языковым источникам и сохраняют иноязычную графическую и/или звуковую форму. Примером иноязычных оборотов, укоренившихся в русском и английском языках в оригинальной оболочке, могут служить латинские выражения *argumentum ad hominem* ‘аргумент к личности’ (OnlineCA; OnlineIFD), *multa paucis* (букв. ‘многое в немногом’) ‘многое в немногих словах; коротко и ясно’ (OnlineCA; OnlineIFD). Многие нетранслитерированные иноязычные фраземы функционируют в книжном стиле наряду с соответствующими им транслитерированными вариантами и/или фразеологическими кальками: фр. *façon de parler* – *фасон де парле* – *манера выражаться* (OnlineCA).

3.2 Культурно обусловленные фразеологические сходства. Наличие в разных языках фразеологических параллелей этого типа обусловлено культурно-исторической близостью говорящих на них народов. Фразеологические единицы с культурно детерминированной схожестью восходят к общему, надэтническому по отношению к рассматриваемым языкам культурному наследию: фраземы *двуликий Янус*, *double-faced Janus* ‘о лицемерном человеке’ (ФСРЯ, 62; РАСКС, 69) отсылают к римской мифологии, фраземы *оговорка по Фрейду*, *freudian slip* ‘обмолвка, выдающая тайные побуждения говорящего’ (LID, 315; OnlineMT) – к известной теории основателя психоанализа З. Фрейда.

3.3 Когнитивно детерминированные фразеологические параллели. Межъязыковой фразеологический параллелизм когнитивного характера объективирует схожее в

логическом и ассоциативном мышлении носителей разных языков, обнаруживает их способность генерировать тождественные номинативные идеи под действием общих внешних стимулов или перенимать их. Фразеологические параллели такого рода складываются путем независимого развития в результате одинакового осмысления общеизвестных феноменов мира или путем калькирования иноязычных номинативных моделей при языковых контактах.

Самостоятельно возникают в основном схожие образные фраземы. Совпадение образности детерминирована универсальностью механизмов фразеологизации – метафоры, метонимии, образного сравнения – и значительной общностью условий, в которых функционируют языки. Примером независимо сложившихся в русском и английском языках когнитивно обусловленных параллелей могут служить фраземы *gladitъ protiv шерсти*, *rub the fur the wrong way* ‘говорить кому-л. неприятное’ (ФСРЯ, 47; OnlineIFD).

В результате калькирования появляются как образные фраземы, так и необразные терминологизированные: *порочный круг*, *vicious circle* [от лат. *circulus vitiosus*] ‘логическая ошибка, состоящая в том, что какое-л. положение доказывается при посредстве другого, которое само должно быть доказано при посредстве первого’ (ФСРЯ, 211; OnlineIFD), *родительный падеж*, *genitive case* [от др.-греч. *γενική πῶσις*, лат. *casus genitivus*] ‘падеж, выражающий значение принадлежности’ (ФСРЯ, 30; OnlineIFD).

3.4 Фраземы с этноязыковыми особенностями. Специфичность фразеологических единиц этого типа связана с фоносемантическим и структурным своеобразием национального языка, с особенностями возникновения и бытования единиц в языке.

Группу фразеологических обозначений с этноязыковой специфичностью образуют две неравные по объему подгруппы: 1) количественно преобладающие исконные немотивированные фраземы (*вешать (всех) собак на кого* ‘наговаривать, сваливать что-л. на кого-л.’ (ФСРЯ, 28), *lay out in lavender* (букв. ‘выложить лавандой’) ‘строго бранить’ (OnlineIFD)); 2) немногочисленные фраземы с осложненной собственно языковыми факторами формой (построенные на основе рифмы и ритма: *ни складу ни ладу*, на игре синонимов: *признаться сказать* и т. п.).

3.5 Этнокультурно специфичные фраземы. Этнокультурно обусловлена специфичность фразем, образная основа которых содержит отсылки к своей традиционной народной культуре (фольклору, мифам, верованиям) или связана с историей народа, особенностями его быта, социального и политического уклада, своеобразием природно-географической среды. Образ фраземы *задать баню / пару* ‘сделать выговор кому-либо’ (ФСРЯ, 84) связан с бытом русского народа. Английская фразема *dance attendance on sb* ‘льстить, заискивать, добиваясь чьего-л. расположения’ (LID, 10) восходит к старинному английскому обычаю (зафиксирован в брачном кодексе 1543 г.), в соответствии с которым на свадебном вечере невеста должна была танцевать с любым гостем, пригласившим ее на танец (АРФС, 56).

Этнокультурно специфичными являются и фраземы, которые называют культурно-исторические, социально-политические и природно-географические реалии: *разрядные книги* ‘(ист.) книги Разрядного приказа, в которые записывались распоряжения о ежегодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу, извлеченные из наказов, грамот, списков, местнических дел’ (ФСРЯ, 236), *Estuary English* ‘эстуарный английский; диалект английского языка, на котором говорят в Юго-Восточной Англии, вдоль эстуария реки Темзы’ (PDEI, 215).

3.6 Этнокогнитивно специфичные фраземы. Этнокогнитивно специфичными являются фраземы, объективирующие особенности национального осмысления феноменов мира. В группе этнокогнитивно специфичных фразем различаются три подгруппы обозначений – демонстрирующие своеобразие номинативного замысла, языковой концептуализации и ассоциативно-образной базы.

Фраземы первой подгруппы соотносимы по семантике, но отличаются по внутренней форме. В основе фразем, отличающихся самобытностью номинативной идеи, лежат своеобразные – не представленные в языке сопоставления – направления осмысления и образы.

Необычными для русскоязычного сознания кажутся номинативные решения таких английских фразем, как *left-handed compliment* (букв. ‘сделанный левой рукой комплимент’) ‘двусмысленный комплимент’ (LID, 68), *bounce ideas off sb* (букв. ‘ударить идеями о кого-л., как мячом о что-л.’) ‘поделиться с кем-л. мыслями или планами, узнать чье-л. мнение, прежде чем принять решение’ (LID, 179) и т. п.

Фраземы, демонстрирующие особенности языкового членения мира (вторая подгруппа), называют явления, представленные в средах существования обоих привлекаемых к сопоставлению языков, но зафиксированные лишь в одном из языков и лакунизированные в другом. На фоне русского языка когнитивно безэквивалентными оказываются английские фраземы *damn sb with faint praise* (букв. ‘проклинать кого-л. слабой похвалой’) ‘хвалить так умеренно (часто обидно-снисходительным тоном или двусмысленно), что похвала оказывается похожей на порицание’ (LID, 271; OnlineMT; OnlineCA), *put the world to rights* (букв. ‘приводить мир в порядок’) ‘говорить о том, как исправить мир, будучи невластным что-л. сделать’ (LID, 394; OnlineMT), *sting in the tail* (букв. ‘жало в хвостике, скрытое жало’) ‘неприятное замечание в конце, неожиданная неприятная развязка’ (LID, 327; OnlineCA).

Фраземы, отображающие специфичные ассоциативно-образные представления конкретного языкового коллектива (третья подгруппа), отличаются самобытностью моделей переосмысления. Убедительно иллюстрируют особенности национального образного мышления разноязычные номинативные единицы, схожие по образной основе, но различающиеся по значению (общая сфера-источник, но разные сферы-цели переосмысления). Например, во фразеологии русского и английского языков воплощен образ, связанный с практикой приручения домашних животных, когда животному продевают в нос кольцо и, потягивая за кольцо, заставляют его идти в определенном направлении. Однако вождение за нос в русскоязычном сознании стало ассоциироваться с обманом, а в англоязычном – с доминированием: *водить за нос* ‘вводить в заблуждение’ (ФСРЯ, 33), *lead sb by the nose* (букв. ‘водить кого-л. за нос’) ‘всецело подчинить, держать кого-л. в полном подчинении’ (OnlineIFD).

3.7 Соотношение общего и различительного в русской и английской метаязыковой фразеологии. Распределение русских и английских метаязыковых фразем по предусмотренным классификацией разрядам схожего и специфичного с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов формирования двух признаков отражено на рисунке 1.

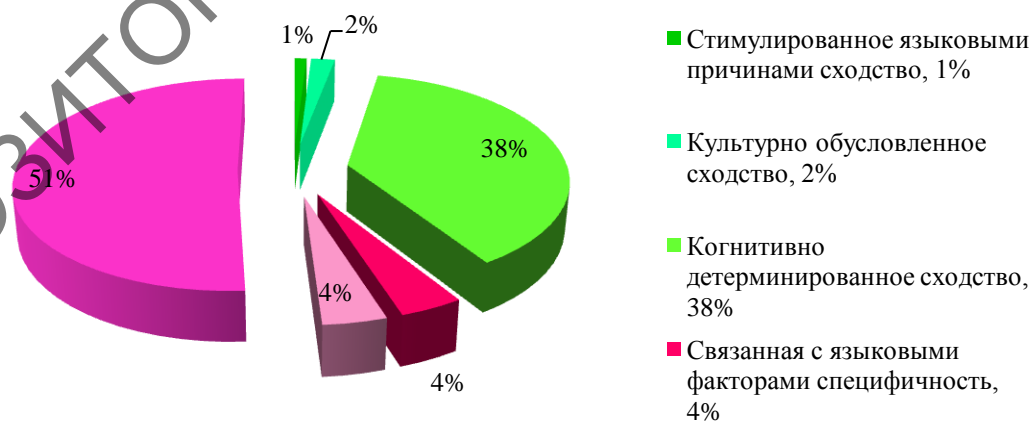

Рисунок 1 – Процентное соотношение схожего и специфичного в русской и английской метаязыковой фразеологии с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов

Схожее и специфичное в русской и английской метафразеологии находятся в соотношении примерно 1 : 1,4. Полученные данные говорят о большей доле этноспецифического во фразеологии, но опровергают весьма распространенное в лингвистике представление о национальной окрашенности фразеологического фонда в целом – об абсолютном характере категории этноспецифического в сфере фразеологии речь идти не может: соотносимые в межъязыковом аспекте фраземы имеют высокий удельный вес.

Значительной конвергенции метаязыковой фразеологии рассматриваемых языков способствует единство европейской цивилизации и информационных процессов: сближение культур, психологии, социальных и материальных условий жизни и фоновых знаний европейских народов, интеграция наук, интенсификация языковых контактов на просветительской почве, увеличение объемов коммуникации разноязычных сообществ посредством телекоммуникационных технологий.

4 Практическая значимость. Предусматриваемое классификацией разграничение межъязыковых различий во фразеологии на различия языкового, культурного и когнитивного порядка имеет значимость в практике преподавания иностранного языка. Осмысление трех видов фразеологических единиц – единиц, воплощающих языковые, культурные и когнитивные различия, – требует различной степени погружения в «чужую» среду: знания только иностранного языка, языка и культуры, языка и менталитета (и культуры) соответственно, поэтому знакомить обучающихся с единицами названных видов целесообразно на разных этапах обучения.

Список сокращений

АРФС – Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956; **РАСКС** – Уолш И. А., Берков В. П. Русско-английский словарь крылатых слов. М.: Русский язык, 1984; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов. М.: Медиа: Дрофа, 2007; **LID** – Longman Idioms Dictionary. Harlow: Pearson Educ. Ltd, 1998; **PDEI** – Gulland D. M., Hinds-Howell D. Penguin Dictionary of English Idioms. London: Penguin Books Ltd, 2002; **OnlineCA** – Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 22.10.2022); **OnlineIFD** – Idioms by The Free Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (date of access: 22.10.2022). **OnlineMT** – Multitran [Electronic resource]. URL: <http://www.multitran.com> (date of access: 22.10.2022).

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
2. Мокиенко, В. М. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира / В. М. Мокиенко, Е. К. Николаева // *Rossica Olomucensia XL*. – Olomouc, 2002. – С. 17–34.
3. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) / И. В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 472 с.
4. Коваль, В. И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики / В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 217 с.
5. Зыкова, И. В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического изучения / И. В. Зыкова. – М. : Ленанд, 2019. – 380 с.
6. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

Abstract. The paper proposes a classification of phrasemes of different languages on the basis of cross-language similarities and differences which takes into account the language, cultural and cognitive sources of formation of the two features. It demonstrates the possibilities of applying the classification by the example of the Russian and English metalingual (referring to language, speech, communication) phraseology.

Keywords: phraseology; metalingual phraseme; plane of content; plane of expression; sources of formation of cross-language similarities and differences.

О. В. Данич

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ**

Аннотация. Проанализирован образовательный потенциал русских фразеологизмов и паремий. Данные единицы языка рассматриваются как материал для формирования базовых фоновых культурных знаний младших школьников. Акцент сделан на комплексном характере работы, которая ориентирована на развитие когнитивных, познавательных и творческих способностей учащихся на материале национальной культуры.

Ключевые слова: фразеологизмы, паремии, культурные знания, национальная культура, младшие школьники.

Развитие современной системы отечественного образования, как важнейшего общественного института, находится в русле тенденций развития самого общества, отвечая его запросам. Безусловно, в своих основных направлениях белорусское образование не имеет кардинальных отличий от российского, поскольку основа одна – советская педагогика. Преодолевая модный негативизм в восприятии всего советского, мы отрицаем постулат о «проклятом наследии прошлого»: советская система образования доказала свою эффективность, подготовив несколько поколений, обладающих, как минимум, элементарной грамотностью (в понимании умения читать и писать) и, как максимум, достаточным объемом знаний в самых разных областях, формирующих базу для дальнейшего интеллектуального развития, в зависимости от выбранного направления деятельности.

В целом актуальные задачи были выполнены, и, вследствие геополитических изменений, приоритеты в ценностях и целях образования изменились: на смену пресловутым ЗУНам (которые, честно говоря, по-прежнему совершенно необходимы как база, основа образования и самообразования) пришли компетенции и компетентности. Мы не будем останавливаться на разведении этих дефиниций, скажем лишь, что эта тенденция обусловлена переориентацией цели школьного (да и не только!) образования с подготовки эрудированного, обладающего масштабным мышлением выпускника на узкого профессионала (читай, ремесленника), обладающего рядом компетенций, «заказанных» наиболее востребованными сегментами рынка труда. Нормативное и программное обеспечение образовательного процесса также стало трансформироваться в соответствии с названной тенденцией. Мы не будем говорить о перекосах в распределении учебного времени в сторону естественнонаучных дисциплин за счет гуманитарных, напомним лишь в качестве примера о глобальном тестировании всего и вся и о чрезмерной, как нам кажется, профилизации.

Тем не менее можно с удовлетворением отметить проявления возвращающегося интереса общества к гуманистической основе образования, которое ориентировано не на подготовку выпускника с набором компетенций как продукта, результата работы системы, а воспитание человека, способного реализовать свой потенциал и быть полезным тем самым стране и народу. Как нам видится, главную роль в достижении такой цели играет именно культурологическая составляющая образования.

Образовательный потенциал культуры, особенно национальной, должен целенаправленно реализовываться на всех ступенях получения образования. В качестве иллюстрации к вышесказанному рассмотрим некоторые возможные направления работы в начальной школе.

Подготовка выпускника начальной школы базируется на нескольких подходах, важнейшими из которых являются культурологический, личностно ориентированный и компетентностный [1], что позволяет реализовать главную цель образования – форми-

рование и развитие всесторонне развитой, гармоничной личности, обладающей базовыми предметными знаниями, метапредметными умениями и важнейшими для славянской культуры личностными качествами. Концептуальной основой для организации образовательного процесса в этом случае становится культура народа в ее классическом понимании: «Культура – это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупном отношении людей к природе, к самим себе и к другим» [2, с. 292]. Как следствие, содержание образовательного процесса и его организация должны быть ориентированы на присвоение школьниками духовных и материальных ценностей как отечественной, так и мировой культуры.

Принципиально важным, с нашей точки зрения, является не пассивный характер присвоения, скажем, в виде ознакомления с описанием того или иного артефакта, представленного в учебном пособии или специализированном словаре-справочнике, а активный, деятельный. Методическим инструментарием такого процесса могут стать приемы работы, направленные на развитие интеллектуально-познавательной, информационно-читательской и коммуникативной сферы деятельности учащихся, что позволит формировать навыки функциональной грамотности в целом [3].

В качестве материала для усвоения младшими школьниками общекультурных и национально окрашенных знаний целесообразно использовать культуроведческие тексты. Работа с таким материалом позволит эффективно формировать общекультурную компетентность и национальное самосознание учащихся, при условии использования приемов развития универсальных учебных действий как способа достижения целого ряда предметных, личностных и метапредметных результатов.

Проиллюстрируем сказанное на некоторых примерах использования фразеологизмов и паремий, которые, вне всякого сомнения, являются самыми «культурноносными» единицами национального языка.

Организация работы над фразеологическим и паремиологическим материалом должна носить комплексный характер и быть включенной как в канву урока по русскому языку или литературному чтению, так и факультативных или стимулирующих занятий. Может быть также продуктивным использование языкового материала на уроках «Человек и мир» и «Мая Радзіма – Беларусь», что позволит не просто реализовать межпредметные связи, но и действительно продемонстрировать учащимся прямую взаимосвязь и взаимообусловленность языка и культуры.

Так, уместно предложить следующие виды работы и задания для учащихся, направленные на доказательство тезиса о том, что в значении фразеологизмов, пословиц и поговорок можно увидеть комплексное представление народа-носителя языка об устройстве жизни, правилах поведения, отношениях человека ко всему, что его окружает, т. е. о том, что принято называть культурой народа:

1. Прочитайте текст. Сформулируйте его главную мысль. Обсудите с одноклассниками и запишите наиболее точную формулировку.

Пословицы, поговорки и фразеологизмы – неотъемлемый атрибут культуры народа, отражение жизни той нации, к которой они принадлежат, это образ мыслей и характер народа. Язык – одна из важнейших частей культуры. Вся культурная деятельность не может отделиться от языка. Каждый язык – это зеркало культуры с большим духовным богатством. Его единицы тесно связаны с культурой; являются накоплением истории и отражают глубокое чувство национальной культуры».

Пословицы, поговорки и фразеологизмы являются отражением мудрости многих поколений. Многие годы эти краткие изречения включали законы нравственности и нормы поведения и оказывали огромное влияние на формирование духовности нации. В них отражены исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей в целом.

Работа над учебно-познавательным текстом лингвокультурологической направленности формирует у учащихся умение анализировать, синтезировать и интерпретировать информацию, представленную в неявном виде, а также создавать на ее основе связные устные и письменные высказывания. Кроме того, развиваются умения выражать собственную точку зрения, защищать ее и изменять в случае необходимости.

2. Прочитайте текст.

В составе фразеологизмов, пословиц и поговорок мы часто можем встретить слова, называющие такие предметы или явления, которые свойственны только национальной культуре, например, верста, каша, щи, соха, печь, изба и др. Такие слова называют национально окрашенной лексикой. Владение такой лексикой способствует расширению и обогащению знаний о языке и культуре родной страны. Значение некоторых таких слов может быть непонятно, например, соха (один с сошкой – семеро с ложкой – «трудом одного работника кормятся несколько бездельников»), верста, кисель (за семь верст киселя хлебать – «бесполезное и далекое путешествие»), аршин (мерить на свой аршин – «оценивать по-своему»). Причиной таких затруднений чаще всего бывает исчезновение предметов, названных этими словами. Однако в них до сих пор сохраняется история народа, поэтому изучение таких явлений особенно ценно для того, чтобы ощутить свою принадлежность к народу-носителю национального языка.

Что нового о значении и роли образных единиц языка вы узнали, прочитав этот текст? Сформулируйте свою мысль в виде связного устного высказывания. Понятно ли вам значение слов, выделенных в тексте в качестве примеров? Если нет, запишите эти слова и их значение, определив его при помощи ресурсов интернета или других источников.

Работа над этим текстом, помимо актуализации имеющихся и получения новых предметных знаний, предполагает формирование и развитие метапредметных умений анализировать, интерпретировать и оценивать информацию с точки зрения новизны и известности, создавать устное высказывание на основе собственной точки зрения, аргументировать ее, выделять текстовые компоненты по заданному параметру и искать недостающую информацию, используя различные источники.

3. Найдите в данных образных выражениях слова – названия предметов и явлений национальной культуры. Выделите те из них, значение которых вам неизвестно. Найдите недостающую информацию, пользуясь различными источниками.

Ума палата, семи пядей во лбу, бесструнная балалайка, мелкая сошка, гол как сокол, квас да картошка уже и крошка, только дурак двор продаст, да балалайку купит, бобы разводить, закусывать удила, не все коту Масленица – будет и Великий пост, свой ум – царь в голове, без атмана казак сирота, пошла писать губерния, променял сапоги на лапти, выносить сор из избы.

Анализ языкового материала, представленного в этом тексте, развивает умения искать и анализировать неявную информацию, оценивать ее по параметру новизны и достаточности, а также умения самостоятельно находить неизвестные сведения, используя для поиска адекватные источники. В целом можно сказать, что учащиеся самостоятельно планируют и осуществляют свою учебно-познавательную деятельность.

4. Попробуйте соотнести рисунок с определенным фразеологизмом, пословицей и поговоркой, о которых шла речь в предыдущем задании. Напишите это образное выражение рядом с соответствующим рисунком.

Рисунок 1 – Иллюстрации устойчивых выражений

Содержание задания ориентировано на развитие умений соотносить информацию, представленную в разной форме: текстовой и визуальной. Учащиеся должны будут также проанализировать ранее полученную информацию по заданному критерию, для чего им потребуется самим найти способ решения проблемной задачи.

5. Часто в составе образных выражений встречаются имена известных людей или географические названия. Это тоже очень важный источник знаний о культуре народа. Попробуйте вместе с друзьями выяснить историю возникновения этих выражений. Используйте эти выражения в речи.

Дамоклов меч, верста коломенская, нить Ариадны, ездить в Тулу со своим самоваром, отогрелся в Москве, да замерз в Березине, ахиллесова пята, вавилонское столпотворение.

Выполнение этого задания потребует от учащихся умения организовывать коллективную исследовательскую деятельность: определять этапы работы и их содержание, распределять обязанности, осуществлять оценку результатов. Демонстрацией адекватного понимания значения образных выражений будет важнейшее коммуникативное умение, а именно: разработка речевых стратегий в соответствующих ситуациях общения.

Таким образом, использование культуроведческих текстов в качестве материала для решения учебно-познавательных задач позволяет достичь одновременно нескольких целей, важнейшими из которых являются следующие:

- расширение объема базовых фоновых культурных знаний;
- развитие когнитивных, познавательных и творческих способностей учащихся на материале национальной культуры;
- формирование устойчивой потребности во взаимодействии с объектами духовной и материальной культуры.

Безусловно, для организации такой деятельности учащихся педагог должен обладать достаточно обширным объемом лингвокультурных знаний, поскольку практически каждый вид заданий потребует от наставника грамотного лингвокультурологического комментария. Однако затраченные усилия окупятся сторицей, поскольку такая работа будет весомым вкладом в комплексное развитие и саморазвитие учащихся в процессе учебно-познавательной деятельности, направленной на овладение ценностями духовной и материальной культуры, которые призваны обеспечить сознательное строительство гармоничной жизненной среды, продуктивные отношения с природой, обществом и государством.

Список использованных источников

1. Образовательный стандарт начального образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://adu.by/images/2019/01/obr-standarty-ob-sred-obrazovaniya.pdf>. – Дата доступа : 14.09.2022.
2. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция : Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
3. Гулецкая, Е. А. Функциональная грамотность младшего школьника: интегративные компоненты / Е. А. Гулецкая, Т. А. Ковальчук // Веснік адукацыі. – 2021. – № 10. – С. 36–45.

Abstract. The educational potential of Russian phraseological units and proverbs is analyzed. These language units are considered as material for the formation of basic background cultural knowledge of younger students. The emphasis is on the complex nature of the work, which is focused on the development of cognitive, cognitive and creative abilities of students on the basis of national culture.

Keywords: phraseological units, proverbs, cultural knowledge, national culture, younger schoolchildren.

Е. Н. Денисенко

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ «ДЕРЕВО»
В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИЯХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ**

Аннотация. В статье представлено рассмотрение паремий и фразеологизмов русского и белорусского языков, имеющих в своем составе названия деревьев, являющихся знаками-символами и отражающими связь с «высшей» мифологией восточных славян и народной демонологией, с точки зрения когнитивного и антропоориентированного подходов.

Ключевые слова: дерево, знак-символ, паремия, фразеологизм, «высшая» и «низшая» мифология.

Суть и содержание восточнославянской мифологической картины мира составляет языческий синкретизм, основанный на оппозиционных и, реже, согласующихся параллелях, элементы которых постоянно пересекаются. Основной частью мировосприятия человека является природа, состоящая из значимых компонентов, приобретающих символическое и часто сакральное значение. Одной из таких составных частей является мифологема «дерево». Дерево в мифологической картине мира всех народов мира обладает особой силой и теснейшим образом связано как с человеком, так и с «высшей» и «низшей» мифологией. Проблему репрезентации языческих воззрений восточных славян в современных языках и, в частности, во фразеологии не раз поднимали исследователи [1; 2 и др.] и рассматривали этот вопрос глубоко, основываясь на классических трудах по этнолингвистике, мифологии, фольклору А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, В. И. Даля, М. Забылина, Д. К. Зеленина, В. В. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе, Н. И. Костомарова, К. Мошинского, А. А. Потемни, Н. И. Толстого, В. Н. Топорова. Вербальное отражение значимых концептуальных идей требует не только теоретического обоснования и анализа конкретных фразео-лексических групп в отдельных языках, но и системного, комплексного освещения проблемы на широком славянском фоне. В данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые русские и белорусские паремии и фразеологизмы, объединенные гиперонимом «дерево», которые отражают реликты древнего восприятия мира, на основе антропоориентированного и когнитивного подходов, с использованием сравнительного, описательного и логического методов исследования. Выборка языкового материала проводилась из лексикографических источников [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9 и др.].

Важнейшим средством концептуализации окружающего мира в древнем человеческом коллективе, как и в современном, была символика. В процессе жизни люди имели дело с репрезентациями окружающего мира, с его когнитивными картинками и моделями. Мир, таким образом, представлялся человеку через призму его культуры, и именно символика, как отмечено в исследованиях [10; 11; 12], является важной составляющей «картины мира», выступающей не всегда одинаково у носителей различных культур или одной и той же культуры в отдельные исторические периоды. Следовательно, в рамках знакового подхода традиционная народная культура, с точки зрения ее формы, предстает как сложно организованная система знаков [13, с. 8]. Слово в таком случае представляется как семиотический знак, символ, семиотическая формула того или иного мифологического образа. Знак-символ означает понятие, воспроизводящее определенную неразделяемую совокупность на основе сопоставимости и относительности. В мифе форма тождественна содержанию и поэтому символический образ представляет то, что он моделирует. Мифологическое мышление, по мнению исследователей [14, с. 249], выражается в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака. Эта неопозиционная взаимопроникающая бинарность проявляется в сфере воображения и обобщения как в

системе «высшей», так и «низшей» мифологии. Культурная традиция восточных славян отличается устойчивостью рудиментов архаических явлений, которые сохранились в паремиологической и фразеологической системах. Стойкой сохранности этих элементов в значительной мере способствовало представление о растительном мире, в частности о деревьях как универсальном средстве, синтезирующем все отношения в жизнедеятельности человека. Дендроним в восточнославянских культурах представляет собой сложный знаковый комплекс, имеющий в большинстве случаев общеславянское происхождение; деревья и их номинации обладают высокой степенью участия в обрядовом контексте, основой которого являются реликты восприятия природы в восточнославянской языковой и мифологической картине мира. Мифологема «дерево» включает несколько особо значимых знаков-символов и воспроизводится в современных языках на разных текстовых уровнях, включая фразеологический и паремиологический.

Поскольку деревья служили объектом поклонения древних людей, то их связь с системой «высшей» мифологии очевидна. Одними из наиболее почитаемых деревьев были дуб, ель, кедр и др., культ которых прочно вошел в систему славянских верований: возле них служили молебны – русск. *в ельнике трудиться, в березняке веселиться, в кедровнике молиться*, находили пристанище отшельники – *в келье под елью* (паремия имеет широкий спектр значений: уединение, жилье, предпочтение лета, нужда, любовь и др.), совершали бракосочетание – русск. *венчали вокруг ели, а черти пели*, обращались к ним в заговорах, приписывая им целительную силу, соотносили с нравственными ценностями – русск. *теленка / оленя с дубом бодался, да комолый / безрогий остался / да рога сломал*, когда дуб является знаком-символом правды и силы, бел. *за дрэвамі не бачыць лесу – за дрэвамі не вядзе леса* для определения главного и второстепенного в жизни, бел. *за адным цягам дрэва не ссячэш = вялікае дрэва навалі расце* – русск. *большое дерево долго растет*, когда основным фактором является время, служили атрибутами при обрядах – русск. *дубовый / еловый / сосновый гроб, дать дуба, еловым одеяльцем укрыться, собираться в березки, до последней березки, найти последнюю березку* [15, с. 173], служили наставлениями – русск. *дерево березу рознь*, бел. *якая дрэва, такі й клін; які бацька, такі й сын, зляцець як лісток з дрэва*, соизмерялись с физическим, психическим и социальным благополучием – русск. *не откормить коня сухопарого, не отрастить дерева суховерхого* и т. д. Во всех случаях использования дендронима в паремиях и фразеологизмах, связанных с мифологическими знаками-символами, происходит метафоризация – соотнесение с человеком.

Рудименты архаических дендрологических верований, связанных с «высшей мифологией», в современной фразеологической и паремиологической системах нашли скупое отражение и, как отмечают исследователи [16, с. 181], связаны с образом верховного божества громовержца Перуна. Письменные источники, упоминающие Перуна, довольно многочисленны, а фольклорный материал, в отличие от паремий и фразеологизмов, относящийся к нему, чрезвычайно богат. Корень наименования *Перун* в широком смысле означает «ударять, бить, наносить удар». Перун – «тот, кто ударяет» [17, с. 356.]. В мифологической модели мира каждому персонажу присущи определенные атрибуты и функции, которые делают его узнаваемым в любых проявлениях. Одни из важных атрибутов Перуна – дуб и дубрава. Отражение архаической связи громовержца с дубом можно видеть в русских и, главным образом, белорусских заговорах и сказках, в которых Гром, царь Гром, Перун, Илья-пророк, архангел Михаил, Бог поражают дуб или змею на дубе своим орудием – «перуном», огненной или каменной стрелой, камнем, каменным или железным молотом (сравн. русск. *метать перуны, гремят перуны*, бел. *перуноў даваць, пака пярун не грыме, чалавек яму не паклоніцца, ляснуць як пярун у зацэрку*, речевые акты проклятия *хай яно пяруном пойдзе, няхай пярун спаліць / заб'е, каб цябе пярун калядны спаліў*). Дуб является знаком-символом и

силы верховного божества – русск. *дуб дуба давит*. В отдельных преданиях дуб заменяется сосной – русск. *сосна дубу сестра*, при этом подчеркивается особый статус дерева – русск. *не всякое дерево сосна*.

В системе «низшей» мифологии деревья играют значимую роль, которая обусловлена тесной связью деревьев с областью демонологии. В мифологических представлениях деревья нередко рассматриваются как вместилище духов – как жилище нечистой силы, злых духов, как место обитания различных персонажей системы «низшей» мифологии. Считалось, например, что русалки живут на березах, черт сидит в корнях бузины, в дуплистой вербе; вилы и самодивы – на больших раскидистых деревьях, ветвями которых играют; часто можно встретить упоминание о том, что демоны живут в колючих кустарниках и в проклятых деревьях (в осине живет черт) [18, с. 161]. В быличках, повествующих о сборищах ведьм, устраиваемых в «купальскую» ночь, шабаш обычно происходит на горе или на дереве. Под таким деревом нельзя спать, нельзя ломать его ветви и т. п., иначе нечистая сила накажет человека, найдет на него болезни и несчастья. Наиболее же известен запрет стоять под деревом во время грозы, поскольку громовержец (Перун, Бог, Илья), преследуя прячущегося под деревом змея, черта и другую нечистую силу, может поразить и само дерево – русск. *осину гром ищет*, и стоящего под ним человека.

В демонологических поверьях и быличках часто упоминается береза как атрибут нечистой силы (ведьма могла надоить молоко с ветвей березы, она же могла летать на березовой метле; женщину, в которую вселился бес, во время приступа «бросало» на березу; белые кони, подаренные человеку чертом, превращались в кривые березы и т. п.). Связь березы с нечистой силой характеризуется преимущественно женской символикой: о русалках на русском и белорусском Полесье говорили, что они *с березы спускаются* или *на березах качаются*, сидят *на белой березе*, *на кривой березе*. В то же время русск. *березовый веник* являлся атрибутом обрядового действия изгнания нечистой силы [15, с. 173]. Знак-символ со значением «плакать, горевать» используется в выражении русск. *плакучая береза* и отражен в бел. паремиях *плакаць, што бяроза ліцца, бярозаю ліцца*. Вероятно, наблюдается прямая связь с похоронным обрядом, когда береза, являясь упокоительным знаком-символом, высаживается на могиле усопшего.

Бесовскими деревьями в славянских народных представлениях считались бузина и осина, представляющие собой демонический локус [18, с. 67]. И если осина чаще ассоциируется со смертью – русск. *осиновый кол*, *осиновый гроб*, то в бузине таится опасность психического расстройства, насылаемого нечистой силой человеку, – русск. *бузины объелся*. Именно под бузиной или в ее корнях пребывают лесные духи, черти, бесы, посадившие ее или наблюдавшие за превращением в бузину упыря [18, с. 67]. Будучи проклятым деревом, оно обречено на полное одиночество – русск. *одно дерево – горькая осина*, бел. *стаяць як бузіна ў полі* (сравн. *як таполя сярод поля*).

В местах, где растет осина, по поверьям, *вьются черти*, или *гуляют черти*. Русск. *осину черт кольшет*, *осина черта носила* объясняется дрожание осиновых листьев [18, с. 293]. Русск. *осина и без ветра шумит, дрожит (трясется) как осиновый лист*, бел. *калоціцца / дрыжыць як асінавы ліст*, потому что боится праведного гнева. Связью осины с нечистой силой можно объяснить белорусские поверья о кострах из осиновых веток, на которых ведьмы готовили вредоносное зелье, а ведьма, выдоив черную корову, выливает молоко на землю и в это место вбивает *осиновый кол* – так она иссушает коровьи сосцы, отчего корова перестает доиться [19, с. 392]. С *осиновым колом* связан обряд распознавания ведьмы, обрядовые действия при похоронах заложного или «ходячего» покойника, вампира, во избежание перехода умершего в «ходячего» покойника, речевой акт наказания за пустословие и сплетни – *на асінавы кол брашы*. Фразеологизм русск. *заломать осину* соотносится с верованиями о невозвратности в родной дом. С осинкой связаны реплики проклятия – русск. *ладило б тебя на осину, на осине повесить*.

С «низшей» демонической мифологией связывают и сосну, несмотря на ее близость к «высшей» мифологии, она участвует в игре нечистых с человеком – русск. *заблудиться / заплутать в трех соснах*, бел. *заблудзіць у трох соснах*.

Демоническим локусом считается и сухая верба. По славянским преданиям, это дерево проклято, поэтому обычно внутри гнилое и не дает тени и плодов [18, с. 83] – бел. *вярба таўстая, ды ў сярэдзіне пустая, сірата-вярбіна*. Взаимопроникновение христианских и языческих воззрений нашло отражение в белорусских легендах о чертях, которые до Вербного воскресенья греются на вербе – *закахаўся, як чорт у сухую (старую) вярбу*, а после освящения сваливаются в воду, которая до Пасхи становится дьявольским местом [18, с. 83]. Бинарная характеристика вербы как особого дерева у восточных славян, заменившего лавр, и вербы как инструмента нечистой силы, вероятно, репрезентирована в поговорках русск. *верба хлест, бей до слез, не я, верба бьет, верба красна бьет напрасно, верба бела бьет за дело*.

Дуб – дерево, связанное с «высшей» мифологией, однако оно также входит в бинарные оппозиции: большое вековое дерево является знаком-символом здоровья и долголетия, в то же время оно может служить пристанищем представителей «низшей» мифологии – русск. *велик дуб, да дупляст* (дупло традиционно считается демоническим локусом), соотносится со смертью или ее приближением [20, с. 18] – русск. *дать дуба, был дуб, а стал сруб, пахнет дубовыми досками*, бел. *дубца даць, даваць дуба, урэзаць дуба*. Персонафикация смерти связана с мифологическим восприятием конца жизни и репрезентируется в других фразеологизмах с названиями деревьев: русск. *до березки, идти под сосну, пойти по елочкам, смотреть под елку* [21, с. 934]. Ель – неотъемлемая часть восточнославянской демонологии. В еловых ветвях живут домовые, наследники лесных духов, по еловым посадкам водят нечистые украденных детей [18, с. 155–156]. Представление о нечистых как о чем-то непонятном опосредованно отражено в выражении бел. *разбярэіся тут з табою, як у лесе з бараною: то за елку, то за хвою*. Уничтожение дерева отражена в паремии *ельник, березник чем не дрова*.

Характерное отношение к бузине, осине, сухой вербе и некоторым другим деревьям как к проклятым, нечистым и опасным сказывается на их широком применении в обрядовых действиях и обрядах.

Таким образом, деревья прочно вошли как в систему «высшей» мифологии (соотношение дуба с верховным божеством Перуном), так и в систему «низшей» мифологии (это обусловлено тесной связью деревьев с областью демонологии), что характеризует их значимую роль в мифологических представлениях восточных славян. Несомненно, обозначенная проблема требует анализа более широкого числа примеров с привлечением данных других славянских языков, исследования участия паремий и фразеологизмов в традиционных ценностных оппозициях, сопоставления контекстного употребления и т. д. Однако и представленный материал явно свидетельствует о едином миропредставлении русского и белорусского народов, проявляющемся в вербальном отражении восточнославянской картины мира, несмотря на порой различный подбор лексических средств в паремиях и фразеологизмах.

Список использованных источников

1. Ломакина, О. В. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков. / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. – 2018. – № 54. – С. 303–317.
2. Радбиль, Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира. / Т. Б. Радбиль // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2018. – С. 23–35.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М : Русский яз. Медиа, 2009. – 814 с.

5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
6. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – изд. 4-е, стер. – М.: Цитадель; Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 590 с.
7. Русско-белорусский словарь пословиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ingvarr.net.ru/forum/56-9369-1>. – Дата доступа: 14.09.2022.
8. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 667 с.
9. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кн. / склад. М. Я. Грынблат; рэд. А. С. Фядосік–Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
10. Фадеева, Т. М. Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры / Т. М. Фадеева. – М.: Новалис, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 253 с.
11. Хабарова, С. К. Символ как форма мировидения и миропонимания: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / С. К. Хабарова; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2001. – 150 с.
12. Чистова, О. В. Символ в структуре познания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / О. В. Чистова; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2000. – 16 с.
13. Юдин, А. В. Русская народная духовная культура: учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Юдин. – М.: Высшая школа, 1999. – 330 с.
14. Стеблин-Каменский, М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский; АН СССР. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 104 с.
15. Красс, Н. А. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка: на материале мифологии, фольклора и поэзии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Красс; РУДН. – М., 2000. – 194 с.
16. Асов, А. И. Мир славянских богов / А. И. Асов. – М.: Вече, 2002. – 523 с.
17. В мире мифов и легенд / под ред. М. Б. Петрова, В. Н. Синельченко. – СПб.: ТОО «ДИА-МАНТ», 1998. – 574 с.
18. Славянская мифология: энциклопедический словарь: А-Я / Российская акад. наук, Ин-т славяноведения; [редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) и др.]. – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Международные отношения, 2011. – 509 с.
19. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 ст. / Н. С. Шапарова. – М.: АСТ [и др.], 2001. – 622 с.
20. Логинова, М. М. Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. М. Логинова; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2017. – 26 с.
21. Якунина, Т. И. Семантические свойства и функционирование фразеологических единиц с компонентами «дерево» в лингвокультурологическом аспекте (на материале английского и русского языков) / Т. И. Якунина // Молодой ученый. – 2016. – № 4 (108). – С. 932–936.

Abstract. The article presents an examination of paroemias and phraseological units of the Russian and Belarusian languages, which include the names of trees, which are signs-symbols and reflect the connection with the “higher” mythology of the Eastern Slavs and folk demonology, from the point of view of cognitive and anthropological approaches.

Keywords: tree, sign-symbol, proverb, phraseological unit, «higher» and «lower» mythology.

УДК 811'27'373:398.92:316.722

З. К. Дербишева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА НАРОДА

Аннотация. Цель данного исследования – сконструировать фразеологические картины мира (ФКМ) в русском и киргизском языках для дальнейшего их сравнения. Объектом изуче-

ния являются фразеологические единицы двух языков, предметом – систематизация фразеологических концептосфер русского и киргизского языков. В результате исследования установлено, что состав фразеологических картин мира представлен одинаковыми концептосферами в русском и киргизском языках; расхождения в структуре ФКМ сопоставляемых языков связаны с количеством и характером концептов в соотносительных концептосферах и фразеологических полях; ФКМ в обоих языках являются источником формирования ментального портрета кыргыза и русского человека.

Ключевые слова: фразеологическая картина мира, концептосфера, концепт, фразеологические единицы, фразеополе.

Проблема исследования фразеологических единиц по тематико-идеографическим группам, т. е. с точки зрения понятий, которые они обозначают, является важной вследствие их тесной связи с человеком, с жизненными ситуациями и явлениями, которые осмысливаются человеческим сознанием. Идея классификации лексики языка «по предметным группам уходит далеко в глубь средневековья и находит свое отражение в создании различного рода энциклопедических словарей» [1, с. 116].

Попытками идеографической классификации русской лексики в практических целях являются: комплексный учебный словарь под редакцией В. В. Морковкина (1984), учебные тематические словари Л. Г. Саяховой и Д. М. Хасановой (1984, 1989), семантический словарь Ю. Н. Караулова (1982), а также двуязычные словари: Тематический русско-болгарский словарь К. Бабова и А. Выргужева (1961), Тематический русско-таджикский словарь К. Н. Садыховой (1968), Русско-узбекский тематический словарь под ред. А. Н. Тихонова (1975), Русско-английский идеографический словарь Т. И. Шаталовой (1994).

Опыт, накопленный лингвистами при идеографическом распределении фразеологического корпуса любого языка, чрезвычайно ценен для нового направления в языкознании – когнитивно-концептуального изучения фразеологического материала. По мнению М. С. Гутовской, «довольно скоро из состава когнитивной лингвистики выделилась когнитивная фразеология, в рамках которой фразеология понимается как средство хранения и организации в человеческом сознании фразеологических (аккумуляированных во фразеологии) знаний о мире. Основным объектом исследования в когнитивной фразеологии является семантика. Фразеологическое значение считается элементом содержания фразеологической картины мира (ФКМ) – выстроенной в сознании упорядоченной совокупности фразеологических представлений о действительности» [2, с. 42].

Одним из фундаментальных работ по идеографической систематизации фразеологизмов, который стал подспорьем для когнитивного подхода в систематизации идиом, стал словарь-справочник Р. И. Яранцева [3]. Этот словарь содержит около 1600 фразеологизмов, расположенных по 96 тематическим разделам, которые охватывают три большие темы: «Эмоции и чувства человека», «Свойства и качества характера человека», «Характеристика явлений и ситуаций». Данный словарь является бесценным источником для нашего исследования, целью которого – создание фразеологической картины мира русского языка.

Все языки отражают определенный способ восприятия мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского и киргизского языка, складывается в определенную систему мировосприятия, которая формирует у носителей языка свою особую языковую картину мира (далее ЯКМ) – вербализованную часть когнитивной картины мира, результат языкового осмысления мира. ЯКМ включает познавательный опыт народа, отраженный в смыслах, извлекаемых из языкового и речевого материала [4, с. 16]. Фразеология, являясь одной из наиболее выразительных частей словарного состава любого языка, представляет собой ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа и тем самым формирует особую картину мира, то есть фразеологическую картину мира. ФКМ является фрагментом

языковой картины мира. ФКМ – это универсальная, свойственная всем языкам, образная система особых языковых единиц, передающих особенности национального мировидения» [5]. В основе формирования русской и киргизской ФКМ лежат две объемные концептосферы:

1. «Человеческая натура».
2. «Восприятие мира».

Соотносительность концептосфер в обеих ФКМ свидетельствует об универсальных стереотипах человеческой жизнедеятельности: в разных языках идиомы «порождаются» аналогичными жизненными ситуациями и явлениями.

Однако дальнейшее исследование структуры каждой концептосферы выводит не только на общие, но и на специфические идеографические сферы. Так, в концептосфере «Человеческая натура» в русском языке выделяются такие фразеосемантические поля, как «Русский характер», «Эмоции русского человека», а также «Действия, деятельность».

В киргизской концептосфере «Человеческая натура» представлены следующие фразеополья: «Характер кыргыза», «Эмоции кыргыза» и «Человеческие отношения» [6].

Концептосфера «Восприятие мира» в обоих языках включает такие фразеополья, как «Время» и «Пространство», которые отражают характер фразеологической интерпретации этих категорий носителями русского и киргизского языков.

Идеогруппа «Свойства и качества характера человека», по словарю Р. И. Яранцева, представлена в ФКМ фразеополем «Русский характер», структуру которого формируют следующие концепты: «Милосердие», «Разум», «Решительность», «Упорство», «Прямота», «Душевность», «Дружба», «Заурядность», «Лень», «Болтливость», «Хвастовство», «Глупость», «Угодничество», «Ловкость», «Корыстолюбие».

Тематическая группа «Эмоции» положена в основу фразеополья «Эмоции русского человека», представленного такими концептами, как «Тревога», «Радость», «Удивление», «Презрение», «Досада», «Негодование», «Равнодушие», «Тоска», «Страдание», «Отчаяние», «Страх», «Стыд».

В тематической группе «Характеристика явлений и ситуаций» нами выделено фразеополье «Действия и деятельность», которое формируется такими концептами, как «Вызов, борьба», «Сила, власть», «Крах». «Успех», «Мастерство», «Усилия», «Ошибка», «Бездействие», «Помощь», «Пьянство» и др.

Фразеологическая картина мира киргизского языка включает такие сферы, как «Характер кыргыза», «Эмоции кыргыза», «Человеческие отношения».

Фразеополье «Характер кыргыза». Положительный характер кыргыза раскрывается в таких концептах, как «Акыл-эс – Разум», «Ак-ниеттик – Честность», «Кайраттулук – Храбрость», «Сабырдуулук – Сдержанность», «Шамдагайлык – Ловкость», «Момундук – Кротость». Отрицательный характер отражен в идиомах, формирующих следующие концепты: «Келесоолук – Глупость», «Текебердик – Надменность», «Куулук – Хитрость», «Көктүк – Упрямство», «Оройлук – Грубость», «Ач-көздүк – Жадность».

Фразеополье «Эмоции кыргыза» представлено в концептах, выражающих положительные эмоции: «Бакыт – Счастье», «Кубаныч – Радость», «Күлкү – Смех». Концепты «Ачуу – Гнев», «Коркунуч – Страх», «Уят – Стыд», «Кайгы – Печаль» относятся к разряду отрицательных эмоций.

Фразеополье «Человеческие отношения» состоит из следующих концептов: «Жактыруу – Симпатия», «Кошоматчылык – Лесть», «Жактырбоо – Неприязнь», «Кошкөнүлдүк – Безразличие».

Вторая концептосфера «Восприятие мира» раскрывает фразеологическое осмысление категорий времени и пространства носителями русского и киргизского языков.

Фразеополье «Пространство» выражает восприятие времени в киргизском и русском сознании. Кыргыз воспринимает пространство объемно: как по вертикали, так и по горизонтали. В следующих идиомах пространственные ориентиры соотносятся с таким природным

объектом, как горы. Сравн.: *тоонун чокусунда – на вершине гор, тоонун этегинде – у подножья гор, тоонун боорунда – на «груди» горы, тоонун бетинде – на горной стороне, бел ашуу – перевалить через горный перевал, ат арытын келди – пройти путь коня* и т. д. Пространство как протяженность для кочевника – это дорога не только в разные стороны, но и вверх-вниз. Кочевой народ все время находится в движении. Мерой установления расстояния служила дистанция, которую можно преодолеть верхом на лошади с учетом возраста человека. Путь измерялся количеством прогонов коня, например, проехал путь в *тай чабым* (букв. *жеребец + скакать*), что обозначает дистанцию скачек, на которую пускают жеребят-годовичков; в *ат чабым* (букв. *конь + скакать*) – это дистанция скачек, на которую пускают взрослых лошадей. Другой более древний способ определения расстояния по голосу; слово *чакырым* (от глагола *чакыруу – звать*) обозначает меру расстояния (равная километру), куда может долететь звук человеческого голоса. Во фразеологии кыргызского языка понятие расстояния актуализирует его удаленность от человека.

В русском сознании пространство в большей степени воспринимается как горизонтальная протяженность в разных направлениях: *конца-краю не видно, на все четыре стороны, на все четыре ветра; куда ноги несут, куда ветер подует, куда глаза глядят, во все стороны, куда ни подайся, куда ни глянь, по всему свету, на всех морях, куда ни повернись, куда ни пойдешь, куда ни кинь – всюду клин, за тридевять земель, за морями, за лесами, у черта на куличках*.

Фразеополе «Время» отражает разное отношение ко времени. Время кыргызом понимается как циклическое, кругообразное, повторяющееся: *ай айланым* (букв. *месяц + вращаться*), *жыл тегеренбей* (букв. *год + вращаться*). Анализ фразеологических единиц показал, что членение суток у кыргызов непосредственно связано с движением солнца, которое чуть ли не поминутно расписано во фразеологизмах. Рассвет предшествует утро, и это время очень важно для кыргыза, он должен использовать его с максимальной пользой с хозяйственной точки зрения; вечер и даже ночь для скотовода были очень важным отрезком хозяйственной жизни. Ночью ориентировались по звездам. В повседневной жизни кыргыза измерение времени осуществлялось через такие рутинные факты жизни, как дойка кобылиц, приготовление пищи (*варка мяса*), время, необходимое для того, чтобы *вскител чай*. Деление суточного времени было связано также с религиозными ритуалами, то есть временем молитв, которые совершались в строго определенное время.

Русские фразеологизмы, выражающие временной момент, особое внимание уделяют утреннему распределению времени, и основными временными ориентирами являются наступление зари (*на заре, с зарей, с первыми лучами*) и крик петухов (*с петухами, до петухов*). Фиксация временного момента связана во фразеологии с возрастной градацией (*в молодости, под старость, на склоне лет*). Особый интерес вызывают выражения в русском языке, в которых семантика временной продолжительности ассоциируется с приближением конца человеческой жизни (*до могилы, всю жизнь, до гробовой доски, до самой могилы, сходя в гроб, на смертном одре, на краю могилы*). Метафорические фразеологизмы со значением «никогда» связаны с архаическими религиозными представлениями, ритуалами (*после дождичка в четверг, после морковкина заговенья*), а также наделением образными функциями особой окружающей живности (*рыба, петух, рак, ворон*). Лексико-фразеологические единицы со значением быстрого временного темпа в когнитивном плане связаны со следующими факторами:

- измерение темпа с помощью часов (*сию секунду, с минуты на минуту, в тот же час*);
- ментальный фактор, связанный со скоростью человеческой реакции (*не раздумывая, не мешкая, недолго думая*);
- речезыковой фактор, связанный со скоростью произношения (*не успев и рта раскрыть; без лишних слов, разговоров; и пикнуть не успел*);
- фактор скорости физического движения живых существ (*аллюром, как угорелая кошка, сломя голову, только пятки сверкают*) [7, с. 95].

Во временных координатах кыргыз чаще обращен взглядом в прошлое, живет в настоящем и с осторожностью относится к будущему. Напротив, русский человек реально оценивает прошлое, не задерживается в настоящем, устремлен в будущее [8].

Подводя итоги краткого анализа фразеологических картин мира русского и киргизского языков, можно отметить, что в обоих языках фразеологическая интерпретация главным образом охватывает такие сферы человеческой жизни, как эмоции, характер, поведение, межличностные отношения, а также осмысление времени и пространства. Следовательно, фразеологическая картина мира создает особый ментальный образ каждого народа, специфика которого эксплицируется лингвокогнитивным потенциалом концептов, формирующих ФКМ русского и киргизского языков.

Список использованных источников

1. Бикмаева, Л. У. Из истории изучения лексики в рамках когнитивных сфер. I. Познание, II. Природа, III. Человек, IV. Общество / Л. У. Бикмаева // Новая наука: теоретический и практический взгляд. – № 2–3(63). – 2016. – С. 116–118.
2. Гутовская, М. С. Фразеологическая картина мира: ее свойства и принципы исследования / М. С. Гутовская // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – Мінск : БДУ. – 2016. – № 3. – С. 41–48.
3. Яранцев, Р. И. Русская фразеология / Р. И. Яранцев. – М. : Русский язык, 1997. – 845 с.
4. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
5. Хайруллина, Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р. Х. Хайруллина. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2008. – 300 с.
6. Нарынбаева, Б. Б. Фразеологическая картина мира (француза и кыргыза) : монография / Б. Б. Нарынбаева. – Бишкек, 2017. – 343 с.
7. Дербишева, З. К. Основы лингвокогнитивного сравнения языков : монография / З. К. Дербишева. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 336 с.
8. Петрухина, Е. В. Когнитивные модели времени в русской грамматике / Е. В. Петрухина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukхинаev_4kognit_modeli_vremeni.pdf. – Дата доступа : 10.09.2022.

Abstract. The purpose of this study – to construct phraseological pictures of the world (PPW) in the Russian and Kyrgyz languages for further comparison. The object of study is phraseological units of two languages; the subject of the research is the systematization of the phraseological concept spheres of the Russian and Kyrgyz languages. As a result of the study, it was established: the composition of phraseological pictures of the world is represented by the same concept spheres in the Russian and Kyrgyz languages; discrepancies in the structure of the PPW of the compared languages are associated with the number and nature of concepts in correlative concept spheres and phrase-semantic fields; PPW in both languages are the source of the formation of the mental portrait of the Kyrgyz and the Russian people.

Keywords: phraseological picture of the world, concept sphere, concept, phraseological units, phrase field.

УДК 811.161.1'04'373.23:398.95

А. А. Дерунова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ В «РЭЕСТРЫ ПУТНЫХ БАЯР ПОЛАЦКАГА ВАЯВОДСТВА 1585 ГОДА»

Аннотация. В статье анализируется памятник старобелорусской деловой письменности «Рэестр путных баяр Полацкага ваяводства 1585 г.» на предмет представленности в нем фразеологизмов, устанавливается, что наименования лиц по социальному статусу в памятнике являются фразеологизмами.

Ключевые слова: фразеологизм, наименования лица, старобелорусский язык, реестр.

Полноценное изучение фразеологического состава любого языка невозможно без обращения к его памятникам письменности. Вычленение фразеологизма из текста па-

мятника является трудной задачей, именно поэтому в исторической фразеологии принято мнение о широком толковании объема фразеологии. В таком случае в диахроническом аспекте к фразеологизмам принято относить единицы, которые обладают признаками устойчивости (постоянство значения и компонентного состава), воспроизводимости, повторяемости, высокой степени метафоричности и семантической спаянности компонентов [1, с. 161–164].

Обратимся на предмет представленности фразеологизмов к опубликованному в 2009 году историком В.А. Ворониным для нужд исторической науки «Реестру путных бояр Полоцкого воеводства 1585 г.» [2].

Этот документ относится к числу памятников старобелорусской деловой письменности, то есть к тому периоду языковой эволюции, когда восточнославянские языки существовали уже как самостоятельные, поэтому и фразеологический состав этого памятника можно считать фактом старобелорусского языка.

Реестр – это список, перечень, роспись [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 21, с. 133], достаточно простой документ, в котором ведется только пересчет людей, земель или недвижимости. В названии документа присутствует двусловное наименование *путные бояре*. Это название определенной социальной группы было известно еще в XIV веке и называло бояр, имеющих в своем управлении какую-либо территорию и получавших с нее доходы [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 21, с. 63]. Следовательно, реестр путных бояр должен был содержать перечень таких людей Полоцкого воеводства.

В предисловии к изданию с исторической точки зрения уточняется понимание наименования *путные бояре*. Автор указывает, что это военные слуги, категория крестьянства, которая выполняла военные обязанности. Эта социальная группа занимала промежуточное положение в белорусском обществе во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, но была достаточно многочисленной и играла в некоторых регионах (на приграничных территориях) заметную роль [2, с. 5–6].

В реестре в основном приводится перечень путных бояр, но упоминаются в нем и другие крестьяне, которые давно живут на этих землях или пришли в эти земли недавно. Это связано с высокой мобильностью населения в этом приграничном районе, особенно в военное время [2, с. 12].

Всего в реестре зафиксировано 15 наименований людей по социальному статусу. Характер исследуемого нами документа таков, что он фиксирует определенную социальную группу, следовательно, наименования лиц ограничиваются этой группой. Сюда входят названия однословные и двусловные: *мещанин, мужичок, мужикъ, порубежцы (порубежанинъ), старец, староста, столник, люди отчичи, люди путные, люди тяглые, люди прихожие, люди пригонные, люди данные, бояре путные, бояре панъцерные*.

Обращают на себя внимание двусловные наименования с главным компонентом *люди* и *бояре*. Известно, что старорусский и старобелорусский языки богаты такими «сериями» названий. В данных словосочетаниях произошло переосмысление атрибутивного компонента, приводящее к фразеологизации словосочетания. В «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» такие серийные выражения приводятся как фразеологизмы. *Боярином* называется «ваенна-службылы землеўладальнік», в зависимости от рода его службы или уплаты налогов выделяются различные подгруппы этой социальной группы населения: *бояринъ конный, куничный, панцерный, путный*. *Панцерным боярином* назывался человек, который несет военную службу за надел земли [ГСБМ, т. 2, с. 178–179]. Если обратиться к значению слова *панцерный*, то оно прозрачно: «который имеет отношение к «панцерю»» [ГСБМ, т. 23, с. 438]. Как видим, в названии *бояре панъцерные* произошло переосмысление атрибутивного компонента, образовался фразеологизм. Такие же процессы происходят и в наименовании *люди путные, бояре путные*. *Путным* называется «человек, обязанный выезжать на место по поручению великокняжеской администрации» [ГСБМ, т. 29, с. 377]. Атрибутивный компонент в данном случае связан с существительным *путь* и также переосмыслен, так как *путный* «который относится к дороге, поездке».

В некоторых наименованиях переосмысленные наименования не потеряли своей связи с мотивирующими словами. *Люди прихожие* ‘асабіста вольныя сяляне, які прыбылі аднекуль, аселі на зямлі ўладальніка і мелі права пры вызначаных умовах пакінуць яе’. *Прихожий* ‘который пришел откуда-то, из другой местности, пришлый, неместный, чужой’. *Пригонные люди* ‘сяляне, якія знаходзіліся ў поўнай асабістай і феадальнай залежнасці ад уладальніка і не мелі права пакідаць зямлю, якую апрацоўвалі’. *Пригонь* ‘паншчына, прыгон’ [ГСБМ, т. 28, с. 242]. *Тяглые люди* ‘сяляне, асноўнай павіннасцю якіх была цяглавая служба’ от *цягло* ‘сялянская павіннасць у прыгоннай гаспадарцы’ [ГСБМ, т. 34, с. 102]. *Люди данные* ‘вольныя сяляне, якія валодалі ўласным участкам, надзелам зямлі і замест вайскавой службы абавязаны былі даваць даніну, пераважна натурай’ от *данина* ‘тое, что і дань’ [ГСБМ, т. 7, с. 238–239].

Отметим, что *боярином* назывался военно-служивый землевладелец, а *людьми* – подданные, феодально-зависимые люди, пригонные крестьяне, слуги и челядь. Таким образом, в старобелорусском языке субстантивный компонент указывал на социальный статус человека, а атрибутивный помогал конкретизировать название. *Люди* назывались по виду налогов, которые они платили или отработывали, *бояре* – по роду службы. И в первом, и во втором случаях наименования прошли процесс переосмысления, что дает основания отнести их к фразеологизмам.

В старорусском языке, как указывает «Словарь русского языка XI–XVII вв.», слово *боярин* также фиксируется в значениях ‘советник князя’, ‘феодал-землевладелец’, ‘высший служебный чин, и лицо, пожалованное таким чином’ [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 307–308], фиксируются и двусловные наименования лиц с атрибутивными компонентами: *ответный боярин*, *боярин путный*, однако фразеологизм *панцерный боярин* в Словаре не представлен, хотя слова *пансырь*, *панцырь*, *пансырский* были знакомы старорусскому языку, заимствованы из немецкого языка и употреблялись в своих прямых значениях ‘сходный по форме с кольчугой доспех’, ‘относящийся к панцирю’ [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 146].

Наблюдения показали, что в тексте проанализированного памятника письменности используются фразеологические наименования лиц, а фразеологическое сочетание *бояре панцѣрные*, зафиксированное в Реестре, является собственно старобелорусским образованием, появившимся на древнерусской основе в результате переосмысления атрибутивного компонента.

Список использованных источников

1. Трофимович, Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности : монография / Т. Г. Трофимович. – Минск : БГПУ, 2003. – 223 с.
2. Варонін, В. А. Рэстр путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года / В. А. Варонін. – Мінск : РІВШ, 2009. – 50 с.
3. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 28 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред) [и др.] – М. : Наука, 1975–2008.
4. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 37. Чорное – яшыкъ. Дадатак / склад І. У. Будзько [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 415 с.

Abstract. The article analyzes the monument of the old Belarusian business writing “Register of worthy bayars of Polatsk vine growing in 1585” regarding the presence of phraseological units in it, it is established that the names of persons by social status in the monument are phraseological units.

Keywords: phraseological units, names of persons, Old Belarusian language, registry.

А. Л. Дзядзінкін, А. А. Лавіцкі

ВОБРАЗ ПРЫРОДЫ Ё АД'ЕКТЫЎНЫХ УСТОЙЛІВЫХ ПАРАЎНАННЯХ СЛАВЯНСКІХ МОЎ

Анатацыя. У артыкуле на матэрыяле ад'ектыўных устойлівых параўнанняў беларускай, балгарскай, рускай і чэшскай моў прадстаўлены асаблівасці адлюстравання прыродных вобразаў у наіўнай карціне свету славян. Выяўлены агульныя (унікальныя) уяўленні, зафіксаваныя ў фразеалагічных адзінках, а таксама нацыянальна-спецыфічныя асаблівасці ўспрымання такіх з'яў, як зямля, вада (вадаём), туман і інш.

Ключавыя словы: наіўная карціна свету славян, моўная свядомасць, фразеалагічныя канструкцыі, ад'ектыўнае ўстойлівае параўнанне.

Параўнанне як навуковая катэгорыя разглядаецца ў цэлым шэрагу даследчых парадыгмаў (філасофіі, логіцы, сацыялогіі, псіхалогіі). Айчынная (расійская) лінгвістыка звярталася да пытанняў вывучэння параўнанняў у працах Ф. І. Буслаева, А. А. Патэбні, А. М. Весялоўскага.

Найбольш прадуктыўнымі сталі 60-я гады ХХ стагоддзя, калі В. У. Вінаградаў апісаў устойлівыя параўнанні як адмысловы тып фразеалагічных канструкцый, дзе параўнанне, акрамя сродку спазнання прадметаў, з'яўляецца пачуццёва-наглядным спосабам іх адзнакі. Пазней М. М. Шанскі адзначыў сінтаксічную своеасаблівасць устойлівых параўнанняў у адносінах да іншых фразеалагізмаў.

У некаторых даследаваннях устойлівасць фразеалагізмаў уяўляецца як катэгорыя дастаткова ўмоўная ў сілу пэўнай варыятыўнасці моўных адзінак. У прыватнасці, В. У. Вінаградаў, паказваючы на зменлівы характар фразеалагізмаў, прапанаваў іх класіфікацыю па ступені ўстойлівасці. Больш радыкальны падыход да фразеалагізмаў выяўлены у В. М. Макіенка, які сцвярджае, што варыятыўнасць варта аднесці да адных з ключавых характарыстык фразеалагічнай лексікі. З гэтай нагоды В. Ц. Бандарэнка паказвае, што «вариантность – это естественное и необходимое свойство устойчивых фраз, вытекающее из общих закономерностей организации языка как относительно ограниченной системы знаков» [1, с. 144].

Мы, у сваю чаргу, мяркуем, што гаворка ідзе не столькі аб змене фразеалагізмаў, колькі аб стварэнні вытворных. Аснову гэтага працэсу складаюць варыятыўнасць камунікатыўных сітуацый, а таксама індывідуальныя характарыстыкі адрасанта і адрасата. Варта таксама прымаць да ўвагі, што фразеалагічная лексіка, як і любая іншая, з'яўляецца жывой матэрыяй мовы, дзе адбываюцца працэсы састарэння слоў, з'яўленні новых, змены ў маўленчых перавагах носьбітаў мовы і г. д., што абумоўлена у тым ліку і дынамікай уяўленняў чалавека аб свеце.

Дзякуючы асаблівасцям граматычнай і семантычнай структуры гэтыя адзінкі адрозніваюцца ад фразеалагізмаў іншых тыпаў. Устойлівае параўнанне як універсальная моўная катэгорыя падвяргаецца даследаванням і ў нашы дні, бо ў лінгвістыцы яшчэ не сфармулявана несупярэчлівая канцэпцыя параўнання. Нават характарыстыка ўстойлівасці ўніверсальных па сваёй сінтаксічнай структуры параўнанняў неадназначна тлумачыцца сучаснымі навукоўцамі. Агульная формула ўстойлівых параўнанняў АСмВ у дачыненні да ад'ектыўных фразеалагічных адзінак, на якія звернута наша даследчая ўвага, трактуецца наступным чынам: А – аснова параўнання (чалавек, прадмет, прырода, абстрактныя паняцці), С – падстава параўнання, перададзеная прыметнікам, m – саюз *як*, В – вобразная аснова (эталон).

В. А. Маслова справядліва заўважае, што «язык тесным образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [2, с. 101].

На аснове гэтай ідэі намі зроблена спроба ўстанавіць асаблівасці ўспрымання катэгорый прыроды ў найўнай карціне свету славян. У якасці фактычнага даследчага матэрыялу намі выкарыстаны ад’ектыўныя ўстойлівыя параўнанні беларускай, балгарскай, рускай і чэшскай моў.

Відавочна, што ў чалавецтва існуюць пэўныя агульныя эталоны ўспрымання навакольнай рэчаіснасці, якія знайшлі адлюстраванне ва ўстойлівых моўных канструкцыях. Існуюць, зразумела, і нацыянальна-спецыфічныя асаблівасці, звязаныя, як мы лічым, з экстралінгвістычнымі фактарамі. Рацыянальна-культурная спецыфіка праяўляецца ў плане выражэння і ў плане зместу. У плане выражэння – у наяўнасці ў іх складзе асаблівых культурных прыкмет-маркераў (спецыфічных рэалій, этнонімаў, архаізмаў, гістарызмаў), якія патрабуюць этымалагічнага або гісторыка-культурнага каментарыю пры іх перакладзе, напрыклад: руск. *нужен как в петровки vareжки* – бел. *спрытны як Ізыдар да пажару з венікам* – чэшск. *fousatý jako Krakonoš* (‘вусаты як Краканош’, Краканош – казачны ўладар гор, які адрозніваўся пышнымі вусамі) – балг. *начумерен като Стара Планина* (‘пануры як Стара Планина’, Стара Планина – горная сістэма ў Балгарыі). Рэалія, якая выступае ў функцыі эталона, становіцца таксонам культуры, паколькі яна гаворыць не пра свет, але пра «акультуранае» светаразумеце [3, с. 242]. Менавіта ў такіх АУП прасцей за ўсё зразумець і растлумачыць культурны аспект, бо дэнатат у іх з’яўляецца носбітам культурнай інфармацыі.

Прыродныя з’явы не ўваходзяць у пералік самых частотных ад’ектыўных устойлівых параўнанняў, аднак выяўляюцца ва ўсіх славянскіх мовах. Існуюць агульныя ўзоры апісання глебы і яе паверхні, бо з імі злучана існаванне чалавека яшчэ з самых ранніх часоў цывілізацыі. У большай ступені ў фразеалагічных адзінках адлюстраваны рэльеф: руск. *скользкий как лед* – бел. *слізкі як лёд*; руск. *гладкий как лед* – чэшск. *hladký jako led* ‘гладкі як лёд’; руск. *гладкий как стол* – балг. *гладък като дъска* ‘гладкі як дошка’; руск. *ровный как блюдо* – балг. *равен като тенсия* ‘роўны як паднос’.

Выключным аб’ектам характарыстыкі з’яўляюцца вадаёмы і стан вады ў іх: гістарычна даказана, што людзі ўладкоўвалі свае селішчы паблізу з воднымі артэрыямі, паколькі гэта і крыніца вады для пітва і гаспадарчых патрэб, і крыніца пражытка, і шлях, які злучае з астатнім светам. Мабыць, усё гэта і стала прычынай у значнай колькасці агульных для славянскіх моў эквівалентаў і варыянтаў, якія апісваюць вадаёмы і ваду ў іх: руск. *холодная как лед* – бел. *халодны як лёд* – чэшск. *studený jako led* – балг. *студен като лед*; руск. *чистый как хрусталь* – бел. *чысты як крышталь* – чэшск. *čistý jako křišťál*; руск. *гладкий как зеркало* – чэшск. *hladký jako zrcadlo*; руск. *широкий как море* – бел. *шырокае як мора*; руск. *прозрачная как стекло* – чэшск. *čistý jako sklo* ‘чысты як стекло’.

Агульнае ва ўспрыманні жывёльнага свету не ўяўляецца актуальным для замацавання ва ўстойлівых фразеалагічных параўнаннях: руск. *белый как лебедь* – бел. *белы як лебедзь*; руск. *большой как теленок* – чэшск. *velký jako tele*.

Фактычны матэрыял дазваляе ўстанавіць і нацыянальна маркіраваныя асаблівасці ўспрымання жывой прыроды славянамі. Мяркуем, што, нягледзячы на тое, што народы з’яўляюцца суседзямі, наяўнасць уласных кліматычных асаблівасцей не магла не адбіцца на моўнай карціне свету. Так, пры апісанні глебы ў рускай мове выкарыстоўваюцца параўнанні: *липкая, вязкая как смола; мягкая как бархат; мягкая как пух; плотная, твердая как асфальт; твердая как железо*. У чэшскай мове выяўляецца толькі параўнанне з пустыняй: *vuprahlý jako Sahara* ‘высмаглая як Сахара’. Цікавым з’яўляецца і той факт, што ў беларускай і балгарскай мовах такога роду ўстойлівых параўнанняў намі не выяўлена.

Апісанне гідранімікі ў разгледаных мовах таксама мае нацыянальныя асаблівасці: руск. *прозрачная как слеза; теплая как парное молоко*; бел. *шырокае як мора*; чэшск. *čisté, lesklé jako zrcadlo* ‘чыстае, бліскачае як люстэрка’; *lesklý jako drahokam* ‘бліскачы

як каштоўны камень'. Эталоны называюць прадметы з розных тэматычных груп, ды і прыкмета, па якой адбываецца параўнанне, таксама не супадае. Тут мы назіраем спецыфіку ад'ектыўных параўнанняў не толькі ў другой частцы, але і ў першай.

Пры выкарыстанні катэгорый жывёльнага свету, акрамя памеру (руск. *маленький как козьяк*, чэшск. *velký jako slon* 'вялізны як слон'), у рускіх параўнаннях адлюстраваны інтэлектуальныя здольнасці жывёлы: разумны, цямлівы як чалавек.

У моўнай свядомасці славян замацавалася і адлюстраванне туману як асаблівай прыроднай з'явы. Амаль усе безэквівалентныя параўнанні апісваюць самую яркую характарыстыку гэтай з'явы прыроды: руск. *густой, плотный как вата*; бел. *густы як дым*. У рускай мове *белый как молоко* падстава параўнання праз колер перадае гушчыню туману, гэта значыць левая частка тут таксама пераасэнсавана. Такія моўныя з'явы, як дождж, вецер і неба, таксама выяўляюцца як нацыянальна маркіраваныя катэгорыі: руск. *мелкий как из сита*, чэшск. *modré jako chrpa* 'сінее как василек', чэшск. *ostrý jako jed* 'востры як яд' у значэнні 'пранізлівы' адпаведна.

Раслінны кампанент таксама адрозніваецца індывідуальнасцю пры выкарыстанні ў структуры фразеалагічных параўнанняў. Так, аб траве у рускай мове гавораць *высокая как лес*, а ў беларускай – *выгоністая як хвоя* або у рускай – *густая как лес*, а ў чэшкай – *hustá jako kožich* 'густое як футра'.

Такім чынам, ад'ектыўныя ўстойлівыя параўнанні як частка фразеалогіі валодаюць як агульнымі, так і спецыфічнымі рысамі. Нацыянальна-культурная спецыфіка ўстойлівых параўнанняў выяўляецца пры супастаўленні розных з'яў, якія ляжаць у аснове ўстойлівых параўнанняў і замацаваны ў эталонах. У наіўнай карціне свету славян, хоць і існуюць агульныя эталоны адлюстравання прыроды, дамінантным усё ж з'яўляецца нацыянальна-індывідуальнае ўяўленне аб яе катэгорыях. Сярод фразеалагічных параўнанняў пераважаюць безэквівалентныя адзінкі.

У аснове большасці сімвалічна-вобразных асацыяцый прасочваецца прынцып антрапацэнтрызму, бо чалавек у сваёй свядомасці інтэрпрэтуе ўласцівасці аб'екта ў дачыненні да сябе і навакольнай рэчаіснасці перад тым, як перанесці іх на суб'ект устойлівага параўнання. Нацыянальна-культурная спецыфіка праяўляецца ў выбары вобразаў і асацыяцый, якія ляжаць у аснове ўнутранай формы ад'ектыўных устойлівых параўнанняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бондаренко, В. Т. Варьи́рование устойчивых фраз в русской речи : учебное пособие по спецкурсу / В. Т. Бондаренко. – Тула : Изд-во Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 1995. – 151 с.

2. Маслова, В. А. Сравнение-стереотип как фрагмент образа мира и его национальная специфика / В. А. Маслова // Языковое сознание и образ мира : сб. науч. тр. / Институт языкознания РАН, МГЛУ ; под ред. А. А. Григорьева. – М., 1997. – С. 101–102.

3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Abstract. The article presents the features of the reflection of natural images in the naive picture of the world of the Slavs on the material of adjective stable comparisons of the Belarusian, Bulgarian, Russian and Czech languages. General (unique) representations fixed in the studied phraseological units, as well as national-specific features of the perception of such phenomena as earth, water (reservoir), fog, etc., are revealed.

Keywords: naive picture of the world of the Slavs, linguistic consciousness, phraseological constructions, adjectival stable comparison.

Е. М. Дубровская

**ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ И ВЫРАЖЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО РЕСУРСА «АКАДЕМОС»)**

Аннотация. В статье приводится список устойчивых сочетаний и выражений, опубликованных на орфографическом академическом ресурсе «Академос» в период с 2020 по 2022 годы, рассматривается, в каком виде сочетания представлены в Национальном корпусе русского языка и в поисковых выдачах Google.

Ключевые слова: устойчивые сочетания, норма, «Академос».

Научно-информационный орфографический академический ресурс «Академос» Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН [1] содержит нормативное написание более чем 200 тыс. единиц русского языка – слов, первых частей слов, неоднословных нарицательных единиц, собственных имен, а также устойчивых сочетаний. Именно на устойчивых сочетаниях, зафиксированных на этом академическом ресурсе, и хотелось бы заострить внимание.

Вслед за Т. А. Лапаевой «устойчивые сочетания» мы понимаем, как «разновидность словосочетаний, являющихся синтаксически свободными, но лексически ограниченными. Лексические ограничения сочетающихся компонентов обусловлены не их лексико-семантическими свойствами, а применением всего сочетания в качестве цельной единицы номинации в определенной сфере общения» [2, с. 6].

В сентябре 2022 года многие новостные порталы выпустили новости с подобными заголовками: «В российский орфографический словарь добавили 151 новое слово» [3], «В российский орфографический словарь добавили «шаверму», «решалу» и еще 149 слов» [4], «В онлайн-словарь Института русского языка добавили 150 новых слов» [5], «Антиваксер, бумеры и джетлаг: в российский орфографический словарь добавили 151 новое слово» [6] и др. Судя по комментариям на различных порталах и в социальных сетях, многие пользователи интернета (как, впрочем, и авторы публикаций) упускали из внимания тот факт, что ресурс «Академос» является орфографическим и не столько фиксирует появление в русском языке новых слов и сочетаний, сколько обосновывает написание как неологизмов, так и давно известных и привычных нам слов и выражений в соответствии с нормами академического «Русского орфографического словаря» [7].

Обратившись к перечню слов, пополнивших состав ресурса «Академос» в 2022 году, мы можем обнаружить следующие устойчивые сочетания: *éшь-пéй – не хочú* [добавление 2022], *ни куётся ни пúбúцится* [добавление 2022], *ни пúто ни éдено* [добавление 2022], *ни шьёт ни пóрет* [добавление 2022].

В то время как в 2021 году состав пополняли лишь такие сочетания, как *под нúз* [добавление 2021], *под нúзом* [добавление 2021], *пó ветру (пустúть)* [добавление 2021], *на ветер (бросáть)* [добавление 2021], а в 2020 были добавлены *бáтюшка Байкáл, бáтюшки Байкáла* [добавление 2020], *без догля́ду* [добавление 2020], *без ничегó* [добавление 2020], *в идеáле* [добавление 2020], *в напúрге (сниж.)* [добавление 2020], *Вóлга-мáтушка рекá, Вóлги-мáтушки рекú* [добавление 2020], *да нú тебя́ (вас, егó, их и т. д.)* [добавление 2020], *Крýмская весна́ (2014)* [добавление 2020], *мáтушка Вóлга, мáтушки Вóлги* [добавление 2020], *мáтушка Россúя, мáтушки Россúи* [добавление 2020], *мáть Россúя, мáтери Россúи* [добавление 2020], *ни красú ни рáдости* [добавление 2020], *по верхáм* [добавление 2020].

Для определения частотности употребления устойчивых сочетаний, обнаруженных нами в «Академосе», обратимся к Национальному корпусу русского языка [8] и результатам поисковых выдач интернет-ресурса google.com:

Таблица 1 – Частотность употребления устойчивых сочетаний в Интернет-ресурсах

Сочетание	Количество употреблений	Пример
<i>Ешь-пей – не хочу</i>	НКРЯ – 1. Google – только в статьях о том, что в «Академос» добавлены новые слова.	А уж сам тут – <i>ешь, пей, не хочу</i> [А. И. Солженицын. Адлиг Швенкиттен (1998)].
<i>Ни куётся ни плющится</i>	НКРЯ – 0 (в сочетании <i>ни куётся ни плющится</i>), 1 (в сочетании <i>не куется не плющится</i>). Google – со ссылками на словарь В. И. Даля и статьи о новых словах в «Академосе».	<i>Ни куется, ни плющится, дёло не идет подладь</i> [В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 ч. – СПб., 1863–1866]. – Плохо стараетесь, ребята... Дело наше <i>не куется, не плющится</i> . – Да ведь с государем которые уехали, господин полковник [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3 (1939–1945)].
<i>Ни пито ни едено</i>	НКРЯ – в написании <i>ни пито ни едено</i> – 1 раз, в написании <i>не пито не едено</i> – 8 раз. Google – большое количество упоминаний в сочетании <i>не пито не едено</i> , в сочетании <i>ни пито ни едено</i> поисковая система предлагает изменить написание.	Иному верят, если он просто удостоверяет, что у него сегодня <i>ни пито, ни едено</i> , что у него крохи во рту не бывало, что у него только вода на лице была и т. п. [С. В. Максимов. Крылатые слова (1899)]. Сапоги ему купила, <i>не пито, не едено</i> , пять рублей отдала [Н. А. Тэффи. Выслужился (1910)].
<i>Ни шьет ни порет</i>	НКРЯ – 3 употребления. Google – большое количество упоминаний в словарях пословиц и поговорок, в том числе предлагаются аналоги в белорусском и украинском языках.	– Проходит день, проходит два, начальство <i>ни шьет, ни порет</i> [Ф. М. Решетников. Тетушка Опарина (1868)]. <i>Ні куе ні плешча.</i> <i>Ні куе ні меле.</i>

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фиксирование устойчивых единиц, произведенное ресурсом «Академос» в 2022 году, представляло собой актуализацию устойчивых сочетаний и выражений, зафиксированных в словарях В. И. Даля [9] и Д. Н. Ушакова [10], при этом, в некоторых случаях, с изменениями графического облика фразеологической единицы (как в случае с сочетаниями *ни куётся ни плющится* и *ни пито ни едено*).

При этом устойчивые единицы, добавленные на ресурс «Академос» в 2021 году, фиксировали не только орфографическую, но и орфоэпическую норму, регламентирующую употребление таких единиц, как *по ветру (пустить)*, *на ветер (бросать)*, а также конструкции *под низ* и *под низом*, к которым в скобках не указывается глагол, позволяющий счесть конструкцию устойчивым сочетанием, вероятно, по причине малой вариативности употребления данных сочетаний.

Интересен состав устойчивых сочетаний, добавленных в 2020 году: как антропоморфные обозначения географических объектов: *батьюшка Байкал*, *батьюшки Байкала*

[добавление 2020], *Волга-ма́тушка река́*, *Волги-ма́тушки реки́* [добавление 2020], *ма́тушка Волга*, *ма́тушки Волги* [добавление 2020], *ма́тушка Росси́я*, *ма́тушки Росси́и* [добавление 2020], *ма́ть Росси́я*, *ма́тери Росси́и* [добавление 2020], так и фиксирование ранее созданных прецедентных феноменов: *Кры́мская весна́ (2014)* [добавление 2020]. Ресурс фиксирует также ряд сниженных и просторечных сочетаний, понятных носителям языка, но имеющих фразеологизированное значение и необходимость пояснения для тех лиц, которые изучают русский язык как иностранный или как неродной: *без ниче́го* [добавление 2020], *в иде́але* [добавление 2020], *в на́пряге* (сниж.) [добавление 2020], *да ну́ тебя́ (вас, его́, их и т. д.)* [добавление 2020], *по верхáм* [добавление 2020].

Рассмотрев устойчивые сочетания, добавленные в списки ресурса «Академос» в период с 2020 по 2022 год, мы можем сделать вывод о том, что, несмотря на то, что ресурс призван фиксировать написания и служить индикатором нормативных написаний, не стоит отрицать значимость актуализации выражений, популярных в XVIII–XIX веках, и тот факт, что широкое освещение информационными порталами деятельности ресурса «Академос», который, к сожалению, дает только варианты написания и произношения (хотя в перспективе планируется добавить еще и объяснительные комментарии к словам и выражениям), способно привлечь внимание общественности как к тем устойчивым сочетаниям, значения которых ранее им не были известны, так и к уже знакомым выражениям, написание которых было скорректировано в процессе внесения их на орфографический ресурс.

Список использованных источников

1. Научно-информационный «Орфографический академический ресурс “Академос”» Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://orfo.ruslang.ru>. – Дата доступа : 19.09.2022.
2. Лапаева, Т. А. Проблемы интерпретации устойчивых субстантивно-адекативных словосочетаний в толковых словарях: на материале Словаря русского языка в 4-х томах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Лапаева. – Великий Новгород, 2011. – 24 с.
3. В российский орфографический словарь добавили 151 новое слово // RG.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rg.ru/2022/09/13/v-rossijskij-orfograficheskij-slovar-dobavili-151-novoe-slovo.html>. – Дата доступа : 19.09.2022.
4. В российский орфографический словарь добавили «шаверму», «решалу» и еще 149 слов // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lenta.ru/news/2022/09/13/slovar/>. – Дата доступа : 19.09.2022.
5. В онлайн-словарь Института русского языка добавили 150 новых слов // Сноб [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://snob.ru/news/v-onlajn-slovar-instituta-russkogo-yazyka-dobavili-150-novyh-slov/>. – Дата доступа : 19.09.2022.
6. Антиваксер, бумеры и джетлаг: в российский орфографический словарь добавили 151 новое слово // Собака.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sobaka.ru/city/science/156113>. – Дата доступа : 19.09.2022.
7. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой. – изд. 5-е, испр. – М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. – 896 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 19.09.2020.
9. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 2: И-О [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.prlib.ru/item/457655>. – Дата доступа : 19.09.2022.
10. Большой толковый словарь русского языка // Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ushakovdictionary.ru>. – Дата доступа : 19.09.2022.

Abstract. The article provides a list of stable combinations and expressions published on the academic spelling resource «Academos» in the period from 2020 to 2022, examines the form in which combinations are presented in the NCRE and in Google search results.

Keywords: stable combinations, norm, «Academos».

П. С. Завтрикова

СОЧЕТАНИЕ *СВОЕ МЕСТО* В АСПЕКТЕ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ СЛИТНОСТИ КОМПОНЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается словосочетание *свое место* с точки зрения свободной и несвободной сочетаемости компонентов. Описываются фиксации данного сочетания во фразеологических словарях, характеризуется частотность употребления в текстах Национального корпуса русского языка. Делается вывод о том, что компоненты анализируемого сочетания могут обладать разной степенью семантической слитности, в том числе входить в состав фразеологизмов.

Ключевые слова: семантическая слитность, идиоматичность, свободная сочетаемость, статистический анализ, Национальный корпус русского языка, грамматика конструкций.

Каждый живой язык представляет собой динамичную сущность. В частности, это проявляется в том, что словарный состав языка постоянно пополняется новой лексикой и устойчивыми оборотами. Последние десятилетия речевой практики носителей русского языка закрепили за многими словосочетаниями статус фразеологических, например: *быть в теме, хромая утка, ноль на массу, сладкая парочка, шоковая терапия*.

Появление новых полилексемных номинаций – свидетельство закономерного развития языка. Коммуниканты определяют некоторое понятие или явление как важное и, подобрав удачную языковую форму, все чаще к ней возвращаются. Б. Ю. Норман подчеркивает, что «для того чтобы предмет получил название, нужно, чтобы он вошел в общественный обиход, перешагнув через некоторый “порог значимости”, выделился в самостоятельное понятие» [1, с. 80–81].

Фразеологизация отвечает запросу на экономию речевых средств в процессе коммуникации, поэтому все больше емких обозначений комплексной ситуации или комплексной характеристики становятся устойчивыми.

Объектом изучения в настоящей статье становится словосочетание *свое место*. Цель работы – выявить степень семантической слитности компонентов данного сочетания.

Исследовательский интерес к выражениям, содержащим в своем составе словосочетание *свое место* или полностью состоящим из этого словосочетания, обусловлен в первую очередь количественными показателями. Так, в основном корпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [2] сочетание слов *свой* и *место* (на расстоянии от 1 до 2) фиксируется в 16579 контекстах.

Для сравнения приведем статистику сочетаний слова *место* с другими притяжательными местоимениями (поиск в НКРЯ осуществлялся по аналогичному запросу): *его место* – 6177 вхождений, *их место* – 2454 вхождения, *ее место* – 2106 вхождений, *мое место* – 2040 вхождений, *наше место* – 1657 вхождений и *твое место* – 898 вхождений. Стоит также учесть омонимию несклоняемых притяжательных местоимений (*его, ее, их*) и форм личных местоимений, ввиду которой в результаты поиска, скорее всего, попало много так называемого «мусора». А значит, количественные данные по местоимениям *его, ее, их* могут быть значительно завышены.

Во вторую очередь обращает на себя внимание объединение в составе исследуемого сочетания двух исключительно важных для каждого человека категорий – посессивности (*свое*) и пространства (*место*). Данные категории взаимосвязаны и в определенном смысле даже взаимообусловлены. Академик В. Н. Топоров отмечал осмысление пространства как первоосновы феномена притяжательности: «Исходный характер пространственных отношений для становления КП [категории посессивности] естественно вытекает уже из того факта, что отношение притяжания предполагает вклю-

чение R [объект притяжания] в Р [обладатель], некую близость, смежность, с одной стороны, и мыслимое противоположное отношение разъединенности, отчужденности, с другой. И в том и в другом случае ареной, где “разыгрываются” названные отношения, оказывается пространство» [3].

В традиционной лингвистике фразеологизация рассматривается как «следствие глубоких семантических процессов, вызванных прежде всего метафорическим переосмыслением свободных словосочетаний эквивалентного состава» [4, с. 45]. Фразеологическая единица отличается от свободного сочетания наличием семантической слитности компонентов.

На первый взгляд компоненты словосочетания *свое место* независимы друг от друга и свободны лексически. Однако анализ контекстов показывает, что, сочетаясь со словом *место*, посессив *свой* в современных контекстах (начиная с середины XX века) чаще употребляется в одном из пяти словарных значений, а именно: ‘соответствующий кому-, чему-л.; подходящий для данных условий, обстоятельств, лиц и т. п.’ [5]:

Почти все в стране удалось закрепить навечно, все движения остановить, все потоки перепрудить, все двести миллионов знали свое место – и только колхозная молодежь давала утечку (А. Солженицын. В круге первом (1968)) [2];

Зеленый базар! Только с первого взгляда он казался толчеей. Когда присмотришься, то поймешь – это целостный, здраво продуманный и четко сформированный организм. В нем все на своих местах (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)) [2].

Данный вывод сделан на основе анализа сплошной выборки корпусных контекстов разных десятилетий. Были рассмотрены по 200 иллюстраций употребления словосочетания *свое место* в 1830-х, 1900-х, 1970-х и 2000-х годах. Так, значение ‘соответствующий’ реализуется в 14% контекстов 1830-х годов, 25% в 1900-х, 53% в 1970-х и 61% в 2000-х. Отмечается последовательное увеличение употребления местоимения *свой* в значении ‘соответствующий’.

Реализация наиболее типичных для свободного употребления местоимения *свой* значений (‘принадлежащий или свойственный себе’ и ‘собственный, составляющий имущество или достояние отдельного лица, учреждения’ [5]) в контекстах последних десятилетий менее частотна. В таких контекстах речь идет, к примеру, о местах в театре или о месте расположения чего-либо:

Перед второй картиной оперы идет “сидячий” антракт, то есть публика остается на своих местах и свет в зале не зажигается (И. Архипова. Музыка жизни (1996)) [2];

Однако части особняка чудом сохранились, и в 1987 году дворец восстановили (хоть и не на своем месте) (К. Самарина. Берлин (2013)) [2].

Таким образом, сочетание *свое место*, с одной стороны, может выступать как свободное, с другой стороны, может характеризоваться большей степенью взаимного притяжения компонентов.

В настоящей работе рассматриваются следующие сочетания с разной формой субстантивного компонента: *свое место* (форма В. п.), *на свое место* (*на свои места*), *(не) на своем месте*, *на своих местах*, *по своим местам*.

Несколько из данных сочетаний самостоятельно или в качестве компонента глагольных фразеологизмов фиксируются во фразеологических словарях. Так, в «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной находим четыре единицы с компонентом *свое место*: *ставить все на свои места* (‘вносить ясность, определенность, прояснять ситуацию’), *ставить / поставить на [свое] место* (‘указывать зазнавшемуся, слишком много возомнившему о себе человеку на то, что он представляет собой в действительности’), *на своем месте* (‘соответствует по своим качествам тому делу, которым занят’), *знать свое место* (‘держаться соответственно своему положению’) [6, с. 395–398].

Обращает на себя внимание также высокая степень востребованности слова *место* для аналитического обозначения понятий в русском языке. В «Большом словаре

русских поговорок» фиксируется 143 устойчивых сочетания с данным компонентом, в числе которых *живого места нет, не находить себе места, не к месту, на голом месте, место под солнцем*. Примечательно, что, согласно словарным данным, в сочетании с другими притяжательными местоимениями слово *место* не образует устойчивых единиц и не входит в их состав. Вероятно, это связано со склонностью человека к оценочной, а не беспристрастной категоризации окружающего мира: не столько важно, где чье условное место (например, *ваше место* или *их место*), сколько важно, соответствует ли человек месту, правильное ли место он выбрал (*на своем месте*), «в порядке» ли окружающий мир (*на своих местах*).

В другом авторитетном словаре – «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова – находим пять единиц с компонентом *свое место*: *знать свое место* ('вести себя соответственно своему положению'), *указать свое место* ('дать понять кому-либо, чего он действительно стоит, представляет собой; одернуть кого-либо'), *поставить на свое место* ('решительно дать понять кому-либо, что он в действительности стоит, на что способен и как должен поступать'), *все стало на свои места* с вариантами *все становится на свои места, все стало / становится на свое место* ('все улаживается; все проясняется; все нормализуется, возвращается в прежнее состояние, положение'), *на своем месте* ('вполне соответствует по своим способностям, качествам, знаниям, занимаемому положению, тому делу, которым занят') [7].

У современных исследователей появились ресурсы, позволяющие с высокой степенью точности определить статистическую устойчивость словосочетаний. Исследователь В. П. Захаров пишет о том, что, обращаясь к корпусам текстов, «можно определить, какие слова встречаются вместе регулярно и, таким образом, могут быть отнесены к устойчивым словосочетаниям» [8, с. 11]. Стоит подчеркнуть, что речь в данном случае ведется не о фразеологической, а о статистической устойчивости. Эти два вида устойчивости далеко не всегда коррелируют. В статье Д. О. Добровольского и Л. Пеппель подчеркивается, что «устойчивость не обязательно связана с некомпозиционностью» [9, с. 63] (под некомпозиционностью авторы статьи понимают невыводимость значения сочетания из значений составляющих его единиц), и это мнение разделяют многие ученые. Так, М. В. Копотев и Т. И. Стексова пишут о том, что «анализ частоты совместной встречаемости не позволяет автоматически извлекать фразеологизмы в лингвистическом смысле этого слова», однако помогает выявить «неслучайное сочетание двух и более лексических единиц» [10, с. 49].

При помощи ресурсов НКРЯ была выявлена регулярность употребления следующих форм слова *место* в сочетании с местоимением *свой* (некоторые из приведенных сочетаний классифицируются в словарях как неделимые, однако в данном списке также присутствуют – для общей статистики):

1) ***свое место*** (форма В. п.) в сочетании с переходными глаголами – 3010 вхождений, из которых 993 – *занять / занимать свое место*, 382 – *найти / находить свое место*, 332 – *знать свое место*:

Мы нашли свое место в революции. Жизнь наша становится красивой, как наши картины и коробочки (Б. Пильняк. Созревание плодов (1935)) [2];

Первой любви, незабвенному ЛИ-2, я не изменил, но и вертолет занял свое место в моем сердце (В. Санин. Не говори ты Арктике – прощай (1987)) [2];

2) ***на свое место*** – 1953 вхождения, из которых 693 – *встать / стать / становиться на свое место*, 446 – *вернуть(ся) / возвращать(ся) / возвратить(ся) на свое место*; ***на свои места*** – 1108 вхождений, из которых 512 – *встать / стать / становиться на свои места*, 122 – *вернуть(ся) / возвращать(ся) / возвратить(ся) на свои места*:

Теперь все встало на свое место, и она уже могла проявить к нему обычное насмешливое участие (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)) [2];

Вероятно, по причине все той же мечтательности Владимир Ламм полагал, что «неразбериха», случившаяся октябрём семнадцатого, уладится и месяца через три, ну от силы через полгода, все вернется **на свои места** (Н. Кожевникова. Сосед по Лаврухе (2003)) [2];

3) **на своем месте** – 1778 вхождений (без учета *не на своем месте*), чаще всего в сочетании с нулевой связкой; **не на своем месте** – 172 вхождения:

Все у нее **на своем месте**, каждая вещь – на своем гвозде (И. Грекова. Летом в городе (1962)) [2];

Аркадий Исаакович задумался, и вместо цитаты из смешной миниатюры мы услышали доброе: «Дурак – это просто человек **не на своем месте**» (Л. Шодхина. О куроводе замолвите слово... // «Вестник США» (2003)) [2];

4) **на своих местах** – 1030 вхождений, из которых 229 – *остаться / оставаться на своих местах*; часто в сочетании с нулевой связкой:

Все в мастерской осталось **на своих местах** и выглядит так, как было при жизни хозяина (В. Нарциссов. Дом художника (1981)) [2];

А когда вернулся обратно, минуя все “унижения”, связанные с кормлением из ложки, я немало удивился постоянству дома и обычному течению жизни: мир не перевернулся, все **на своих местах** (А. Сафронов. Вечный сын (2013)) [2];

5) **по своим местам** – 429 вхождений:

Власть придержащие решили, что рынок сам все расставит **по своим местам**, научит, заставит всех работать (В. Плотников. Надо уметь держать удар // «Аграрный журнал» (2002)) [2];

– Ну и что? Я люблю его! – расплакалась Нана, и все в ее душе встало **по своим местам** (М. Гиголашвили. Чертовое колесо (2007)) [2].

В большинстве случаев ключевым компонентом устойчивой единицы становится глагольная форма. Ввиду того что практически все рассматриваемые сочетания содержат в составе предлог, без управляющего глагола конструкция оказывается неполной. Сами глаголы при этом могут варьироваться и характеризоваться как более и менее типичные для той или иной конструкции с сочетанием *свое место*.

В статье, посвященной вопросу соотношения грамматики конструкций и теории фразеологии, Д. О. Добровольский отмечает, что «многие абсолютно регулярно образованные словосочетания и модели, по которым они созданы, оказываются настолько частотными, что есть основания полагать, что они хранятся в памяти носителя языка как единые блоки, а не порождаются по правилам синтаксиса и соположения смыслов» [11, с. 9]. Это положение подчеркивается и в работах других авторов: «Многие конструкции, образуемые по правилам семантической сочетаемости элементов, могут тем не менее храниться в памяти как отдельные единицы» [9, с. 63].

Исходя из анализа словарных статей и корпусных контекстов, можно заключить, что компоненты сочетания *свое место* могут обладать разной степенью семантической слитности. Конструкции, фиксируемые в словарях фразеологических единиц, в большинстве своем идиоматичны. Конструкции, не фиксируемые в словарях, однако статистически частотные (*все на своих местах, найти свое место, не на своем месте, по своим местам*), стоит характеризовать как устойчивые, но не идиоматичные. К таким сочетаниям, согласно одной из трактовок, может быть применен термин «коллокация», понимаемый в широком смысле («устойчиво воспроизводимые в речи сочетания лексем, образованные по прозрачным семантическим и синтаксическим правилам» [10, с. 145], «статистически устойчивые сочетания» [12, с. 57]).

Список использованных источников

1. Норман, Б. Ю. Теория языка. Вводный курс / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 296 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 17.10.2022.

3. Топоров, В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности / В. Н. Топоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/topor/nekot.php. – Дата доступа : 20.10.2022.
4. Жуков, В. П. О знаковости компонентов фразеологизма / В. П. Жуков // Вопросы языкознания. – 1975. – № 6. – М. : Наука. – С. 36–45.
5. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С. А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : gufo.me/dict/kuznetsov/свой. – Дата доступа : 21.10.2022.
6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка / под. ред. А. И. Федорова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://phraseology.academic.ru>. – Дата доступа : 21.10.2022.
8. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика : учебно-методическое пособие / В. П. Захаров. – СПб. : СПбГУ, 2005. – 48 с.
9. Добровольский, Д. О. Конструкции *то-то и N*, в *том-то и весь <весь и> N*: корпусное исследование / Д. О. Добровольский, Л. Пеппель // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – № 2 (30). – 2016. – Новосибирск : НГПУ. – С. 61–72.
10. Копотев, М. В. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стеклова. – М. : Языки славянской культуры, 2016. – 168 с.
11. Добровольский, Д. О. Грамматика конструкций и фразеология / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – № 3. – 2016. – М. : Наука, 2016. – С. 7–21.
12. Павельева, Т. Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов / Т. Ю. Павельева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 3–4 (155–156). – Тамбов : ТГУ имени Г. Р. Державина. – С. 56–61.

Abstract. The article deals with the combination of words *one's own place* from the point of view of free and non-free cohesion of components. The fixations of this combination in phraseological dictionaries are described, the frequency of the use of forms in the texts of the RNC is characterized. It is concluded that the components of the analyzed combination may have varying degrees of semantic cohesion, including being part of phraseological units.

Keywords: semantic cohesion, idiomaticity, free combinability, statistical analysis, Russian National Corpus, construction grammar.

УДК 811.161.1'373'276.6: [070:004]

И. П. Зайцева

ОСМЫСЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *ИВАН, НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА* В СОВРЕМЕННОМ МЕДИДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье на материале текстов Национального корпуса русского языка анализируется функционирование в современном медиадискурсе устойчивого выражения русского языка *Иван, не помнящий родства*. Проведенный анализ свидетельствует, что это выражение, всегда представляя экспрессивно значимый компонент текста, почти в равной степени используется как в своем исходном значении, так и в структурно и семантически трансформированном виде, при котором приобретает и явные черты авторской манеры журналиста.

Ключевые слова: ментальное образование, фразеологическая единица, лексикографическая подача, компоненты фразеологизма, трансформация фразеологизма, образное значение, актуализация значения.

В настоящее время утверждение о том, что в любом языке фразеологическому фонду принадлежит безусловная (а по мнению некоторых исследователей – первостепенная) роль в отражении многообразных «взаимоотношений» языка и культуры, обуславливающих воплощение в языковых единицах этнического своеобразия и особенностей национального миро-

восприятия и мировидения. В содержании фразеологических единиц, в большинстве своем отличающихся яркой образностью, воплощено, как отмечает В. Н. Телия, культурно-национальное мировоззрение [1], чем, среди прочего, объясняется и активная разработка в современной фразеологии лингвокультурологического аспекта.

Особый исследовательский интерес представляют, с нашей точки зрения, фразеологизмы, имеющие в своем составе компоненты – номинации, являющиеся именами ментальных образований, которые обладают в том или ином национально-культурном сообществе концептуальной значимостью. Для русской лингвокультуры одним из таких феноменов, вмещающим содержание, которое явно превышает понятийный объем имени концепта, является феномен **родства**. В «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова и других, где собраны и аналитически описаны «русские концепты в их содержательных формах ..., отражающих происхождение и развитие народного мировосприятия, этики и культуры» [2, с. 2], концептуальное содержание данного ментального образования определено так: «Родство – духовная связь по общности предка, обретаемая по роду, рождению и родине, т. е. физически, социально и духовно. Этим родство отличается от близости по общему делу или свойству, т. е. по временным отношениям» [2, с. 182]. Таким образом, «Родство» как ментальное образование с заключенным в нем смыслом видится своего рода «двуликим» концептом, который своей частью обращен к *реальной жизни* человека, где имеет значение его *связь* с представителями одного с ним рода – его предками и потомками, с которыми этот человек находится в отношениях родства либо по крови (*кровное* родство), либо возникшего в результате брачных связей (*свойство*). Вторая же ипостась как структурно-смыслового, так и функционального наполнения рассматриваемого концепта обращена к *духовной* жизни человека, его внутреннему миру, т. е. к тем связям, которые формируются между людьми не на основе общего предка, рода и рождения (жизненных реалий, которые присущи всем без исключения индивидам как данности, сопровождающие появление любого человека на свет независимо от его к ним отношения).

С учетом сказанного логично предположить, что имя рассматриваемого концепта может являться компонентом фразеологических и / или паремийных единиц русского языка, поскольку последние, по общему мнению исследователей, принадлежат к наиболее «культуроносным» пластам любого лингвокультурного пространства.

Номинация *родство* в качестве компонента функционирует в небольшой группе устойчивых выражений, из которых наиболее известно выражение *Иван, не помнящий родства* (более редко встречающийся вариант – *не помнящий родства Иван*). Помимо этого, русскому языку известно и выражение *не помнящий родства* (при подаче в лексикографических источниках обычно сопровождается пометами «устаревшее», «старое» и под.), также обладающее устойчивой семантикой, которое иногда (довольно редко) квалифицируется как полный синоним приведенного выше, но чаще толкуется иным образом.

Специальные словари – фразеологические, а также словари, в которых системно представлены устойчивые выражения всех иных типов (паремии, афоризмов и т. п.) – в большинстве своем приводят оба выражения, при этом иногда объединяют их в одной словарной статье, тем самым демонстрируя общность ключевого компонента, иногда – «разводят» по разным сегментам источника, что свидетельствует и об отнесенности этих выражений к различным семантическим объединениям.

Так, в двухтомном «Фразеологическом словаре современного русского языка» под редакцией А. Н. Тихонова (2004) в словарной статье «Родство» (что свидетельствует о приоритетности в приведенном выражении именно этого компонента) описывается значение одного из рассматриваемых выражений: «РОДСТВО. ... ~ Не помнящий родства – в дореволюционной России: тот, кто не знает или не дает сведений о своем происхождении, месте рождения и т. д. – *Кузмич, выдававший себя за не помнящего родства бродягу, знал иностранные языки и всеми приемами своими величавой ласковости*

обличал человека, привыкшего к самому высокому положению. Л. Н. Толстой. – *Старик Антип был из беглых и числился в разряде не помнящих родства*. Мамин-Сибиряк [3, с. 262]. Как можно убедиться, помещенный в данном источнике иллюстративный материал взят из произведений классической литературы (Л. Н. Толстого и Д. Н. Мамина-Сибиряка), где также воссоздается и социокультурная среда (период XIX и начала XX вв.), для которой значение толкуемого выражения было более актуальным, нежели в современный период.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» И. В. Федосова и А. В. Лапицкого (2003) интересующие нас выражения помещены в *разных* словарных статьях, в каждой из которых содержится лишь толкование их значений, не сопровождаемое иллюстративным материалом: «Родство. Не помнящий родства – о человеке, порвавшем связь с воспитавшей его средой» [4, с. 440]; «*Иван, не помнящий родства* – о человеке, не знающем историю своих предков, историю и обычаи своей страны и т. п.» [4, с. 195].

Во «Фразеологическом словаре русского языка» А. И. Федорова (2008) оба выражения помещены в одну словарную статью, однако заголовочным словом в ней является не номинация *родство*, а причастие *помнящий*:

«ПОМНЯЩИЙ ◊ НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА.

Ирон. 1. Человек, порвавший все связи со своей средой, с близкими и родными.

2. Человек, отказавшийся от своих прошлых убеждений, верований.

НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА ИВАН. Презр. Неблагодарный, относящийся с полным безразличием к своим предшественникам, воспитанникам. – *Что тебе горько? – Что ты выросла, как Иван, не помнящий родства* (Н. Ильина. Возвращение).

– Первонач.: юридический термин, который применялся к беспаспортным бродягам. *Старик Антип был из беглых и числился в разряде не помнящих родства* (Мамин-Сибиряк. Три конца)» [5, с. 501].

Примечательно, что в данном случае определенная приоритетность отдается выражению *не помнящий родства*, для которого автор словаря не только приводит 2 значения, причем первым – значение с явно коннотативной семантикой, о чем свидетельствует помета «ироничное». В примечании к словарной статье описывается значение, лежащее в основе возникновения фразеологизма, ставшее для современного языка неактуальным, которое проиллюстрировано примером из произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка, уже приводимое ранее во фрагменте из фразеологического словаря под редакцией А. Н. Тихонова (любопытно, что этот текстовый пример приводится практически во всех толковых словарях русского языка, где в словарную статью, помимо описываемого понятия, включаются и фразеологизмы, толкование которых в разных словарях не совпадает).

Наконец, следует, на наш взгляд, упомянуть о достаточно оригинальной подаче выражения *не помнящий родства* (*непомнящий родства*) в одном из первых (1955) справочных пособий русского языка, с подзаголовком «Литературные цитаты. Образные выражения», системно представившем афоризмы («крылатые слова», по определению авторов, Н. С. и М. Г. Ашукиных): «*Непомнящие родства*. Старинный юридический термин, который применялся к беспаспортным бродягам. М. Е. Салтыков-Щедрин применял его как характеристику беспринципных журнально-газетных деятелей, которые легко отказываются от своего прошлого («Мелочи жизни», «Газетчик» и др.). Выражение это употребляется как характеристика ренегатов» [6, с. 371]. Описание значения приведенного выражения сопровождается двумя текстовыми иллюстрациями: «... я не со всяким встречным связываюсь и предпочитаю быть осторожным с людьми, непомнящими родства (М. Е. Салтыков-Щедрин, За рубежом ...). Наступил 1905-й год, и девятое января изобличило всех непомнящих родства интеллигентов (В. И. Ленин, Первые уроки...» [6, с. 371].

Данное описание примечательно, во-первых, отражением в нем уже неактуальных для современной орфографии норм; во-вторых – тем, что в нем, помимо характеристи-

ки исходного значения рассматриваемого выражения, которое изначально (в течение XIX в. и в начале XX в.) использовалось как юридический термин, отражено и начало формирования у него значений *вторичных*, т. е. собственно фразеологических, в семантике которых непременно присутствует образность и / или оценочность.

Таким образом, в процессе исторического развития русского языка в течение XIX–XXI вв. рассматриваемые выражения очевидно закрепились в системе языка как элементы с *устойчивой* семантикой (будучи по составу двух- и более компонентными, по значению они могут быть сведены к одной семантической единице, семеме) и иными характеристиками фразеологических единиц, среди которых воспроизводимость, раздельнооформленность и др.

Обращение к данным электронного ресурса «Национальный корпус русского языка» свидетельствует, что в медиадискурсе современного периода рассматриваемые выражения осмысливаются авторами-журналистами весьма активно, причем практически во всей палитре свойственных им значений. Очевидный приоритет при этом отдается авторами выражению *Иван, не помнящий родства*: оно – в исходном либо трансформированном виде – функционирует в 81-м из 84-х нами выявленных контекстов.

Выражение *не помнящий родства* входит в состав трех высказываний:

1. *Но мы-то – не только грамотные историки, но и «помнящие родство», общество в целом – нуждаемся в политико-правовой оценке и в тщательном, без прикрас обсуждении проблемы* [Облегчим душу, извинившись за оккупацию // Известия, 2005.05];

2. *День Победы – праздник, святой для каждого «помнящего родство» россиянина* [Безрук Мария. Нам дороги эти позабыть нельзя // Труд-7, 2005.05];

3. *«Не помнящие родства – это не граждане этой страны», – сказал Слиска журналистам* [«Молодежное Единство» проводит акцию памяти // Vesti.ru, 2003.02] (выделено мною – И. З.) [7].

В двух из приведенных примерах (втором и третьем) в контексте актуализируется одно из отмеченных словарями фразеологических значений выражения – ‘о человеке, порвавшем связь с воспитавшей его средой, с родными и близкими’. В первом же из контекстов фразеологизм использован в трансформированном виде: *помнящие родство*, в результате чего он приобретает антонимичный смысл: ‘люди, которые чтят память о прошлом, о своих предках и своей истории’.

В двух из трех контекстах фразеологизм заключается в кавычки – по всей видимости, с целью дополнительного акцента на его переносном, с явными элементами символизма, значении. Символизм формируется у фразеологических единиц в результате различных процессов, в том числе и в результате актуализации внутритекстовых связей – в частности, в ходе семантической и ассоциативной «переклички» с названиями публицистических произведений, явно наблюдающейся в ряде случаев – сравн., например, интертекстуальное название одной из публикаций: «Нам дороги эти позабыть нельзя».

Фразеологизм *Иван, не помнящий родства*, как уже отмечалось ранее, значительно более частотен в современных медиатекстах; гораздо многообразнее и способы его контекстуального осмысления авторами. Довольно часто этот фразеологизм используется в своем основном значении: ‘человек, не дорожающий старыми связями, а также прошлым своего народа, родины’ (такое толкование, представляющееся наиболее развернутым, помещено в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н. Ю. Шведовой (2011), где данный фразеологизм приводится в словарной статье «Родство» [8, с. 836]). Иллюстрациями могут служить контексты:

1. *Да и сам по себе интерес к символике отцов и дедов – это нормальное явление, все-таки мы не должны превращаться в иванов, не помнящих родства, и забывать, кто мы такие и откуда мы есть* [Славущкий Александр. Назад – в СССР // Труд-7, 2005.12];

2. *С древнего чугунка, старинной прялки, с ерундовины начинается историческая память, которая нам очень нужна, чтобы мы не были «Иванами, не помнящими родства»* [Все от Бога! // Аргументы и факты, 2005.12];

3. *Угроза первая – быть **Иванами, не помнящими родства*** [Страсти по идеям // Известия, 2006.03];

4. *«Мы не можем быть **иванами, не помнящими родства*** [У дальней авиации появилась святыня // Vesti.ru, 2005.09];

5. – *И слава Богу, что нас не превратили в «**Иванов, родства не помнящих**»* [Горшков Андрей. Дмитрий Аяцков: люблю умножать, а не делить // Труд-7, 2004.02];

6. *«Действия нынешней российской прессы направлены на дальнейший развал национального самосознания, на вестернизацию мышления и превращение россиян в «**Иванов, не помнящих родства**», – подчеркивает г-н Гальченко* [Станислав Наумов. Россиянам надоели насилие и порнография // РБК Daily, 2004.01];

7. *Не скрою, были у нашего фестиваля противники – из числа тех, кого в России издавна именовали **иванами, не помнящими родства**, но сторонников оказалось больше* [Павлючик Леонид. «Александр Невский» снова в строю // Труд-7, 2003.07] (выделено мною – И. З.) [7].

Обратим внимание на некоторые расхождения в оформлении вводимых в медиа-контексты фразеологизмов: заключение или незаключение этого выражения в кавычки, а также написание имени личного *Иван* как с прописной, так и со строчной букв. Это разнообразие, с нашей точки зрения, обусловлено наличием различных подходов к введению языковой единицы в речь (при лексикографической фиксации фразеологизма такие расхождения отсутствуют).

Безусловно, особый интерес представляют факты *авторской трансформации* фразеологизма, которые достаточно разнообразны. В данной публикации мы остановимся лишь на одном из них: замене одного из компонентов фразеологизма, имени *Иван*, другим, что актуализирует и одновременно «обновляет» присущую языковой единице образность. Трансформация такого характера наблюдается примерно в четверти всего корпуса выявленных нами примеров; приведем некоторые из них:

1. *А мы очень долгое время провели и без того и без другого. И растут **манкурты, родства не помнящие***. Поэтому человеку важно знать свою историю, свои корни, про какие-то связующие моменты – это очень важные вещи [Зачем нам фильмы о войне // Аргументы и факты, 2006.06];

2. ***Шпион, не помнящий родства***. Майкл Дуглас снялся в комедии премьеры кино *Сегодня в московском кинотеатре «Горизонт» пройдет премьеры комедии «Свадебная вечеринка», посвященной такой узкоспециальной отрасли семейной жизни, как отношения свекра и тестя* [Шпион, не помнящий родства // Коммерсант, 2003.09];

3. *Первомай превратился в **праздник, не помнящий родства*** [Праздник, не помнящий родства // Известия, 2003.05];

4. *Собирательное обозначение для **молодых людей, не помнящих родства**, променявших Пушкина на Шварценеггера, водку на пиво, а патриотизм на Warcraft II* [Их файлы // Известия, 2002.12];

5. *Как спасти ее, Землю, от нас, **разрушительных, хищных, грязных, не помнящих родства с природой землян?*** [Спасти Землю // РИА Новости, 2002.08];

6. *Они доберутся до 60-х и 70-х, на стендах появятся реабилитированные **Деды Морозы и Чебурашки, родства не помнящие*** [Краденое солнце // Известия, 2001.12];

7. *Цифровые камеры с большим количеством кнопок и бюджеты, сопоставимые с голливудскими, за пару лет превратили молодых да ранних французских интеллектуалов в циничных, **не помнящих родства киноподонков**, каких доселе не видывал ни Старый Свет, ни Новый* [Такеши Китано об Америке // Известия, 2001.08].

Как можно убедиться, один из компонентов анализируемого фразеологизма (*Иван*) – прежде всего, в русле авторских установок журналиста – может быть заменен весьма широким диапазоном номинаций, в том числе и обозначениями неодушевленных предметов: *итион, Деды Морозы и Чебурашки, молодые люди, праздник* и др. Обратим внимание лишь на особо выразительные из них: *не помнящих родства киноподонков* (пример 7), где компонент фразеоло-

гизма заменен ярким окказиональным образованием с выраженной экспрессией; *манкурты, родства не помнящие* (пример 1), где использована номинация, поучившая известность после выхода романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок» (по изложенной в романе народной легенде, манкуртом называли человека, которого враждебное племя еще ребенком похищало у родителей и особо жестоким образом лишало памяти, превращая в раба, послушно исполняющего чужую волю. При этом очевидно, что функционирующие в современном медиадискурсе фразеологизмы, подобным образом трансформированные, требуют более детального и глубокого анализа.

Подводя итоги, отметим следующее. Проведенные наблюдения позволяют утверждать, что фразеологический фонд русского языка по-прежнему остается богатейшим источником придания различным речевым произведениям (в данном случае – медиатекстам) образности, оценочности и индивидуально-авторского своеобразия. Наиболее ярко это проявляется в тех случаях, когда журналист прибегает к разного рода трансформациям фразеологических единиц, в частности – к замене одного из компонентов другой номинацией, как правило, с выраженным оценочным и / или экспрессивным значением.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности : в 2-х т. – Т. 2. П–Я / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб. : Златоуст, 2014. – 592 с.
3. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова / сост. : А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание : в 2 т. Т. 2 (П–Я). – М. : Флинта : Наука, 2004. – 832 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / авторский коллектив : проф. И. В. Федосов, канд. ф. н. А. В. Лапицкий. – М. : «ЮНВЕС», 2003. – 608 с.
5. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – 878 с.
6. Ашукин, Н. С. Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Гослитиздат, 1955. – 667 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorga.ru>. – Дата доступа : 03.09.2022.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка имени В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.

Abstract. The article, devoted to the materials of the texts of Russian National Corpus, analyzes the cases of the frequently occurring media discourse of the free expression of the Russian language – *Ivan, who does not remember kinship*. The analysis of the manifestation of the fact that this expression always predetermines the expressive-significant component of the text is almost equally used both in its original meaning and in a structurally-semanticly transformed form, in which signs of the author's manner of a journalist are acquired and manifested.

Keywords: mental formation, phraseological unit, lexicographic presentation, components of a phraseological unit, transformation of a phraseological unit, figurative meaning, actualization of meaning.

УДК 811.161.1'373.23:398.95:316.346.2

Л. Г. Золотых, О. Ю. Космачёва

ЦЕННОСТНАЯ ПАРАДИГМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ЖЕНЩИНА» VS «МУЖЧИНА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Представлен опыт систематизации фразеологизмов, репрезентирующих концепты «Женщина» и «Мужчина», посредством выделения общих и дифференциальных ко-

гнитивно-дискурсивных смысловых элементов на материале знаков образной номинации, выбранных из «Большого универсального словаря русского языка». Выявлены основные группы, которые показали ценностную продуктивность концептов «Женщина» vs «Мужчина».

Ключевые слова: ценность, фразеологизм, концепты «Женщина» и «Мужчина», фразеологическая семантика, репрезентация.

Аксиологическая значимость ценности обусловлена совокупностью смыслов как когнитивной базы объективно существующей реальности, направляющей и мотивирующей человеческую жизнь. Личность, то есть конкретный человек, тесно связана с культурно-языковым сообществом – лингвокультурой, отражающей в совокупности языковую, концептуальную и ценностную картины мира.

Ценностная продуктивность фразеологизмов и паремий как образных знаков русской лингвокультуры – это аксиома. Наше внимание к фразеологической репрезентации концептов «Женщина» vs «Мужчина» в русской лингвокультуре объясняется интересом как к генетической связи образных выражений с разнообразными дискурсивными пространствами, так и к особенностям широкого спектра эксплицитного отражения ценностных характеристик женщины и мужчины как уникального явления. В женщине «гармония, все диво, / Все выше мира и страстей» (А. С. Пушкин). У мужчины «должен быть характер, / <...> И крепкая ладонь» (А. Дементьев), «И мужество, и преданность, и нежность, / И тонкий ум, и благородный вкус» (Э. Асадов).

Эволюция и динамика лингвокультуры определяется любыми изменениями в концептуальной и ценностной картине мира. Приведем для сравнения примеры семантических трансформаций библейских сказаний о первых людях на земле – Адаме и Еве – во фразеологической интерпретации: *гол (голый) как Адам (голые как Адам и Ева)* – ‘абсолютно без одежды, нагишом’; *начинать / начать с Адама* устар., шутл. или ирон. – ‘обычно о слишком подробном изложении, начинающемся с излишне затянутого предисловия’; *от Адама* устар., шутл. или ирон. – ‘с глубокой древности, с давних пор, с самого начала’ [1, с. 17–18].

В качестве материала нашего исследования были использованы знаки образной номинации, выбранные из «Большого универсального словаря русского языка» (далее БУСРЯ) [2]. Выбор фразеологизмов в широком понимании осуществлялся с учетом наличия смысловых компонентов, которые указывают на принадлежность к лицу женского или мужского пола. Систематизация фразеологизмов, репрезентирующих концепты «Женщина» и «Мужчина», посредством выделения общих и дифференциальных когнитивно-дискурсивных смысловых элементов, а также моделирование концептуальной и ценностной объективации образного мужского и женского начала в русской лингвокультуре – все это позволило выявить несколько базовых групп.

I группа. Фразеологизмы, репрезентирующие концепты «Женщина» vs «Мужчина», с общими когнитивно-дискурсивными элементами.

1. Словарные дефиниции фразеологизмов различаются только семами ‘лицо женского пола’ vs ‘лицо мужского пола’, сравн.: *Дочь природы* – ‘о лице женского пола, которое отличается непосредственностью выражения своих чувств и простодушием, в поведении которого незаметно воздействие цивилизации’ [2, с. 276]. *Сын природы* – ‘о лице мужского пола, которое отличается непосредственностью выражения своих чувств и простодушием, в поведении которого незаметно воздействие цивилизации’ [2, с. 1210]. Посредством сем фразеологического значения ‘непосредственность’, ‘простодушие’, ‘отдаленность от цивилизации’ ассоциативно-образное мышление актуализирует внутреннюю форму, что способствует созданию наглядного представления о человеке и ценностному отношению к конкретному лицу.

2. Фразеологическая репрезентация концептов «Женщина» vs «Мужчина» актуализирует аспектное представление дискурсивного смысла духовно-нравственной жизни человека. Например: (1) *Крестная мать* – ‘женщина, которая (по выбору родителей)

после участия в христианском обряде крещения (она принимает на руки ребенка из купели) становится духовной матерью ребенка, его крестной' [2, с. 518]. *Крестный отец* – 'мужчина, который при совершении Таинства Крещения принимает на руки из купели ребенка и становится тем самым ответственным за его христианское воспитание, восприемник, крестный' [2, с. 717]. (2) *Крестная дочь* – 'лицо женского пола (обычно ребенок), которое при совершении таинства крещения принимается из купели женщиной, становящейся ее крестной матерью; крестник' [2, с. 276]. *Крестный сын* – 'лицо мужского пола (обычно ребенок), которое при совершении таинства крещения принимается из купели мужчиной, становящимся его крестным отцом; крестник' [2, с. 1210]. (3) *Духовный сын; духовная дочь* – 'верующий, верующая <...> по отношению к своему духовному отцу, т. е. духовнику' [2, с. 283]. *Духовный отец* – 'священник, которому человек обычно исповедуется и к которому обращается за советом перед принятием важных решений, духовник' [2, с. 717].

В семантической структуре смысловые элементы 'женщина' vs 'мужчина' и 'лицо женского пола' vs 'лицо мужского пола' обусловлены лексико-грамматическими компонентами 'мать' vs 'отец' и 'дочь' vs 'сын'. Грамматические варианты лексических компонентов 'крестная / крестный', 'духовный / духовная' определяют ценностно-коммуникативную сущность генетической связи фразеологизма с дискурсивным пространством православного Таинства. Фразеологическая фасета «ритуал», являясь интерпретантой дискурсивного пространства, определившего образование знака образной номинации, преобразовала внутреннее семиотическое содержание христианской традиции во фразеологическое значение.

II группа. Общность семиотических характеристик фразеологизмов, репрезентирующих концепты «Женщина» vs «Мужчина».

1. Общность как на структурном, так на и семантическом уровне, например: (1) *Годиться в сыновья (в дочери, в отцы ...)* кому-л. – 'соотноситься с кем-л. по возрасту как сын, дочь, отец и т. п. (об очень большой разнице в возрасте двух человек)' [2, с. 197].; (2) *Не знать женщин (ни одной женщины); не знать мужчин (ни одного мужчины)* – 'не иметь сексуального контакта с лицом противоположного пола, быть девственником, девственницей' [2, с. 359]; (3) *Мужчина (женщина) в самом (полном) соку* разг. – 'о мужчине, женщине в полном расцвете физических сил, в лучшей поре развития' [2, с. 1135]. (4) *Старая дева* – 'немолодая женщина, не бывшая замужем и не имеющая детей'. *Старый холостяк* – 'немолодой мужчина, не бывший женатым' [2, с. 1173]. (5) *И на старуху бывает проруха* погов. – 'даже опытный, бывалый человек может ошибиться, допустить промах в каком-л. деле (обычно говорят в оправдание ошибки, совершенной человеком, от которого этого нельзя было ожидать)' [2, с. 1172].

2. Использование в качестве средства фольклорной стилизации, например: (1) *Дядя (тетя) достань воробушка* – 'об очень высоком человеке (употребляется обычно в качестве дразнилки в речи детей)' [2, с. 272]; (2) *Тили-тили-тесто, жених и невеста в речи детей* – 'произносимый нараспев стишок, которым дразнят дети влюбленных друг в друга, симпатизирующих друг другу и находящихся вместе мальчика и девочку' [2, с. 300]. (3) *Жили-были старик со старухой...* – 'традиционное начало многих русских народных сказок' [2, с. 308].

III группа. Дискурсивно-функциональные факторы, определяющие фразеологическую репрезентацию концептов «Женщина» vs «Мужчина».

1. Терминологические сочетания с лексико-грамматическими компонентами 'женский / женская' vs 'мужской / мужская', например: (1) *Женский род* грамм. – 'один из четырех (наряду с мужским, средним и общим) грамматических родов в русском языке' [2, с. 300]. *Мужской род* грамм. – 'один из четырех (наряду с женским, средним и общим) грамматических родов в русском языке' [2, с. 554]. (2) *Женская рифма* – 'рифма с ударением на предпоследнем слоге' [2, с. 300]. *Мужская рифма* – 'рифма с ударением на последнем слоге' [2, с. 554]. (3) *Жен-*

ская консультация – ‘вид поликлиники, лечебно-профилактическое учреждение, которое специализируется на лечении специфически женских заболеваний и наблюдении за течением беременности’ [2, с. 445].

2. Репрезентация концептов «Женщина» vs «Мужчина» фразеологизмами с компонентами ‘мать’ и ‘отец’, которые носят терминологический характер и употребляются в ряде областей специального знания. Например: (1) *Биологическая мать* кого-то – ‘женщина, которая зачала, выносила и родила ребенка’ [2, с. 518]. *Биологический отец* спец. – ‘родной отец’ [2, с. 717]. (2) *Кормящая мать* – ‘женщина в период, когда она кормит своего ребенка грудью’. *Суррогатная мать* – ‘женщина, которая соглашается (обычно за деньги) вынашивать эмбрион и родить ребенка вместо другой женщины, которая по каким-то причинам не может сделать этого’. *Патронатная мать* – ‘женщина, принявшая в свою семью для воспитания ребенка-сироту при сохранении контроля со стороны государства’ [2, с. 518].

IV группа. Когнитивно-прагматический аспект фразеологической репрезентации концепта «Женщина».

Следующие подгруппы представляют степень когнитивно-прагматического эффекта фразеологической семантики, демонстрируя ценности в аспекте (1) общественной / индивидуальной значимости, характеризующейся с позиций положительной или отрицательной оценки и (2) определенного эмоционального состояния. Сравн.:

1. *Женская логика* шутл., ирон. – ‘о суждениях, лишенных строгой последовательности, логичности, основанных на чувстве, а не на доводах рассудка’. *Женский вопрос* – ‘вопрос о положении женщин в обществе’. [2, с. 300]. *У войны не женское лицо* – ‘о беспощадной жестокости войны, которая не щадит не только мужчин, но и женщин (название книги С. А. Алексиевич, в которой собраны воспоминания женщин – участниц Великой Отечественной войны, 1984)’ [2, с. 127]. *Ищите женщину* (цитируется также по-французски: *Cherchez la femme!*) часто шутл. – ‘употр. когда хотят сказать, что скрытой пружиной какого-то обычно запутанного дела, неожиданно возникшей непростой ситуации, интриги является женщина (из романа А. Дюма-отца «Могикане Парижа» и одноименной драмы, 1864)’ [2, с. 392].

2. *Кричали женщины: ура!* | *И в воздух чепчики бросали* шутл., ирон. – ‘когда хотят отметить чрезмерное выражение радости, энтузиазма по поводу какого-л. известия’ (из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»). *Злойная женщина* [, *мечта поэта*] ирон. или шутл. – ‘о женщине с пышными формами, томной, темпераментной, возбуждающей сладострастие, чувственное влечение мужчины (из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»)’. *Доступная женщина; женщина легкого поведения* неодобр. – ‘женщина, которая легко вступает в непродолжительные случайные связи с мужчинами или занимается проституцией’ [2, с. 300].

Ценностная интерпретация культурного концепта «Женщина» в русской лингвокультуре также наглядно представлена фильмами и сериалами, репрезентирующими фразеологическую семантику такими фразеологизмами, как «Ищите женщину» (1982), «Ребро Адама» (1990), «Женская логика» (2001–2006), «Три полурации» (2006).

V группа. Когнитивно-прагматический аспект фразеологической репрезентации концепта «Мужчина».

В следующих подгруппах ценностные смыслы фразеологизмов актуализируются семантикой компонентов ‘мужчина’, ‘мужской’, а также компонентов с ярко выраженной родственной связью: ‘отец’, ‘дед’, ‘прадед’. Данные фразеологизмы употребляются в качестве (1) характерологического средства и (2) средства типизации. Сравн.:

1. *Как мужчина с мужчиной* (поговорить, побеседовать ...) – ‘как подобает мужчине, как принято среди мужчин’. *Мужской разговор* – ‘серьезный, откровенный, прямой разговор между мужчинами с целью разрешить конфликт, в котором они участвуют’ [2, с. 554]. [*Слышу*] *речь не мальчика, но (а) мужа* часто шутл. – ‘высказывание зрелого человека – результата серьезных размышлений (из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»)» [2, с. 1016].

2. *Отцы и деды, деды и прадеды* – ‘предки’ [2, с. 234]. *Посажённый отец* – ‘мужчина, который в свадебном обряде исполняет роль родителя жениха или невесты’. *Отец и мать* кто-л. кому-л. разг. – ‘об отце, который заменяет детям также и мать, или о человеке, который заменяет детям отца и мать’. *Отец семейства* – ‘мужчина как глава семьи, включающей жену и детей’ [2, с. 717].

VI группа. Фразеологическая репрезентация концептами «Женщина» vs «Мужчина» преемственной связи ценностно-смысловой информации.

Фразеологическая репрезентация концептами «Женщина» vs «Мужчина» ценности как сущности и условия жизни человека выявляет разнообразные оценки, сохраняя межпоколенную преемственность ценностно-смысловой информации.

1. Знаки образной номинации с компонентом ‘мóлодец / молодéц’: *Мóлодец к мóлодцу* – ‘о группе молодых мужчин, юношей: все, кого не возьми одинаково хороши’ [2, с. 545]. *Молодéц к мoлoдцy* – ‘все в равной степени хороши, все как на подбор’. *Молодéц против овeц, а против мoлoдцá и сам овца* посл. – ‘о том, кто готов применить силу, вступить в конфликт с тем, кто является заведомо более слабым человеком, но боится более сильных или сразу сдаётся, покоряется им’. *Всяк молодéц на свой образец* посл. – ‘все люди разные, и это нормально’ [2, с. 546].

2. В семантической структуре образных номинаций с компонентом ‘бабушка’ актуализируются противоположные смыслы, характеризующие ‘жизненную мудрость’ и ‘старческую наивность’, сравн.: (1) *Бабушка [еще] надвое сказала* посл. – ‘говорят, когда сомневаются, осуществится ли то, что предсказывают’ [2, с. 35] и (2) *Расскажите это своей бабушке* разг. – ‘употребляется как выражения полного недоверия к тому, что сообщает собеседник’ [2, с. 997]. Думается, что подобные примеры репрезентируют субконцепт «Пожилая / старая женщина»: (3) *И хором бабушки твердят: | «Как наши годы-то летят»* – ‘употребляется в шутку, когда кто-то жалуется на то, как быстро проходит время (строфа из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»)» [2, с. 35].

Знаки образной номинации, в семантической структуре которых имеются смысловые элементы ‘женщина’, ‘женский(-ая, -ое, -ие) vs ‘мужчина’, ‘мужской (-ая, -ое, -ие)’; ‘отец’, ‘мать’, ‘дочь’, ‘сын’; указание на ‘лицо женского пола’ vs ‘лицо мужского пола’, как живое слово отражают своей семантикой ценностный мир русской лингвокультуры. Выявленные группы, которые показали ценностную продуктивность фразеологической репрезентации концептов «Женщина» vs «Мужчина», были определены общностью / дифференциацией когнитивно-дискурсивных смысловых элементов и моделированием концептуальной и ценностной объективации образного мужского и женского начала в русской лингвокультуре.

Список использованных источников

1. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко ; СПбГУ ; Межкаф. словарный кабинет имени Б. А. Ларина. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.

2. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка : Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковкина. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА ; Словари XXI века, 2016. – 1456 с.

Abstract. The article introduces the experience of phraseological expressions systematization representing the concepts “Woman” and “Man” through the selection of common and differential cognitive and discursive semantic elements. As the material of the study figurative nomination signs were mainly used and selected from the Great Universal Dictionary of the Russian language. As a result of the study several main groups were identified and showed the valuable productivity of the phraseological representation of the concepts “Woman” vs “Man”.

Keywords: value, phraseology, the concepts “Woman” and “Man”, phraseological semantics, representation.

И. В. Зыкова

ФРАЗЕОЛОГИЯ В АВАНГАРДНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена одной из фундаментальных проблем современной фразеологии – проблеме воспроизводимости фразеологизмов в дискурсах разных типов, исследуемой с опорой на теорию лингвистической креативности. Анализируются особенности функционирования фразеологизмов в авангардном поэтическом и кинематографическом дискурсах. Особое внимание уделяется описанию модификаций фразеологизмов в данных дискурсах и их систематизации по шкале креативности.

Ключевые слова: фразеология, воспроизводимость, лингвокреативность, поэтический дискурс, кинодискурс, модификация.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Лингвистическая креативность – явление динамическое, противостоящее конвенциональным реализациям языковой системы и выступающее мощным фактором ее обогащения новыми средствами. Ведущиеся сегодня исследования выявляют отличия в степени и механизмах языковой инновационности в дискурсах, как типологически близких, так и контрастирующих по своим типологическим характеристикам (см. подробнее в [1]). Все больший интерес вызывают процессы создания и функционирования лингвокреативных единиц, их проникновение в разные дискурсивные практики и «тиражируемость» разных классов лингвокреативных средств в определенных дискурсах. Все острее ощущается потребность в расширении научных представлений о внутренних (дискурсивно обусловленных) и внешних (экстралингвистических) факторах порождения языковых новаций в разных языковых системах, о внеязыковых и языковых механизмах, стимулирующих процессы языкового творчества в тех или иных типах текстов. К этому кругу отмеченных проблем мы обращаемся в настоящей работе.

Литература и кинематограф являются неотъемлемыми составляющими художественной культуры, которая обладает особой силой воздействия на развитие как самой языковой системы, так и всех ее подсистем, в частности фразеологической подсистемы. К примеру, по замечанию А. М. Бабкина, «одним из источников обогащения национальной фразеологии является язык писателя. На протяжении всей истории развития национальной культуры как со страниц выдающихся мастеров слова, так и иногда из произведений второстепенных писателей в литературный язык входили образные выражения, яркие сравнительные обороты, меткие характеристики и уподобления. Одни из них были эфемеридами, <...> другие же <...> прочно вошли во фразеологический фонд национального языка, <...> и сделались незаменимыми формами выражения мысли» [2, с. 106].

При изучении фразеологии важно, прежде всего, принять во внимание тот факт, что в художественной литературе и кинематографе слово как таковое (или языковой знак, вербальное) имеет неравноценный статус.

В художественной литературе слово занимает центральное положение и выступает не только средством художественного мышления и художественного выражения. По мысли Г. О. Винокура, слово обращено «на само себя», оно является объектом художественного осмысления, неизбежно запускающего процесс языкового новаторства. Как пишет В. П. Григорьев, «в художественном тексте слова преобразовываются и преобразуются, получают дополнительные характеристики, обнаруживают “приращения

смысла», расширение связей и взаимодействий, выступают как качественно новые единицы, реализуя свои эстетические потенции выразительности» [3, с. 5]. М. И. Шапир отмечает, что язык художественной литературы «ориентирован на сознательное и активное изменение, на поиск новых выразительных возможностей, а в иных случаях – на оригинальность <...>» [4, с. 447], он допускает фактически любое преобразование языковых единиц, «любое коверканье национальной речи» нередко с целью сделать их творчески активными [4, с. 443].

В языке кино роль слова оценивается специалистами неоднозначно, от признания его главенствующего положения в полимодальном и поликодовом пространстве фильма, его основополагающей роли в создании особой фикциональной реальности кинопроизведения до категорического отрицания такой его значимости. За исключением некоторых из экспериментальных направлений в кинематографе не ставится в качестве главной задачи работа над словом или со словом, аналогичная той, которая осуществляется в литературе, в частности в поэзии. Как указывает Б. В. Казанский, кино представляет собой сложное, составное искусство, «в котором участвуют творчества различного рода и на разных правах» [5, с. 134]. На изменение отношения к слову оказывает влияние весь ход исторического развития кинематографа, прошедшего путь радикальных преобразований от эпохи немого кино до эпохи цифровых технологий. Как отмечает И. П. Смирнов, «киноискусство двигалось от передачи телесной пластики и конвенциализованно-стереотипной мимики, сопоставимой с обрядовым масконошением, к внедрению – на своей звуковой стадии – в эту quasi-ритуальность мифогенного и перформативно-магического слова» [6, с. 179].

Таким образом, принимая во внимание разный статус слова (языкового знака, вербального) в литературе и кинематографе, сравнение специфики воспроизводимости фразеологических единиц (далее ФЕ) в поэтическом и кинематографическом дискурсах представляется нам особо важным с точки зрения постижения глубинных механизмов и универсальных принципов действия лингвокреативных процессов, способствующих обогащению и эволюционированию фразеологического фонда русского языка.

В своей работе мы опираемся на понятие «фразеологической креативности», под которым понимается способность макрометафорических концептуальных моделей, реализуемая коллективным или индивидуальным сознанием, системно порождать фразеологизмы, создавая фразеологию как культурно-детерминированную подсистему языка, и коммуникативно адаптировать ФЕ к прагматическим задачам построения определенного дискурса посредством разного рода их модификаций или трансформаций [7, с. 328]. Из этого определения следует, что фразеологическая креативность может быть двух основных видов – системной (или языковой) и дискурсивной. Данная трактовка фразеологической креативности входит в разрабатываемое нами представление о более общем понятии лингвистической креативности, базирующемся на проводимой нами дифференциации двух ее типов – универсальной и дискурсивно обусловленной лингвокреативности. Как универсальное явление, лингвокреативность присуща в равной мере всем существующим типам дискурса (художественному, рекламному, научному, эпистолярному, медийному и т. д.) и имеет общие параметры оценки, позволяющие на единых основаниях распознавать в любом дискурсе ненормативное (или нестандартное, оригинальное) использование языка. Как дискурсивно обусловленное явление, лингвокреативность обладает определенной спецификой проявления в каждом конкретном типе дискурса и особыми формами реализации в нем креативного (= ненормативного, нестандартного, оригинального) функционирования языковых единиц (см. также в [8]). Представим основные результаты нашего исследования.

Процесс функционирования фразеологизмов в поэтическом дискурсе исследовался нами на материале произведений представителей одного из течений русского авангарда – кубофутуризма. Кубофутуризм возникает на заре становления русского авангардного

движения, объединяя под своей эгидой таких поэтов и художников, как Виктор Хлебников, Владимир Маяковский, Алексей Крученых, Давид и Николай Бурлюки, Бенедикт Лившиц, Казимир Малевич, Елена Гуро, Василий Каменский, Павел Филонов и некоторые другие близкие их кругу авторы. Творческая деятельность кубофутуристов проходила в русле общих авангардных тенденций и опиралась на нововведения, внедряемые в литературу и искусство авангардным движением, среди которых было экспериментирование с целью выработать новый (единый) художественный язык, отвечающий новым эстетическим канонам и новым формам жизнестроительства начала XX века. Нами был сформирован электронный корпус разножанровых произведений представителей анализируемого авангардного течения (манифесты, декларации, статьи, поэмы, сценарии, стихотворения и др.), вышедших в период с 1905 по середину 1920-х гг. Ядро данного корпуса составили поэтические тексты. Общий объем фразеологизмов, отобранных из изучаемых произведений методом сплошной выборки, составил более 4200 единиц.

В поэтических текстах кубофутуристов выявлены ФЕ разных структурно-семантических типов. Это фразеологизмы терминологического характера (напр., *родная речь, золотой век*), идиомы (напр., *валять дурака, белая ворона*), речевые формулы (напр., *добрый день, до свидания*), коллокации (напр., *делать вид, смысл жизни*), фразеологизмы метаязыкового и модального характера (напр., *так сказать, мягко говоря*), паремии (напр., *Береги платье снову, а честь смолоду*) и др. В ходе исследования было установлено незначительное количество использования ФЕ в узувальных или вариантных формах. В изучаемых поэтических текстах в подавляющем большинстве случаев фразеологизмы модифицируются, сравн.:

(1) *вступить в права* > *Холодная зима / Вступившая в права / Буранов злых корчма / Седая грива льва* (Д. Бурлюк, «На зелени травы...»);

(2) *призвать к позорному столбу, подлежать суду* > *Возлюбив боль поругания, / Встань к позорному столбу, / Пусть не сорвутся рыдания! – / Ты подлежишь суду!* (Гуро, «Возлюбив боль поругания...»);

(3) *Ни богу свечка ни черту кочерга* > *Апрелев. / Черт его знает откуда. / Ни черту кочерга, / и ни богу свечки. / Ни в совдеп не посадить, / ни отправить в ВЧК* (Маяковский, «Чемпионат всемирной классовой борьбы»).

Были установлены различные стратегии модифицирования ФЕ, посредством которых достигается разная степень обновления их структуры и семантики в поэтическом дискурсе: от незначительных и легко узнаваемых до радикальных (критических) преобразований формы и / или содержания фразеологизмов, делающих их идентификацию весьма затруднительной. В ходе анализа были выявлены такие (используемые часто синхронно) стратегии, как: комбинирование двух и более фразеологизмов в одном текстовом сегменте (пример 2); встраивание новых компонентов в базовую форму фразеологизмов (пример 4); пре- и / или постпозиционное приращение компонентного состава (пример 6); перекомпозиция – намеренное изменение порядка расположения компонентов в базовой форме фразеологизма (примеры 3, 5 и 6); разбиение базовой формы ФЕ, которое может сопровождаться заменой или опущением исходных компонентов (пример 7):

(4) *не открывать / не раскрывать рот* > *И памятник вели в участок, / Но он не раскрыл свой гордый рот* (Хлебников, «Памятник»);

(5) *золотой век* > *Свободы божество, простри над нами крылья, / Плодотвори поля, от всех врагов укрой, / Пошли нам вечный мир, отраду избилъя / И век искусства золотой* (Лившиц, «Гимн на перенесение праха Вольтера во французский пантеон»);

(6) *входить в сердце* > *Душу ты пьянишь, как струны, / В сердце входишь, как волна!* (Хлебников, «Там, где жили свиристели...»);

(7) *беден как церковная мышь* > *1 ОСИРОТЕЛ / курю махорку / беден как церковная лектриса* (Терентьев, «Поэма 1919 год»).

Относительной регулярностью использования в авангардном поэтическом дискурсе отличаются способы модифицирования ФЕ, в основе которых лежат определен-

ные манипуляции с синтаксическими и морфологическими свойствами ФЕ или их отдельных компонентов: нарушение валентности, разрушение синтаксических связей, намеренные морфологические ошибки и комбинаторные новации (примеры 4, 8 и 9):

(8) *вылетать в трубу* > *Внизу же юноша стоял, / Лучистой радостью сиял / И, написав в глазах мольбу, / Не знал, что вылетит в трубу / Девичьего мяса* (Хлебников, «Я и ты»);

(9) *с головы до ног* 1–4 (1 оглядеть, окинуть взглядом; 2 облить; одеть, одарить; вооружить; 3 запачкаться; одеться; вытереться; 4 стать; оставаться; измениться и т. п.); *с ног до головы* (одет и под.; вооружен) [9]; *окатить ледяным взглядом* > *Юя якаяя / Проходит с ног до головы / Окатит меня из ока* (Терентьев, «Спич Лапшина»).

Отдельного упоминания в качестве радикальных и характерных для фразеотворчества кубофутуристов заслуживают модификации, осуществляемые за счет полного обновления лексических компонентов в составе ФЕ или замены отдельных лексических компонентов неологизмами, а также за счет актуализации внутренней формы и обыгрывания прямого и переносного значений ФЕ (примеры 10а–10в и 11):

(10а) *тянуть канитель* > *Но я, опьяняемый тонкою бровью, / Молнии слов серебро вью* (Хлебников, «Про узы...»);

(10б) *тянуть канитель* > *Если мое робкое допущение / Что золото, которое вы тянули, когда смеясь рассказывали о любви / <...> Справедливо <...>* (Хлебников, «Крымское»)

(10в) *тянуть канитель* > *Перепишут все / И, канителью исходящей нитью, / на доклады / с папками идут: ...* (Маяковский, «Фабрика бюрократов»);

(11) *пляска смерти* > *Смертирей беззыбких пляска, / Времирей узывных сказка* (Хлебников, «Смертирей беззыбких пляска...»).

В целом, все выявленные особенности функционирования ФЕ в авангардном поэтическом дискурсе позволяют выстроить шкалу креативности посредством разграничения по критерию оригинальности (или уникальности, новизны) несколько основных типов их использования и преобразования их базовых форм: ‘конвенциональные фразеопотребления – варианты формы – окказиональные модификации – креативные модификации – экспериментальные модификации’. Модификации креативного и экспериментального характера отличаются рядом свойств, отвечающих эстетическим и прагматическим задачам, поставленным кубофутуристами в ходе разработки нового подхода к использованию потенциала языковой системы в литературном творчестве. Данные свойства ФЕ обретают благодаря внедрению авангардистами в язык художественной литературы новых приемов и установок на новаторство, таких, как, например: сдвиг, остранение, деавтоматизация восприятия, алогичность, аномальность, межсемиотичность (см также [10], [11]). Последнее представляет особый интерес.

Авангардные установки на интермедиальную рефлексию (в терминологии О. Ханзен-Леве) и синтез разных видов искусства реализуются представителями кубофутуризма в создании особой разновидности экспериментальных модификаций фразеологизмов в авангардном поэтическом дискурсе, которые мы определяем как межсемиотические трансформы. Такого рода модификации образуются путем перевода фразеологизмов в поликодовую и полимодальную форму или иначе – путем преобразования ФЕ посредством знаков других семиотических систем. Примерами межсемиотических трансформ являются следующие модификации фразеологизмов:

(12) *точить / поточить <свой> язык* > *Отлангюрю | Отманикюрю свой язык* (Крученых, «Зудивец») (см. рис.1);

(13) *гнуть / согнуть в бараний рог* > *Пролетария / гнут в бараний рог / Сыпят / в спину крестьян / манифестами* (Маяковский, «Сказка о дезертире...») (см. рис. 1).

Рисунок 1 – Экспериментальные модификации ФЕ – межсемиотические трансформы (см. примеры 12 и 13, соответственно)

Изучение специфики функционирования фразеологизмов в кинодискурсе осуществлялось на базе сформированного нами электронного корпуса, в который вошли тексты фильмов разных жанров и направлений: как фильмы, принадлежащие кинемейн-стриму и ориентированные на массового зрителя, так и фильмы, относящиеся к авторскому кино и не рассчитанные на широкую аудиторию. В корпус были отобраны советские и российские кинокартины, созданные в период с 1960-х по 2010-е гг. такими известными кинорежиссерами, как Владимир Бортко, Ролан Быков, Леонид Гайдай, Станислав Говорухин, Георгий Данелия, Элем Климов, Михаил Козаков, Андрей Кончаловский, Константин Лопушанский, Владимир Меньшов, Алексей Пиманов, Эльдар Рязанов, Андрей Тарковский, Василий Шукшин и др. Общий объем фразеологизмов, отобранных из изучаемых кинопроизведений посредством метода сплошной выборки, составил более 3800 единиц.

Аналогично авангардному поэтическому дискурсу в анализируемых кинопроизведениях можно обнаружить разные структурно-семантические типы ФЕ. Это фразеологизмы терминологического характера (напр., *сажать под арест, полный веред*), идиомы (напр., *вставать не с той ноги, подопытный кролик*), речевые формулы (напр., *большое спасибо, Как дела?*), коллокации (напр., *иметь дело, проводить беседу*), фразеологизмы метаязыкового и модального характера (напр., *к сожалению, вероятнее всего*), междометные фразеологизмы (напр., *ради бога, Слава тебе господи!, к чертям*), паремии (напр., *Утро вечера мудренее*) и др. В отличие от рассматриваемых поэтических произведений, в которых наибольшей частотой воспроизведения отличаются идиомы, в изучаемых фильмах особой функциональной активностью характеризуются речевые формулы, коллокации и междометные ФЕ, которые в подавляющем большинстве случаев используются в узуальных (базовых) или реже – вариантных формах, сравн., например:

(14) *В другой раз. Всего доброго!* (к/ф «Мужчина в моей голове»);

(15) *И сегодня, наконец, он осмелился сделать мне предложение. На кухне* (к/ф «Приходи на меня посмотреть»);

(16) *Черт побери, что это?* (к/ф «Патриотическая комедия»).

Случаев модифицирования идиом и паремий в анализируемых фильмах меньше, чем случаев их функционирования в узуальных или вариантных формах. К примеру, в фильме «Семь няnek» были обнаружены 92 немодифицированных и 83 модифицированных фразеопотреблений. Одной из наиболее частотных в кинодискурсе является стратегия перекомпозиции компонентов (примеры 17 и 19). Но поскольку многие из выявленных ФЕ имеют нефиксированный порядок слов-компонентов, то такого рода модификации редко представляют собой случаи креативного фразеопотребления. Весьма частотны модификации идиом и паремий посредством разбиения базовой формы и приращения компонентного состава (примеры 18 и 19). Относительной частотой применения характеризуются такие стратегии, как встраивание новых компонентов и комбинирование двух и более ФЕ (примеры 19, 20 и 21). К единичным относятся случаи преобразования фразеологизмов за счет намеренных синтаксических и морфологических искажений и ошибок, а также оригинальных словообразований, приводящих

к существенным семантическим сдвигам, алогичности или абсурдности, деавтоматизации восприятия реципиента (примеры 19, 20 и 21).

(17) *давать на <в> лапу* > *С рабочими местами плохо, нищие Москву вдоль и поперек поделили. Участки закреплены, придется в лапу давать* (к/ф «Небеса обетованные»);

(18) *в гостях хорошо, а дома лучше* > *Ладно, я, пожалуй, все-таки пойду, спасибо, что приютил. Знаешь, в гостях хорошо, но сколько можно у тебя сидеть!* (к/ф «Одесский пароход»);

(19) *будет и на нашей улице праздник* > *Прежде всего, я хочу поздравить всех россиян с громадным праздником на нашей улице* (к/ф «Ширли-мырли»);

(20) *смотреть в глаза* > *Вот мертвые придут и сядут вот так перед вами. Как тогда вы будете смотреть в их мертвые глаза?* (к/ф «Письма мертвого человека»);

(21) *вытащить <вытянуть> золотой <счастливый, лотерейный> билет; Бог послал; без роду и [без] племени* > *Ну, Антонина, вытащила ты лотерейный билет. Послал тебе Бог невестку без рода, без племени* (к/ф «Свадьба»).

Таким образом, в результате систематизации всех фразеопотреблений были разграничены случаи некреативного и креативного воспроизведения фразеологизмов в кинодискурсе. Согласно полученным данным, шкала лингвокреативности является четырехступенчатой и формируется из следующих типов фразеопотреблений: 'конвенциональные фразеопотребления – варианты формы – окказиональные модификации – креативные модификации'. Креативные модификации отличаются своей эвристической и прагматической ценностью, обладают большей художественно-эстетической значимостью. Они создаются для достижения определенной прагматической задачи и, соответственно, являются прагматически обусловленными. К примеру, в комедийных фильмах базовые формы фразеологизмов преобразуются с целью достижения юмористического эффекта, формируя особый тип лингвокреативных единиц – лудические новации (примеры 18 и 21). В ходе исследования были выявлены также особые случаи реализации креативного потенциала фразеологии. К ним относятся преобразования ФЕ посредством разных семиотических средств киноязыка для создания кинематографических (или аудио-визуальных, полимодальных) тропов, отличающихся оригинальностью и своеобразием, например:

(22) *выкинуть из головы (кого, что)* > – *А ты знаешь, время лечит. Ты возьми и **выкинь его из головы!*** – Просто «**выкинь из головы!**»? – Да. – Да что ты говоришь! (к/ф «Мужчина в моей голове») (см. рис. 2).

Рисунок 2 – Кинометафора, основанная на ФЕ *выбросить из головы*

На рисунке 2 представлены кадры из фильма, изображающие момент падения главной героини на лед катка. В результате удара головой о лед она теряет сознание, и ее мысли об измене мужа медленно покидают ее – как будто «вылетают / выходят из ее головы». Произнесение фразеологизма сигнализирует о начале развертывания кинометафоры (пример 22), основными средствами создания которой являются смена планов (крупный – средний – дальний) и ракурса съемки, движение (отъезд) камеры и звуковой ряд.

Обобщая все вышесказанное, отметим, что основные отличия в воспроизводимости ФЕ в авангардном поэтическом и кинематографическом дискурсах проявляются в: 1) разнообразии форм их использования и стратегий преобразования (пятиступенчатая vs. четырехступенчатая шкала лингвокреативности); 2) разным соотношении фразеологизмов определенных структурно-семантических классов и их разной функциональной релевантности в анализируемых дискурсах; 3) специфике их межсемиотического перевода и поликодовой сложности создаваемого в результате этого перевода образно-выразительного средства (межсемиотические трансформы vs. кинотропы).

Список использованных источников

1. Зыкова, И. В. Язык и дискурсы: На новых рубежах теории лингвокреативности / И. В. Зыкова // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности : коллективная монография / отв. ред. И. В. Зыкова. – М. : Р. Валент, 2021. – 564 с.
2. Бабкин, А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009 (1970). – 264 с.
3. Григорьев, В. П. О некоторых проблемах лингвистической поэтики / В. П. Григорьев // Теория поэтической речи и поэтическая лексикография. – Шадринск : СГПИ, ШГПИ, 1971. – С. 3–12.
4. Шапир, М. И. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков / М. И. Шапир. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – Кн. 2. – 586 с.
5. Казанский, Б. В. Природа кино / Б. В. Казанский // Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х гг. – М. : Академический проект: Альма Матер, 2016 (1972). – С. 105–152.
6. Смирнов, И. П. Видеоря. Историческая семантика кино / И. П. Смирнов. – СПб. : Издательский дом «Петрополис», 2009. – 404 с.
7. Зыкова, И. В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического изучения / И. В. Зыкова. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
8. Зыкова, И. В. Креативные возможности фразеологии в контрастивном ракурсе: кинодискурс vs дискурс детской литературы / И. В. Зыкова, М. И. Киосе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – Т. 19, № 3. – С. 5–19.
9. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
10. Зыкова, И. В. Идиоматика русского авангарда в языкотворчестве Велимира Хлебникова: От традиции к эксперименту / И. В. Зыкова // Мир русского слова. – 2019. – №3. – С. 112–118.
11. Соколова, О. В. «Упреждаю самое нужное – здравый мысль»: модификации фразеологизмов в идиоматике авангарда / О. В. Соколова // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения : сб. ст. к 90-летию В. Н. Телия ; отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2020. – С. 61–74.

Abstract. The article is devoted to one of the fundamental problems of modern phraseology – the reproducibility of phraseological units in different discourses. The study rests on the theory of linguistic creativity. The peculiarities of the functioning of phraseological units in avant-garde poetic and cinematic discourses are analyzed. Special attention is paid to identifying cases of creative modification of phraseological units in the discourses under consideration.

Keywords: phraseology, reproducibility, linguistic creativity, poetic discourse, cinematic discourse, phraseological modification.

УДК 811.161.3'42:398.92

Я. Я. Иваноў

ПРАБЛЕМЫ ВYZНАЧЭННЯ І ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫ АБ'ЁМУ АФАРЫСТЫЧНАГА ФОНДУ МОВЫ

Анагачыя. У артыкуле асвятляюцца праблемы вызначэння і дыферэнцыяцыі аб'ёму афарыстычнага фонду мовы. Акрэсліваюцца спосабы вызначэння аб'ёму афарыстычных адзінак. Прапануецца дыферэнцыраваць афарыстычны фонд мовы на два мноствы адзінак:

моўны максімум (актуальны фонд) і моўны эсэнцыум (абавязковы фонд). У складзе моўнага эсэнцыуму вылучаецца моўны мінімум (мноства найбольш вядомых і ўжывальных моўных афарызмаў).

Ключавыя словы: моўны афарызм, афарыстычны фонд мовы, моўны максімум (актуальны фонд), моўны эсэнцыум (абавязковы фонд), моўны мінімум.

Аб’ём моўных афарызмаў устанаўліваецца, як правіла, чатырма спосабамі: па-першае, у залежнасці ад вызначэння межаў паняцця афарызма, па-другое, паводле фіксацыі моўных афарызмаў у лінгвістычных слоўніках і зборніках, па-трэцяе, на падставе выбарак моўных афарызмаў з розных тэкставых крыніц і, па-чацвёртае, па выніках спецыяльных лінгвістычных эксперыментаў. Першы спосаб, натуральна, прама ці ўскосна ўплывае на іншыя тры або вынікае з іх (разам ці паасобку). Напрыклад, у лінгвакраіназнаўчай тэорыі афарызма аб’ём афарыстычнага фонду мовы абмежаваны, паводле погляду Я. М. Верашчагіна і В. Р. Кастамарава, тым “малым числом пословиц и крылатых слов (по подсчётам Г. Л. Пермякова, примерно 800–1500 единиц)”, якія “известны повсеместно и активно употребляются в речи” [1, с. 6], і таму маюць “право называться элементами общенародного языка” [2, с. 73]. Другі і трэці спосабы з’яўляюцца ўзаемна дэтэрмінаванымі, прама залежаць ад тэарэтычных поглядаў, моўнага густу і практычных магчымасцей даследчыка, з прычыны чаго характарызуюцца суб’ектыўнасцю і невялікай рэпрэзентатыўнасцю. Так, крылатыя афарызмы ў беларускай мове адлюстраваны ў трох розных паводле колькасных і якасных характарыстык даведніках: зборніку энцыклапедычнага зместу “*Крылатые слова и афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц)*” (1960) [3], вучэбным (лінгвакраіназнаўчым) дапаможніку “*Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў*” (1997) [4], нарматыўным (тлумачальным) слоўніку “*Крылатые афарызмы ў беларускай мове*” (2011) [5].

Спосаб лінгвістычнага эксперыменту адрозніваецца ў параўнанні з іншымі спосабамі найбольшай аб’ектыўнасцю і рэпрэзентатыўнасцю, аднак пакуль не мае несупярэчліва абгрунтаванай і агульнапрынятай метадыкі. Так, вядомы, неаднаразова паўтораны і мадыфікаваны даследчыкамі на матэрыяле розных моў “парэміялагічны эксперымент” Г. Л. Пермякова па высвятленні агульнавядомых і актыўна ўжывальных у маўленні прыказак і іншых народных выслоўяў рускай мовы [6; 7] не аднойчы крытычна ацэньваўся [8; 9; 10; 11], у тым ліку да поўнага адмаўлення яго прынцыпаў і метадыкі [12].

Аб’ём моўных афарызмаў можа быць дыферэнцаваны ў дыяхраніі на два колькасна проціпастаўленых мноствы адзінак – “**моўны максімум**” (актуальны фонд) і “**моўны эсэнцыум**” (абавязковы фонд) [13, с. 53–55], якія адлюстроўваюць на кожным этапе гістарычнага развіцця мовы, з аднаго боку, усе моўныя афарызмы, што функцыянуюць у дадзенай мове, а з другога боку, толькі тыя адзінкі, што вядомы ўсім або амаль усім носьбітам мовы (найбольш вядомыя), ужываюцца ў вусным і пісьмовым маўленні часцей за іншыя (найбольш прадуктыўныя), а таксама тэрытарыяльна, сацыяльна і функцыянальна-стылістычна не абмежаваны (найбольш масавыя).

“**Максімум**” моўных афарызмаў не з’яўляецца колькасна раўназначным усяму афарыстычнаму фонду (сукупнасці моўных афарызмаў у дадзенай мове на ўсіх этапах яе гістарычнага развіцця), паколькі, па-першае, проціпастаўлены яму паводле антыноміі двух планаў (спосабаў) апісання мовы – дыяхранічнаму і сінхранічнаму, а па-другое, адлюстроўвае лінгвістычную рэальнасць (актуальны для носьбітаў мовы фонд моўных афарызмаў). Афарыстычны фонд мовы можна разглядаць як моўны феномен толькі ўмоўна, паколькі ён ствараецца штучна (па-за дынамікай мовы, у сінхраніі), як лінгвістычная мадэль (з’яўляецца сукупнасцю адзінак, якія ніколі не функцыянавалі ў мове адначасова ўсе разам). Так, адзінкі, якія зафіксаваны ў фундаментальным зборніку “*Прыказки і прымаўкі*” (1976) [14] прызначаны адлюстроўваць усё мноства прыказак беларускай мовы (усе, якія ёсць), паколькі былі вылучаны з розных крыніц, што ахопліваюць шмат стагоддзяў (тое самае і ў іншых мовах: “*Большой словарь русских по-*

словиц” (2010) [15], “*Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*” (1969–1978) [16], “*English Proverbs and Proverbial Phrases: A Historical Dictionary*” (1969) [17] і да т. п.). У сваю чаргу, прыказкі, якія змешчаны ў тлумачальным “*Слоўніку беларускіх прыказак*” (2002) [18], утвараюць сучасны (г. зн. актуальны для сённяшніх носьбітаў мовы) максімальны аб’ём прыказак у беларускай мове, паколькі вылучаны з тэкставых крыніц апошняга стагоддзя і пацвярджаюцца кантэкстамі сучаснага ўжывання (тое самае і ў іншых мовах: “*Словарь русских пословиц*” (2007) [19], “*Mała księga przysłów polskich*” (1996) [20], “*English Proverbs Explained*” (1969) [21] і да т. п.).

Трэба адзначыць, што фіксацыя актуальных прыказак у еўрапейскіх мовах была пашырана яшчэ задоўга да складання зборнікаў адзінак нацыянальных прыказкавых фондаў, першыя з якіх пачалі стварацца на хвалі еўрапейскага рамантызму, а шырока ўкладацца толькі ў другой палове XIX ст. Так, у першым зборніку беларускіх прыказак Я. Чачота (1846) апісваліся актуальныя на той час адзінкі, вядомыя, найперш, самому ўкладальніку. Тое самае і ў іншых мовах. Напрыклад, у польскай мове найбольш вядомы зборнік актуальных прыказак “*Proverbiorum polonicorum centuriae decem et octo*” (1618) С. Рысінскага [22] з’явіўся на тры стагоддзі раней за першы фундаментальны па колькасці адзінак даведнік “*Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich*” (1889) С. Адальбэрга [23]. Амаль усе першыя зборнікі прыказак еўрапейскіх моў адлюстроўвалі актуальныя адзінкі (хоць і даволі часта разам з папулярнымі лацінскімі выслоўямі), што дазваляе акрэсліць асаблівасці і дынаміку развіцця прыказкавых фондаў многіх моў на розных этапах іх гістарычнага развіцця.

Надзённай праблемай лінгвістычнай афарыстыкі з’яўляецца вызначэнне межаў актуальнага фонду моўных афарызмаў у беларускай мове, паколькі на сённяшні дзень гэтыя межы акрэслены толькі для прыказак, колькасць моўнага максімуму якіх, паводле лексікаграфічных крыніц, вагаецца ад каля 750 [24] да каля 1800 [25] (тое самае і ў іншых мовах: у рускай – ад 700 [26] да 1200 [27], у польскай – каля 1900 [20], у англійскай – ад 800 [21] да 1000 [28]). Існуюць спробы вызначыць колькасныя межы актуальнага фонду крылатых афарызмаў. У беларускай мове іх налічваецца, паводле лінгвістычных слоўнікаў крылатых адзінак, не менш за 300 [3; 5; 29; 30] (у іншых мовах больш, напрыклад, у рускай мове – ад 1000 [31] да 1800 [32]). Разам з тым застаюцца неадаследаванымі ў беларускай мове (як і ў іншых мовах – рускай, польскай, англійскай і г. д.) колькасныя межы актуальных фондаў іншых тыпаў афарызмаў-парэмій (гаспадарчых выслоўяў, народных прыкмет, павер’яў, прымхаў і г. д.), а таксама крылатых афарызмаў з нелітаратурных тэкставых крыніц (устойлівых у маўленні нелітаратурных цытат, дэвізаў, лозунгаў, заклікаў, слоганаў і г. д.).

Эсэнцыум моўных афарызмаў не супадае па сваім аб’ёме з актыўнай часткай афарыстычнага фонду мовы, паколькі найбольш вядомыя і масава ўжывальныя адзінкі зусім не абавязкова з’яўляюцца адначасова найбольш прадуктыўнымі ва ўжыванні. Так, усе хрысціяне-беларусы ведаюць біблейскія заповедзі-афарызмы (*Не стварай сабе куміра; Шануй бацьку свайго і маці сваю; Не забівай; Не распуснічай; Не крадзі* і г. д.), аднак толькі адна з гэтых адзінак (*Не стварай сабе куміра*) уваходзіць у сучаснай беларускай мове ў склад найбольш прадуктыўных ва ўжыванні біблейскіх афарызмаў [33, с. 71].

У межах моўнага эсэнцыуму можна вылучыць мноства, якое складаецца з найбольш вядомых і найбольш ужывальных у маўленні моўных афарызмаў. Такія адзінкі мэтазгодна кваліфікаваць як **моўны мінімум афарыстычнага фонду мовы**. Моўны мінімум, як і ўвесь цалкам афарыстычны фонд агульнанароднай мовы, дыферэнцуецца на часткова перакрываваныя мноствы асноўных класаў моўных афарызмаў, самы вялікі з якіх прадстаўлены фальклорнымі афарызмамі (**парэміялагічны мінімум**), а ў іх межах прыказкамі (**прыказкавы мінімум**). Трэба адзначыць, што прыказкавы мінімум немэтазгодна атаясамліваць па аб’ёме з усім мноствам “моўных афарызмаў”

(наsupерак поглядам В. Р. Кастамарава і Я. М. Верашчагіна [2, с. 73]), паколькі прыказкавы мінімум з'яўляецца толькі часткай іх моўнага мінімуму (г. зн. і актуальнага фонду).

Максімум моўных афарызмаў можна ўстанавіць як шляхам паслядоўнай апрацоўкі лексікаграфічных крыніц і фронтальнай выбаркі з тэкстаў (якая сёння можа быць хуткай і маштабнай, дзякуючы нацыянальнаму моўнаму корпусу), так і эксперыментальным шляхам (у выніку апытання значнай колькасці носьбітаў мовы). Першы спосаб недастаткова рэпрэзентатыўны (не ўсе моўныя афарызмы адлюстраваны ў слоўніках, беларускі нацыянальны корпус яшчэ далёкі ад свайго завяршэння), другі спосаб з'яўляецца мала перспектыўным з прычыны тэхнічнай складанасці (хоць у цяперашні час масавы характар інфармацыйных тэхналогій значна спрашчае яго працэдуру). У сваю чаргу, **эсэнцыум моўных афарызмаў** можна ўстанавіць эксперыментальным шляхам, паколькі галоўным паказчыкам яго абавязковасці з'яўляецца шырокая вядомасць, вызначыць якую немагчыма без звароту да моўнай кампетэнцыі носьбітаў мовы. Моўны мінімум афарыстычнага фонду агульнанароднай мовы вызначаецца па той жа самай прычыне таксама толькі эксперыментальным шляхам.

Праблемы вызначэння і дыферэнцыяцыі аб'ёму афарыстычнага фонду беларускай мовы павінны вырашацца, з аднаго боку, згодна з актуальнымі задачамі даследавання беларускіх моўных афарызмаў [34; 35; 36], а з другога боку, у адпаведнасці з вырашэннем агульных праблем лінгвістычнага апісання моўных афарызмаў у межах парэміялогіі як самастойнага напрамку сучаснага мовазнаўства [13; 37; 38; 39].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Костомаров, В. Г. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин // Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров ; под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1988. – С. 4–17.

2. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – С. 71–80.

3. Янкоўскі, Ф. М. Крылатыя словы і афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц) / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1960. – 135 с.

4. Иванова, С. Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў : лінгвакраізнаўчы дапаможнік / С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў. – Мінск : БФС, 1997. – 262 с.

5. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.

6. Пермяков, Г. Л. К вопросу о паремиологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений) / Г. Л. Пермяков // Основы структурной паремиологии : [монография] / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – С. 143–169.

7. Permiakov, G. L. On the Question of a Russian Paremiological Minimum / G. L. Permiakov // Proverbium. – 1989. – Vol. 6. – Pp. 91–102.

8. Крикман, А. Паремеиологические эксперименты Г. Л. Пермякова / А. Крикман // Малые формы фольклора : сб. ст. памяти Г. Л. Пермякова / сост. Т. Н. Свешникова. – М. : “Восточная литература” РАН, 1995. – С. 338–382.

9. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.

10. Иванов, Е. Е. О “паремиологическом минимуме” и “основном паремиологическом фонде” русского языка / Е. Е. Иванов // Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich. – Białystok, 2002. – Т. VIII. – S. 87–93.

11. Иванов, Е. Е. “Основной паремиологический фонд” русского языка и его соотношение с “паремиологическим минимумом” / Е. Е. Иванов // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, Варна, Болгария, 17–23 сентября 2007 г. : в 7 т. – София : Heron Press, 2007. – Т. 2. – С. 152–156.

12. Иванов, Е. Е. Паремииологический минимум и основной паремииологический фонд / Е. Е. Иванов // Паремииология в дискурсе : коллективная монография / В. М. Мокиенко, Т. Г. Бочина, Е. Е. Иванов [и др.] ; под ред. О. В. Ломакиной. – М. : URSS : Ленанд, 2015. – С. 48–66.
13. Паремииология без границ : монография / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2020. – 244 с.
14. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад., сістэма тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынבלата. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976.
15. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
16. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich : t. I–IV / red. J. Krzyżanowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978.
17. Apperson, G. L. English Proverbs and Proverbial Phrases : A Historical Dictionary / G. L. Apperson. – London : J. M. Dent and Sons Publ., 1969. – 721 p.
18. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.
19. Словарь русских пословиц : около 1000 единиц / под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 384 с.
20. Mała księga przysłów polskich / pod red. S. Nyczaja. – Radom : Oficyna Wydawnicza STON I, 1996. – 273 s.
21. Ridout, R. English Proverbs Explained / R. Ridout, C. Witting. – London : Pan Books, 1969. – 223 p.
22. Rysiński, S. Proverbiorum polonicorum centuria decem et octo / Salomon Rysiński. – Lubcz : Piotr Blastus Kmita, 1618. – VIII, 84 s.
23. Adalberg, S. Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich / S. Adalberg. – Warszawa : Druk E. Skińskiego, 1889–1894. – XVIII, 31 [32], 805 s.
24. Шкраба, І. Крынічнае слова : беларускія прыказкі і прымаўкі / І. Шкраба, Р. Шкраба ; прад. і ўступ. арт. Р. Шкрабы. – Мінск : Маст. літаратура, 1987. – 286 с.
25. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2011. – 695 с.
26. Мокиенко, В. М. Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2002. – 352 с.
27. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок : около 1200 пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 1991. – 534 с.
28. The Oxford Dictionary of Proverbs / Ed. by Jennifer Speake. – New York : Oxford University Press, 2008. – 625 p.
29. Крылатыя выразы ў беларускай мове. Ч. 1. З іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік / С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 136 с.
30. Крылатыя выразы ў беларускай мове. Ч. 2. З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік / С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў, В. В. Чэх. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. – 208 с.
31. Берков, В. П. Русско-норвежский словарь крылатых слов : 1000 единиц / В. П. Берков ; под ред. С. С. Люнден, Т. Матиассена. – М. : Русский язык, 1980. – 175 с.
32. Ашукин, Н. С. Крылатые слова : Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Худож. литература, 1987. – 527 с.
33. Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилёв : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.
34. Іваноў, Я. Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2003. – 194 с.
35. Іваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с.
36. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
37. Ivanov, E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. Ivanov. – Prague : RSS, 2002. – 136 p.

38. Пареміология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : URSS ; Ленанд, 2015. – 294 с.

39. Пареміология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.

Abstract. The article deals with the problems of defining and differentiating the volume of the aphoristic fund of the language. Methods of determining the volume of aphoristic units are outlined. It is proposed to differentiate the aphoristic fund of the language into two sets of units: the language maximum (actual fund) and the language essence (obligatory fund). In the composition of the linguistic essence, the language minimum (set of the most famous and used language aphorisms) is distinguished.

Keywords: language aphorism, aphorism fund of the language, language maximum (actual fund), language essence (obligatory fund), language minimum.

УДК 811.161.3'27'37'42:398.92:612.67

І. У. Каліта

ФРАЗЕАСЕМАНТЫЧНАЕ ПОЛЕ 'СТАРАСЦЬ' НА ФОНЕ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ КАРЦІНЫ СВЕТУ БЕЛАРУСАЎ

Анотацыя. Артыкул разглядае фразеасемантычнае поле 'старасць' у моўнай карціне свету беларусаў. Пераважная большасць фразеалагізмаў мае негатыўныя канатацыі, звязаныя са значэннямі: 'непрыгажосць', 'маруднасць', 'балбатлівасць', 'сварлівасць', 'нямогласць', 'стэрэатыпнасць як нежаданне змен'.

Ключавыя словы: фразеалогія, фразеасемантычнае поле, старасць, негатыўная маркіраванасць, амбівалентнасць.

Уводзіны

Фразеасемантычнае поле 'старасць' адносіцца да мала распрацаваных тэм. Яго прэзентацыя звязана не толькі з кампанентамі *старасць, стары, старая*, што ўваходзяць у склад фразеалагізмаў, але таксама з саматызмамі і каларонімамі, таму тым ці іншым чынам семантыка старасці адностравана ў працах, прысвечаных разгляду асобных фразеакампанентаў. Непасрэдны аналіз семы 'старасць' у беларускай фразеалогіі закранаецца ў нешматлікіх працах А. Садоўскай [1; 2; 3], Т. Валодзінай [4], М. Завадскага [5].

З канца ХХ стагоддзя паняцці "старасць" і "малодасць" пераасэнсоўваюцца, іх стратыфікатарам выступае новы паказчык – валоданне інфармацыйнымі тэхналогіямі. "Сучаснае пакаленне маладых людзей нярэдка ідэнтыфікуюць як «лічбавае», «сеткавае», «інфармацыйнае», падкрэсліваючы тым самым тэхніка-тэхналагічную абумоўленасць працэсаў сацыялізацыі" [5, с. 286], адпаведна, старэйшае пакаленне часта лічаць адсталым у названых сферах. Таксама назіраюцца змены ў адносінах да людзей старэйшага ўзросту, іх паводзін і роляў у грамадстве. Статыстыка сведчыць пра тое, што чалавецтва старэе, набірае моц агульнасветавая тэндэнцыя павышэння пенсійнага ўзросту, а разам з тым на парадак дня вылучаюцца праблемы, звязаныя з сацыяльнымі ролямі людзей сталага ўзросту. Абраная намі тэма старасці актуалізуецца і ў сувязі з развіццём геранталогіі як раздзелам міждысцыплінарных навуковых даследаванняў. Старасць здаецца прывабным полем для аналізу ў сферы фразеалогіі і парэміялогіі – параўнанне сфармаванага фразеалагічнага вобраза старасці і старых людзей з аналагічнымі сучаснымі вобразамі дазволіць прасачыць змены, якія адбыліся ў традыцыйных параметрах старасці.

1. Мэты, крыніцы, метадалогія

Асноўная мэта дадзенага артыкула – аналіз беларускіх фразеалагічных адзінак (ФА), якія тым ці іншым чынам характарызуюць вобраз старасці і старых людзей.

Для дасягнення пастаўленай мэты быў выкарыстаны метад суцэльнай выбаркі з беларускіх фразеалагічных крыніц розных часоў выдання: “Люд беларускі на Русі Літоўскай. ...” М. Федароўскага (*Lud białoruski na Rusi Litewskiej*) [6], зборнік І. Насовіча “Бѣлорусскія пословицы и поговорки” [7] і “Бѣлорусскія пословицы” П. Шпілеўскага [8], прыклады з якіх друкаваліся ў выданні “Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. I–V.” (1852–1856) і “Слоўнік беларускіх народных параўнанняў” Т. Валодзінай і Л. Салавей [9].

Зыходным матэрыялам для аналізу служаць розныя тыпы ўстойлівых выразаў з кампанентамі *стары, старая, старасць* і ФА, што адлюстроўваюць старасць апасродкавана, напрыклад, праз колер ці саматычны кампанент. Гэтыя кампаненты называюць прыкметы, якія ў старога чалавека выходзяць за межы стандартнай нормы. Аналіз ФА дапоўнены лінгвакультуралагічным каментаром, што дазваляе параўнаць сінхронныя і дыяхронныя маркеры старасці.

2. Старасць у беларускай фразеалагічнай карціне свету

Да старэйшых беларускіх крыніц па абранай намі тэме адносяцца выданне М. Федароўскага “*Lud białoruski na Rusi Litewskiej*” (1935) і зборнік І. Насовіча і П. Шпілеўскага (1852–1856).

Адзінкі са збору М. Федароўскага, якія характарызуюць старасць і старых, адносяцца да наступных тэматычных груп.

1) Агульныя ўяўленні пра старасць (адлюстроўваюць старасць як апошні жыццёвы этап, не радасны, ад якога няма лекаў): *Ad stàraści dyj ad śmièrci, nimà lèkaŭ na świèci; Daj Bożā nam [wam] takŭju stàraśé, kab borady močam paabrastāli; Stàraśé ni ràdaśé, a śmierć ni paciècha, ... huorb ni karyść* [6, с. 290].

2) Разумовыя здольнасці старых людзей (згаріэнне): *Czym staryej, tym durniej* [6, с. 290]; *Sary [da], durny; Sary hawóryć, jak pluoł haródzić* [6, с. 291].

3) Атаясамленне старога і малага: *Staroje, jak małoje 1. ... śpic" i ŭ rukàch dzierzyć; 2. ... szto uhlèdzić, taho daj* [6, с. 290]; *Szanuj staróho, jak dzicià malènkajo* [6, с. 291].

4) Знешні вобраз старога чалавека (падкрэсліваецца нямогласць): *Saryècza, aź otrubi [parachnià] syplecsa* [6, с. 290].

5) Непрамае ўказанне на ўзрост (рэалізуецца праз параўнанні): *Sary, jak hryb; Sary, jak świet* [6, с. 291].

6) Балбатлівасць і сварлівасць (у гэтай семантыцы адлюстроўваецца мужчынскі і жаночы вобраз): *Staromu [anno] thać, a bahàtamu kraść* [6, с. 291]; *Usie starŭchi – swarŭchi* [6, с. 290].

7) Старыя, якія выбіваюцца з традыцыйнага стэрэатыпу паводзін: *Sary da myszli maładyje; Sary na letà ale małady na rozum* [6, с. 291].

8) Стары мужчына, ахвочы ўзяць маладую жонку: *Sary da jàry; Sary maładŭju žuonku bierè nie dziela sie* [6, с. 291].

9) Стары вопытны чалавек, які заслугоўвае пашаны: *Sary wuoł barazny ni psujè [ni psujè barazny]; Tak staryje hawaryli, kazàli* [6, с. 291]; *Chto starym pamiàtaje, toj sam stàraści ni daczekaje* [6, с. 290].

У зборы Івана Насовіча сустракаем і іншы тып выразаў – угавораў: “*Жиць за старымъ – быць въ повазь, а за молодымъ – въ зневазь*. Говорять, или подшучивая надъ неровною парою, или убѣждая дѣвицу выйдти за старика” [7, с. 43]. Сацыяльна-этычны маркер, як відаць з устойлівых спалучэнняў са зборніку Насовіча, быў у свядомасці беларускага насельніцтва стэрэатыпна-замацаванай з’явай: “*Старой бабцѣ хорошо и в шапцѣ. – Старой бабѣ и на печи ухабѣ*. Говорять въ шутку или насмѣшку надъ каким либо неприличиемъ со стороны старика”; “*Старасць не радасць, а горбѣ не корысць*. Говорять шуточно старики сами о себѣ, особливо при промахѣ”; “*Старцу село не накладѣ*. Говорять, когда гдѣ со стороны предвидятся какія выгоды, или когда предлагаютъ по пути завернуть въ гости” [7, с. 69]. Увага таксама звяртаецца на звычкі старых людзей: “*Старѣ любіць*

сқварь, а молодь любийць холодь. Говорять весело старики, избирая место потеплѣе [7, с. 70], а таксама падкрэсліваецца патрэба паважаць старых: “Старый говориць, городзиць, да на правду выходзиць”, “Стары воль николи борозны не сопсуець”, “Старики с правой руки. Старикамъ должно всегда дать почетное мѣсто” [7, с. 70]. “Въ старецком цѣльѣ да панская душа. Говорять насмѣшливо о томъ, кто при нищетѣ роскошествуеть” [7, с. 37]; “Въ старцахъ жиць, да съ перцомъ гьсь. И при нищете требуютъ удобствъ” [7, с. 37].

Матыў павагі гучыць і ў выказах, занатаваных у зборніку П. Шпілеўскага “Бѣлорусскія пословицы”: “Бабіныхъ груш не рушь; свае трасі, бабѣ няси. Внушаецца угождене і уважене кь женщинамъ, а особенно старухамъ, играющимъ важную роль въ дѣлѣ сватовства” [8, с. 175]. Пра некалі моцных і дужых, што ў старасці страцілі сваю сілу, кажуць – *быў конь, ды з’ездзіўся*. Усе названія выданні ўтрымліваюць выразы, якія сведчаць пра цікавасць старых мужчын да маладых жанчын ці іх недастойныя паводзіны: “Сивизна ў бараду, чорт у ноги. Говорять о старикахъ дурнаго поведения” [8, с. 189].

Некаторыя з названых тэматычных груп адлюстраваныя ў “Слоўніку беларускіх народных параўнанняў” Т. Валодзінай і Л. Салавей, які ўключае пазнейшыя адзінкі. Аналіз матэрыяла гэтага слоўніка дазваляе да найбольш актуальных тэматычных груп ФА з семантыкай ‘старасць’ у беларускім гутарковым маўленні XIX–XX ст. аднесці наступныя:

1) Балбатлівасць і сварлівасць (звязваецца з вобразам бабы, хаця прыводзіцца і як негатыўная характарыстыка мужчын): *ныць бы стара баба; сварлівы як старая баба* [9, с. 409]; *бурчаць як стары* (...) Пра маладога чалавека, які мае блягі настрой, незадаволена некага папракае, ушчувае (...) [9, с. 410]; *боўтаць языком як старац пугаю* (...) Пра чалавека, што без толку шмат гаворыць [9, с. 408]; *плесці як стары дзед кашалі; разбалбатацца як стары цецярук* [9, с. 410].

2) стары мужчына, ахвочы ўзяць маладую жонку: *смачна як старому маладая жонка*. Насмешл. Пра чалавека, якому нешта ведмі да густу [9, с. 410].

3) стары вопытны чалавек, да якога варта прыслухоўвацца: *шанаваць як старэнькага* [9, с. 410].

4) Знешні вобраз старога чалавека (пераважна негатыўны, большасць адзінак прыведзена з паметай “няўхвальна”); *абарваны (абнасіцца) як [той] старац* (...) Пра бедна апранутага, неахайнага чалавека; *хадзіць як старац* (...) Пра чалавека, што не клапаціцца пра знешні выгляд; *очэпіць торбу ек старэц* (...) Пра непрэзентабельны знешні выгляд кагосьці [9, с. 408]; *одетса ек старчанка* (...) Пра неахайнае беднае адзенне, нібы ў жабрачкі; *абимындацца як старчоўка* (...) Пра жанчыну, што абнасілася, хадзіць у парванай вопратцы, як жабрачка. (...) < Старчоўка – жабрачка [9, с. 409]. Адначасова старац / старчыха ў беларускай мове – гэта вобраз пераважна старога чалавека ў пэўнай сацыяльнай ролі – ‘жабрак’.

Маркерамі старасці ў фразеалогіі, міфалогіі і вуснай народнай творчасці выступае каларонім *сівы*. Сівізна сама па сабе ў беларускай мове з’яўляецца сінонімам (1) старасці чалавека і (2) старажытнасці, даўніны – у памерах гістарычных. *Дажыць да сівых валасоў* – ‘дажыць да старасці’; *валасы сівыя як у старой бабы* [9, с. 409], *сівы як лунь* – ‘зусім сівы’. Прыметнік *сівы* ў спалучэнні са словам *гады* ўжываецца для абазначэння старасці. Пра блазнаватую старасць кажа прымаўка *сівізна ў галаву, а чорт у рабрыну*. Такім чынам, ФА, што пакладзены ў аснову ментальнага і вобразнага партрэта старога чалавека, зафіксаваныя ў XIX і XX стагоддзях, ствараюць даволі падобныя схемы ўспрымання старасці: фразеасемантычнае поле ‘стары чалавек’ набывае пераважна негатыўныя ярлыкі, да яго асноўных рэферэнцый адносіцца згаршэнне разумовых здольнасцяў, балбатлівасць і сварлівасць, у знешнім выглядзе – неахайнасць у вопратцы і фізічная няздатнасць. Любое правіла мае выключэнні, так і ў семантыцы вобраза старасці з агульнай пераважаючай масы вылучаюцца ФА, што адлюстроўваюць іншы падыход да жыцця. Характарыстыка выключнасці ў

стэрэатыпным вобразе старога выходзіць з двух асноўных, этычна нераўнаважных параметраў: (1) адлюстроўвае пазітыўную характарыстыку – надзвычай светлы розум, (2) негатыўны – імкненне застацца маладым, ажаніўшыся з маладой дзяўчынай / жанчынай. ФА адлюстроўваюць вобраз старасці з улікам гэндарнай дыферэнцыяцыі, пры гэтым мужчынскі і жаночы вобраз надзелены аднолькавымі параметрамі, з той розніцай, што ў жаночы вобраз укладзены большы абсяг балбатлівасці і сварлівасці, а імкненне “паквапіцца на маладое” прыпісваецца выключна мужчынам. Да агульных рыс успрымання старасці адносіцца прамое супрацьпастаўленне ўзроставых катэгорый і адпаведна – іх зацікаўленасцяў, т. зв. разыходжанні ў поглядах людзей розных пакаленняў (*Дзеду міла, а ўнуку гніла*). Думаецца, што такі вобраз старасці цалкам адпавядае не толькі беларускаму ўспрыманню, але і агульнаму бачанню старога чалавека ў любой традыцыі.

3. Амбівалентнасць фразеалагічнага вобраза ‘старасць’

Як і многія іншыя, фразеаполе ‘старасць’ мае амбівалентны характар: **стары чалавек** – і ‘дурны’, і ‘разумны’. Часта старога параўноўваюць з дзіцём, а дзіця са старым. У першым выпадку працуе сема ‘выжыць з розуму’, а ў другім – ‘вельмі разумнае дзіця’: “*гаворыць як стары*. Івац. Пра дзіця, падлетка, які разважае па-даросламу (...); “*як стары* (...)”. Пра дзіця, якое разважае не па-дзіцячаму, цікавіцца клопатамі дарослых (...)” [9, с. 410]; “*хітрыя як старыя* (...)”. Пра хітрых разважлівых дзяцей, падлеткаў” [9, с. 410]. Калі разумовыя здольнасці старога параўноўваюць з дзіцячымі, атрымліваецца негатыўная характарыстыка, калі дзіця параўноўваюць са старым – характарыстыка становіцца ўхвальнай. Калі ў параўнаннях малых / маладых са старымі размова ідзе пра знешні выгляд ці паводзіны, такое параўнанне зусім не на карысць таму, пра каго гавораць: “*зморшчыцца як стары*. Сміл. Няўхв. Пра выраз твару маладога чалавека, які залішне моршчыцца” [9, с. 410]; “*трымацца (дзяржацца; прыстаць) як старац за плот (плоту, каля плоту, да плоту)* (...)”. Пра чалавека, які сутаргава трымаецца звычайнага, стандартнага, не шукаючы новых шляхоў, метадаў, новых поглядаў (...)” [9, с. 408]; “*чоўкаць як стары* (...)”. Пра чалавека, што гучна жуе, чмякае, чоўкае (...)” [9, с. 410]. Старыя і малыя не адчуваюць межаў дазволенага, пра што сведчыць агульнавядомы выраз *стары як малы* [што бачыць, тое просіць].

4. Кампарацыя асацыятыўных сувязяў з вобразам старога

Асацыятыўныя сувязі заўсёды цесна звязаны з этнічнай гісторыяй, культурай і набытымі чалавекам ведамі. Для параўнання асацыяцый носьбітаў трох суседніх моў – беларускай, украінскай і рускай выкарыстаем дадзеныя славянскага асацыятыўнага слоўніку [10]. Прадстаўленыя ў ім асацыяцыі са старасцю ў трох мовах вельмі падобныя. У беларускай мове: *бабуля, успамінаць, вёска, дапамагаць, жыццё, слабы, смерць*, а таксама і *нагласць* (бабулі) [10, с. 479]; ва ўкраінскай мове: *бабуся, вечір, дапамагати, задувати, село, слабкий, смерть, старий* [10, с. 727]; у рускай мове: *бабушка, больной, вечность, смерть, вспоминать, деревня, жизнь* [10, с. 350]. Пры нязначных адрозненнях у трох мовах на першае месца выходзіць асацыяцыя з *бабуляй*, пашыраны таксама сувязі з *вёскай, хваробамі / слабасцю, смерцю, успамінамі і дапамогай*, у беларускай канцэптасферы вылучаецца яшчэ і сема ‘нагласць’.

Асацыяцыі з паняццем ‘старая’, ‘старая жанчына’ ў трох мовах звязаны перш за ўсё з вобразамі *бабулі і маці*. У беларускай мове: ‘старая’ – *бабуля, вёска, жанчына, маці, дачка, жонка, зямля* і інш.; ‘старая жанчына’ – *бабуля*, а слова *старая* надзяляецца характарыстыкамі ‘згорбленая трохі’, ‘добрая жанчына’ [10, с. 480]; ва ўкраінскай мове: ‘стара’ – *бабуся, дитина, жінка, мати, матина, смерть*; ‘стара жінка’: *бабуся, смерть* [10, с. 727]; у рускай мове: ‘старая’ – *бабушка, деревня, мать, дверь, смерть*; ‘старая жанчына’ – *бабушка* [10, с. 350].

Гэндарна супрацьлеглы вобраз старога мужчыны ўтрымлівае наступныя асноўныя асацыяцыі: у беларускай мове – ‘стары’: *хворы, дурань, дзядзька, бабуля, слабы, дапамагаць, успамінаць, мужчына, сябар* [10, с. 480]; ва ўкраінскай мове – ‘старець’:

розумний, слабкий; ‘старый’: дядько, хворий, дурень, розумний і інш. [10, с. 727]; у рускай мове – ‘старец’: справедливость, ‘старик’: больной, жадный, старый, мужчина, помогать і г. д. [10, с. 350].

Зборны вобраз старога чалавека ва ўсіх трох мовах звязаны з асацыяцыяй набходнасці дапамогі (у беларускай мове: старым ← дапамагаць; старым людзям ← дапамагаць [10, с. 480]; ва ўкраінскай мове: старій людині ← допомагати [10, с. 727]; у рускай мове: старики ← деревня, помогать [10, с. 350].

Заклучэнне

Фразеасемантычнае поле ‘старасць’, як і многія іншыя семантычныя палі фразеалогіі, выказвае амбівалентныя семы. У агульнай масе ўстойлівых выказаў значна пераважаюць ФА з негатыўным, няўхвальна маркіраваным значэннем. І ў выпадку, калі ФА характарызуе не старога чалавека, а з’яўляецца параўнаннем з ім, прымарнае месца належыць негатыўнай ацэначнасці (‘непрыгажосць’, ‘маруднасць’, ‘сварлівасць’, ‘балбатлівасць’, ‘нямогласць’, ‘стэрэатыпнасць як нежаданне змен’). На другім баку – пазітыўная семантыка, прэзентаваная нязначнай колькасцю адзінак, якія кажуць пра старых са светлым розумам. У крайне несіметрычнай амбівалентнасці разгледжанага фразеасемантычнага поля яўная перавага належыць негатыўна маркіраваным ФА.

Фразеалагічны вобраз старасці, які складаўся на працягу стагоддзяў, у наш час не ўступае ў вялікую супярэчнасць з вобразам сучасніка. Вядома, змены адбываюцца, даўно адгучала ў беларускім грамадстве жабрацкая тэма – як яна зафіксавана ў фразеалогіі. Актуальным застаецца выраз *ад старасці і ад смерці няма лекаў на свеце*, ён не супярэчыць агульнапрынятаму ўспрыманню – на першым месцы ў старых людзей аказваецца пагаршэнне здароўя і недахоп грошай. Традыцыйны “фразеалагічны пункт гледжання” карэлюе з сучасным уяўленнем пра горшыя ментальныя здольнасці старых, але сучаснасць робіць акцэнт на іх адставанні ў валоданні сродкамі мабільнай сувязі і інтэрнэт-тэхналогіямі.

Праведзенае ў 2019 годзе Н. Мількотай даследаванне, якое мела мэтай прасачыць як ўспрымаюць сябе сталыя беларусы і як іх успрымае грамадства, сведчыць пра тое, што беларусы сталага ўзросту адчуваюць павагу з боку сям’і і іншых людзей, большасць з іх не сутыкнулася ў сваім жыцці з парушэннем правоў ці дыскрымінацыяй; але “да канцэпту актыўнага даўгалецця беларусы пакуль ставяцца асяржэна: большасць удзельнікаў даследавання схіляецца да таго, што ў сталым веку трэба займацца хатняй гаспадаркай ды дапамагаць дзецям ды ўнукам. І толькі невялікая частка апытаных адзначыла, што сталы ўзрост – гэта час для самарэалізацыі, валанцёрства, атрымання дадатковай адукацыі, заняткаў спортам, камунікацыі з іншымі людзьмі ў інтэрнэце. Да прыкладу, валанцёрскай дзейнасцю хацелі б займацца менш за 3% сталых беларусаў” [11].

Разгледжаны матэрыял на фоне сацыялагічнага даследавання сучаснага вобраза старасці і практычных ведаў дазваляе прасачыць змены, якія адбываюцца ў грамадстве, але іх тэмп запаволены. Сучасныя беларусы сталага ўзросту трымаюцца традыцыйных форм паводзін, у схеме паводзін на першым месцы стаіць дапамога дзецям і добрасуседскія адносіны. Пры тым, што надзвычай жывучым застаецца стэрэатыпны выраз “я ўжо стары, мне нічога не трэба”, значная колькасць беларусаў сталага ўзросту паказвае сваю сацыяльную актыўнасць, не пакідае працаваць у пенсійным узросце, гэта датычыцца не толькі вяскоўцаў, але і прадстаўнікоў навукова-культурнай сферы. Такім чынам, стрэлкі вагаў амбівалентнасці фразеасемантычнага поля ‘старасць’ нязначна зрушыліся са свайго амаль застылага месца, але новых беларускіх фразеалагізмаў, якія б зафіксавалі гэтыя зрухі, пакуль не ўзнікла.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Садоўская, А. Л. Паняцінная база канцэпту “старасць” у беларускай мове / А. Л. Садоўская // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 9: в 2 ч. Ч. 2. – Минск : Белорусский Дом печати, 2015. – С. 199–203.

2. Садоўская, А. Л. Старасць у моўнай карціне свету беларусаў / А. Садоўская, Д. Пыхалава // Роднае слова. – 2017. – № 9. – С. 34–38.
3. Садоўская, А. Л. Фразеасемантычнае поле *маладосць/старасць* у беларускай мове / А. Л. Садоўская, Д. П. Сёмуха // Фальклор і сучасная культура : матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. канф., 21–22 крас. 2011 г., Мінск. У 2 ч. – Ч. 1. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2011. – С. 193–194.
4. Валодзіна, Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 423 с.
5. Завадскі, М. Б. Молодость и межвозрастные отношения в зеркале народной мудрости / М. Б. Завадскі // Философские исследования : сборник научных трудов. – Вып. 7. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – с. 285–295.
6. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii i słowiańskiej zgrupowane w latach 1877–1905. T. IV. Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wmkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Łidy, Wuejki, Swiecian i Oszmiany / M. Federowski – Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – 507 с.
7. Носович, И. И. Бѣлорускія пословицы и поговорки / И. Носович // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. I–V. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1852–1856. – С. 34–80.
8. Шпілеўскі, П. “Бѣлорускія пословицы” / П. Шпілеўскі // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. I–V. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1852–1856. – С. 173–192.
9. Валодзіна, Т. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Т. Валодзіна, Л. Салавей. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 482 с.
10. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М. : Моск. гос. лингвист. ун-т [и др.], 2004. – 800 с.
11. Мількота, Н. Як ўспрымаюць сябе старыя беларусы і як іх саміх успрымае грамадства? (8.11.2019) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://coalition-aging.by/news/jak-sprymajuc-sjabe-i-svaju-rolju-gramadstve-belarusy-va-zrosce-55/>. – Дата доступу : 06.09.2022.

Abstract. The article is focusing on phraseosemantic field of old age in the language image of Belarusians. Major part of phraseological units has a negative connotation connected to the following meanings: unattractiveness, slowness, chattiness, argumentativeness, incompetence, stereotype as unwillingness to change.

Keywords: phraseology, phraseosemantic field, old age, negative connotation, ambivalence.

УДК 811.161.1'363:398.91:821.161.1.*А.С.Пушкин

Н. П. Капшай

ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТИ ПОСЛОВИЦЫ! ЦЕННОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ В ПОНИМАНИИ СМЫСЛА ПУШКИНСКОГО ОБРАЗА *КОНЯ*

Аннотация. В статье на примере слова-образа *конь* доказывается методическая продуктивность соотношения семантики лирических образов Александра Сергеевича Пушкина и русских пословиц. Это позволяет убедительно рассматривать фольклор как один из истоков творческого развития поэта, относиться к пословице как надежному ключу в расшифровке пушкинских лирических текстов, проникнуть в глубинные смыслы в понимании авторской аксиологии.

Ключевые слова: русские пословицы, слово-образ *конь*, фольклор, текст, автор, семантика.

В заглавие статьи вынесены перефразированные, но легко восстанавливаемые в первичном варианте слова Александра Сергеевича Пушкина, содержащиеся в письме брату, которое написано в 1824 году из Михайловского: «Вечером слушаю сказки и

вознаграждаю тем недостатки своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая из них поэма!» [1]. Отношение к жанру народной сказки у Пушкина четко определилось в 20-е годы, в период всеобщего интереса европейских и американских писателей и читателей к произведениям устного народного творчества. В работах известных пушкинистов М. К. Азадовского, Дм. Дм. Благого, Н. Н. Скатова и других исследованы связи Пушкина и народной культуры, указаны фольклорные истоки пушкинской образной системы, поэтического языка, мировоззренческого развития. Начало изучения языка Пушкина в лингвистике положено В. В. Виноградовым, А. Потебней, Г. О. Винокуром, Б. А. Лариным. В разноплановом изучении творчества А. С. Пушкина мы выделили один, на наш взгляд, продуктивный аспект: роль пословиц в понимании лирических творений, осмыслении поэтической образности, авторской идеологии и аксиологии поэта. В достижении цели исследования большую роль сыграли лингвистические труды по изучению паремиологического дискурса: работы В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, Т. Г. Никитиной и других, а также сборники научных статей, посвященных проблемам фразеологии и паремиологии, которые изданы кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.

Влияние пословичной формы и образности на стиль Пушкина очевидно, и выразительным доказательством того являются, например, чеканные афоризмы автора «Евгения Онегина»: «Пришла пора. Она влюбилась», «А счастье было так возможно, так близко», «Мы все глядим в Наполеоны». В них есть изящная форма, глубокий смысл, мнемоническая привлекательность и другие качества русской пословицы.

Цель данной статьи: продемонстрировать значимость русской пословицы в создании авторского образа, доказать методическую продуктивность использования пословиц при раскодировании смыслов пушкинских образов на примере анализа семантики лирического образа *коня*.

Материал апробирован на учебных занятиях с учителями-словесниками, студентами, школьниками. Именно в формате школьных занятий мы решились определить их тему как «Что за прелесть эти пословицы!..», рассчитывая на мотивационный, стимулирующий, мнемонический эффект пушкинского выражения. Фактор читателя-реципиента повлиял на выбор лирических текстов: они входят в школьную программу и содержат ключевое слово-образ *конь*. Выделение образа коня как предмета исследования обусловлено актуальным запросом на формирование ценностных ориентаций обучаемых в опоре на народные традиции, многомерное развитие когнитивной сферы языковой личности, необходимость создания научно обоснованных современных алгоритмов работы со словом, достижения нового качества понимания смысла слова-образа.

На занятиях выдвинута гипотеза. Содержательный, полисемантический, «многозначный» пушкинский образ создается с опорой на образность русской пословицы как компонента устного народного творчества; аксиология автора формируется в корреляции с народной культурой; процесс художественного развития сориентирован на опыт многогранного реального познания жизни народом; обращение к пословице методически вариативно и является продуктивным способом познания.

Идея соотнесения литературного и фольклорного образа возникла при решении занимательной филологической задачи, сформулированной пушкинской строфой из романа «Евгений Онегин», которая включена как автономное произведение в школьную хрестоматию 5 класса: «Зима!.. Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь...». В тексте есть слова: «Вот бежит дворовый мальчик / В салазки *жучку* посадив, / Себя в коня преобразив; / Шалун уж заморозил пальчик: / Ему и грустно и смешно, / А мать грозит ему в окно...» [2, с. 84]. Логично возникает вопрос: «В какого коня преобразил себя в воображении дворовый мальчик?» Условие задачи сообщает дополнительную информацию: найти ответ можно, обратившись к широкому культурному контексту, опираясь на уже имеющиеся знания и используя ассоциативный метод мышления (прием игры в ассоциации или выстраивания ассоциативного поля).

В основе решения учебной задачи лежит научное понимание особенностей формирования как фольклорного, так и литературного образов. Процесса, в котором «чисто эмпирическое восприятие осложняется мифологическим переосмыслением этих образов, они испытывают влияние духовной культуры: фольклорных текстов, религиозных представлений... Вследствие этого увеличивается семантический потенциал подобных компонентов, они обрастают дополнительными коннотациями, что часто заменяет их внутреннюю форму» [3, с. 10]. Находясь под воздействием ассоциативной поэтики пушкинского образа и активизируя ассоциативное мышление, читатель актуализирует контекстный материал, воссоздает авторский подтекст. В реконструкции подтекста через контекст становится ясным, что в воображении пушкинского персонажа могут ожить разные образы.

В сознании дворового мальчика может возникнуть одно устойчивое представление, но образы воображаемых коней могут и меняться. Это могут быть мифологические кони Зевса и Аполлона, на которых боги мчатся по свету. Естественно вспоминаются сказочные волшебные кони, которым не страшны никакие препятствия. Богатырские кони русских народных былин, героически сражающиеся против вражеской силы, также могут ожить в воображении ребенка. Дерзкого дворового мальчика мог увлечь конь, на котором восседает Георгий Победоносец, борющийся с драконом (лубочная литература часто издавала подобные иллюстрации). Логично и преобразование в крепкого коня-труженика, на котором держится крестьянское хозяйство.

Правильность ответа проверяется научно обоснованным способом, в интеграции лингвистических и литературоведческих знаний. Важно, что художественный образ является частью словесного текста, основные характеристики которого – связность, единство, целостность. То есть отдельный смысловой компонент целостно вписывается в идейно-тематическое единство произведения. Все выбранные варианты ответов соответствуют общему жизнеутверждающему пафосу произведения и органично подчинены единой идее. Дворовый мальчик в воображении преобразил себя в символического удалого, крепкого, быстрого коня. Как и все действующие лица на общей картине начала русской зимы, он радуется ей, несмотря на холод и мороз, вместе со всеми переживает порыв общего сорадования природному событию, рельефно выразившемуся во всеобщем жизнерадостном движении по зимнему снегу.

Правильность решения филологической задачи проверяется и соотношением семантики литературного и пословичного образа. Корреляция их смыслов, общность окоядерных сем, аргументированно доказывают верность расшифровки образа. Восприятие пушкинским персонажем и самим автором коня сформировалось под воздействием житейского опыта, совпадает с долговременными наблюдениями народа и осознанием им ценности этого животного, символизирующего позитивные волевые качества, силу и крепость, преданность и везучесть. Словарь В. И. Даля зафиксировал следующие пословицы: «Конь мой, конь, ты мой верный друг! Конь мой вся моя надежда. Весело коням, когда скачут по полям. Хорош конь, хорош и детина. Конь до коня, а молодец до молодца. Добрый конь не без седока (не без корму)» [4].

Выборка пословиц и их семантическое осмысление подтверждает правильность раскодирования семантики образа коня в пушкинском тексте. Кроме того, в соотношении пословичного и авторского представлений раскрывается близость идейно-аксиологического содержания фольклорного и литературного образов, что свидетельствует об органической связи индивидуально-авторского и национального опыта духовного познания.

Стихотворение «Зимнее утро» содержит два слова, важных для понимания пушкинской типологии образа коня. Соседствующие строки «Не пора ли в санки кобылку бурую запрячь» и «Предадимся бегу нетерпеливого коня» соединяют и интенционально разводят два слова-образа: *кобылка* и *конь*. Отличие их значений подчеркивается неожиданной метаморфозой, то есть фабульным превращением особи женского пола в мужскую. В пространственном текстовом сближении образов особенно значима сема,

дифференцирующая слова. В выражении *кобылку бурюю запрячь* в контексте строфы актуализируется значение принадлежности этого животного к сфере домашнего быта. *Конь* нетерпеливо рвется на волю за пределы домашнего пространства.

В художественном изображении «нетерпеливого коня» доминирует значение «быть необузданным, своевольным, самостоятельным». Оно присуще семантике пословиц, данных словарем В. И. Даля: «Он ходит конь конем, здоров, бодр. Конь копытом сдачи дает. Добр конь, да копыта отряхивает. Счастливый на коне, несчастный пеш (или под конем) [4]. Художественный прием олицетворения, формируемый на основе переноса поведения и состояния человека на животное, в сочетании с описанием действий лирического героя, обозначенного возвратным глаголом *предадимся*, не только придает человекоподобные качества коню, но и показывает зависимость наездника от его норова.

В эпитете *нетерпеливый* есть значение «стремящийся вперед, трудно управляемый». Широкий контекст фольклорных жанров – поговорок, песен, былин – постоянно подмечает в коне способность преодолеть наступающие перемены, предсказывать своим поведением опасность, предупреждая хозяина о возможных переменах. Примечательно, что эта семантика имманентно присутствует в стихотворении «Зимнее утро», главной темой которого является чудесное преображение природы и человека.

Расшифровка образа «нетерпеливого коня» помогает реконструировать глубинные подтекстовые смыслы. В нем заложена семантическая двусмысленность. С одной стороны, нетерпеливый конь – это реалья жизни лирического героя, относящаяся к сфере быта. На нем действительно можно совершить «побег» в реальное пространство, где вполне реальна встреча с зимней природой. С другой стороны, пространственная проекция путешествия далеко выходит за возможности реального перемещения героя, на что указывает выражение «берег милый для меня». Это – игра воображения, аллюзия, биографическое вспоминание самого автора о пребывании в южной ссылке. Таким образом семантика значительно расширяется. Конь, на котором в воображении уже мчится поэт, – это волшебный конь Пегаса. На крыльях Пегаса, оседлав Пегаса, действительно можно умчаться в далекие края, где остались любимые люди.

В русских пословицах нами не обнаружен образ коня с семами «спутник творческого вдохновения, друг поэта». Однако в русской паремике есть пословицы, в которых подмечена причастность коня небесной божественной сфере: «Не конь везет, Бог несет. Конь не выдаст, и враг не съест. Помилуй (вынеси), Господь, коня и меня! Конь под нами, а Бог над нами [4]. В русских пословицах отражена также народная вера в причастность коней высшим силам, дарующим способность тонкого чутья: «Кони ржут – к добру. Конь воина обнюхивает – быть убитым. ...Лошадь храпит – к ненастью; Лошадь фыркает – к дождю [4].

Семантическая близость пословиц и авторского образа раскрывает обоснованность (соответственно имманентным качествам – чуткости, близости к природе) превращения в воображении поэта русского коня в мифологического Пегаса.

В аналитическом проникновении в смысловые потоки лирического текста русские пословицы с большей вероятностью помогают удостовериться в объективности понимания авторской мысли. Органическое взаимодействие в одном поэтическом образе значений, выработанных разными культурами, показательное. Оно свидетельствует о близости национального начала и культурного универсума. Поэтика русского гения развивается, впитывая самобытность национальной культуры и осваивая огромный опыт мировой культуры.

Методологическая стратегия соотношения семантики авторского и пословичного образов продуктивна и в исследовании стихотворения А. С. Пушкина «Бесы». В нем образ коней сквозной, определяет смысловой центр лирического повествования и дает ключ к разгадке идейного содержания.

В «Бесах» вехи движения тройки ямщика, завязавшегося противоборства в ночном пути с разными бесами показаны в поведении коней, которое обозначено следую-

щим образом: «Коням, барин, тяжело» – «В овраг толкает одичалого коня» – «Кони стали...» – «Кони чуткие храпят» – «Кони снова понеслись». Кульминационный момент выражен коротким нераспространенным предложением: «Кони стали...» Остановка коней осознается в соотношении смысла происходящего и того богатого, наполненного мистическим содержанием опыта, что закреплён в народном мифологическом сознании. Его носители стереотипно связывают коня с представлением о могучей силе, возможностью преодолеть самые сложные препятствия и победой седока, наездника. Конь настолько сильное животное, что способно противостоять нечистой силе.

В русском фольклоре широко отображено представление об участии коней в борьбе с нечистой силой. Смысл эпизода с остановкой коней на этом фоне может быть истолкован как поражение, полный упадок физических сил, покорность вражеской нечисти. «Кони стали...» – значит, прекратилось движение, прервано сопротивление, возможна катастрофа на пути в достижении цели. Стереотип мощи коня разрушается.

В пушкинском образе коней в «Бесах» далее появляются важные коннотации, конкретизирующее стереотипное народное толкование. Перемена в движении – «Кони снова понеслись» – наступает после звукового триггера, которым выступает спокойный голос поэта-барина: «Что там в поле?». В борьбе сил зла, «бесов разных», за душу поэта, именно он оказался победителем. Движение началось снова, потому что не поддавшись действию бесов именно человек. Расшифровка семантики ключевого образа коня с помощью пословичного наследия позволяет понять трудно постигаемый идейный смысл всего стихотворения-метафоры, идейный центр которого формирует концепт *пути* (жизненного и творческого), а идею составляет мысль об определяющей роли волевого личностного начала в судьбе поэта, подверженного воздействию бесовских сил.

«Что за прелесть эти русские пословицы» – заглавие статьи точно передает ценность, актуальность, познавательный потенциал народных мыслей, выраженных в русских пословицах, которые формировали мировоззрение и поэтический стиль великого русского поэта и сегодня развивают мыслительные способности читателя.

Список использованных источников

1. Пушкин, А. С. Письма Пушкину Л. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2636680-kak-ponjat-slova-pushkina-chto-za-prelest-eti-skazki-kazhdaja-est-poema.html> – Дата доступа : 25.10.2022.
2. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Сочинения : в 3-х томах. – Т. 3. – М. : Худ. лит., 1974. – С. 7–180.
3. Володина, Т. В. Русские сравнения в зеркале белорусских (опыт большого словаря) / Т. В. Володина, В. М. Мокиенко // Русско-белорусский словарь сравнений. – Минск : «Беларуская навука», 2018. – 811 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в. 4 т. – Т. 2: И–О / В. И. Даль. – Спб.-М., 1881.– 807 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikisource.org/wiki>. – Дата доступа : 22.10.22.

Abstract. Using the example of the word-image horse, the methodological productivity of the correlation between the semantics of the images of Alexander Sergeevich Pushkin and russian proverbs is proved in the article. It makes possible to convincingly consider folklore as one of the sources of the poet's creative development, to treat the proverb as a reliable key in deciphering Pushkin's lyrical texts, to penetrate into the deeper meanings in the understanding of the author's axiology.

Keywords: russian proverbs, word-image horse, folklore, text, author, semantics.

В. И. Коваль

О РУССКИХ ЭТНОФРАЗЕМАХ С КОМПОНЕНТОМ *ШАПКА*

Аннотация. В статье рассматривается внутренняя форма фразеологизмов русского языка, включающих в свой состав компонент *шапка*. Приводятся примеры рассматриваемых устойчивых сочетаний, соотносящихся с социальным статусом и этикетным поведением людей. Анализируются диалектные фразеологизмы, в которых компонент *шапка* реализует этнокультурную семантику.

Ключевые слова: фразеологические единицы, слово-компонент *шапка*, внутренняя форма, семантика, традиционная культура.

Как известно, головные уборы не только имеют сугубо функциональное назначение, но и являются предметами, указывающими на положение человека в обществе: это «часть одежды, наиболее отчетливо выражающая социальный статус человека» [1, с. 506]. В первую очередь это относится к мужскому головному убору – шапкам.

В дореволюционной России наиболее высоким статусом обладала *шапка Мономаха* – венец русских государей, уникальный и единственный в своем роде головной убор, хранящийся в настоящее время в Оружейной палате московского Кремля. Данное словосочетание употребляется в составе афоризма *Тяжела ты, шапка Мономаха!* ‘о тяжелом бремени обязанностей, сопряженных с высоким постом и большой ответственностью’ (заключительные слова монолога царя сцены «Царские палаты» драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» [2, с. 745]).

Историк и этнограф XIX века М. М. Забылин выделял четыре вида русских шапок: *высокая горлатная шапка* – головной убор князей и бояр; *тафья* – головной убор зажиточных людей, маленькая шапочка, прикрывавшая только макушку; *колпак* – остроконечная шапка, изготовленная из белого атласа и украшенная ожерельем у богатых и из сукна или войлока у бедных; *четвероугольная низкая шапка* с меховым околышем из черной лисицы, соболя или бобра. «По шапке можно было заключить о происхождении и достоинстве. Высокие шапки означали знатность породы и сана. Так что, как бы ни оделся посадский, он не смел надеть высокой шапки, и даже в самих колпаках обыкновенной народной шапки вышина соразмерялась с достоинством рода. *Горлатные шапки* делались из драгоценных мехов с высоким верхом, иногда меховым. По своей фигуре она составляла обратную противоположность колпаку, ибо кверху была шире, книзу уже; спереди делалась прореха, окаймленная вдоль образцами или плащами с насечками. На одной стороне прорехи делались петли, густо обложенные жемчугом, изображавшие какую-нибудь фигуру» [3, с. 508–509].

Словосочетание *горлатная шапка* (*горлатный* ‘сделанный из меха, взятого с шеи, горла зверя’ [4, с. 86]) использовалось в художественных текстах для подчеркивания высокого обладателя этого головного убора: *Боярину в дедовские времена много ли было нужно? Шуба на соболях да шапка горлатная – вот и честь; Волков с места вскачь, и за ним – холопы, кодытя лошадемок лаптями, побежали к Никольским воротам, где у стола, в горлатной шапке и в двух шубах – бархатной и поверх – нагольной, бараньей, – сидел страшный князь Федор Юрьевич Ромодановский* (А. Толстой. Петр Первый).

Показательный пример употребления устойчивого сочетания *просить боярской шапки* в значении ‘просить о получении статуса боярина’ находим в романе А. Толстого «Князь Серебряный». С такой просьбой обращается к Ивану Грозному «худородный» палач Малюта Скуратов, верный слуга царя, стремящийся стать боярином: *Малюта, мучимый завистью и любочестием, издавна домогался боярства; но царь, уважавший иногда обычаи, не хотел унижить верховный русский сан в лице своего худо-*

родного любимца и оставлял происки его без внимания. Скуратов решился напомнить о себе Иоанну. В этот самый день, при выходе царя из опочивальни, он бил ему челом, исчислил все свои заслуги и в награждение **просил боярской шапки**. Иоанн выслушал его терпеливо, засмеялся и назвал собакой.

Известно, что в традиционном этикете снятие шапки с головы означало выражение не только уважения, но и социальной подчиненности. Сравн. устаревший фразеологизм *ломать шапку* (перед кем-либо) ‘кланяться, раскланиваться, сняв головной убор’: *Его братья, однодворцы, только что не молились на него, шапки перед ним издали ломали, гордились им* (И. С. Тургенев. *Однодворец Овсянников*); *Посадские и шапок не ломали перед царевниным бывшим любовником. Стыдно было выйти на улицу* (А. Толстой. *Петр Первый*).

Статусная символика шапки отражена в русской поговорке *не по Сеньке шапка*, которая употребляется для характеристики человека не на своем месте, не достойного уважения, не справляющегося со своими обязанностями. «Происхождением поговорка обязана старинному обычаю мерять положение, вес человека в обществе величиной, формой и материалом его головного убора. Бояре, дворяне носили высокие шапки, колпаки разной, необычной формы из дорогих материй, мехов, украшенные драгоценными камнями, цветными вставками, пуговицами, отделанные золотой, серебряной, жемчужной нитью. Авторитет, точнее, богатство, знатность человека подчеркивались высотой шапок. Простонародье высоких головных уборов не носило, его шапки были похожи на современные ушанки: плетеные или войлочные с круглой и плоской тульей, меховые треухи со стоячим меховым козырьком и спускающейся или отворачивающейся вниз задней частью» [5, с. 632].

Главный герой романа И. А. Гончарова «Обломов», возмущаясь поведением некоторых своих современников, уделяющих слишком много внимания происходящим за пределами России событиям, использует фразеологический оборот *ходить не в своей шапке* в значении ‘заниматься не своим, не заслуживающим внимания делом’: *Сегодня Мехмет-Али послал корабль в Константинополь, и он ломает себе голову: зачем? Завтра не удалось Дон-Карлосу – и он в ужасной тревоге. Там роют канал, тут отряд войска послали на Восток; батюшки, загорелось! Лица нет, бежит, кричит, как будто на него самого войско идет. Рассуждают, соображают вкривь и вкось, а самим скучно – не занимает это их; сквозь эти крики виден непробудный сон! Это им постороннее; они не в своей шапке ходят*.

Н. В. Жилина, рассматривая эволюцию и «социальную маркированность» русского мужского головного убора на протяжении XIII–XVII вв. (от знаменитой шапки Мономаха до простонародных колпаков), отмечает возможность выражения с помощью формы головного убора характера человека, его пагубных наклонностей: среди головных уборов, относящихся к XV веку, исследователь выделяет «удлиненные колпаки криволинейных очертаний, сопутствующие <...> различным людям, которые лгут» [6, с. 12].

Ритуальное использование шапки отражено в русском диалектном фразеологизме *шапку в лохань вкинуть* ‘об отказе невесты при сватовстве’ [2, с. 746]. Как известно, традиционный обряд сватовства сопровождался условно-символическими поступками невесты, чем выражается ее согласие / несогласие с брачным предложением. Некоторые из этих ритуальных действий (вручение сватающимся венка из гороховых стеблей, запеченной тыквы, тыквы с вырезанной серединой или разбитой тыквы) содержали аллегорический намек на утрату девушкой невинности, что делало невозможным само сватовство [7, с. 30–39].

«Внутренняя логика» рассматриваемого фразеологизма выявляется с учетом символики именных компонентов, каждый из которых символически воплощает мужское и женское начало. Так, в свадебном обряде шапка использовалась не только как атрибут мужчины (жениха), но и (на основании переосмысления по принципу синекдохи) как его полноценное замещение. Сравн. диалектные фраземы *сватать за шапку* ‘сватать

в отсутствие жениха', *отдать за шапку* 'выдать замуж за неизвестного человека'. На Полесье «невесте на свадьбе надевали мужскую шапку, чтобы у нее рождались сыновья; клали в постель молодых (под голову или под поясицу молодой) шапку, подкладывали шапку в красный угол. Для этой же цели молодая в первую брачную ночь надевала шапочку. В Македонии в доме мужа невеста садилась на колени свекрови, где лежали шапки маленьких мальчиков, после чего шапки перекидывали через молодую, желая ей детей мужского пола» [8, с. 572]. В Полесье для того, «чтобы корова "погуляла", протирали ей вымя шапкой» [8, с. 574]. В Беларуси девушки-подростки натирали мужской шапкой груди, чтобы они быстрее росли [9, с. 52–53].

Корыто (лохань), выполняющее прежде всего функцию посуды для различных хозяйственных целей, в сфере народной духовной культуры осмыслялось как воплощение женского начала. «Знаковый потенциал корыта реализуется прежде всего в народно-медицинских ритуалах. Подвергнутого сглазу ребенка клали под корыто у порога сарая и перегоняли через него свиней, подбрасывали над корытом, если ребенок сильно плакал; из корыта умывались, чтобы отвести сглаз; накрывались корытом во время приступа эпилепсии». При этом помещение ребенка под корыто связывалось с идеей повторного рождения, что обеспечивалось символическим отождествлением корыта и женского рождающего начала (в некоторых народных песнях присутствует мотив уподобления корыта и женского "низа"); о невесте, которая не сохранила девственность до свадьбы, в Ганцевичском районе Брестской области говорили, что она *села на разбитым карыце*» [10, с. 229].

Таким образом, ритуальное поведение девушки, при котором она в присутствии сватов бросала шапку в лохань (корыто), однозначно указывало на невозможность сватовства, поскольку такое действие понималось как компрометирующая девушку ситуация.

С ритуальным использованием шапки связано происхождение белорусского фразеологизма *спаць у шапку* 'не проявлять подвижности, энергичности, бездействовать, быть пассивным и безразличным тогда, когда надо безотлагательно действовать' [11, с. 431]. В основу внутренней формы этого устойчивого сочетания положено, как можно предположить, представление об использовании мужской шапки в девичьих гаданиях у восточных славян: «В гаданиях о замужестве (особенно на святки) девушки клали шапку (иногда украденную у парня) под подушку и ожидали во сне увидеть суженого» [8, с. 573]. Сказанное дает основание считать деривационной базой фразеологизма *спаць у шапку* омонимичное свободное словосочетание *спаць у шапку* (то есть спать на подушке, под которую помещена шапка), а его мотивирующей базой – поверье о том, что в таком случае девушка может быть уверенной в «реализации» сна о суженом. Подобное «пассивное» ритуальное поведение вполне могло отождествляться с бездействием, что и оказало влияние на формирование целостного значения данного фразеологизма [7, с. 75–77]. Первоначально этот оборот обозначал определенную ритуально обусловленную ситуацию – сна «в шапку», а с течением времени в результате архаизации этнокультурных представлений свободное словосочетание *спаць у шапку* приобрело статус фразеологизма, реализующего более широкое значение с экспрессивным оттенком осуждения – 'не проявлять подвижности, энергичности; быть пассивным, безразличным'.

При выявлении внутренней формы фразеологизма *спаць у шапку* важно учитывать смыслообразующую роль именного компонента, обозначающего утилитарный предмет (мужской головной убор), наделявшийся в сфере народной духовной культуры ярко выраженными продуцирующими и обереговыми свойствами. Так, в русской традиции шапка использовалась в лечебной магии как предмет, способствующий укреплению здоровья слабых (недоношенных) детей, что видно из иллюстрации к диалектной лексеме *недопарыш* 'ребенок-недоносок': *Дедушка Терентий недопарыш был, шесть недель лежал в шапке на печи* [12, с. 196]. На Полесье в шапку клали яйца, которые впоследствии подкладывали под наседку: считалось, что из таких яиц выведутся хоро-

шие цыплята [13, с. 36]. В Украине в Сочельник хозяйка для защиты от сглаза окуривала все хозяйство, надев шапку мужа. В Воронежской губернии старший член семьи перед Крещением садился на пороге в шапку и квохтал, «чтобы квочки садились хорошо» [14, с. 80]. Русские крестьяне Костромской губернии клали старую шапку в поле рядом с «бородой», чтобы увеличить ее магическое влияние на будущий урожай нивы [15, с. 231].

К происхождению рассматриваемого фразеологизма, имеющего значение ‘бездействовать, быть пассивным’, непосредственное отношение имеет комплекс апотропейных представлений о мужской шапке, сущность которых заключается в осмыслении ее как предмета, выступающего в роли магического оберега, сакрализованного «сторожа». Такая ярко выраженная магическая (апотропейная) значимость шапки проявлялась в обряде, который был известен в белорусском Полесье в 19 веке. Если по какой-то причине новорожденного нельзя было везти к священнику для крещения, а родители хотели дать ребенку имя, они отправлялись к священнику, просили его прочесть молитву и произнести имя ребенка над шапкой. После этого шапку сжимали руками («чтобы имя не улетучилось») и, принеся ее домой, надевали на голову ребенка [16, с. 37]. В русской родильной обрядности до начала XX века сохранился обычай «молитвы в шапку»: «Как только рождался ребенок, его отец отправлялся к священнику и просил его прочесть молитву и дать имя “в шапку”, после чего надевал шапку и спешил вернуться домой, чтобы “вытрясти” молитву на роженицу» [8, с. 573]. Сравн. в связи со сказанным рус. *родиться в шапке* ‘быть удачливым, везучим’ [2, с. 745].

Особенно часто в качестве магического оберегового средства шапка использовалась в свадебной обрядности: именно с этой целью (для противодействия порче, сглазу) ее надевали различные участники свадьбы. Так, в Брестском Полесье сваха приходила на заручины в шапке. В белорусской и русской свадебных традициях было известно ритуальное ношение женихом шапки на протяжении всей свадьбы независимо от времени года [1, с. 507]; в некоторых регионах Полесья в отдельные моменты свадьбы мужскую шапку для оберега от сглаза надевали и на невесту [13, с. 36]. В Черниговской губернии невеста в шапке жениха на голове выходила из спальни после первой брачной ночи [17, с. 260].

Таким образом, этнофраземы с компонентом *шапка*, с одной стороны, связаны с указанием на социальный статус обладателя этого головного убора, а с другой стороны, они содержат архаичные этнокультурные сведения, обусловленные сакрализацией шапки.

Список использованных источников

1. Кабакова, Г. И. Головной убор / Г. И. Кабакова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. – М. : Междунар. отн., 1995. – С. 506–508.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
3. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. – М. : Автор, 1992. – 607 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г–Д) / под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Изд-во «Наука», 1977. – 403 с.
5. Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; под ред. В. М. Мокиенко / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
6. Жилина, Н. В. Мужской русский головной убор второй половины XIII–XVII вв. и его украшение / Н. В. Жилина // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2013. – Вып. 1. – С. 3–29.
7. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение : монография / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 196 с.
8. Толстая, С. М. Шапка / С. М. Толстая, Е. С. Узенева // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 5. – М. : Междунар. отн., 2014. – С. 572–576.

9. Кухаронак, Т. І. Радзінныя звычаі і абрады беларусаў: Канец XIX – пач. XX ст.ст. / Т. І. Кухаронак. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.
10. Валодзіна, Т. В. Карыта / Т. В. Валодзіна // Міфалогія беларусаў : Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 229–230.
11. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. – Т. 2: М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
12. Словарь русских говоров Среднего Урала. – Т. 2: К–Н; Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1971. – 214 с.
13. Программа Полесского этнолингвистического атласа / сост. А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая // Полесский этнолингвистический сборник : исследования и материалы. – М. : Наука, 1983. – С. 21–46.
14. Круглый год: Русский земледельческий календарь / сост., вступ. ст. и прим. А. Ф. Некрыловой. Ил. Е. М. Белоусовой. – М. : Правда, 1989. – 496 с.
15. Терновская, О. А. Борода / О. А. Терновская // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. – М. : Междунар. отн., 1995. – С. 229–234.
16. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно, 1895. – 187 с.
17. Гура, А. В. Брачная ночь / А. В. Гура // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. – М. : Междунар. отн., 1995. – С. 257–261.

Abstract. The article considers the internal form of phraseological units of the Russian language, which include the header component in their composition. Examples of the considered stable phrases correlating with the social status and etiquette behavior of people are given. The dialect phraseological units in which the cap component implements ethno-cultural semantics are analyzed.

Keywords: phraseological units, word-component cap, internal form, semantics, traditional culture.

УДК 811.161.1'271'42:398.61(=161.1):398.9(=161.1):316.356.4

М. Л. Ковшова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ЗАГАДОК, ПОСЛОВИЦ И ИДИОМ С ТЕРМИНАМИ НЕКРОВНОГО РОДСТВА

Аннотация. Исследование русских загадок, пословиц и идиом с терминами некровного родства проводится с целью изучения особенностей народного миропонимания, запечатленного в фольклоре и фразеологии; описания того, как в «наивной» культурно-языковой картине мира отражаются представления о родственных связях, как в разных знаках языка и культуры концептуализируется понятие некровного родства.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, концептуализация, термины некровного родства, идиомы, пословицы, загадки.

Методология и методика анализа. Антропологическая «программа» развития современной науки о языке переживает дифференциально-интегративные процессы, которые охватывают такие направления, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология; данные дисциплины обладают своей предметно-объектной сферой и методологией; в то же время происходит, во многом стихийно, движение к созданию целостной методологии. Представленный в работе «алгоритм» исследования отвечает современному запросу на интеграцию методов, способов и приемов исследования, позволяет объединить и обобщить наблюдения, полученные с разных «ракурсов», среди которых лингвокультурологический видится как «вершинный», поскольку позволяет описать знаки языка в их культурном «преломлении», раскрыть смыслы, стоящие за словом в сознании носителей языка определенной культуры [1]. Анализ проводится на материале русских загадок, пословиц и фразеологизмов-идиом с семантикой некровного родства и осуществляется в последовательном прохождении трех этапов.

Первый, лингвистический, этап начинается с определения знаковой и функциональной специфики языкового материала, в данном случае загадок, пословиц, фразеологизмов-идиом. Лингвистический анализ включает в себя установление встречаемости и количественный подсчет слов, служащих номинациями фрагмента «Некровное родство» понятийной сферы «Родство; Семья», их форм, сочетаемости, конструкций в составе загадок, пословиц и идиом; проводится этимологический и семантический анализ терминов некровного родства с помощью историко-этимологического метода и метода словарных дефиниций. **Второй, лингвокогнитивный, этап** включает концептуальный и фреймовый анализ языкового материала. Данный этап обращен на структуры знания; настоящий анализ сосредоточен на исследовании путей концептуализации семантики некровного родства в загадках, пословицах и идиомах; на выявлении фреймовых моделей концептуализации как форм проявления ментальности в означивании выделенного в картине мира фрагмента. **Третий, собственно лингвокультурологический, этап** заключается в выявлении культурно маркированных сигналов, стоящих за словом или выражением в сознании носителей языка определенной культуры. Данный этап направлен на описание культурных смыслов, под которыми понимаются сформированные в культуре ценностно значимые ориентиры, например в отношении родственных и семейных связей, в том числе некровного родства, способные влиять на поведенческие «программы» в разных сферах жизнедеятельности человека. Осуществляемое в работе декодирование культурных смыслов в загадках, пословицах и идиомах опирается на лингвокультурологический метод комментирования знаков языка в пространстве культурного знания, на метод глубокой интроспекции, а также на психолингвистические экспериментальные методики (ассоциативный эксперимент, или установление ассоциативных связей между словами; метод семантического дифференциала, то есть построение семантического пространства, структура которого служит объяснительной моделью того, как индивид воспринимает, классифицирует, сравнивает, оценивает заданные объекты и их характеристики; семантическое пространство – это «пространство реакций», на их основе можно определить «семантическую дифференциацию», или место объектов в семантическом пространстве).

Анализ материала по предложенной методике и основные результаты.

Первый этап. Сложившаяся в культуре система семейно-родственных отношений отражена в номинациях; выделяют термины кровного родства, ближнего и дальнего (*отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дядя, тётка, племянник, племянница, дед, бабушка, внук, внучка, прадед, прабабушка, правнук, правнучка* и др.) и некровного родства: родство по браку (*муж, жена, зять, невестка, тесть, тёща, свёкор, свекровь, золовка, деверь, шурин*); заместительное родство (*отчим, мачеха, пасынок, падчерица, сводный брат* и др.); духовное родство (*сват, сватья, кум, кума, духовный отец* и др.); см. классификацию терминов в [2]. Согласно данным сборников и словарей, среди которых самыми крупными относительно загадок являются сборники [3; 4], относительно пословиц и фразеологизмов – словари [5; 6], не все термины родства, имеющиеся в лексической системе русского языка, и не в равных пропорциях представлены в загадках, пословицах и фразеологизмах. Объяснение этому лежит в особенностях данных знаков.

Загадки и пословицы, фразеологизмы-идиомы как культурно-языковые феномены наиболее ярко передают информацию о характере народа и его мировоззрении. Загадки и пословицы относятся к классу паремий; являются малыми жанрами фольклора, «в первых отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку, в последних – вся житейская мудрость и нравственная личность простолюдина» [3]. Важным указанием на исходный синкретизм загадок, пословиц и поговорок служит их формальное (формульное) сходство, вплоть до текстуального совпадения [7; 8]. В то же время загадки и пословицы обладают жанрово-функциональной и знаковой спецификой. Загадка, будучи интеллектуально-развлекательной игрой, назначена развивать ло-

гические навыки, познавать и передавать знания, и потому обращена на окружающий мир. В загадках кодируется обобщенный денотат, представитель класса «не-человек» (артефакты, природные явления, растения, животный мир и др.), который, как правило, уподобляется обобщенному денотату, представителю класса из сферы «человек». Пословицы – целостные синтаксически и логически законченные предложения, суждения, имеющие нравоучительный и назидательный смысл – назначены учить, осуждать, предостерегать. Пословица обращена на мир людей, в ней обобщаются социальные типы, события и явления; уподобление происходит, как правило, в референции: «человек» – «человек». В отличие от загадок и пословиц, фразеологизмы – строевые единицы языка, несвободные устойчивые словосочетания, раздельные по форме и целостные по значению. Фразеологизмы-идиомы, как правило, образные, эмоционально-оценочные, экспрессивные, выполняют функцию знакового замещения не столько объекта обозначения, сколько отношения к этому объекту. В народных загадках и пословицах, которые являются монокультурными знаками, образы и смыслы родственных связей и семейных отношений возникают и формируются в традиционной культуре. Исследование загадок и пословиц позволяет исследовать этническое мировидение, составляющее базовый слой национальной культуры, языковую картину мира, свойственную народной среде с присущим ему самосознанием. Фразеологизмы, в отличие от загадок и пословиц, имеют разные источники возникновения – пословичные, мифологические, библейские, исторические, литературные, публицистические; сформированные в разных слоях культуры в разные исторические периоды идиомы являются поликультурными знаками. При этом и загадки, пословицы, и фразеологизмы служат «нишей» (по В. Н. Телия) для кумуляции культурно-национального мировоззрения; они широко используются в речевых практиках и транслируют культурно окрашенные представления о мире.

В соответствии со знаковыми и функциональными особенностями, большее количество терминов некровного родства встречается в пословицах как социально «ориентированных» знаках; в загадках термины некровного родства используются при кодировании окружающего мира; в меньшей степени в тему некровного родства вовлечены фразеологизмы, однако их характеристики действуют по принципу «редко, да метко». Исходя из материала, укажем количество загадок, пословиц и фразеологизмов, в которых употребляются те или иные термины некровного родства (учтены и основные лексемы, и дериваты): **муж** (загадки – 23; из них 20 с образами мужа и жены, пословицы – 335, из них 224 про мужа с женой, фразеологизмы – не более 6; сравн., например: *муж объелся груш, дачный муж, лагерный муж* и др.); **жена** (загадки – 30, из них 20 с образами мужа и жены, пословицы – 433, из них половина про мужа с женой, фразеологизмы – не более 5; сравн., например: *лагерная жена, соломенная жена* и др.); **мачеха** (загадки – не более 5, пословицы – 14, фразеологизмы – не более 3; сравн., например: *не у мачехи рос* и др.); **пасынок** (загадки – 0, пословицы – 0, фразеологизмы – 1; сравн.: *пасынок судьбы*); **падчерица** (загадки – 0, пословицы – 1, фразеологизмы – 0); **тесть** (загадки – 0, пословицы – 31, фразеологизмы – 0); **тёща** (загадки – 0, пословицы – 43, фразеологизмы – не более 3; сравн., например, *поехать к тёще на блины*); **свёкор** (загадки – 1, пословицы – 18, фразеологизмы – 0); **свекровь** (загадки – не более 5, пословицы – 29, фразеологизмы – 0); **зять** (загадки – 7, пословицы – 46, фразеологизмы – 0); **невестка** (загадки – 5, пословицы – 29, фразеологизмы – 0); **сноха** (загадки – 3, пословицы – 12, фразеологизмы – 0); **золовка** (загадки – 0, пословицы – 12, фразеологизмы – 0); **деверь** (загадки – 5, пословицы – 10, фразеологизмы – 0); **шурин** (загадки – 6, пословицы – 5, фразеологизмы – 0); **сват** (загадки – 1, пословицы – 51, фразеологизмы – не более 4; сравн., например: *ни сват ни брат* ‘посторонний, чужой человек’, *ни свата ни брата* ‘об отсутствии родственников’); **сватья** (загадки – 0, пословицы – 6, фразеологизмы – 0); **свояк** (загадки – 0, пословицы – 9, фразеологизмы – 0); **свояченица** (загадки – 0, пословицы – 1, фразеологизмы – 0); **кум** (загадки – 10, из них 5 с образами

кума и кумы, пословицы – 42, фразеологизмы – не более 7; сравн., например: *кум королю* ‘о самостоятельном, независимом, благополучном, довольном жизнью человеке’; жарг. *снюхаться с кумом* (кум – следователь, оперативный работник); *ни кум ни сват* ‘совершенно чужой кому-л.’ и др.); **кума** (загадки –15, из них 5 с образами кума и кумы, пословицы – 132, фразеологизмы – не более 5; сравн., например: *ехала кума неведомо куда* ‘о действиях бестолкового человека’ и др.). Другие термины некровного родства в загадках, пословицах и фразеологизмах отсутствуют. По суммарному количеству при охвате всего материала видно, что ценностно значимую иерархию в концептосфере культуры (фрагмент «Родство, Семья») возглавляют такие статусы некровного родства, «схваченные» в соединении с деятельностными и поведенческими характеристиками, как **жена, муж, кума, зять, сват, кум, тёща**. Это косвенно подтверждается высокой степенью разработанности данных понятий в языке; сравн.: *жёнка, жёнушка, женин; муженёк, чужемужняя (жена); кумушка; зятёк, зятюшка; сватушка; куманёк* и др., сравн. образование переносных значений у слов *сват* ‘близкий человек’, ‘наставник или преемник’, *кум* ‘близкий человек, друг’, ‘сосед’, ‘прокурор, следователь’, ‘иносказ. чёрт’; *кума* ‘близкий человек, подруга’, ‘соседка’, ‘иносказ. болезнь, лихорадка’ и некоторые другие.

Кратко остановимся на термине духовного родства **кума** и в сжатом виде проведем его анализ. *Кума* – древнерусское слово, его происхождение некоторые связывают с тюркским *кума* ‘сожительница, молодая жена, наложница, служанка’; правильное его считать образованием от слова *кум*, сокращенная форма от *кмотгъ* ‘крестный отец’, сравн. также *куепетра* [9, с. 414]. Согласно словарю [10, с. 276], *кума* – ‘крестная мать по отношению к родителям крестника и к крестному отцу’. В Толковом словаре В. И. Даля слово *кума* дается с отсылкой на слово *кум* и описывается как ‘восприемница’; ‘крестные отец и мать состоят в духовном родстве вообще, но крестнику своему восприемники не кум и кума, а только между собою и относительно родителей и родичей его» [11, с. 181].

Второй этап. Анализ концептуализации некровного родства на примере образа кумы в загадках, пословицах и фразеологизмах учитывает два направления. Первое направление: «цель (кума как понятие / как денотат) – источник (та или иная понятийная сфера / денотативная область)» выявляет определенные фреймовые модели, показывающие, что и в загадках, и в пословицах основным источником концептуализации статуса кумы является та же сфера – родственная, семейная; концептуализация представлений о куме, ее духовной и социально-семейной функции – быть приглашенной в крестные матери, быть восприемницей, а в дальнейшем наставницей крестнику, быть включенной в круг важных семейных событий – осуществляется с помощью обобщенно-типовых образов той же сферы. В загадках первое направление не только кодирует «включение» кумы в семейную сферу, но и может обыгрывать ее статус в силу взаимосвязи с другими статусами. Сравн., например: «*Идут кум с кумой, несут младенца, отцу с матерью не сын (дочь; крестная дочь)*» [3, № 2319а]. В пословицах с помощью той же области-источника («Родство, Семья») представлен обобщенно-типовой образ кумы, ее действий, поведения и взаимоотношений с кумом или семьей крестника. Сравн.: «*Кума живет догадлива*», «*Кумушка, кума, окрести моё дитя да и не знай моего двора*», «*Кума к куме тащит в суме*», «*Ладно кума, что в гости пришла*», «*Кума да кум наставят на ум*» и др. [6, с. 460–463]. Фразеологизмы в первом направлении концептуализации не участвуют: в узусе коллокации с данным опорным компонентом отсутствуют, а идиомы нацелены не столько на кодирование денотата, сколько на описание оценочных признаков и метафорический перенос на другие денотаты. Второе направление: «источник (кума как образ) – цель (те или иные понятийные сферы / денотативные области)» выявляет фреймовые модели, которые показывают, как номинации кумы участвуют в концептуализации других понятийных сфер в загадках, пословицах и подключившихся к данному направлению фразеологизмах. С помощью образа кумы, складывающегося из стереотипных представлений о данном персонаже, в загад-

ках кодируются такие понятийные сферы / денотативные области, как «Крестьянский труд», «Дом», «Пространство», «Средства передвижения», «Растения», сравн.: молотба снопов (как сверх меры активная деятельность, свойственная куме), створки дверей (которые не сходятся, не слишком дружат, как кума с кумой), пол и потолок (которые не сходятся, не могут сблизиться, как не может жить вместе кума с кумом), сани и полозья (которые включают связанные между собой разные элементы), репчатый лук (по стереотипу, кума – бедная, потому и набивается в кумы, а так «сидит вся в заплатках»). Сравн., например: *«Две кумушки кланяются, а вместе не сходятся (две двери в сенях)»* [4, с. 88]. В пословицах образ кумы переносится на следующие понятийные сферы / денотативные области, которые могут быть смежными с родственной сферой: «Социальное поведение», «Межличностные отношения», «Бедность, Богатство», «Имущество, Деловые отношения»; сравн., например: *«Пей, кума, да не пропей ума»*, *«Сказал куме, кума – свинье, свинья – борову, а боров – всему городу»*, *«Кума с воза, а кобыле легче»*, *«Голодной куме хлеб на уме»*, *«Богатый с кумой, а бедный с сумой»*, *«Многие кумы доводят до сумы»* [6, с. 460–463]. Во фразеологизмах выражается негативная оценка действий человека, его качеств и свойств; сравн.: *«Ехала кума неведомо куда. О действиях бестолкового человека»*; *«Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла. Выражение недоверия обманщику, лгуну»* [5, с. 342].

Третий этап анализа предполагает культурологическое комментирование каждого текста с данным термином, а также исследование загадок, пословиц и фразеологизмов в речевом употреблении и в языковом сознании путем экспериментов. Ввиду объема статьи, ограничимся указанием на общие культурные «сигналы», обнаруживающиеся на всем материале. Владение знанием, касающимся самого тайного – зарождения и рождения ребенка, вовлеченность в исполнение религиозного обряда крещения наделяют куму определенными «правами и обязанностями», которые позволяют ей входить в почитаемый веками сокровенный семейный круг, обладать важной, иногда секретной, информацией и при этом оставаться не родным по крови человеком. Зависимость от такого человека обязывает учитывать его личностные качества, его имущественный статус, его поведение, связанное с возможностью распространять семейную информацию. Рифма во всех рассмотренных знаках, пусть и является данью фольклорной формульности, но последовательно обеспечивает создание образа кумы, которой нельзя верить, поскольку она пьяна или сошла с ума; кумы, которая может довести до сумы; говорят о куме, что у нее корысть на уме, и др.; тем самым осуществляется превентивная функция загадок, пословиц и идиом как знаков языка и культуры. Во многих негативных чертах «портрета» кумы проявляются опасения в отношении неродного по крови человека, который становится носителем тайных, сокровенных сведений; этим может быть мотивирована архаичная связь внутренней формы языковых знаков с мифологемой о куме как злой силе (сравн. табуированное именование лихорадки). Во всех единицах, включающих образ кумы, тему кумовства, прослеживаются «сигналы», которые хранятся на глубине ментальности, они связаны с архетипами: «близкий / далекий», «свой / чужой», «открытый / закрытый», «добро / зло». Согласно данным паремий и фразеологии, отношение к куме носит, в основном, этикетный, формальный характер. В основе взаимоотношений кума и кумы лежат культурные запреты на исполнение духовных функций кровными родственниками, на заключение между кумом и кумой брака. На всем пространстве паремий и фразеологизмов «перекликаются» между собой сформированные в русской культуре стереотипные представления о деятельности, поведении, образе жизни кумы. Общими для рассмотренных единиц, эксплицированными в семантике пословиц и фразеологизмов или закодированными в загадках, являются следующие культурные смыслы: «Духовное родство, кумовство в русском языковом сознании воспринимается как вынужденно признанное родство, с которым нужно считаться»; «В отношениях между людьми, связанными духовным обрядом, имеется определенная степень близости, которую нужно учитывать» и др.

Основные выводы. В загадках, пословицах, фразеологизмах с термином некровного родства **кума** запечатлены обобщенно-типизированные представления, собраны устойчивые характеристики, закрепленные за данным образом, семиотизирована духовная функция, отражены деятельностные и поведенческие стереотипы. Предложенная методика анализа позволяет описать в полной мере языковые особенности знаков; фреймовые модели раскрывают пути концептуализации; экспликация культурных смыслов, которые внедрены в семантику загадок, пословиц, фразеологизмов, дает возможность более глубоко исследовать концептосферу культуры в тех или иных фрагментах.

Список использованных источников

1. Ковшова, М. Л. Концептуализация родственных отношений в образной семантике загадок: к вопросу о «наивной» культурно-языковой картине мира / М. Л. Ковшова // Когнитивные исследования языка. Вторичные структуры в языковой картине мира. – Вып. №1 (48). – М.–Тамбов, 2022. – Гл. XX. – С. 426–454.
2. Качинская, И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) / И. Б. Качинская. – М. : Индрик, 2018. – 285 с.
3. Садовников, Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. [Электронный ресурс] / Д. Н. Садовников. – Режим доступа : <http://litlife.club/br/?b=251825&p=58>. – Дата доступа: 04.10.2022.
4. Митрофанова, В. В. Загадки / В. В. Митрофанова. – Л. : Наука, 1968. – 164 с.
5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 1024 с.
6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
7. Ройзензон, Л. И. К лингвистической интерпретации загадки в связи с некоторыми проблемами фразеологии / Л. И. Ройзензон // Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1975. – С. 18–34.
8. Орлова, О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование / О. С. Орлова. – М. : ЛЕНАНД, 2022. – 240 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – Т. 2. – М. : Прогресс, 1986. – 672 с.
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1981. – 816 с.
11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – Т. II. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 669 с.

Abstract. The paper deals with studying Russian riddles, proverbs, and idioms with constituents denoting relatives by marriage. The aim of the study is to research properties of folk world perception embedded in folklore and phraseology, and to describe how “naive” cultural / linguistic worldview reflects the idea of kinship and conceptualizes relation by marriage.

Keywords: linguacultural analysis, conceptualization, terms denoting relation by marriage, idioms, proverbs, riddles.

УДК 81'373.7:[811.161.1'25:61:316.77]

М. М. Козловская

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ МЕДИЦИНСКОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В профессиональной речи медицинских работников используются наименования специализированных понятий, передаваемых не только словом, но и словосочетанием.

В условиях непрофессиональной коммуникации устойчивые выражения развивают вторичную семантику и со временем могут превратиться во фразеологическую единицу, что фиксируется неологическими словарями. Примеры данного процесса представлены в статье.

Ключевые слова: устойчивые сочетания, фразеологизация, метафоризация, медицинская речь, непрофессиональная коммуникация.

Значительную часть лексики русского языка составляют языковые единицы, используемые в профессиональном общении представителей разных специальностей, в том числе в речи медицинских работников. Это прежде всего термины – наименования специализированного понятия, передаваемого как словом, так и словосочетанием. Большинство поликомпонентных единиц, выполняющих номинативную функцию, состоят из лексем в прямом значении, не имеют экспрессивной и стилистической окраски, соотносятся с определенными объектами и остаются однозначными: *альтернативная медицина, контактные линзы, магнитный браслет, ультразвуковая терапия* и др. [1]. Однако употребление специальной лексики активно и в ситуациях непрофессионального общения, в которых устойчивые выражения часто развивают вторичную семантику.

Медицина играет важную роль в жизни каждого человека, независимо от пола, возраста, образования, места работы. В определенный момент болеет или сам говорящий, или его близкие, или друзья, или просто знакомые. Поэтому медицинская тема была и остается одной из самых частых в повседневном разговоре всех носителей языка. В условиях непрофессиональной коммуникации профессиональная речь медиков наполняется новым содержанием и новыми смыслами. Как показывают исследования, метафоризированная медицинская лексика, к примеру, активно используется в политическом дискурсе [2; 3]. Конечно, чаще метафоризируются термины-слова: *аллергия* 'отрицательное отношение к чему-либо, кому-либо, нетерпимость' [1] от 'повышенная чувствительность организма к определенным веществам, вызывающим различные болезни, болезненные состояния' (БАС-2), *эйфория* 'вообще состояние душевного подъема, необыкновенной радости, часто необъяснимой, не вызванной соответствующими объективными обстоятельствами' [1] от 'повышенно-радостное, благодушное настроение, неоправданное реальной действительностью; отмечается при атеросклерозе, травмах мозга, прогрессирующем параличе и др.' [1]. Но качественные изменения приводят и к развитию устойчивых оборотов, достаточно вспомнить такие известные фразеологизмы, как *пускать кровь* 'наносить сильные побои, ранения; убивать', *горькая пилюля* 'что-либо обидное, неприятное для кого-либо', *бельмо в (на) глазу* 'помеха, нечто раздражающее своим присутствием', *кость в горле* 'кто-либо или что-либо мешает, досажает в чем-либо', *родиться в сорочке* 'быть во всем удачливым, счастливым' [4]. Все примеры, имеющие разную структуру, сформировались на основе обычных, неидиоматических выражений, используемых медицинскими работниками. Подобный процесс превращения медицинских свободных сочетаний во фразеологическую единицу фиксируется и неологическими словарями. Рассмотрим несколько примеров.

Осматривая больного, врач всегда стремится найти место, в котором наиболее выражена физическая боль, испытываемая пациентом, – болевую точку. Эта *болевая точка* – 'центр болезненных ощущений, сосредоточение нервных узлов, окончаний' [1] – зачастую определяет постановку правильного диагноза, а значит, и лечения. Физические страдания порождают психическое беспокойство, которое в сознании говорящих начинает связываться не только с болезнью, но и с любой значимой проблемой. Оценочный характер сочетания позволил появиться новому значению *болевая точка* 'трудная для решения проблема' [1] в результате образовавшейся цепочки 'центр физических болевых ощущений' → 'центр душевных болевых ощущений' → 'причина болевых ощущений'. При этом произошел смысловой перенос из конкретной антропоцентрической сферы в плоскость абстрактных понятий и семантически обновленное сочетание расширило свою сочетаемость. Данное выражение активно использу-

ется (по данным Национального корпуса русского языка, 131 документ и 136 вхождений в начальной форме только в газетном корпусе) для характеристики положения в разных областях (политике, экономике, культуре, образовании и др.): *Болевая точка для бизнеса, наиболее часто упоминаемая нашими членами, – слабый покупательский спрос* (Коммерсант, 2019.01); *За эти годы большого прорыва компания не совершила, но здесь нужно учитывать сложность темы: производство ЭРИ (электрорадиоизделий – М.К.) – это болевая точка российской промышленности* (Известия, 2016.03); *Саммит глав двух государств показывает, что строительство газопровода – не частное дело энергетического сектора Европы, а болевая точка в отношениях Москвы, Вашингтона и Брюсселя* (Парламентская газета, 2018.07); *За неимением реальных рычагов давления была выбрана самая болевая точка – наша историческая память, наше почитание предков, погибших во время Великой Отечественной войны за нашу с вами свободу, наш Парад Победы – парад победителей* (Известия, 2020.06). Надо отметить, что переносный смысл выражения часто акцентируется с помощью кавычек: *Ещё одна «болевая точка» жилищно-коммунального комплекса – высокий уровень износа коммунальной инфраструктуры* (Парламентская газета, 2017.05); *Но есть и еще одна «болевая точка» – это бесхозные ливневки* (Комсомольская правда, 2011.04) [5]. На фразеологизацию сочетания *болевая точка*, возможно, оказали влияние известные обороты *больное место* 'то, что более всего волнует, беспокоит кого-либо, что причиняет заботы, страдания, волнения' и *больной вопрос* 'назревшая, но трудная для разрешения проблема' [4].

Медицинская специальная лексика, как правило, определяет патологическое состояние организма. И процесс переосмысления словосочетаний идет в этом же направлении – прежде всего обозначаются проблемные стороны общественной жизни. Так, выражение *коматозное состояние* 'тяжелое болезненное состояние, которое связано с нарушением сознания и ослаблением реакции организма на внешние раздражители' трансформировалось в *коматозное состояние* 'состояние упадка, полное бездействия' [1] и стало употребляться с явно выраженной негативной оценкой для характеристики экономики, политики, культуры: *За три года удалось вывести область из «коматозного состояния» в лидеры Центрального округа, а по ряду социально-экономических показателей – и страны* (Труд-7, 2003.05); *После чего партия впала в коматозное состояние, оставив в Госдуме своего бывшего председателя, полярника и вице-спикера Артура Чилингарова* (Известия, 2002.03); *Если вспомнить коматозное состояние, в которое лучший оркестр страны угодил полтора года назад, то качество исполнения малеровской симфонии может показаться чудом* (Известия, 2001.11) [5]. Рассматриваемый оборот в новом значении на основе семы 'бездействие' может быть примером распространенной модели метафорического переноса значения из антропоцентрической сферы в предметную ('состояние человека' → 'состояние предмета (механизма)'): *На прошлой неделе пользователи Windows 2000, запустив Norton Antivirus 2000, столкнулись с постепенным погружением компьютера в коматозное состояние* (Lenta.ru, 2000.07) [5].

В медицинской речи распространено словосочетание *шоковая терапия*. В словарях с пометой «мед» оно дано в значении 'лечение внутренних болезней без оперативного вмешательства' [1] (термин *внутренние болезни* касается патологии внутренних органов и систем, т. е. нарушения физического состояния). В газетном корпусе НКРЯ зафиксировано 179 документов с этим оборотом в начальной форме и 191 вхождение, из которых только единичные касаются непосредственно медицинских ситуаций, причем речь идет о лечении не только физического самочувствия, но и психического: *Известно также, что ипохондрия почти не лечится, лишь немного поддается психотерапии. Впрочем, некоторые радикальные врачи считают, что хорошо помогают холодный душ и шоковая терапия* (Известия, 2006.05); *Стресс-шоковая терапия, разработанная доктором Назаралиевым, направлена на снятие не только физической, но и психической зависимости больного от наркотиков (алкоголя)* (Аргументы и факты,

1996.04) [5]. В большинстве случаев реализуется сочетание *шоковая терапия* как ‘круг чрезвычайных мероприятий, направленных на оздоровление экономики и отрицательно влияющих на уровень жизни населения’ [1]: *Тем не менее, шоковая терапия привела к тому, что быстро начала перестраиваться экономика, обретя собственников* (Парламентская газета, 2021.07); *У нас же была моментальная спонтанная приватизация по-американски, такая шоковая терапия, а потом уже устанавливались правила игры* (Известия, 2016.02) [5]. Анализ материала, представленного в НКРЯ, показал и другие смысловые переносы, более широкое употребление оборота, что позволяет предположить дальнейшее развитие семантики сочетания и расширение его смысла до обобщенного ‘круг мероприятий, направленных на восстановление (улучшение) чего-либо’: *Ты жалеешь, что согласилась участвовать в этом проекте? – Теперь нет. Теперь я поняла, что эта шоковая терапия в итоге пошла мне на пользу* (Известия, 2002.03); *Именно шоковая терапия, через которую из-за Андрея Сычева проходят военные, может стать началом нравственного выздоровления армии, которое будет невозможно, если старший офицер не будет заботиться о мальчишках, воспитывать, беречь их* (Известия, 2006.03); *За день отдыха финский специалист не придумал ничего лучше, как заменить полсостава. Шоковая терапия не возымела никакого эффекта. «Трактор», как и в первой встрече, забил быстрый гол (о хоккее)* (Коммерсант, 2013.03); *В случае перегрева смартфона не следует пытаться быстро его охладить, поскольку «шоковая терапия» может окончательно убить устройство* (Известия, 2020.06) [5]. В ряде примеров наблюдается актуализация сем ‘потрясение’ и ‘неожиданность’, формирующих значение ‘что-либо, вызывающее глубокое волнение, переживание’: *Психологическая травма существует. У меня шоковая терапия, я проиграл Олимпиаду* (Известия, 2003.06); *Среди фильмов из разряда «шоковая терапия» был галлюциногенный корейский «Вопль»* (Новая газета, 2016.05); *Если авторы сюжета хотели шокировать зрителя, то они этого добились. «Шоковая терапия» – популярный нынче метод рекламы* (Vesti.ru, 2009.09) [5].

Интересен пример включения в один контекст сразу двух рассмотренных выше устойчивых сочетаний, которые благодаря метафорической образности усиливают интеллектуальное и эмоциональное воздействие публицистического текста на читателя. Кроме того, оценочный компонент в переносной семантике прилагательного *шоковый* позволил расширить сочетаемость лексемы и употребить еще одно новое выражение *шоковая хирургия*: *Углубление реформ продолжается: от шоковой терапии, которая свергла экономику в коматозное состояние, от «чрезвычайно эффективной приватизации» (определение ответственного сотрудника МВФ), которая не породила «эффективного» собственника, мы переходим к «эффективной» вивисекции, или шоковой хирургии* (Независимая газета, 1997.04) [5].

Рассмотренные примеры имеют одинаковую структурную адъективно-субстантивную модель («прилагательное + определяемое существительное»), но отличаются по типу ее наполнения: состоят из двух общеупотребительных слов, или одного специального и одного общеупотребительного слова, или двух специальных слов.

Таким образом, в русском языке последних десятилетий наблюдается фразеологизация новых сочетаний медицинской речи в условиях непрофессиональной коммуникации, что оказывает влияние на развитие языка в целом. В основе данного процесса лежит желание носителей языка обобщить те или иные явления, образно, наглядно представить какое-либо значение, сделать речь эмоционально наполненной.

Список использованных источников

1. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка. – М. : ООО «Дом Славянской книги», 2013. – 960 с.

2. Орлова, Н. М. «Лихая колея болезней»: медицинская лексика в газетном тексте / Н. М. Орлова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 5–1. – С. 280–282.
3. Балашова, Л. В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX–XXI вв. (динамический аспект) / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 2. – С. 10–17.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / Сост. А. И. Федоров. – М. : Цитадель, 1997.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 28.09.2022.

Abstract. In the professional speech of medical workers, the names of specialized concepts are used, transmitted not only by a word, but also by a phrase. In the conditions of non-professional communication, stable expressions develop secondary semantics and over time can turn into a phraseological unit, which is fixed by neological dictionaries. The examples of this process are presented in this abstract.

Keywords: stable combinations, phraseologization, metaphorization, medical speech, unprofessional communication.

УДК 811.161.1'42'367.634:398.92

М. И. Коношкевич

СОЮЗНЫЕ ИДИОМЫ: ЯЗЫКОВОЙ СТАТУС, ПАРАДИГМАТИКА

Аннотация. Рассматриваются концепции, квалифицирующие языковой статус служебных идиом, предлагается морфосинтаксический подход в квалификации союзных сочетаний, остающихся за пределами лексикографической манифестации. На примере скреп «в духе того, что» и «в том духе, что» доказывается системность данных служебных идиом, демонстрируется формирование их парадигм в объективном речевом употреблении.

Ключевые слова: морфосинтаксис, служебные идиомы, скрепа, предлог, парадигма.

Смена парадигм от структурно-дифференцирующей к функционально-интегрирующей обусловила внимание лингвистов к периферийным явлениям в языке, о чем свидетельствует появление магистрального направления – грамматики конструкций, восходящей к идеям Ч. Филлмора и реализуемой в современном языкознании в различных концепциях и терминологии.

Применительно к служебным словам это прежде всего морфосинтаксическая концепция масштабного международного проекта «Грамматика славянского предлога», инициированного и руководимого М. В. Всеволодовой [1] и реализованного в опубликованных реестрах украинских [2], белорусских [3], польских [4], русских [5] предлогов, в которых основное место отводится аналитическим единицам, изофункциональным предлогу в высказывании, но не зафиксированным в современной лексикографии.

Морфосинтаксическая концепция, реализованная в названных выше реестрах предлогов и их функциональных аналогов, может быть экстраполирована и на «заромбовые» в словарях союзные идиомы, а также на другие союзные сочетания, которые функционируют в речи, но не учитываются словарями. Данная концепция позволяет рассматривать союзные сочетания как целостные языковые единицы, по своим категориальным характеристикам входящие в функционально-грамматическое поле союза, Поясним это небольшой преамбулой.

Известно, что «классический» союз обладает четырьмя дифференцирующими признаками: он 1) соединяет 2) единицы строения (конъюнкты), 3) конструирует единицу построения, 4) выражает между конъюнктами определенные отношения. Другие два признака – фиксированная позиция между конъюнктами и малофонемность – не являются облигаторными, ибо с их учетом союзов насчитывается чуть больше полу-

сотни, что не соответствует объективному существованию данного класса языковых единиц. Если же учитывать только названные выше четыре признака, то под эту дефиницию подпадают абсолютно все «заромбовые» союзные сочетания, и не только они. Не случайно количество союзов в авторитетных источниках русского языка колеблется от полутора до шести с половиной сотен, а посему разбежка в более чем четыреста единиц говорит о большой условности границ данной части речи.

Из этой преамбулы выведем следующие исходные положения: 1) лингвистический инструментарий определения грамматикализации служебной единицы должен отойти от двоичного вердикта «союз – не-союз»; 2) чтобы охватить категорию союза в ее объективном существовании, необходим выход в синтаксис, поскольку авторитет естественного языка диктует лингвистике учитывать континуумность речевых и языковых процессов, суть которых по-настоящему открывается только в тексте как законченном продукте речевой деятельности носителя языка; 3) при инвентаризации подобных идиом целесообразнее сменить вектор исключения на вектор включения данных единиц в функционально-грамматическое поле категории союза; 4) сочетание слов может быть целостной лексемой, эквивалентной слову и достойной лексикографической фиксации наряду со словом (для инвентаризации предлогов и союзов это особенно актуально).

Хрестоматийное различие единиц речи и единиц языка основывается на том, что первые вариантны и производимы, а вторые инвариантны и воспроизводимы. Считается, что единицы языка извлекаются из речи путем обобщения и типизации, но это слишком общо для использования в каждом реальном случае, в том числе и при определении языкового статуса идиом в роли союзов.

Представляется, что применительно к идиомам можно руководствоваться принципом системности, поскольку системные отношения проявляются даже в малых элементах системы и прибавление или убавление какого-то элемента приводит к изменению связей в системе. Покажем это на примере корреляции предлога *в духе* и скреп, образованных на его основе. Если словоформа *в духе* как элемент системы существительного *дух* (*Он не в духе*) в процессе коммуникации начинает использоваться в сочетании с другими существительными и управлять ими, то она приобретает смысловое расширение (выражает сравнительные отношения) и широкие сочетательные возможности: *воспитать в духе патриотизма, сотрудничать в духе толерантности и уважения, теория в духе Поппера, стихотворение в духе А. С. Пушкина, семейный разлад в духе мексиканских сериалов* и под. На сегодня в Национальном корпусе русского языка с предлогом *в духе* насчитывается 6809 контекстов в основном модуле и 6564 в газетном. Даже если снять омонимию со словоформой существительного (2–3 случая на страницу), то в остальных употреблениях *в духе* – это сформированный предлог.

Выполняя предложную функцию, словоформа *в духе* не просто выпала из своей падежной парадигмы, но и потеряла возможность иметь при себе адъектив, в то время как в статусе субстантива такая позиция имеется: *Выступление губернатора было выдержано в позитивном духе* (Коммерсант, 2020.12). Данное ограничение отсутствует для местоимения-адъектива *тот*, которое остается таковым при существительном (*продолжать в том же духе*), но становится синсинтаксичным элементом в составе скрепы *в том духе, что*, который ориентирован на продолжение мысли в придаточной части предложения: *Медведев ответил в том духе, что сам чаще смотрит новости по интернету, но телевидение еще поживает* (Моск. комсомолец, 2019.12).

Считаем, что и словоформа *там* в скрепе *в том духе, что* перестала быть местоименной словоформой, приобретя функцию коррелята (термин В. И. Кодухова) для соединения с элементом придаточной, в данном случае – с союзом *что*, причем именно союз и придал элементу *там* синсинтаксичность и синсемантическую. Если на месте союза стоит относительное местоимение, к примеру, *что́* или *какой*, образуется совершенно иная модель скрепы: *в том духе, в каком...; в том духе, который...* и т. д.

Корреляция предлога с союзом – очень важный параметр для атрибуции обоих служебных классов: с одной стороны, предлог служит деривационной базой для образования союзов (здесь мы отвлекаемся от вопроса, что чему предшествует в реальности), а с другой – возможность / невозможность образования союза от той или иной словоформы в роли предлога действует как тест на ее предложность / непредложность. К примеру, сравним две словоформы, выполняющие предложную функцию: *в ознаменование* чего и *в плане* чего, которые в реестре русских предлогов [5] квалифицируются первая – как предлог (с. 245), вторая – как аналог предлога (с. 277). В атрибуции данных единиц в реестре такой параметр, как корреляция с союзом, не приводится, хотя по отношению к другим предлогам в реестре она отмечается и приводятся примеры (*в зависимости от* чего – *в зависимости от того, что* / *как...*, с. 182).

Смоделируем с обеими предложными единицами скрепы: *в ознаменование* чего – *в ознаменование того, что*; *в плане* чего – *в плане того, что*. Верификация употреблением в НКРЯ дает контексты с обоими союзами: *Однако в ознаменование того, что, по мнению рынков, речь президента была недостаточно убедительной, курс рубля, немного выросший в начале дня, снова опустился после того, как президент ответил на первые вопросы* (lenta.ru, 2014.12). *После записи этой пленки я стал чуть ли не народным любимцем. Не в плане больших заслуг перед народом, а в плане того, что эти песни прилились людям по сердцу* (А. Розенбаум).

Если вернуться к верификации союза *в духе того, что*, то контекстов с ним в НКРЯ немного – 13 в основном и 20 в газетном модулях, но они доказывают легитимность данной скрепы в категории союза.

Аналитические скрепы входят в систему языка всеми основными видами системных отношений – синтагматических, иерархических и парадигматических. Синтагматические и иерархические отношения в соответствии со смысловым расширением предлога *в духе* позволяют ему в составе союза получать смысловое согласование с изъяснительными предикатами в главной части сложноподчиненного предложения и служить своего рода маркером чужой речи, в том числе квазицитирования, передачи несобственно-прямой речи, а также совмещения прямой и косвенной речи. Примеры из НКРЯ: *Юлия Тимошенко прокомментировала слова главы государства в духе того, что «надо жить дружно»* (Vesti.ru, 2005.07). *Он ответил в том духе, что: а чего меня понимать?* (С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей; 1994). *Но президент высказался в том духе, что котлеты отдельно от мух* (Моск. комсомолец, 2016.12).

Парадигматические отношения проявляются в формировании парадигм служебных идиом на базе одного или нескольких их компонентов. О разновидностях предложных парадигм писали М. В. Всеволодова и ее коллеги и соавторы по монографии и реестру [1]. Наблюдается парадигматика и в формировании скреп. Две мы рассмотрели: *в духе того, что* и *в том духе, что*, причем в обеих скрепах местоимения вышли из своих местоименных парадигм. В скрепе *в духе того, что* местоимение стало опустошенным элементом, который представляет собой коррелятив $то_2$ (термин В. И. Кодухова) по отношению ко всему содержанию придаточной части.

Вместе с тем местоименная природа слова *тот* оставила ему возможность выподнить и функцию коррелята $то_1$, который, выполняя катафорическую функцию по отношению к содержанию придаточной части, коррелирует с ее релятами в виде союзных слов, тем самым образуя аналитические скрепы типа *в духе того, что́*; *в духе того, к чему* и др. То, что сочетания «Т-слово + К-слово» тоже скрепы, пусть и особые, впервые предположили М. И. Черемисина и Т. А. Колосова [13], и мы солидарны с этим мнением, поскольку такие скрепы, несмотря на множество компоновок, теоретически можно смоделировать, причем их список исчислим.

В НКРЯ мы нашли контексты только с 7 скрепами по модели *в духе того что́* (во избежание пестроты знаков запятые в скрепах опускаем): *в духе того что́* (им. п.);

в духе того что́ (вин. п.); в духе того к чему; в духе того с чем; в духе того о чем; в духе того кто; в духе того как: **В духе того, что́** я сказал, заповедь «не убий» отнюдь не означает отказа от защиты ближнего (Комс. правда, 2001.09). Взглянем когда мы назад, увидим, что свет торжествует в духе того, кто себя правде живой посвятил (В. А. Вернадский). Выступление его было выверенным, аккуратным – вполне в духе того, как проходят подобные пресс-конференции во всем мире (Изв., 2003.06).

На сегодня подтверждена речью парадигма из 7 скреп, но если учесть все словоформы релятивов *что* и *кто* (без предлогов и с предлогами), то список ее противочленов представляется побольше, но все-таки исчислимым. Правда, как показал наш случай здесь и наши эксперименты с моделями других скреп (см., например, в [6]), далеко не все модели востребуются речевой практикой, а на некоторые сама система языка накладывает ограничения.

Еще объемнее парадигма скреп с компонентом *в том духе* + союзное слово, которые менее грамматикализованы по той причине, что в них коррелируют-адъектив *тот* в главной части и релятивы-адъективы в придаточной согласуются с одним и тем же существительным *дух*, с той лишь разницей, что в придаточной это согласование частичное – в роде и / или числе. Несмотря на обилие потенциальных компоновок, реальным употреблением подтверждены только 8 скреп (примечательно совпадение падежных словоформ релятивов): *в том духе, какой*; *в том духе, который*; *в том духе, в каком*; *в том духе, в котором*; *в том духе, о каком*; *в том духе, о котором*; *в том духе, про который*; *в том духе, как*: *Начинаю продолжение моих записок не в том духе, в котором их начал и продолжал в прежние годы* (Н. И. Греч, 1849–1856). *Приготовьте завтра мне для подписи ряд приказов – в том духе, о котором вы говорили* (И. Л. Солоневич, 1935). *Если мы будем продолжать в том духе, как предлагают авторы мовного закона, то вопрос потери востока – это не вопрос вероятности, а вопрос времени* (lenta.ru, 2017.01). *Далее разговор продолжался в том духе, какой он и предполагал* (Д. Рубина).

Следующий уровень парадигм скреп формируется при введении в главную часть существительного, не входящего в скрепу, но разрывающего ее. Модели две: 1) *в духе того..., который*; 2) *в том духе..., который*. Различия между моделями существенные. В первом случае коррелирует *тот* согласуется с вводимым существительным в необходимых для этого своих родовых и числовых формах: *в духе того..., который* / *в духе той..., которая* / *в духе тех..., которые*. Приведем скрепы только с существительными, контексты с которыми обнаружены в НКРЯ:

– *в духе того времени, которое*; *в духе того гуманизма / терпенья, каким*; *в духе того эпатажа / празника / интернационализма, которым*; *в духе того христианства, о котором*; *в духе того разряда людей, которых*; *в духе того плана, который*;
– *в духе той культуры памяти, о которой*; *в духе той финансовой мудрости, которой*; *в духе той линии, которую*; *в духе той торжественной риторики, какая*;
– *в духе тех мероприятий, которые*; *в духе тех идей, которыми*.

Приведенные парадигмы скреп получают свое расширение за счет

– релятивов-наречий *когда*, *где*: *в духе тех великих семидесятых, когда*; *в духе тех словосочетаний, где*;

– введения в коррелирует других элементов – местоимений, частиц, простых союзов: *в духе тех самых «правых эс-эров», из которых*; *в духе тех же творческих принципов, что и*;

– введения в коррелирует антецедента – существительного с общим понятийным значением (*время*) как элемента скрепы: *в духе того времени, когда*; *в духе тех времен, когда*. В контекстах: *Заготовка остроумия была вполне в духе того эпатажа, которым всю жизнь занимался Маяковский* (В. Шаламов). *И реформа была разработана в духе того неопределенного гуманизма, каким окрашены и другие «великие реформы» тех лет* (Г. Флоровский). *Не в смысле запятанности и неактуальности, а скорее в духе тех словосочетаний, где слово «старый» служит обозначением особого качества, особой ценности, ни с чем не сравнимого вкуса и аромата* (Коммерсант, 2006.11).

Вводимые существительные и реляты могут быть дистантными по отношению к синтаксическому шву, что не нарушает характера и целостности скреп: *высказывания в духе тех, которые; купальники в духе тех, что; спектакль в духе тех пьес, постановки которых; шоу в духе тех, что; вопрос в духе тех, какие: Александр Григорьевич заявил, что белорусские власти не позволят себе высказываний в духе тех, которые* были произнесены Эммануэлем Макроном о свободе слова и религиозных чувствах (Vesti.ru, 2020.11).

Аналогично выстраивается парадигма скреп на базе компонента *в том духе* с введением существительного, с той разницей, что релят в придаточной части согласуется в роде и числе не с существительным, а со словом *дух*; остается прежним и согласование коррелята и релята. Модель скрепы представлена двумя реализациями и четырьмя контекстами в НКРЯ: **в том духе распушенности / заботы / любви, который; в том духе противоречия, которыми.** Например: *На деле оказываются преткновения, корень коих лежит в нашем прошедшем, в том духе распушенности, который еще живет среди нас, в тех обычаях удалства, кумовства и всенипочемства, от которых мы еще долго не отделаемся* (М. Е. Салтыков-Щедрин; 1861). *В единстве целей и средств, в делах милосердия, в проповеди, в обличении лжи, в борьбе за справедливость и человечность, в том духе любви, который объединит их членов, родится плоть будущей общественности России* (М. Челнов; 1971).

Таким образом, на базе предлога *в духе* в русском языке существует и развивается многоуровневая открытая парадигма скреп по инвариантным моделям, но с разной степенью грамматикализации вариантов. Прогнозирование и моделирование с последующей верификацией речевых реализаций моделей позволяет представить объективную грамматику союза и границы данной категории в языковом пространстве.

Список использованных источников

1. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления (Кн. 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц) / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2014. – 304 с.
2. Загнітко, А. П. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова / А. П. Загнітко, І. Г. Данилюк, Г. В. Ситар, І. А. Шукіна. – Донецьк : «БАО», 2007. – 415 с.
3. Канюшкевич, М. І. Беларуска прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. / М. І. Канюшкевич. – Гродна : ГрДУ, 2008–2010; Ч.1. Дыяпазон А–Л, 2008. – 492 с.; Ч. 2. Дыяпазон М–П, 2010. – 619 с.; Ч. 3. Дыяпазон Р–Я, 2010. – 535 с.
4. Lachur, Cz. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym. Materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim) / Cz. Lachur. Tom 1 : *a conto – oprocz.* Кера, 2019. – 425 s.; Tom 2 : *pamięci – w kleszczach.* Кера, 2021. – 410 s.; Tom 3: *w klimacie – zwyczajem.* Кера, 2021 ; Tom 4: *Tom 4: Так зване прыимки параметрычне Supplement do tomów 1–3.* Кера, 2022. – 276 s.
5. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А – В (объективная грамматика) / М. В. Всеволодова, Е. Н. Виноградова, Т. Е. Чаплыгина. – М. : УРСС, 2018. – 800 с.
6. Черемисина, М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. – Новосибирск : Наука, 1987. – 197 с.
7. Конюшкевич, М. И. Исчислимость показателей синтаксической связи как фактор их категориальности в системе языка / М. И. Конюшкевич // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т імені Василя Стуса; гол. ред. Ж. Краснобаева-Чорна. – Вінниця : ДонНУ, 2021. – Вип. 41. – С. 92–105.

Abstract. The paper considers the concepts qualifying the linguistic status of auxiliary idioms, and proposes a morphosyntactic approach to the qualification of conjunction idioms that remain outside the lexicographic manifestation. By the example of “*v duhe togo, chto*” and “*v tom duhe, chto*” staples we prove the systematic character of these idioms and demonstrate the formation of their paradigms in objective speech usage.

Keywords: morphosyntax, service idioms, preposition, staple, paradigm.

Н. Я. Кошкіна

**ФАРМІРАВАННЕ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬнай
ПАРЭМІЯГРАФІЧнай ТРАДЫЦЫі
(НА МАТЭРЫЯЛЕ ЗБОРНІКАЎ ПАРЭМІі ХІХ СТАГОДДЗЯ)**

Анотацыя. У артыкуле разгледжаны матэрыял беларускіх парэміялагічных зборнікаў ХІХ ст. Вылучаны іх асноўныя параметрызацыйныя характарыстыкі, вывучаны асаблівасці мета-, макра-, мега- і мікраструктуры, праведзена параўнанне прынцыпаў каталагізацыі парэміійных адзінак у працах розных аўтараў, прасочана парэміяграфічная гісторыя асобных парэміій. Зроблены высновы аб спецыфіцы беларускай парэміяграфічнай традыцыі на этапе моўнага станаўлення.

Ключавыя словы: парэмія, парэміяграфія, парэміяграфічныя параметры, структура зборнікаў парэміій, парэміяграфічная традыцыя.

У сучаснай беларускай лексікаграфіі, да дасягненняў якой можна аднесці сотні выданняў рознага тыпу, усё больш актуальнымі становяцца даследаванні, прысвечаныя вывучэнню базавых характарыстык слоўнікавага мадэлявання, устанавленню аптымальных прынцыпаў арганізацыі лексікаграфічных корпусаў. Так, беларускімі філолагамі актыўна распрацоўваюцца агульныя пытанні тэорыі лексікаграфіі (гл. працы В. К. Шчэрбіна), комплексна, у тэарэтычным, дыяхранічна-тыпалагічным, структурна-кантэнтным аспектах, даследуецца беларуская лінгвістычная тэрмінаграфія (гл. працы В. Д. Дзятко), вылучаюцца і прымяняюцца на практыцы прынцыпы арганізацыі корпуса слоўнікаў тлумачальнага тыпу (гл. працы супрацоўнікаў Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН РБ І. Л. Капылова, Т. М. Маракулінай, А. М. Лапцёнак, С. В. Ліпніцкай, Н. А. Снігіровай і інш.) і г. д. Закранаюцца ў даследаваннях і пытанні фразеаграфіі, у тым ліку ў яе гістарычным аспекце [гл. 1; 2].

Вялікую цікавасць у гэтым сэнсе ўяўляюць парэміялагічныя зборнікі, рэестр якіх складаецца з надзвычай спецыфічных адзінак. *Парэміі* – гэта разнавіднасць фальклорна-мастацкіх твораў, у якіх у выглядзе сціслага выказвання сканцэнтраваны вопыт і жыццёвыя назіранні мінулых пакаленняў у той ці іншай сферы чалавечай дзейнасці. Гэта фактычна абагульненыя сужэнні пра тыповыя з’явы жыцця, стасункі людзей і г. д. Важна таксама тое, што парэміі з’яўляюцца прэцэдэнтнымі адзінкамі, якія адначасова характарызуюцца ўніверсальнасцю і этнічнай унікальнасцю [3, с. 57]. Такая спецыфіка парэміій, якія выступаюць і як мінітэксты, і як складовыя часткі больш вялікіх тэкстаў, валодаюць раздзельнааформленасцю і семантычнай раздвоенасцю (а прыказкі яшчэ і закончанаасцю структуры) [4, с. 32], выклікае шматлікія складаныя праблемы пры стварэнні парэміялагічных тэзаўрусаў (тэрмін *тэзаўрус* у дачыненні да лексікаграфічных збораў парэміій уведзены В. М. Макіенкам [4, с. 32]). Даследаванне гістарычных заканамернасцей і нацыянальнай адметнасці гэтага працэсу – цікавая і актуальная навуковая задача, паколькі “для парэміялага праца з парэміялагічнымі слоўнікамі і зборнікамі – гэта не проста знаёмства з шырокім фондам ... прыказак і прымавак, народнай мудрасцю, але і прасочванне тэндэнцый збірання і вывучэння парэміій, асаблівасцей і частотнасці фіксацый тых ці іншых парэмічных адзінак” [3, с. 56].

У нашым даследаванні зроблена спроба прасачыць пачатковыя тэндэнцыі ў фарміраванні беларускай парэміяграфічнай традыцыі на матэрыяле наступных беларускіх парэміялагічных зборнікаў ХІХ ст.:

– *Ляцкіі Е. А.* Матэрыялы для изучения творчества и быта белорусов, I: пословицы, поговорки, загадки. – Москва, 1898 (Ляц.) (тут і далей скарачэнні, пададзеныя ў дужках, будуць выкарыстоўвацца ў рабоце пры спасылках на адпаведныя парэміялагічныя зборнікі);

– Носович И. И. Сборник белорусских пословиц. – С.-Пб., 1874 (Нас.);
– Романов Е. Р. Белорусский сборник, т. 1: Губ. Могилевская, вып. 1–2: песни, пословицы, загадки. – Киев, 1885 (Рам.);
– Шпилевский П. М. Белорусские пословицы // Известия Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности, том второй. – С.-Пб., 1853 (Шпіл.).

У беларускай дарэвалюцыйнай парэміялогіі ледзь не самае важнае месца належыць этнографу, фалькларысту і мовазнаўцу І. І. Насовічу. У яго “Сборник белорусских пословиц”, паводле падлікаў І. Я. Лепешава [1, с. 52], уключана 3715 запісаў, зробленых у розных раёнах Беларусі як самім збіральнікам, так і (часткова) яго папярэднікамі. Зборнік І. І. Насовіча з’яўляецца самым поўным зводам беларускіх прыказак і прымавак свайго часу.

Іншыя этнаграфічныя зборнікі ХІХ стагоддзя змяшчаюць меншую колькасць парэмійных адзінак і нярэдка паўтараюць тыя, што сабраны І. І. Насовічам, хоць таксама маюць у сваім складзе і зусім новыя, непаўторныя адзінкі. Другім па шырыні рээстрадавага ахопу пасля зборніка І. І. Насовіча з’яўляецца “Белорусский сборник” Е. Р. Раманава, у які ўключана каля 2300 беларускіх парэмій з даволі частымі адсылкамі да працы І. Насовіча. Парэміялагічныя зборы Я. А. Ляцкага і П. М. Шпілеўскага яшчэ больш сціплыя ў колькасных адносінах. Так, Я. А. Ляцкі занатаваў каля 2040 беларускіх прыказак і прымавак (з іх, згодна з нашымі падлікамі, прыкладна 170 супадаюць поўнасю ці часткова з адзінкамі са зборніка І. І. Насовіча). У зборніку П. М. Шпілеўскага ўтрымліваецца каля 500 парэмійных адзінак (з іх прыкладна 20 супадзенняў з парэміямі, сабранымі І. І. Насовічам).

Мегаструктура (г. зн. парадак арганізацыі структурных кампанентаў слоўніка [5, с. 244]) аналізуемых зборнікаў яшчэ не выглядае цалкам сфарміраванай. Акрамя асноўнага корпуса, некаторыя зборнікі ўключаюць ў свой склад *прадмовы*, у якіх змяшчаецца адвольная аўтарская інфармацыя. Напрыклад, у прадмове (“Предувѣдомленіи”) да свайго зборніка І. І. Насовіч гаворыць пра арыгінальнасць і культуралагічную значнасць беларускіх прыказак і прымавак, тлумачыць прычыну выкарыстання ў тэксце некаторых надрадкавых знакаў, апісвае гісторыю збірання фактычнага матэрыялу, указваючы, што “въ 1845 году Янъ Чечотъ, издавая въ Вильнѣ польскимъ шрифтомъ сельскія пѣсни Нѣменскихъ и Двинскихъ Бѣлоруссовъ, присоединилъ къ нимъ до 180 бѣлорусскихъ пословицъ; а въ 1852 г. Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ издало представленныя мною 100 пословицъ, въ Приложеніи къ Извѣстіямъ. Въ послѣдствіи я ... открылъ несравненно большее количество пословицъ, существующихъ въ говорѣ Бѣлорусскихъ жителей ... и собралъ ихъ болѣе 2000, которыя, бывъ приведены въ алфавитный съ прежними порядокъ, представлены въ 1863 году въ Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества” (Нас.). Е. Р. Раманаў у “Предисловіи” ў асноўным пералічвае і каратка характарызуе працы сваіх папярэднікаў, указвае іх станоўчыя рысы і недахопы. На яго думку, “Его [Насовіча] Бѣлорусскія пословицы – трудъ, пока единственный в своемъ родѣ” (Рам.). Песні ў зборніку, паводле яго слоў, часткова паходзяць са збораў іншых аўтараў, а вось прыказкі і загадкі запісаныя асабіста. Я. А. Ляцкі ў папярэдніх заўвагах да свайго выдання адначае час, калі праводзіліся палявыя запісы, канстатуе, што ўсе яны зроблены ім асабіста, гаворыць пра важнасць адлюстравання аўтэнтчнага вымаўлення парэмій і каратка характарызуе ўласныя транскрыпцыйныя прынцыпы, звяртае ўвагу на важнасць выпрацоўкі крытэрыяў адрознення прыказак і прымавак. Фактычна часопісны варыянт збору П. М. Шпілеўскага прадмовы ўвогуле не мае. Толькі ў зноскы ўказана, што “г. Шпилевскій держался въ своемъ Сборникѣ правописанія не того, что г. Носовичъ ..., стараясь сохранить во всѣхъ мелочахъ выговоръ народный” (Шпіл.). *Заклучны тэкст* у І. І. Насовіча ўяўляе сабой лексічны паказчык, у якім тлумачыцца

значэнне адметных беларускіх слоў, у Е. Р. Раманава – спіс памылак друку, а ў іншых зборніках зусім адсутнічае.

Макраструктура ўсіх разгледжаных парэміялагічных зводаў, а менавіта характар выбаркі парэмічных адзінак і прынцыпы іх рээстравага размяшчэння [5, с. 244], аналагічная. Паводле класіфікацыі В. М. Макіенкі [4, с. 32], гэта нацыянальна арыентаваныя моналінгвальныя тэзаўрусы з фармальным (алфавітным) размяшчэннем матэрыялу (гл. ілюстрацыі 1, 2, 3, 4).

А.

Аа — аа малое, покуль будзёць другое! аа — аа, Несцерко! покуль будзёць шэсцерко. Говорять шутливо, баюкая перваго ребенка молодой родственницы.

Абыбь бѣда, а шія будзёць. Говорять шуточно, если кто жалуется на недостатокъ денегъ для необходимыхъ потребностей.

Ілюстрацыя 1 – Зборнік І. І. Насовіча

В.

Важное кушанье—лапша съ котенятами. Насмѣшка надъ гордецомъ.

Варвара ночь уворовала. Варвары половину ночи уворвали.
Ср. у Носов.

Вашъ, да хвоста немашь. Въ знач. не вашъ.

Верзе, а слухать нечего. Верзе, што на ротъ лѣзя. Вретъ.
Воду варить. Издѣваться.

Ілюстрацыя 2 – Зборнік Е. Р. Раманава

Сваё хадзійства милей чужога царства.

Сваё дзэсяць раз паб'ютца и памірутца.

Сваё сабаки грызутца: нихай.

Свайго вума ня ўложыш.

Сват ни сват, а чалавек свойски.

Ілюстрацыя 3 – Зборнік Я. А. Ляцкага

Авечку стрыгуць, баранг дрыжыць. Когда одного изъ
виновныхъ наказываютъ, другой сочувствуетъ его горю.
Адзінгъ дасужъ, да ня дужъ. } Одному трудно рабо-
Адзінгъ и у каши ня споръ. } тать.
Адзінгъ чортъ, да умазаушыся. Неприетуншій.
Адноі матки не адны дзѣтки.

Ілюстрацыя 4 – Зборнік П. М. Шпілеўскага

Аднак, хоць нацыянальная арыентацыя падкрэслена ўжо ў саміх назвах разгледжаных зборнікаў, некаторыя з іх маюць у сваёй структуры іншамоўныя (пераважна рускія) парэмійныя элементы, паралелі з якімі дапамагаюць тлумачыць сэнс беларускіх аўтэнтчных парэмій. Напрыклад, у І. І. Насовіча знаходзім такія адзінкі: *Байды биць = бить баклуши* (Нас., с. 4), *Без Бога ни до порога. Sine jove pedem move. Безъ Бога и не ступишь* (Нас., с. 5), *Идзгъ добрый край, тамъ и подъ елю рай. Ubi bene, ibi patria* (Нас., с. 54), *Ты хочешь на гору, а чортъ за ногу. Ты отъ бѣды, а бѣда впереди* (Нас., с. 166); у Е. Р. Раманава: *Гдѣ пьетца, тамъ и льетца. Гдѣ пьютъ, тамъ и льютъ* (Рам., с. 293), *Гдѣсь за морамъ, гдѣсь на вострови, тамъ кабанъ живе, лычемъ оре, ногами скородя, хвостомъ стѣя, за имъ шианица родя. Дѣдъ старый ходя, шианицу збирае, калачи пеке и ѱсю войську кормя. Да намъ того не знайти, намъ того не бачить. Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ* (Рам., с. 293), *На тѣй часъ и розумъ отняло. Крѣпокъ заднимъ умомъ* (Рам., с. 302).

Алфавітнае размяшчэнне парэмій можна было б лічыць вынікам нераспрацаванасці ў XIX ст. іншых прынцыпаў слоўнікавай фіксацыі парэмій. Аднак гэта не так. Паводле В. М. Макіенкі [4, с. 33], выдадзеныя прыкладна ў той жа час зборнікі У. І. Даля («Пословицы русского народа», 1861–1862) і М. Номіса («Українскі приказки, прислів'я і таке інше», 1864) арганізаваны іншым чынам, а менавіта маюць ідэаграфічнае (тэматычнае) размяшчэнне парэмій.

З усіх элементаў *метаструктуры* зборнікаў (сукупнасць адносін, якія існуюць паміж рэстравымі адзінкамі, зафіксаванымі ў слоўніку, або ствараюцца яўнымі і няўнымі сродкамі [5, с. 299]) у разглядаемых зборніках ёсць магчымасць гаварыць толькі пра іх *метамову*. Абсалютна прадказальна, што ва ўсіх выпадках метамовай парэміяграфічных твораў XIX ст. з'яўляецца руская мова, якая ўжываецца ў прадмовах і тлумачальных паясненнях.

Разнастайныя спецыялізаваныя лексікаграфічныя паметы і індыкатары ў зборніках фактычна адсутнічаюць. Пэўныя элементы такога кшталту сустрэліся толькі ў зборніку Е. Р. Раманава. Напрыклад, указанне на склон аднаго з кампанентаў парэміі (*Небу-не нагрѣешь* (вынит. пад.), Рам., с. 302), курсіўнае вылучэнне асобных элементаў (*Не пераскочивши, не кажи голъ*, Рам., с. 303), а таксама шматлікія адсылкі да зборніка І. І. Насовіча (*Якъ зиму, якъ лѣто – на однимъ полозку гѣдитъ*. Засовка. Ср. у Нос., Рам., с. 336).

Што датычыць *мікраструктуры* разглядаемых зборнікаў (г. зн. зместу і арганізацыі асобных слоўнікавых артыкулаў [5, с. 349]), то ва ўсіх выпадках яна характарызуецца мінімальнай колькасцю інфармацыйных зон і ў большасці выпадкаў ва ўсіх зборніках з'яўляецца двухкампанентнай – складаецца з самой парэмійнай адзінкі і больш ці менш разгорнутага тлумачэння яе сэнсу:

– у зборніку І. І. Насовіча: *Бывши въ Римѣ, и папы не видзѣць. Говорятъ на счетъ не обратившаго вниманія на важныя предметы* (Нас. ; с. 9); *Зѣ Жванца повезли мыло.*

Мыло здѣсь имѣеть двоякое значеніе. Прямо: мыло и омылка – ошибка. Жванецъ – тоже двоякое значеніе, или въ значеніи мѣстечка, такъ называемаго, или отъ жевать. Жвать, какъ бы мыло сожвали, ошиблися въ расчетахъ. Грибъ съѣли (Нас.; с. 52);

– у зборніку Е. Р. Раманава: *Господа дворане – съ паньскаго двора водовозы. Насмѣшка надъ чванливыми шляхтичами, первоначально* (Рам., с. 293); *Не петровскій день – по два разы не говорятъ. Насмѣшка надъ глуховатымъ. Петровскій день – до Петра, іюньскій, долгій* (Рам., с. 303);

– у зборніку Я. А. Ляцкага: *Мусю праницу, ци не зьяси гарбуз? Насмѣшка надъ потомками французовъ, поселившихся въ началѣ столѣтія в нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской губ.* (Ляц., с. 21); *Нех похвалены бѣндзя! Прыехали на калѣндзя... Ци узяла мѣтка нѣжки, што видѣць з-за парѣжки? Эти поговорки перешли в живую рѣчь изъ слѣдующаго анекдота. Пріѣхавъ къ скупой хозяйке ксендзь послѣ святокъ. Не желая платить за славленіе, хозяйка спряталась за дверь, а дочь свою научила сказать, что ея дома нѣтъ. Ксендзь вошелъ и едва произнесъ привѣтствіе "нех похвалены бѣндзя"... какъ дочь закричала: «Мѣтки ў дѣму нѣма! Мѣтки ў дѣму нѣма!» А ксендзь, увидѣвъ изъ-подъ двери ноги спрятавшейся хозяйки и догадавшись, въ чемъ дѣло, спрашиваетъ у дочери: «А ци ўзяла мѣтка нѣжки, и пр.»* (Ляц., с. 24);

– у зборніку П. М. Шпілеўскага: *Дай божа у добры час гавариць, у благи маучаць. Внушеніе говоритъ дѣло и кстати* (Шпіл., с. 179); *Кали не кракала варона у гару летуци, то унизь и пагатоую. Кто не пріобрѣтетъ чего в молодости, тому труднѣе прідется добывать на старость* (Шпіл., с. 182).

У некаторыхъ випадках (менш часта ў І. І. Насовіча і Е. Р. Раманава, больш рэгулярна ў П. М. Шпілеўскага і асабліва ў Я. А. Ляцкага) парэміі проста фіксуецца, а іх сэнс не расшыфроўваецца: *Зъ міру по ниточіць, голому сорочка* (Нас., с. 52); *Гето цыганьская правда* (Рам., с. 294); *Нидасол на стале, пирасол на сьпине* (Ляц., с. 25); *Зъ чужога каня и у балоць зсядаюць* (Шпіл., с. 181).

Граматычных памет, этымалагічных адсылак, прыкладаў ужывання ў мове парэміі ў разгледжаных зборніках не маюць. Хаця лексікаграфічная неабходнасць такіх элементаў усведамлялася тагачаснымі складальнікамі слоўнікаў. Напрыклад, у “Слоўніку беларускай мовы” І. І. Насовіча (1870) пры фразеалагічных адзінках рэгулярна падаюцца граматычныя, стылістычныя характарыстыкі і ілюстратыўны матэрыял [2]. Як зародкі стылістычных памет у парэміялагічных зборніках XIX с. можна кваліфікаваць наступныя выразы ў складзе тлумачальнай часткі асобных слоўнікавых артыкулаў: *шуточно-язвительный упрекъ, шуточный отказъ, говорятъ насмѣшливо, говорятъ шуточно, насмѣшка надъ..., говорятъ съ похвалою, говорятъ въ родъ упрѣка і пад.* (Нас.); *насмѣшка надъ..., иронія надъ..., шутливое приглашеніе (пожеланіе), шутка і пад.* (Рам.); *насмѣшка надъ...* (Ляц.); *); насмѣшка надъ..., (оскорбительное) ругательство* (Шпіл.).

Матэрыял, прадстаўлены ў разглядаемых зборніках, уяўляе цікавасць не толькі для вывучэння тэндэнцый фіксацыі і пашпартызацыі парэміяльных адзінак, а яшчэ і ў плане парэміяграфічнай гісторыі асобных адзінак. На думку А. І. Паздняковай, гэта надзвычай важна “для распрацоўкі метадыкі кагнітыўна-прагматычнага мадэлявання парэміянай семантыкі” [3, с. 58]. У прыватнасці параўнальны аналіз розных варыянтаў адной і той жа парэміі (што можа быць прадметам самастойнага даследавання) дазваляе глыбей зразумець парэміяны сэнс, усведамляючы яго не праз пэўныя лексічныя маркеры, а праз агульную кагнітыўную агульнасць парэміянага выказвання. Разуменне сутнасці кагнітыўнай мадэлі і каштоўнасных акцэнтаў прыказак і прымавак становіцца значна больш празрыстым, калі супаставіць розныя версіі, напрыклад, такіх парэмія:

Зборнік І. І. Насовіча	Зборнік Е. Р. Раманова	Зборнік Я. А. Ляцкага
На вовка помовка, а медзвѣдзь сь-подь налуску.	На вовка помовка, а поѣла рыбку лисичка.	На воўка памоўка, а мядзвѣдзь цишком.
Не плюй вь лужу, згодзицца напицьца.	Не плюй у воду: доведетца (или згодитца) напитокца.	Ни плюй у крыницу: прыдзиш па вадзицу.
Собака брэшиць, а дворянинь ъдзиць.	Собака брэшиць, а пань ъдзець.	Сабака брэшыць, вецир вея (нося).
Якое дзерево, такій и клинь; якій бацька, такій и сынь.	Якій дубь, такій тынь; якій батька, такій сынь.	Яки бацька, такая й дзицятка.
	Яковь кусть, таковь и паростокь.	
Чужимь розумамь сыгь не будзешь.	Чужихь людей слухай, а свой розумь май.	Чужым розумам ни пражывеш.

Такім чынам, відавочна, што матэрыял беларускіх парэміялагічных зборнікаў XIX ст. уяўляе значную навуковую каштоўнасць не толькі таму, што яны змешчаюць вялікую колькасць адметных аўтэнтычных парэміяных адзінак, але і з-за таго, што ў іх фактычна пачалася выпрацоўка беларускай традыцыі ў сферы парэміяграфіі: адбывалася фарміраванне прынцыпаў пісьмовага афармлення і лексікаграфічнай падачы парэміялагічнага матэрыялу, а менавіта пры каталагізацыі намецілася тэндэнцыя да алфавітнага размяшчэння прыказак і прымавак з захаваннем арыгінальнага вымаўлення; устанаўліваліся неабходныя элементы слоўнікавай прадмовы (апісанне метадыкі збору і прынцыпаў транскрыбавання матэрыялу, колькасныя паказчыкі сабраных адзінак, аналіз папярэдніх збораў і г. д.); распрацоўваліся спосабы фармулявання этымалагічных характарыстык, гістарычных даведак, аўтарскіх каментароў. Усім гэтым была пракладзена дарога кагорце пазнейшых парэміялагаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лепешаў, І. Я. Класічная праца айчыннай філалогіі / І. Я. Лепешаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1974. – № 3. – С. 52–54.
2. Лепешаў, І. Я. Фразеалагізмы ў «Слоўніку беларускай мовы» І. І. Насовіча / І. Я. Лепешаў, Г. Б. Хіхол // Весті АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1989. – № 2. – С. 99–105.
3. Позднякова, Е. И. От сборника к словарю: паремиографический фактор в когнитивно-прагматическом моделировании / Е. И. Позднякова // Русская культура как объект современной лексикографии и фразеологии. – 2014. – № 3. – С. 56–58.
4. Мокиенко, В. М. Параметры славянской паремиографии / В. М. Мокиенко // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 31–34.
5. Дзятко, Д. В. Беларуская лінгвістычная тэрмінаграфія: генезіс, структура, тыпалогія : манаграфія / Д. В. Дзятко ; нав. рэд. В. Д. Старычонок. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : ВУКІ, 2022. – 739 с.

Abstract. In the article the material of the Belarusian paremiological collections of the XIX century is considered. Their main parameterization characteristics are highlighted, the features of meta-, macro-, mega- and microstructure are studied, the principles of cataloguing paremiological units in the works of various authors are compared, the paremiographic history of individual paremias is traced. Conclusions about the specifics of the Belarusian paremiographic tradition at the stage of language formation are drawn.

Keywords: paremia, paremiography, paremiographic parameters, structure of collections of paremias, paremiographic tradition.

Е. А. Красикова

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ КОДОВ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Данная статья посвящена выделению когнитивных доминант, обеспечивающих своеобразие этносемантики русских и китайских паремий с компонентом-зоонимом «*马* / лошадь», а также особенности их дискурсивной реализации. Делаются выводы о том, что в китайском языке появление значительного числа таких паремий является культурно-обусловленным и связано с традициями и обычаями китайского социума.

Ключевые слова: коды культуры, лингвокреативность, фразеологические единицы, паремии, художественный дискурс, дискурсивный анализ, китайский язык, русский язык

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Данная статья посвящена изучению когнитивных оснований формирования зооморфного кода (точнее, контекстов с зоонимом «*马* / лошадь») в русской и китайской лингвокультуре на примере фразеологизмов и паремий, с целью определения параметров, обеспечивающих их выбор в дискурсе.

Обращение к кодам культуры – это теоретико-методологический подход, обеспечивающий возможность описания лингвокультурных особенностей фразеологических систем разных языков и их сопоставление на объективных научных основаниях [1; 2]. Исследователи рассматривают разные коды культуры, в том числе часто анализируют зооморфный код. Важен также выбор методики сопоставления (см. [3; 4]). Мы выдвигаем гипотезу о том, что коды культуры основываются на когнитивных структурах и именно их следует изучать для выявления национально-культурных особенностей фразеологических единиц (далее ФЕ).

Лексика китайского языка, как и русского языка, включает не только отдельные лексические единицы, но и устойчивые сочетания. Китайская паремиология включает в себя готовые выражения 成语, привычные выражения 惯用语, пословицы 谚语, поговорки 俗语, усеченные выражения, недоговорки-иносказания 歇后语 [5; 6]. В материал данного исследования вошли только 成语 – готовые выражения, которые в подавляющем большинстве имеют фиксированную структуру, состоящую из четырех иероглифических знаков.

Зооморфный код культуры является одним из наиболее креативных в китайской паремиологии. В частности, источником формирования значительного количества фразеологизмов как в китайском, так и в русском языке является образ лошади. При этом в русской и китайской лингвокультурах в основе образа лошади во фразеологии лежат различные концептуальные основания.

В китайском языке в отличие от русского языка лексические единицы *лошадь*, *конь*, *мерин*, *кобыла*, *кляча*, *жеребец*, *жеребенок* не детерминированы и выражены общим иероглифом *马* «лошадь». В русском языке гипероним *лошадь* является общим для таких гипонимов, которые выражают гендерные и возрастные различия, как: *жеребец*, *кобыла*, *мерин*, *кляча* и т. д. При отборе материала в русском языке выборка осуществлялась по вышеперечисленным маркерам. Кроме того, в русский языковой материал включались не только ФЕ со структурой предложения, но и ФЕ-идиомы.

Источниками фразеологического материала для данного исследования послужили *在线汉语成语词典* [7] и фразеологические словари русского языка [8; 9; 10; 11; 12].

В материал нашего исследования вошли 100 фразеологических единиц китайского языка и 62 ФЕ русского языка, а также примеры их употребления в художественном (прозаическом) дискурсе.

В ходе исследования дискурсивной реализации выделенных единиц было установлено, что китайские идиомы используются как для характеристики человека (39 ФЕ), так и для описания ситуации (57 ФЕ). Была выделена также третья группа идиом, репрезентирующих одновременно и человека, и ситуацию (4 ФЕ). В русском языке 42 ФЕ (67.74%) описывают ситуацию и 20 ФЕ (32.26%) характеризуют человека.

ФЕ в китайском языке (далее КЯ) и в русском языке (далее РЯ) основываются на одном образе – образе лошади, но в двух разных культурах формируется разное фразеологическое значение, потому что один и тот же образ концептуализируется по-разному. Рассмотрение концептуальных оснований образа показывает, что в обоих языках во фразеологическом образе в фокус номинации попадают разные идеи.

При положительной характеристике человека в «фокусе обозначения» [З, с. 90] в РЯ и КЯ совпадают когнитивные доминанты, которые связаны с физическими характеристиками лошади – ее силой, крупными размерами и возрастом, который дает опыт и обеспечивает эффективность выполнения ею необходимых человеку функций:

КЯ: 盘马弯弓 *гарцевать на коне и натягивать лук* (обр. в знач.: бряцать оружием, напускать на себя грозный вид); 识途老马 *старая лошадь знает дорогу* (обр. довериться опытному коллеге в трудной ситуации); 高头大马 *крупная лошадь* (обр. здоровяк, крупный человек).

РЯ: *стальной конь; куда конь с копытом, туда и рак с клешней* (неодобр.) о том, кто пытается сравняться в каком-нибудь деле с тем, кто умнее (важнее, сильнее); *лошадина сила; старый конь борозды не испортит; на кривой кобыле не объедешь*.

В китайской культуре для **положительной характеристики человека** фиксируются следующие морально-этические свойства, которые приписываются лошади:

1. Верность: 犬马之劳 *верно служить, верный слуга; служить верой и правдой; трудиться изо всех сил; служить, как верный пес; 鞍前马后 служить верой и правдой; самоотверженно, преданно; всемерно*.

2. Сильный и свободный дух: 匹马单鎗 *конь да пика* (обр. в знач.: в одиночку, своими силами, без посторонней помощи); 天马行空 *небесный скакун мчится по воздуху* (обр. а) сильный и свободный (о стиле литературы или каллиграфии); б) не (невозможно) доискаться сути, никак не добраться до существа дела (о речи или поступке); в) полет мысли, богатство воображения, неумная фантазия; фантазировать; дерзновенный, дерзновение).

3. Честность: 饮马投钱 *бросить [в реку] медяк в уплату за водопой лошади* (обр. о чрезмерной честности).

4. Талант: 倚马可待 *опёрся на коня – и тысяча слов написана* (обр. в знач.: быстро и талантливо писать: по преданию о Цзиньском Юань Ху, который по приказу начальника во время похода мгновенно написал семь бумаг в отличнейшем стиле, сделал это на боку коня).

5. Амбициозность: 老马嘶风 *старые, но амбициозные люди*.

6. Стремительность, высокая скорость: 万马奔腾 *[будто] мчатся десять тысяч коней* (обр. о неудержимом движении вперед, огромной энергии, быстрых темпах; быстрый, стремительный).

В русской лингвокультуре зооморфная метафора *лошади* не является настолько продуктивной, как в КЯ. Анализ русского языкового материала позволил установить только одну когнитивную доминанту, которая лежит в основе характеристики положительного образа человека. В русской лингвокультуре образ лошади ассоциируется с идеей трудолюбия, например: *работать как лошадь, ломовая лошадь*.

В то же время в русском языке, как и в китайском языке, данная зооморфная метафора демонстрирует высокий уровень продуктивности для **отрицательной характеристики человека**. При этом в РЯ лексемы *мерин*, *кобыла*, *кляча* реализуют отрицательную характеристику человека по гендерным и возрастным признакам. В РЯ в основе концепта «лошадь» лежат следующие когнитивные доминанты:

1. Глупость: *глуп как сивый мерин*.
2. Возраст старый: *старая кляча*, *старая кобыла*; +стремление казаться молодым: *мышинный жеребчик*.
3. Обман: *врет как сивый мерин*.
4. Необузданность, вспыльчивость: *горячий как необъезженный конь*, *худая лошадь в гору рвет*.
5. Скрытность: *темная лошадка*.
6. Слабость: *пожалел волк кобылу*.

Для **отрицательной характеристики человека** в китайской лингвокультуре выделяются следующие концептуальные доминанты:

1. Обман + лицемерие: 打马虎眼 *делать для видимости, втирать очки; заниматься лицемерием* (букв. делать непонимающие глаза; прикидываться глухим и немым).
2. Необузданность: 脱缰之马 *сорвавшаяся с привязи лошадь* (обр. безудержно); 野马无缰 *дикая лошадь без узды* (о необузданном, безрассудном человеке).
3. Поверхностность: 跑马观花 *поверхностно, мимоходом, бегло* (букв. скача на лошади смотреть цветы).
4. Стремление угодить: 拍马溜须 *льстить, опускаться до лести, подхалимничать* (букв. похлопать лошадь по крупу).
5. Торопливость: 盲人瞎马 (букв. слепец на слепом коне; вслепую, второпях).
6. Повиновение: 马首是瞻 *идти на поводу у кого-либо; слепо следовать кому-либо; быть в полном подчинении у кого-либо; действовать по чьей-либо воле*.
7. Низкий социальный статус: 乞儿马医 *нищий и конский лекарь* (обр. в знач.: человек самого низкого пошиба, самой незавидной, низкой профессии); 马瘦毛长 *у бедного человека стремления ограничены; бедняку не до гордости; стыдиться бедности* (букв. у тощей лошади длинная грива).
8. Глупость: 目可瞻马 *непрозорливый* (обр. можно увидеть лошадь только вдалеке).
9. Заурядность 弩马恋栈 *кляча любит бобы в своем стойле* (обр. в знач.: обыватель, заурядный человек, боится потерять теплое место).

В русской и китайской лингвокультурах была также выделена еще одна концептуальная доминанта, общая для обоих языков:

Слабость, бессилие – КЯ: 害群之马 *лошадь, которая весь табун портит* (обр. паршивая овца всё стадо портит; в семье не без урода); 铅刀弩马 *свинцовый нож и лошадь-кляча* (обр. унич. в знач.: негодный, никчемный человек, о себе). РЯ: *возгря кобыля; тощей лошади и хвост в тягость*.

Дискурсивный анализ показал, что в контекстной реализации одна и та же паремия может выражать как положительную, так и отрицательную оценку: *Последние недели ознаменовались для эстонского политикума переменами не менее крутыми, чем недавние президентские выборы, в ходе которых именитых кандидатов обошла никому неведомая «темная лошадка» Керсти Кальюлайд* (Вячеслав Самойлов. Новое правительство Эстонии: как оппозиция стала властью, 2016). – *Я молчу. Я темная лошадка, раздражающий фактор. Не дразни его, не пугай, пусть он будет благодушен и ослаблен* (Виктор Пронин. Самоубийство, 1978) [13].

Если паремии описывают ситуацию, то их выбор в контексте может основываться на следующих концептуальных доминантах, общих для обеих лингвокультур:

1. Улучшение ситуации: КЯ: 作死马医 *всё же пытаются исправить безнадежное положение*. РЯ: *Баба с возу – кобыле легче*.

2. Успех: КЯ: 马到成功 *поздр. Желаю вам скорейшего успеха! с ходу добиться полной победы (успеха)*. РЯ: *быть на коне; въехать на белом коне*.

3. Быстрая скорость: КЯ: 窗间过马 *между окон пробежала лошадь* (обр. время летит); 立马盖桥 *остановив коня [и не слезая с него], наводит (строить) мост* (обр. в знач.: делать что-л. с необычайной поспешностью; срочный, безотлагательный; быстро, поспешно). РЯ: *ехать как на курьерских; гнать лошадей (коней)*.

Стоит отметить, что в китайской лингвокультуре лошадь является одним из божеств и входит в ряд зодиакальных животных (马神 божество лошади – один из верховных божеств китайцев). Древние китайцы регулярно подносили жертвы данному божеству, что, возможно, стало основой для когнитивных доминант, связанных с ритуалами и празднованиями: 素丝良马¹ *белый шёлк (вожжи) и добрые кони, упряжка (по ритуалу полагались мудрецам)*; 2) *похоронные обряды для достойных умерших*; 马革裹尸 *тело было погребено в шкуре коня* (обр. в знач.: с честью пасть на поле брани); 塞翁之马 (досл. лошадь старца из пограничной зоны; обр. скрытое (тайное) благословение).

Анализ языкового материала показал, что в китайской культуре функционально-когнитивная доминанта «лошадь как инструмент войны» является наиболее продуктивным при формировании паремий и в то же время данный признак совершенно мало характерен для русской лингвокультуры (*по коням, седлать лошадей*). В КЯ с войной связано 12 ФЕ, например: 横戈跃马 (досл. взять клевец наперевес и пускать коня галопом, обр. вступать в бой); 秣马厉兵 *кормить коней и точить оружие* (обр. в знач.: подготовиться к битве, готовиться к войне; мобилизоваться); 兵强马壮 *сильные воины и могучие кони* (обр. в знач.: сильная армия; большая военная мощь).

В китайских паремиях лошадь также ассоциируется с большими скоплениями людей (人语马嘶 *люди кричат, лошади ржут* (обр. сумятица); 兵慌马乱 *волнения, смутные времена*); с властью (腐索捍马 *гнилая веревка для защиты лошади* (обр. осторожно обращаться с государственными делами); 走马到任 *ехать на должность; вступать в должность*); с трудной дорогой (车殆马烦 *повозки чуть держатся, и кони измотались* (обр. устать от походов, от трудностей путешествия, выбиться из сил в дороге); 束马悬车 *стреножить лошадь и подвесить [на крюк] телегу* (для переезда через труднопроходимую горную местность; обр. в знач.: трудности пути, тяжёлая дорога), а также с богатством (肥马轻裘 *упитанные лошади и лёгкие меха* (обр. о богатстве, достатке)).

В русской лингвокультуре в ФЕ и паремиях, ориентированных на описание ситуации, используются в качестве когнитивных доминант физические характеристики лошади (*лошадиная доза; хоть конь и о четырех ногах, а спотыкается*) и различные бытовые ситуации (*дареному коню в зубы не смотрят; не в коня корм; не пришей кобыле хвост; вперед хомут купить, а по хомуту коня покупать*). Интересно отметить также, что слово *кобыла* может обозначать наискось установленную доску, у скорняков «кобыла» – это, козлы откосом. Кроме того, «кобыла» – это скамья, на которой наказывали преступников кнутом и пр. С этим связана ситуация «наказания», отраженная в устойчивых сочетаниях: *докрасться до кобылы, нюхать кобылу, повести на кобылу*.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В китайской лингвокультуре зооморфных паремий с компонентом «*马* / лошадь» больше, чем в русском языке, и они более частотны, что свидетельствует о большем креативном потенциале рассматриваемого образа в китайском языке (о системном и дискурсивном аспектах креативности фразеологии см. подробнее в [2]).

Анализируемые паремии в обоих языках могут иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию, в дискурсивной реализации знак оценки может меняться.

Носитель китайского языка прежде всего фокусирует внимание на функциональном признаке «лошадь как инструмент войны», в то время как в русском языке семантика идиом с компонентом «лошадь» в основном сформирована на когнитивной доминанте «лошадь как средство транспорта».

В русской лингвокультуре когнитивными доминантами при концептуализации образа лошади являются физические характеристики лошади, а также «трудолюбие» и «большое количество». В китайской лингвокультуре образ лошади в первую очередь воспринимается с точки зрения морально-этических качеств, приписываемых этому животному, таких как верность, стремление к свободе, честность, талант, амбициозность и др.

Когнитивные доминанты, связанные с быстротой и крупными размерами лошади, являются общими для обеих лингвокультур.

Паремии данного культурного кода используются как для характеристики человека, так и для оценки ситуации. В китайском языке появление значительного числа таких паремий является культурно-обусловленным и связано с традициями и обычаями китайского социума.

В заключение необходимо отметить, что когнитивно-дискурсивный анализ образов, лежащих в основе семантики китайских и русских паремий, позволяет выявить концептуальные структуры, состоящие из относительно простых концептуальных составляющих, которые, по-разному комбинируясь, участвуют в формировании фразеологических образов. Различия между фразеологическими образами разных языков могут быть обусловлены как разным составом концептуальных составляющих, так и разной фокусировкой одинаковых по составу концептуальных конфигураций. Регулярные тенденции в организации семантики китайских и русских паремий указывают на закономерности формирования кодов культуры, которые в разных языках значительно различаются, хотя могут иметь и некоторое сходство.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология : Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 284 с.
2. Зыкова, И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения / И. В. Зыкова. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
3. Беляевская, Е. Г. Концептуальные основания культурных языковых знаков / Е. Г. Беляевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 642. – С. 85–96.
4. Беляевская, Е. Г. Внутренняя форма языка: когнитивные модели семантики / Е. Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка №4(43). Когнитивные доминанты языкового сознания : коллект. монограф.; отв. ред. С. Г. Виноградова. – Тамбов : Принг-Сервис, 2020. – С. 80–108.
5. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка / А. Л. Семенас. – М. : Восток-Запад, 2007. – 296 с.
6. 马国凡. 序言 // 马国凡 谚语锦集. 内蒙古: 内蒙古人民出版社, 2001. – 473 с.
7. 在线汉语成语词典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dffy.com/cy/>. – Дата доступа : 30.07.2022.
8. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / [авт.-сост. И. С. Брилёва и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1978. – 543 с.
10. Бирих, А. К. Русская фразеология : ист.-этимол. слов. : около 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко ; С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. словар. кабинет им. Б. А. Ларина. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель [и др.], 2005. – 926 с.
11. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
12. Васильев, А. И. Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова : в 2 т. / А. И. Васильев. – Т. I. – Стерлитамак : Фобос, 2015. – 419 с.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 30.07.2022.

Abstract. This article is devoted to the identification of cognitive dominants that ensure the uniqueness of the ethnosemantics of Russian and Chinese paremias with the zoonym “马 / horse”, as well as the features of their discursive implementation. It is concluded that the appearance of a significant number of such pairs in the Chinese language is culturally determined and is associated with the traditions and customs of the Chinese society.

Keywords: cultural codes, linguocreativity, phraseological units, paroemias, literary discourse; discourse analysis, Chinese, Russian.

УДК 811.161.1'373.4'42:398.92

Е. В. Кудрявцева

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей окказионального преобразования фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в публицистическом дискурсе. Фразеологизмы обладают яркой образной мотивировкой, что позволяет говорить об активном преобразовательном потенциале. Окказиональные преобразования происходят посредством замены анималистического компонента, при этом авторские интенции направлены на конкретизацию, интенсификацию значения и буквализацию фразеологического образа и значения.

Ключевые слова: фразеологическая единица, компонент-зооним, окказиональные трансформации фразеологизмов, авторские интенции, публицистический дискурс.

Публицистические тексты затрагивают проблемы и явления, актуальные для жизни социума. Они являются своего рода зеркалом, отражающим языковые и культурные процессы, которые происходят в современном обществе. Публицистические дискурсы формируют идеологию и мнение социума. Газетные статьи, новостные ленты раскрывают реалии современной жизни посредством интерпретации происходящего с точки зрения журналиста. Активное использование в публицистических текстах получили фразеологические единицы (далее ФЕ), что связано с их структурно-семантическими особенностями. Обладая экспрессией и образностью, фразеологический оборот делает процесс речевой коммуникации более ярким и насыщенным. Образная составляющая фразеологизма позволяет взглянуть на окружающий мир сквозь призму понятий и отношений, существующих столетия, так как именно «фразеологизмы репрезентируют культурное пространство нации, заключая в себе сущность явления, предмета или животного существа» [1, с. 11]. ФЕ передают опыт поколений. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом являются одной из самых обширных групп, которые используются во многих областях жизни социума, в том числе в публицистике.

Зооморфизмы выступают в роли символов и участвуют в формировании мировоззрения человека. Как компонент ФЕ зооним посредством метафорического переосмысления используется для характеристики человека или ситуации, в которой человек может оказаться.

Анималистические фразеологизмы могут употребляться как в узуальном, так и в окказиональном виде. Существуют ситуации, в которых языковой фразеологизм не удовлетворяет требованиям субъекта по определенным знаковым качествам. В таких случаях происходит внешнее и внутреннее преобразование инварианта.

Окказиональные фразеологизмы частотны в публицистических текстах, так как в преобразованном виде ФЕ приобретает новую оценочность и смысловую нагрузку. Здесь следует говорить о ведущей роли автора и контекста: «окказиональные явления обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежавшими отдельным лицам, часто писателям. Они реализуют творческую индивидуальность и живут не сериями, но одиночками» [2, с. 181]. Случаи окказиональных трансформаций являются результатом намеренного изменения языковых единиц в соответствии с различными целями коммуникации. Замена анималистиче-

ского компонента позволяет автору интенсифицировать, конкретизировать или буквализировать образ идиомы. Анализ окказионального использования ФЕ с компонентом-зоонимом связан с интерпретацией авторских интенций и видением автором ситуации.

Окказиональные фразеологизмы, обладая лаконичностью и оценочностью, частотны в роли новостного заголовка. Примерами могут послужить статьи, взятые из интернет-изданий федерального и регионального уровней:

«*Кит наплакал*» (информационный портал газеты «Московский Комсомолец») – название статьи, в которой автор рассказывает о резком снижении численности китов в мировых океанах и о причинах, по которым это происходит в современном мире (<https://www.mk.ru/politics/world/2011/02/18/566954-kit-naplakal.html>). Автор, желая конкретизировать фразеологический образ, вводит в состав фразеологического узуса *кит наплакал* заместитель-зооним *кит*. Замена компонентного состава позволяет уточнить элементы значения в соответствии с конкретной жизненной ситуацией: речь ведется о популяции китов, которая идет на спад из-за потребительского отношения человека к животному. Контекст сохраняет ключевую сему ‘мало’ [3, с. 210].

«*Между Грузией и Украиной пробежали черные кошки в лице преступников, разыскиваемых Интерполом*» (информационный портал газеты «Правда») – в статье рассказывается о недовольстве со стороны Грузии в связи с укрытием преступников политического режима (https://www.pravda.ru/news/world/1240841-ukraine_georgia/). Данный окказиональный вариант строится на изменении грамматической категории числа (сравн. *черная кошка пробежала*). Авторские интенции направлены на интенсификацию количества поводов для недопонимания, так как речь идет о нескольких людях, получивших политическое убежище в другой стране. Окказиональный заместитель указывает не на одну, а на множество причин для ссоры, актуализируя в значении окказиональной единицы сему ‘много’ – ‘произошло много ссор, размолвок между кем-либо’.

«*Баран отпущения*» (информационный портал газеты «Новые известия») – в статье с таким названием рассказывается о принятии поправок к закону о «порядке совершения религиозных обрядов, сопряженных с насильственными действиями в отношении человека или животного». Автор заявляет о некорректности поправок и о дискриминации по религиозному признаку, приводя пример с жертвоприношениями барана во время религиозного праздника (<https://newizv.ru/news/society/29-11-2011/155353-baran-otpusheniya>). Авторские интенции направлены на конкретизацию значения узуальной единицы (*козел отпущения*) относительно ситуации, сохраняется ключевая сему ‘невинный’ [3, с. 380], которая особенно актуальна в контексте жертвоприношения, убийства.

«*Не в свинью корм*» (информационный портал газеты «Известия») – в данной статье рассказывается об отечественной мясной индустрии в период экономического кризиса, связанного с неурожаем зерновых культур в стране. Наибольшее внимание автора привлекает отрасль свиноводства. Согласно статистическим данным в России тратится самое большое количество денег на корм одной единицы скота. Однако наблюдается наименьший прирост в весе по миру (<https://iz.ru/news/366917>). Индивидуально-авторские интенции направлены на конкретизацию ситуации. Элементы контекста сохраняют ключевую сему узуса *не в коня корм* ‘бесполезное’ (большие затраты на корм не дают видимых результатов). Окказиональный вариант полностью сохраняет значение инварианта.

«*Коровам на смех*» (информационный портал газеты «Новые известия») – название статьи, в которой говорится о том, что в Свердловской области предложили заготавливать в качестве корма для коров коноплю, конфискованную в ходе оперативно-следственных мероприятий (<https://newizv.ru/news/society/16-08-2005/29944-korovam-na-smeh>). Использование зоонима *корова* обусловлено желанием автора конкретизировать образ узуальной фразеологической единицы (*курам на смех*) в соответствии с ситуацией: речь в статье идет именно о коровах. Помимо конкретизации значения происходит буквализация образа за счет элементов контекста: конопля действительно может вызвать беспричинный смех, что связано с дурманящими свойствами растения.

«*Коню под хвост: область хотят лишить главного ипподрома*» (информационный портал газеты «Московский Комсомолец») – статья посвящена борьбе жителей Иркутска против решения администрации выставит на аукцион здание и территорию ипподрома под строительство многоэтажных сооружений (<https://baikal.mk.ru/social/2019/12/04/konyu-pod-khvast-oblast-khotyat-lishit-glavnogo-ippodroma.html>). Оказиональный вариант сохраняет доминантную сему инварианта *псу под хвост* ‘неудача, поражение’ [3, с. 901]. Автор подчеркивает безысходность состояния горожан в борьбе против региональных властей. Замена анимализма позволяет сузить ситуацию, сделать ее более «подходящей» под реалии.

«*Метать ли бисер перед окунем?*» (журнал «Спортивное рыболовство» № 10 октябрь 2012) – автор статьи предлагает различные приемы рыбалки, из которых выделяет наиболее удачные с использованием бисера для привлечения внимания рыбы. Оказиональный фразеологизм теряет отрицательную составляющую семантики инварианта *метать бисер перед свиньями* ‘прилагать тщетные усилия, бесполезное упорство’ [3, с. 916], приобретая нейтральные оттенки значения ‘прилагать усилия, упорство’. Авторские интенции направлены на буквализацию фразеологического образа и значения.

Фразеологизмы с анималистическими компонентами обладают высокой преобразовательной способностью, что объясняется яркой образностью и незатемненной внутренней формой. Каждая трансформация обусловлена новой коммуникативной ситуацией и рассматривается как индивидуально-авторский творческий процесс. «Выбирая тот или иной фразеологизм, автор речи анализирует речевую ситуацию и способность фразеологического знака быть адекватным в этой ситуации для выражения авторской мысли» [4, с. 43]. Таким образом, именно авторские интенции являются отправной точкой в процессе преобразования ФЕ в публицистическом дискурсе.

Список использованных источников

1. Брилева, И. С. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
2. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – 2-е изд., стереотипное. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
3. Баранов, А. Н. Словарь-тезаурус современной идиоматики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева. – М. : Мир энциклопедии Аванта+, 2007. – 1135 с.
4. Третьякова, И. Ю. Оказиональная фразеология : монография / И. Ю. Третьякова. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 290 с.

Abstract. The article is dedicated to the study of occasional potency of phraseological units with a zoonym component in the journalistic discourse. The idioms are characterized with figurative motivation, which enables us to speak of active transforming potency. Occasional transformations take place by means of substituting the animalistic component. Authors' intentions are aimed at concretization, intensification and literal perception of phraseological meaning.

Keywords: phraseological unit, zoonym component, occasional transformations of idioms, author's intentions, journalistic discourse.

УДК 811.111:81'373.7

Л. У. Кулік

ВОБРАЗНАЯ МАТЫВАНАСЦЬ УНУТРАНАЙ ФОРМЫ САМАТЫЧНЫХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ АНГЛІЙСКОЙ МОВЫ

Анотацыя. У артыкуле даследуюцца асобныя англійскія фразеалагічныя адзінкі з саматычнымі кампанентамі; устанаўліваецца роля саматычных кампанентаў у матывацыі фразеалагічных адзінак; падкрэсліваецца сімвалічнае значэнне саматызмаў, якое дэкадзіруецца ва ўнутранай форме фразеалагізмаў.

Ключавыя словы: саматычны кампанент, фразеалагізм, сімвал, матываванасць.

Мэта дадзенага артыкула – даследаваць у лінгвакультуралагічным аспекце англійскія фразеалагізмы, якія змяшчаюць у сваім складзе кампаненты-саматызмы і ўстанавіць ролю гэтых кампанентаў у працэсе фарміравання і функцыянавання фразеалагічных адзінак (далей – ФА). Крыніцай даследавання паслужыў матэрыял “Большого англо-русского фразеологического словаря” А. У. Куніна [1], “Англа-беларускага слоўніка фразеалагізмаў параўнальнага тыпу” Л. Д. Корсак, Л. С. Марціновіч [2], “Oxford dictionary of current idiomatic English” А. Р. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig [3] і некаторых іншых фразеалагічных, перакладных і тлумачальных слоўнікаў.

Вядучую ролю ў матывацыі ФА адыгрывае саматычны кампанет *hand* ‘рука’. Так, важным для англічан з’яўляецца імкненне праз руку ацаніць умельства, майстэрства асобы: *an old hand* ‘дасведчаны, вопытны (у чым-н.), знаўца (чаго-н.); майстар сваёй справы; бывалы чалавек’; *a bad / poor hand at / with smth* ‘няўмелы, неспрактываваны; няздольны да чаго-н. (чалавек, майстар).

Як вядома, усё, што адбываецца ў свеце, можа быць вербалізавана. У сувязі з гэтым справядлівым з’яўляецца выказванне Т. З. Чарданцавай: “Перакладзены на мову вербальных знакаў жэст сімвалізуе пэўны стан альбо дзеянне асобы, да якога ён адносіцца ў пэўным кантэксце” [4, с. 87]. Так, універсальным сімвалам прававых адносін, згоды і дагавору з’яўляецца звычайны поціск рукі, што адлюстроўваецца ў англійскай ФА *to join hands* ‘аб’ядноўвацца; дзейнічаць разам, рука аб руку’; *to shake hands* ‘паціснуць руку каму-н. (пры вітанні альбо развітанні); абмяняцца рукапацісканнямі, паціснуць адзін аднаму рукі (пры віншаванні, замацаванні пагаднення і пад.)’ і інш. Менавіта аб такой рытуальна-сімвалічнай функцыі названай часткі цела заўважае А. М. Афанасьеў: “...ужо простае злучэнне рук ёсць эмблема сувязі, згоды” [5, с. 332].

Матыў рукі як сімвала дагавору ўзнікае і ў высельнай абраднасці носьбітаў англійскай мовы, моманты якой замацаваны ў фразеалагізмах *to ask for a lady’s hand* ‘прасіць чыёй-н. рукі; сватацца’ і *to win smb.’s hand <and heart>* ‘дабіцца згоды на шлюб’. Відавочна, што вобразы, якія знаходзяцца ва ўнутранай форме пералічаных фразеалагізмаў, указваюць на рытуал сватаўства, калі мужчына хоча не проста атрымаць згоду на шлюб, ён імкнецца яе заваяваць.

У асобную групу вылучаюцца ФА, матываваныя назіраннямі за мімікай, жэстамі, позамі, рухамі чалавека, напрыклад: *hand over hand / fist* ‘хутка і лёгка’; *a / one’s finger in the pie* (дасл. – палец у піраве) ‘удзел у якой-н. справе’. У вобразнай аснове ФА *a finger in the pie* знаходзіць адлюстраванне цялесная і гастронамічная метафары, а протасітуацыя, пакладзеная ў яе ўнутраную форму рэпрэзентуе ўпадабненне пэўнага дзеяння паводзінам чалавека ў цэлым. Вобраз фразеалагізма адлюстроўвае стэрэатыпнае ўяўленне аб ненарматыўных паводзінах чалавека. Дададзім, міміка і жэсты з’яўляюцца суправаджальнікамі шэрагу псіхічных станаў чалавека, што таксама адлюстроўваецца ва ўнутранай форме англійскіх ФА: *down in the mouth* ‘у маркоце, у дрэнным настроі’, *to raise / lift an eyebrow (-s) / brow (-s)* ‘узняць бровы ў знак здзіўлення або незадаволенасці’, *one’s eyes stand out of one’s head* ‘вочы палезлі на лоб ад болю, здзіўлення’ і інш.

Вобраз фразеалагізма *to make a long arm* ‘пацягнуцца за чым-н., дабываць што-н.’, кампанентам якога з’яўляецца яшчэ адно найменне часткі рукі, узыходзіць да старажытнай апазіцыі “кароткі – доўгі” і архетыпічным формам акультурнай чалавекам прасторавай мадэлі свету, “у якой натуральныя межы фізічнага цела чалавека падзяляюць унутранае для яго і знешняе” [6, с. 591]. Протасітуацыя данай ФА будзеца на ўяўленні аб тым, што пры дапамозе рукі-прылады магчыма парушэнне існуючай мяжы паміж чалавекам і артэфактамі, якія яго акружаюць.

Сімвалічнай заменай чалавека ў моўнай карціне свету англічан з’яўляюцца ногі, якія праз вербалізацыю ў ФА перадаюць ідэю жыццёвага шляху чалавека. Так, працэс выхавання дзіцяці можна апісаць ФА *to put smb. on one’s feet* ‘расціць, даводзячы да

самастойнасці' (2-е значэнне). Сталы чалавек асацыіруецца з магчымасцю цвёрда стаяць на нагах: *to be able to stand on one's own feet* 'пачынаць весці самастойнае жыццё, рабіцца самастойным, мужнець' (2-е значэнне), а знямоглая старасць атаясамліваецца з паслабленнем ног: *to go at the knees* 'стары; драхлы'. Такая сімволіка нагі пацвярджаецца разнастайнымі фактамі культуры, у прыватнасці, абрадавай і рытуальнай практыкай: сімвалічнае "пераразанне" путаў паміж ног дзіцяці; вынас нябожчыка з дому нагамі ўперад [7, с. 425]. Апошні рытуал стаў асновай для ўтварэння ФА < *to with one's* > *feet first / foremost* 'ўперад нагамі; у троне'.

Вылучаюцца 3 англійскія ФА (*an arm and a leg* 'занадта каштоўны'; *to bind smb. hand and foot* 'звязаць па руках і нагах'; *to wait on smb. hand and foot* 'добра абслугоўваць каго-н., рабіць усё для каго-н.'). У складзе якіх фіксуюцца саматычныя кампаненты *hand, arm* 'рука' і *leg, foot* 'нага, ступня'. Ужыванне ў межах адной ФА саматызмаў, якія ў пары называюць чалавека, абумоўлена сімвалічнымі ўяўленнямі носьбітаў мовы, а ФА ў цэлым выступаюць эталонам цэласнасці, інтэнсіўнасці і паўнаты праяўлення дзеяння.

У наступных ФА таксама выяўляюцца эталонныя значэнні саматызмаў як адзінак ці мяжы вымярэння: *from head / top to foot / heel / toe* 'з усіх бакоў; поўнасцю, цалкам', *to be head and shoulders above smb. / smth.* 'намнога разумнейшы, значна больш вопытны (у параўнанні з кім-н.)'. Вобразы пералічаных ФА ўзыходзяць да міфалагічных уяўленняў, у адпаведнасці з якімі чалавек з'яўляецца ўніверсальнай мерай вертыкальнага вымярэння, дзе вышэйшай (максімальнай) кропкай з'яўляецца галава, а ніжэйшай (мінімальнай) – ногі, пяtkі. У сувязі з гэтым закадзіраваная ў вобразнай аснове ФА архетыпічная апазіцыя "верх – ніз" рэпрэзентуе ў першай ФА эталон цэласнасці візуальнага ўспрымання асобы, а ў другой – эталон максімальна магчымай вышыні.

Архетыпічная апазіцыя "верх – ніз" закадзіравана і ў англійскай ФА *head over heels* 'дагары нагамі'. Аднак тут англійская ФА выступае толькі антыэталонам у адлюстраванні катэгорыі вымярэння па вертыкалі. Вось чаму названая ФА нясе адмоўнае стаўленне да сітуацыі, калі гэтыя меры, эталоны парушаюцца ці скажаюцца

У аснове ФА *to hang* <*dawn*> *one's head* 'даходзіць да моцнага адчаю, адчуваць душэўнае хваляванне, маркоціцца', *to go about with one's head in the air* 'важнічаць; задавацца', *to keep one's head* 'захоўваць спакой; валодаць сабой' знаходзяцца антропныя метафары, а культурныя вобразы суадносяцца з зыходным проціпастаўленнем прамога, схіленага альбо ўзнятага палажэння галавы, што набывае пераасэнсаванне ў ментальных катэгорыях стану асобы: апущаная, схіленая галава атаясамліваецца з пакорлівасцю, маркотай, смуткам, а ўзнятая – з важнасцю, годнасцю і добрым настроем.

Частка прыведзеных у тэксце артыкула ФА, а таксама іншыя ФА маюць у англійскай мове аманімічныя па форме выражэння свабодныя словазлучэнні альбо спалучэнні слоў, напрыклад: *clean hands* (параўн. дасл. – чыстыя рукі) 'хто-н. з'яўляецца сумленным чалавекам', *to have / keep in hands* (параўн. дасл. – мець / трымаць у руках) 'не паказываць свае пачуцці', *to turn one's back on smb. / smth.* (параўн. дасл. – паварочвацца спінай да каго-/чаго-н.) 'адмаўляцца ад каго-н.; праяўляць абыякавасць да каго-, чаго-н.' і інш. Відавочна, што празрыстая ўнутраная форма такіх ФА ўплывае на іх семантыку.

У наступных ФА з празрыстай унутранай формай на знешняе праяўленне паказчыкаў псіхічнага альбо фізічнага стану ўказвае лексема *tears* 'слёзы': *to burst into tears* 'горка плакаць', *to shed crocodile tears* 'фальшыва, няшчыра скардзіцца', *laughter and tears* 'адначасовае адчуванне гора і радасці' і інш.

Яшчэ адным кампанентам, які называе вадкасці ў цэле чалавека і ўплывае на ўзнікненне ФА з празрыстай формай, з'яўляецца саматызм *sweat* 'пот'. Так, ФА *a sweat one's guts out* 'працаваць да поўнай знямогі', *in a sweat* 'поўны нецярпення', *by the sweat of one's brow* 'вельмі старанна, не перастаючы (працаваць, зарабляць і пад.)' з'яўляюцца своеасаблівымі ілюстрацыямі ступені інтэнсіўнасці дзеяння.

У межах англійскай фразеалогіі вылучаюцца саматычныя ФА, у якіх рэпрэзентуецца нездаровы стан асобы альбо наяўнасць у чалавека пэўнай хваробы. Да такіх ФА адносяцца *round shoulders* ‘гарбатаць’, *skin and bone (-s)* ‘вельмі худы, змарнелы’, *the flesh is weak* ‘быць нямоглым’, *to be / look green <and yellow> / white about the gills / in the face* ‘мець нездаровы, бледны выгляд, дрэнна выглядаць, выглядаць хворым’ і інш. З прыкладаў відавочна, што рэпрэзентацыя адкланення ад нормы фізічнага здароўя чалавека ілюструецца з дапамогай саматычных кампанентаў, якім у межах ФА надаюцца нехарактэрныя для частак цела, што яны называюць, асаблівасці.

Спынім увагу на ФА, кампанентам якіх з’яўляецца найменне ўнутранага органа чалавека – сэрца. Нягледзячы на тое, што *heart* ‘сэрца’ з’яўляецца ўнутраным органам (іншымі словамі, “нябачным” пры звычайным візуальным кантакце), менавіта яго функцыянальныя асаблівасці ўплываюць на ўтварэнне і замацаванне за ФА пэўнай культурнай інфармацыі.

Традыцыйна семантыка ФА з кампанентам *heart* непасрэдна звязана з чалавечымі ўяўленнямі аб сэрцы як галоўным органе цела чалавека, што ўспрымаецца як несумненная ісціна, якая не патрабуе доказаў: сэрца знаходзіцца ў цэнтры чалавечага цела, выконвае важнейшую біялагічную функцыю. Яно ж з’яўляецца цэнтрам канцэнтрацыі эмоцый. Адсюль і складаная метафарычная сімволіка гэтага цэнтральнага органа кровазвароту: існаванне, сукупнасць душэўных якасцей асобы, магчымасць спачуваць, кахаць, выяўляць эмоцыі (як станоўчыя, так і адмоўныя) і, як вынік, быць значным цэнтрам чаго-небудзь.

Так, амаль усе ФА з кампанентам *heart* паводле семантыкі звязаны з вызначэннем рыс характару, унутраных якасцей чалавека, яго эмацыянальнага стану, а эквівалентныя кампаненты адлюстроўваюць “бязмежныя магчымасці саматычных фразеалагізмаў у выяўленні эмоцый і псіхічнага стану чалавека” [8, с. 86]. Англійскія ФА называюць эмоцыі і пачуцці (напрыклад, *to break one’s heart* ‘гараваць, хвалявацца’; *to lose heart* ‘падаць духам, адчайвацца, маркоціцца, губляць бадзёрасць, мужнасць’), а таксама канкрэтныя дзеянні (напрыклад, *to have one’s heart in one’s work* ‘працаваць з захапленнем’; *by heart* ‘на памяць’; *to put in good heart* ‘узяцца за справу ахвотна, старанна’).

Асобна выдзяляецца група ФА, якія называюць пэўныя паняцці альбо характарызуюць спосаб і манеру паводзін, напрыклад: *a change of heart* ‘перамена намераў, поглядаў і пад.’; *with half a heart* ‘без цікавасці, неахвотна, без энтузіязму’. ФА *to wear one’s heart on / upon one’s sleeve* (дасл. – насіць сэрца на рукаве) ‘не ўмець хаваць свае пачуцці, выстаўляць на паказ свае пачуцці’, ‘лёгка захапляцца’ і *win smb.’s heart* (дасл. – выйграць сэрца) ‘дамагчыся чыйго-н. кахання; заваяваць сэрца’ бяруць вытокі з эпохі сярэднявечча і этымалагічна звязаны з рыцарствам. Існаванне гэтых і іншых ФА ўказвае на маральныя каштоўнасці джэнтльмена, якія практычна з’яўляюцца маральнымі каштоўнасцямі цэлай нацыі і найбольш яркая выяўляюць культуру англічан.

Яшчэ адным кампанентам, які называе ўнутраны орган чалавека, з’яўляецца *lung* ‘лёгкае’. Намі вылучаны тры ФА з названым кампанентам: *at the top of one’s lungs / voice* ‘вельмі гromка’, *good lungs* ‘моцны голас’, *the lungs of London* ‘лёгкая Лондана (скверы і паркі Лондана)’. Відавочна, што на ўнутраную форму пералічаных ФА паўплывала фізіялагічная функцыя часткі цела чалавека – лёгкіх.

Такім чынам, аналіз пералічаных вышэй англійскіх ФА з кампанентам-саматызмам дае падставы сцвярджаць, што, нягледзячы на празрыстасць унутранай формы фразеалагізмаў, семантыка якіх беспамылкова ўспрымаецца носьбітам мовы, названыя фразеалагізмы змяшчаюць закадзіраваныя ва ўнутранай вобразнай аснове протасітуацыі, якія суадносяцца з уяўленнямі чалавека аб сабе праз сябе. Пры разглядзе падобных ФА ўзнікае неабходнасць дэкадзіравання ўнутранай формы праз зварот сімвалаў, эталонаў, стэрэатыпаў і суаднясення вобраза ФА з пэўным кодам культуры.

Спис використаних крыніц

1. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь : около 20000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. – 5-е изд., испр. – М. : Живой яз., 1998. – 944 с.
2. Корсак, Л. Д. Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу / Л. Д. Корсак, Л. С. Марціновіч. – Мінск : Выш. шк., 1984. – 122 с.
3. Cowie, A. P. Oxford dictionary of current idiomatic English : Phrase, clause and sentence idioms : Vol. 2 / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford : Oxford University press, 1994. – 685 p.
4. Черданцева, Т. З. Метафора и символ во фразеологической единице / Т. З. Черданцева // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 78–92.
5. Афанасьев, А. Н. Юридические обычаи / А. Н. Афанасьев // Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / А. Н. Афанасьев ; сост., подгот. текста, ст. коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Индрик, 1996. – С. 327–343.
6. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / редкол.: В. Н. Телия (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
7. Агапкина, Т. А. Нога / Т. А. Агапкина, Л. И. Виноградова // Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1995–2012. – Т. 3 : [К – П]. – 2004. – С. 422–427.
8. Шубина, В. П. Заметки о полевой организации соматической фразеологии в немецком языке / В. П. Шубина // Функциональный синтаксис немецкого языка : межвуз. сб. / М-во просвещения РСФСР, Челяб. гос. пед. ин-т ; отв. ред. Л.Б. Гарифулин. – Челябинск, 1977. – С. 81–89.

Abstract. The article examines English phraseological units with somatic components; the role of somatic components in the motivation of phraseological units is established; the symbolic meaning of somatisms which is decoded in the internal form of phraseological units is emphasized.

Keywords: somatic component, phraseological unit, symbol, motivation.

УДК 811.161.1'42'371:599.89:398.92(=161.1)

М. В. Ладутько, Я. Чжан

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию языкового содержания образа человека посредством описания национально-культурной специфики фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском языке.

Ключевые слова: фразеологическая картина мира, зооморфный код, зооним, фразеологический образ, фразеосемантическая группа.

Зооморфный код – «совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» [1, с. 256]. Он представлен через специфичные стереотипы-образы, символы-образы, образы-эталоны, закрепленные в значении фразеологической единицы с компонентом-зоонимом, отражающим особенности коллективного сознания конкретного народа.

Фразеологические единицы (далее ФЕ), в которых «зашифрован» зооморфный код культуры, стимулируют в сознании образы домашних и диких животных, птиц, насекомых.

Фразеологический корпус исследования – фразеологизмы, содержащиеся в своей структуре зоонимы, – составили 106 фразеологических единиц русского языка. Источниками исследования послужили фразеологические словари [2; 3; 4; 5].

Ядром зооморфного кода в русской культуре чаще всего выступают домашние животные – лошадь / конь, собака / пес, бык / корова, свинья, петух / курица: этим отчетливо демонстрируется оседлый сельский уклад жизни, характерный для русского быта.

Для эмоционально-оценочной характеристики человека в русском языке употребляются ФЕ с компонентом-зоонимом по причине зооморфного образа, основанного на установлении подобия между представителями разных классов (человек – животное). Модели, лежащие в основе метафорического переноса: в основе зооморфных наименований лежит базовая метафорическая модель «человек ← животное». При этом данная метафорическая модель предполагает разветвление на более частные метафорические модели типа «внешность человека ← внешность животного» (*драная кошка*), «поведение человека ← поведение животного» (*извиваться ужом*), «взаимоотношения между людьми» ← «взаимоотношения между животными» (*играть как кошка с мышью*) и др. В этом процессе зооним утрачивает семантическое ядро, сохраняя отдельные специфические семы, из которых возникает другое, новое семантическое ядро – зооним-образ фразеологизма. Анализируемый языковой материал наглядно демонстрирует, что переход образа в символ придает ему смысловую глубину и смысловую перспективу: фразеологический образ предстает как убедительное представление, своего рода «картинка», на фоне которой воспринимается целостное значение ФЕ как обобщенно-переносное. Рассмотрев характеристику зоонимов-образов, обладающих наивысшим фразеобразовательным потенциалом в репрезентации образа человека в русском языке, предлагаем результат исследования характеризующих признаков зоонимов-образов в структуре ФЕ русского языка, представленный в таблице.

Таблица 1 – Характеризующие признаки зоонимов-образов в структуре ФЕ

Зооним-образ в ФЕ	Характеризующие признаки
1	2
зверь	<i>злой, свирепый, сердитый, разъярённый, яростный, жестокий; тревожный, беспокойный, необузданный; с плотскими наклонностями</i>
корова	<i>большеглазый, неуклюжий, верзила; толстый; плодовитый; одетый без вкуса, легкомысленный; гулящий, похотливый; нерасторопный; бездельник; безответный, тихий, безобидный; плачущий навзрыд, криком, скандалист</i>
телёнок / телок	<i>глупый; угрюмый, мрачный, недовольный, сердитый; беспомощный; ласковый; неуместно бурно проявляющий чувства; льстец, подхалим, нахальный</i>
бык	<i>крепкий, здоровый, сильный; с короткой, сильной шеей, выносливый; обжора; недовольный; упрямый</i>
осёл	<i>тощий, костлявый; глупый; покорный; упрямый, несговорчивый; ленивый; работающий</i>
кот	<i>блудливый; игривый; нерешительный; хитрый; осторожный; живучий; ленивый; ничтожный (низшее существо)</i>
коза	<i>подвижный, бегущий скачками, быстрый, лёгкость движений; с бестолковыми движениями; усталый, измождённый; нелюдимый; зазнайка; своевольный, строптивый; незначительный, бесполезный; упрямый; ленивый; подражать, ломаться</i>
лошадь	<i>нескладный, рослый, крупный; трудолюбивый; успешный; изнуренный; ленивый</i>
конь	<i>дряхлый, старый, больной, уставший; здоровый, сильный, выносливый; работающий; упорный; сильно храпеть</i>

Окончание таблицы 1

1	2
овца	<i>слабый, беспомощный, безропотный, послушный, беспамятный, бестолковый, бесполезный, клеветник, трусливый, недостойный</i>
ягнёнок	<i>безвольный, кроткий, послушный; добрый</i>
свинья	<i>тупой; наглый; невежественный</i>
пёс / собака	<i>верный; заискивающий, подобоострастный; грустный, подавленный; злой, агрессивный; с обозначением отсутствия комфорта</i>
волк	<i>истощенный, голодный; прожорливый; здоровый; строгий; сердитый; кровожадный, жестокий, коварный; скрытный; бывалый; работающий</i>
лев	<i>смелый; злой, свирепый; высшее существо</i>
бык	<i>крепкий, здоровый, сильный; с короткой, сильной шеей, выносливый; обжора; недовольный; упрямый</i>
заяц	<i>трусливый; слабый</i>
крыса	<i>непорядочный; дотошный</i>
змея	<i>некрасивый, неприятный, мудрый, с плохим характером, злой, жестокий, хитрый, льстивый, подхалим, лицемерный, коварный, неблагодарный</i>
птица	<i>мало ест, быстрый, проворный, свободный, беззаботный, непоседливый; одинокий; пугливый; глупый; неопытный; наивный, доверчивый; бывалый; важная особа, незначительный человек; важный; неизвестный; непонятный</i>
соловей	<i>улаждающий слух</i>
ласточка	<i>ласковый, чистый, целомудренный</i>
голубь	<i>маленький; чистый, невинный; кроткий, безобидный; миролюбивый, ласковый; влюбленный, наивный, простодушный</i>
пава	<i>важный, статный, горделивый</i>
сокол	<i>зоркий; видный, красивый</i>
ворона	<i>черный; блестящий; грязный; предвещающий беду, смерть; жадный, алчный, глупый; трусливый</i>
курица	<i>ничтожный; глупый; задиристый, боевитый; богатый</i>
гусь	<i>хобит переваливаясь, горделивый, степенный, важный; самодовольный; хитрый, изворотливый, лицемерный; нахальный</i>

Во фразеологическом корпусе исследования выявлены 9 фразеосемантических групп: «характеристика человека», состоящая из двух подгрупп «внешность», «характер»; «физическое состояние»; «физические действия и перемещение»; «чувствосостояние»; «чувство-отношение»; «труд / безделье»; «богатство / бедность», «интеллектуальные способности и состояние, интеллектуальная деятельность»; «поведение».

1.1 *Характеристика человека. Внешность.* В русской фразеологической картине мира физические качества человека представлены через черты внешнего облика: *жар-птица, свинья свиньей, драная кошка*; внешних признаков здоровья и силы: *живуч как кошка, силен как бык*; походку и движение: *ходит гоголем, лебединая поступь, ходить уточкой, идти павой*. Для характеристики женщины предназначены фразеологизмы: *драная кошка* и *жар-птица*, причем это сложные образы: первый совмещает оценку внешнего впечатления о худой женщине (компонент-зооним *кошка* со значением 'ничтожное существо') и пренебрежение к ней; второй – оценку общего впечатления о красивой женщине и понимания недостижимости обладания ею (компонент-зооним *птица* со значением 'неизвестный / непонятный'). Фразеологизмы имеют как положи-

тельную оценку (*жар-птица, ходить гоголем, идти павой*), так и отрицательную оценку (*свинья свиньей, драная кошка, ходить гоголем*). Наблюдается высокая частотность у ФЕ, характеризующих походку и движения женщины (*лебединая поступь; Идет, словно павушка плывет*). Во ФЕ акцентируется внимание также на недостатке таких признаков, как зрение: *слеп как крот, слепая курица*; слух: *медведь на ухо наступил, глухая тетеря*. Семантическим ядром оценки внешности человека (мужчины и женщины) в русских фразеологизмах является содержание красоты.

1.2 *Характеристика человека. Характер.* В исследуемом материале представлены такие черты характера, как **кротость, робость**: *мухи не обидит, комара не обидит, божья коровка, голубиная кротость, агнец божий, невинный барашек*; **трусость**: *заячья душа, премудрый пескарь*; **хитрость, лукавство**: *гусь лапчатый, жук навозный, старая лиса*; **лесть**: *прикинуться лисой*; упрямство: *валаамова ослица, упрямый как осёл*; **бесполезность**: *как с козла молока*; **безразличие, отстраненность**: *как с гуся вода*; **злость, коварство, лицемерие**: *гад ползучий, змея подколодная, волк в овечьей шкуре, лисий хвост*; **заносчивость**: *гусь порядочный*; **задиристость**: *бодливой корове бог рогов не дал*; **вспыльчивость и сварливость**: *Лучше раздражить собаку, нежели бабу*; **злость**: *колючий как еж*; **осторожность**: *пуганая ворона*; **бесхарактерность**: *мокрая курица*; **нравственная нечистоплотность**: *ловить рыбу в мутной воде*; **жадность, алчность**: *волчий аппетит*; **свобода, независимость**: *вольная птица*; **лень**: *сонная тетеря*. Среди зоонимов-образов в русских ФЕ выделены *гусь, змея, баран, лиса, осел, козел, волк, корова, собака, голубь, еж, ворона, курица, тетеря, птица, рыба*. В русском языке фразеосемантическая группа «характер» является доминирующей, поскольку содержание внешности раскрывается через нравственные качества человека.

2. *Физическое состояние.* Физическое состояние описывается по признакам здоровье / сила; болезнь / слабость. В русской фразеологии группа малочисленна. В русской фразеологической картине состояние «болезнь / слабость» представлено ФЕ с компонентами зоонимами-образами *муха, змий*: *под мухой, напиться до зеленого змия*; состояние «слабость» – ФЕ с компонентом зоонимом-образом *собака*: *голодный как собака*.

3. *Физические действия и перемещения.* Физические действия и перемещения человека репрезентируются ФЕ посредством описания образа и способа действия, скорости действия. Выделены «эталон» скорости среди животных. Признаком низкой скорости наделяются: животные – *корова, бык (вол), осел, тюлень, медведь, хомяк, черепаха, сурок*; птицы – *курица, индюк, гусь, дикий голубь, ворона, аист, грач, куропатка, ронжа, тетерев, утка*; насекомые – *муха, вошь, жук, гусеница, муравей, паук, червяк*; рыбы – *налим, линь*. Эталон высокой скорости: животные – *коза, лошадь, кошка / кот, собака, белка, хорек, волк, заяц, рысь, олень, лось*; птицы – *ворона, воробей, стрепет*; насекомые – *блоха, вошь, мотылек, муравей, стрекоза, бабочка*; рыбы – *елец, плотва, щука*.

В русской фразеологии образ действия акцентирован зоонимом-образом *медведь*: *давить медведя*; скорость действия зоонимами-образами *муха, собака, кот*: *как сонная муха, как на собаке, тянуть кота за хвост*. Причем фразеологизм *тянуть кота за хвост* амбивалентен: с одной стороны – значение *делать что-то медленно*, с другой – в качестве образа выступает *кот*, наделенный высокой скоростью движения.

4. *Чувство-состояние.* В русской фразеологической картине мира образ человека представлен следующими ФЕ, содержащими зооним-образ и эксплицирующими эмоциональные состояния **раздражения**: *раздразнить гусей, к свиньям собачьим*; **беспокойства**: *жареный петух клюнул*; **спокойствия, удовлетворения**: *как рыба в воде*; **восторга**: *телячий восторг, телячьи нежности*; **волнения**: *кошки скребут на душе, красный как рак*; **обиды**: *надуться как мышь на крупу*; **недовольства**: *как муху проглотить, бить копытом*; **страдания**: *волком выть*; **неприязни**: *черная кошка пробежала*; **скуки**: *мухи дохнут*.

По степени пребывания в определенном эмоциональном состоянии выделены группы:

1. как *рыба в воде, телячий восторг, кошки скребут на душе, мухи дохнут [мрут], надуться как [будто, словно, точно] мышь на крупу, жареный петух клюнул;*
2. *волком выть, как [будто, словно, точно] муху проглотить;*
3. *раздразнить гусей, черная кошка пробежала, красный как рак, бить копытом, к свиньям собачьим.*

Большинство приведенных ФЕ обозначают отрицательные эмоциональные состояния и сопровождаются отрицательной оценочностью. Положительный опыт воспринимается как норма. Нарушение норм и несоблюдение запретов вызывают отрицательную реакцию окружающих. Фразеологизмы, обозначающие эмоциональное состояние «раздражение», больше представлены, чем фразеологизмы, обозначающие эмоциональное состояние «страх». Возможно, это объясняется особенностью русского характера / поведения – открытое проявление храбрости. Среди зоонимов-образов в русских ФЕ выделены *гусь, петух, кошка, мышь, свинья, собака, конь, волк, муха, рак*. Семантическим ядром чувства-состояния человека в русских фразеологизмах является как содержание этого чувства, так и его выражение.

5. *Чувство-отношение*. В русской культуре в сфере отношений «человек – общество» отрицательная оценка преобладает над положительной. Отрицательный опыт членится дробно и тщательно. ФЕ с отрицательной оценкой в русской фразеологии распределены на: выражающие **презрение** – *драная кошка, мокрая курица; пренебрежение* – *как собак нерезаных, как с (от) козла молока; уничтожение* – *как баран на новые ворота, как корова на льду; осуждение* – *как с гуся вода, змея подколотная, крысы тыловая; порицание* – *крыса бежит с тонущего корабля; неодобрение* – *пустить козла в огород, подложить свинью, врет как сивый мерин, белая ворона, ловить рыбу в мутной воде; превосходство* – *метать бисер перед свиньями; неприязнь* – *гусь лапчатый; иронию* – *ворона в павлиньих перьях, стреляный воробей, редкая птица*. Зоонимы-образы во фразеологизме: *кошка, козел, свинья, мерин, крыса, гусь, ворона, курица, змея, рыба* – реализуют отрицательную коннотацию под влиянием зависимых лексем во ФЕ. Положительная оценка очень редко находит отражение во ФЕ: **доброжелательство** – *голубиная кротость*. Семантическим ядром чувства-отношения человека в русских фразеологизмах является как содержание этого чувства, так и его выражение.

6. *Труд, безделье*. Опозиция представлена характеристикой труда и отношением к нему. В русской языковой картине мира символами трудолюбия выступают *пчела, лошадь, ишак и мул*; а *трутень, тиявка, паразит, тля* символизируют тунеядство. ФЕ, характеризующие человека по его отношению к труду, – *ломовая лошадь, работать как вол* (о работоспособном человеке, тяжело работающем человеке); постоянно занятого делом человека – *крутиться как белка в колесе*. Семантический центр этой группы составляют фразеологизмы с отрицательной коннотацией, репрезентирующие безделье или недобросовестное отношение к работе: *гонять собак, служить за козла на конюшне, ещё и конь не валялся, забить козла, считать мух, ловить мух*.

7. *Богатство, бедность*. В русской фразеологической картине представление о богатом человеке базируется на желании быть богатым и мнении о том, что богатый человек счастлив. Немногочисленные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом распределяются по следующим группам: **чрезмерное богатство** (*семь тучных коров, денег куры не клюют, где куры не поют*); **негативная оценка богатых людей** (*дойная корова*); **негативное отношение к богатству** (*поклоняться золотому тельцу*); **невозможность улучшить материальную сторону жизни** (*биться как рыба об лед*). Все фразеологизмы, репрезентирующие образ богатого человека, имеют отрицательную оценку, фразеологизм, репрезентирующий образ бедного человека, выражает чувство-отношения сочувствия. Итак, в русском языке доминирует отрицательная оценка опозиции «богатство – бедность», амбивалентно выраженная зоонимическими образами *корова, курица*.

8. *Интеллектуальные способности и состояние, интеллектуальная деятельность.* В сознании носителей русского языка интеллектуальные свойства личности отражены прежде всего в оппозиции «умный – дурак». Анализируемый материал подтверждает, что при характеристике умственных способностей человека в русской картине мира преобладает отрицательная оценка. Это яркий пласт фразеологизмов в русском языке, который представлен 3 подгруппами: 1) **наличие / отсутствие ума** (глупый / умный): *глуп как баран, цыплячи мозги, куриные мозги, как баран на новые ворота, как сивый мерин, с мухами в голове*; 2) **наличие / отсутствие образования** (учиться, получать образование, становиться грамотным): *метать бисер перед свиньями, не в коня корм, как свинья в апельсинах разбираться*; 3) **характеристика мыслительных процессов** (помнить / запомнить, помниться / забыться, думать / выдумывать, не видеть, не знать, не иметь представления): *и ежу понятно, доходит как до жирафа, вернуться к нашим баранам, одна ласточка весны не делает, думает индейский пентух*. Данная группа состоит из фразеологизмов, основанных на зоониме-образе домашних животных, которые отличаются упрямством или чрезмерной подвижностью, – *баран, мерин, свинья, курица, муха*. Актуализируется модель «глупый человек ← неразумное животное». Итак, в русском языке доминирует отрицательная оценка оппозиции «умный – дурак», выраженная зоонимами-образами *баран, курица, свинья*.

9. *Поведение.* ФЕ с компонентом-зоонимом в русской фразеологии представлены фразеологизмами, характеризующими **действия человека на основе его взаимоотношений и взаимосвязей с окружающей средой, коллективом**: *брать быка за рога, в ежовый рукавицах, согнуть в бараний рог, под крыло, носиться как курица с яйцом*; фразеологизмами, характеризующими **психическое состояние человека, которое проявляется внешне, в его манере поведения**: *подложить свинью, ловить рыбу в мутной воде*; фразеологизмами, характеризующими **отношение человека к работе, к делу**: *брать быка за рога*; фразеологизмами, характеризующими **манеру речевого общения**: *бред сивой кобылы, как сивый мерин*; фразеологизмами, характеризующими **социальный статус человека**: *льва узнают по когтям*. Представление о поведении человека в профессиональном общении, о его социальном статусе дают фразеологизмы, в которых доминирует отрицательная оценка, выраженная зоонимами-образами *бык, еж, баран, курица, кобыла / мерин, свинья*.

Итак, идеографическая параметризация образа человека позволила создать своего рода «концептуальную анкету» для описания этого культурного концепта в зеркале фразеологии: наиболее продуктивны в качестве образного стержня в составе фразеологизмов зоонимы-названия домашних животных и птиц: *лошадь, корова / вол, собака, свинья, курица*. Эти образы занимают лидирующую позицию по частотности употребления в составе ФЕ. Очевидно, чтобы охарактеризовать свое поведение, чувства, внешность, все предметы и явления внешнего мира, человек прибегал к сравнению с тем, кто ему ближе всего, кто всегда был при нем и постоянно находился в поле его зрения.

Список использованных источников

1. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2020. – 784 с.
4. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / под ред. В. М. Мокиенко. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
5. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова / под ред. В. Н. Телия. – М. : «Отечество», 1995. – 368 с.

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic content of the human image by describing the national and cultural specifics of phraseological units with a zoonym component in the Russian language.

Keywords: phraseological picture of the world, zoomorphic code, zoonym, phraseological image, phraseosemantic group.

УДК 811'373:398.92:17.023.311

М. Л. Лаптева

ФРАЗЕМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСЕМЫ САМ

Аннотация. В данной статье из общего фразеологического фонда русского языка выделена группа фразеологизмов с компонентом *сам* и описаны структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности данных единиц. Всего насчитывается 21 фразеологизм с обозначенным компонентом. Автором рассматриваются лексико-грамматические и фразеологические модели, по которым организуются устойчивые сочетания, обнаруживаются сходство и различия в семантике и функционировании таких оборотов.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент *сам*, структурно-семантические особенности, коммуникативно-прагматические особенности.

Вступление. Надо заметить, что короткие русские слова бывают поразительно меткими и настолько частотными в употреблении, что носитель языка и не обращает внимания на то, когда, как и почему он так говорит. К тому же, соединяясь, такие слова создают нередко самобытные речевые комбинации, которые вряд ли просто декодировать любому, кто изучает русский язык как иностранный: *как бы не так, хоть бы хны, вот так да, то и дело, раз на раз, друг друга, ну и что* и мн. др. Подобные языковые единицы получают в лингвистике различное терминологическое обозначение, и многие из них остаются не описанными детально в плане семантики и функционала употребления.

История вопроса. В поле нашего исследовательского внимания находятся фразеологизмы, в состав которых входит лексема *сам*. Такие единицы характеризуются разнообразием семантики и представляют интерес с точки зрения функционирования в различных дискурсах.

Сначала скажем несколько слов об этимологии, семантике, морфологии и синтаксисе названной лексемы.

Данные этимологических словарей подтверждают исконно русское происхождение этого слова: оно относится к общеславянским с исходным значением 'одинаковый', 'тот же самый'.

В современном русском языке лексема *сам* является не просто многозначной, что отмечается всеми толковыми словарями, а относится к единицам, семантика которых определяется только с учетом функциональных особенностей. Данная мысль высказывается, в частности, А. Е. Кибриком и Е. А. Богдановой (1995) [1], а затем и К. Г. Черемных (2011) [2]. Так, в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой выделяется 5 значений данной лексемы [3, с. 15–16].

Взгляды на морфологическую природу слова *сам* в русской грамматической науке претерпевали изменения. Несмотря на то что традиционно *сам* относится к разряду определительных местоимений (А. Б. Шапиро, М. М. Михайлов, Л. А. Силантьева), ряд исследователей, учитывая многообразие его синтаксических функций, причисляют слово *сам* к так называемым гибридным словам, в которых сочетаются признаки и местоимения, и частицы, и союза (например, В. В. Бабайцева).

Л. Д. Чеснокова, в свою очередь, приходит к выводу, что многообразные конструкции с лексемой *сам* являются членами предложения с разной степенью развития атрибутивных или обстоятельственных значений [4].

Подчеркнем, что в русском языке лексема *сам* формирует целый класс сложных слов с первой частью *само-*. Среди них большое число национально-специфических лексем, к которым относятся, например, безэквивалентные единицы (*самовар, самокрутка, самогон, самоволка*); артефакты народной сказочной культуры (*скатерть-самобранка, гусли-самогуды, ковер-самолет*), маркеры определенной исторической эпохи (*самодержавие, самозванец*), а также целый ряд единиц различной стилистической окраски: от разговорных *самоедство, самоделка* до книжных *самобичевание* или *самодовлеющий*. Все названные слова с лингвокультурологических позиций справедливо могут быть названы маркерами «русскости».

Об этом в целом свидетельствует «языковое поведение» лексемы *сам*: она имеет широкие словообразовательные возможности, не отличается семантическим единством, проявляет контекстное варьирование. Кроме того, слово *сам* обладает богатым фразеологическим потенциалом.

Основная часть. Цель настоящей статьи – выделить группу фразеологизмов с компонентом *сам* (всего – 21 единица) и описать структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности данных единиц.

Заметим, что структурно-семантическая квалификация фразеологизмов с компонентом *сам* вызывает немалые сложности. Анализ языкового материала позволил выделить следующие лексико-грамматические модели фразеологизмов с компонентом *сам*:

1. Глагол + падежная форма *сам* в сочетании с падежной формой *себя*: *быть (оставаться) самим собой(ю), предоставлять (предоставить) самому себе, сам себя сделал, сам себе не принадлежит*. Фразеологизмы дают оценку поведенческим установкам номинируемого лица, поступающего согласно собственным убеждениям, свойствам или особенностям. Например: *Здесь, пусть и на отшибе, почти в глуши, почти в полном одиночестве творческом, он все-таки оставался самим собой. Он жаждал новизны. Он искал собственные пути для самовыражения. В своем искусстве он стал, именно здесь, еще более дерзок и смел, нежели раньше* (В. Д. Алейников. Тадзимас (2002) [5]). Входящие в данную группу фразеологизмы могут употребляться по отношению к лицу как мужского, так и женского пола и имеют соответствующие грамматические варианты. Сравн.: *Постепенно благодаря таланту, труду Лиля стала замечательной актрисой. Она сама себя сделала – и это ее заслуга. Лиля играет не только всех классических героинь, но и острохарактерные роли* (Татьяна Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000) [5]).

2. Сам (-а, -о, -и) + падежная форма *себя*: *сам (-а, -о, -и) по себе, сам (-а, -о, -и) собой, сам (-а, -о, -и) за себя, сам (-а, -о, -и) себе*. Данная лексико-грамматическая модель объединяет отнюдь не сходные по семантике фразеологизмы: напротив, каждый фразеологизм является полисемантическим.

Так, во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А. И. Молоткова выделяется 4 значения фразеологизма ***сам по себе***: «1. Самостоятельно, без помощи, опеки, отдельно (жить, расти и т. п.) 2. По собственной инициативе (предпринимать, делать и т. п. что-либо). 3. Совершенно раздельно, отдельно один от другого (быть, оставаться и т. п.) 4. Взятый как таковой». [6, с. 407]. Обратим внимание, что в первых трех значениях фразеологизм реализует адвербиальную семантику, примыкая к глаголу, четвертое значение является атрибутивным.

Фразеологизм ***сам собой*** имеет 2 значения: «1. Невольно, произвольно, без каких-либо усилий. 2. Независимо ни от кого и ни от чего, самостоятельно» [6, с. 407].

Сочетание ***само собой <разумеется>*** обладает более высокой степенью спаянности компонентов и, следовательно, устойчивости, поскольку не допускает грамматического варьирования. В словаре оно фиксируется со значением ‘не вызывает никакого сомнения, безусловно, конечно’ [6, с. 407], т. е. относится к единицам, выражающим в процессе речи согласие говорящего с кем-либо или чем-либо. В предложении устой-

чивое сочетание может выполнять функцию предиката в двусоставном предложении, например: – Ну да, – согласилась Нюра, – другая и по морде даст. – Да нет, там это **само собой разумеется**. Но, вообще-то, неловко (В. Шукшин. Печки-лавочки). В других случаях – выступать в роли сказуемого одной их предикативных частей (безличного предложения) сложной синтаксической конструкции. Сравн.: **Само собой разумеется, что при малейшей попытке разгласить тайну вы будете уничтожены. Вам ясно?** (А. Солженицын. В круге первом). И, наконец, выполнять модальную функцию, как, например, в контексте: **Но за Хустова я, само собой разумеется, не ручаюсь** (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Усеченная форма **само собой** употребляется только в качестве модальной единицы.

3. Особо следует сказать о фразеосхеме **сам себе + одушевленное имя существительное в И. п.** По данной модели строится неопределенное множество единиц, подчеркивающих самостоятельность и независимость лица в каком-либо деле: **сам себе хозяин, сам себе начальник, сам себе господин, сам себе судья, сам себе родитель** и др.

О лексической наполняемости данной модели в современном речевом употреблении свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка, где в контекстах 2000-х годов нами выявлено несколько десятков единиц, организованных по модели «сам себе + одушевленное имя существительное в И. п.». Анализ языкового материала показал, что подобные фразеологизмы на сегодняшний день употребляются в речи для обозначения лица не только мужского, но и женского пола, т. е. грамматическими вариантами будут являться обороты типа **сам себе хозяин** и **сама себе хозяйка**, где взаимозаменяемыми представляются переменные компоненты модели – маскулитив и феминитив. Сравн.: 1) **А у меня здесь – чем не жизнь? Я сам себе хозяин. Начальство доверяет, а среди недоброжелателей связываться со мной охотников не находится** (Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы») [5]; 2) **Капитолина Михайловна сама себе хозяйка, ей тут никто не указ!** (Д. Донцова. Микстура от косоглазия) [5].

Кроме того, нами обнаружены единичные примеры употребления в речи образованных по указанной модели сочетаний с неодушевленным существительным. Например: **Конечно, поиск языка окончательных находок не предполагает. Он и есть сам себе цель** (Андрей Пермяков. «Никто не знает, как мне на самом деле бывает страшно...» // «Волга», 2016) [5].

Эксплицирование сопровождается включением в состав фразеомодели

(а) компонента **немного (немножечко)**: **В конце концов, каждый сам себе немножечко фольклорист, социальный психолог и социолог** (Александр Савинов. «Машина власти и Михаил Булгаков» // «Знание-сила», 2012) [5]. В данной эксплицированной конструкции снижается экспрессивный накал, указывается на частичную самостоятельность лица в определенной деятельности, на то, что владение им профессиональными навыками в данной области не исключается, но все же носит не основной, а дополнительный характер.

(б) отрицательной частицы **не**: **Он сам себе не господин – и довольно про него** (Ксения Голубович. «Тристан и Изольда» в исполнении Ольги Седаковой // «Волга», 2011) [5]. Наличие частицы **не** придает всей фразеологизированной конструкции прямо противоположный смысл, исключает независимость объекта номинации. Интересно, что количество вариантов переменных компонентов в модели с отрицанием ограничено, поскольку допускается только включение компонента семой 'главный'. Сравн.: возможные в речи **сам себе не господин (судья, хозяин, начальник и т. п.)**, но ***сам себе не турагент**, ***сам себе не футболист**, ***сам себе не парикмахер** и пр.

Наряду с фразеологизмами, употребительность которых обуславливает образование на их основе устойчивых моделей, следует отметить и единицы, напротив, теряющие актуальность. Это утверждение применимо, в частности, к фразеологизму **сам большой <сам маленький>**, который в отдельных фразеографических источниках по-

лучает помету «просторечное». В корпусе нами не обнаружено контекстов употребления данного выражения позднее конца XIX века. Одно из наиболее поздних: *Каморка была крошечная, как нора, где-то под лестницей в номера, но все-таки свой угол, где сам большой, сам маленький* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Клад, 1889) [5].

Несмотря на то что рассматриваемые нами единицы не являются в большинстве своем образными, они остаются выразительными оценочными средствами языка, раскрывающими волевые и нравственные качества человека, характеризующие его душевное состояние, жизненные ориентиры, поведенческие установки и пр.

Известно, что в русском языке объемный класс составляют устойчивые единицы, объективирующие эмоции и чувства человека (*вне себя, рвать и метать, как вкопанный, без памяти, скребет на душе* и пр.). В этой группе интерес вызывает фразеологизм, который передает внутренние переживания человека, связанные с утратой душевного равновесия, номинирующий дисгармонию, сопровождающуюся грустью, печалью и пр., – *сам не свой* и *сама не своя* (бытует также в двух грамматических формах). Р. И. Яранцев помещает данный фразеологизм сразу в две тематические подгруппы: «Беспокойство. Волнение. Переживание. Тревога» и «Огорчение. Грусть. Тоска» [8, с. 52–53], так как только в рамках речевой ситуации становится понятно, какие эмоционально-оценочные семы актуализируются в процессе употребления данного фразеологизма и что именно становится причиной такого состояния, когда человек «не свой», т. е., по одной из этимологических версий, принадлежащий нечистой силе, черту, на время завладевшему душой и помыслами человека.

Активное функционирование фразеологизма свидетельствует о том, что довольно часто он используется в качестве характеристики такого поведения и состояния человека, которое отклоняется от свойственного ему в типичных ситуациях или от общепринятых норм. Сравн.: 1) *Наслаждение выразилось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами...* (Н. В. Гоголь. Шинель); 2) *Потом я неделю в себя прийти не мог: хожу, делаю свои дела, а все как сам не свой* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей); 3) *Днем обязательно сплю. После обеда. Привычка с детства. Сегодня не поспал и сам не свой* (Сергей Шаргунов. Вась-вась, 2009) [5]. Значение фразеологизма *сам не свой* в данных контекстах, относящихся к разным времени, может быть сформулировано следующим образом – ‘не такой, как всегда, как обычно; странный’.

Единственным фразеологизмом, с помощью которого говорящий дает оценку собственной независимости, опытности, достаточности умственных способностей для решения какой-либо задачи, выполнения поручения и пр., является шуточный оборот *сами с усами* (диалектный вариант – *сам с усам*). В. М. Мокиенко справедливо полагает, что данный оборот представляет собой усечение полной формы *Ты с бородой, да мы и сами с усами*, зафиксированной впервые В. И. Далем. Усы и борода традиционно у многих народов – символы взросления мужчины и приобретения им самостоятельности, отсюда – компонент *усами*, рифмующийся с *сами*, намек собеседнику на то, что говорящий считает себя достаточно опытным и умелым [7, с. 713]. Любопытно, что выражение может употребляться для выражения самооценки не только в мужской, но и в женской речи, следовательно, нивелируется гендерное основание фразеологической семантики. Сравн.: *Ты уж не бойся, «полковник» (так она меня почему-то называла). Я не выдам. Сама с усами – знаю...* (А. И. Делианич. Вольфсберг-373) [5].

Расширяют представление о фразеологизмах с компонентом *сам* диалектные сочетания *сама третья, сама пятая, сама шестая, сама седьмая* – ‘о женщине с двумя, четырьмя, пятью и шестью детьми соответственно’ [9, с. 99], а также такие единицы, дающие морально-нравственную оценку поведения человека, как: *сам за себя слова не скажет* – ‘о незащитном человеке’, *сам себе пить не подаст* – ‘о ленивом человеке’, *сам себя чином ставит* – презрит. ‘о зазнайке’ и *сам себя (себе) иванит* – презр. ‘о человеке, который превозносит себя’ [8, с. 121].

Позволим себе, однако, не согласиться с концепцией, представленной во Фразеологическом словаре современного русского литературного языка под ред. А. Н. Тихонова (2004), где в качестве фразеологических единиц подано большое число оборотов, в компонентный состав которых входит сложное слово с первой частью *само-*: *самовластный характер, самовольная отлучка, царское самодержавие, художественная самодеятельность, чувство самодовольствия* и др. (всего 40 единиц) [9, с. 291–293]. Большинство из кодифицированных единиц дано без толкования значения, имеется только языковая иллюстрация из произведений художественной литературы. Так, сочетания слов *самоотверженный характер, самолюбивое чувство, самородный поэт* и др., как нам думается, нельзя отнести ни к разряду фразеологических сочетаний, ни к разряду речевых штампов или клише. Они являются свободными словосочетаниями, демонстрирующими лишь возможные синтагматические связи (валентности) отдельных слов (сравн., к примеру, кодифицированную единицу *самодеятельное искусство* и возможную сочетаемость адъектива *самодеятельный* с такими словами, как *театр, ансамбль, художник, хор, уровень* и мн. др.). Мы бы назвали подобные выражения коллокациями, степень устойчивости и воспроизводимости которых еще требует подтверждения.

Заключение. Рассмотренные нами фразеологизмы с компонентом *сам*, несмотря на разнообразие грамматических характеристик, имеют выраженный антропоцентрический характер, поскольку репрезентируют оценку человеком себя и окружающих, раскрывают особенности общения с людьми и эмоциональное отношение к ним. Большинство названных фразеологизмов активно функционируют в речи, где раскрывается их семантически емкий потенциал, акцентируются эмоционально-оценочные семы, расширяются прагматические возможности и «стираются» гендерные различия.

Список использованных источников

1. Кибрик, А. Е. «Сам» как оператор коррекции ожиданий адресата / А. Е. Кибрик, Е. А. Богданова // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 28–47.
2. Черемных, К. Г. Типология значения лексемы «Сам» / К. Г. Черемных // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 61. – 2011. – № 37 (252). – С. 155–157 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-znacheniya-leksemy-sam>. – Дата доступа : 10.05.2022.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык. – Т. 4. – 1988. – 795 с.
4. Чеснокова, Л. Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями / Л. Д. Чеснокова. – Ростов-на-Дону : Ростовский-на-Дону государственный педагогический институт, 1973. – 102 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 22.08.2022.
6. Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1978. – 543 с.
7. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко ; СПбГУ ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2007. – 926 с.
8. Алексеенко, М. А. Человек в русской диалектной фразеологии : словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова, Т. П. Белоусова. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – 238 с.
9. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: [в 2 т.] / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 2 : (П-Я). – 830 с.

Abstract. In this article, a group of phraseological units with the *self* component is singled out from the general phraseological fund of the Russian language and the structural-semantic and communicative-pragmatic features of these units are described. In total, there are 21 phraseological units with

the indicated component. The author considers lexico-grammatical and phraseological models, according to which stable combinations are organized, similarities and differences in the semantics and functioning of such phrases are found.

Keywords: phraseologism, *self* component, structural and semantic features, communicative and pragmatic features.

УДК 811.161.3'42'37:398.92:2-14

В. А. Ляшчынская

КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫЯ САКРАЛЬНАГА Ў ФРАЗЕАЛАГІЗМАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Анотацыя. У артыкуле на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы з кампанентам-лексемай з каранем *-бог-/-бож-* выяўляюцца сродкі і спосабы канцэптуалізацыі сакральнага ў адзінках фразеалогіі, устанаўліваецца месца і роля сакральнага як светапогляднай катэгорыі ў жыцці беларуса.

Ключавыя словы: фразеалагізм, кампанент, Бог, сакральнае.

Сакральнае – «гэта філасофская светапоглядная катэгорыя, што абазначае уласцівасць, валоданне якой ставіць аб'ект у становішча выключнай значымасці, нязменнай каштоўнасці і на гэтай аснове патрабуе да яго адноснаў, поўных пашаны і глыбокай павагі» [1, с. 365]. Уяўленне пра сакральнае з найбольшай паўнатай выражана ў рэлігійным светапоглядзе, дзе сакральнае – прэдыкат тых сутнасцей, якія з'яўляюцца аб'ектам пакланення. Адсюль сутнасць рэлігіі – перакананне ў існаванні сакральнага і цягаценні быць яму прыналежным. Ступень распаўсюджвання і характар сакральнасці на розных этапах гісторыі чалавецтва неаднолькавыя, яны характарызуюцца пад'ёмам, спадам і нават заняпадам. Паводле звестак філасофскай энцыклапедыі, сакральнасць «уласціва першабытнаабшчыннаму, раннеродаваму і рабаўладальніцкаму грамадствам. У эпоху феадалізму пачынаецца, а пры капіталізме атрымлівае сваё далейшае развіццё працэс дэактуалізацыі (секулярызацыі) розных бакоў чалавечага існавання. Ва ўмовах глыбокага крызісу рэлігіі рэлігійныя арганізацыі і тэалагі, з аднаго боку, спрабуюць «святчэннае», «святное» максімальна аддзяліць, супрацьпаставіць зямному, а з другога – імкнуцца пашырыць свой уплыў за кошт уключэння ў сферу сакральнага з'яў і ўяўленняў, характэрных для сучаснай сацыяльнай рэчаіснасці. Пры сацыялізме секулярызацыя і становіцца грамадства масавага атэізму вядзе да паступовага выцяснення ўплыву рэлігіі на грамадскае і асабістае жыццё чалавека» [2, с. 589]. І ўсё ж ва ўсе часы сакральнае застаецца ў свядомасці народа, дзякуючы многім фактарам, адным з якіх з'яўляецца мова. Менавіта адзінкі мовы, тэксты розных родаў і жанраў з'яўляюцца крыніцай нацыянальна-культурнай інфармацыі, звестак пра сакральнае. І зараз, калі назіраецца вяртанне да рэлігіі, узрастае і цікавасць лінгвістаў да вывучэння матэрыяльнай і духоўнай культуры свайго народа, да ўсяго, што звязана з рэлігіяй, у прыватнасці, з уплывам Бібліі на літаратуру, на самыя розныя сферы нашага жыцця, да вывучэння рытуалаў і асабліва да вывучэння парэмій і фразеалагізмаў [гл., напрыклад, 3; 4; 5 і інш.].

З усіх сродкаў захавання інфармацыі фразеалогія выдзяляецца як скарбніца фіксацыі мудрых думак, «кладзесь народнага духу». У ёй знаходзіць адлюстраванне і найбольш яркае ўвасабленне спецыфіка псіхалагічнага складу кожнага народа, самабытнасць нацыянальнага мыслення, асабліва, непаўторная праекцыя інварыянта яго быцця. Фразеалогія ўяўляе сабой, з аднаго боку, «згустак» гісторыі мовы, які фіксуе жыццё пэўнага моўнага калектыву на ўсіх этапах яго развіцця, а з другога – гэта свайго роду люстра адпаведнага стану і жыцця народа. Фразеалагічныя адзінкі (далей – ФА) з'яўляюцца магутным сродкам

кампрэсіі інфармацыі, яны лічацца самымі «культураноснымі» адзінкамі, здольнымі і кансерваваць форму і змест – «нацыянальныя звычаі, павер'і, гістарычныя паданні, вобразнае бачанне свету», і выступаць адным з галоўных сродкаў рэканструкцыі моўнай карціны свету [6, с. 18–19]. З улікам такой характарыстыкі выбар ФА як аб'екта вывучэння дазваляе асэнсаваць успрыманне акаляючай рэчаіснасці скрозь прызму ментальных мадэляў моўнай карціны свету ў свядомасці народа.

Аб'ектам увагі ў прапанаваным артыкуле абраны ФА з кампанентам-лексмай з коранем *бог-/бож-*, якія з'яўляюцца складнікамі аднаго мікраполя фраземасемантычнага поля 'сакральнасць', рэпрэзентаванага ў фразеалогіі беларускай літаратурнай мовы. Крыніцай збору ФА паслужыў найбольш поўны слоўнік ФА беларускай мовы [7]. Асноўная мэта – вызначэнне сродкаў і спосабаў канцэптуалізацыі сакральнага, выяўленне таго, як беларус успрымае, перадае і афармляе пазнанне сакральнага шляхам фразеўтварэння, устанаўленне месца і ролі сакральнага як светапогляднай катэгорыі ў жыцці беларуса.

Аналіз ФА паводле кампанентаў, што інфармуюць пра сакральнае, дазваляе адзначыць найбольшую колькасць ФА з кампанентам *Бог* (амаль 100 ФА). У некалькіх ФА зафіксаваны варыянтныя кампаненты (*барані божа / божачка / бог; божа / божачка мой; як у бога / Хрыста за пазухай*). Больш за 20 ФА прадстаўлены з кампанентам-прыметніам *божы*, *богаў* як дэрываты для абазначэння прыкметы, характарыстыкі паводле якасці ці прыналежнасці (*як божы дзень; богава нявеста*). Сярод іх адзначаецца адзін выпадак лексічнай варыянтнасці кампанента *конь божы / Ісусаў*.

Паводле марфалага-сінтаксічнай характарыстыкі адны ФА суадносяцца з назоўнікам (*раба божая*), прыметнікам (*богам пакрыўджаны*), прыслоўем (*як бог чарапаху*), дзеясловам (*пускаць да бога*), выклічнікам (*божа / божачка мой*), другія не суадносяцца (*бог мілаваў / крыў; бог не пакрыўдзіў / абдзяліў*). Некалькі ФА выкарыстоўваюцца ў ролі пабочных слоў: *бог даць; дзякаваць богу; дзякуй богу; слава богу, хвала богу*, у якіх скарыстаны вобраз Бога як вярхоўнай істоты, якая стварае свет і кіруе ім і якой чалавек павінен быць удзячным.

Асобныя ФА з ліку выяўленых, як правіла, двухзначныя (*богам забыты* – 1) 'заядзаны, недагледжаны' і 2) 'глухі, аддалены (куток, вёска і пад.)', дзе ў абодвух значэннях ФА суадносіцца з адной і той жа часцінай мовы). Ёсць выпадкі, калі мнагазначныя ФА суадносяцца з рознымі часцінамі мовы. Так, ФА *як Бог свят* суадносіцца з прыслоўем ('абавязкова, бяспрэчна') і з выклічнікам як выразам для запэўнівання ў праўдзівасці і адпавядае словам 'праўда, сапраўды'.

З ліку суадносных з часцінамі мовы ФА найбольшую колькасць займаюць выклічнікавыя (усяго 21 ФА), якія часткова былі аб'ектам вывучэння [8], але без акцэнтацыі ўвагі на іх адметных, "сакральных", кампанентах. І большасць ФА поліафектыўныя. Так, ФА *божа / божачка мой* і *божа <мой> літасцівы* служаць для выражэння розных эмоцый – здзіўлення, абурэння, распачы і нават радасці. А ФА *ад бога выспятка!* (невядома чаго!) ужываецца толькі пры выказванні крайняга абурэння супраць таго, хто багата жыве, добра ўладкаваўся і пад., але, няўдзячны, яшчэ чагосьці хоча.

Зварот да Бога як найвышэйшай асобы ў прадвызначэнні ходу падзей, лёсу чалавека адзначаецца ў ФА *барані божа / божачака / бог; божа збаў; крыў бог / божа; не давядзі бог / божа; не дай бог / божа; няхай / хай бог крые / ратуе*, якія выкарыстоўваюцца чалавекам для выказвання папярэджання, засцярогі ад чаго-небудзь нежаданага, непрыемнага, недапушчальнага. Асобныя з іх выкарыстоўваюцца яшчэ і для выказвання рашучага адмаўлення ад чаго-небудзь або нязгоды з чым-небудзь (*божа збаў; крыў бог / божа*), ацэнкі, характарыстыкі чаго-небудзь, звычайна з боку сілы, ступені і пад. (*божа збаў; не давядзі бог / божа; не дай бог / божа*), і, наадварот, для выказвання згоды, прымірэння, уступкі (*бог з табой*). Вобраз Бога вызначальны і ў воклічах-пажаданнях поспеху, удачы ў якой-небудзь справе (*з богам; дай бог / божа; памагай*

бог), жадання, намагання ўспомніць што-небудзь (*дай бог / божа памяць*), пажадання, каб збылося тое, пра што сказаў субяседнік (*каб чые словы ды богу ў вушы*), каб абяцанае здзейснілася (*дай бог / божа чутася бачыць*), ці для запэўнівання, пацвярджэння чаго-небудзь (*бог сведка; ісцінны бог; яі-богу / ей жа богу; як бог свят*), для выказвання радасці з нагоды здзяйснення чаго-небудзь (*ёсць бог на свеце*). Праз вобраз Бога выклікавыя ФА перадаюць станоўчы пасыл, нясуць дадатную ацэнку, адлюстроўваючы такім чынам ментальнасць беларусаў – добразычлівасць, памяркоўнасць, пажаданне шчаслівай дарогі, поспеху ў справах, якія асацыіруюцца з прысутнасцю, уздзеяннем Бога, ад якога залежыць станоўчае іх вырашэнне.

Як відаць, толькі выклікавыя ФА, якія, як вядома, не называюць эмоцыі, а толькі служаць для выражэння пэўнага эмацыйнага стану чалавека, іх унутраная форма, вобраз Бога выяўляюць шырокі спектр уяўленняў чалавека пра Бога як вышэйшую сілу, што можа аберагаць, пазбаўляць ад нядобрага, дапамагаць у справах і ўчынках, ахоўваць ад бяды, негатыўнага ўздзеяння, служыць дабру, быць вышэйшай ацэнкай усяго, што адбываецца і што робіць чалавек. Воклічы, выклікавыя выказванні ўстойлівага характару, што захаваліся з далёкіх часоў, калі яны ўспрымаліся як своеасаблівыя правілы, перакананні, дайшлі ў нязменнай форме, нярэдка з дапаўняльнай інфармацыяй, скрытым сэнсам. І няхай яны сёння выкарыстоўваюцца хутчэй як звычайныя формулы эмацыянальнага стану тыпу *божа мой* ці *Божа літасцівы*, не заўсёды ўсвядомлены іх носьбітамі, тым не менш яны выконваюць сваю ролю – перадаюць духоўны вопыт народа, захоўваюць тое сакральнае, што скрываецца ў іх, ад пакалення да пакалення.

Яшчэ больш празрыста выяўляюць тое сакральнае, чым жыві чалавек у мінулым, прадаўжае жыць і што перадаў і перадае сваім наступнікам, астатнія ФА беларускай мовы з кампанентам *Бог* і вытворнымі ад яго, большасць з якіх увабрала ў сябе міфалагічныя і рэлігійныя ўяўленні нашых продкаў, паводле якіх чалавек лічыў сябе часткай прыроды, быў перакананы ў неабходнасці жыць паводле яе законаў і сфарміраваў сістэму рэгламентацый і правілаў, захаванне якіх было неабходнай умовай для падтрымання жыцця і прадухілення яму розных пагроз.

Большасць ФА ілюструе адносна нізкую ступень цэласнасці значэння, бо матывацыя іх у многіх выпадках празрыстая, а кампаненты *Бог*, *Божа*, *божы*, *богава* поўнасцю не страцілі сваё самастойнае значэнне і суадносяцца з адпаведнымі лексемамі паводле значэння ў іх свабодным выкарыстанні: *Бог* – ‘...вярхоўная істота, якая стварыла свет і кіруе ім’ [9, с. 391], *богаў*, *божы* – ‘які мае дачыненне да бога; божы’ [9, с. 392]. І толькі асобныя ФА складаюць выключэнне з гэтага правіла. Так, ФА *божая авечка* за апошні час перажыла дэактуалізацыю кампанентаў, ужываючыся з неадабральным значэннем: 1) ‘набожны, богабязны чалавек’; 2) ‘вельмі ціхі, пакорлівы чалавек’. Ці ФА *раба божая* і *раб божы* сёння ў сваіх значэннях ‘жанчына як істота, падуладная богу’ і ‘мужчына як істота, падуладны богу’ адносяцца да ўстарэлых, а ФА *раб божы* ў значэнні ‘чалавек наогул’ выкарыстоўваецца з іранічна-жартоўным адценнем, тады як у свой час гэтыя адзінкі называлі верніка, таго чалавека, які пачынае развіваць свае адносіны з Богам – веруе, ахвяруе сабой, служыць Богу, моліцца яму.

Паводле свайго вобраза ўсе ФА і кожная паасобку выяўляюць дзве ўзаемадапаўняльныя плыні, два важнейшыя складнікі паняцця сакральнага чалавека – узаемаадносіны чалавека да Бога і Бога да чалавека. Так, дзеяслоўныя ФА *не гняві бога*; *не грашы богу* ‘дарэмна не наракай’; *няма чаго бога гнявіць* ‘няма падстаў крыўдзіцца на лёс’; *няма чаго богу грашыць* ‘няма падстаў крыўдаваць на лёс, быць незадаволеным’ не столькі абазначаюць дзеянне, яго працяканне, колькі выяўляюць тую дадатковую культурную канатацыю, якая хактарызуе адносіны чалавека да Бога як усемагутнага пачынальніка свету, якому падуладна ўсё. У іх адлюстроўваюцца законы і правілы хрысціянскай маралі, жыццёвых устаноў, здабыткі духоўнай культуры беларусаў, іх ментальнасць. Гэта асабліва выразна выяўляецца ў імператыўных ФА *не гняві бога* і *не*

грашы богу, дзе форма дзеясловаў выражае амаль катэгарычны загад – цярпі, не крыўдуй на іншых, не скардзіся, прымай жыццё як дадзены Богам лёс. Менш катэгарычна, але ў большай ступені праяўлення асуджэння выступаюць дзве другія ФА, а ўсе разам ілюструюць сродак і спосаб перадачы мыслення чалавека, які праз абраныя вобразы выражае сваё ўяўленне, адносіны, дае ацэнку і такім чынам перадае гэтыя сакральныя веды суайчыннікам у часе і прасторы. Па сутнасці ў іх перададзена філасофія беларусаў, сфарміраваная ўмовамі жыцця і падмацаваная царкоўнымі ўстаноўкамі пра жыццё на зямлі як час мук, выпрабаванняў, а таму грэх скардзіцца на яго, быць незадаволеным. Магчыма, адсюль такія рысы характару беларусаў, як цярпімасць і цярплівасць (*як Бога* ‘з вялікім цярпеннем (чакаць, каго-, што-н.)’) нават да такіх з’яў, якія павінны былі б выклікаць незадавальненне, абурэнне і гнеў (*што богу грашыць* ‘няма падстаў крыўдзіцца на лёс, быць незадаволеным’). А з другога боку, такую ўстойлівую адметнасць беларусаў можна лічыць паказчыкам узроўня сорама, захавання этыкі паводзін праз усведамленне пакарання Богам (*бойся / набойся бога* ‘май сумленне, пасаромейся. Выказванне жадання прысароміць, абразуміць каго-н.’; *бог каму суддзя* 1) ‘хто-н. паплаціцца за свае нядобрыя ўчынкi; 2) ‘няхай гэта будзе на чым-н. сумленні як яго маральная адказнасць за нядобры ўчынак’).

Чалавек спазнае сябе, акаляючы свет і, вызначаючы штосьці незвычайнае, асаблівае, напрыклад, незвычайны розум, пэўны талент чалавека, як і талент увогуле, звязвае з імем Бога (*ад бога; бог не пакрыўдзіў; божай міласцю; з божай ласкі; іскра божыя*). А калі наадварот, то гэта таксама ад Бога, толькі ўжо як пакаранне, як яго адносіны да чалавека і ўсяго, што звязана з чалавекам і яго жыццём (*богам пакрыўджаны; богам забыты; богам пракляты; бог пакараў; бог пакрыўдзіў*), як і тлумачэнне чаго-небудзь не зробленага (*бог не судзіў*) ці атрыманага (*бог паслаў*). Нават вялікі нос – гэта ад Бога: *бог семярым нёс ды аднаму дастаўся*. Чалавек параўноўвае незвычайнасць малюнка панцыра чарапахі з тым «узорам», які пакідае адзін чалавек на твары другога пасля бойкі, і скарыстоўвае зноў з “вынікамі” працы Бога: *як Бог чарапаху*.

Праз усведамленне ўзаемаадносін чалавека з Богам даецца негатыўная характарыстыка, выяўляюцца адмоўныя рысы: *у бога цяля / цялятка ўкраў / з’еў* ‘горшы за іншых, правінаваціўся ў чым-н.’; *ні Богу свечка ні чорту качарга* ‘пасрэдны чалавек, які нічым не вызначаецца’.

Не менш выразна прадстаўлены ў фразеалогіі дзеянні Бога, адрасаваныя чалавеку, якія той спазнае і па-свойму тлумачыць, тым самым аддаючы яму належнае (*бог нясе / прынёс; бог мілаваў / крыў; сам бог паслаў; што бог паслаў; чым бог паслаў; як бог дасць; як бог на душу пакладзе* і інш.).

Кожная праява, усякі знак, што не маюць вытлумачэння, звязваюцца з імем Бога, які ўсё можа і ведае, а таму, каб выказаць пра няведанне, невядомасць каго-ці чаго-небудзь, чалавек ішоў ад адваротнага: *бог ведае* ‘невядома (што, хто, куды, які, як, колькі і інш.)’; *бог ведае што* ‘штосьці незвычайнае’; *бог яго ведае* ‘невядома’; *не бог ведае колькі*; *не бог ведае хто*; *не бог ведае які*. Бог заклікаецца ў сведкі: *бачыць бог* ‘клянуся, запэўніваю ў чым-н.’; *як бог свят* ‘абавязкова, бясспрэчна’. Паводле існавання ў мінулым адзінага Божага суда, Бог – найвышэйшая істота духоўнай улады, справядлівасці, суддзя для чалавека: *і бог вялеў* ‘хто-н. мае неаспрэчнае права на што-н., варты, заслугоўвае чаго-н.’; *як перад богам* ‘вельмі шчыра, нічога не ўтойваючы (гаварыць, расказваць і пад.)’; *богу душой* (не вінават, не вінен) ‘зусім, абсалютна ні ў чым (не вінаваты)’ і інш.

З імем Бога чалавек звязвае ўсё найбольш важнае, істотнае (*бог вайны* ‘артылерыя як найбольш істотны фактар на полі бою’; *божы дар з яешняй* ‘(блытаць) розныя, несумяшчальныя рэчы’), паводле пэўнага падабенства называе і па-свойму іх ацэньвае (*баранчык божы* ‘балотная птушка з голасам, падобным на бляянне; бакас’; *божыя сляза* ‘гарэлка’; *божыя кароўка* ‘жучок чырвонай, жоўтай або белаай афарбоўкі з плям-

камі' і 'ціхі, бяскрыўдны чалавек, які не ўмее пастаяць за сябе'; *божы адуванчык* 'стары, нядужы чалавек'; *конь божы / Ісусаў* 'тупы, неразумны чалавек'; *пад богавай страхой* 1) 'не ў памяшканні'; 2) 'на свеце, у наваколлі'; *шкляны бог* 'гарэлка, спіртное'; *бачыць шклянога бога* 'выпіваць, напівацца спіртнога'; *якому богу маліцца* ведаць, зразумець 'чыім інтарэсам служыць, якой уладзе падпарадкоўвацца' і інш.).

Да Бога чалавек звяртаецца ў цяжкіх умовах, з ім падзяляе мінуты радасці, праз яго імя дае найвышэйшую ацэнку і вызначае свае адносіны (*давай / дай бог ногі* 'паспешліва пабег / пабягу, знік / знікну'; *дай бог / божа* 1) 'вельмі добра (рабіць, зрабіць што-н.)'; 2) 'вельмі добры'; 3) 'вельмі вялікі'; 4) 'вельмі многа чаго-н.'; *дай бог / божа кожнаму* 1) 'вельмі добры хто-, што-н., ад чаго ніхто не адмовіцца'; 2) 'вельмі добра (рабіць, зарабляць і пад.)'; 3) 'вельмі многа чаго-н.' і інш.).

Бог – паказчык дабра, прыгажосці і ўтульнасці (*бог жыве і бог начуе* 'дзе-н. вельмі хораша, усё добра'), абаронца і надзейная ахова чалавека ад бяды і няшчасця, таму і характар, ацэнка ўсяго, у тым ліку і спакойнага жыцця чалавека, часовага ці пастаяннага, падаецца праз фразеалагізаваныя параўнанні (*як у бога за дзвярыма; як у бога за плячыма; як у бога / Хрыста за пазухай*).

Асаблівая ўдзячнасць чалавека Богу за створаны ім свет, які атрымаў назву свайго стваральніка (*божы свет; у <белы / божы> свет* ісці, пайсці, ехаць, з'ехаць) і з якім асацыятыўна звязваецца ўсё найбольш важнае (*засланіць / заслانیць <увесць божы> свет; свету божага не відаць*), за ясны дзень, які называецца божым і з якім асацыіруецца яснасць мыслення, зразумеласць і асэнсаванасць чаго-небудзь (*як божы дзень* ясна, зразумела / ясны, зразумелы 'абсалютна, гранічна, вельмі добра. Пра што-н. бяспрэчнае').

Зразумелым становіцца тады, што Бог – аб'ект пакланення і ўдзячнасці чалавека за ўсё добрае, ці ў ФА адлюстравана своеасаблівая даніна павагі і ўдзячнасці чалавека і яго адносін да Бога (*ставіць <богу> свечку* 'дзякаваць лёсу за добры зыход чаго-н.'; *маліць бога* 'выказваць глыбокую ўдзячнасць каму-н.'; *напрамілы бог* прасіць, заклікаць; *слава / хвала богу* і інш.). Найбольш паказальным выражэннем адносін чалавека да Бога і адным з галоўных паказчыкаў існавання сакральнага ў чалавеку выступае ў канцэнтраваным выглядзе ФА *мець бога ў сэрцы* 'быць сумленным, спагадлівым, чутым да каго-н., шкадаваць каго-н.'. Тут сакральнасць у разуменні чалавека звязваецца з двума важнейшымі для яго найменнямі – сэрцам як унутраным органам чалавека і сакральным найменнем *Бог*, дзе першы выступае як сасуд, другі як тое духоўнае, што напаўняе гэты сасуд.

У асобных ФА, што, несумненна, узніклі ў адносна нядаўні час, адлюстравана, з аднаго боку, процібогавае дзеянне – забойства чалавека, спальванне яго, з другога – яго бязвіннасць, ахвярнасць і ўгатаванасць яму дарогі да Бога, тым самым асуджаючы спосаб знішчэння чалавека і выражаючы спачуванне, захоўваючы той сакральны сэнс разумення замагільнага жыцця, пападання ў рай паводле правільнага жыцця, а тут пакутніцкай смерці: *пускаць да бога; пускаць з дымам да бога; пускаць свечкай да бога*. Нават ФА *божы палец* 'гумавая дубінка', якая мае іранічны падтэкст, асацыятыўна звязваецца сваім утварэннем з парушэннем законаў жыцця чалавекам і адпаведнай боскай карай.

Сакральны сэнс перададзены і звязаны з кампанентам *Бог* у групе ФА, што характарызуюць апошні час жыцця чалавека і смерць як яго завяршэнне. Так, ФА *на божай пасцелі* 'ў стане, бліжэй да смерці'; 'перад смерцю (казаць, прасіць і пад.)' перадсмяротнае ложа характарызуе як божае. Яшчэ больш сакральныя думкі выказваюцца ў шэрагу ФА, аб'яднаных значэннем 'паміраць / памерці': *аддаваць богу душу, бог прыбраў, пачыць у бозе*, у якіх захавана ўласцівае хрысціянскай культуры ўяўленне пра смерць чалавека ў мінулым і выражэнне разумення смерці як аддзяленне душы ад цела, дзе душа – вышэйшая інстанцыя, тое вечнае, што застаецца пасля смерці, а цела – фізічнае, матэрыяльнае, што знікае. Пры гэтым аддзяленне душы ад цела з'яўляецца дзеяннем таго, хто памёр (*аддаваць богу душу*), а можа быць і дзеяннем «трэцяй» асобы

(бог прыбраў). ФА *аддаваць богу душу* паходзіць ад “слоў памінальнай малітвы, звернутай да Бога: «Прими душу раба Твоего»” [10, с. 59]. Адзначаныя ФА выступаюць вербальнымі сродкамі мовы, з дапамогай якіх адлюстроўваецца мудрая філасофія смерці, спасцігнутая чалавекам у мінулым, захаваная ў часе і перададзеная новым пакаленням. Гэта асабліва выразна выяўляецца пры параўнанні з цэлым радам новых ФА. Так, у ФА *аддаць канцы*, якая больш позняя паходжаньня, знаходзіць рэалізацыю разуменне чалавекам смерці як канца ўсяго, як завяршэнне жыцця без яго працягу ў замагальным свеце, што абумоўлена выпрацаваным ўсведамленнем смерці з прыходам антырэлігійнай культуры новага часу і стала найбольш характэрным для савецкага перыяду і ў пэўнай ступені як працяг пасля яго.

Такім чынам, ФА з кампанентам *Бог* і вытворнымі ад яго (больш за 120 толькі літаратурных ФА без уліку дыялектных) даюць магчымасць канстатаваць значнасць адведзенага месца і ролі сакральнага ў жыцці беларусаў. Высокая інфармацыйнасць зместу ФА абумоўлена іх другаснасцю ўтварэння, функцыяй наймення з’яў і перадачы тых абагуленых жыццёвых назіранняў і сацыяльна-гістарычнага вопыту народа, выражэння меркаванняў, вераванняў, перадачы маральнага вопыту, сістэмы каштоўнасцей народа. Гэтыя ўласцівасці ФА звязаны з іх узнікненнем у мінулыя часы, асабліва пры першабытнаабшчынным ладзе, калі ад слоўнай формулы патрабавалася лёгкасць узнаўлення і трываласць замацавання людзьмі, што стала традыцыйным і далей. У большасці ФА не патрабуюць раскрыцця, выяўлення ўнутранай формы, што тлумачыцца, на наш погляд, адносна нізкім узроўнем страты лексічнага значэння слоў-кампанентаў *Бог, Божя, богаў, божы*. А гэта ў сваю чаргу абумоўлена выключнай сілай уздзеяння гэтых слоў на чалавека, тым зместавым напаўненнем, якое іх суправаджае ва ўсе часы. Асобныя ФА з кампанентам *Бог* і вытворнымі ад яго паходзяць з біблейскага тэксту (*божай міласцю, раб божы, раба божая* і інш.), але найбольш створаны на аснове метафарызацыі як асноўнага спосабу ўзнікнення ФА і выразнай адметнасці вобразнага мыслення чалавека, калі ў выніку ўзаемадзеяння прамога значэння слоў з семамі, што ўтрымліваюць сімвалічны сэнс, занова створаная адзінка набывае другасную намінацыю, якая ўключае «дадатковы сэнс» (Б. А. Ларын) з эмацыянальным і вобразна-экспрэсіўным значэннем.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Забияко, А. П. Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Степина / А. П. Забияко. – М. : Мысль, 2001. – 484 с.
2. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
3. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурин // Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб. : Наука, 1993. – С. 18–31.
4. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. – М. : ГНО-ЗИС, 2004. – 390 с.
6. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб. : Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.
7. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: У 2 т. Т. 1. А–Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с; Т. 2. М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
8. Ляшчынская, В. А. Фразеалагічная эмацыянальная канцэптасфера беларусаў : манаграфія / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2012. – 246 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1: А–В / рэд. тома М. П. Лобан. – Мінск : Галоўная рэдакцыя Бел. Савецкай Энцыклапедыі, 1977. – 608 с.

10. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 926 с.

Abstract. In the article on the basis of phraseological units of the Belarusian literary language with a lexeme component with the root *-god-*, the means and ways of conceptualizing the sacred in phraseological units, the place and role of the sacred as an ideological category in the life of a Belarusian are revealed.

Keywords: phraseological unit, component, God, sacred.

УДК 811.161.1'22'27:39(571.5)

Н. А. Лиханова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Аннотация. В работе представлен региональный паремиологический фонд Восточной Сибири. В качестве источника исследования выступает этнографический материал Г. М. Осокина «На границе Монголии». Данный труд содержит уникальные паремии, анализ которых показал, что они стали «свидетелями» жизни населения забайкальского региона. В представленном паремиологическом материале репрезентирована уникальная этнокультура региона.

Ключевые слова: этнографические и лексикографические источники, региональный языковой материал Восточной Сибири, пословицы, приметы-пословицы.

В развитии любого региона языковые проблемы можно в полной мере понять и оценить только в контексте его культурного и исторического развития, характера освоения этих территорий этническими группами. В данном случае основными признаками интегративного контекста являются междисциплинарность, антропоцентричность и комплексность описания языкового материала.

Когда-то идея интеграции языкознания и этнографии была представлена Н. И. Толстым, который указывал «на роль языка в формировании народной культуры, на необходимость во многих случаях изучать лексику в тесной связи с этнографическим анализом, на экспансию методов лингвистики в этнографии» [1, с. 398]. А. С. Герд обратил особое внимание в рамках этнолингвистического подхода на то, что «лингвистику и этнографию роднит уже сам подход к народной культуре. Этнограф избирает предметом своего анализа те или иные объекты из области материальной и духовной культуры, которым в языке соответствуют отдельные слова и лексико-семантические группы слов» [2, с. 60]. В поле изучения языкового материала актуальными и востребованными стали исследования, которые проводятся в русле регионального осмысления, призванного изучать паремиологическую базу с позиции выявления этнолингвокультурных черт на определенной территории. В этом случае привлекаются не только лексикографические данные, но и архивные документы, этнографический контекст, региональная литература и др. В условиях Восточной Сибири, и в частности Забайкалья, паремиологический фонд получил специфическое развитие, обрел зримые локальные черты, не выходя за пределы общерусских традиций, но имея свои уникальные особенности. Паремиологический фонд языка достаточно широко репрезентирован учеными. Здесь охватываются «пословицы, приметы, загадки, присловья, представляется и набор ситуаций, отражающих межличностные отношения. Паремиологический фонд несет информацию культурологического и прагматического содержания и образует паремиологическую картину мира, которая содержит стереотипные представления народа о мире и его социокультурный опыт» [3, с. 35].

Одним из источников изучения региональных паремий выступает этнографический материал – труд Георгия Михайловича Осокина «На границѣ Монголіи» [4]. В работе исследователь описывает географическое положение территории, историю развития края, рассказывает о составе населения. Репрезентируется духовно-нравственная жизнь «русскаго населенія», бурятского этноса, «населенія приграничной полосы», «русских в Монголии». Представляется «народный эпосъ», сказки, «суевѣрія, поверѣя, примѣты, поговорки», обрядовая культура. Фактически говоря, труд раскрывает формирование региональной картины мира как части национальной картины мира через этнографический взгляд ученого. Г. М. Осокин выступает как лексикограф, представляя 554 лексемы в «Словаре мѣстныхъ забайкальскихъ словѣ» в рамках своего очерка. Уникальным в его книге видится также тематический «Перечень народныхъ лекарственныхъ средствъ Забайкалья», где содержится информация о сборе трав и рецептура их приготовления, систематизируется опыт применения в качестве исцеления минаеральных источников.

Г. М. Осокин в этом отношении сумел интегрировать этнографический и лингвистический контекст, который и сформировал первое представление о «речи сибиряка и ея особенностях». Вот как описывает опыт наблюдения за речью этнограф: «прислушиваясь к рѣчи сибиряка вообще и забайкальца в частности, нельзя не замѣтить нѣкоторого своеобразія въ выговорѣ, интонаціи и употребленіи словъ сибирскаго народа» [4, с. 130]. Речь формировалась под влиянием первых завоевателей Сибири – сибиряков, сосланных семейских – старообрядцев, коренного населения – бурят и оказывало свое влияние на речь приграничного населения Китая и Монголии. Обратим внимание и на тот момент, что труд Г. М. Осокина не становился комплексным объектом изучения этнолингвистического направления, где происходит слияние лингвистического и этнографического материала в единое целое звено, которое отражает систему ценностей народа.

Исследование показывает, что Г. М. Осокин в своем этнокультурно-историческом памятнике смог отразить региональный паремиологический фонд. Автор размышлял об особенностях языковых «параллелей» следующим образом: «наблюдательность буряты въ частной жизни выразилась отчасти въ его нѣкоторыхъ типичныхъ пословицахъ и поговоркахъ. Много есть пословицъ и перешедшихъ отъ русскихъ въ передѣланномъ видѣ <...> например, поговорку: “Тише ъдешъ – дальше будешъ”, буряты замѣнили своей “Хотѣль покороче – пробѣхаль три ночи” или “Чѣмъ журавля въ небѣ – лучше синицу въ руки” измѣнили такимъ образомъ: “Лучше сегодня съѣсть осерд’іе – чѣмъ завтра сулить курдюкъ”, следующая “Скоро сладить – еще скоро разладится”, что значит “Поспѣшишь – людей насмѣшишь”, следующий пример, где отражаются популярные бурятские имена – “Куда Даржей, туда и Санджей”, близко подходит къ русской поговоркѣ – “Куда ракъ съ клешней, туда и конь с копытомъ”. Далее выражение “Свою юрту и ребенокъ снесет” аналогично, что “Своя ноша не тяжела”» [4, с. 226].

Далее этнограф репрезентирует пословицы и поговорки, замечая, что они присутствуют в речи бурятского этноса:

- Сѣтъ – и баранъ невкусенъ, голоденъ – такъ и копыто сойдетъ за курдюкъ;
- Барануху сколько ни спускай (ни скрещивай) с конемъ – жеребенка не принесет – т. е. какъ ни трудись, съ глупым не дождешься добра;
- Вѣришь – бурханъ родится; не вѣришь – чорта растишь, т. е. что невѣріе губительно для людей;
- Лама за юртой нѣсни поетъ – т. е. что кто-либо взялся не за свое дѣло;
- Иноходець рыситъ (бѣжитъ рысью) и коровы обгоняетъ – т. е. за свое дѣло не берись [4, с. 227] и др.

В пословичном материале отражена информация и об отдельных региональных лексемах Восточной Сибири: *курдюк*, *бурхан*, *юрта* и др. В лексикографическом труде В. И. Даля, например, *курдюкъ* – ‘хвостъ, въ которомъ бываетъ до 30 ф. сала; два саль-

ные наросьта на ягодицахъ, по бокам хвостика’, встречается выражение *курдючное сало* у степных народов [5, т. 2, с. 225]; *бурханъ* – в монгольском, калмыцком языках обозначает ‘идолъ’ [5, т. 1, с. 116]; *юрта* в словаре репрезентировано как ‘кочевой шалашъ, балаганъ разного рода’, уточняется автором, что название это дано русскими с монгольского. И юртой зовут именно жилище кочевых инородцев в восточно-сибирских говорах [5, т. 4, с. 690]. Таким образом, мы получаем достаточное представление о функционировании и особенностях «жизни» региональных слов.

Пословичный материал содержится также в приметах как составляющих паремиологического фонда, которые репрезентует этнограф: «нѣкоторыя изъ примѣтъ встрѣчаются въ формѣ прибаутокъ, поговорокъ и пословицъ» [4, с. 111]. Исследователь И. В. Киселева определяет этот жанр терминологически как «приметы-пословицы» [6, с. 95], в них выявляются разные стороны жизни человека в определенный период его исторического развития.

Заметим, что приметы Г. М. Осокиным внутри этнографического материала тематически структурированы: «Рождене ребнка», «Бракъ», «Смерть и похороны», «Повѣрья и примѣты на разные случаи жизни», «Примѣты на погоду». Эта тематика позволяет поразмыслить над тем, что этнограф достаточно внимательно наблюдал за процессом жизни, речи в Восточной Сибири. Среди примеров выделим такие: *Сова кричитъ, собака воетъ* – указывает на приближающуюся смерть. В пословице отмечается наблюдательность, анализ народом природных явлений, которые несли трагедию. Несчастье «сулили», по словам этнографа, и явления, отраженные в приметах *Звонъ въ ухахъ* – о приближающей смерти кого-то из родственников, *Домъ трецтит* – к несчастью или к покойнику. Автор приводит также приметы-пословицы *Пѣтухъ кричитъ не въ урочный час, курица роется в землѣ, собаки лѣнны и спѣтъ* – в сознании жителей Забайкалья такое поведение животных предвещало дождь; *Лошадь ночью ржетъ, корова мычитъ* – указывает на пожар [4, с. 109–110] и др. Пословица таким образом «превращается» в примету (или наоборот), что может объясняться близостью поджанров паремиологического фонда.

Говоря об этнолингвокультурной специфичности паремиологического фонда, обозначим важную проблему, которая касается отражения пословиц в различных источниках. Как правило, диахронический подход в видении специфики единиц пословичного фонда определенного языка сегодня, «во-первых, недостаточно репрезентативен, поскольку часто отсутствует необходимая фактическая информация (в силу различий в глубине паремиографического описания пословичных фондов разных языков), во-вторых, методологически необоснован, поскольку исследования в области истории и этимологии пословиц еще во многом остаются в области экстралингвистических интерпретаций (на основе этнографической, исторической, социокультурной информации)» [7, с. 997]. Таким образом, современные исследователи все чаще актуализируют мысль об использовании комплексных знаний при исследовании языкового материала.

Мысль об интеграции этнографии и лингвистики прозвучала в контексте данной работы следующим образом:

- этнографический материал становился базой для лексикографирования региональной культуры, которая была заложена первопроходцами Сибири, оседлыми поселенцами из всех уголков России, Белоруссии, связавшими свою судьбу с Забайкальем;
- контекст этнографических данных указывает на историческое развитие культуры коренного народа Забайкалья (буряты, эвенки), которое не стало всеобъемлющим в Восточной Сибири, но оказало существенное влияние на региональные особенности языка;
- Г. М. Осокин в своем этнографическом труде «На границе Монголии» отразил артефакты, которые могут стать основой ряда лингвистических работ;
- пословицы, приметы-пословицы, отраженные в разных эпизодах этнографической работы Г. М. Осокина, являются частью лингвокультуры населения Восточной Сибири.

Список использованных источников

1. Толстой, Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики / Н. И. Толстой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 40. – № 5. – С. 397–405.
2. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику / А. С. Герд. – СПб. : СПбГУ, 2005. – 280 с.
3. Антонова, Е. Н. Паремология без границ : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимировна и др. – М. : РУДН, 2020. – 244 с.
4. Осокин, Г. М. На границѣ Монголии. Очерки и материалы къ этнографіи юго-западнаго Забайкалья съ рисунками / Г. М. Осокин. – СПб. : Типографія А. С. Суворина, 1906. – 304 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [в 4-х т.]. – 8-е изд. – М. : Русский язык, 1981.
6. Киселева, И. В. Правый и левый в пословицах и приметах / И. В. Киселева // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 94–97.
7. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 996–1035.

Abstract. The paper presents the regional paremiological fund of Eastern Siberia. The ethnographic material of G. M. Osokin “On the border of Mongolia” is presented as a source of research. This work contains unique proverbs obtained by sampling from contextual material. The analysis of proverbs showed that they became “witnesses” of the life of the population of the Trans-Baikal region in the conditions of the borderlands. The presented paremiological material reflects the specifics of the speech of the population, the dialect words that formed the ethnoculture of the region.

Keywords: ethnographic and lexicographic sources, regional linguistic material of Eastern Siberia, proverbs, a sign is a proverbs.

УДК 811’373:398.92:128

В. А. Маслова

ФРАЗЕОЛОГИЗМ – «ДУША» ЛЮБОГО ЯЗЫКА, А В ЧЕМ «ДУША» ФРАЗЕОЛОГИЗМА?

Аннотация. В статье показано, что «душой», основой фразеологизма, на которой держится и культурная коннотация, и образ фразеологизма, и другие составляющие модели, предложенной В. Н. Телия, является квазисимвол. Выявление механизмов формирования образно-символьной составляющей поможет лучше понять когнитивную деятельность языковой личности.

Ключевые слова: фразеологизм, образ, метафора, символ, квазисимвол.

Ответом на поставленный вопрос и будет намеченная актуальная область исследования фразеологии, работы по которой есть в России (В. Н. Телия, Г. В. Токарев и др.), но не известны в Белоруссии. Мы рассмотрим образ, метафору, символ и квазисимвол и их роль в формировании фразеологизма. Все названные сущности служат для выражения глубин нашего миропонимания и способны приоткрыть тайну механизмов создания знаний, закрепленных во фразеологическом составе языка. В. Н. Телия еще в конце прошлого века писала: «Система образов служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения» [1, с. 215]. Как видим, В. Н. Телия на первое место ставила образ фразеологизма, а метафора и символ у нее были средствами создания образности во фразеологии.

Так что же важнее: образ, метафора, символ или квазисимвол? Решив данный вопрос, мы выявим роль названных явлений в формировании фразеологических единиц, во-первых, и важный способ представления ментального мира человека, во-вторых.

Представляется, что начать разговор следует с анализа термина «символ». Ю. М. Лотман писал, что «слово “символ” одно из самых многозначных в системе се-

миотических наук» [2, с. 21]. А. Ф. Лосев отмечал: «Понятие символа и в литературе и в искусстве является одним из самых туманных, сбивчивых и противоречивых понятий» [3, с. 82]. Хотя исследование символа идет из Античности, к нему обращались и средневековые схоласты; далее идет направление символизма в искусстве, психологическая парадигма символа-архетипа К.-Г. Юнга, «мифологическая парадигма» Мирчи Элиаде и Рене Генона.

Наряду с основным термином «символ» в гуманитарных науках широко используются «парасимвол» и «квазисимвол». Так, еще О. Шпенглер предложил термин «парасимвол» для представления культуры в пространственной протяженности. Если египетская душа видит себя идущей по предначертанному пути, то ее парасимвол – дорога; парасимвол арабской культуры – мир-пещера, идея такого мировосприятия выразилась в изобретении арки и купола (первое купольное сооружение – Пантеон в Риме – построено архитектором-сирийцем); парасимвол русской культуры – бесконечная равнина. Вероятно, поэтому даже время (век человеческий) у русских представляется пространством: *Жизнь прожить – не поле перейти*.

Символ лежит в основе самой лингвокультурологической концепции В. Н. Телия о «живодействующей» взаимосвязи языка и культуры, ее важнейшими понятиями являются «*Homo symbolicus*» («человек символический»), «культура как символическая Вселенная», «символ», «квазисимвол». Она писала: «Установки культуры, обретая ту или иную знаковую форму, образуют... символическую вселенную, в которой человек и осуществляет свою жизнедеятельность» [4, с. 18].

Не рассматривая специально вопрос о природе и значении символа, В. Н. Телия предлагает термин «квазисимвол»; в отличие от символа в традиционном его понимании, где носителем символической функции выступает предмет, артефакт, здесь «материальным экспонентом» замещения идеи является не реалья как таковая, а имя реалии [1, с. 243]. Выражение «символическая Вселенная» в метаязыке В. Н. Телия, равно как и понятие «*Homo symbolicus*», восходит к философии символических форм Э. Кассирера, лежащей в основе его философии культуры. Согласно учению Кассирера, человек, в отличие от обитателей животного мира, существует «не просто в более широкой реальности», но «живет как бы в новом измерении реальности», воспринимая реальность через посредство символов [5, с. 471]. Другими словами, человек обитает в «символическом универсуме».

Думается, что лучше всего для описания фразеологического фонда подходит термин *квазисимвол*, потому что во фразеологизме мы наблюдаем вторичную номинацию.

Бесспорно, важен во фразеологии и образ, и метафора, которая, играя смыслами, создает образ, отражающий культуру народа. Образ фразеологизма создается также живой внутренней формой, которая предполагает образно-ассоциативное восприятие. Но именно символ (квазисимвол), как нам кажется, является «душой» фразеологизма. Почему?

1. Основываясь на образе, символ гораздо богаче его, это своего рода веер смыслов, т. е. богатый и потенциально открытый образ. Вероятно, поэтому В. Н. Телия, анализируя образ и метафору, считала их «“нишами” для кумуляции мировидения» [1, с. 215], которые «занимают промежуточное положение между ментальным и вербальным миром» [6, с. 32]. Если метафора – способ представления нового знания, способ объяснения мира, то символ делает видимыми и узнаваемыми представленные в метафоре идеи, из символов состоит культура. 2. Символ (и квазисимвол) сложен, только он способен выразить невыразимую составляющую культуры. А. Блок тоже считал, что символ должен быть темен в своей последней глубине, вероятно, именно этой темнотой он особенно воздействует на человека. 3. Символ имеет более высокий семиотический статус, чем образ. Это связано с тем, что символ чаще интерпретируется в терминах культуры (сравн.: **рука** – символ власти и символ помощи в русской культуре: *из первых рук, быть правой рукой, иметь свою руку, держать в руках* (быть

в подчинении), *взять в руки* (заставить подчиняться), *прибрать к рукам* (полностью подчинить), *попасть в руки, лапы* (оказаться во власти кого-то), отбиться от рук (выйти из подчинения) а также символ наказания – *рука не дрогнет, руки чешутся, поднимать руку*. Оценку в этих фразеологических единицах нужно трактовать в зависимости от Я-ТЫ-ОН-грамматики (Э. Бенвенист): *держать в руках, взять в руки* – позитивная оценка с позиции Я, говорящего, субъекта. *Отбиться от рук* – отрицательная оценка с позиции Я-грамматики. *Попасть в руки, лапы* – отрицательная оценка с позиции Он-грамматики, субъекта, с которым производят действие. *Жизнь – полная чаша* – это символ, который объясняет целый ряд единиц языка: *испить чашу жизни, жизнь кипит, брызжет, переливается через край*.

Символ более важен также и для самой культуры, он является базисным термином философии культуры, исходной для которой становится понимание человека как Homo symbolicum. При этом, как считают философы, «символичность и реальность не противопоставлены друг к другу, а составляют одно живое двуединство» [7, с. 279]. Французский лингвист Э. Бенвенист вторит ему: как универсальная семиотическая матрица, моделирующая структура [8, с. 87] язык совмещает в себе знаковое и символическое. Следовательно, и в языке заложено символическое. Один из основоположников символизма в русском искусстве Вячеслав Иванов писал: «Подобно солнечному лучу, символ пронизывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждой сфере иное назначение» [9, с. 29].

Каковы же механизмы встраивания символа во фразеологизм? В нем материальной формой символа (квасисимвола) является слово, звук, образ, метафора: *тянуть волюнку, играть в бирюльки* в значении ‘заниматься несущественным делом’. *Бить по карману* – метафора в значении ‘наносить материальный ущерб’. Во фразеологизме символ возрождается в относительно новом качестве, зачастую теряя все семантические связи со своими прообразами – волюнка, карман и др.

Символ – высшая форма знания, и потому он предельно абстрактен, условен, размыт. Так, якорь в разных фразеологизмах предстает различными значениями: *бросить якорь* – символизирует остановку, *стоять на якоре* – устойчивость. В основе формирования символа здесь лежит функция якоря. Это сравнительно простой символ, содержание его во фразеологизмах вытекает из назначения якоря. Несколько сложнее символ рубашки: *последнюю рубашку снять* – символ бедности; *родиться в рубашке* – быть защищенным, счастливым; *своя рубашка ближе к телу* – символизирует близкое, родное по крови или духу. То, что в современном языке стало символом, ранее им не являлось, а непосредственно манифестировало заключенные в нем смыслы, которые через метафору, метонимию, образ сформировали символ.

Есть более сложные символы: *крест* – это символ жертвенности (*нести свой крест*); соединение земли и неба, духовной высоты, т. е. неба (вертикаль) и земли, т. е. материального мира – горизонталь (*между небом и землей*); крест во время молитвы – наше согласие с Христом, т. е. символ веры Христовой (*креста на нем нет*) и т. д. Вероятно, не следует искать наиболее точный смысл символа, надо сосредоточить внимание на доступных для восприятия и понимания узуальных значениях и на узловых точках корреляции значений в символе. Например, *голубь* – это символ Святого Духа, символ мира, но и символ потустороннего мира (у М. Цветаевой в «Переулочках» такие голуби *воронье*). Таким образом, важнейшее свойство символов – их имманентная многозначность, диффузность, расплывчатость границ.

Можно выделить целый ряд признаков символа: образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания, многозначность, расплывчатость границ значений в символе, архетипичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурная специфичность целого ряда символов.

В разные эпохи и в различных обстоятельствах одни и те же символы имеют разные значения. Первоначально слово *язычник* означало сельского лесного жителя, который поклонялся силам природы. Сравн. лат. *pagani* – «обитатели сельской местности». Сейчас *язычник* стал синонимом «злодей, поклоняющийся дьяволу». Трезубец Посейдона трансформировался в вилы дьявола, остроконечный колпак мудреца – в головной убор ведьмы.

Символ – носитель культурной коннотации, закрепляющий ее во фразеологизме. Рассмотрим один из примеров подробнее: *одним миром мазаны* – фразеологизм чаще используется с негативной коннотацией; объяснить ее без культурных знаний практически невозможно, потому что таинство миропомазания в христианстве – великое позитивное таинство, а негативная оценка появляется лишь в речи иноверцев или атеистов, но постепенно их становится все больше, и коннотация закрепляется в языке. Как видим, в символе «работает» синкретический подход, при котором языковые и культурные смыслы переплетены.

Современные фразеологи, с моей точки зрения, допускают некоторые отклонения в поиске механизмов формирования и функционирования фразеологических единиц. Чаще всего это касается глагольных фразеологизмов, потому что глагол, будучи важнейшей категорией в языке, во фразеологии уступает свое первенство слову-символу: например, *брать горлом* («добиваться чего-либо криком»), *брать грудью* («побеждать сильным напором»), *брать за душу* («волновать»). Названные фразеологизмы будто бы сходны на уровне поверхностного смысла, так как общим для них является стержневой глагол *брать*. Однако глубинные смыслы формируются вокруг зависимых слов-символов при участии культуры, обозначают разные сферы: физических действий (*брать грудью*), эмоциональных состояний (*брать за душу*) и т. д. Становится понятным, что современная лингвистика должна интересоваться именно механизмами создания глубинных смыслов, а не поверхностным бухгалтерским учетом грамматических или фонетических характеристик в количественном исчислении. Как известно, количественные показатели не релевантны в языке.

Заключение. Вся когнитивную (познавательную) деятельность человека можно рассматривать как дающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты: фразеологизмы помогают многое понять здесь. Вскрытие механизмов формирования образно-символьной картины мира во фразеологии поможет лучше понять когнитивную деятельность языковой личности. Приведенные рассуждения очерчивают направление для дальнейшего развития концепции образа и символа во фразеологизмах. С одной стороны, эти знания прольют свет на лингвокультурное представление ментального мира языковой личности. С другой, они важны для самой фразеологии, так как при этом раскрываются механизмы фразеологической образности, символичности, роли метафоры, лежащих в основе возникновения фразеологических единиц, мотивов и направлений переноса значений и смыслов. В пользу традиционной фразеологии отметим, что некоторые частные проблемы, вытекающие из сказанного, помогут решить и количественные подходы, например, выяснить мотивы переноса. Навскидку с помощью Большого фразеологического словаря удастся установить, что ведущие мотивы переноса значений во фразеологизм идут от сходства содержания, образа действия, цели и результата действия, а также сходства функций (*содрать шкуру, спать и видеть* и др.).

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. – М. : «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
2. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн : «Александра», 1992. – 247 с.
3. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – 2-е изд., испр. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.

4. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – С. 13–24.
5. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М. : Гардарика, 1998. – 781 с.
6. Токарев, Г. В. Лингвокультурный символярий: квазисимволы: монография / Г. В. Токарев. – Тула : ТППО, 2021. – 113 с.
7. Флоренский, П. Философия культа / П. Флоренский. – М. : Издательство «Мысль», 2004. – 685 с.
8. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1987. – 447 с.
9. Иванов, Вяч. Две стихии в современном символизме // Вяч. Иванов. Собрание сочинений. Т. II / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель, 1974. – С. 536–561.

Abstract. The article shows that the “soul”, the basis of the phraseological unit, on which both the cultural connotation and the image of the phraseological unit and other components of the model proposed by V. N. Telia, is a quasi-character. Identification of the mechanisms of formation of the figurative-symbolic component will help to better understand the cognitive activity of a linguistic personality.

Keywords: phraseological unit, image, metaphor, symbol, quasi-symbol.

УДК 811.161.1'42'371:398.92:392.42

О. Н. Мельникова

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВОГО СЛОВЕСНОГО КОМПЛЕКСА ХУЛА И ХВАЛА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования устойчивого словесного комплекса *хула и хвала*, построенного на основе антонимии (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка). Предполагается, что функционирование данной фразеологической единицы связано с особенностями семантики и внутренней формы ее ключевых компонентов.

Ключевые слова: фразеологизм, сочетаемость, лексема, этимология, семантика, внутренняя форма.

Любое наименование в языке является результатом опыта, поскольку ему предшествует познавательная деятельность человека. Результаты этой познавательной деятельности, экстралингвистические мотивы переосмысления наиболее наглядно представлены в образной составляющей фразеологических единиц. В ряде случаев функционирование фразеологизма обусловлено особенностями семантики и внутренней формы его ключевых компонентов.

Объектом рассмотрения в данной статье является устойчивый словесный комплекс *хула и хвала*, построенный на основе антонимичных отношений. Лексема *хвала* сопровождается стилистической пометой «высокое» и определяется как ‘высокая похвала’: *Хвала герою! Воздавать хвалу кому-, чему-нибудь* [1, с. 747]. Лексическое значение лексемы *хула*, сопровождающейся пометой «старое», определяется следующим образом: ‘то, что порочит кого-, что-нибудь, осуждение, порицание’: *Изрыгать хулу. Произносить хулу* [1, с. 756]. Устойчивость рассматриваемого словесного комплекса базируется не только на антонимических отношениях, заданных семантической структурой языка, но и на фонетическом параллелизме, созвучии этих двух компонентов. В различных контекстах лексемы *хвала* и *хула* регулярно противопоставляются, сравн.: *От других мне хвала – что зола, От тебя и хула – похвала* (А. Ахматова); *Лучше умная хула, чем дурацкая хвала*. В словаре антонимов фиксируется не только антонимичная пара *хвала – хула*, но и пары однокоренных лексем: *хвалить – хулить, хвалитель – хулитель* [2].

О противоположности семантики рассматриваемых лексем и их производных свидетельствуют также данные толковых словарей.

Глагол *хвалить* отражает значения, связанные с выражением положительного эмоционального отношения: ‘одобрять, превозносить’, ‘называть добрым, хорошим’, ‘признавать достоинство, добрые качества’: *Хвалю (люблю) молодца за обычай! Как вас хвалят? пск. (честят, зовут по отчеству); Так это-то ваш хваленый конь? (пресловутый).* Одобрительная оценка кого-, чего-либо, выраженная в словесной форме, является темой множества паремий, сравн.: *Хвали утро вечером. В очи не хвали, за очи не брани. Хороша дочь Аннушка, коли хвалят мать да бабушка! Скорого дела не хвалят. Всяк свое хвалит. Дурак дурака и хвалит. Всякий купец свой товар хвалит. Всякая работа мастера хвалит. Не хвали жену телом, а хвали делом. Всяк правду хвалит, да не всяк ее хранит* [3].

Возвратный глагол *хвалиться* выражает значения ‘похваляться, величаться, хвастаться’: *Не хвались, а лучше Богу помолись. И собой не хвалюсь, и людей не хваю. Не хвались отъездом, хвались приездом;* ‘угрожать, грозить мезтью’: *Хвалился, что деревню сожжет. А польской и литовской король хвалится на Московское государство* [3].

Имеются также многочисленные именные производные: *хваленье, хвальба* ‘действие по глаголу *хвалить*’, ‘хвастовство’: *Хваление Богу, живем и здравствуем. Хвальба сорочки не даст; хвалена, хваленка, хваленушка* ‘хваленая, пресловутая, прославленная вещь’: *Не бери дальней хваленки, а бери ближнюю хаянку; хвальчивый* ‘хвастливый, бахвальный’; *хвалитель, хвалительница, хвальщик, хвальщица* ‘хвалящий(-ая) что, кого’; *хваленик, хваленица* ‘воздающий(-ая) хвалу’; *хваленик, хваленица* ‘купленный хвалитель и славитель, пролаза и льстец’; *хвалько* ‘бахвал, самохвал’: *Хвалько нахвалится, а будько набудется!; хвалословие* ‘воздание хвалы, славы, почета’ [3].

Большинство однокоренных диалектных образований выражает семантику, связанную с одобрительной оценкой: *выхвалка, выхвальба* арх., костр. ‘хвастовство, стремление показать себя с хорошей стороны’, ‘похвала’: *Это он на выхвалку рубли-то бросает* [4, вып. 6, с. 48], *похвал* ‘одобрение, похвала’, *честная похвала* ‘доброе мнение, добрая слава’, *похва́лы* ‘свадебные величальные песни в честь жениха’, *похвалуга, похвалуха* пск. ‘одобрение, похвала’, *похвалка* ‘поздравление, величание новобрачных’, ‘похвальба, хвастовство’, *похвалиный стол* ‘известный на всю округу пир’ [4, вып. 30, с. 341–342]. При этом отмечается и лексема с отличной семантикой, сравн.: *похвалки* ‘угроза кому-либо’ [4, вып. 30, с. 342].

Семантика глагола *хулить* связана с вербальным выражением крайне неодобрительного отношения к кому-, чему-либо: ‘не одобрять, порицать’, ‘хаять, порочить’, ‘унижать, оуждать’, ‘осуждать, обзывать дурным, плохим, негодным’: *Не выдавши, не хули. Плохая работа сама себя хулит. Не хвали в очи (в глаза), не хули за очи (за глаза). Чего хвалить не умеешь, того и не хули.* Возвратный глагол *хулиться* отражает значение ‘притворно плакаться, жаловаться на торговые барыши, не выказывая, скрывая, либо умаляя их’. *Полно тебе хулиться, знаем мы тебя!* Отмечается употребление многочисленных префиксальных производных, сравн.: *Выхулил себе коня, опорочил, купил задешеве. Уж дохуливай до конца, захули вовсе. Нахулилсь вволю. Охулили новокупку мою. Хули, да не перехуливай. Расхулить в пух.* Сравн. также значения производных существительных и прилагательных: *хуленье* ‘действие по глаголу *хулить*’, *хулительный, хульный, охульный* (отзыв, речи) ‘порицающие, оуждающие’; *хулитель, хулительница, хулильщик, хулильщица, хульник, хульница, хульщик, хульщица* ‘тот, кто хулит, бранит, хает, порочит что, кого’ [3].

Семантика родственных диалектных образований также связана с различными проявлениями негативной оценки: *ыхаивать* вят. ‘бранить, дурно отзываться о ком’ [4, вып. 6, с. 48], *охайщик* арх. ‘тот, кто смеется над всеми, всех ругает’, *охайма* моск. ‘озорник, озорница, шалун, шалуныя’ [4, вып. 25, с. 23], *похаивать* алтайск. ‘охаивать, поругивать’, *похайка* твер. ‘осуждение кого-либо, позор, срам’ [4, вып. 30, с. 342].

В этимологии рассматриваемых ключевых слов *хула* и *хвала* также обнаруживается определенный параллелизм, обусловленный синкретичным характером исходной семантики.

Имя существительное *хула* восходит к праславянской лексеме **xula*, продолжения которого выражают сходные значения, сравн.: ст.-слав. *хула* ‘хула, обвинение’, ‘богохульство’, болг. *хула* ‘хула, зловословие, клевета’, сербскохорв. диал. *hūla* ‘хула, порицание’ [5, с. 114], др.-русск. *хула* ‘порицание’, ‘позор, поношение’, ‘хула, богохульство’ [6, с. 1420]. При этом обращает на себя внимание семантика бел. диал. *хула* ‘хвала’: *Хула табе, божа...* [5, с. 114].

Этимологи сближают праслав. **xula* с др.-инд. *svárati* ‘звучать, петь, воспевать, хвалить’. Отмечается, что праслав. **xula* связана чередованием гласных с **xvala*, продолжая соотношение индоевропейских корней **sou-l-*: **sū-ō-l-* [5, с. 115].

Праславянская лексема **xvala* обнаруживает в славянских языках следующие продолжения: ст.-слав. *хвала* ‘хвала, слава, благодарение’, болг. *хвала* ‘хвала, слава’, сербскохорв. диал. *хвала* ‘слава’, ‘хвала, похвала’, ‘благодарность’ (сравн.: на *hval pitti* ‘идти на пользу, быть к стати’), ст.-чеш. *chvála* ‘слава, хвала’, ‘славословие’, чеш. *chvála* ‘похвала’, н.-луж. стар. *chwala* ‘хвала, честь’, ‘храбрость, мужество’, ст.-польск. *chwala* ‘слава’, ‘вечное блаженство’, ‘хвала, славословие’, польск. *chwala* ‘хвала, похвала’, ‘честь, слава’ [5, с. 118–119], др.-русск. *хвала* ‘восхваление, хвала’, ‘славословие’, ‘похвальба’, ‘благодарение’ [6, с. 1363].

По мнению этимологов, природа этимологической общности *хула* и *хвала* состоит в том, что и то и другое первоначально обозначало устные действия: ‘крик ликующий, торжествующий, хвалебный’ – ‘крик негодующий, презрительный’ [5, с. 115]. Таким образом, исходная семантика синкретически передавала как громкое славословие, так и неистовое негодование.

Образная составляющая рассматриваемых лексем находит свое воплощение в устойчивом сочетании *хула* и *хвала*. Несмотря на некоторую архаичность звучания, содержание данного словесного комплекса представляется вполне актуальным, а понятия «хвала» и «хула» концептуализируются и осмысливаются в связи проблемой оценочности в языке и коммуникации [7].

Рассмотрим особенности употребления устойчивого словесного комплекса *хвала* и *хула* на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [8]. Как показывают результаты исследования текстов, размещенных на данном ресурсе, устойчивый словесный комплекс *хвала* и *хула* характеризуется частотностью употребления. Поскольку значение данного фразеологического сочетания связано с проявлениями речевой деятельности, представляется закономерным, что в большинстве случаев *хвала* и *хула* употребляется для характеристики отношения, выраженного вербально. В ряде контекстов семантика рассматриваемого словесного комплекса описывается как то, что может быть воспринято на слух: *Ведь мы привыкли, что все вокруг суетятся, что-то пишут, читают написанное дрожащими от волнения голосами и терпеливо выслушивают хулу и хвалу, и только Юлик, один-единственный ничего не пишущий и потому неуязвимый, возвышается над нами, как верховный судья* (Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания); *Я сказал: «А хочешь – будешь спать в заброшенной избушке, утром пальчики девичьи будут класть на губы вишни, глушь такая, что не слышна ни хвала и ни хула...»* (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский).

Однако выделяется довольно значительная часть примеров употребления рассматриваемого словесного комплекса, связанная с характеристикой испытаний, которые выпадают на долю человека: *Ему была уготована жизнь человека, что умрет в своей постели, испытав раннюю и позднюю любовь, хулу и хвалу, но умрет навсегда, а Мосштамп будет вечно странствовать по земле, выбравшись из-под груды мертвецов на дальневосточной пересылке* (В. С. Березин. «Англетер»); *Мало кто мог столь успешно витийствовать на сцене перед глазами всего человечества... беря на себя и хулу, и хвалу, не стыдясь, а гордясь своей палаческой ролью* (А. Ваксберг. Страницы одной жизни). При этом в ряде случаев подчеркивается необъективный, предвзятый ха-

рактёр отношения, выражаемого словесным комплексом *хвала и хула*: *Кстати, я не люблю Москву и за то, что хвала и хула здесь вопрос не вкуса, а моды* (Дмитрий Губин. Пятая колонка (1997) // «Столица», 17.06.1997); *Достигалось это тем, что в них хвала и хула были распределены в строгой зависимости от того, кто как платил* (А. К. Дживелегов. Очерки итальянского Возрождения);

Как свидетельствуют наблюдения над языковым материалом, в качестве объекта отношения, выраженного устойчивым словесным комплексом *хвала и хула*, закономерно выступают различные проявления словесного творчества: *Увидевший свет в 1923 году роман «Самопознание Дзено», – выпущенный, как и предыдущие, на собственные средства, – вызвав хвалу и хулу во Франции и Италии, прервал д'аннунцианский захлеб на Апеннинах и явил миру зрелого мастера...* (Юрий Буйда. Щина // «Знамя», 2000); *Наконец, давно ли боялась заглядывать в журналы, украдкой листала их в магазинах, а дома прятала под подушки, ибо и хвала, и хула в них ее первой книги казалась незаслуженной* (В. М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург); *В подобном разборе, как правило, критик четко формулирует то, что ты сам лишь смутно ощущал... И здесь иные мерки, нежели хула или похвала. Здесь автор рецензии, по сути, твой соратник, мы с ним разговариваем на одном языке* (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги).

Компоненты рассматриваемого словесного комплекса достаточно регулярно выступают в ряду противопоставлений: *Бог с ними, с профессиональными обличителями; хвала и хула, ода и инвектива («наезд», в буквальном переводе с латинского) – традиционные жанры русской поэзии* (Владимир Лапенков. Ars rossica: литературная Россия и фабула глобализации // «Звезда», 2003); *Суворов, Румянцев и Потемкин: мифы и дела, хула и хвала, забвение и слава...* (Сергей Баймухаметов. Триумфальная арка (2003) // «Вестник США», 15.10.2003); *Ему хвала или хула, Святой елей и комья грязи, Благой порыв и козни зла – Что блики пёстрые в алмазе...* (Мария Семенова. Волкодав: Знаменные пути); *В те времена, как и во все другие, почет и позор, хвала и хула раздавались по разнарядке* (Вацлав Михальский. Прощеное воскресенье // Октябрь, 2009); *Когда кто имеет такой слабый и низкий дух, что для него все равно, честь и бесчестье, хвала и хула, слава и стыд, то такой недостаток называется подлость* (Я. П. Козельский. Философические предложения).

Кроме того, лексемы *хвала* и *хула* достаточно регулярно выступают в одном контексте, демонстрируя различные виды смысловых отношений: *Даже в дружеском разговоре Кайсаров следил, чтобы хула не перевесила хвалу* (Ольга Новикова. Женский роман); *Уже снеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже вержся Дивь на землю...* (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. XI–XV вв.); – *Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Итак, на основе рассмотренного материала Национального корпуса русского языка можно сделать вывод, что устойчивый словесный комплекс *хвала и хула* характеризуется достаточно широкими сочетаемостными возможностями. Кроме того, компоненты рассматриваемой фразеологической единицы регулярно выступают в ряду лексем, противопоставленных по значению. Внутренняя форма антонимов *хвала* и *хула* базируется на синкретизме исходной семантики, связанной с обозначением вербальных проявлений как одобрительного, так и осуждающего характера.

Список использованных источников

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1985. – 797 с.
2. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/info/lv/>. – Дата доступа : 12.09.2022.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/372918>. – Дата доступа : 04.09.2022.
4. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1970. – Вып. 6. – 358 с.; 1990. – Вып. 25. – 352 с.; СПб. : Наука, 1996. – Вып. 30. – 341 с.
5. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1981. – Вып. 8. – 252 с.
6. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. III. – 1802 с.
7. Фёдорова, Л. Л. Хвала и хула в языке и коммуникации – хроника события / Л. Л. Фёдорова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2013. – № 2. – С. 221–231.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgora.ru>. – Дата доступа : 14.09.2022.

Abstract. The article discusses the features of the functioning of a stable verbal complex *khvala i khula*, built on the basis of antonymy (based on the material of texts presented in the Russian National Corpus). It is assumed that the functioning of this phraseological unit is associated with the peculiarities of semantics and the internal form of its key components.

Keywords: phraseology, compatibility, lexemes, etymology, semantics, internal form.

УДК 811.161.1'373-25:398.91

Н. Б. Мечковская

ПОСЛОВИЦЫ И АНТИПОСЛОВИЦЫ О ЯЗЫКЕ И РЕЧИ: ПАРОДИИ НА МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ПАРЕМИИ И ИХ ВКЛАД В ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯЗЫКЕ

Аннотация. Антипословицы о языке и речи (современные пародийные варианты и переделки фольклорных метаязыковых пословиц, известных по записям XIX в.) рассматриваются как новые смыслы, дополняющие исторически сложившиеся базовые представления обыденного сознания народа о языке и общении. Для содержания антипословиц релевантны такие идеи и тенденции, как нарастающий пессимизм в оценках речевого общения и перспектив самовыражения в слове; признание необходимости самоцензуры; непреодолимость конфликта слова и дела, одиночества и коммуникации; нек. др. В силу пародийной (вторичной и зависимой от первоисточников) природы антипословиц, их релевантность в общей картине метаязыковых представлений народа невелика, однако антипословицы о языке и речи важны как документы эпохи, говорящие о состоянии умов и отношении к жизни и коммуникации в обществе на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: пословицы и антипословицы с метаязыковой семантикой, пародийная и комическая направленность антипословиц, неизвестные классическому фольклору смыслы метаязыковых антипословиц.

1. Феномен антипословиц: термины и словари. Антипословицы – это варианты и переделки фольклорных пословиц, известных по записям XIX в., созданные для комического эффекта. Способы преобразования исходных пословиц различны. Один из самых если не частых, то наиболее комически действенных способов состоит в контаминации частей двух пословиц: на основе паремий *Баба с возу – кобыле легче* и *И волки сыты, и овцы целы* образовалась антипословица: *Баба с возу – и волки сыты*.

Феномен индивидуально-авторского преобразования ходячего оборота или пословицы отмечен еще у Аристофана, однако термин *anti-proverbs* [антипословицы] появился относительно недавно – в 1982 г., в работе Вольфганга Мидера (Mieder), профессора немецкого языка и фольклора в Вермонтском университете. Термин распространился после выхода в свет книги Мидера и Анны Т. Литовкиной «*Old proverbs never die, they just diversify: a collection of anti-proverbs*» [‘Старые пословицы не умирают,

они лишь разнообразятся: сборник антипословиц'] (2006). По аналогии с термином *антипословица* появились термины для вариантов и переделок других феноменов текста: *антицитата, антипритча, антиафоризм*, а также *постпословица, постпоговорка*. В разных странах выпускаются и быстро раскупаются сборники произведений этого «нового фольклора». Широко известны сборники Харри Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» (2005), см. [1]) и «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» В. М. Мокиенко и Харри Вальтера (2008, см. [2]). В 2021 г. в международном издательстве Palgrave Macmillan вышел в свет пятиязычный словарь «Anti-Proverbs in Five Languages: Structural Features and Verbal Humor Devices»; см. также исследование составителей [3], связанное с подготовкой словаря. Сотрудник Вермонтского университета Андрей Резников издал несколько словарных выпусков новых русских антипословиц: *Old Wine in New Bottles. Modern Russian Anti-Proverbs (Proverbium Supplement Series, Vol. 27. 2009)*; *Russian Anti-proverbs of the 21st Century: A Sociolinguistic Dictionary (Proverbium Supplement Series, Vol. 35. 2012)*. Публикуются исследования о антипословицах, а также сборники антипословиц в разных языках Европы, Азии, Африки (в частности, Нигерии).

Авторство антипословиц (а их придумывают многие тысячи людей) в какой-то мере известно исследователям, издателям, редакциям. Новизна мыслей и юмор, а иногда и сатира делают сборники антипословиц популярными в широких кругах читателей (многие из них и сами упражняются в переиначивании популярных клише). По-видимому, игровое и юмористическое преобразование знакомых истин отвечает каким-то творческим, интеллектуальным и культурно-эстетическим интересам и запросам современного человека. Нигерийский писатель и исследователь антипословиц Адейеми писал, что они добавляют юмора, красок и красоты его произведениям и «стимулируют критическое сознание читателей»: «Новые пословицы побуждают писателей к творчеству и раскрывают скрытые значения пословиц» [цит. (в переводе) по: Anti-proverb // Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.google.com/search?> – Дата доступа : 10.09.2022].

2. Антипословицы, восходящие к метаязыковым паремиям и афоризмам. Средоточенные на метаязыковых высказываниях и пародийные (т. е. метаязыковые) по своей природе, антипословицы данной группы как бы вдвойне наполнены метаязыковой рефлексией. Структурная организация их разнообразна. Наиболее яркие или выигрышные случаи основаны на контаминации пословиц, в одном случае – сразу трех: *Слово – не воробей, упадет с возу – не вырубшь и топором*.

Традиционные метаязыковые пословицы-императивы, основанные на противопоставлениях (*Не спеши языком, спеши делом; Говори меньше, слушай больше*) отозвались в ряде таких же лаконичных антиафоризмах, но с более сложной логикой (что и побуждает читателя задуматься): *Меньше говори, больше двигайся; Меньше делай, больше говори; Думай много, говори мало и ничего не пиши!* Антипословицы, как и литературные пародии, появляются для широко известных и ярких паремий, которые у всех на слуху и легко угадываются при восприятии антипословицы (с чем и связан комический эффект и эстетическое удовольствие от ее восприятия). Можно думать, что семантика и лексико-синтаксический облик антипословицы зависят от исходной пословицы – от ее строения и семантико-тематической отнесенности.

В предлагаемой статье рассматриваются антипословицы, пародирующие русские метаязыковые паремии, т. е. пословицы и поговорки о языке и речи. Источниками антипословиц для исследования стали широко известные словари В. М. Мокиенко и Харри Вальтера [1; 2]. Рассмотрено примерно 100 антипословиц. Выборку нельзя назвать полной, поскольку пока не найден критерий идентификации паремий в качестве метаязыковых, потому что в некоторых паремиях метаязыковой семантический компонент (связанный с наличием слов с метаязыковой семантикой) является незначительным, перифе-

рийным (особенно с глаголами *говорить / сказать*, напр., *О чем у нас говорится, всё в дело годится; Не ту страну Гондурасом назвали*). Еще сложнее этот вопрос решается применительно к фраземам-идиомам, сравн. *оседлать своего (любимого) конька*).

Задачи статьи состоят в выявлении содержательных отличий корпуса антипословиц метаязыкового происхождения от семантики традиционных паремий о языке и речи, составляющих значимый сегмент обыденного сознания народа. Для сопоставления пословиц и антипословиц представляется необходимым вначале (в разделе 3) показать черты традиционных метаязыковых пословиц, а затем (в разделах 4 и 5) показать особенности строения и семантики антипословиц, пародирующих метаязыковые паремии.

3. Смысловое богатство традиционных пословиц о языке и речи. Как известно, становление метаязыковой функции в фило- и онтогенезе происходит позже, чем вырабатываются языковые средства для выражения побуждения и экспрессии, а также для фатического общения. В этноязыковой культуре метаязыковые пословицы и антипословицы также появлялись относительно поздно. Впрочем, один класс метаязыковых паремий (прежде всего магические формулы в составе ворожбы и других ритуалов, а также в приметах) заключали в себе причинно-следственное сближение некоторого слова (обычно с неясной внутренней формой) и названия явления, значимого для ритуала или приметы. В основе сближения лежало сходство фонетического облика или внутренней формы двух названий, нередко мнимое сходство, что типично для «народных этимологий». О древнейших мифопоэтических интерпретациях слов писали Н. И. и С. М. Толстые [4], В. И. Коваль в ряде работ, в том числе в монографии 2021 г. [5, глава 2 «Магическая природа слова»]. Напр., на Полесье верили, что «як прошла *Прэчыста* [15 августа или 8 сентября]), то стала ў рэцэ вада *чыста*» [4, с. 252]; в Витебской губернии, по крестьянским поверьям, чтобы посеянная пшеница не выросла с *головней*, нужно сеять ее, когда в деревне никто не затопил печки, а отправляясь сеять, нужно положить в сеялку *головню* [4, с. 258]. Феномен подобной «этимологической магии» (термин Толстых) представляет собой, по-видимому, одно из самых ранних проявлений метаязыковой рефлексии, еще вполне мифопоэтической. Что касается метаязыковых антипаремий и антиафоризмов, то в них, напротив, отчетливо сказалась интертекстуальная природа постмодернистского сознания.

3.1. Для русских пословиц о языке и речи характерно внимание в первую очередь к «внешней лингвистике» и к тому, что сейчас называют философией языка, – к определению места языка в жизни общества, индивидов, сознания. Сравн: *Криком избу не поставишь; Мал язык, да всем телом владеет; От слова не сбудется; Перо сохи легче; Не верь речам, а верь очам; Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке; Язык телу якорь* и т. п.

3.2. Из вопросов «внутренней лингвистики» для пословичного («фольклорного») сознания важнее речь, а не язык. Преимущественное внимание к речи в русской пословичной картине мира сказалось в немалом количестве паремий, которые выражают народную этику и народный этикет общения. Сравн. паремии такой семантики, отмеченные у Даля: *Обмолвка – не обида; От одного слова – да на век ссора; Слушать его можно, а верить нельзя. От приветливых слов язык не отсохнет; Шептунов – на мороз*. Вот еще примеры пословичной мудрости при взгляде на разные ситуации общения: *Без спорного слова не беседа; Вымолвить не хочется, так и язык не ворочается; Говорить, так договаривать, а не договаривать, так и не говорить*.

3.3. Разнообразны и исключительно интересны паремии о различиях между людьми по особенностям речи и по владению разными формами речи: *Вашими бы устами да мед пить; Говорит, как книга; Говорит, точно кружева плетет; Говорит, что родит; Грамота тверда, да язык шепеляв; [у него] Язык наперед ума рыщет; У него во рту вехотка; Эк понесла: ни конному, ни крылатому не догнать; Язык змеиный (злбный, клеветник)*.

3.4. Для русских метаязыковых паремий, записанных в XIX в., характерно то, что в их составе довольно много шуточных и насмешливых народных афоризмов, и в этом состоит их заметное отличие от неметаязыковых паремий того же времени. У классиков литературных афоризмов XVI–XVII вв. (Ларошфуко, Паскаль, Монтень) насмешливых афоризмов нет или крайне мало, хотя стилистически сниженные сентенции встречаются, напр., *Ум всегда в дурах у сердца* (Ларошфуко). До Козьмы Пруткина афористика была серьезной и назидательной. Так и в русском фольклоре: насмешка в паремиях – явление довольно позднее, хотя и встречается: *Невестушка, полно молоть! Отдохни, потолки* [говорит свекровь].

Однако в метаязыковых паремиях, записанных в XIX в., насмешек довольно много: напр., насмешки над теми, кто не чувствует смыслового тождества слов-дублетов или близости синонимов: *Не бей по голове, колоти по башке; Не украл, а только вовсе взял, Нет, не плешь, а лысина; Нет, не сжег, а спалил; что в лоб, что по лбу; не палкой, так кием.*

Для лингвистов особенно интересны фольклорные свидетельства фонетической наблюдательности народа. Когда в соседнем селе говорят, хотя и понятно, но иначе, чем в своем, «сами собой» возникают пародийные «дразнилки», в которых подмечены звуковые особенности речи соседей. Напр., цоканье: *Наши скапцане – такие как англицане, только нареция разные*; сильное аканье: *С Маасквы с наасада с аващнова ряда*; белорусское дзеканье: *Литвин нет-нет, а дзекнет*; взрывная артикуляция заднеязычного [г]: *На дворе гуси гогочут*; вопросительная частица *ці* в белорусской речи: *Ці лілі алей у бульбу?* (подробней см. [6]).

4. Модели и индивидуальные структуры в подкорпусе русских метаязыковых антипословиц. Количество вариантов паремии или афоризма пропорционально употребительности паремии в ее первоначальном виде. Чем более отчетливо адресат, воспринимающий антипословицу, опознает в ней ее исконный вид и значение, тем при прочих равных условиях сильнее комический эффект и эстетическое удовольствие от ее восприятия. В рассматриваемом подкорпусе метаязыковых антипословиц больше всего переделок двух паремий (*Слово не воробей: вылетит – не поймаешь*; *Язык до Киева доведет*) и начального стиха из Евангелия от Иоанна: *Вначале было Слово*. Трансформация каждого из трех клише происходила по нескольким направлениям (или моделям). Наиболее разнообразны модели семантической трансформации паремии *Слово не воробей: вылетит – не поймаешь*. Отчасти это связано с омонимией двух разных дословных значений пословицы: 1) ‘вылетевшее слово практически так же невозможно поймать, как воробья’; 2) ‘вылетевшего воробья поймать можно, но вылетевшее слово поймать не удастся’. В итоге пословица двусмысленна: *слово* то ли сравнивается с воробьем, то ли противопоставлено ему.

Логико-синтаксическая модель, которой следуют 12 антипословиц, обыгрывающих паремию *Слово не воробей...*, устроена так: в первом предложении вместо лексемы *слово* находится обозначение другого значимого предмета или действия, которые, говоря метафорически, могут летать, и если предмет «вылетает», «залетает» или «падает», то это осложняет положение обобщенного (и потому не названного) субъекта во 2-ом предложении. Сравн.: *Глюк не воробей, вылетит – убей; Девушка не воробей, залетит – мало не покажется; Не плюй в колодец: вылетит – не поймаешь; Челюсть не воробей: вылетит – не поймаешь* и еще несколько антипословиц, построенных по данной модели, иногда в контаминации с частями других паремий: *Шило не воробей: в лес не убежит*. По-видимому, прикольность этой паремии связана с ее полной абсурдностью. Легко увидеть, что все такие антипословицы с утратой компонента *слово* теряют свой метаязыковой характер. В еще одной модели (по которой построено 4 антипословицы, обыгрывающие *Слово не воробей...*) *слову*, по сходству с воробьем, приписывается свойство *гадить*: *Слово не воробей, но гадит метко*.

Одна из антипословиц с лексемой *слово* построена по уникальной для всей выборки модели: *Слово не воробей, но воробей – это слово*. Первое предложение остается

без изменений, а во втором используются те же лексемы, но в обратной последовательности (что создает синтаксическую фигуру хиазма), однако при этом лексема *воробей*, не переставая быть обозначением птицы, выступает в своем лингвистическом облике.

В антиафоризмах на тему *Вначале было Слово* обобщенному и величественному Слову (которое было у Бога и было Богом) противопоставляется мелкое многословие или что-то еще более далекое от Слова: *Вначале было Слово. Потом слово за слово, и началось; Вначале были слова; Вначале было Слово, а уже потом – отделение милиции; В начале было слово из трех букв. Суперприз тому, кто назовет его сразу.*

Отмечу еще четыре антипословицы с компонентом *слово*, построенные по общей модели: паремия *Доброе слово и кошке приятно* отозвалась в вариантах, в которых вместо *кошки* фигурируют неожиданные адресаты: *крокодил, собака, диктофон*. В семантике и пословицы, и ее переделок метаязыковой компонент незначителен: это высказывания не о слове, но о доброте.

Антипословицы, обыгрывающие паремию *Язык до Киева доведет*, отличаются от первоисточника чаще всего разными «адресами» (к которым может довести язык); иногда слово *язык* конкретизируется, сравн. у декабриста М. С. Лунина: *Язык до Киева доведет, а перо до Шлиссельбурга*. Иногда «адрес» не географический: *доведем до митинга, до фингала, до киллера* и т. п.).

Несмотря на существование моделей трансформации пословиц в антипословицы, большинство антипословиц и антиафоризмов с метаязыковыми лексемами образованы не по относительно регулярным логико-синтаксическим моделям и не серийно, но более случайным, прихотливым, каждый раз особым образом. Вместе с тем, несмотря на структурную пестроту исследованных антипословиц, в их совокупности просматриваются некоторые сходные содержательные мотивы. Это сходство позволяет видеть, в каких направлениях авторы антипословиц модифицируют содержание метаязыковых паремий. Таких направлений несколько.

5. Пародийное содержание антипословиц о языке и речи: новые смыслы, вносимые в обыденное сознание.

5.1. Всегда ли антипословицы – смешны? Пародия, по определению, принадлежит жанрам смеховой культуры; пародия призвана смешить тех, «кто понимает». Приколы-антипословицы относятся к жанрам **массовой** смеховой культуры, но антипословицы создаются не так, как кинокомедии, у антипословиц тысячи неизвестных друг другу авторов-современников, порознь сочиняющих «коллективный фольклор» времен интернета. У каждого из многочисленных авторов, как и у каждого из бесчисленных читателей, – своя индивидуальность: свое ощущение смешного и свое чувство юмора, свой вкус, свой взгляд на мир, свой кругозор. Люди смеются над разным; но и «одно и то же смешное» не для всех смешно, а кому смешно, – всё же смешно в разной мере.

В сборниках антипословиц и других приколов далеко не всё смешно, остроумно и умно как для составителей – выдающихся филологов В. М. Мокиенко и Харри Вальтера, так и для читателей. Однако для составителей и для значительной части читателей всё, включенное в эти книги, – это документы эпохи, подлинные свидетельства о состоянии умов и отношении к жизни наших современников на рубеже XX–XXI вв. Чем полнее эти книги, тем выше их ценность. Ниже перечислены те новые, по отношению к фольклору XIX в., смыслы, которые в облике антипословиц о языке и речи вошли в обыденное метаязыковое сознание.

5.2. В оценках речевого общения нарастает пессимизм и девальвация слова. Антипословицы, в отличие от пословиц XIX в., оценивают общение, книгу, язык, а также возможность взаимопонимания более критично и пессимистично; в их представлении языка и речи иногда усиливаются снижающие и материально-денежные мотивы: *Глас народа – глас бомжей; Соловья баснями не кормят, ими кормят народ; Русская речь без мата превращается в доклад; Типун вам на ваш великий и могучий русский*

язык!; Читайте книги, некоторые из них специально для этого написаны; Меньше слов – дешевле телеграмма; Что доверено бумаге, то забывается (в пику давней поговорке Что написано пером, того не вырубишь топором); Молчание клиента – золото адвоката; Если я сказал «Не брал!», это значит «Не отдам»; «Нечего надеть!» – в речи мужчины значит: «Нет ничего чистого», в речи женщины – «Нет ничего нового».

5.3. Усиливается самоцензура, сужаются возможности самовыражения в слове. Традиционные поговорки, уверенные в силе слова (*Язык и хлебом кормит, и дело портит*), учили осторожности в словесном выражении мысли (*Язык языку ответ дает, а голова смекает*). Антипоговорки уверены в необходимости скрывать мысли: *Если ты говоришь то, что думаешь, то думаешь ли ты?; Говори, что думаешь, однако старайся убежать прежде, чем тебя поймут; Ум дан женщине для того, чтобы скрывать свой характер*). Авторы антипоговорок уверены в невозможности взаимопонимания между людьми и бессилии общения: *О вкусах не спорят. Их навязывают; Чем больше выигранных споров, тем больше потерянных друзей; Народ безмолвствует всё громче; Язык мой – друг твой; Общий язык с женщиной можно найти в глубоком поцелуе; Автомат не роскошь, а средство общения* и т. п.

5.4. Как снимают оппозицию слова и дела: Чтобы слова не расходились с делом, нужно молчать и ничего не делать. Поговорки XIX в. утверждали приоритет дел и реальности по отношению к словам и намерениям; они говорили о недостаточности слов и учили не унывать, а работать и выполнять обещания (*Криком избу не поставишь; Сколько ни говорить, а с разговором сыту не быть; Назвался груздем – полезай в кузов; Не верь речам, а верь очам*). В отличие от XIX в., антипоговорки пессимистичны, авторы страшатся дел и смиряются со своим бессилием, включая бессилие речи: *Лучше молчать и слыть идиотом, чем заговорить и рассеять сомнения; Что скажут о тебе другие, если ты сам о себе ничего сказать не можешь?; Думаю, не ошибусь, если ничего не скажу*.

5.5. Плоды просвещения: в метаязыковых поговорках XIX в. не говорилось об одиночестве; в конце XX в. этот мотив стал актуальным. В антипоговорках человек (и Бог) мечется между страхом одиночества и эгоцентризмом; и в том и в другом ему помогает слово: *Хочется иногда сказать «Отвяжись!», да некому; Хорошая вещь – одиночество, если есть кому сказать, что одиночество – хорошая вещь; Вначале было Слово, затем Бог создал человека, чтобы иметь с кем перекинуться хоть словом*.

5.6. Ученые исправления. В переделках поговорок о языке и речи появились шуточные как бы «научные» уточнения, исправления или даже «опровержения» прежних истин: вместо *Вначале было слово* утверждается, со ссылкой на учебник по языкознанию, что *Вначале была интонация*; или что *Сначала была буква. Потом слово*; или что *Слово не воробей, а последовательность символов алфавита* и т. п. К «ученым» антипоговоркам близки объяснения судеб слов историческими причинами и наоборот: явления жизни объясняются родством слов: *«О'кей» стало вытеснять слово «хорошо», потому что ничего хорошего не было; Доходы большинства россиян явно в родстве со словом «доходяга»*. Авторы некоторых антипоговорок, похоже, знакомы с теорией речевых актов: *По-прежнему лучшим противозачаточным средством является ... слово НЕТ; Глупость – это мудрость, сказанная не вовремя; Главное – не что сказать, а кому сказать*.

б. Социокультурная релевантность антипоговорок о языке и речи. Если сравнить фольклорные поговорки и антипоговорки, то настоящая поговорка похожа на русский лубок, между тем антипоговорки напоминают быстрые черно-белые карикатуры тех же событий или персон, которые представляет лубок. Для народной поговорки, как и для лубка, характерны лаконизм, четкость и доступность образов, яркие краски. Поговорка, как и лубок, спокойна; это коллективная мудрость; поговорка и лубок уверены в себе и не мельтешат.

Между тем антипоговорки-карикатуры интересны своей злободневностью и отстранением изображаемого объекта; они интересны не только собственной своей мыслью, но и аллюзией к пародируемому прототипу. Для антипоговорок характерна установка на игру и насмешку, а иногда и действительно взрывной комизм.

В силу пародийной природы антипословиц, их релевантность в общей картине метаязыковых представлений народа невелика, однако антипословицы о языке и речи важны как документы эпохи, говорящие о состоянии умов и отношении к жизни и коммуникации в обществе на рубеже XX–XXI вв.

Список использованных источников

1. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 576 с.
2. Мокиенко, В. М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы) / В. М. Мокиенко, Х. Вальтер. – М. : ОЛМА, 2008. – 384 с.
3. Litovkina, A. T. Most frequent types of alteration in Anglo-American, German, French, Russian and Hungarian anti-proverbs / A. T. Litovkina et al. // Acta Ethnographica Hungarica 2007, 52.1.– P. 47–103.
4. Толстой, Н. И. Народная этимология и структура славянского ритуального текста / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М. : Наука, 1988. – С. 250–264.
5. Коваль, В. И. Язычество в языке и тексте / В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины. – 2021. – 285 с.
6. Мечковская, Н. Б. Философия языка и коммуникации / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта; Наука, 2017. – 520 с.

Abstract. Anti-proverbs about language and speech (modern parodic variants and alterations of the folklore metalinguistic proverbs known from records of the 19th century) are considered as new meanings that complement the historically established basic ideas of the everyday consciousness of the people about language and communication. For the content of anti-proverbs, such ideas and trends are relevant as growing pessimism in the assessments of speech communication and the hope for self-expression through words; recognition of the need for self-censorship; insurmountable conflict of word and deed, loneliness and communication; some etc. Due to the parodic (secondary and dependent on primary sources) nature of anti-proverbs, their relevance in the overall picture of the metalinguistic ideas of the people is small, however, anti-proverbs about language and speech are important as documents of the time, speaking about the state of minds and attitudes towards life and communication in society at the turn of the XX–XXI centuries.

Keywords: proverbs and anti-proverbs with metalinguistic semantics, parodic and comic orientation of anti-proverbs, meanings of metalinguistic anti-proverbs unknown to classical folklore.

УДК 811.16-13'373:572

В. М. Мокиенко

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ КОНЦЕПТА «БОЛОТО» КАК ВРАЖДЕБНОЙ СТИХИИ

Ленивый человек в беспечном покое сходен
с недвижною болотною водою, которая кроме смраду
и презренных гадин ничего не производит

М. В. Ломоносов. Краткое руководство к Красноречию (1748).

Аннотация. В статье предлагается семантический анализ русской паремиологии, отражающей аксиологические представления о концепте «Болото». Если в диалектной речи этот концепт структурируется лексемами, обозначающими виды болот по различным признакам (Т. А. Демешкина), то в пословицах и поговорках он становится источником негативной коннотативности. Аксиологические представления здесь также поддаются семантической классификации и структурно-семантической моделируемости. В процессе анализа выявляются 5 аксиологически значимых групп: 1. «Болото» как таинственное, затаенное, тихое и удаленное, неизвестное пространство; 2. «Болото» как топкое, вязкое, гнилое и наводящее страх пространство;

3. «Болото» как мифологическое пространство, в котором обитает нечистая сила; 4. «Болото» как географическое и мифологическое пространство, в котором обитают представители животного мира; 5. «Болото» как географическое пространство, порождающее индивидуально-образные ассоциации. Каждая группа иллюстрируется диалектным паремиологическим материалом – поговорками, пословицами и устойчивыми народными сравнениями.

Ключевые слова: концепт «Болото», паремиология, аксиология, коннотативность, поговорки, пословицы, народные сравнения, структурно-семантическое моделирование.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс. Аффiliation: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19).

В статье Т. А. Демешкиной [1] концепт «Болото» моделируется как по видовым разграничительным признакам этого концепта, так и по предметно-денотативной сфере его экосистемы. Особое значение при таком подходе имеет обильный региональный материал, отраженный в максимальном количестве вариантов, позволяющих представить членение природного мира на конкретной территории и охарактеризовать его природную специфику. Общность тельмографического ландшафта порождает в какой-то мере универсальность его языкового воспроизведения на разных территориях России.

В свое время автор этих строк посвятил болотоведческой народной терминологии Псковщины специальное исследование, в котором диалектные лексемы сопоставлялись с их параллелями на пространстве языковой Славии [2; 3; 4; 5; 6]. Сопоставляя семантические модели образования таких терминов на Псковщине и в говорах Томской области, можно обнаружить немало общего и вариантного. И именно в вариантности, как убедительно показано Т. М. Демешкиной, кроется региональная семантическая и словообразовательная специфика этой группы географических терминов.

Концепт «Болото», как видим, является одной из знаковых манифестаций окружающего мира. Не менее важна при этом и вторая, коннотативная ипостась этого концепта. Даже в научных текстах концепт «Болото» подвергается активной метафоризации [7], поскольку его коннотативный потенциал не может ее не «провоцировать». И не случайно в заключении своей статьи Т. А. Демешкина приводит слова из сказа Юрия Лаврова «Мое болото» о красотах его родного Васюганского края, где он пишет, что «похвалился своим болотом», потому что «Каждый кулик хвалит свое болото. Болото же это засосало меня на всю жизнь. Здесь я родился, здесь живу. Этим и горжусь!» [1, с. 98]. Так пословица с концентром «Болото» становится не просто характеристикой малой родины писателя, но и его законной гордостью.

Аксиологическая характеристика, собственно, и является отражением ментальной специфики отношения к болоту, лапидарно эксплицированной В. В. Колесовым: «**БОЛОТО** – символ внешнего покоя, таящего **опасность гибели**. Видимость Болота – неподвижность и **тишина** – обманчива: *трясина* и *топь* губительны для человека своим постепенным (*болото затягивает*) или неожиданным (*провалиться в болото*) **действием**. Болото вызывает неприятное физиологическое (как к вязкому и зыбкому) и нравственное (как к ненадежному и скрытно предательскому) чувство, и только в постоянных его **жителях** привязанность к родному Болоту достигает глубины апологического **поклонения** («всякий кулик свое болото хвалит»). Расширение понятия: ‘топкое низкое место со стоячей водой’ (природный уровень) > ‘грязь’ (моральный уровень, сравн. «плескали на него болото») ‘застой, косность, отсутствие живой деятельности’ (социальный уровень)» [8. Т. 1, с. 57–58]. Цель настоящей статьи – продемонстрировать аксиологический, коннотативный потенциал концепта «Болото» на паремиологическом материале. По подсчетам Т. А. Демешкиной [1, с. 87], в сборнике В. И. Даля «Послови-

цы русского народа» [9] этот концепт нашел отражение в 38 пословицах и поговорках. Разумеется, со времен В. И. Даля диалектологи, этнографы и фольклористы расширили «болотный тезаурус». В нашем паремиологическом сводном собрании [10; 11; 12] зафиксировано 164 паремии, смысловым центром которых является компонент «Болото»: 96 пословиц, 32 поговорки и 36 устойчивых народных сравнений.

Обозревая этот обширный материал, можно выделить наиболее репрезентативные коннотативные блоки паремий. Их общей доминантой, как и следовало ожидать, является негативная оценка болота как географического объекта, враждебного человеку, грозящего ему опасностью. Попытаемся охарактеризовать эти семантические концентры.

1. «Болото» как таинственное, затаенное, тихое и удаленное, неведомое пространство:

К этой группе можно отнести такие пословицы:

У блата своя тайна. Пск. (Латгал.). Королёва 2017, 139; *В болоте тихо, да жить там лихо.* Спир. 1985, 105; Ан. 1988, 34; Сок., 233; *Хоть в (на) болоте тихо, а жить там людям лихо.* Сн. 1848, 436; Ан. 1988, 320; *В тихом болоте черти водятся.* ДП 2, 22; Д 1, 110; Сок., 273 – Сравн. *В тихом омуте черти водятся; В тихом болоте черти жируют.* Кар., Помор. СРГК 2, 65; Мерк. 1997, 25. < *Жировать.* 1. Жить, существовать. 2. Питаться, кормиться; *В тихом болоте чёртов больше.* Пск. (Гд.) СПП 2001, 125 (В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдет в «Большом словаре русских пословиц» [12].).

Условно к этой группе можно отнести и старую поговорку *Муж и жена – одно болото.* Ил. 1915, 181, характеризующую неизведанность и непредсказуемость семейных отношений, таинств брачного союза.

Поговорки этой группы подчеркивают удаленность и «адресную неопределенность» до полной неизвестности «Болота»:

В вирово болото. Пск. Очень далеко; неизвестно куда. СПП 2001, 18; *Ни с виру, ни с болота.* Сиб. Неизвестно откуда (приехал, появился и т.п.). ФСС, 28; СФС, 127; *Ни с виру ни со дна.* Пск. Неодобр. То же, что *ни с виру, ни с болота.* Шт., 1978; *С виру с болота.* Пск. Неодобр. То же, что *ни с виру, ни с болота.* ПОС 4, 23; Кор. 2000, 1, 11, 37, 108; *С виру да с болота.* Пск. То же, что *Со всех виров (вир).* ПОС 4, 25; *С виру.* Смол. (1914). Из далекого места. СРНГ 4, 291; *С топкого виру.* Брян. Ирон. Неизвестно откуда. БСГ 3, 30; *С виру ты знаешь.* Смол. (1914). Ровно ничего не знаешь. СРНГ 4, 291; *Пень горелый в болоте.* Пск. Бран. То же. ПОС 12, 12.

Здесь и в других подгруппах обращает на себя внимание постоянная сочетаемость слова *болото* со словом *вир* 'болотистый омут' и 'водяной или болотный чёрт' и его производными – напр. *Вирево* – 'очень глубокое, с омутами болото', 'болото, населенное чертями'. Характерна и ареальная экспансия таких оборотов: они известны как на Псковщине, так и в сибирских народных говорах. И такая связь не случайна: ее объясняет белорусская (витебская) поговорка *Ня з виру и ни з болота, а з самый оржавини!*, характеризующая самого «первостатейного», главного черта, обитающего в самом топком болоте, гнездилище главного беса – *оржавиня* 'болота с элементами железной руды' (СД 12, 228).

К **сравнениям** этой группы можно отнести (и то условно) лишь одно: *Говорить что кому как глухому болоту.* Пск. Неодобр. О словах, речах, обращенных к кому-л., кто никак на них не реагирует. СПП 2001, 88.

2. «Болото» как топкое, вязкое, гнилое и наводящее страх пространство:

Долги – что болото: не заметишь, как увязнешь. Пск., Ленингр. Соловьева 2001, 42; *Одни в болоте вязнут, другие к звездам летят.* Сок., 262; *Показывает дорогу, а сам в болото лезет.* Ан. 1988, 259; *Гнилого болота и черти боятся.* Сок., 234; *На болоте всё гнилым пахнет.* Сок., 239; *На болоте всё гнилью пахнет.* Ан. 1988, 190; *Стоячее болото гниёт.* Соб. 1956, 124; Раз. 1957, 187; Бир. 1960, 11; Ан. 1988, 294; *Болото*

всегда ненавидит гору. Сок., 342; Глумилась верша над болотом, а сама туда полезла. Сок., 523; Глумилась верша над болотом, да сама туда же пошла (оглянулась, и сама там). Д 1, 357; СРНГ 6, 210. < Верша – 1. Рыболовный снаряд из прутьев в виде бутылки, воронки; мережа. Д 1, 185. 2. Беда, неприятность. СРНГ 4, 172. Глумиться – подшучивать над кем-л.; дурачиться, забавляясь; Насмеялась бы верша болоту, да сама там. ДП 2, 108; Д 1, 186; С чужого воза и посреди болота сведут, а украденную одежду и в церкви снимут. Ил. 1915, 232; Безумная голова в болото затащит. Твер. ТПП 1993, 47.

Поговорки:

Вязнуть / увязнуть в болоте чего. Нов. Неодобр. Застрывать, не получать развития, оставаться без последствий. НРЛ-89, 68; В болоте по колено. Жарг. мол. Неодобр. О глупом человеке. Максимов, 38; Выбраться из глухого рёму в болотное окошко. Урал. (1934). Попасть из одной беды, сложной ситуации в другую. СРНГ 35, 51. < Рём – лес на болоте; Пахнуть болотиной. Пинеж. Левичкин, Мызников 2014, 118;

По болоту пройдёт и ноги не замарают. Народн. Неодобр. О мошеннике, пройдохе. Сок., 318.

Сравнения:

Завязнуть где что в болоте. Неодобр. О человеке, попавшем в трудное, безвыходное положение. ДП, 514; Провалиться (погрузиться, завязнуть) как в болото. Неодобр. 1. О человеке, погрузившемся, увязшем в каком-л. грязном, сыром, топком месте. 2. О человеке, погрязшем в общении с людьми из застойной, мещанской, отсталой среды; Долги что болото – не заметишь, как увязнешь. Пск., Ленингр. Об опасности брать займы, жить в долг. Соловьева 2001, 42; Как болото. Неодобр. 1. О каком-л. грязном, сыром, топком месте. 2. О какой-л. застойной, мещанской, отсталой среде; Речка как болото. Ирк. Неодобр. О грязной, заболоченной речке. РАСлОльх., 184; Как в болоте. Неодобр. 1. О нахождении в каком-л. грязном, сыром, топком месте. 2. О нахождении в застойной, мещанской, отсталой среде. О.; Ходить как по болоту. Том. Неодобр. О хождении по нетвердой, мягкой поверхности (напр., ковровой дорожке). СОСВ 1997, 63; СОСВ 2001, 44, 90; Всасывать кого во что как [болотная] тряпина. Неодобр. О чем-л. (напр., шуме, давке и т. п.), полностью увлекающем, вбирающем в себя окружающих. БАС 15, 1075; Засасывать / засосать (затягиваться / затянуть) кого куда как тряпина. Неодобр. 1. О безудержно, безвозвратно и безраздельно поглощающей кого-л. среде (обычно губительной, пагубной). 2. О безудержно и неотступно захватывающих кого-л. вредных привычках, постыдной деятельности или опасном времяпрепровождении. БАС 15, 1075; Ог., 146; Как [болотная] тряпина. Неодобр. О среде, обстановке, порождающей косность, застой (напр., мещанской); Как в [болотной] тряпине. Неодобр. О пребывании в среде, обстановке, порождающей косность, застой; Прожила как в болоте прогнила. Кубан. Неодобр. О безрадостно, бессмысленно и бесцельно, в бедности прожитой жизни. Чалов 1982, 4; Как ржа на болоте белый снег поедала, так кручинушка добра молодца сокрушала. Фольк. О грызущей кого-л. тоске, глубокой печали. ДП, 141; Давать / дать кому что что в вирево болото. Пск. Неодобр. Об отдаваемых кому-л. без отдачи и пользы материальных средствах. СППП 2001, 88; Крутиться как вир болотный. Яросл. Ирон. О вертлявом человеке. ЯОС 3, 20. < Вир. – 1. Водоворот, омут. 2. Болотный или водяной чёрт, вировик.

К паремиям этой группы можно отнести и такие, которые характеризуют «Болото» как непригодное для пахоты или безрыбное место:

Велико, да болото, мала, да нивка. ДП 2, 47; Д 1, 176; Ан. 1988, 43; Мала, да нивка, а велико, да болото. Ан. 1988, 172; Москва стоит в болоте, ржи в ней не молотят, а больше деревенского едят. Тан. 1986, 89; Москва стоит на болоте, а ржи в ней не молотят. Сим., 123; Москва стоит на болоте, в ней хлеба не молотят, а больше нашего едят (да чище нашего ходят). ДП 1, 142; Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше (а лучше) деревенского едят. Сн. 1848, 231; ДП 2, 30; Д 1, 110.;

Мал, да конопляник; велика, да моховина. ДП 2, 47; Д 2, 293, 352; Ан. 1988, 172. < *Конопляник* – огород или поле под коноплю; обычно это лучшая земля. *Моховина* – мшистое болото. Д 2, 293; *Болото избродил, а рыбы не изловил.* Сим., 1899, 81; СлРЯ XI–XVII вв. 6, 103; Ан. 1988, 25. < *Избродить* – исходить, двигаясь вброд;

Миколичка-неводчик загнал Аннушку в бальчик. Урал. (Яицк.) Мал. 2002, 2, 544. < *неводчик* – казак, участвовавший в ловле рыбы неводом. *Бальчик* – жидкая грязь, особенно на разъезженной дороге; болото.

Сравн. поговорки: *Хоть в болото негодный.* Пск. Пренебр. Очень плохой, низкого качества. СПП 2001, 18; *Пей, Еремей, вода не болотная.* Арх. Шутл. Предложение выпить чего.-л. АОС 13, 135.

3. «Болото» как мифологическое пространство, в котором обитает нечистая сила:

Гнилого болота и чёрт боится. ДП 1, 365; Д 4, 597; Соб. 1956, 89; Раз. 1957, 187; Спир. 1985, 105; Ан. 1988, 63; *Гнилого болота и черти боятся.* Сок., 234; *В болоте без беса не бывает.* Пск. СПП 2001, 125; *В болоте не без беса, в озере не без рыбины.* Пск. (Латгал.). Королёва 2017, 115, 139; *В болоте не без чёрта.* Спир. 1985, 105; *В болоте не без чёрта [в селе не без злодея].* Спир. 1985, 69; *В своём болоте вольно чёрту орать.* Сн. 1848, 57; *В тихом болоте черти водятся.* ДП 2, 22; Д 1, 110; Сок., 273. Ср. *В тихом омуте черти водятся* (ОМУТ); *В тихом болоте черти жируют.* Кар., Помор. СРГК 2, 65; Мерк. 1997, 25. < *Жировать*. 1. Жить, существовать. 2. Питаться, кормиться; *В тихом болоте чёртов больше.* Пск. (Гд.) СПП 2001, 125; *Не ходи при болоте: чёрт уши обколотит.* ДП 2, 143; Д 1, 110; *Болото без чёрта (чертей) не бывает.* Соб. 1956, 84; Раз. 1957, 187; Тан. 1986, 23; Ан. 1988, 25; *Болото не без беса.* Пск. СПП 2001, 125; *Было бы болото, а чёрт будет.* Сн. 1848, 24; *Было бы болото, а черти будут.* Мих. 1, 83; Соб. 1956, 84; Рыбн. 1961, 118; Ан. 1988, 32; Жук. 1966, 60; Спир. 1985, 105; Сок., 232; Твер. ТПП 1993, 57; *Было бы болото, а чертей тут и есть.* С.-рус. Рыбн. 1961, 118; *Было бы болото, а черти найдутся.* Раз. 1957, 187; Жук. 1966, 60; Кубан. ППЗК 2000, 50; *Было бы болото, а черти придут.* Забайк. Пашенко 2015; *Вольному воля, спасённому рай, бешеному поле, чёрту болото.* Кр., Усв. ДП 2, 277; Д 1, 239; Пск. СР 1, 216; СПП 2001, 127; *Вольно бесу в болоте.* Сок., 233; *Навели нехристи на беду, как бес на болото.* Сн. 1848, 491; *Навели на беду, как бес на болото.* ДП 1, 137; Соб. 1956, 109; Ан. 1988, 201.

Поговорки:

Болотник проклятый. Пск. Бран. О злобном, подлом человеке. ПОС 2, 89. < *Болотник* – в народных поверьях: бес, нечистый дух, живущий в болоте; *Болото с ними (с ним и т. п.)!* Пск. Бран. Выражение злобы, досады, негодования; проклятье. ПОС 2, 89; *Омут болотный!* Новг. Бран. О человеке, вызвавшем гнев, негодование, раздражение. НОС 6, 169; НОС 2010, 721; *Кикимора болотная.* Прост. Бран. 1. О некрасивом, неопрятно одетом человеке. 2. О нелюдимом и угрюмом человеке. < *Кикимора* – женский персонаж русской мифологии. БМС 1998, 260; Мокиенко 1986, 176; НОС 4, 40; *Кукся болотная.* Сравн. Урал. Неодобр. (1971). О плаксивом ребенке. СРГСУ 2, 72; СРНГ 16, 45; *Болотный (зелёный) хмырь*. 1. Жарг. угол., мол., Пск. Бран. О неуважаемом, угрюмом или подозрительном человеке. ТСУЖ, 190; БТС, 1447; Флг., 342; УМК, 222; Росси 2, 437; Максимов, 39; ПОС 2, 89. 2. Жарг. мол., нарк. Пренебр. Об опустившемся алкоголике, наркомане. Елистратов 1994, 526; *Дубовый хмырь.* Пск. Бран. То же, что **болотный хмырь** 1. ПОС 10, 32; *Чичора болотная.* Пск. Бран. О женщине, вызывающей досаду, раздражение. СПП 2001, 80; *Чмо болотное (зелёное, безобразное).* Прост. Презр. О неприятном, отвратительном человеке. СПП 2001, 80; Елистратов 1994, 551; *Чучело заболотское.* Сиб. Презр. То же, что **чучело гороховое**. СФС, 203; ФСС, 219; *Болотный (болотное) шишко.* Новг. Нечистая сила, обитающая на болоте. НОС 12, 97-98; НОС 2010, 1306; *Болотный шишок.* Новг. То же, что **болотный шишко**. НОС 2010, 1307; *Шут болотный.* Верхне-Дон. Бран. (1929). О человеке, вызываю-

шем гнев, негодование, возмущение. СРНГ 3, 79; *Сатана болотная*. Новг. По суеверным представлениям – нечистая сила, живущая в болоте. НОС 2010, 1059.

К этой группе можно отнести и такие паремии, в которых «Болото» является местом обитания персонифицированных отрицательных качеств человека или каких-л. их действий: *Лень да потягота живут на болоте*. Урал. Бир. 1960, 11; Ан. 1988, 161; *Мука не молота, а вода на болоте*. Сим., 120; Сн. 1848, 236; *Мутовка на липке, вода на болоте, а уже масло на базаре продаёт*. Перм. Прок. 1988, 166.

Сравнения:

(*Мурзатый, грязный*) как *чёрт из болота вылезши*. Пск. Неодобр. Об очень грязном, испачкавшемся в чем-л. человеке. СППП 2001, 121; *Ворочать [в доме] как лукавый в болоте*. Народн. Ирон. Об активно и деспотично распоряжающемся в своей семье человеке. < *Лукавый* – чёрт, дьявол. ДП, 453; Д. 2, 272; *Ворочать как чёрт в болоте*. Народн. О решительно и жестко властвующем где-л. человеке. ДП, 457; Д. 2, 272; 4, 597; *Один как чёрт в болоте*. Народн. Шутл. Об абсолютно одиноким человеке. Мих., 563; *Править как чёрт болотом*. О решительно и жестко властвующем где-л. человеке. ДП, 225–226; Д. 1, 218; 4, 597; Зимин, Спири 1996, 80, 218; *Язык у роти як чёрт (чорт) у болоте (балоти)*. Посл. Смол. Ирон. Болтливому человеку нельзя заставить замолчать. Добр., 135; *Ввести кого в грех (в беду) как бес в болото*. Устар. Уловками, хитростями и коварством заставить кого-л. согрешить или довести до беды. ДП, 125; *На беду как чёрт на болото*. Олон. Ирон. О человеке, который постоянно оказывается там, где случаются несчастья, беды. ППЗ, 158; *Навести кого на беду как бес на болото*. Устар. Народн. Уловками, хитростями и коварством довести кого-л до беды. ДП, 180; *Бродить што чёрт по болоту*. Народн. Ирон. О бродящем где-л. человеке (XVII в.). Симони, 82.

Эта группа паремий полностью воспроизводит общую мифологическую картину главных обитателей болота – нечистой силы, запечатленной и современным фразеологическим фондом русского языка [13, с. 268–277]. Во многом эта картина универсальна для всего славянского языкового пространства, что убедительно показал Н. И. Толстой [14; 15]. В словарной статье «Болото» энциклопедии «Славянские древности» [16, Т. 1, с. 228–229] им подчеркивается симбиоз географического наименования и народных названий черта, отражающий устойчивую связь черта с болотом или болотистым лесом на языковом уровне – пск. *болото* ‘черт’, *лес* ‘черт’ (ср. витеб. *болото* ‘лес’, укр. *нетёга* ‘стоячее болото’ и ‘черт’. Отсюда – и проклятия, посылы, бранные формулы и формулы отгона злых сил, болезней, нечистой силы (в составе заговоров), тесно связанные с «Болотом».

4. «Болото» как географическое и мифологическое пространство, в котором обитают представители животного мира:

а) Лягушки и жабы.

Нет болота без лягушек. Сок., 242; *Было бы болото, а за лягушками дело не стоит*. Олон. ППЗ, 151; Ан. 1988, 32; *Лягушка смолоду привыкла к болоту*. Сок., 487; *В болоте живёт, по-лягушечьи орёт*. Новосиб. ФСГ 1983, 71; СРГС 1, ч. 2, 121. < Шутл. О манерах, привычках человека, обусловленных средой, в которой он живет; *В своём болоте и лягушка поёт*. ДП 2, 104; Д 2, 286; Спир. 1985, 44, 180; Ан. 1988, 39; Сок., 485; *В своём болоте и лягушка поёт, а на чужбине и соловей молчит*. Спир. 1985, 180; *И лягушка в своём болоте поёт*. Спир. 1985, 144; *Лягушка всюду скачет, но не дальше своего болота*. Сок., 591; *Жаба в болоте сидит на колоде*. Сим., 103; Д 1, 523. Сравн. также *Дмитровцы – лягушечники, болотники, Рузцы – дровосеки*. ДП 1, 260.

Поговорки:

Лягуша болотная. Краснояр. Пренебр. (1967). О неповоротливом, нерасторопном человеке. СФС, 102; СРНГ 17, 256; *Начальник – над лягушками в болоте*. Прост. Ирон. О псевдоруководителе, не имеющем подчиненных. Соколова 2009, 90.

Связь лягушек и жаб с болотом в приводимых паремиях имеет мифологическую подоплеку, ибо эти земноводные в народном сознании воспринимаются как нечистое

животное, родственное змее и другим гадам – обитателям болота. В лягушках и жабах славяне видят обращенных ведьм, которые в этом облике проникают в хлев и отбирают молоко у чужих коров, высасывая его из вымени. По поверью, записанном в Ярославской губернии, проклятая родителями или некрещеная девушка превращается в лягушкучоровницу, выходящую по ночам из воды выдаивать коров [А. В. Гура – 16, Т. 3, с. 162–164]. Таким образом, и здесь мифологическая ипостась этих обитателей болот несомненна.

б) Птицы.

Кулик: *Всяк (всякий) кулик в (на) своём болоте велик.* ДП 2, 46, 76, 87; Д 2, 216; Мих. 1, 140; Соб. 1956, 24; Раз. 1957, 72; Бир. 1960, 26; Спир. 1985, 15, 180; Ан. 1988, 54; Жук. 1991, 78; СПП 2001, 133; Сок., 485, 589; *Всяк кулик на своей кочке велик.* Д 2, 181; Раз. 1957, 72; Спир. 1985, 85, 44; *Всяк кулик на своём болоте велик.* Твер. ТПП 1993, 18; *Всяк (Всякий) кулик своё болото хвалит.* Сн. 1848, 47; ДП 2, 96; Д 2, 216; Д 4, 153; Мих. 1, 139; Ил. 1915, 117; Соб. 1956, 24; Раз. 1957, 72, 88; Соб. 1961, 39; Жук. 1966, 95; Спир. 1985, 86, 93, 107, 180; Ан. 1988, 54; Пермяков 1988, 155; Пск. СПП 2001, 133; Ленингр. Соловьева 2001, 35, 53; Сок., 485; *И кулик в своём болоте велик.* Ан. 1988, 112; *Каждый кулик в своём болоте велик.* Ан. 1988, 123; *И кулик на своей кочке велик.* Спир. 1985, 144; *Каждый кулик в своём болоте хозяин.* Перм. Прок. 1988, 21; *Каждый кулик своё болото хвалит.* Спир. 1985, 142; Ан. 1988, 123; Пермяков 1988, 155; Кубан. ППЗК 2000, 73; *Каждый кулик хвалит своё болото.* Помор. Мерк. 1997, 108; *Каждый кулик своё место хвалит.* Печор. (Усть-Цильм.) Ст. 2008а 1, 297; *Каждому кулику своё болото: мне тут.* Помор. Мерк. 1997, 11; *Насмехался кулик с болота, да и сам туда попал.* Кубан. ППЗК 2000, 47; *Каждому кулику в своё болото охота лететь.* Прибайк. ФСРГП 2006, 100. < Каждого тянет в родной дом, домой; – Где живёшь, кулик? – На болоте. – Иди к нам в поле. – Там сухо. Раз. 1957, 211; *И кулик знает чужую сторону.* Сок., 385; *Собрались думу думать кулики, на болоте сидючи.* ДП 2, 5; Д 2, 216; *Собирались кулики, на болоте сидючи – они суздальцы и володимерцы.* ДП 1, 261. < Из песни.

Выпь: *Всякий бухалень в своем болоте голосист.* ДП 2, 87; Д 1, 146; СРНГ 3, 318. < *Бухалень, бухало – выпь.* Д 1, 146;

Журавль: *Журавль ходит по болоту, нанимается в работу.* ДП 2, 13; Д 1, 547.

Сравнения:

Один (одна) как кулик на болоте. Перм. Неодобр. Об очень одиноком человеке, домоседе. Подюков 1982; *Бродить что зуй по болоту.* Народн. Неодобр. О постоянно бродящем где-л. (обычно в темноте) человеке. < *Зуй – кулик; болотный зуй – большой кроншнеп.* Бусл. 1854, 80.

Один как выпь на болоте. Народн. Неодобр. Об абсолютно одиноком человеке. Д 1, 697.

Бестолковый как лунь болотный. Пск. Пренебр. О непонятливом, невежественном, глупом человеке. ВФ 10, 127.

«Набор» птиц, ставших персонажами обитателей «Болота» в русской народной паремииологии, столь же не случаен, как и вхождение в него чертей и лягушек. Это особенно относится к кулику (resp. зую) – птице, наделенной в народных представлениях демонологическими свойствами. Ей приписывают функции, связанные с «заложными» покойниками, имеющими прямое отношение к нечистой силе [А. В. Гура – 16, Т. 3, с. 40]. Включение же в «болотный» орнитологический ряд таких птиц, как *выпь* (бухало – птица семейства цаплевых), *журавль* и *лунь* (хищная птица семейства ястребиных), как мы видели, периферийно, ибо болото – не единственное и не самое главное место их обитания.

К анимализмам, связанным с болотом, можно условно отнести и свинью, – но не как постоянного болотного обитателя, а как домашнего животного, известного своей нечистоплотностью, и любителя грязи: *Хоть его свяжи не свяжи, а оно всё в болото лезет.* Д 1, 110; Д 4, 161. < 1. Сказал воронежец, уронив в грязь жареное поросю, которое по обычаю нёс домой от пасхальной заутрени. Д 1, 110. 2. Сказал хохол, уронив на улице в грязь пасхального поросёнка. Д 4, 161; *Велик боярин – свинья на болоте.* ДП 2, 87; Д 4, 149.

5. «Болото» как географическое пространство, порождающее индивидуально-образные ассоциации:

Десята дочка – не болотна кочка: ногой не пхнёшь. С.-рус. Рыбн. 1961, 97;

С мёдом и болото проглотишь. Кубан. ППЗК 2000, 63. *С мёдом и долото проглотишь.* Д 2, 313; Рыбн. 1961, 140; Ан. 1988, 276; *Около болотца, да в задние воротца.* Ан. 1988, 243; Сок., 271.

Поговорки:

Слезливое болото. Коми. Шутл.-ирон. О чувствительном, плаксивом человеке. Кобелева, 77; *Пень горелый в болоте.* Пск. Бран. То же. ПОС 12, 12; *Тяпы, ляпы по болоту.* Перм. Неодобр. (1850). О неумелых, нерасторопных людях. СРНГ 46, 102; *В болоте по колено.* Жарг. мол. Неодобр. О глупом человеке. Максимов, 38.

Сравнения:

В роте как в болоте. Пск. Шутл. О почерневшем от черники рте. СПП 2001, 88; ПОС 2, 89; *Глаза у кого как две клюквины болотные.* Народн. О чьих-л. маленьких, блестящих глазах. БАС 5, 1054; *Что старый гриб на болоте.* Народн. Неодобр. О чём-л. неприятно мягком, гнилом. ДП, 471; *Загордиться как пузырь в болоте.* Ирон. О начавшем важничать, зазнаваться без оснований человеке. Зимин, Спиринов 1996, 36.

Индивидуальная, оригинальная образность паремий этой группы создается разными способами. С одной стороны, она воспроизводит реальные образы древнего географического термина: *В болоте по колено, Пень горелый в болоте, Что старый гриб на болоте, Глаза у кого как две клюквины болотные* и даже *Слезливое болото*. В то же время нередко их образность не укладывается в рамки логичной метафоризации. Так, пословицы *Десята дочка – не болотна кочка: ногой не пхнёшь, Около болотца, да в задние воротца* продиктованы рифмовкой образующих их существительных, как и поговорка *Тяпы, ляпы по болоту* или сравнение *В роте как в болоте*. Иногда «разрыв» образной логики обнаруживает ошибку переписчика или издателя пословиц. Так, кубан. *С мёдом и болото проглотишь*, вероятно, – ошибочное воспроизведение старой пословицы *С мёдом и долото проглотишь*, которое зафиксировано еще В. И. Далем.

При этом каждый случай якобы «индивидуально-образной» паремии заслуживает особого внимательного рассмотрения, ибо за ним может скрываться древняя мифологическая символика. Типичный пример – поговорка *Загордиться как пузырь в болоте*. Конечно, характеристика ею важничающего, зазнающегося без оснований человека вполне реальна и логична. Но в то же время весьма вероятно, что это – паремиологическая реминисценция на древнюю восточнославянскую «Творимую легенду» о возникновении Болота, записанную в Полесье. Именно с нее Н. И. Толстой начинает свою этнолингвистическую словарную статью «Болото» [16, Т. 1, с. 228]: «На земле сначала была сплошная вода. Бог ходил по ней и однажды встретил плывущий мутный пузырь, который лопнул, и из него выскочил черт. Бог повелел черту спуститься на дно и достать немного земли. Выполняя приказ, черт припрятал за обе щеки немного земли. Бог тем временем разметал доставленную землю, и там, где она падала, появилась суша, а на ней деревья, кусты и травы. Но растения стали прорастать и во рту у черта, и он, не выдержав этого, стал харкать и выплевывать землю. Так появились болота – разжиженная земля с малорослыми, уродливыми деревьями и грубой травой» (записано на Витебщине).

Распределение «болотных» паремий по предложенным выше 5 группам отражает, как кажется, основные коннотативные и аксиологические доминанты концепта «Болото». Так же, как семантические модели наименований болот и их вариантов, выявленные Т. А. Демешкиной, модели коннотативной номинации образуют структурно-семантическую систему, позволяющую реконструировать наиболее вероятную этимологию той или иной паремии [17, с. 49–95].

Так, одной из спорных этимологий является, как известно, происхождение фразеологизма *у чёрта на куличках* (*к чёрту на кулички*) ‘очень далеко; неизвестно где,

в глуши'. Традиционно слово *кулички* (или *кулижски*, *кулиги*) семантизируют как 'прогалины, поляны, болотистые места в лесу', 'зброшенные, заболоченные и заросшие лесом пашни, которые, по народным поверьям, являются излюбленным обиталищем нечистой силы' [18, Т. 2, с. 430; 19, с. 38; 20, с. 54; 21, с. 150 и др.].

Однако высказываются и иные гипотезы о происхождении этого фразеологизма. Исконную связь слова *кулички* видят с диалектизмом *куличка* 'ватрушка, свадебный пирог, кулич', ссылаясь на предложное сочетание *на кулички*, известное в некоторых говорах: «*Куличка. Свадебный пирог. Ехать на кулички на стол после венца*»; «*Убралась как на кулички*» (о беспричинном франтовстве) [22, с. 187–197]. По другой версии, выражение связано с московской церковью Кира и Иоанна в Кулижках, где патриархом Иовом была устроена богадельня, в которую якобы вселился демон. Этот демон был изгнан из богадельни молитвами преподобного Илариона. Возможно, легенды о проказах этого демона и послужили поводом относить все пропавшее к черту на кулички [23, с. 46–47]. Еще более «дальнобойную» гипотезу высказал известный славист А. В. Исаченко. По его мнению, это выражение заимствовано из польского языка, где *kuliczki* является нецензурным словом со значением 'яички, testiculis' (сравн. чеш. *kuličky* 'шарики'). [24, с. 121].

Выбирая из таких расшифровок одного из самых популярных русских выражений о черте самую вероятную, мы исходили именно из «болотной» версии семантизации слова *кулички* [25, с. 754]. И, как явствует из предложенной выше группы паремий, именно она убедительно объясняет внутреннюю форму популярной русской поговорки.

Предложенный семантический и аксиологический анализ русской паремиологии, отражающей концепт «Болото», подтверждает выводы Т. А. Демешкиной о том, что этот концепт является одной из знаковых манифестаций окружающего мира. При этом терминологическая, тельмографическая характеристика паремий-репрезентантов этого концепта накладывает свой отпечаток на его коннотативные и аксиологические особенности. Они, разумеется, по-разному перекликаются с номинативной семантикой диалектных наименований «Болота». В выделенных 5 группах пословиц, поговорок и народных сравнений они претерпевают метафоризацию разного порядка. Так, 2-я группа («Болото» как топкое, вязкое, гнилое и наводящее страх пространство) тесно связана с реальными географическими свойствами концепта. Достаточно «материалистична» связь с переносной семантикой этого концепта в 4-й группе («Болото» как географическое и мифологическое пространство, в котором обитают представители животного мира). 1-я же группа («Болото» как таинственное, затаенное, тихое и удаленное, неведомое пространство) и 3-я («Болото» как мифологическое пространство, в котором обитает нечистая сила) уже менее «материализованы» и потому высоко коннотативны и аксиологичны. Несмотря на отмеченные различия, все 5 исследованных групп объединены общей доминантой – негативной оценкой болота как географического объекта, враждебного человеку, грозящего ему опасностью. Враждебного, но привычного, хорошо изученного и подчиненного его хозяйственным и духовным потребностям.

Список использованных источников

1. Демешкина, Т. А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «БОЛОТО») / Т. А. Демешкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. – № 62. – С. 85–103.
2. Мокиенко, В. М. Основные семантические модели образования славянских географических терминов со значением 'болото' / В. М. Мокиенко // Местные географические термины в топонимии. – М., 1966. – С. 19–21.
3. Мокиенко, В. М. Славянские географические термины со значением «болото» / В. М. Мокиенко // Тыпалогія і гісторыя славянскіх моў. – Мінск, 1967. – С. 102–104.
4. Мокиенко, В. М. Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские апеллятивы, обозначающие низинный рельеф, на славянском фоне): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. М. Мокиенко. – Л. : ЛГУ, 1969. – 22 с.

5. Мокиенко, В. М. Семантические модели славянской тельмографической терминологии: местные географические термины / В. М. Мокиенко // Вопросы географии. – № 81. – М., 1970. – С. 71–77.

6. Мокиенко, В. М. К этимологии слов *бочага, мочага, корчага* / В. М. Мокиенко // Этимологические исследования по русскому языку. – М., 1972. – Вып. VII. – С. 147–155.

7. Киндеркнехт, Я. А. Метафоризация концепта «болото» в научных текстах русского языка // Филологические чтения. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2018. – С. 427–434.

8. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб. : Златоуст, 2014. – Т. 1: А–О. – 592 с.; Т. 2: П–Я. – 592 с.

9. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : АСТ [и др.], 2008. – 750 с.

10. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общей ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.

11. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общей ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

12. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общей ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

13. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.

14. Толстой, Н. И. Из заметок по славянской демонологии. 1. Откуда дьяволы разные? / Н. И. Толстой // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. – 1(5). – Тарту, 1974. – С. 27–32.

15. Толстой, Н. И. Из заметок по славянской демонологии. 2. Каков облик дьявольский? / Н. И. Толстой // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. – М., 1976. – С. 288–319.

16. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. – Т. 1: А–Г. – М. : «Международные отношения», 1995. – 584 с.; Т. 2: Д–К (Крошки). – М. : «Международные отношения», 1999. – 697 с.; Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). – М. : «Международные отношения», 2004. – 704 с.; Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – М. : «Международные отношения», 2009. – 656 с.; Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). – М. : «Международные отношения», 2012. – 736 с.

17. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.

18. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – СПб. – Т. 1. – 1903. – 779 с.; Т. 2. – 1905. – 580+250 с.

19. Державин, Н. С. (Заметки) / Н. С. Державин // Русский язык в школе. – 1939. – № 2. – С. 39–49.

20. Максимов, С. В. Крылатые слова / С. В. Максимов. – 2-е изд. – М. : ГИХЛ, 1955. – 447 с.

21. Калмыкова, Л. Н. Занимательная русская словесность для школьников / Л. Н. Калмыкова. – М. : Перо, 2017. – 177 с.

22. Никольский, А. А. Этимологические заметки / А. А. Никольский // Вопросы русского языкознания : Учен. зап. Рязан. пед. ин-та. – 1971. – № 98. – С. 187–189.

23. Ермаков, Н. Я. Пословицы русского народа / Н. Я. Ермаков. – СПб., 1894. – 42 с.

24. Исаченко, А. В. О книге П. Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии» / А. В. Исаченко // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 119–127.

25. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. проф. В. М. Мокиенко. – 4-е изд., стереотип. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926 [2] с.

Abstract. The article proposes a semantic analysis of Russian paremiology, reflecting axiological ideas about the concept of “Swamp”. If in dialect speech, as T.A. showed Demeshkina, this concept is structured by lexemes denoting the types of marshes according to various signs, and lexemes representing the subject-denotative sphere, then in proverbs and sayings it becomes a source of negative connotation. Axiological representations here are also amenable to semantic classification and structural-semantic modeling. In the process of analysis, 5 axiologically significant groups are identified: 1. “Swamp” as a mysteri-

ous, hidden, quiet and remote, unknown space; 2. “Swamp” as a marshy, viscous, rotten and fearsome space; 3. “Swamp” as a mythological space in which impure force dwells; 4. “Swamp” as a geographical and mythological space in which representatives of the animal world live; 5. “Swamp” as a geographical space that generates individually-shaped associations. Each group is illustrated with dialectic paremiological material – proverbs, sayings and stable folk comparisons.

Keywords: concept “Swamp”, paremiology, axiology, connotativeness, proverbs, sayings, folk comparisons, structural-semantic modelling.

УДК 811.161.1’373:398.9:087.5

Е. Ю. Муратова

РОЛЬ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Аннотация. В статье анализируются русские пословицы и поговорки с соматической составляющей. Дается определение соматизмов, подробно рассматриваются пословицы с лексемами *рука* и *голова*. Исследуются синонимические и антонимические отношения между соматическими паремиями, а также дается их стилистический анализ. Доказывается, что соматическая лексика выступает транслятором целого комплекса образов, понятий и ассоциаций, отражающих особенности миропонимания и мировосприятия народа.

Ключевые слова: соматизм, пословица, поговорка, рука, голова.

Соматизмы – имена существительные с исходным значением частей тела человека или животного. Данный термин используется в биологии, медицине и противопоставляется понятию «психический», который впервые был введен Ф. О. Вакком. Он сделал вывод о том, что «соматизмы относятся к одному из древнейших пластов фразеологии и составляют наиболее употребляемую часть лексики любого языка» [1, с. 23].

В отношении человека к соматизмам относятся лексемы, обозначающие части тела (*нога, грудь, рука*), части лица (*губы, щека, брови, нос*), элементы внутренних систем человека (*кровь, мозг, нервы*), внутренние органы (*сердце, живот, печень*), кожный и волосяной покров (*коса, кожа, волосы, борода*).

Интерес лингвистов к соматизмам объясняется тем, что процесс осознания себя как личности человек начал с ощущений, которые возникают через органы чувств и части его собственного тела, поэтому соматическая лексика является одним из старейших универсальных наборов слов во всех языках мира.

«Изучение фрагментов языковой картины мира, связанных с традициями и особенностями национальной культуры, позволяет реконструировать систему архаичного народного мышления. В этом смысле соматическая лексика, прошедшая длительный путь развития, выступает транслятором целого комплекса образов, понятий и ассоциаций, отражающих особенности миропонимания и мировосприятия народа. Именно комплексное изучение соматической лексики позволяет выявить те архаические ментальные установки, представления и стереотипы, связанные с телом, которые нашли отражение в русской языковой картине мира, что непосредственно касается проблемы «Язык-Этнос-Культура», занимающей центральное положение в современной лингвистике» [2, с. 3]. Паремии с соматической составляющей способны описывать человека во всех сферах его деятельности, характеризовать, оценивать, образно передавать его мысли, взгляды, чувства, поступки и т. д. В языкознании разграничивается понятие фразеологии в узком и широком смысле слова. В узком смысле к фразеологии относятся только фразеологические срращения, единства и сочетания. В широком смысле – все устойчивые выражения (пословицы, поговорки, афоризмы и т. п.). Мы, вслед за О. С. Ахмановой, А. А. Реформатским, В. Н. Телия, Н. М. Шанским и др., рассматриваем фразеологию в широком смысле слова, хотя понимаем, что этот вопрос является спорным.

Функционирование соматической лексики в пословицах имеет свою специфику. Хотя это достаточно ограниченная лексико-тематическая группа, тем не менее через соматическую лексику в пословицах и поговорках передаются самые различные стороны жизни: чувства, эмоции, семейные отношения, воспитание детей, отношение к труду, повседневному поведению, представления о бедности и богатстве и под. По своей природе смысловая структура паремии является больше нравоучительной, чем информативной. А. Н. Афанасьев писал, что пословицы по своей сути не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений. Пословица «содержит в себе строжайшую и определенную структуру и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще» [3, с. 24].

«Не всякое изречение становится пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина» [4, с. 6].

Очень часто пословицы представляют собой краткие, четкие, емкие советы, отражающие постоянный жизненный опыт общества: *Бей галку и ворону: руку набьешь, сокола убьешь*. Данное выражение метафорически передает мысль: начинай с малого, простого, а, приобретя необходимый опыт, со временем добьешься и большего. *Где рука, там и голова* – в данном случае под рукой понимается собственноручная подпись, за которую подписывающий несет обязательную ответственность, поэтому должен тщательно и внимательно прочитывать то, что подписывает. До сих пор широко употребительна пословица *Снявши голову, по волосам не плачут* (синонимичная ей: *Кожу сняли, так не по шерсти тужить*), которая иносказательно говорит о том, что, совершив что-либо непоправимое, бессмысленно сожалеть о мелочах. Или хлесткая и краткая характеристика неумелого, неумного, бестолкового человека: *Когда в хвосте начало, то в голове мочало*.

Соматизмы *рука* и *голова* весьма активны в русских пословицах и поговорках и отражают самые разные жизненные ситуации и отношения: *Рука руку моет; Мать высоко руку подымет, да не больно опустит; Своя рука владыка; Скотину гладь не рукой, а мукой; Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле; Хлеб всему голова; С поклону голова не заболит; Сколько голов, столько и умов*.

Соматизм *голова* образует глагольные сочетания и может описывать состояние человека, сочетаясь с такими глаголами, как *болеть, чесаться, носить, слетать (с плеч)*. Так как мысль является главной функцией головы, в русских пословицах голова обозначает человеческие качества, связанные с разумом, например, сообразительность, смекалку, безрассудство, глупость. В пословицах, построенных на метонимических переносах, голова является символом человеческого ума: *Голова пуста, да туга сума; Голова с лукошко, а мозгу ни крошки; Одна голова хорошо, а две – еще лучше; Умная голова, а дураку досталась*. В русских паремиях голова может выступать в метафорическом значении ‘передняя часть, начало чего-нибудь’: *Голова – всему начало*. Голова в русской языковой картине мира также ассоциируется со способностью человека быть лидером, руководить другими людьми. В семейных отношениях компонент *голова* символизирует главенство мужа. Например: *Душа – Божья, голова – царская, спина – боярская; Муж – голова, жена – душа*, так как они связаны с глубокими нравственными чувствами человека. Соматизм *голова* в русских пословицах может актуализировать сему ‘жизнь’: *За доброе имя и честь приготовься и голову несть; Головой кончаться – смертью венчаться; За худые дела слетит и голова*. Голова должна отвечать за результаты и последствия действий человека: *Руки согрешат, а голова в ответе; За худые дела слетит и голова*. Анна Вежбицкая одними из ключевых слов, отражающих менталитет русского народа, называла слова *душа, тоска* и *авось*. Нам представляется, что характерной для русского человека является также лексема *либо (или)*,

отражающая категоричность русского характера: *все или ничего, сейчас или никогда, пан или пропал* и под. Это находит широкое распространение в пословицах и поговорках с соматической составляющей: *Либо в стремя ногой, либо в пень головой; Либо грудь в крестах, либо голова в кустах; Либо сена клоч, либо вилы в бок; Или червь в дереве – или беда на сердце; Либо дупеля влет, либо стрелка в лоб; Либо каши горшок, либо ухватом в бок* и под.

Семейные традиции и неписанные законы, каноны поведения девушки до замужества, отношение к жене, родителям – все находит отражение в паремиях с соматическим компонентом. Очень распространенной в 19 веке была пословица *Жена – не рукавица: с руки не сбросишь (не стряхнешь), за пояс не заткнешь* и аналогичная: *Жена – не сапог, с ноги не скинешь*. Подобные пословицы являлись результатом низкого социального положения женщины, ее полной материальной и иной зависимости от отца или мужа, вековых русских традиций семейных отношений. Эту пословицу читаем у А. Пушкина в «Сказке о царе Салтане»: *Лебедь белая молчит И, подумав, говорит: «Да! такая есть девица. Но жена не рукавица: С белой ручки не стряхнешь Да за пояс не заткнешь*. Вообще русская литература насыщена практически всеми пословицами и поговорками, рожденными народным творчеством, не говоря уже о былинах, народных сказках и песнях, они регулярно встречаются в творчестве Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Крылова, А. Писемского, И. Гончарова, А. Островского, М. Горького и т. д.

Для пословиц и поговорок в русском языке характерны синонимичные и антонимичные отношения, при этом пословицы с соматическими компонентами вступают в данные отношения как с аналогичными пословицами, так и с пословицами без соматической составляющей. Приведем примеры синонимических отношений устойчивых выражений: *со всех ног – сломя голову; бок о бок – рука об руку – плечом к плечу; в ус не дует – и ухом не ведет; натянуть нос – обвести вокруг пальца; хоть глаз выколи – ни зги не видно; с гулькин нос – кот заплакал*. Примеры антонимических отношений: *повесить голову – воспрянуть духом; рукой подать – у черта на куличках; себе на уме – душа нараспашку; в поте лица – спустя рукава*. Редко, но все-таки среди фразеологических единиц с соматическим компонентом встречаются омонимы. Например, *закрывать глаза* ‘находиться рядом с умирающим в последний момент его жизни’ и *закрывать глаза* на что-то ‘намеренно не обращать внимания на определенные действия или слова’.

С функционально-стилистической точки зрения большинство фразеологизмов стилистически нейтральны, но имеется значительное количество пословиц и поговорок ярко экспрессивных, просторечных, стоящих за пределами литературной речи, а также литературно-книжных. В них в том числе активно функционируют такие соматизмы, как *рот (уста, роток), живот (брюхо), глаза (очи)*, устойчивые сочетания (*драть горло, выжить из ума, свернуть шею*). В числе пословиц с экспрессивной соматической составляющей частотно выделяется лексема *живот (брюхо)*, которая не только характеризует отношение к еде, трудности ее добывания, но и дает другие оценки: отношение к труду, эмоциональное состояние человека, черты характера, бедность и богатство, здоровье, оценка отношений с другими людьми: *Брюхо болит, на краюху глядит. Брюхо-то есть, да нечего есть. Брюхо сыто, да глаза голодны. Бездонную бочку не наполнишь, жадное брюхо не накормишь. Брюхо заболело – чужого захотело. Брюхо вытрясло, да и совесть вынесло. Брюхо – злодей: старого добра не помнит. Брюхо не зеркало, хоть сеном набей – видно не будет. Брюхо не мешок, в запас не поешь. Брюхо старой дружбы не помнит*.

Таким образом, русские пословицы с соматической составляющей представляют собой фрагмент языковой картины мира, частью национальной концептосферы, которая включает в себя основные культурные ценности, к которым относятся базовые ценности «здоровье», «жизнь», «ум», «семья», «труд» и т. д. В них также репрезентируются быт, привычки, характер, внешность человека, чувства, эмоции, семейные отношения, воспита-

ние детей, отношение к труду, повседневному поведению, представления о бедности и богатстве и под. Пословицы и поговорки вообще и с соматической составляющей в частности представляют собой неиссякаемый источник народной мудрости, кратко и эмоционально отражают национальные ценности, традиции, быт, историю народа.

Список использованных источников

1. Вакк, Ф. А. О соматической фразеологии в современном эстонском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. А. Вакк. – Тарту, 1964. – 22 с.
2. Масалева, Н. В. Соматизмы в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Масалева. – М., 2010. – 21 с.
3. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во политической литературы, 1991. – 525 с.
4. Аникин, В. П. Искусство слова в пословицах и поговорках / В. П. Аникин // В. П. Жуков. Словарь русских пословиц и поговорок. – М. : «Русский язык», 1991. – С. 6–8.
5. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
6. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Русский яз. Медиа, 2009.
7. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа : большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – изд. 4-е, стер. – М. : Цитадель ; Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 590 с.

Abstract. The article analyzes Russian proverbs and sayings with a somatic component. The definition of somatisms is given, proverbs with lexemes hand and head are considered in detail. The synonymic and antonymic relations between somatic proverbs are investigated, and their stylistic analysis is also given. It is proved that somatic vocabulary acts as a translator of a whole complex of images, concepts and associations, reflecting the peculiarities of the worldview and worldview of the people.

Keywords: somatism, proverb, saying, hand, head.

УДК 811.161.1'373.23:398.91(470)"16"

Е. В. Недельчо, А. Э. Павлова

«МУЖСКОЕ» И «ЖЕНСКОЕ» В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. В статье рассматриваются паремии Петровской эпохи, содержащие гендерный аспект, выявляются особенности отражения в них гендерных отношений, анализируются типы смысловых отношений.

Ключевые слова: гендер, структурно-семантический анализ, паремия, пословица, поговорка, оппозиция, Петровская эпоха.

В настоящее время ученые, исследующие вопросы взаимодействия языка и культуры, неизбежно сталкиваются с необходимостью описания базовых концептов культуры. Такими в свете гендерного подхода являются концепты «мужчина» и «женщина», которые чаще всего изучаются в рамках бинарной оппозиции. В современных исследованиях, в которых гендер является объектом изучения для самых разных дисциплин, представлено сложнейшее переплетение культурных, психологических, социальных аспектов изучения данного явления, что, например, отразилось на принципе построения известной работы И. А. Жеребкиной «Введение в гендерные исследования» [1]. Как пишут исследователи Л. Ю. Буянова и К. С. Волошина, «о релевантности и актуальности гендерных исследований в рамках теории языка свидетельствуют многочисленные публикации последнего времени, в которых по-разному освещаются подходы к проблеме этого феномена, пока еще малоизученного в лингвистическом аспекте»

[2, с. 117]. По мнению другого исследователя, А. В. Кирилиной, гендерный аспект языкознания в целом характеризуется тем, что практически любая область лингвистики может быть рассмотрена с точки зрения отражения в ней гендерных отношений [3, с. 43].

Целью данной статьи является структурно-семантический анализ паремий Петровской эпохи, гендерный компонент семантики которых отражает этнокультурные признаки и характеристики, присущие образу мужчины и женщины, запечатленные во фразеологической картине мира национального языка, поскольку рассмотрение национальной картины мира в гендерной парадигме способствует раскрытию гендерных стереотипов, бытовавших в культуре определенной эпохи, в частности – в Петровскую эпоху.

Отметим, что гендер понимается нами вслед за Е. С. Гриценко как «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной или женщиной в данной культуре» [4, с. 6]. По словам исследователя Л. А. Ермаковой, проблема гендерной маркированности является одной из ключевых в лингвистической гендерологии и заключается в «определении в языке маркеров, эксплицитно или имплицитно указывающих на присутствие гендерной семантики» [5, с. 35]. Гендерная маркированность языковых средств в контексте паремий проявляется в особенностях использования лексических и грамматических средств, участвующих в создании пословиц и поговорок.

В ходе анализа паремий Петровской эпохи нами были выделены группы пословиц и поговорок, которые по отбору номинаций эксплицитно или имплицитно указывают на лиц мужского или женского пола. Например, выделяется группа паремий Петровской эпохи, где маркерами образов мужчины и женщины являются антропонимы. Данная группа, в свою очередь, может быть представлена в виде подгрупп. В первую подгруппу могут быть отнесены паремиологические контексты с именами собственными, являющимися библеизмами, что соответствует христианскому взгляду на мир людей того времени (*Адам, Ева, Авраам, Иоанн, Иона* и др.): *Андрей крестил, Иоанн благовестил; Адам грех сотворил, а Ева прельстилась древом и выстонала чревом; Авраам гуляет по горам, Адам по норам.* Вторую подгруппу составляют паремии с именами собственными бытового общения (*Борис, Татьяна, Еремей, Хавронья* и др.): *Маша Машку под рубашку; Нашей Дашке на кашку, Палашке – на рубашку; Наша Татьяна и с воды пьяна; Нажила Натаха под гузно рубаху* и др. Паремии данной группы в подавляющем большинстве не содержат оппозиций, построенных на противопоставлении антропонимов, называющих лиц женского и мужского пола, и включают в свою структуру в большинстве контекстов одно имя собственное.

Другой гендерно маркированной группой являются пословицы и поговорки Петровской эпохи, в которых именуется лица разного пола равного социального статуса или положения, связанные родственными отношениями и / или обладающие определенными возрастными характеристиками. Такие компоненты не являются именами собственными и вступают в отношения противопоставления: *мачеха – пасынок, баба – дед, жена – муж, дядя – тетя, кума – кум, девка – парень, старый – молодая (старый муж – молодая жена)* и др.: *Мачеха пасынку надвое волю дала: наг ходи либо без рубашки; Ахнешь, дядя, на тетку глядя; Жена мужа потешила, вострым ножиком зарезала; Больная жена мужу не мила; Жена сердцем, а муж с перцем; Борода кажет мужа, а жену – мужа; От кума алтын, а от кумы полотно; Срам девке, а парню позор; У добра мужа злая жена на добро есть.*

Среди лексем, называющих мужчину и женщину, в данной группе преобладают номинации, которые создают разнокорневые пары (*тетя – дядя, девка – парень, жена – муж*), однако можно выделить и деривационный способ выражения гендерной оппозиции – образование лексем, обозначающих лицо женского пола, от существительных, называющих лицо мужского пола, например, *кум – кума*. Кроме частотного использования в оппозициях имен существительных, присутствуют и субстантивирован-

ные слова, например, *Старый хочет спать, а молодая играть*. Чаще всего в паремиях употребляется оппозиция *муж – жена*, ибо эти номинации представляют собой основные, центральные наименования, указывающие на гендер – мужчину и женщину.

В большинстве контекстов гендерное противопоставление подчеркивается грамматической структурой – ярко выраженной антитезой и синтаксическим параллелизмом: *Жена сердцем, а муж с перцем; От кума алтын, а от кумы полотно; Срам девке, а парню позор*. Таким образом, семантическое взаимодействие компонентов паремий со значением *мужчина – женщина* в рамках пословиц и поговорок Петровской эпохи, как правило, представлено таким типом смысловых отношений, как противопоставление.

Если говорить о стилистической окраске паремий, то чаще всего встречаются стилистически неоднородные оппозиции, в которых одному компоненту (чаще всего женщине) дается отрицательная оценка по разным качествам личности – умственным, нравственным, эмоциональным. Как отмечает Д. Ч. Малишевская, «при кажущемся равноправии обоих членов оппозиции «Мужчина / Женщина» их отношения асимметричны» [6, с. 182]. Анализ паремий Петровской эпохи показывает, что женщине приписываются такие пороки, как легкомыслие, болтливость, притворство, стяжательство, неверность в браке, жестокосердие и др. Приведем примеры: *Манна сладка, Анютка падка; Многие кумы доводят [до] сумы; Дед погибает, а бабе смех; Девичий стыд до порога, как переступила – так и забыла; Бабе то промысл, что неправде помысл; Нашего Данила жена удавила*. М. М. Лоевская в своем исследовании «Женские образы и внутрисемейные отношения в средневековой литературе» пишет о том, что образу женщины как в византийской, так и в древнерусской литературе придавалась негативная окраска и это неслучайно: женщина рассматривалась как сосуд греха – «немошный сосуд», носительница первородного греха и источник всякого зла в жизни праведника» (сравн.: *А Ева прельстилась древом и выстонала чревом* или *Едино есть неизбытное зло в человеке: хотение женское*) [7, с. 44]. Таким образом, «женский» элемент приобретал отрицательное значение во многих противопоставлениях (сравн.: *Муж печется, как бы хлеба добыть, а жена мыслит, как бы мужа избыть*) [8, с. 176]. Синтаксическая структура паремии формирует гендерные характеристики. Оппозиция *жена – муж* поддерживается противопоставлением глаголов *добыть – избыть*, которые представлены как *положительное* и *отрицательное* и, следовательно, переносят эти коннотативные характеристики на субстантивные компоненты, и дополнительно усиливается глагольными лексемами *печется – мыслит*, в семантике которых можно выявить семы со значением *хорошо (=заботиться) – плохо (=расчитывать)*. В структуре пословицы первым элементом является лексема *муж*, что делает ее актуальной. Как отмечает Д. Ч. Малишевская, «первый элемент всегда воспринимается как более значимый, тогда как второй кажется производным, маркированным, значение которого определяется через первую, немаркированную категорию» [6, с. 182]. Поэтому часто в пословицах первое место занимает традиционно немаркированный элемент. Кроме того, в состав паремии также могут быть включены гендерно маркированные элементы, представляющие отрицательные качества женщины, например, посредством приложения: *Мед каплет из уст жены-блудницы*. Таким образом, гендерные характеристики создаются наличием в контексте паремий оценочных лексем – существительных, прилагательных, глаголов, которые утверждают наличие отрицательных качеств или отсутствие положительных (*падка, стыд забыла, прельстилась, неправда*) или формируют характеристики-оценки через ситуацию (*погибает – смех, доводит до сумы*). Традиционно отрицательная коннотация усиливается словообразовательными элементами: *Анютка, девка, тетка, Дашка, Палашка*.

Социальная интерпретация коррелирующих категорий *мужчина – женщина* традиционно приписывала главенствующее положение мужчине, указывала на маскулинный уклон социальных стереотипов, канонизированных обществом, и на его доминирующую гендерную роль, которая понимается как «выполнение определенных социальных предписаний, то есть соответствующее полу поведение в виде речи, манер,

одежды, жестов и прочего» [9, с. 23]. Так, в паремиях проявляется один из социальных стереотипов того времени – муж должен держать жену в страхе, в том числе и физического наказания: *Жене спускать, то в мошине искать; Пухай рогатину в бабью телятину; Поучень жену бьет, а потвор – мать.*

Таким образом, в настоящее время антропоцентрическая направленность лингвистических исследований дает возможность реализовать гендерный подход в изучении паремиологического материала и выявить основные признаки базовых концептов культуры, таких как «Мужчина» и «Женщина».

Список использованных источников

1. Введение в гендерные исследования : учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Але-тейя, 2001. – 708 с.
2. Буянова, Л. Ю. Фразеологизм как гендерный экспликатор: культурно-цивилизационный аспект / Л. Ю. Буянова, К. С. Волошина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 117–122.
3. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А. В. Кирилина. – М. : РОССПЭН, 2004. – 252 с.
4. Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. С. Гриценко. – Н. Новгород, 2005. – 405 с.
5. Коробейникова, А. А. Мужчина глазами женщины: лексический аспект (на материале женской поэзии XX века) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Коробейникова. – Оренбург, 2008. – 173 с.
6. Малишевская, Д. Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина / Женщина») / Д. Ч. Малишевская // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С.180–187.
7. Лоевская, М. М. Женские образы и внутрисемейные отношения в средневековой литературе / М. М. Лоевская // Гендер и религия : сборник статей. – М. : ИЭА РАН, 2009. – С. 35–65.
8. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1965. – 264 с.
9. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М. : Информация – XXI век, 2002. – 256 с.

Abstract. The article examines the paremias of the Peter's Epoch containing a gender aspect, identifies the features of the reflection of gender relations in them, analyzes the types of semantic relations.

Keywords: gender, structural and semantic analysis, paremia, proverb, saying, opposition, Peter's Epoch.

УДК 811.271.42:398.92(=161.1):398.92(=581)

О. Б. Нестерович

РУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аннотация. В статье рассматриваются лингвометодические основы формирования коммуникативной компетенции китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный. Акцентируется внимание на функционировании и способах семантизации фразеологизмов как важных средств межкультурной коммуникации и актуализации проблемы их понимания представителями разных культур в процессе общения.

Ключевые слова: фразеология, русский язык как иностранный, семантизация, коммуникативная компетенция, лингвокультурологическая компетенция, диалог культур, межкультурная коммуникация.

В современной методике преподавания русского языка как иностранного всё больше внимания уделяется вопросу изучения языка и культуры в тесной взаимосвязи. Язык представляет собой часть культуры, развивается в ней и специфическим образом отражает ее. «Язык – это зеркало культуры», – утверждает С. Г. Тер-Минасова [1, с. 15]. Он хранит культурные ценности народа, его дух, поэтому изучение любого языка должно происходить совместно с пониманием культуры страны овладеваемого языка и познанием иной культуры через свою.

Успешное овладение русским языком обусловлено глубоким пониманием культуры носителей языка и одновременным учетом родного языка и культуры студентов из Китая, обучающихся в Беларуси. Без глубокого понимания языковой специфики иной и родной культуры невозможно тождественное межкультурное взаимодействие.

Различия между языками, обусловленные различием культур, заметнее всего на лексическом уровне. Именно лексические единицы, не имеющие равнозначных соответствий в другом языке, а также устойчивые обороты, которые по составу и структуре лексически неделимы и целостны по семантике, в наибольшей степени связаны с национальной культурной спецификой. Фразеологические единицы важны на лексическом уровне любого языка, так как обладают богатыми культурными сведениями и несут в себе яркую национально-культурную специфику, без учета которой невозможно успешно освоить изучаемый иностранный язык и стать полноценным участником межкультурной коммуникации.

В процессе обучения фразеологии в китайской аудитории необходимо системное формирование умений и навыков употребления фразеологических единиц в практике речи, при этом китайские студенты должны знать грамматические характеристики изучаемых языковых единиц, усвоить их значения, знать закодированную в них культурную информацию и уметь употреблять их в реальной коммуникации.

Фразеологизмы отражают культурную специфику языка и выполняют важную функцию в межкультурной коммуникации. Из-за различий между русскими и китайскими языковыми системами и культурами преподавание фразеологии китайским студентам вызывает определенные трудности. С целью достижения максимальной тождественности понимания русской фразеологии китайскими студентами целесообразно на занятиях по русскому языку как иностранному комбинировать способы семантизации фразеологизмов с учетом цели и задач обучения, этапов обучения и уровня владения русским языком.

Способы семантизации фразеологизмов:

1. Перевод фразеологизмов соответствующими эквивалентами родного языка.

В результате единства мира и общности человеческого мышления люди разных стран могут иметь общие точки зрения, что привело к существованию эквивалентных фразеологизмов в русском и китайском языках, полностью совпадающих по семантике, стилистической окраске, внутренней форме, например:

Как рыба в воде – 如鱼得水 (букв.: как рыба в воде);

Подлить масла в огонь – 火上浇油 (букв.: подлить масла в огонь);

Ловить рыбу в мутной воде – 浑水摸鱼 (букв.: в мутной воде рыбу ловить);

Бедя не приходит одна – 祸不单行 (букв.: беды никогда не приходят поодиночке);

Куй железо, пока горячо – 趁热打铁 (букв.: ковать железо, пока горячо);

Идти в огонь и воду – 赴汤蹈火 (букв.: шагать по кипятку, ступать по огню).

Семантизация подобных фразеологизмов путем поиска соответствующих эквивалентов в китайском языке является наиболее эффективным и удобным способом рас-

крытия значения русских фразеологизмов, поскольку данный способ позволяет китайским студентам легко понимать значение фразеологизмов и быстро их запоминать.

2. Толкование значения фразеологизмов.

В русском языке представлены фразеологизмы, которые не имеют полностью эквивалентных соответствий в китайском языке и требуют развернутого толкования посредством родного языка студентов. Например, при объяснении фразеологизма *первый блин комом* можно изложить на китайском языке, что блин – это тонкая, неплотная лепешка, являющаяся традиционным русским блюдом, и у неопытной хозяйки, неправильно замесившей тесто и не прогревшей сковороду, первый блин стал комом. И тогда данный фразеологизм воспринимается как утверждение, что любое новое дело с первой попытки часто не удается, с первого раза обычно редко что-то получается хорошо. Можно одновременно привести пример аналога в китайском языке с подобным значением: 万事开头难 (букв.: Любое дело начинать очень сложно).

Имея общее понимание окружающего мира, люди двух стран иногда выражают одно значение по-разному из-за различий культур, мировосприятия, практического опыта и других факторов, что ведет к возникновению таких фразеологизмов, которые по семантике и стилистической окраске совпадают, но фразеологические образы отличаются, например:

Трусливый как заяц – 胆小如鼠 (букв.: трусливый как мышь);

Бросить щуку в реку – 纵虎归山 (букв.: отпускать тигра в горы; перен.: отпускать злодея на свободу);

Капля в море – 沧海一粟 (букв.: пшено в море; перен.: ничтожная величина);

Пускать козла в огород – 引狼入室 (букв.: привести волка в дом; перен.: проявлять излишнюю доверчивость);

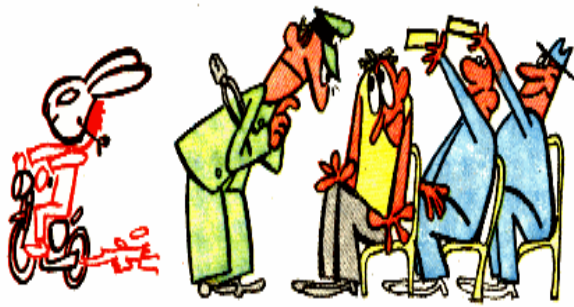
Два медведя в одной берлоге не живут – 一山不容二虎 (букв.: на одной горе двум тиграм не жить; перен.: о тех, кто претендует в равной мере на первенство).

3. Наглядная семантизация изучаемых фразеологических единиц.

Одним из часто употребляемых и распространенных способов беспереводной семантизации изучаемых фразеологических единиц является наглядный способ раскрытия их значения, использование которого позволяет оперативно и эффективно усвоить значения фразеологизмов. Наглядная семантизация изучаемых фразеологизмов не только помогает экономить время для объяснения их значения, но и одновременно придает учебному процессу занимательность, что способствует повышению интереса китайских студентов к изучению русского языка и активизации их мыслительной деятельности, ориентированной на догадку о значениях изучаемых фразеологических единиц. В связи с этим наглядная семантизация служит дополнительным стимулом для раскрытия и восприятия значения фразеологизмов.

С целью отображения наглядности в процессе семантизации фразеологизмов часто применяются рисунки, фотографии, слайды, видеоматериалы. Например, для подготовки презентации фразеологизмов полезно обратиться к словарю М. И. Дубровина «Русские фразеологизмы в картинках» [2], в котором содержатся широко употребительные проиллюстрированные русские фразеологизмы (рисунок 1).

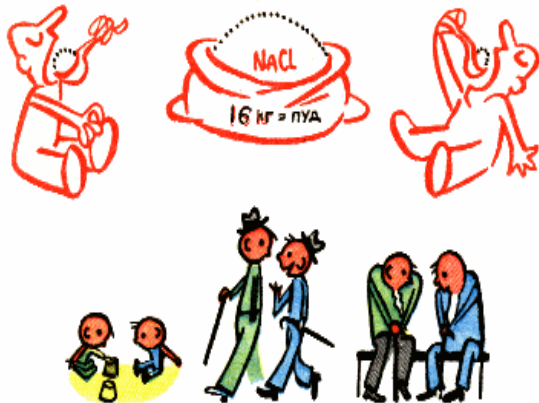
Для раскрытия значения фразеологизмов продуктивным наглядным способом может стать использование видеоматериалов, мультфильмов, эпизодов исторических и документальных фильмов. Например, интересен показ китайским студентам мультфильма «Сказка о рыбаке и рыбке», с помощью которого можно понять значение фразеологизма *остаться у разбитого корыта*.

Ехать зайцем

Родиться в рубашке

Пуд соли съесть

Вытягиваться в струнку

Рисунок 1 – Иллюстрации из словаря «Русские фразеологизмы»

4. Подбор синонимов и антонимов.

Одним из продуктивных и часто употребляемых способов беспереводной семантизации фразеологизмов является подбор лексических и фразеологических синонимов и антонимов, который состоит в поисках близких, тождественных слов и фразеологических единиц, или противоположных, обратных по значению, для выявления значения изучаемых фразеологизмов.

Подбор лексических и фразеологических синонимов и антонимов помогает китайским студентам активизировать и расширить запас лексики и фразеологии. Например:

Фразеологизм: *родиться в рубашке*. Синонимы: *удачливый, счастливчик, счастливец, любимец судьбы, везунчик, родился под счастливой звездой*. Антонимы: *несчастный, бедный, бедняга*.

Фразеологизм: *жить душа в душу*. Синонимы: *ладить, уживаться, жить в ладах, жить в согласии, жить в мире*. Антонимы: *ссориться, ругаться как кошка с собакой, жить не в ладах*.

5. Сопоставительный анализ фразеологизмов русского и родного языков.

Сопоставительный анализ фразеологизмов русского и китайского языков является одним из оптимальных способов семантизации фразеологизмов, поскольку отвечает принципу межкультурного взаимодействия и принципу учета родного языка китайских студентов.

С помощью сопоставительного анализа можно обнаружить сходства и различия между фразеологическими системами русского и китайского языков, и именно через сопоставление можно акцентировать внимание китайских студентов на самобытности культуры русского народа.

По словам С. П. Остапенко и Е. А. Долгой, «изучение фразеологического материала по шкале “сходства-различия” отвечает методическому правилу: все, что подается в сравнении, усваивается лучше, легче и запоминается прочнее, а также предупреждает неизбежную при изучении РКИ интерференцию» [3, с. 47].

Таким образом, выявление собственно-национальных свойств и общих черт двух языков способствует быстрому пониманию значения фразеологизмов и устранению интерферирующего влияния родного языка и культуры китайских студентов. Использование данного способа имеет определенное ограничение, так как не все фразеологизмы в двух языках можно сопоставить. Этот способ семантизации целесообразно употреблять для семантизации таких фразеологизмов, которым можно найти аналоги в китайском языке.

Например, при семантизации частично-эквивалентных фразеологизмов можно предложить китайским студентам сравнить русские и китайские фразеологизмы с аналогичными значениями:

Русский фразеологизм: *как грибы после дождя*. Китайский фразеологизм: 雨后春笋 (букв.: как побеги бамбука после дождя; перен.: о чем-либо быстро развивающемся или появляющемся).

Русский фразеологизм: *оказать медвежью услугу*. Китайский фразеологизм: 拔苗助长 (букв.: тянуть всходы руками, чтобы они скорее росли; перен.: о неуместной помощи, которая приносит больше вреда, чем пользы).

Несмотря на наличие в китайском языке фразеологизмов с аналогичным значением, их внутренняя форма отличается и обладает большой ценностью в процессе обучения китайских студентов фразеологии. Уяснение значения внутренней формы русских фразеологизмов обеспечивает более глубокое проникновение в их значение и позволяет познакомиться с национальным характером, менталитетом, мироощущением, психологическими особенностями и эстетическими предпочтениями народа, что имеет важное значение для китайских студентов.

Сопоставительный анализ фразеологизмов русского и родного языков является оперативным способом для раскрытия значения частично-эквивалентных фразеологизмов на основном этапе обучения китайских студентов русскому языку как иностранному. Его использование не только оказывает положительное влияние на расширение фоновых значений, но и помогает китайским студентам избежать специфических ошибок, вызванных межкультурной интерференцией.

Участие в межкультурной коммуникации для китайских студентов невозможно представить в отрыве от знакомства с культурой изучаемого языка, поскольку культура и язык тесно взаимосвязаны. Проникновение в культурную среду не только добавляет заинтересованности при изучении китайскими студентами русского языка, но и оказывает положительное воздействие на формирование у них лингвокультурологической компетенции.

Диалог культур, по словам профессора В. В. Миронова, «это познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих. Главным средством этого выступает язык, знание которого является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры. Зная иной язык, я необходимо адаптирую смыслы другой культуры. Сопоставляя же иную и свою культуры, я необходимым образом понимаю ценность и своеобразие собственной культуры» [4, с. 45].

Важно отметить, что на современном этапе иноязычного образования основная цель обучения русскому языку как иностранному уже сменилась с развития только лишь коммуникативной компетенции на формирование возможности диалога культур, что является бесспорной необходимостью для успешного взаимодействия разных культур в современном поликультурном мире.

Активное введение фразеологии в учебный процесс способствует формированию у обучающихся лингвокультурологической компетенции и стимулирует успешное осуществление диалога культур, что имеет важное значение для межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : уч. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
2. Дубровин, М. И. Русские фразеологизмы в картинках / М. И. Дубровин. – М. : Русский язык, 1987. – 328 с.
3. Остапенко, С. П. Изучение фразеологизмов как необходимый компонент при обучении русскому языку иностранных студентов-филологов / С. П. Остапенко, Е. А. Долгая // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2016. – № 1. – С. 43–48.
4. Миронов, В. В. Философия и метаморфозы культуры / В. В. Миронов. – М. : Современные тетради, 2005. – 424 с.

Abstract. The article deals with the linguistic and methodological foundations of the formation of communicative competence of Chinese students studying Russian as a foreign language. Attention is focused on the functioning and methods of semanticization of phraseologisms as important means of intercultural communication and actualization of the problem of their understanding by representatives of different cultures in the process of communication.

Keywords: phraseology, Russian as a foreign language, semanticization, communicative competence, linguoculturological competence, dialogue of cultures, intercultural communication.

УДК 811.161.1'373'374:398.92:316.7

Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва

УЧЕБНЫЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Аннотация. В статье представлена концепция кросс-культурной репрезентации фразеологизмов и паремий в проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета. Особое внимание уделяется вопросам отображения диалога культур при этимологизации фразеологизмов и контекстуальном иллюстрировании их функционирования.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, паремиология, лексикография, межкультурная коммуникация, кросс-культурная компетентность.

Более 40 словарей, опубликованных в центральных и региональных издательствах, представляют результаты творческой деятельности Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ, созданной 12 лет назад при кафедре образовательных технологий. Это словари, с которыми можно идти на урок, читать их в семейном кругу, использовать для научной работы, – фразеологические, паремиологические, ономастические, сленговые, орфографические, терминологические, различающиеся типом организации материала и жанровыми характеристиками: от академических толково-идеографических до занимательных детских словарей в рассказах и игровых словарей-квестов. Цель данной статьи – представить фразеографические проекты лаборатории, направленные на формирование у современных школьников как фразеологической, так и кросс-культурной компетентности, предполагающей осознание специфики лингвокультуры своего партнера по общению.

Прежде всего, обратимся к словарям русских фразеологических единиц (далее ФЕ) и пословиц, адресованных иностранным школьникам и студентам, изучающим русский язык. В серии таких словарей, разработанных в соавторстве с коллегами из Франции, Чехии, Эстонии, Латвии, культурный фон русских ФЕ и пословиц отражают лингвокультурологически ориентированные толкования, этимологические справки и комментарии к отдельным культурологически маркированным компонентам фразеологизмов и паремий, переведенные на родной язык учащихся. Эксплицитная репрезента-

ция диалога культур осуществляется посредством включения в словарную статью сопоставительного компонента: функциональные соответствия фразеологизмов или поговорок из родного языка сопровождаются специальными графическими значками, указывающими на сходства и различия образной структуры соотносительных оборотов двух языков, особо отмечаются безэквивалентные единицы. При этом не ставится задача полного сопоставительного описания фразеологизмов и поговорок родного и изучаемого языков, но актуальные в сопоставительном плане лингвокультуремы, отмеченные на уровне целостного значения прототипа или отдельных компонентов ФЕ родного языка, также получают комментарий, что расширяет лексикографический диалог культур и возможности использования словаря как средства формирования кросс-культурной компетенции русскоязычных школьников-билингвов, проживающих с родителями на постсоветском пространстве или в дальнем зарубежье. Так, в словаре «Фразеологизмы в нашей речи» с комментариями на эстонском языке помимо перевода этимологической справки к эстонскому эквиваленту *nagu oleks küünarpuu alla neelanud* дается дополнительный лингвокультурологический комментарий: *Ka eesti keeles kasutatakse sellisel juhul võrdlust, erinevus vene keelest on vaid selles, mida "alla neelati". Arssini asemel on siin kasutusel küünarpuu. Küünarpuu oli vanasti ühe küünra pikkune mõõdupuu. Küünra pikkus oli 53 sentimeetrit. (В эстонском языке в данном случае также используется сравнение, отличие от русского только в том, что «проглочено». Вместо аршина здесь другой измерительный инструмент – küünarpuu – деревянная линейка «локоть» длиной 53 сантиметра)* [1, с. 68].

Функционирование фразеологизмов и поговорок иллюстрируют в данной серии учебных словарей небольшие тексты, в том числе подготовленные по материалам реальных историй, присланных или рассказанных нам школьниками: они делятся своим коммуникативным опытом – вспоминают ситуации употребления ФЕ и поговорок, в том числе курьезные, рассуждают о ценностях, отражаемых этими единицами, приводят их шуточные преобразования и пытаются обосновать целесообразность трансформаций. Героями таких рассказов становятся и иностранцы, осваивающие русские фразеологизмы, паремии и стоящие за ними реалии русской культуры. Так, в точке пересечения культур оказывается французский школьник Патрик, приехавший в Россию. Когда он услышал поговорку *Веник в бане всем начальник*, подумал, что в бане принято часто подметать. Его новый друг, Вася С. из Санкт-Петербурга рассказывает о поездке к дедушке в деревню, где Патрик, уже ознакомившийся в Интернете с русскими банными традициями, поучаствовал в заготовке березовых веников, узнал, почему русские так любят березу, но все-таки не решился испытать на себе действие веника в парной. Перед бабушкиной банькой с веником он все-таки сфотографировался и два веника взял с собой – «один в подарок своему деду, а другой для тренировки – будет готовиться к следующему приезду в Россию» [2, с. 160–161].

Одним из принципов учебной фразеологии и паремиологии, в соответствии с нашей концепцией, является обеспечение интерактивности словаря в бумажном формате за счет различных приемов диалога автора с читателем. В Предисловии к словарю и по ходу словарных статей мы рассказываем о себе – о нашей работе, увлечениях, планах, что создает обстановку доверительности, делает нас «авторитетными рассказчиками», помощниками читателя в освоении фразеологизмов и паремий, позволяет реализовывать воспитательные задачи, в том числе мотивировать школьников к освоению новых языков и культур, к осуществлению межкультурной учебной коммуникации. Например, в русско-чешском словаре поговорок и пословиц (словарная статья «Учиться никогда не поздно») рассказываем о том, что побывали в Чехии, увидели там много интересного и взялись за освоение чешского языка, а нашими учителями стали наши соавторы – Милена Рыковска и Богумила Бурешова – преподаватели Западно-чешского университета из города Пльзень [2, с. 254–255].

Не менее авторитетными рассказчиками и учителями становятся для школьников студенты-практиканты. Они и будут «гидами» по русской паремииологии в новом словарном проекте лаборатории. Рабочее название проектируемого издания – «Русские пословицы с Джаханой и Лейлой. Лингвокультурологический словарь для туркменских школьников». Туркменские студентки ПсковГУ (профиль «Начальное образование»), имена которых вынесены в название словаря, активно участвовали в разработке словарных материалов, а их апробация прошла в школах г. Дашогуз. В данном проекте принцип лексикографического диалога культур становится одним из основных и реализуется как аспект комментирования культурного фона русской пословицы на фоне туркменской культуры, а к диалогу рассказчика и читателя подключаются и другие реальные персонажи – деятели двух культур.

Фотография рассказчицы и ее самопрезентация включаются в первую же словарную статью с ее участием:

Здравствуй, дорогой друг! Меня зовут Джахана Юлдашевна. Я – твоя землячка. Моя Родина – солнечный Дашогуз. Но сейчас я живу и учусь в университете в России, в древнем и красивом городе Пскове. Я буду учителем начальных классов. А сейчас хочу тебя познакомить с некоторыми русскими пословицами, расскажу много интересного о русской и о туркменской культуре.

Словарные статьи традиционно открывает справочная зона:

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ – ЛЮДИ

Любое дело можно освоить.

(Говорится, чтобы подбодрить того, кто принимается за непривычное дело, внушить ему уверенность в своих силах, или как выражение решимости приняться за трудное дело самому).

Далее рассказчица (фото и «речевое облачко») вводит читателя в тему (*Дорогой друг! Сегодня мы познакомимся с пословицей «Не боги горшки обжигают – люди» и узнаем о псковских и туркменских народных промыслах*) и сразу же приглашает к разговору специалистов по гончарному делу:

(Фото и «речевое облачко»): Здравствуй! Я Бахтияр Ходжаниязов. Живу в городе Дашогуз. По профессии я гончар и художник. Сегодня мы с моим учителем, Нарметом Кашаевым, поможем вам разобраться с пословицей «Не боги горшки обжигают – люди».*

Туркменские гончары показывают свои работы и рассказывают о трудностях, которые они преодолевали, осваивая это ремесло. Слова, отмеченные знаком (*) комментируются на русском языке, так как словарь рассчитан на читателя с уровнем владения русским языком А2 (старшие классы туркменской школы).

По приглашению Джаханы к разговору подключается (фото и «речевое облачко») директор завода «Псковский гончар» Вадим Боровко, который рассказывает о 300-летней истории гончарного промысла в Пскове, демонстрирует изделия псковских гончаров и подводит читателя к выводу о том, что с этой нелегкой работой можно справиться, если много учиться, стараться и верить в свой успех. Так делается вывод о развитии переносного значения пословицы, ее употребление иллюстрируют фрагменты народных сказок, а тренировочные диалоги, куда нужно вставить изучаемую пословицу, также отражают культурологически значимые ситуации, например, в полиэтнической студенческой среде:

Шахноза: Наташа, я видела, как красиво ты танцуешь перед зеркалом. У нас в Туркмении есть древний обрядовый танец кушитдепди. Мы его танцуем в нашем танцевальном кружке. Если хочешь, приходи на репетицию, будешь танцевать с нами.

Наташа: Шахноза, я хочу, но боюсь. Мне кажется, у меня не получится. Одно дело перед зеркалом танцевать, как тебе хочется, а другое дело – в ансамбле.

Шахноза: Не бойся. <...> Будь уверена в себе, и все у тебя получится. Жду на репетиции.

Таким образом, межкультурный сопоставительный аспект может быть реализован и в одноязычном словаре пословиц, ориентированном на иностранного читателя (в данном случае – это туркменские и русские по этнической принадлежности школьники, проживающие в Туркменистане).

Фразеологические словари для российской начальной школы и учащихся средних классов, представлены регулярно переиздающимися занимательными толково-этимологическими словарями Экспериментальной лаборатории. Занимательные этимологические истории для детей в одноименном фразеологическом словаре [3] рассказывают авторы, подключая юных читателей к увлекательным этимологическим разысканиям; в словаре «Ума палата» [4] эту функцию выполняют вымышленные герои – специалисты по фразеологии, восходящей к разным сферам: русская история (экскурсовод Раскопкин), традиционная русская пища (повар Сгущенкин), единицы измерения (инженер Сантиметренко), анатомия и здоровье (доктор Витаминкин) и другие, а статьи словаря в рассказах «Сами с усами» [5], объединенные сюжетной линией, представляют «деятельность» фразеологического бюро расследований, где трудятся служебно-разыскной пес Гафик, кот-исследователь Кокос и стажер попугай Кочан. Историко-этимологическая и функционально-синхроническая репрезентация русских фразеологизмов реализуется здесь с регулярными отсылками к фактам культуры разных народов в этимологизации фразеологических заимствований, в контекстуальных иллюстрациях использования ФЕ (сказки народов мира).

А инновационный лексикографический формат словаря-путешествия позволяет представить иностранцу не только диалог, но и «полилог культур» в связи с учебной репрезентацией русских фразеологизмов и паремий. Так, иностранные студенты, виртуально путешествующие по России с русскими пословицами и поговорками [6], знакомятся со свадебными традициями Мордовии, Татарстана, Якутии (статья «Жениться – не воды напиться»), узнают о конфессиях, представленных в России (статья «Прийти к шапочному разбору», иллюстрированная фотографиями Мечети Кул-Шариф в Казани, Большой хоральной синагоги в Санкт-Петербурге, Костела Святого Адальберта в Калининграде, Пагоды Семи Дней в Элисте, Храма Христа Спасителя в Москве) [6, с. 65–70; 94–95].

Таким образом, кросс-культурная составляющая реализуется в интерактивных учебных словарях Экспериментальной лаборатории ПсковГУ на уровне этимологизации, контекстуального иллюстрирования фразеологического и паремиологического материала, его активизации в речи школьников, что позволяет пополнить запас их лингвокультурологических знаний, повысить кросс-культурную грамотность, подготовить к адекватным межкультурным речевым контактам с использованием этноспецифических языковых единиц.

Список использованных источников

1. Никитина, Т. Г. Учебный словарь русской фразеологии / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва, Б. Буренова, М. Рыковска. – Plzeň : Fraus, 2013. – 328 с.
2. Роголёва, Е. И. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина, У. Ая. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2013. – 178 с.
3. Роголёва, Е. И. Фразеологический словарь. Занимательные этимологические истории для детей / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. – М. : ВАКО, 2017. – 96 с.
4. Роголёва, Е. И. Ума палата. Детский фразеологический словарь / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. – М. : Издательский дом Мещерякова, 2020. – 160 с.
5. Роголёва, Е. И. С усами. Веселый фразеологический словарь / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. – М. : Издательский дом Мещерякова, 2020. – 192 с.
6. Роголёва, Е. И. Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. – М. : Рус. яз. Курсы, 2019. – 136 с.

Abstract. The article presents the concept of cross-cultural representation of phraseological units and paroemias in the projects of the Experimental Laboratory of Educational Lexicography of Pskov State University. Special attention is paid to the issues of displaying the dialogue of cultures when etymologizing phraseological units and contextual illustration of their functioning.

Keywords: Russian language, phraseology, paremiology, lexicography, intercultural communication, cross-cultural competence.

УДК 811'373.47

Е. В. Ничипорчик

О РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ПОЖЕЛАНИЯХ С АПОТРОПНОЙ ФУНКЦИЕЙ

Аннотация. В статье подлежат описанию разноязычные устойчивые выражения, в антифрастической форме которых зашифровано пожелание удачи. Выявляются сходства и отличия в языковом кодировании информации, направленной на устранение или отмену пагубного влияния внешних сил. Рассматриваются гипотезы о происхождении пожеланий с апотропной функцией. Выясняется, что за различием образов и структур скрывается одна и та же семиотическая модель, воплощающая желание человека найти защиту от зла и противостоять ему.

Ключевые слова: язык, словарь, устойчивое выражение, поговорка, образ, происхождение, апотропная функция.

Название нынешней конференции «Фразеология и паремиология на пересечении эпох» фокусирует наше исследовательское внимание, как мне думается, прежде всего, на тех фактах языка, которые связывают культурные эпохи, либо, напротив, знаменуют некоторую рубежность, смену ценностных парадигм в истории народов.

В поле нашего внимания оказались разноязычные устойчивые выражения, уже утратившие связь с логикой, лежащей в основе кодирования информации, но все еще живущие на устах носителей языка. Речь пойдет о пожеланиях, природа которых связывается с апотропной функцией. Такие пожелания основаны на предрассудках и по своему первоначальному смыслу служат устранению, отмене пагубного влияния внешних сил на благополучное течение дел. Затемнение внутренней формы апотропных пожеланий приводит к частичному переосмыслению их функционального предназначения: из обереговых они переходят в разряд пожеланий удачи, лишенных пресуппозиций, основанных на суевериях.

Носители русского языка для пожелания удачи в каком-либо ответственном деле используют выражение *ни пуха ни пера*. Однако мало кто знает сегодня, почему при пожелании удачи используется такой языковой код. В историко-этимологическом справочнике «Словарь русской фразеологии» указывается, что выражение *ни пуха ни пера* собственно русское по происхождению, возникло в среде охотников [1, с. 480]. Прямое пожелание удачи перед охотой на дичь (*пух* – ‘пушной зверь’, *пера* – ‘птица’) в соответствии с верованиями древнего человека могло помешать хорошей охоте. Исследователи полагают, что пожелание *ни пуха ни пера* звучало для введения в заблуждение леших, оберегавших лесную добычу от человека, или для обмана самой дичи, которая может спрятаться, услышав, что охотника ждет удача. Усилению апотропной функции способствовал ответ на пожелание – *к черту!* Пожелание-перевертыш *ни пуха ни пера* объясняется и суеверной боязнью «сглазить» удачу [Там же].

Обереговое по своей первоначальной сути пожелание *ни пуха ни пера* хорошо известно белорусам и украинцам, фиксируется словарями устойчивых выражений в этих языках. В белорусских словарях отмечается два варианта выражения: *ні пуху ні пярэ* [2, с. 240–241] и *ні пуху ні пер'я* [3, с. 527]. По данным национальных корпусов текстов (Белорусского N-корпуса [4] и Параллельного подкорпуса Национального корпуса рус-

ского языка [5]) оба варианта находят употребление в речи. В то же время в ранних словарях устойчивых выражений, имевших хождение на белорусской земле [6; 7; 8], ни один из вариантов поговорки не фиксируется, хотя иные по содержанию и функции диплассивные формы в этих словарях встречаются: *ni siadlo ni padlo* (в значении 'без причин' [6]; *ni kalà, ni dwarà* (о крайней бедности) [7, с. 147]; *ни кь селу ни кь городу* ('некстати, не к месту') [8]. Обращение к современным словарям показывает также, что пожелания-перевертыши как таковые не чужды белорусскому языку. В словаре белорусских пословиц и поговорок, составленном А. Зайкой, находим следующие этикетные формулы: *Здароў! – Здароў! Каб на табе поп зароў!*; *Добры вечар! – Добры вечар! Добра білі. Добра енчыў!*; *Добрай ночы! Ляжаць да паўночы, вытрашчыўшы вочы!* [9, с. 164]. Составитель словаря отмечает, что так приветствуют друг друга хорошо и давно знакомые люди с целью шутки, игры слов [9, с. 164]. В этом нельзя не согласиться с автором словаря, добавим, однако, что в такого рода шутках можно увидеть и отголоски древних суеверий, боязни так называемого людского «сглаза».

Отличие от белорусского языка, в украинском языке выражение *ні пуху ні пера* характеризуется большей степенью употребительности, имеет синоним *ні луски ні зябри* (буквально 'ни чешуи ни жабер') [10, с. 451], включено во многие фразеологические словари [10, с. 588; 11, с. 259 и др.], активно используется в сети Интернет. Особенности употребления этого выражения в прозаических произведениях украинского сатирика О. Вишни посвятил свою статью известный фразеолог Украины В. Д. Ужченко [12]. Однако пожелание-перевертыш *ні пуху ні пера* мы не находим в паремиологическом собрании известного украинского этнографа и фольклориста XIX века М. Номиса [13], нет его и в словаре «Галицько-руські народні приповідки» И. Франко [14]. Впрочем, нет этого выражения и в объемнейшем словаре «Пословицы русского народа» русского лексикографа XIX века В. И. Даля [15]. Кажется странным, но первые фиксации выражения *ни пуха ни пера* в Национальном корпусе русского языка относятся к началу XX века, нет фиксаций этого выражения в древнерусских и старорусских текстах Исторического подкорпуса названного ресурса [5]. Разумеется, и данные словарей, и корпусные данные относительны и не могут быть использованы для вывода о том, что поговорка не имела хождения в давние времена (см., например, следующие иллюстрации использования поговорки в речи: *Но мы знаем, что все дома и крыши заняты большевиками. Вправо, в воротах, за углами – жмутся юнкера, по два, по три – наши передовые дозоры. На Театральной площади, из Метрополя юнкера кричат: – Ни пуха, ни пера! Едем дальше* (С. Я. Эфрон. Записки добровольца (1917–1925)) [5]; *Приходит такая глупость в голову, о которой совестно даже сказать: сегодня бабушка, не имеющая понятия о том, что охотнику надо желать «ни пуха, ни пера», пожелала мне побольше убить: – Пошли тебе господи!* (М. М. Пришвин. Дневники (1928)) [5]. По всей вероятности, пожелание-перевертыш *ни пуха, ни пера* связано с языческой древностью и там нужно искать его следы. Однако не поиск источников поговорки мы ставим своей целью. Цель, которая преследуется в данной статье, заключается в том, чтобы выявить и объяснить сходства и отличия в языковом кодировании пожеланий удачи в разных культурах.

В евразийском культурном пространстве, как выясняется, есть целый ряд напутственных пожеланий, характеризующихся паралогичностью. Рассмотрим эти пожелания, избрав в качестве опоры для систематики генеалогическую близость языков.

1. В западнославянских и южнославянских языках используются такие пожелания: *zlom(te) vaz* (чешский, буквально 'сломай(те) шею') [16, с. 571]; *zlom vāz!* (словацкий, буквально 'сломай шею') [17]; *slomi nogu* (хорватский, буквально 'сломай ногу'), синонимичное ему диалектное выражение *rogi ribaru* (хорватский, буквально 'рога рыбаку') [18, с. 24].

2. В германских языках – *Hals- und Beinbruch* (немецкий, буквально 'перелом шеи и ноги') [19, с. 295], синонимичное ему выражение *Es wird schön schiefgehen* ('все

пойдет не так, как нужно’ – ироническое пожелание, призванное подбодрить слушателя) [20]; *break a leg* (английский, буквально ‘сломай ногу’) [21]; *knæk og bræk* (датский, буквально ‘треснуть и сломаться’ – пожелание удачи на рыбалке) [22].

3. В романских языках – *merde!* (французский, буквально ‘дерьма’); *dire merde à qn* – послать к черту кого-либо, пожелать удачи кому-либо [23]; *mucha mierda* (испанский, буквально ‘много дерьма’) [24]; *in bocca al lupo* (итальянский, буквально ‘в пасть волку’), *in culo alla balena* (итальянский, вульгарное, буквально ‘в задницу кита’) [25].

4. В финно-угорских языках – *kivi kotti* (эстонский, буквально ‘камень в сумку’ – пожелание рыбаку, а также любому человеку, отправляющемуся в путь), синонимичное *nael kummi* (эстонский, буквально ‘гвоздь в резину’ – пожелание удачи автомобилистам) [26]; *kéz- és lábtorézt* (венгерский, буквально ‘перелом руки и ноги’) [27].

5. В тюркских языках – *şeytanın qıçını qır* (азербайджанский, ‘сломай дьяволу ногу’) [28]; *şeytanın bacağını kır* (турецкий, буквально ‘сломай дьяволу ногу’ – пожелание успешно завершить работу, которая уже приводила к отрицательному результату, пожелание преодолеть неудачу) [29].

Выяснить, откуда тянутся нити, сближающие эти выражения в пространстве и во времени, в настоящее время сложно. В универсальных переводных словарях в качестве английского аналога всех этих идиом приводится выражение *break a leg*. В Википедии есть большая статья о происхождении выражения *break a leg* с достаточно авторитетным списком использованной литературы [30]. Составители статьи отмечают, что выражение, по всей вероятности, появилось в начале XX века, однако происхождение идиомы, язык-источник достоверно неизвестны. Не исключено, что паралогичная форма возникла случайно: в результате искажения немцами еврейского устойчивого выражения *הכרוב והחלה* (хацлохе ун брохе), на языке идиш это означает успех и благословение. Считается, что именно так появилось немецкое пожелание удачи *Hals- und Beinbruch*, затем произошло заимствование образной основы в английский язык [30].

На наш взгляд, версия заимствования пожелания удачи с образом сломанной ноги в английский язык из немецкого требует тщательной проверки, если учесть, что сферой первоначального бытования поговорки *break a leg* считается театр. Театральное происхождение приписывается пожеланиям удачи во французском и испанском языках: *merde!*; *mucha mierda!* – такие пожелания адресуют оперным певцам с намеком на аншлаг, при котором в давние времена к театру подъезжало большое количество карет, запряженных лошадьми [30]. Вхождение же немецкого выражения *Hals- und Beinbruch* в узус не связывается с театром.

Кажется сомнительной и версия каламбурного происхождения немецкой поговорки, так как в немецком языке есть немало устойчивых выражений с компонентом *Hals-*, а также с компонентами *Hals-* и *Bein*, в которых находит отражение сценарий перелома шеи и ног или только шеи: *Einen Hals brechen ist schlimmer als zwei Beine* ‘сломай шею хуже, чем две ноги’; *Wer den Hals zu sehr hütet, bricht ihn am ersten* ‘тот, кто слишком сильно бережет свою шею, ломает ее первым’, эта пословица в паремилогическом лексиконе К. Вандера сопровождается комментарием *Gegen übergrosse Ängstlichkeit* ‘против чрезмерной боязливости’ [31]; *Er will den Hals über einen Strohhalm brechen* (‘он хочет сломать шею о соломинку’), данная пословица тоже подается с комментарием *Gegen die, welche, da sie überall halsbrechende Gefahren sehen, nichts wagen und unternehmen mögen* (‘против тех, кто, видя всюду головокружительные опасности, не осмеливается за что-либо браться’) и с итальянским аналогом *Si romperebbe il collo in un filo di paglia* (буквально ‘он сломал бы себе шею о соломенную нить’) [31]. Отметим, что итальянцы используют такое выражение о крайне неудачливом человеке (сравн.: *A chi è in disgrazia di Dio, rompe il collo per una pagliucola* (‘кому Бог не благоволит, ломает шею о соломинку) [32, с. 404]), французы же о таком человеке скажут *Il tombe sur le dos et se casse le nez* (буквально ‘он падает на спину и ломает себе нос’) [33, с. 325].

Самой распространенной версией, объясняющей появление английского *break a leg*, является версия о связи этого выражения с суеверием, согласно которому прямое пожелание удачи в каком-либо ответственном деле приведет к несчастью, чтобы «не сглазить» благоприятный исход дел лучше пожелать неудачи [30]. Наиболее уязвимыми в плане успешности, а следовательно, и наиболее суеверными являются, по мнению многих, актеры, жокеи, и поэтому считают, что выражение *break a leg* появилось в театральной среде или на ипподроме [30]. Театральные версии объяснения внутренней формы английской поговорки *break a leg* разнообразны: излом, перелом ноги связывается с поклонами актеров на сцене в случае успешной постановки спектакля; с собиранием актерами монет, брошенных благодарными зрителями на театральные подмостки; с ожиданием выхода актеров второго состава из-за кулис (кулисы в театральном сленге назывались «the legs» ‘ноги’); с эмоциями восхищенных зрителей в зале; есть версии, имеющие отношение к конкретным лицам, сломавшим ноги в театре, и др. [21, с. 321; 30, 34 и др.]. Употребление поговорки *break a leg* для предупреждения неудачи на скачках очень сомнительно, так как перелом ноги для жокеев чересчур серьезная травма и даже в шутку неуместно выражать подобного рода пожелания [30].

Есть указание на то, что выражение *break a leg* использовалось в значении ‘приложить усилия’, по крайней мере именно так интерпретируется употребление данного выражения в статье 1942 года американской газеты «The Hammond Times» (Индиана) [34]. Тогда логично предположить, что и в немецком языке выражение первоначально использовалось как призыв преодолеть себя, преодолеть страх, сделать что-либо вопреки трудностям и случайностям. Известно, например, что поговорку *Hals- und Beinbruch* использовали перед полетами летчики Люфтваффе [34]. Аналогичные мотивационные отношения усматриваются в устойчивых сочетаниях тюркских языков: *şeytanın qıçını kır* и *şeytanın bacağını kır* (‘сломай дьволу ногу’).

Ритуальные действия отпугивания нечистой силы, злых духов, неудачи закреплены в ряде жестовых знаков, обнаруживающих общность в различных этнических культурах. Это – постукивание по дереву, держание кулаков, скрещивание пальцев, показ «рогов» (сжатого кулака с вытянутыми указательным пальцем и мизинцем), плевки через плечо (см., к примеру, статью о интернациональном характере постукивания по дереву с апотропной целью [35]). Некоторые такие действия получают вербальное обозначение, приобретающее способность функционировать как устойчивое выражение («соматическая фраза» [18, с. 24]). Вот одна из иллюстраций использования «соматической фразы» в речи: *Я по гроб жизни благодарна Мишелю за то, что он, фактически своим упорством, верой, тем посылом, который умеет передать артисту, вдохнул в Спивакова новые силы. Он дал ему возможность заиграть снова. Без Мишеля бы это не случилось. Перед каждым концертом он приходит и говорит Володе “toy-toy-toy”, “merde” и по-итальянски “boca lupo” (буквально “в пасть волку”) – эквиваленты нашего “ни пуха ни пера”* (С. Спивакова. Не всё (2002)) [5]. Как видим, в апотропных пожеланиях заложена не только суеверная идея боязни чего-либо, но и интенция, настраивающая адресата на преодоление себя. «Соматические фразы», используемые в качестве пожелания отвести зло и преодолеть трудности, фиксируются многими словарями: *držati fige (palce) komu / držim ti (vam) fige (palce)!* (хорватский, ‘держатъ фиџи (пальцы) кому’ / ‘держим за тебџа (за вас) фиџи (пальцы)’) [36, с. 91; 37, с. 405], *keep your fingers crossed* (английский, буквально ‘держатъ пальцы скрещенными’) [38]; *jemandem / für jemanden den Daumen / die Daumen halten / drücken* (немецкий, ‘кому-либо / за кого-либо держатъ / сжиматъ пальцы’) ([19, с. 146]). В немецком словаре «Duden» фиксируется и *toi, toi, toi*, в словарной статье содержится указание на использование этого выражения в речи в качестве фелицитарного пожелания и приводятся синонимичные «соматические фразы» [19, с. 727]. Выражению *toi, toi, toi* приписывается звукоподражательная природа (сравн. русское *тьфу-тьфу-тьфу*), однако его происхождение может стать предметом отдельного изучения.

На первый взгляд кажется, что итальянское пожелание удачи *in bocca al lupo* (буквально ‘в пасть волку’) в европейском культурном пространстве является в некоторой степени обособившимся. Происхождение этого выражения вызывает немало дискуссий. Причина заключается в богатейшей и амбивалентной символике волка в европейской и, шире, человеческой культуре. Отсюда, в частности, попытки связать возникновение выражения *in bocca al lupo* с легендой о волчице, спасающей двух близнецов из вод Тибра, трактовать волчью пасть как самое надежное, защищенное место [39]. Подобные трактовки (относящиеся к разряду так называемых «народных» этимологий) подкрепляются наблюдениями над самками волков, бережно переносящих своих детенышей в пасти, а также разного рода верованиями, в соответствии с которыми волк наделяется сакральными характеристиками. Верования подвигали наших предков (и в Европе, и в Азии) к использованию частей тела убитого волка (глаз, зубов, когтей, сердца, хвоста) в качестве талисманов и оберегов [40, с. 153–154; 41, с. 15–16]. Интересны ритуальные действия с челюстью животного: в Сербии, к примеру, новорожденного ребенка продевают сквозь волчью челюсть, чтобы предохранить его от болезней и всякого зла, а в Закарпатье смотрят через гортань волка, чтобы вызвать в себе чувство ненависти [40, с. 153, 154].

И все же романтическая версия связи итальянского выражения *in bocca al lupo* с легендой о волчице мало правдоподобна, если учитывать и иного рода языковые факты. Исследователь Д. Лоскальцо говорит о том, что корни выражения *in bocca al lupo* следует искать в древнегреческой культуре, в частности в proverbialных выражениях древних греков [42]. Выражение *dalla bocca del lupo* (ἐκ λύκου στόματος) (‘из волчьей пасти’) использовалось греками по отношению к тем, кто получал что-либо неожиданное (сравн.: *вавка стревь* – белорусы так говорят о ком-либо получившем неожиданную прибыль [8, с. 14]), а *il lupo a bocca spalancata* (λύκος ἔχων) (‘волк с раскрытой пастью’) – по отношению к тем, кто не достиг того, на что надеялся [42]. Д. Лоскальцо считает, что внутренняя форма поговорки *in bocca al lupo* указывает на то, что говорящий выражает пожелание, чтобы волк остался с открытой пастью, то есть ни с чем.

Действительно, раскрытая пасть волка порождает легко интерпретируемый образ, который был положен в основу названий разного рода объектов: в названии растения (*bocca di lupo*) из семейства губоцветных с широко раскрытым розовым или белым венчиком, в названии вспомогательной обороны укрепленных мест (*bocca di lupo*), состоящей из ряда очень близко расположенных друг к другу усеченных конических отверстий, в дно которых засажены вертикальные колья [43].

В то же время следует обратить внимание и на достаточно устойчивую связь образа волка с мужскими союзами: социальными группами охотников и воинов [41, с. 13–17]. Волк – свирепый, злой, беспощадный враг, будучи побежденным, становится символом силы и доблести человека-победителя. Польский профессор Е. Ямрожик, ссылаясь на «Словарь академиков Круски» (1612 г.), считает, что выражение *andare in bocca al lupo* (и другие подобные ему выражения *correre nella bocca del lupo* ‘бежать в пасть волка’, *mettere (e mettersi) in bocca al lupo* ‘сунуть (сунуться) в пасть волка’, *cascare in bocca al lupo* ‘падать в пасть волку’, *andare nella tana del lupo* ‘идти в логово волка’ (сравн. французское *se précipiter dans la gueule du loup* ‘броситься в пасть волку’)) следует понимать как «идти на удачу», «попасть во власть врага, самому встретить опасность» [44]. Следовательно, образ волка в итальянском выражении *in bocca al lupo* в своем первичном понимании может быть интерпретирован как своего рода вызов, возможность продемонстрировать силу, проверить свою удачу. Подтверждается это традиционным ответом на пожелание *in bocca al lupo!*: *crepi! (crepi il lupo!)* ‘пусть сдохнет волк’ – говорят итальянцы.

Интересно, что сегодня многие итальянцы, преодолевая силу предрассудков, бросая вызов трудностям, а также желая выразиться прилично, в ответ на *in bocca al lupo*

вместо грубого *crepi il lupo* могут сказать *viva il lupo* 'пусть живет волк' либо обычное *grazie* 'спасибо' [39]. Полагаем, что в ряде речевых ситуаций и восточные славяне предпочтут отказаться от прежних суеверий и в ответ на лаконичное *ни пуха ни пера* скажут *спасибо*. Хотя... не исключено, что кто-то не преминет при этом постучать по дереву или совершить иное ритуальное действие, чтобы отогнать «нечистую», отвести «сглаз» от своего везения...

Список использованных источников

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
2. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Т. 2 : М–Я. – Мінск : БэлЭн, 1993. – 607 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. ; Т. 4 : П–Р; рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энциклапедыі, 1980. – 768 с.
4. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://bnkorporus.info/korpus.be.html>. – Дата доступу: 12.09.2022.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 12.09.2022.
6. Rysiński, S. Przypowieści Polskie Przez Salomona Ryśńskiego zebrane. A teraz nowo wydane, u ná wielu mieyscách poprawione. Krakow, 1634 [Электронный ресурс] / S. Rysiński. – Режим доступа : <https://dbc.wroc.pl/dlibra/publication/155798/edition/117341/content>. – Дата доступа : 10.09.2022.
7. Federowski, M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. T. 4. Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, ookólki, Białegostoku, Bielska, Wmkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Łidy, Wujejki, Swiecian i Oszmiany / M. Federowski. – Warszawa, 1935. – 490 s.
8. Сборник белорусских пословиц / составленный И. И. Носовичем // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. АН. т. XII. № 2. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1874 [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://zapadrus.su/bibli/etnolib/140-q-q-1874.html>. – Дата доступа : 10.09.2022.
9. Зайка, А. Прыказкі і прымаўкі, жарты і каламбуры, прагаворкі і языкаламкі, вясельныя прыгаворкі пры дзяльбе караваа, вітанні і зычэнні, ветлівыя і ласкавыя выразы, засцярогі і прысягання, праклёны і адкляці, жартоўныя праклёны і дражнілкі-кепікі, зневажанні і параўнанні, прыкметы народнага календара з Косаўшчыны / Аляксей Зайка. – Мінск : Тэхналогія, 2015. – 286 с.
10. Фразеологічний словник української мови; укл. В. М. Білоноженко та ін. ; редкол.: Л. С. Паламарчук (голова) та ін. Кн. 1. – Київ: Наукова думка, 1993. – 528 с.
11. Словник українських ідіом : понад 2 200 ідіом / уклад Г. М. Удовиченко. – Київ : Радянський письменник, 1968. – 461 с.
12. Ужченко, В. Д. «Ні пуху ні пера» чи «Ні пера ні пуху»? : (На матеріалі творів О. Вишні) / В. Д. Ужченко // Рідне слово. – 1972. – Вип. 6. – С. 88–93.
13. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О. Марковича і других ; укл. М. Номис. – Київ : Либідь, 1993. – 763 с.
14. Франко, І. Галицько-руські народні приповідки / І. Франко. – Львів, 1901–1910. – Цифрове перевидання: Київ, 2014–2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.i-franko.name/uk/Folklore/1901/GalRusProverbs.html>. – Дата доступа : 10.09.2022.
15. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.
16. Mokienko, V. Česko-ruský frazeologický slovník / V. Mokienko, A. Wurm. – Olomouc : Univerzita Palackého, 2002. – 659 s.
17. Zlom väz! // Slovník. Sk [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://slovník.aktuality.sk/preklad/slovensko-anglicky/?q=zlom+v%C3%A4z+\(!\)](https://slovník.aktuality.sk/preklad/slovensko-anglicky/?q=zlom+v%C3%A4z+(!)). – Дата доступа : 12.09.2022.
18. Kovačević, B. Zlo i naopako / B. Kovačević // Hrvatski jezik, god. 8, br. 1, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. – Zagreb, 2021. – S. 22–24.

19. Der Duden : in 12 Bänden ; das Standardwerk zur deutschen Sprache / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion: Annette Klosa. – Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich : Dudenverl. – Band 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten, 1998. – 864 s.
20. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff>. – Дата доступа : 20.09.2022.
21. Urdang, L. Picturesque expressions: A Thematic Dictionary (2 ed.) / L. Urdang, W. W. Hunsinger, N. LaRoche. – Detroit, Mich. : Gale Research Co, 1985. – 783 p.
22. Den Danske Ordbog [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ordnet.dk/ddo/ordbog?subentry_id=59005162&def_id=21041742&query=Hjerte&mpage=1. – Дата доступа : 20.09.2022.
23. Французско-русский универсальный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://translate.academic.ru>. – Дата доступа : 20.09.2022.
24. Diccionario universal ruso-español [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://translate.academic.ru>. – Дата доступа : 20.09.2022.
25. Universale dizionario russo-italiano [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://translate.academic.ru>. – Дата доступа : 20.09.2022.
26. Eesti fraseologismide elektrooniline alussõnastik [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.folklore.ee/justkui/sonastik>. – Дата доступа : 22.09.2022.
27. Sztaki szótár [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://szotar.sztaki.hu/en>. – Дата доступа : 22.09.2022.
28. Azərbaycan dilinin frazeologiya lügəti [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.azleks.az/dictionaries/3/azerbaycan-dilinin-frazeologiya-lugeti>. – Дата доступа : 22.09.2022.
29. Türkçe İngilizce Sözlük [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tureng.com/tr/turkce-ingilizce>. – Дата доступа : 22.09.2022.
30. Break a leg [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Break_a_leg. – Дата доступа : 22.09.2022.
31. Wander, K. Deutsches Sprichwörter-Lexikon [Электронный ресурс] / K. Wander. – Режим доступа : <https://woerterbuchnetz.de/#1>. – Дата доступа : 22.09.2022.
32. Boggione, V. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massobrio. – Torino : UTET, 2007. – 654 p.
34. Quitard, P. M. Dictionnaire étymologique, historique et anecdotique des proverbes et des locutions proverbiales de la langue française. – Paris : P. Bertrand, 1842. – 701 p. [Электронный ресурс] / P. M. Quitard. – Режим доступа : <https://books.google.by/books?id=RNZUAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. – Дата доступа : 22.09.2022.
34. Break a leg // The Phrase Finder [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.phrases.org.uk/meanings/break-a-leg.html>. – Дата доступа : 22.09.2022.
35. Knocking on wood [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Knocking_on_wood. – Дата доступа : 22.09.2022.
36. Menac, A. Hrvatsko-ruski frazeološki rječnik. Хорватско-русский фразеологический словарь / Antica Menac, Željka Fink Arsovski, Irina Mironova Blažina, Radomir Venturin. – Zagreb : Knjižica, 2011. – 470 с.
37. Menac, A. Hrvatski frazeološki rječnik / Antica Menac, Željka Fink Arsovski, Radomir Venturin. – Zagreb : Naklada Ljevak, 2014. – 794 с.
38. English Idioms. Sayings and slang [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://idioms_en.en-academic.com. – Дата доступа : 22.09.2022.
39. Ponzà, F. In bocca al lupo: significato e origine / Federica Ponzà // SoloLibri.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sololibri.net/In-bocca-al-lupo-significato-origine-risposta.html>. – Дата доступа : 22.09.2022.
40. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
41. Харитонов, М. А. Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 24.00.02 / М. А. Харитонов ; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2000. – 20 с.
42. Loscalzo, D. Perché si dice «in bocca al lupo»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.insulaeuropea.eu/2021/02/16/perche-si-dice-in-bocca-al-lupo/>. – Дата доступа : 22.09.2022.

43. Bocca di lupo // Treccani Vocabolario on line [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.treccani.it/vocabolario/bocca-di-lupo/>. – Дата доступа : 24.09.2022.

44. Jamrozik, E. Sull'origine della formula *in bocca al lupo* / E. Jamrozik // La Crusca per n°33, ottobre 2006, p. 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/sullorigine-della-formula-in-bocca-al-lupo/164>. – Дата доступа : 24.09.2022.

Abstract. The article describes multilingual fixed expressions, the antiphrastic form of which conceals an encrypted wish of good luck. Similarities and differences are revealed in the linguistic coding of information aimed at eliminating or canceling the harmful influence of the external forces. Hypotheses about the origin of wishes with an apotropaic function are considered. It turns out that the same semiotic model, which embodies the desire of a person to find protection from evil and resist it, hides behind the difference in images and structures.

Keywords: language, dictionary, fixed expression, idiom, image, origin, apotropaic function.

УДК 811'25:398.92

А. В. Павлова

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. В статье ставится вопрос о назревшей необходимости отражения в двуязычных фразеологических словарях нескольких альтернативных возможностей перевода и о пополнении словарей информацией, касающейся степени близости оригинала-леммы и ее предлагаемых переводов. Эта степень близости может быть определена при множественном (многовекторном) подходе к критериям полной и частичной эквивалентности.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический словарь, двуязычная фразеография, эквивалентность перевода.

Проблеме переводимости фразеологизмов посвящено немало научных работ, прежде всего в области теории перевода. Современное состояние проблематики обстоятельно и подробно освещено в [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Наиболее существенный аспект этой проблематики состоит в необходимости различения уровня языковой системы и речевой деятельности, с одной стороны, и в тенденциях взаимопроникновения этих уровней во фразеографической практике, с другой. Несмотря на большую традицию составления фразеологических двуязычных словарей, современная фразеография должна опираться на достижения корпусной лингвистики и исследования в области переводоведения. Эти достижения подводят фразеографов к необходимости учитывать большее разнообразие и более индивидуальные способы перевода фразеологизмов по сравнению с теми эквивалентами или квази-эквивалентами (неидиоматическими соответствиями), которые предлагаются имеющимися в настоящее время словарями.

Традиционные двуязычные фразеологические словари [например, 9; 10; 11; 12; 13] ориентируются на абстрактно-языковой уровень отражения эквивалентности: в качестве соответствий для леммы приводятся один-два наиболее типичных, с точки зрения фразеографа, перевода; в больших словарях эти соответствия иллюстрируются одним-двумя примерами. Не указывается, можно ли использовать эти переводы для любого контекста и являются ли они полными эквивалентами или лишь приблизительно передают значение леммы. Квази-эквиваленты, т. е. неидиоматические соответствия, в словарях обычно не отделяются от эквивалентов-фразеологизмов и не комментируются как нефразеологизмы. Неполная (частичная) эквивалентность никак не комментируется. Иными словами, в словарях не содержится информации, которая требуется пользователю, особенно если это человек, не слишком искушенный в переводе (например, начинающий переводчик, студент или школьник), или человек, изучающий язык перевода как иностранный.

В реальности для каждой леммы имеется, как правило, значительно больше одного-двух соответствий – даже на языковом, отвлеченном от конкретных текстов, уровне. Многие фразеологизмы можно было бы переводить, например, более идиоматично, более образно, чем предлагается словарями. Скажем, в [9] часто приводятся неидиоматичные переводы там, где даже на абстрактно-отвлеченном уровне, вне конкретных контекстов, имеются идиоматичные.

Сказанное вовсе не означает, что существующие словари плохи. Но фразеографическую практику составления двуязычных словарей следует расширять путем учета накопленного переводческого опыта. Эта практика развивается и совершенствуется благодаря все более интенсивному использованию параллельных текстовых корпусов [3; 4; 5]. Становится понятно, что необходимо дополнять словарные статьи двуязычных фразеологических словарей с учетом множества факторов, касающихся особенностей употребления и перевода фразеологизмов в текстах. Такой подход остро требуется практикующим переводчикам.

Фразеографы должны учитывать конкретные переводческие решения. Но при этом необходимо отделять единичные случаи от типичных, повторяющихся. Фразеологические двуязычные словари не в состоянии и не должны рассматривать все возможные решения переводчиков, которые отыскиваются в параллельных текстовых корпусах. Для определения степени типичности перевода требуются корпуса большого объема.

Известно, что условия контекста могут побудить переводчика отказаться от соответствий, предлагаемых фразеологическим двуязычным словарем, в пользу совсем иного решения. Помимо контекста, решения переводчика зависят еще от целого ряда факторов, которые не могут учитываться двуязычными словарями. Для принятия решений играют существенную роль такие параметры, как эпоха создания конкретного текста, его культурный фон, описываемые в тексте ситуации. Альтернативные по сравнению с рекомендациями двуязычных словарей решения принимаются переводчиками иногда и из-за специфики жанра текста (например, в публицистическом тексте фразеологизм может быть переведен не так, как он был бы переведен в рекламном тексте). Релевантны для решений и индивидуальный стиль автора, и (в художественной литературе) необходимость отражения характера протагониста в его речи, и личные предпочтения переводчика. В зависимости от целевой группы также можно наблюдать варианты перевода, отличные от предлагаемых фразеографами: например, идиому в тексте, адресованном детям, возможно, переводчик захочет перевести иначе, чем ту же идиому в литературе для взрослых. (Аспект языковой игры, которая часто требует специфических переводческих решений, мы оставляем за скобками. Этот аспект достаточно очевиден).

Но сколь самостоятельны ни были бы переводческие решения, исследования частоты употребления переводчиками соответствий, предлагаемых двуязычными фразеологическими словарями, показывают, что варианты переводов, согласующиеся со словарями или непосредственно почерпнутые из них, используются на практике заметно чаще индивидуальных, отклоняющихся от словарных [14]. Так, согласно Национальному корпусу русского языка, фразеологизм *Wort halten* переводится в текстах в большинстве случаев фразеологизмом *держат слово / сдержат слово*, т. е. эквивалентом, предлагаемым двуязычным словарем [9]. Тем интереснее анализировать случаи несовпадений, т. е. переводов, альтернативных словарному, – например, *обещать, не обмануть, не отказываться от своих слов*. Подобные несовпадения с эквивалентом на языковом уровне способны обогатить фразеографическую статью, продемонстрировать разнообразие возможностей, которыми обладает переводчик, исследовать причины отклонений.

С возникновением текстовых корпусов назрел более детальный и корпусно-ориентированный подход к фразеографической практике. Так, если решение, найденное переводчиком и не совпадающее с тем, которое предлагается имеющимся в распоряжении двуязычным словарем, представляется опытному переводоведу или фразео-

графу перспективным и годным для иных (воображаемых, теоретически возможных) контекстов определенного типа, следовало бы рассмотреть такой перевод как возможный кандидат на фразеографирование при создании нового словаря. Например, при использовании конкретного фразеологизма в сочетании с местоимением первого лица он переводится иначе, чем в сочетании с показателями третьего лица, и эта регулярность отражена в текстовом корпусе. При наличии отрицания фразеологизм может переводиться иначе, чем в положительном контексте. В отделении единичного от типического и полезного для иных, воображаемых контекстов играет роль как достаточно большой массив переводных примеров, так и лингвистическая интуиция исследователя. К сожалению, параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка в настоящее время недостаточно велик и репрезентативен, чтобы делать выводы, о которых здесь говорится. Но этот корпус быстро растет, и надо надеяться, что через пару лет он уже сможет выполнять функцию обоснования для расширения и уточнения фразеографических описаний.

Современные двуязычные словари в области фразеологии должны были бы не только приводить несколько возможностей для перевода одного и того же фразеологизма, иллюстрируя их примерами и пояснениями, в какой ситуации какой перевод предпочтительнее, но и давать пользователям информацию о степени близости предлагаемых переводов оригиналу, то есть информировать о мере его эквивалентности.

Для реализации этой цели имело бы смысл обратиться не только к текстовым корпусам, но и к опыту переводоведения. Именно здесь можно почерпнуть методы исследования степеней эквивалентности. В переводоведении распространен подход к переводимости и эквивалентности в области фразеологии, заключающийся в сравнении перевода и оригинала конкретных текстов (чаще всего литературных произведений) и составлении вытекающей из этого анализа типологии различных методов перевода фразеологизмов и определения различных типов эквивалентности (например: полная, частичная, замена аналогом, нулевая); см. обзор и критику такого рода типологий в [3]. С критической позицией Д. О. Добровольского по поводу подобных типологий можно согласиться лишь отчасти. Автор прав в том, что критерии разграничения полной или частичной эквивалентности определяются исследователями-переводоведами интуитивно и произвольно: так, противопоставление фразем – частичных эквивалентов фраземам-аналогам осуществляется на основе субъективной оценки со стороны исследователя и далеко не всегда убеждает читателя. Прав автор [3] и в том, что определение «частичный эквивалент» малоинформативно: частичность эквивалента может проистекать из самых разных источников. Однако нельзя согласиться с тем, что классификации подобного рода нерелевантны для фразеографии [3, с. 214–215]. Несмотря на их явные недостатки, они обладают потенциалом для совершенствования и, в улучшенном виде, будучи переведены на рельсы более высокой степени объективности, полезны как раз и прежде всего для двуязычной фразеографии – несмотря на то, что во фразеографии до сих пор не используются. Последнее обстоятельство скорее объясняется слабой рефлексией со стороны лингвистики по отношению к результатам и выводам, к которым приходит переводоведение. Больше внимание к переводоведению могло бы сослужить лингвистике, и в первую очередь фразеографии и семантике, хорошую службу.

Доказуемость и объективизация теоретических построений в сфере изучения типов эквивалентности для фразеологизмов может быть достигнута описанием всех существенных признаков фразеологизмов и присвоением этим признакам определенного статуса (например, в виде коэффициента) на шкале оценки степени близости между оригиналом и переводом. Так, для идиом можно выделить следующие существенные для описания этого феномена параметры: 1) смысл в тексте; 2) семантика вне текста (на языковом уровне) и возможная полисемия; 3) идиоматичность; 4) структура (из каких языковых элементов состоит фразеологизм); 5) устойчивость vs вариативность; 6) образность; 7) постоянство просодического контура; 8) стиль; 9) частотность; 10) сочетаемость и употребление в текстах; 11) синтаксическая роль в предложении; 12) национально-культурная специфика; 13) эпоха возникновения и распространения.

Каждому параметру присваивается определенная значимость на шкале оценки степени близости перевода к оригиналу. Соответствие фразеологизма исходного текста Φ' его переводу Φ'' по функционально-смысловой нагрузке в тексте является наиболее значимым критерием для определения степени близости между Φ' и Φ'' и, как следствие, для оценки удачности переводческого решения. Поэтому присвоим параметру (1) высокий коэффициент – скажем, 10.

Однако этого критерия недостаточно: было бы неправомерно рассматривать перевод фразеологизма Φ' словосочетанием или сложным словом Φ'' как полностью эквивалентный только на том основании, что Φ'' передает в данном конкретном текстовом примере перевода тот же смысл, что и Φ' в оригинале. Не менее важен и критерий «идиоматичность» (3): если фразеологизм Φ' переводится неидиоматическим словосочетанием, такой перевод мы не будем рассматривать как эквивалентный. Присвоим параметру «идиоматичность» коэффициент 7 или 8.

Стилистические расхождения, сфера употребления, частотность также влияют на оценку степени близости оригинала и перевода: например, если в русском языке выражение *я умываю руки* используется в разговорной речи, в том числе в бытовых диалогах, то его немецкое соответствие *Ich wasche meine Hände in Unschuld* принадлежит к высокому стилю и далеко не столь частотно. Следовательно, степень соответствия здесь неполная и переводчику следует поостеречься от механического употребления этого эквивалента: его неполнота кроется в несоответствии факторов «частотность» и «стиль» (и отчасти «структура», см. ниже).

В рассмотрении вопросов эквивалентности должна учитываться и сочетаемость: так, если в немецком языке идиома *um ein Haar* может употребляться в любых контекстах и означает по сути то же, что ‘почти’, то ее русское соответствие (по лексической и синтаксической структуре и семантике на уровне языковой системы) *быть на волосок от чего-л.* может сочетаться только со словами, обозначающими опасность, риск, гибель или большую неприятность: *от гибели, от смерти, от аварии, от краха* и некоторыми иными; нельзя сказать **кто-л. был на волосок от освобождения*, в то время как в немецком фраза *j-d wäre um ein Haar befreit* нормативна. Кроме того, внешне совпадающие по лексике, синтаксису и значению идиомы *um ein Haar* и *на волосок от чего-л.* употребляются в разных синтаксических позициях: в то время как в русском языке после фразеологизма требуется существительное в родительном падеже или инфинитивная группа, вводимая союзом *чтобы* (*быть на волосок от того, чтобы завалить экзамен*), в немецком наиболее частое сочетание этого фразеологизма с глаголом в конъюнктиве плюсквамперфекта: *Um ein Haar hätte er sich verraten*. Представляется, что сочетаемость и условия контекста (комбинаторика) являются немаловажными критериями для оценки степени эквивалентности перевода.

Немалую роль в практическом переводе играет и критерий «национально-культурная специфика» (12). Так, даже если в аспекте функционально-семантическом можно посчитать русский перевод *Я ему про Фому, а он мне про Ерёму* немецкой идиомы *aneinander vorbeireden* переводческой удачей (образно, живо, шутливо), то в аспекте национально-культурном вряд ли этот способ перевода стоило бы рассматривать как счастливую находку переводчика: трудно себе представить, чтобы какой-либо немец упомянул в диалоге Фому и Ерёму, даже в русском переводе. С другой стороны, национально-культурный фон характеризует далеко не все идиомы, поэтому данный критерий вступает в силу не всегда и не стоит преувеличивать его значимость.

Нельзя не учитывать и время появления и распространения фразеологизма (13): например, хотя русское выражение *Приятных выходных!* полностью соответствует немецкому пожеланию *Schönes Wochenende!*, в русском языке оно появилось и распространилось только в начале нынешнего столетия, поэтому вряд ли подобный перевод немецкого фразеологизма следует рассматривать как полностью эквивалентный для

любой исторической эпохи, за исключением временного интервала начиная с нулевых годов. По тем же причинам перевод фразы *Tut mir leid, Rosi, war nicht persönlich gemeint* из романа «Der Hahn ist tot» Ингрид Нолль в форме *Извини, Роза, ничего личного* также нельзя признать эквивалентным: выражение *ничего личного* в значении 'не обижайся' бытует в русском языке лишь с начала нынешнего века, поэтому подобный перевод был бы анахронизмом. Но значимость диахронического критерия не следует и преувеличивать: большинство фразеологизмов не откладывается в памяти реципиентов как возникшие или получившие распространение в конкретную эпоху. Скорее, это релевантно для фразеологизмов, возникших в языке недавно и потому осознаваемых как новые, или, наоборот, для откровенно устаревших выражений, осознаваемых как (более) неупотребительные, архаичные и редкие.

Не все фразеологизмы обладают образностью (параметр 6), но если она имеет место, то для перевода она обычно семантически значима, особенно в случаях обыгрывания «внутренней формы» фразеологизма автором текста. Исследователь решает, сколь существен для его шкалы сравнения параметр «совпадение образности» и в каком месте на шкале этот критерий располагается.

Некоторые важные для описания фразеологизмов вне ситуации перевода параметры в рамках анализа степени эквивалентности перевода оригиналу не играют роли. Так, просодическому контуру (параметр 7 в данном списке), являющемуся важным опознавательным признаком фразеологизма в пределах одного языка, имеет смысл присвоить нулевую значимость: эквивалентный фразеологизм не должен обладать теми же просодическими характеристиками, что оригинал, так как в каждом языке просодия своя. Не имеет значения для анализа конкретных переводов и способность фразеологизма к варьированию (5). Этот фактор существен для описания леммы в одноязычном или двуязычном словаре, а также для поиска переводных примеров: нужно иметь в виду, что в оригинале фразеологизм может быть представлен в разных вариантах. Но в оценке эквивалентности он не может учитываться, так как фразеологизм уже представлен в тексте конкретным вариантом и его способность к варьированию не отражается на оценке его перевода в данном примере.

Не вполне ясно, насколько значим такой параметр, как полисемия Φ' (в нашем списке под цифрой 2), если она отлична от количества значений Φ'' на уровне языка. Решение по данному вопросу принимает исследователь: один может посчитать его значимым, другой, возможно, предложит его проигнорировать.

Дискуссионным представляется и параметр «структура» (4): следует ли принимать его во внимание и, если да, в какой мере, решает исследователь. Так, уже упомянутая фразеологизма *Ich wasche meine Hände in Unschuld* различается с русским соответствием *Я умываю руки* по синтаксическому составу. Это, казалось бы, чисто структурное отличие релевантно, по-видимому, и для образности, и для стилистики. Для некоторых фразеологов неоднословность является едва ли не важнейшим критерием, отделяющим фразеологизм от иных языковых явлений; другие считают, что сложные слова могут рассматриваться как фразеологизмы – например, в таких языках, как немецкий, где словосложение выступает как средство, позволяющее избегать атрибутивно-субстантивных групп. Поэтому считать ли слово *Löwenanteil* полным эквивалентом фразеологизма *львиная доля*, невзирая на структурное расхождение, или не считать его таковым как раз по причине структурного несовпадения, в конечном итоге зависит от подхода к фразеологизмам, от их определения.

В зависимости от присвоенных коэффициентов описанные здесь параметры получают больший или меньший вес в определении степени близости Φ'' по отношению к Φ' . Полное совпадение по всем параметрам, которые фразеограф считает значимыми, дает в итоге результат «полная эквивалентность».

Присвоив отдельным параметрам меру их значимости, значительно проще сравнивать оригинал и перевод в разных релевантных для этого сравнения аспектах. Выбранные для анализа эквивалентности параметры образуют своего рода веер, концы

которого удалены от основания на разную длину, в зависимости от присвоенных коэффициентов значимости. Этот «веер» может, как лекало, мысленно прикладываться к конкретным парам Φ' и Φ'' . Для конкретного анализа пар «оригинал / перевод» присвоенные коэффициенты могут быть представлены в их максимальном выражении, но могут не достигать максимальной величины, причем в разной степени. Например, если критерий «образность» получил в нашей системе оценок коэффициент 5, то идиома *бельмо на глазу* по отношению к немецкому фразеологизму *ein Dorn im Auge*, возможно, получит по данному параметру значение 4, в то время как выражение *стать кому-л. поперёк дороги* как возможный перевод той же идиомы – значение 2.

Понятно, что все эти «вычисления» могут быть только неточными и базируются всё на той же интуиции, однако уже их полнота и формализация подхода к оценке дают возможность в значительно большей степени приблизиться к объективизации получаемых выводов и тем самым по возможности избавиться от вкусовщины. Формализация в процессе анализа важна для исследователя как доказательная база его решений, как подготовительный шаг к содержанию и формулировкам словарной статьи. Будут ли эти оценки эксплицитно представлены в словаре и, если да, в каком виде, решает фразеограф. Однако несомненно то, что и переводчик, и изучающий язык пользователь нуждаются в соответствующих пояснениях по всем приведенным здесь параметрам.

Сразу нужно признать, что если учитывать хотя бы часть из описанных выше критериев, то полная эквивалентность при переводе фразеологизмов – скорее, исключение. Практически любой перевод в той или иной степени представляет собой на уровне языковой системы частичный эквивалент. «Частичная эквивалентность» наблюдается при расхождении тех или иных показателей на представленной здесь многовекторной шкале сопоставления, когда по тому или иному критерию максимальная присвоенная параметру величина не достигнута. Сам по себе термин «частичная эквивалентность» малоинформативен: необходимо пояснять, в чем именно состоит расхождение между оригиналом и переводом. Чем больше такой содержательной и подробной информации будет в словаре, тем большую помощь он будет представлять для пользователя.

Таким образом, учет по возможности всех релевантных для сопоставления исходного и переводящего языков факторов позволяет формулировать рекомендации для переводчиков способом, максимально приближенным к практике переводческой деятельности. Пользователям двуязычных фразеологических словарей требуется, с одной стороны, описание большего числа возможных переводов в зависимости от тех или иных особенностей контекста (если они допускают определенную типизацию); с другой, им важны характеристики предлагаемых словарями способов перевода согласно параметрам, в сумме своей складывающихся в общее представление об эквивалентности – полной или, как правило, неполной (частичной). Пользователю необходимо объяснять, в чем именно заключается неполнота.

Список использованных источников

1. Koller, Werner. Phraseologismen als Übersetzungsproblem / Werner Koller // Sandig, Barbara (Hrsg.), “Europhras 92. Tendenzen der Phraseologieforschung. Studien zur Phraseologie und Parömiologie”. – № 1. – 1994. – S. 351–374.
2. Heinz, Michaela. Probleme der Phrasemäquivalenz im allgemeinen zweisprachigen Wörterbuch (Deutsch-Französisch) / Michaela Heinz // Sabban, Annette (Hrsg), Phraseologie und Übersetzen. – Bielefeld : Phrasemata II. Aisthesis Verlag, 1999. – S. 147–157.
3. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1980. – 207 с.
4. Добровольский, Д. О. Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом / Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – № 2 (22). – 2011. – С. 219–246.

5. Добровольский, Д. О. Беседы о немецком слове / Д. О. Добровольский. – М. : Языки славянских культур, 2013. – 752 с.
6. Добровольский, Д. О. Корпусы текстов и двуязычная фразеография / Д. О. Добровольский // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – № 5 (27). – 2015. – С. 23–37.
7. Павлова, А. В. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода / А. В. Павлова, Н. Д. Светозарова. – СПб. : Антология, 2012. – 480 с.
8. Павлова, А. В. Учебное пособие по русской фразеологии [Электронный ресурс] / А. В. Павлова. – Режим доступа : <http://doi.org/10.25358/openscience-7622>. – Дата доступа : 26.10.2022.
9. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. – М. : Русский язык, 1975. – 656 с.
10. Дубровин, М. И. Иллюстрированный сборник идиом на пяти языках / М. И. Дубровин. – М. : Росмэн, 1997. – 211 с.
11. Квеселевич, Д. И. Русско-английский фразеологический словарь / Д. И. Квеселевич. – М. : Русский язык, 2000. – 704 с.
12. Литвинов, П. П. Англо-русский фразеологический словарь / П. П. Литвинов. – М. : Яхонт, 2000. – 446 с.
13. Petermann, Jürgen. Russisch-Deutsches phraseologisches Wörterbuch / Jürgen Petermann, Hansen-Kokorus, Tamara Bill. – Langenscheidt, Verlag Enzyklopädie, 1995.
14. Гололобова, Н. И. Фразеологические и нефразеологические способы перевода фразеологических единиц в произведениях Д. Г. Лоуренса / Н. И. Гололобова // Филология: научные исследования. – 2020. – № 7. – С. 41–50. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.7.33430. – Режим доступа : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33430. – Дата доступа : 26.10.2022.

Abstract. The article raises the question of the urgent need to reflect in bilingual phraseological dictionaries several alternative translation possibilities and to enrich the dictionaries with information concerning the degree of proximity of the original lemma and its proposed translations. This degree of proximity can be determined by a multiple (multi-vector) approach to the criteria of full and partial equivalence.

Keywords: phraseology, phraseological dictionary, bilingual phraseography, translation equivalence.

УДК 811.161.3'373:81'271(=161.3)

К. С. Пивавар

ФРАЗЕАЛАГІЧНЫЯ АДЗІНКІ Ў СУЧАСНАЙ КАМУНІКАЦЫІ: РОЛЯ Ў ФАРМІРАВАННІ І РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ МОЎНАЙ КАРЦІНЫ СВЕТУ БЕЛАРУСАЎ

Анагацыя. У артыкуле вылучаны фразеалагічныя адзінкі, якія выкарыстоўваюцца ў складзе стыкерпакаў у інтэрнэт-камунікацыі. Вызначана іх важная роля ў рэпрэзентацыі і фарміраванні моўнай карціны свету беларусаў. Аўтар прыходзіць да высновы, што змест фразеалагічных адзінак актуалізуе такія канцэпты-канстанты, як “чалавек”, “шчасце”, “поспех”, “дабрабыт”, “праца”, утрымлівае звесткі пра духоўную і матэрыяльную культуру беларусаў, прэцэдэнтныя імёны, а таму фразеалагічны фонд беларускай мовы з’яўляецца каштоўным аб’ектам даследавання для лінгвакультуролагаў.

Ключавыя словы: фразеалагічная адзінка, моўная карціна свету беларусаў, канцэптасфера, інтэрнэт-камунікацыя.

Фразеалагічныя адзінкі сваім зместам заўсёды звернуты да чалавека: яны не толькі апісваюць свет, але і ацэньваюць, інтэрпрэтуюць, выражаюць да яго суб’ектыўныя адносіны. Фразеалагізмы, па словах В. А. Маславай, “гэта душа ўсякай нацыянальнай мовы, у якой непаўторным чынам маніфестуецца дух і своеасаблівасць нацыі” [1, с. 136].

Мэта дадзенага артыкула – вызначыць ролю фразеалагічных адзінак, змешчаных у стыкерпаках сучасных месэнджараў, у рэпрэзентацыі і фарміраванні моўнай карціны свету беларусаў. Мэта прадугледжвае вырашэнне наступных задач: 1) даць кароткую агульную характарыстыку прац лінгвістаў, якія закранулі тэму ролі фразеалогіі ў адлюстраванні культуры і ментальнасці беларускага народа; 2) выявіць актуалізаваныя ў фразеалагізмах асноўныя канцэпты моўнай карціны свету беларусаў і культурны фон (словы-сімвалы, прэцэдэнтныя імёны і тэксты і г. д.).

Адной з першых прац, якая апісвае нацыянальна-культурны кампанент фразеалагізмаў (інфармацыя аб светапоглядзе нашых продкаў, абрадах, звычаях, уяўленнях людзей аб навакольнай рэчаіснасці), з’яўляецца даследаванне “Чым адгукаецца слова” У. І. Коваля [2]. Вывучэннем нацыянальна-культурнага кампанента фразеалогіі і парэміялогіі займаюцца таксама вучоныя з Магілёва Я. Я. Іваноў, Ю. А. Петрушэўская і інш. [3].

Бясспрэчна, адным з найбуйнейшых даследчыкаў беларускай фразеалогіі ў лінгвакультуралагічным аспекце з’яўляецца Вольга Аляксееўна Ляпчынская. Як справядліва адзначае даследчыца, “фразеалагічныя адзінкі беларускай мовы з’яўляюцца вынікам жыццёвага вопыту і мудрасці многіх мінулых пакаленняў нашага і іншых народаў і крыніцай атрымання ведаў і ўстановак культуры беларусаў, спосабаў пазнання свету і іх вербальнага адлюстравання для наступных пакаленняў” [4, с. 212]. У шматлікіх яе манаграфіях [4; 5; 6] апісаны базавыя канцэпты “праца”, “смерць”, “чалавек”, “жыццё”, стыхійныя канцэпты “агонь”, “вада”, “зямля”, “паветра”; лінгвакультурныя коды беларускай фразеалагічнай карціны свету.

У манаграфіі А. С. Дзядовой “Чалавек у люстэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі” [7] праведзены лінгвакультуралагічны аналіз фразем і парэмій, якія рэпрэзентуюць псіхалагічны стан чалавека, асаблівасці яго характару (семантызацыя разумовай дзейнасці, апазіцыі “працавітасць-гультайства”, адмоўных рыс характару і лёсу чалавека), эмацыйна-пачуццёвай сферы (злосць, страх, плач, смех, радасць, каханне), рэлігійны светапогляд, сацыяльныя адносіны (маўленчыя адносіны; станоўчы і адмоўны аспекты маральна-этычных паводзін) і гендарныя паводзіны.

Такім чынам, кароткі агляд буйных прац, прысвечаных беларускай фразеалогіі, яскрава паказвае, што ў беларускай лінгвістыцы не выклікае сумнення думка пра важнасць фразеалогіі ў рэпрэзентацыі і фарміраванні беларускай моўнай карціны свету.

У другой частцы нашага даследавання звернемся да беларускіх фразеалагічных адзінак (далей – ФА), змешчаных у распаўсюджаных сродках камунікацыі (т. зв. месэнджарах) з улікам метадаў вывучэння ў вышэйзгаданых працах (метады лінгвакультуралагічнай інтэрпрэтацыі). Безумоўна, корпус даследаваных намі фразем істотна абмежаваны (усяго вылучана каля 30 адзінак), аднак наяўнасць менавіта гэтых ФА ў сродках камунікацыі падкрэслівае іх папулярнасць, агульнавядомасць, а таму важнасць для вывучэння. Актуальнасць звароту да жывой сучаснай фразеалогіі не выклікае сумнення, бо вывучэнне жывой мовы бярэ выгокі ад прац младаграматыстаў, І. Бадуэна-дэ-Куртэнэ, Я. Карскага і інш.

У дадзеным даследаванні мы прымаем шырокае разуменне фразеалогіі. Пад фразеалогіяй у шырокім сэнсе разумеецца ўсе спалучэнні з вобразным значэннем – гэта прыказкі, прымаўкі, афарызмы, ідыёмы, крылатыя выразы, цытаты з літаратурных твораў. Іншымі словамі, шырокі аб’ём фразеалогіі можна вызначыць як усё тое, што ўзнаўляецца ў гатовым выглядзе, не з’яўляючыся словам. Прадстаўнікамі шырокага падыходу з’яўляюцца вучоныя М. Ф. Алефірэнка, В. М. Тэлія, М. М. Шанскі, А. У. Кунін і інш.

Стыкерпак – набор выяў, звязаных тэматычна і графічна. Ён можа складацца з ілюстрацый, рэальных фота ці тэматычных фраз. Стыкерпакі дазваляюць наглядна дэманстраваць свае думкі, з’яўляюцца карысным інструментам у камунікацыі, як асабістай, так і дзелавой. Стыкерпакі звычайна ўтрымліваюць адзінкі маўленчага этыкету (*дзякуй, дабранач, як справы?; калі ласка!; вітаю!*), лексемы з азначнай канатацыяй (*прыгажосць; кепска*), устойлівыя выразы.

Часта наборы стыкераў ствараюцца суб'ектамі бізнесу (банкі, прадпрыемствы, вытворцы). Напрыклад, кампанія Viber распрацавала для Нацыянальнага алімпійскага камітэта Рэспублікі Беларусь стыкерпак Team BY, ключавым элементам якога стаў талісман алімпійскай каманды ў вобразе бусляныці – адзін з самых вядомых сімвалаў Беларусі. Асноўнай задачай супрацоўніцтва з'яўляецца інфармаванне ўсіх аматараў спорту аб працы НАК, падрыхтоўцы да вялікіх спаборніцтваў і поспехах беларускіх атлетаў, а таму ў прадстаўленых фразеалагічных адзінках рэпрэзентаваны найперш канцэпт “поспех”: *поспех на тваім баку; гэты сцiкер павялічвае моц; цябе чакаюць яскравыя перамогі; у цябе ўсё атрымаецца; прыйшоў час дзейнічаць; рыхтуйся да прыемных сюрпрызаў; будзь смелым – усё атрымаецца!* Семантыка фразеалагізмаў з яскравым імператывам – каб дасягнуць поспеху неабходна быць рашучым, смелым, актыўным: *збярыся, ануца!; зажыгай! не выгарай!; варушыся!* і г. д.

Сетка кніжных крам OZ стварыла беларускамоўныя стыкерпакі “Скрыні храбрасці” з матывуючымі пасланьнямі. Наборы створаны для падтрымкі падапечных дабрачыннай ініцыятывы – хворым дзецям. Змест фразем з дадзеных стыкераў рэпрэзентуе канстанты моўнай карціны свету – “здароўе” (*здаравей знутры; беражы свой унутраны свет; глядзі на жыццё па-іншаму*) і “чалавек” (*Будзь чалавекам!; для кагосьці ты – цэлы свет!*). У структуры канцэпту “чалавек” акцэнтуюцца такія паняццевыя кампаненты, як ‘самаўдасканаленне’ (*зробім лети*); ‘самавызначэнне’ (*свабода быць сабой*); ‘актыўная жыццёвая пазіцыя’ (*я актыўны; мора справаў; не будзь абыякавым; зрабі сам*).

Банк “Дабрабыт” стварыў стыкерпак для месенджера Telegram, у апісанні якога знайшлі адлюстраванне і асаблівасці беларускай ментальнасці: *Вобраз божай кароўкі цудоўна адпавядае каштоўнасцям банка. Усе мы з дзяцінства памятаем вершык “Божая кароўка, ляці на небка, там твае дзеткі...” Гэта ж якраз пра дабрабыт – сямейную ўтульнасць, шчыры клопат аб сваіх блізкіх, дастатак. Таму мы у банку вырашылі зрабіць гэту мілую істоту сваім героем і талісманам* [8]. У дадзеным выпадку актуалізаваны такія канцэпты, як “дабрабыт”, “шчасце” (*Шчасце побач!*), а таксама выкарыстанне вобраза жывёльнага свету з этнакультурнай семантыкай.

Выяўленыя фразеалагічныя адзінкі вылучаюцца выразным культурным фонам. Ужо згаданы вобраз бусла (фразеалагічная адзінка *дай бусла!*), выкарыстаны таксама вобраз сарокі. З расліннага свету заслугоўваюць увагі знакавыя для беларускай культуры вобразы *лес (нешта ў лесе здохла!)* і *бульба (хавайся ў бульбу)*. Створаны цэлы набор стыкераў з міфічнымі істотамі з беларускага фальклору (*Вадзянік, Дамавік, Русалка* і інш.). Асаблівае месца ў тэматыцы разгледжаных стыкераў належыць прэцэдэнтным імёнам – Францыск Скарына, Янка Купала (выкарыстаны вядомыя радкі з яго верша *А хто там ідзе*), Марк Шагал (*я так бачу*); У. Караткевіч (*гэта Беларусь*).

Канцэптуальнае асэнсаванне часу знайшло адлюстраванне ў тэматычных стыкерах, прымеркаваных да вядомых свят, – Каляды (*час цудаў; час падарункаў*), Новы год (*час феерверкаў; з надыходзячым*), Міжнародны жаночы дзень (*наперад, дзяўчыны; дзявочая сіла*); Вялікі дзень (*Шчаслівага Вялікадня; час для сям'і*); Дзень студэнтаў і г. д.

Як ужо адзначалася, у шырокім разуменні да фразеалагічных адзінак можна аднесці агульнавядомыя цытаты з тэкстаў. Намі адзначана дзве такія адзінкі – *а хто там ідзе* (з выявай Янкі Купалы) і радкі *пакрысе на расе* з выявай цапачных жывёл. Апошнія радкі, магчыма, патрабуюць дадатковага каментавання. Некалькі пакаленняў беларусаў былі гледачамі вячэрняй тэлеперадачы “Калыханка”, у якой выконвалася песня на словы верша “Доўгі дзень” Г. Бураўкіна. Такім чынам, дадзены стыкер з радкамі з гэтага верша з'яўляецца сведчаннем таго, што дадзены тэкст з'яўляецца прэцэдэнтным у беларускай лінгвакультуры.

У прааналізаваных фразеалагічных адзінках рэпрэзентуюцца такія рысы ментальнасці, як спагадлівасць, ветлівасць, добразычлівасць, што выяўляецца ў фразеалагічных адзінках, накіраваных на дапамогу, падтрымку суразмоўцы (*змагайся і не здавайся; скараем вяршыні!; адчуй падтрымку; ты здолееш*).

Цікавым моўным фактам з’яўляецца пераасэнсаванне фразеалагізмаў. Так, фразема *гарыць забор – гары і хата* трасфармавалася ў фразеалагічную адзінку *гарыць дэдлайн – гары і хата*. Заўважым, што *дэдлайн* – апошні тэрмін здачы вынікаў працы – з’яўляецца папулярнай лексмай інтэрнэт-дыскурсу.

Фраземай з глыбокім сэнсам, на нашу думку, з’яўляецца ўстойлівы выраз *мая хата з краю* – нярэдка ён выкарыстоўваецца беларусамі з негатыўнай канатацыяй пры ацэнцы пасіўнай жыццёвай пазіцыі, абьякавасці, баязлівасці, нежадання дапамагчы. Усе названыя рысы часта называюцца як адмоўныя ў беларускім нацыянальным характары. У сувязі з гэтым варта прывесці меркаванне А. С. Дзядовой: “Вялікая колькасць устойлівых моўных адзінак, якія ў сваёй структуры рэпрэзентуюць адмоўныя этнапсіхалагічныя адзнакі чалавека, сведчыць пра тое, што беларускі народ заўсёды імкнуўся выявіць і падкрэсліць у паводзінах чалавека менавіта негатыўнае з мэтай яго карэкціроўкі і выпраўлення ў лепшы бок” [7, с. 147].

Такім чынам, меркаванне пра тое, што фразеалогія з’яўляецца “адбіткам душы народа” ўкаранілася ў беларускай лінгвістыцы, што знайшло адлюстраванне ў буйных даследаваннях вядомых лінгвістаў. Прааналізавыя ў артыкуле фразеалагічныя адзінкі з’яўляюцца цікавым матэрыялам для даследаванняў ў галіне семіётыкі, лінгвакультуралогіі, міжкультурнай камунікацыі. Прыведзены матэрыял дазваляе зрабіць вывад, што ў сучаснай камунікацыі найперш актуалізуюцца наступныя канстанты моўнай карціны свету: *чалавек, шчасце, поспех, дабрабыт, сям’я*, а таксама рэаліі новага часу – святкаванне сучасных памятных дат (Міжнародны жаночы дзень, Новы год, Дзень студэнта), кавідныя абмежаванні (*трымай дыстанцыю; дома дзеля сваіх; насі маску, калі ласка*). Лінгвакультуралагічны аналіз фразеалагічных адзінак у стыкерах паказаў, што духоўная і матэрыяльная культура знайшлі сваё шырокае адлюстраванне (святы – *Каляды, Вялікдзень*, міфічныя істоты – *Дамавік, Багнік, Лесавік* і г. д.; сімвалічныя птушкі – *бусел, сарока*; прэзідэнтныя імёны – *Францыск Скарына, Янка Купала, Якуб Колас, Марк Шагал*).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Флинта, 1997. – 207 с.
2. Коваль, У. І. Чым адгукаецца слова: фразеалогія ў павер’ях, абрадах і звычаях / У. І. Коваль. – Мінск : Народная асвета. – 48 с.
3. Іваноў, Я. Я. Новая канцэпцыя лінгвакраіназнаўчага слоўніка беларускіх прыказак / Я. Я. Іваноў, Ю. А. Петрушаўская / Студзеньскія рэспубліканскія чытанні : матэрыялы рэспубліканскай навуковай практычнай канферэнцыі. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава. – С. 148–153.
4. Ляшчынская, В. А. Канцэпты прыродных стыхій у фразеалагічнай карціне свету беларусаў: агонь, вада зямля і паветра / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2018. – 222 с.
5. Ляшчынская, В. А. Фразеалагічная эмацыянальная канцэптасфера беларусаў : манаграфія / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2012. – 246 с.
6. Ляшчынская, В. А. Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2015. – 224 с.
7. Дзядова, А. С. Чалавек у люстэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі : манаграфія / А. С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 161 с.
8. Новости банка «Добрабыт» [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу : <https://www.facebook.com/bank.dabrabyt>. – Дата доступу : 20.08.2022.

Abstract. The article highlights the phraseological units used in sticker packs in online communication. Their important role in the representation and formation of the linguistic picture of the world of Belarusians is determined. The author comes to the conclusion that the content of phraseological units actualizes such constant concepts as “man”, “happiness”, “success”, “well-being”, “work”, contains information about the spiritual and material culture of Belarusians, precedent names, and therefore the phraseological fund of the Belarusian language is a valuable object of research for linguists.

Keywords: phraseological unit, language picture of the world of Belarusians, concept sphere, Internet communication.

Н. В. Позднякова, Л. Н. Чурилина

**ЛЕГИОН МНЕ ИМЯ ЕСТЬ: СУДЬБА НОВОЗАВЕТНОГО
ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Фразеологическая система представляет собой мобильное множество, изменения которого на каждом временном этапе детерминированы социально-речевой практикой. Статья посвящена проблеме семантической трансформации единиц, источником которых являются тексты Нового Завета. Анализ специфики функционирования УСК *имя им легион* позволяет авторам выявить основные варианты реструктуризации его значения, связанные с актуализацией одних семантических компонентов за счет «погашения» других.

Ключевые слова: фразеологическое значение, дискурс, семантический компонент, семантическая трансформация.

Фразеологическая система любого языка представляет собой мобильное множество, потенциально открытое для новых единиц – неофразем – и для внутренних трансформаций, к числу которых относятся изменения структуры фразеологического значения, связанные с актуализацией / деактуализацией семантических компонентов или их перераспределением в составе значения как системы. Реструктурирование значения сверхсловной единицы (УСК), как и в случае с лексемой, детерминировано сменной типичного для нее контекстного окружения, что не в последнюю очередь связано со сменой сферы функционирования, или сменой дискурса. Однако в отличие от лексического значения, семантическая структура УСК, как правило, в большей степени детерминирована контекстом, ее «породившим», а потому более консервативна, а сам процесс ее трансформирования оказывается значительно более протяженным во времени.

В задачи нашего исследования входит выявление основных вариантов реструктуризации значения одной из самых контекстно зависимых групп фразеологизмов – единиц, восходящих к догматическим, в нашем случае евангельским, текстам. Материалом для статьи послужили текстовые фрагменты с УСК *имя им легион*, демонстрирующие семантический потенциал единицы на разных этапах ее функционирования в русском языке.

Первоначальный вариант УСК *легион мне имя есть* фиксируется в текстах трех евангелий в связи с изложением истории исцеления Христом гадаринского бесноватого (Мф 8: 28–34, Мк 5: 1–20, Лк 8: 22–39), т. е. речь идет об изгнании овладевших человеком злых духов, или акте экзорцизма. Как пишет в комментариях к тексту евангелий А. П. Лопухин, бесноватый обращается к Христу с мольбой о помощи, бесы же «понимают, кто теперь пред ними. Они заклинают Христа Богом, – признавая Его Сыном Бога Всевышнего, – чтобы Он не проявил над ними на этот раз Своего всемогущества» [1]. Тогда «Иисус сказал ему: “Выйди, дух нечистый, из сего человека”. И спросил его: “Как тебе имя?” И он сказал в ответ: “*Легион имя мне, потому что нас много*”». Формальной доминантой выражения является имя *легион* (*legiō*), актуализирующее два ядерных в структуре лексического значения семантических компонента ‘множество’ и ‘войско’ (сравн. «1. У древних римлян – отряд войск, основная боевая единица, полк» [2]), типичные ассоциативные связи («войско ↔ война») позволяют также говорить об опосредованной актуализации компонента ‘угроза’ / ‘опасность’. Однако семантической доминантой выражения в рассматриваемом контексте правомерно признать формально не выраженный компонент ‘бесы’ (= ‘нечистый дух’).

Древние славянские памятники демонстрируют устойчивость исходного варианта семантической структуры УСК. Так, в текстах Мариинского и Зографского евангелий, репрезентирующих евангелие от Марка, отмечено как актуальное значение, состоящее из следующего набора компонентов: ‘неисчислимое множество’, ‘темный / злой’, ‘дух’:

+==_ выпрашае и како ти ест³м#. _ гл(агол)а емоу *летхеонъ мьнн ~сть*³м#. Ыко мьноси есмь• Мар 131: 14-16, _ выпрашае и како ти ест³м#. _ гл(агол)а емоу *летхеонъ мьнн*³м# ~*сть*. Ыко мьноси есмь• Зогр 54: 5-8 (стлб 1). Актуализация аналогичного набора сем характерна и для памятников, включающих евангелие от Луки: Выпроси же и и(соу)сь гл(агол)# что ти *им# ест*. онъ же рече *летхеонъ*. Ыко б҃си мьно³/₄и вьнид@ во нь• Мар 230: 7-10, выпроси же и и(соу)с(ъ) гл(агол)"I чьто ти *им# ест* онъ же рече *легеонъ* I"ко б҃си мьноси вьнидош# вь нь Остр 98bβ: 16-18 – 99aα: 1-3; выпроси же и i(соу)сь гл(агол)#. чьто ти *им# ~сть*. онъ же рече *легеонъ*. "Iко б҃си мьноси вьнидоша вь нь• Арх 153: 12-15.

Лексикографические источники, созданные уже в XX в., фиксируют частичную трансформацию как формальной (замена местоимения *мне* формой 3-го лица – *имя им легион*), так и семантической структуры УСК: речь идет о «погашении», исключении из структуры фразеологического значения сем ‘темный / злой’, ‘дух’; сравн.: *Имъ же имя легионъ* [3, с. 372]; *Им же имя легион* (церк.-слав.), иносказ. – «которых множество», «которым числа нет» [4, с. 95]; *Имя им легион*. О неисчислимом множестве людей, предметов, явлений [5, с. 161; 6, с. 288; 7, с. 188–189; 8, с. 182; 9, с. 192; 10, с. 238; 11, с. 292]. Семантическая реструктуризация лишь отчасти компенсируется авторами словарей за счет включения в структуру словарной статьи специальных помет («часто / чаще неодобр.»). В результате сокращения набора семантических компонентов формальная доминанта выражения (*легион*) сохраняется, но семантическая нивелируется, вплоть до деактуализации значимых на предыдущем этапе функционирования УСК потенциальных сем ‘угроза’ / ‘опасность’.

Реструктуризация фразеологического значения имеет следствием десакрализацию фразеологизма, что в свою очередь делает возможным активное использование УСК в различных дискурсах. Рассмотрим некоторые типичные случаи функционирования фразеологизма *имя им легион*, дающие достаточные основания для моделирования новейшего варианта компонентного состава его значения (тексты, используемые в качестве источника дискурсивного материала, датируются во временном диапазоне 2008–2022 гг.).

Проведенный контекстный и семантический анализ фрагментов современного дискурса позволяет говорить о трех вероятных моделях структурирования фразеологического значения УСК *имя им легион*.

В первом из возможных вариантов предполагается возвращение в структуру значения семантических компонентов ‘угроза’ / ‘опасность’, при этом угроза может исходить как от социальной группы (чиновники, коллекторские агентства, бесталанные деятели искусства, оппозиционеры и проч.), так и от совокупности живых организмов, и даже множества предметов; сравн.:

– «...хватают громкое имя, событие и вертят его, как могут: “Девятаев”, “Чернобыль”, “Стрельцов” – **имя им легион**. При этом за качеством и исторической достоверностью особо не следят. Хуже – такое кино полно **оскоминных** штампов (вроде **кровавых** чекистов) и откровенной дичи. Трудно сказать, что это – глупость, диверсия или и то, и другое, – но, так или иначе, на выходе получается не патриотический эффект, а **очернение / искажение** страны и ее истории. В современных реалиях все это проступает особенно четко и **грозит болезненным поражением на идеологическом фронте**» (Беседин П. Идеологические бои в жизни и на экране: где русское кино, брат? // Информационное агентство «REGNUM», 04.05.2022);

– «И в доковидные времена каждое лето на Черном море были ежегодные вспышки и ротавируса, и норовируса, гепатита А, энтеровирусов, вирусов Коксаки. **Имя им – легион!** – рассказал врач» (Юминов И. «Имя им – легион»: врач рассказал об опасных болезнях, поджидающих на популярных курортах // Вечерняя Москва, 18.04.2021);

– «Какие медицинские приборы надо **запретить?** – **Имя им – легион**. Везде предлагают какие-то квантовые, биорезонансные, биоинформационные излучатели. Сразу **отворачивайтесь** от таких предложений. Иначе вы купите муляж, который будет

мигать лампочками» (Кузина С. Когда выдают деньги на «гравитационное оружие» – это не наивность, а распил // КП, 05.04.2013).

О тенденции к возвращению фразеологического значения к первоначальной структуре свидетельствует контекстное окружение, многократно актуализирующее отрицательно маркированные коннотативные компоненты. Речь, конечно, не идет о бесах, силы зла в новом воплощении вполне принадлежат реальному миру, но при этом не менее опасны.

Второй вариант структурирования фразеологического значения связан с завершением процесса нивелирования отрицательной коннотации: формальная и семантическая доминанты отождествляются. В результате компонентами значения фразеологизма становятся компоненты значения лексемы *легион*; сравн. заголовочные комплексы интернет-публикаций: «**Имя им – легион**: почему латышские элиты врут про латышских эсэсовцев» (Сологуб П. // Информационное агентство «Baltnews», 16.12.2021). И если в приведенных случаях еще возможна «реинкарнация» сем ‘угроза’ / ‘опасность’ (за счет остающихся актуальными ассоциаций с упоминаемыми историческими фактами), то использование лексемы *легионер* по отношению к «нанимаемым на сезон» участникам спортивных объединений, эту возможность исключает: «**Имя им легион**: сколько легионеров прошло через наш футбольный клуб» (Кравчук В. // Агентство «Комсомольская правда – Калуга», 09.10.2020).

И наконец, третья модель структуры рассматриваемого фразеологического значения, формирующаяся в современной речевой практике, предполагает не только исключение отрицательно маркированных сем, но и актуализацию прямо противоположных. Об утрате фразеологизмом на новом этапе функционирования семантической доминанты ‘бесы’ (= ‘нечистый дух’), равно как и сем ‘угроза’ / ‘опасность’ могут свидетельствовать случаи использования его в заголовочных комплексах публикаций, посвященных волонтерскому движению (Чернова Н. **Имя им – «Легион»** // Новая газета, 25.12.2015), в функции имени закладки в интернет-магазине (Regmarkets, г. Новосибирск) и в агитационных текстах, подобных следующему, автор которого принадлежит к активу политического движения «Молодая Гвардия Единой России»: «*В сравнении с нами Все партии тля! Мы – Путина внуки, Мы – дети Кремля! Взгляни мне в глаза, Нас таких – миллион! Как древний сказал, “Имя им – легион”*» (Проскурин О. **Имя им – легион** // Livejournal, 13.03.2008).

Результаты весьма локального наблюдения за судьбой новозаветного выражения *легион мне имя есть* позволяют предположить возможность разнонаправленных трансформаций семантической структуры фразеологических выражений, в том числе и практически полное «забвение» носителями языка первоначальной образности, положенной в основу их значения [12]. Реструктуризация значения языковой единицы, с одной стороны, детерминирована изменением сферы ее функционирования, с другой же – определяет ее функциональные характеристики. Так, рассматриваемый УСК на современном этапе не имеет стилистических ограничений (хотя в словарях XX в. за ним устойчиво закреплялась помета *книжн.*), не связан с обязательным выражением отрицательной оценки, не соотносится носителями языка с областью сакральных смыслов. Возможно, правомерно констатировать рождение неофраземы, связанной с предшествующей только на уровне формы.

Список использованных источников

1. Толковая Библия, или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А. П. Лопухина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.bible.in.ua/under/Lop/>. – Дата доступа : 10.10.2022.

2. Толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – М. : ОГИЗ, 1935–1940. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/12/us203406.htm?cmd=0&istext=1>. – Дата доступа : 10.10.2022.

3. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний : в 2 т. / М. И. Михельсон. – М. : Русские словари, 1994. – Т. 1. – 778 с.
4. Овсянников, В. З. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии / В. З. Овсянников. – М. : Молодая гвардия, 1933. – 361 с.
5. Займовский, С. Г. Крылатое слово: справочник цитаты и афоризма / С. Г. Займовский. – М.-Л. : Гос. изд-во, 1930. – 492 с.
6. Ашукин, Н. С. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 3-е изд. – М. : Худож. лит., 1966. – 824 с.
7. Николаюк, Н. Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник / Н. Николаюк. – СПб. : Светлячок, 1998. – 448 с.
8. Грушко, Е. А. Словарь славянской мифологии / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – Н. Новгород : «Русский купец» и «Братья славяне», 1996. – 480 с.
9. Грановская, Л. М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии: ок. 400 имен, более 300 крылатых выражений / Л. М. Грановская. – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 288 с.
10. Мокиенко, В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 639 с.
11. Шулежкова, С. Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...» происхождение, значение. Судьба 1300 крылатых слов и выражений русского языка / С. Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 848 с.
12. От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллектив. монография / под ред. С. Г. Шулежковой : в 2-х ч. – Магнитогорск : МаГУ, 2008. – Ч. 2. – 270 с.

Abstract. The phraseological system is the mobile variety the changes of which at any time period are determined by social-speech practice. The article deals with the question of semantic transformation of phraseological units from the New Testament. The analysis of the functioning specificity of the unit *My name is Legion* lets the authors to identify the main variants of restructuring of its meaning dealing with the actualization of certain semantic components because of the “weaken” of the others.

Keywords: phraseological meaning, discourse, semantic component, semantic transformation.

УДК 811.161.1'373.72+811.161.3'373.72+811.581'373.72

Н. С. Протасеня

АРХИТЕКТУРНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНИЦ *ВОРОТА / ВАРОТЫ / 大門, ДВЕРЬ / ДЗВЕРЫ / 门*)

Аннотация. В статье сопоставляются способы реализации архитектурного кода культуры в русской, белорусской и китайской лингвокультурах на материале фразеологизмов, имеющих в своем составе названия конструктивных элементов дома (*ворота / вароты / 大門, дверь / дзверы / 门*). Обнаружены типологически сходные и национально-специфические фразеологические единицы, отражающие данный фрагмент языковой картины мира.

Ключевые слова: лингвокультура, культурные коды, архитектурный код, фразеологические единицы.

В каждой национальной культуре существует система кодов, в основе которой лежит «способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них разные признаки» [1, с. 90]. Если культуру рассматривать как знаковую систему, то культурный код – это «система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках» [2, с. 9].

В. Н. Телия считает, что коды культуры – это «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода “обозначаемыми” собственно культурных знаков, которые лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой “подоснову” культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [3, с. 38]. По мнению В. Н. Телия, коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, метафорах, паремиях, фразеологизмах, при этом «фразеологический корпус языка – особенно богатый материал для исследования, поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [4, с. 9].

В исследованиях авторитетных ученых предлагаются различные списки базовых кодов, различающиеся степенью подробности членения областей действительности. Так, В. В. Красных выделяет антропный, биоморфный, природно-стихийный, временной, пространственный, артефактивный / предметный, нумерологический, колористический, акциональный и духовный коды культуры [5, с. 381]. В. Н. Телия и авторы «Большого фразеологического словаря русского языка» предлагают более обширную классификацию, в которой выделены следующие коды культуры: антропный, или собственно человеческий код, зооморфный код, растительный код, природный код, артефактно-вещевой код, вещно-костюмный код, гастрономический код, архитектурный код, духовно- и /или религиозно-антропоморфный код, религиозно-артефактивный код, временной код, пространственный код, количественный (числовой код), цветовой код, телесный (соматический код) [2, с. 96].

Мы рассматриваем архитектурный код как частный случай предметного (артефактивного) кода. По В. Н. Телия, предметный код культуры включает в себя «совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы, в том числе повседневного обихода, и приписываемые им свойства. Данные имена несут в дополнение к природным свойствам именуемых объектов и предметов функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка культуры» [6, с. 146]. В. В. Красных включает артефактивный / предметный код в число базовых культурных кодов и выделяет внутри данного кода собственно артефактивный (*глазки-пуговицы*), домоустроительный (*крыша едет*) и даже гастрономический (*заварить кашу*) [5, с. 382].

Предметный культурный код как совокупность более частных кодов занимает одно из центральных мест в любом национальном культурном пространстве, соответственно, анализ и сопоставление семантики и функционирования единиц данного культурного кода позволяет выявить характерные черты важных фрагментов русской, белорусской и китайской языковых картин мира.

В данной статье объектом исследования является воплощение архитектурного кода культуры в русских, белорусских и китайских фразеологизмах, включающих обозначения конструктивных элементов дома. В качестве материала для анализа были отобраны русские, белорусские и китайские фразеологизмы, содержащие лексемы *ворота / вароты / 大门*, *дверь / дзверы / 门*. Источниками языкового материала послужили «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова [7; 8], «Большой словарь русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко [9], «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы» І. Я. Лепешава [10], *中华成语辞海*, 主任陈霞村 («Китайский фразеологический словарь Цыхай» под редакцией Чэнь Сяцунь) [11], *在线成语字典* («Большой китайский фразеологический словарь он-лайн») [12].

Двери и ворота, будучи инструментом, открывающим и закрывающим канал перемещения и взаимодействия людей, являются одним из важнейших интеркультурных символов, кодирующих возможность / невозможность коммуникации, объединения,

совместной деятельности. Как свидетельствует фразеология трех языков, в народном сознании ворота и двери символически передают идею размежевания «своей» и «чужой» территорий. Это своего рода граница, которая придает оформленность своему пространству и отделяет его от чужого, противопоставляет свой мир чужому миру. Фразеологизмы с данными компонентами служат для выражения и оценки разных типов взаимоотношений между людьми – как положительных, так и отрицательных.

Так, образ открытых ворот или дверей в русском, белорусском и китайском языках символизирует свободу, возможность доступа, гостеприимство, желание вступить в контакт и наладить связь. В русском и белорусском фразеологическом материале состав единиц, реализующих эти смыслы, в основном представлен полными межъязыковыми соответствиями: русск. *все двери открыты* ‘все доступно кому-либо’, *открывать двери* ‘оказывать гостеприимство, хороший прием; давать свободный, беспрепятственный доступ куда-л., к чему-л.; делать возможным, позволять что-л.’, *при открытых дверях* ‘с доступом посторонних’, *день открытых дверей* ‘время, в которое проводится ознакомление всех желающих с учебным учреждением, предприятием и т. д.’; бел. *дзверы адчынены* ‘кто-л. имеет свободный доступ куда-л., для кого-л. созданы благоприятные условия’, *адчыняць / адкрываць дзверы* ‘давать свободный доступ, создавать благоприятные условия’, *дзень / дні адкрытых дзвярэй* ‘день, дни свободного доступа в образовательное учреждение или на предприятия (для ознакомления с их профилем)’. В китайской фразеологии мы отметили только одну единицу с похожей образной основой: *门不停宾* ‘быть гостеприимным’ (букв. ‘не останавливать гостей в воротах’). Архитектурный код китайской лингвокультуры обнаруживает свою специфику: образ открытой двери репрезентирует также а) стабильное социальное положение в обществе, безопасность (*门不夜关* ‘о хорошем общественном порядке’ (букв. ‘двери по ночам не закрываются’)); б) выражает открытость намерений человека во фразеологизме (*开门见山* ‘открыто, прямо излагать свою позицию’ (букв. ‘открыть двери и увидеть горы’)).

Глагольные фразеологизмы отражают совершенно разную культурную интерпретацию образа открытых дверей / ворот в восточнославянских и китайском языках. Культурные коды русского и белорусского языков фиксируют отношение к открытым дверям «извне»: русск. *ломиться в открытые двери / ворота* ‘создавать для себя излишние, совершенно ненужные препятствия’, бел. *ламацца ў адчыненыя дзверы* ‘настойчиво утверждать, доказывать то, что давно всем известно и не вызывает возражений’, *адмыкаць адмакнёныя дзверы* ‘настойчиво утверждать, доказывать то, что давно всем известно и не вызывает возражений’. Китайский архитектурный код отражает видение открытых ворот / дверей «изнутри»: *开门揖盗* ‘самому навлекать на себя беду’ (букв. ‘открыть ворота (дверь) и с поклоном принять грабителя’).

Русские и белорусские глагольные фразеологизмы воплощают и другие культурные смыслы компонента *дверь*, содержащие негативную оценку. Сравн., например, русск. *открывать / открыть дверь ногой* ‘входить куда-л. совершенно свободно, не церемонясь; иметь свободный доступ куда-л.’ и бел. *нагой адчыняць дзверы* ‘свободно, беспрепятственно заходить куда-л., к кому-л.’. Имеется в виду, что некто демонстрирует свои близкие, дружественные отношения с другим лицом и может в любое время свободно и без приглашения заходить на его территорию, тем самым выставляя такие отношения напоказ (хотя в норме проникновение других лиц на «чужую» территорию невозможно без разрешения, приглашения или предупреждения). В данных фразеологизмах открываемая извне дверь выступает как метафора демонстративно подчеркиваемых связей, дружбы (как правило, с кем-либо влиятельным).

Белорусский фразеологизм *адчыняць ілбом дзверы* ‘быть выгнанным, чаще как угроза’ транслирует еще один стереотип национальной культуры, в котором пересекаются разные культурные коды. *Лоб* в образной основе фразеологической единицы метонимически замещает целое и представляет, с одной стороны, изгнание человека со своей территории, а с другой – «способ» вынужденного действия. Обратим внимание на то, что двери в данном фразеологизме открываются по принуждению изнутри нару-

жу в противоположность свободному действию, направленному извне внутрь (*нагой адчынцяць дзверы*). Данный фразеологизм соотносится через компонент *дверь* с архитектурным культурным кодом, через *лоб* – с соматическим, через действие *открывать* – с акциональным и в целом отражает стереотип резкого разрыва связей вследствие нежелания осуществлять совместную деятельность с кем-либо на его территории.

В восточнославянских лингвокультурах дверь (точнее, ее размеры) может выступать и эталоном критической степени полноты человека: бел. *ў дзверы не ўлазіць* ‘растолстеть, располнеть, поправиться’, в образной основе которого лежит гиперболическая метафора, уподобляющая параметры человека и ширину дверного проема.

Образ закрытых ворот, дверей в трех лингвокультурах символизирует невозможность войти в «чужое» пространство либо изгнание из него, отказ, разрыв взаимоотношений, лишение каких-либо возможностей, нежелание иметь дело с кем-либо. В рамках восточнославянских фразеологизмов такого рода коррелируют две смысловые группы – единицы, кодирующие а) разрыв уже существующих контактов, изгнание; б) отказ от потенциальных контактов, запрет на входение. Сравн.: а) русск. *выбрасывать за ворота кого-л.* ‘увольнять, лишать работы, места’, *все двери захлопываются* ‘о лишении кого-л. возможностей действовать, работать, идти к намеченной цели’, *закрывать двери перед кем-л.* ‘активно препятствуя, лишая кого-л. возможности что-л. сделать, чего-л. добиться’, *закрой / закройте дверь с той стороны* ‘груб. простореч. выйди, выйдите вон’, *указывать на дверь кому-л.* ‘предлагать удалиться, уйти; выгонять’; бел. *выкідваць за вароты* ‘уволить с работы, лишать средств к существованию’, *дзверы зачынены / зачыніліся* ‘кто-л. не имеет свободного доступа куда-л., лишен каких-л. возможностей’, *зачыніць дзверы з таго боку* ‘покинуть помещение. Как требование, чтобы кто-л. сразу вышел откуда-л.’; *наказваць на дзверы* ‘предложить кому-л. выйти; выгнать кого-л.’; *выставіць за дзверы* ‘выпроводить, выгнать из дома, отправить ни с чем’; б) русск. *от ворот поворот* ‘категорический отказ, отрицательный ответ на просьбу’, *закрывать двери дома перед кем-л., для кого-л.* ‘переставать принимать у себя дома, не допускать в свое общество’, *при закрытых дверях* ‘без посторонних’; бел. *пры зачыненых дзвярах* ‘в присутствии только заинтересованных лиц, тайно от других’. В китайском языковом материале мы обнаружили единицы только второй смысловой группы: *吃闭门羹* ‘уйти ни с чем’ (букв. ‘съесть похлебку у закрытых дверей’), *拒之门外* ‘отказывать. Держать человека за дверью и не позволять войти. Относится к отказу в ведении переговоров или совместных делах’ (букв. ‘держат за дверью’).

В белорусском языковом сознании образ закрытой двери кодирует также спокойствие и безопасность: *як у бога за дзвярыма* ‘спокойно и в полной безопасности (быть, находится, сидеть и т. д.)’. Очевидно, что в данном случае архитектурный код взаимодействует с религиозным и отражает стереотипы религиозно-мифологического сознания: закрытые двери здесь выступают границей между пространством, хранимым Богом, и «чужой» территорией, где человек одинок и незащищен перед окружающим миром.

В китайской лингвокультуре образ закрытых ворот и дверей является символом затворничества, отчуждения, нежелания общаться с другими людьми, оторванности от реальности. *大门不出, 二门不迈* ‘не выходить из дома и не общаться с людьми’ (букв. ‘не выходить за главные ворота, не переступать за внутренние ворота’), *闭门却扫* ‘прекратить всякие сношения с внешним миром’ (букв. ‘закрыть дверь и отказать посетителям’), *闭门谢客* ‘жить затворником, не выходить из дома’ (букв. ‘запереть двери и отказывать в приеме гостям’), *闭门思过* ‘размышление о своих поступках наедине с собой’ (букв. ‘замкнуться (закрыться) в комнате и думать о своих ошибках’); *闭门造车* ‘быть оторванным от действительности’ (букв. ‘делать телегу при закрытых дверях’). В образной основе фразеологизмов лежит метафора, которая основана на символической функции ворот, дверей как средств изоляции, отграничения объекта от окружающего мира.

В русской, белорусской и китайской фразеологии ворота, двери не только являются символом своей границы, но и выступают как символ связи с окружающим миром, с другими людьми: русск. *стучаться в дверь, стучаться во все двери* ‘обращаться

к кому-л. с просьбой о чем-л., за поддержкой, помощью, содействием’, *хлопать / хлопнуть дверью* ‘демонстративно, с возмущением удалиться откуда-л.’; бел. *стукаць у < ва ўсе > дзверы, стукацца ў дзверы* ‘часто обращаться с просьбами к кому-л.’, *застукаць ва ўсе дзверы* ‘начать часто, настойчиво обращаться с просьбами к кому-л.’, *бразгаць дзвярамі* ‘выразить резкий протест, не добившись своего, желаемого’; кит. *望门投止* ‘найти временное пристанище, искать ночлега’ (букв. ‘увидел дверь и остановился на простой’), *沿门托钵* ‘ходить по дворам и просить милостыню’ (букв. ‘у всех дверей держать миску’), *傍人门户* ‘зависеть от других, неспособность быть самостоятельным’ (букв. ‘опираться на ворота и двери сторонних людей’).

Отмечаются фразеологизмы, в которых образ ворот и дверей не связан с признаком открытости / закрытости. Так, русск. и бел. фразеологизмы *дверь в дверь* ‘напротив или рядом (о расположении, размещении кого-, чего-л.)’, *дзверы ў дзверы* ‘очень близко, напротив (жить)’ основаны на метафоре, которая уподобляет пространственные отношения, и метонимии, где часть заменяет целое (*дверь* вместо *дом*). Взаимная направленность двух дверей в данных фразеологических единицах является образным эталонным близкого расположения домов, проживания рядом.

Ворота и двери воспринимаются как «лицо дома», своеобразная «визитная карточка», поскольку это первое, что можно увидеть, приближаясь к дому, по ним можно многое узнать о быте и достатке хозяина. Соответственно в русской, белорусской и китайской лингвокультурах лексемы *ворота* и *двери* в сочетании с другими элементами могут кодировать социальный статус человека: русск. *запирать ворота пирогами* ‘жить в достатке, быть богатым’; бел. *вароты пірагамі падперты* ‘всего досыта, сколько хочешь. Про богатую жизнь’; кит. *朱门绣户* ‘о богатой и знатной семье’ (букв. ‘красные ворота, разукрашенные двери’), *挂席为门* ‘о бедном или убогом жилище’ (букв. ‘повесит циновку вместо двери’), *门当户对* ‘одинакового общественного положения и происхождения’ (букв. ‘ворота подходят, двory соответствуют’).

В русской и белорусской языковых картинах мира ворота концептуализируются как границы допустимого в социуме, дозволенного. В обоих языках есть фразеологические единицы, в которых ворота задают рамки приличий: русск. *ни в какие ворота не лезет* ‘очень плохо, никуда не годится’; бел. *не лезе ні ў якія вароты* ‘очень плохой, не вписывается в общепринятые нормы’.

Проведенный нами анализ фразеологических единиц, соотносимых с архитектурным кодом культуры, позволяет сделать вывод о преимущественном совпадении эталонных образов ворот и дверей в трех лингвокультурах и в то же время наличии некоторых расхождений их переосмысления в каждом из языков. Общими для трех лингвокультур является кодирование в образах ворот и дверей следующих культурных смыслов: а) границы «своего» пространства; б) канал связи с окружающим миром; в) позитивный / негативный характер межличностных отношений; г) социальный статус человека. В русском и белорусском языках национально-культурную специфику обнаруживают фразеологические единицы, в которых ворота символизируют рамки дозволенного и допустимого в обществе; дверь метонимически обозначает дом; в белорусском языке двери Бога символизируют спокойствие и защищенность; дверной проем выступает стереотипом оценки полного человека. В китайском языке национально-культурную специфику обнаруживают фразеологические единицы, в которых образ открытых дверей символизирует безопасность, открытые намерения человека; образ закрытых ворот или дверей – затворничество, оторванность от реальности.

Список использованных источников

1. Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. – 178 с.
2. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.

3. Телия, В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений / В. Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 4–42.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 288 с.
5. Красных, В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2016. – 496 с.
6. Красных, В. В. Предметный код культуры в русском пространстве / В. В. Красных // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы : материалы междунар. науч. конф., Москва, 8–10 июня 2002 г. – М., 2003. – С. 146–148.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост. : А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 1 : А–П. – 831 с.
8. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост. : А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 2 : П–Я. – 830 с.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
10. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : каля 7 тысяч фразеалагізмаў у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1: А–Л. – 672 с.
11. 中华成语辞海 / 主任陈霞村. – 长沙 : 湖南教育出版社. – 1796 页 = Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. – Чанша : Изд-во просвещения Хунань, 2013. – 1796 с.
12. 在线成语字典 = Большой китайский фразеологический словарь он-лайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cy.515bedu.com>. – Дата доступа: 20.10.2022.

Abstract. The article compares the ways of implementing the architectural code of culture in russian, belarusian and chinese linguocultures on the basis of phraseological units that include structural elements of the house (gate / 大门, door / 门). Typologically similar and nationally specific phraseological units reflecting the given fragment of the linguistic picture of the world are found.

Keywords: linguistic culture, cultural codes, architectural code, phraseological units.

УДК 811.161.1'22'373.2'38:398.92:82-92

Т. В. Ратько

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Аннотация. В статье рассматривается явление трансформации фразеологических и паремиологических единиц в функциональном аспекте, акцентируется внимание на таких видах трансформационных изменений, как включение в состав устойчивого выражения дополнительных компонентов и замена компонентов, приводятся конкретные примеры употребления трансформированных единиц и создаваемого ими стилистического эффекта.

Ключевые слова: фразеологические единицы, паремиологические единицы (пословицы и поговорки), трансформация, эмоционально-экспрессивный контекст, стилистический эффект.

Фразеологические и паремиологические средства являются одними из самых разработанных в лингвистике, и это не случайно: устойчивые выражения очень многофункциональны. Здесь можно говорить о разных аспектах этого явления. Фразеологизмы и паремии рассматриваются и как языковые единицы, и как речевое явление, и как своеобразный идентификатор ментальности того или иного народа и его национального характера. Наиболее значимым признаком фразеологического оборота, как

известно, является устойчивость, стабильность его состава, что предусматривает воспроизводимость этой языковой единицы, состоящей из нескольких слов, всегда в одном и том же виде и составе. Предполагается, что при любом употреблении фразеологический оборот будет сохранять в неизменном виде свои компоненты, их грамматические характеристики, а также порядок слов. То же самое можно сказать и о паремиологических единицах.

Однако это соблюдается далеко не всегда. В лингвистике хорошо известно такое явление, как трансформация фразеологизмов. Фразеологическими трансформациями называются такие изменения в форме и / или значении устойчивых сочетаний слов, которые позволяют сохранить единство фразеологизма, т. е. оставляют его узнаваемым [1, с. 124]. Часто можно наблюдать употребление устойчивых выражений в искаженном виде. При этом следует отметить, что в одних случаях такое явление наблюдается, когда говорящий либо не знает значения оборота и употребляет его неуместно, либо никак не знаком с тем или иным фразеологизмом и допускает искажение отдельных его компонентов, что зачастую может изменить смысл высказывания. И то, и другое, безусловно, признается речевыми ошибками. Например, вместо правильного *песок сыплется* говорят *песок рассыпается*, вместо *львиная доля – львиная часть*; *упал духом* вместо *пал духом*; *знать все входы и выходы* вместо *знать все ходы и выходы* и т. д. Однако существуют речевые ситуации, когда состав фразеологической или паремиологической единицы нарушается говорящим или пишущим сознательно. Так, Д. Э. Розенталь отмечал, что «писатели и публицисты используют фразеологизмы не только в том виде, в котором они существуют в языке, но и в измененном виде, обновляя семантику, структуру и экспрессивно-стилистические свойства фразеологических оборотов. Создаются новые смысловые оттенки, появляется новое художественное качество фразеологизмов, обогащаются связи слов, ибо фразеологическое творчество писателей выражается прежде всего в обновлении привычных для слов контекстов, в которых эти слова обычно выступают» [2, с. 69]. Наиболее часто такое явление, как трансформация фразеологизмов, пословиц и поговорок, наблюдается в публицистических текстах. Этот процесс допускается намеренно, чтобы создать определенный эмоционально-экспрессивный контекст или же достичь какого-либо стилистического эффекта.

Особенности публицистического стиля таковы, что на первый план в текстах СМИ выходит функция воздействия на читателя, причем зачастую это воздействие сводится к привлечению внимания читателя / слушателя, а иногда и к манипулированию мнением реципиента. В подобных случаях журналистами используются различные приемы, в числе которых активное употребление эмоционально-экспрессивной лексики и тропов во всем их многообразии. Кроме того, фразеологические и паремиологические средства используются часто именно по причине их эмоционально-экспрессивной насыщенности. «Трансформированные фразеологические единицы <...> не только несут на себе нагрузку в плане выражения социальной оценочности, но и используются автором с целью усиления экспрессивности текста, привлечения внимания читателей, достижения сатирического или юмористического эффекта, формирования общественного мнения» [3, с. 45].

Следует отметить, что употребление устойчивых выражений в различных жанрах публицистического стиля является довольно частотным, однако трансформированные фразеологизмы и паремии как бы иллюстрируют особые способности журналиста. Именно в публицистическом дискурсе трансформированные фразеологизмы используются с целью манипулирования сознанием реципиента, добавления высказыванию оригинальности или придания ему нового значения [4, с. 187].

Наиболее часто в публицистических текстах встречаются такие трансформационные явления, как включение в состав устойчивого выражения дополнительных компонентов, их замена, перестановка и т. д. Возможно также использование части оборота.

Рассмотрим некоторые примеры трансформированных фразеологических и паремиологических единиц, извлеченных из периодической печати. Например, в предложении «*Что мешает туристу осваивать чудеса Кузбасса? – Сучки и задоринки*»

наблюдается искажение устойчивого выражения *без сучка и задоринки*. В данном случае трансформации подвергается грамматическая структура: вместо формы родительного падежа единственного числа используется форма именительного падежа множественного числа. Такое употребление сразу же привлекает внимание читателя к статье, а употребление эмоционально окрашенной лексики создает комический эффект. Похожее искажение фиксируется в предложении *«Вы думаете, ваши запреты удержат? Напротив, задерганные, опекаемые дети, которых постоянно ограждают от всего плохого, будут рады любому «косячку» – **запретные плоды всегда манят**»*. В данном случае наблюдается множественная трансформация: во-первых, перестроена грамматическая структура (вместо формы единственного числа *запретный плод* автор употребляет форму множественного *запретные плоды*), во-вторых, произведена вставка компонента *всегда*, в-третьих, вместо изначального слова *сладок* использовано *манят*. Подобное «жонглирование» компонентами устойчивого выражения, конечно, преследует несколько целей: это и привлечение внимания читателя, и выражение собственного мнения автора, которое звучит здесь достаточно резко. Кроме того, нельзя не отметить еще один прием, умело использованный журналистом: в достаточно корректном выражении вдруг появляется разговорно-просторечное слово *«косячок»*, которое сразу же нивелирует менторский тон высказывания и переводит автора и читателя в одну плоскость. Стилистический эффект дополняется сочетанием книжной и разговорно-просторечной лексики в пределах одного контекста.

Необычная трансформация с заменой компонента наблюдается в предложении *«Предстоящее путешествие приобрело какой-то оттенок горечи, еще не начавшись, так как подготовка к нему обернулась **хождением по мукам**»*. Автор изменяет фразеологизм *хождение по мукам*, связанный с религиозным сказанием «Хождение Богородицы по мукам», обозначающим определенные испытания, через которые нужно пройти. В данном случае объектом внимания журналиста становится бюрократическая система, отравляющая жизнь человека, и в результате трансформации фразеологизма создается иронически-сатирический эффект.

Замена компонента в составе фразеологической или паремиологической единицы, пожалуй, один из наиболее часто употребляемых в публицистических текстах видов трансформации. Подобные изменения становятся весьма действенным стилистическим инструментом передачи информации: *«Мы же не думаем хотя бы на два шага вперед, нам **лужи по колено**»*. В данном случае наблюдается замена компонента фразеологизма *море по колено*. Подобная трансформация позволила автору передать явную иронию: замена компонента *море* на *лужи* отражает двойное пренебрежение к описываемому явлению. Выражение *море по колено* само по себе имеет пейоративную коннотацию, а замена компонента в данном примере усиливает степень проявления стилистической окраски. По нашим наблюдениям, именно прием замены компонентов в устойчивых выражениях позволяет журналисту, во-первых, оценить то или иное явление, во-вторых, передать собственное к нему отношение. Достаточно часто в таких случаях речь идет о негативных ситуациях. Так, освещая новость о дорожно-транспортном происшествии, связанном с превышением скорости, автор, перефразируя известную поговорку, резюмирует: *«Тише едешь – **здоровее будешь**»*. В результате трансформации создается иронически-комический эффект. Подобные трансформационные замены наблюдаем в предложениях *«Мал, да **проблем много создал**», «Дурной пример **отвратителен**»*. В первом случае речь идет о нашествии клещей, и поговорка *мал, да удал*, употребляемая обычно в отношении чего-то позитивного, изменяется так, чтобы передать негативную ситуацию. Всем известно выражение *дурной пример заразителен*, употребляемое в случаях констатации неприемлемого поведения кого-либо, повторяющего чьи-то аналогичные действия. Меняя слово *заразителен* на лексему *отвратителен*, автор подчеркивает высокую степень проявления негативного признака, а также сообщает о своем резко отрицательном отношении к нему. Стилистический эффект в высказывании достига-

ется именно за счет употребления эмоционально окрашенного слова *отвратителен*. Оригинальную трансформацию пословицы *Что посеешь, то и пожнешь* наблюдаем в выражении «*Что посеешь, то и продашь*», употребленном в статье о достижении финансового успеха. Компонент *пожнешь* заменен на *продашь*, распространенный в финансовом пространстве. Смысл общеизвестной пословицы в трансформированном варианте практически не меняется, но другая лексическая наполняемость сразу направляет читателя в соответствующую сферу. Кроме того, появившийся комический эффект позволяет дать наставление в шуточной форме, что всегда воспринимается более лояльно.

Трансформация устойчивых выражений может производиться таким образом, что смысл первоначального высказывания оказывается прямо противоположным новому. Обычно это достигается исключением из предложения частицы *не* (*нет*) или замены одного из компонентов на антонимичный. Подобное явление наблюдается в предложениях «*В ногах правда есть!*»; «*Бесплатный сыр... не в мышеловке! В Интернете можно получить подарки*»; «*Яйца выеденного стоит. Какой продукцией может похвастаться Пермский край?*». В первом предложении речь идет о медицинской проблеме с ногами, которую можно решить за счет рекламируемых фармацевтических препаратов, и в этом случае трансформированная поговорка служит средством воздействия на читателя и даже манипулирования его вниманием. Рекламный характер носит и второе высказывание, только здесь наблюдается обратный процесс: частица *не* добавляется в предложение. Утверждающий характер третьего предложения, который достигается извлечением частицы *не* из общеизвестного выражения *яйца выеденного не стоит*, в данном случае подчеркивает достижения тех или иных предприятий целой области страны. Отметим, что за счет трансформации указанных устойчивых выражений появляется возможность изменить их изначально негативные коннотации на позитивные. Аналогичные явления наблюдаются и в следующих примерах: «*И глаза не боятся, и руки делают*», – именно так хочется написать об Ольге Артемьевой, помогающей возродить народные промыслы в крае. Первоначальный смысл паремиологической единицы *глаза боятся, а руки делают* заключается в том, что человеку либо трудно, либо страшно взяться за что-то, но он, несмотря на это, преодолевает свои опасения и принимается за дело. Трансформированное выражение носит исключительно утвердительный и позитивный характер и позволяет наилучшим образом описать героиню рассказа и ее достижения. Аналогично «работает» еще одна трансформация: *После знакомства с этой талантливой девушкой, которая и рисует чудесно, и писательским даром обладает, и на гитаре играет, начинаешь осознавать, что бывает и так: за тремя зайцами погонишься – всех поймаешь*. В данном случае наблюдаются множественные изменения известной пословицы *за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*: во-первых, произведена замена числительного *два* на *три*, во-вторых, вместо слов *ни одного* употребляется лексема *всех*. Трансформация данной пословицы полностью меняет ее смысл, опровергая первоначальное утверждение, и одновременно выступает стилистическим средством характеристики талантливого человека.

Таким образом, можно отметить, что трансформация устойчивых выражений (фразеологических и паремиологических единиц) в публицистических текстах имеет ярко выраженный функционально-стилистический потенциал: может создавать комический, сатирический или иронический контекст, а также служить средством репрезентации как пейоративных, так и мелиоративных коннотаций.

Список использованных источников

1. Ефанова, Л. Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте / Л. Г. Ефанова // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2005. – № 3. – С 123–127.
2. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка : учеб. пособие для студентов филол. фак-тов / Д. Э. Розенталь. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1968. – 416 с.

3. Саютина, Н. В. Трансформация фразеологических единиц как проявление стилевой манеры журналиста / Н. В. Саютина // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11. – № 3. – С. 44–48.

4. Сорокина, А. А. Трансформация фразеологизмов как фактор скрытого речевого воздействия (на материале американского предвыборного дискурса) / А. А. Сорокина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2015. – № 12, ч. 4. – С. 187–191.

Abstract. The article considers the phenomenon of transformation of phraseological and paremiological units in the functional aspect, accentuates the attention on such kinds of transformational changes as inclusion of additional components in the original set phrase and change of components, gives certain examples of using transformed units and the stylistic effect created by them.

Keywords: phraseological units, paremiological units (proverbs and sayings), transformation, emotional-expressive context, stylistic effect.

УДК 811.16'42:398.92

Л. В. Рычкова

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИЗУЧЕНИИ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ

Аннотация. На примере лексемы *язык* показаны возможности Национального корпуса русского языка для изучения степени воспроизводимости и вариативности фразеологизмов и паремий, содержащих определенный компонент с учетом всех возможных его грамматических форм. Особый акцент сделан на потенциале использования инструмента поиска N-грамм, в том числе для выявления свободных словосочетаний, омонимичных устойчивым выражениям.

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, опции поиска корпусных данных, инструмент N-грамм, фразеологизмы с компонентом *язык*, паремии с компонентом *язык*.

Данная статья подготовлена в рамках НИР А67-21, выполняемой по Государственной программе научных исследований на 2021–2025 гг.

Полнотекстовые языковые ресурсы все чаще используются в качестве источников сбора материала исследования. Фразеология и паремиология в этом смысле не составляют исключения. Так, в сборнике «Славянская фразеология в свете современных лингвистических парадигм», изданном в 2018 году Гомельским государственным университетом имени Франциска Скорины при содействии Россотрудничества в Республике Беларусь [1], из 37 статей 15 публикаций отражают результаты исследований, выполненных с привлечением лингвистических корпусов, и 10 публикаций – с привлечением технологии использования Веба как корпуса. При этом нами не учитывались публикации с использованием ресурсов Интернета иного характера.

Анализ содержания публикаций показал, что, несмотря на некоторые методологические неточности, к которым можно среди прочих отнести следующие погрешности: рассмотрение лингвистических корпусов как источников текстов; неидентификация использованных при проведении исследования модулей в составе Национального корпуса русского языка; поиск контекстов, содержащих неоднословные единицы, с применением естественных ограничений опций лексико-грамматического поиска либо полное отсутствие описания процедуры поиска и методики обработки полученных контекстов употребления целевых единиц; оперирование терминами *байнет* и *рунет* вместо номинаций *русско-* и *белорусскоязычная части байнета*, – полученные авторами результаты, без сомнения, свидетельствуют о перспективности

использования корпусных технологий при проведении научных исследований в области фразеологии и паремиологии. Здесь представляется необходимым отметить следующие возможности, нашедшие отражение в статьях, представленных в вышеупомянутом сборнике: 1) получение статистических данных относительно использования фразеологизмов и паремий (см., например, [2]); 2) определение реального использования отдельных пословиц [3] (отметим, что в данной статье корректно описаны и использованы возможности различных модулей Национального корпуса русского языка); 3) определение эволюции фразеологизмов [4].

Цель данной статьи – на примере лексемы *язык* показать возможности Национального корпуса русского языка для изучения степени воспроизводимости и вариативности фразеологизмов и паремий, содержащих определенный компонент с учетом всех его возможных грамматических форм.

Основной модуль Национального корпуса русского языка – это единственный корпус, который, включая письменные прозаические тексты, созданные после 1700 года, «стремится», по словам его создателей, «к **представительности** (репрезентативности) с точки зрения письменного русского языка каждой эпохи и включает в себя в определенных пропорциях различные жанры (художественные, научные тексты, публицистику, религиозные тексты, технические тексты, частную переписку)» [5]. Все остальные модули Национального корпуса русского языка не отвечают требованию репрезентативности. Основной корпус снабжен многочисленными опциями поиска и обработки необходимых исследователю данных. Так, именно в основном корпусе предусмотрена опция графиков, которые позволяют увидеть частотность употребления искомой единицы по годам. Для лексемы *язык* такой график с опцией сглаживания “0” представлен на рисунке 1 ниже.

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1682 по 2021 ?

Годы с по со сглаживанием Построить

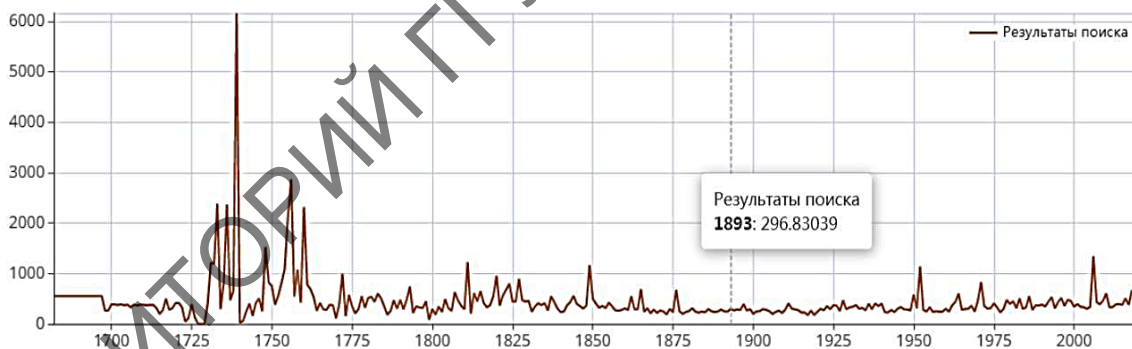

Рисунок 1 – Распределение использования словоформ лексемы *язык*

Анализ графика позволяет увидеть высокую частотность употребления искомой лексемы в XVII веке и примерно ровное распределение ее вхождений в документы вплоть до 2022 года с небольшими пиками, демонстрирующими актуализацию данной лексемы как «ключевого» слова в начале 50-х гг XX века и в районе 2009–10 гг. Таким образом, можно ожидать, что наибольшее количество фразеологизмов и паремий, содержащих словоформы лексемы *язык* в качестве компонента, в силу их воспроизводимости, можно найти во временном диапазоне с 1725 по 1775 гг, а вероятность появления новых устойчивых выражений с таким же компонентом повышается в периоды с 1950 по 1970 и с 2003 по 2010 гг. Соответственно, в зависимости от того, какая именно задача стоит перед исследователем, можно использовать опцию создания целевого

подкорпуса, включающего языковой материал соответствующего периода, для оптимизации работы с контекстами с учетом объективно существующей вероятности получения поискового «шума». Это существенно облегчит работу по выявлению потенциальных устойчивых выражений, что целесообразно осуществлять, предварительно упорядочив выдачи с использованием формата KWIC. На рисунке 2 ниже приведен пример такого упорядочения данных.

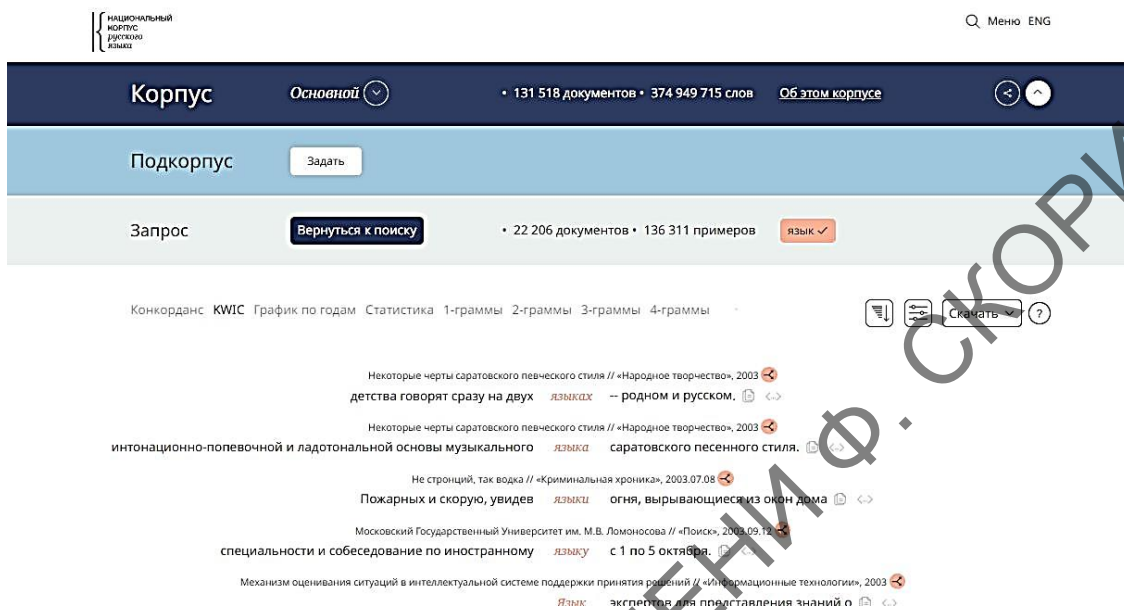

Рисунок 2 – Контексты, упорядоченные с использованием формата KWIC

Даже небольшой фрагмент, представленный на рисунке 2 выше, позволяет увидеть употребление как известного фразеологизма *найти общий язык*, так и получившего недавно «устойчивость» выражения *мужской язык* (по-видимому, возникшего как противопоставление к устойчивому выражению *женская логика*).

Предусмотренная в основном корпусе опция «Статистика» позволяет найти авторов, в произведениях которых наиболее часто используются словоформы искомой лексемы, что, соответственно, повышает вероятность наличия в этих произведениях устойчивых выражений с этим компонентом. Так, заданная нами в качестве примера лексема *язык* присутствует от 1 до 1920 раз в работах или произведениях 8002 авторов, включая такие значения атрибута «автор», как *коллективный* и *неизвестный*. Статистика по признаку «автор» дает возможность выбрать работы / произведения с наибольшей частотностью вхождений искомого компонента. Помимо авторства, статистики доступны по следующим признакам: «пол автора», «сфера функционирования», «тип текста», «тематика текста», «жанр». На наш взгляд, наибольший интерес при исследовании фразеологизмов и паремий представляют статистические данные по сфере функционирования документов, представленных в корпусе. Так, для лексемы *язык* вполне ожидаемым оказалось первенство текстов публицистического (37,71% вхождений), учебно-научного (24,55%) стилей и художественной литературы (28,59%). Очевидно, что в учебно-научном стиле фразеологизмы и паремии с компонентом *язык*, скорее всего, не будут представлены, и это еще раз служит подтверждением тому, что основными сферами использования устойчивых выражений являются публицистика и произведения художественной литературы. Очевидно, что если последняя наиболее репрезентативно представлена в основном корпусе, то для исследования новаторства в области устойчивых выражений есть смысл обратиться к газетному корпусу, в котором на сегодняшний день доступен лишь модуль региональной и зарубежной прессы. Отметим,

что начало данному модулю было положено в рамках совместного проекта ГрГУ им. Янки Купалы и отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, в результате реализации которого был создан корпус СМИ Гродненщины [6]. Несмотря на относительную «молодость», корпус региональной и зарубежной прессы по объему (790 млн словоупотреблений) превосходит основной корпус (374 млн словоупотреблений). Отметим, что оба корпуса являются динамичными, то есть регулярно пополняются. Так, основной корпус включает тексты электронной коммуникации, в которых словоформы лексемы *язык* встречаются 1236 раз, что составляет 0,91% от всех контекстуупотреблений. Так как объем такого рода текстов не велик, то можно предположить встречаемость в них устойчивых выражений, в том числе новых, с интересующим нас компонентом.

Наибольшую значимость при поиске устойчивых выражений в основном корпусе имеет опция поиска N-грамм (ранее была кратко описана нами в [7]). При использовании этой опции будут получены данные о 100 наиболее часто встречающихся сочетаниях словоформ: двух (опция «2-граммы»), трех (опция «3-граммы»), четырех (опция «4-граммы»), пяти (опция «5-граммы»). Что касается опции «1-граммы», то, используя ее, можно получать сведения о наибольшей частотности употребления определенных грамматических форм искомого компонента.

Очевидно, что наилучший результат дает сочетание поиска всех N-грамм. Тем не менее, следует помнить, что точность поиска повышается при использовании инструмента «5-граммы», но при этом может теряться полнота поиска. Так, использование инструмента «5-граммы» позволило выявить лишь следующие фразеологизмы с формами компонента *язык*: *(не) найти (с кем-то) общий язык, говорить на одном языке / говорить на разных языках, (в переводе на) человеческий / обычный язык, русским языком говорить, тянуть за язык (кого), держать язык за зубами, язык (не) повернется / поворачивается (у кого)*. Была выявлена лишь одна поговорка в двух вариантах: *что у трезвого на уме, то у пьяного на языке / что на уме, то и на языке*. Следует помнить, что инструмент N-грамм «работает» не с леммами, а со словоформами, поэтому различные формы устойчивых выражений могут быть представлены в корпусных выдачах несколько раз.

Подключение инструмента «4-граммы» позволило выявить частотность воспроизводимости в речи сочетаний *на чистом русском языке (говорить) (ipm 0.21) / на чистейшем русском языке (говорить) (ipm 0.1) // на ломаном русском языке (говорить) (ipm 0.3)*. Отметим, что самая частотная коллокация среди 4-грамм – *держат язык за зубами* – имеет ipm 0.41. Помимо найденных при использовании инструмента «5-граммы» устойчивых выражений, были найдены следующие фразеологизмы и их варианты: *не сходить / не слезать с языка (у кого) // снять / соскочить с языка (у кого) // сорваться / рваться с языка (у кого); злые языки утверждают / говорят (что); стать притчей во языцех; ворочать языком с трудом*. Выявлены также поговорки: *язык мой – враг мой; тупун на язык (кому)*. Привлечение инструмента «3-граммы» позволило выявить достаточно редкие варианты последнего выражения: *чирей / чирый / чирьице / ципун на язык (кому)*, а также такие фразеологизмы, как *наступить / сесть на язык (кому)*, и приобретающее устойчивость выражение *говоря современным языком*. Претендуют на устойчивость и такие сочетания, как *(говорить / лопотать / кричать) на непонятном / чужом языке // (говорить) на своем родном языке*.

Неэффективной для выявления устойчивых выражений оказалась опция «2-граммы». Очевидно, что с ее помощью не могут быть выявлены поговорки. К тому же, повышается вероятность нахождения свободных словосочетаний, омонимичных частям фразеологизмов. Приведем лишь один пример с биграммой *общий язык*: *Поначалу в таком локальном центре был **общий язык** восточных славян [В. В. Седов. Этногенез ранних славян // «Вестник РАН», 2003]. Единственная биграмма, которую можно отнести к фразеологизмам, – *злые языки* – может рассматриваться как усеченная форма фразеологизма, указанного выше.*

Важно, что при работе с инструментом N-грамм можно осуществлять переход к контекстам, в которых встречается соответствующее сочетание словоформ, что позволяет убедиться, идет ли речь об устойчивом выражении. В то же время опция N-грамм имеет существенное ограничение с точки зрения полноты выявления потенциальных фразеологизмов и паремий, поскольку она не «работает» с низкочастотными сочетаниями словоформ. Так, известная всем паремия *язык до Киева доведет* не была найдена при использовании инструмента N-грамм. Тем не менее, ее варианты можно найти, используя маску в опции «поиск точных форм». Задание запроса «язык до * доведет» позволило получить также такой вариант этой паремии, как *язык до родины доведет*.

Подводя итог, отметим еще раз, что умелое сочетание опций поиска и упорядочения полученных данных, предоставляемых лингвистическими корпусами, а также понимание естественных ограничений, возникающих при работе с языковыми ресурсами, позволяет не только использовать лингвистические корпусы как эффективный инструмент сбора и обработки материала исследования в области фразеологии и паремиологии, но и осуществлять исследования, связанные с частотностью употребления различных разрядов фразеологизмов и паремий, а также выявлять виды и пределы вариативности устойчивых выражений в речи.

Выбор же компонента, на примере которого была, по сути, продемонстрирована методика работы с Национальным корпусом русского языка, не случаен. Проведенное таким образом исследование показало важность языка как социально значимого концепта для русской лингвокультуры и выявило актуализацию скрытого противопоставления «свой-чужой», соответствующего одному из семантических примитивов, описанных в работах А. Вежбицкой.

Список использованных источников

1. Славянская фразеология в свете современных лингвистических парадигм : сборник научных статей / редкол. В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – 227 с.

2. Гомонова, И. Г. К вопросу об использовании статистических корпусных данных во фразеологических исследованиях / И. Г. Гомонова // Славянская фразеология в свете современных лингвистических парадигм : сборник научных статей / редкол. В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 50–57.

3. Шабулдаева, Н. И. К вопросу о «реальности» некоторых пословиц в русском языке / Н. И. Шабулдаева // Славянская фразеология в свете современных лингвистических парадигм : сборник научных статей / редкол. В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 214–220.

4. Коваль, В. И. От *заклятых врагов* к *заклятым друзьям и подругам* (эволюция фразеологизма по данным интернет-источников) / В. И. Коваль // Славянская фразеология в свете современных лингвистических парадигм : сборник научных статей / редкол. В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 89–99.

5. Национальный корпус русского языка. Основной корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/page/corpus-main/>. – Дата доступа : 22.19.2022.

6. Рычкова, Л. В. Лингвистический корпус СМИ Гродненщины: технология создания, направления использования: монография / Л. В. Рычкова, А. Ю. Станкевич ; под науч. ред. Л. В. Рычковой. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2017. – 115 с.

7. Рычкова, Л. В. Использование возможностей Национального корпуса русского языка для освоения иностранцами семантики устойчивых выражений с соматизмом *голова* / Л. В. Рычкова // Сохранение, поддержка и продвижение русской культуры и языка за рубежом : сб. ст. XI междунар. конф., Минск, 2–4 дек. 2021 г. – М. : Русский язык. Курсы, 2021. – С. 60–67.

Abstract. Using the lexeme ‘yazyk’ as an example, the possibilities of the Russian National Corpus for studying the degree of reproducibility and variability of phraseological units and paremias containing a certain component, taking into account all its possible grammatical forms, are shown. Particular emphasis is placed on the potential of using the N-gram search tool, including for identifying free phrases that are homonymous with set expressions.

Keywords: The Russian National Corpus, corpus data search options, N-grams tool, phraseological units with a component ‘yazyk’, proverbs with a component ‘yazyk’.

УДК 811.161.1’373.2:398.91

А. В. Савченко, М. С. Хмелевский

«В ОГОРОДЕ БУЗИНА, А В КИЕВЕ ДЯДЬКА»: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ИЛИ ПОГОВОРКА?

Аннотация. В статье рассматривается образная основа и структура выражения *В огороде бузина, а в Киеве дядька*, которое обычно воспринимается носителями русского языка как каламбур, или оксюморон. При этом для него остается затемненной как образно-понятийная, метафорическая, а также структурно-семантическая семантика данной фразы. Вместе с тем, обращение к украинскому фольклору проясняет образность и внутренний смысл этого выражения.

Ключевые слова: паремиология, фразеология, русский язык, украинский язык, славянский фольклор.

Для носителя русского языка не составит труда объяснить значение расхожего и частотного по своему употреблению в разговорной речи выражения *В огороде бузина, а в Киеве дядька*. Так, в словаре М. И. Михельсона о значении данной фразы сказано, что она «говорится в виде намека на несообразность и нелогичность сделанного кем-нибудь вывода» [1, с. 193]. В Толковом словаре русского языка она трактуется следующим образом: «О том, что не имеет никакого отношения к чему-нибудь» и имеет помету «разг., шутл.» [2, с. 62]. Исчерпывающая по смыслу дефиниция дана в Словаре русских пословиц и поговорок: «О полной бессмыслице, чепухе, нелогичности чьих-л. рассуждений» [3, с. 59]; в прочих источниках даются во многом схожие трактовки. Именно в таком значении употребляется это выражение в современном русском языке, при этом нередко оно даже самими носителями языка воспринимается как алогизм. Стоит отметить и еще один любопытный момент: нередко эту фразу в соответствующей коммуникативной ситуации используют некорректно, пытаясь выразить мысль о том, что у собеседников нет общей темы – в действительности они говорят о разных вещах, т. е. когда во время беседы один говорит об одном, а второй, не слушая его, – совершенно о другом, хотя в подобном случае уместнее другая поговорка: *ему про Фому, а он про Ерему* или в аналогичной функции – *кто в лес, кто по дрова*.

Но таким ли «безобидным» по своей сути, происхождению и семантике внутреннего образа является данное выражение, воспринимаемое обычно как простой каламбур, нелепица, если обратиться к его глубинному смыслу и исходной образности? Попытаемся разобраться, насколько данная фраза является оксюмороном или каламбуром, чем она как раз и кажется на первый взгляд, и что на самом деле скрывается под этим, на первый взгляд, понятным в целом алогизмом.

Прежде всего, возникают следующие вопросы: почему в этой фразе употребляется именно топоним Киев, а не любой другой город восточнославянского ареала? Почему именно бузина, а не иной фитоним? Почему бузина растет в огороде, если это сорняковое растение, которому здесь не место? И кто же на самом деле этот «киевский дядька»? Ответы на эти вопросы следует искать в совокупности ассоциативных рядов, кроющихся за этими образами и историей их возникновения в древнем славянском со-

знании, древних славянских верованиях и мифологии. Рассмотрим исконные ассоциативные и лингвокультурологические значения всех четырех компонентов этой фразы (*бузина – дядька – огород – Киев*), чтобы выявить глубинную основу его метафорического образа и вместе с тем обосновать высказанное нами утверждение о том, что на самом деле рассматриваемое выражение не является просто речевым каламбуром, а содержит в себе важную культурологическую информацию, древние фольклорные представления и коды мировосприятия восточных славян.

1. **Бузина.** Местом обильного произрастания бузины – кустарника с несъедобными черными или красными ягодами – является юг Восточной Славии, т. е. южные районы России и Украина. Если для большинства русских бузина часто ассоциируется с рассматриваемым в статье выражением, то для украинца образ и метафорический ряд, связанный с этим растением, далеко не так однозначен.

Следует также отметить, что в народных представлениях (преимущественно в западнославянском и западноукраинском ареале) бузина («дерево смерти») – это демонический локус, воплощение и вместилище черта, а ее плоды в народе называют «ведьмовскими ягодами», отсюда и широкое применение этого растения в магии, оберегах, гаданиях, народной медицине, тогда как у русских соответствующие представления и обрядовые функции связаны с осиной, вербой и другими деревьями [4, с. 189]. В Западной Украине хорошо известны мифологические поверья о лесных духах, обитающих в зарослях бузины, или об упырях, превращающихся в куст бузины. На территории различных регионов Украины широко известны обращенные к бузине заговоры от напасти; из бузины делали обереги для защиты людей и хозяйства от ведьм, поскольку издревле считалось и в украинских селах до сих пор живут такие поверья, что под бузиной и в ее корнях живет дух, демоническое существо (черт, бес и др.), что бузину «насадил черт» и теперь постоянно живет под ней [Там же, с. 191–194]. Таким образом, в украинской мифологии существует довольно много поверий о том, что бузину посадил именно черт и он постоянно сидит под ней, а также нередко акцентируется внимание на том, что именно поэтому бузину нельзя даже трогать или выкапывать. Все это, в свою очередь, является основой для целого ряда украинских примет, связанных с образом бузины: «чтобы не раздражать черта», «к болезни, к горю, несчастью», веткой бузины нельзя погонять скотину, так как ее ждет смерть; бузина одновременно воспринималась как растение, связанное с «нижним миром», ее сажали на могилах, а ветви бузины носили на так называемую Вальпургиеву ночь [5, с. 214]. В украинских сказках душа убитого брата превращается в дудку из бузины, которая поет о его невинной смерти, что отсылает нас к легенде о том, что Иуда якобы повесился на бузине, отчего ее листья издают трупный запах, а в ряде украинских заговоров, обращенных к бузине, различие между растением и воплощением нечисти в нем стираются [6, с. 268]. Все вышеперечисленные поверья этнографы фиксировали еще в XIX–XX вв. на территории юго-западных регионов Украины, они до сих пор бытуют во многих районах Карпат и Прикарпатья, сравн.: 1) бузина (укр., диал. *боз, бзина*) приносит несчастье, болезни, горе: *Боз... ранче старі люди казали: не руи, бо може пошкодити; Там, де боз ріс, там навіть не дали його ламати, казали, що можна навіть з ліжка не встати; Бзина, як росте, то її можна зрубати лиш в четвер Великодній; Там, де боз ріс, там не вільно хату ставити, на нім людина не повинна жити;* 2) место, где растет бузина, связывалось с разными демонологическими персонажами: *На землі є місця, де перебуває чорт, на тих місцях росте звичайно бзина; Де бзина, там не можна будувати, бо там чорт заведений; Крім бзини гіршого дерева нема; Де бзина, там будувати не можна, бо там злий сидит, бузину не можна виривати з корінням, бо там диво сидить, що подвіє – нашла параліч (диво – т. е. 'черт' [7, с. 41]), а также: На бзині не будували, бо там сидит дідько [8, с. 140].*

2. **Дядька.** Последний пример из материалов архива Львовского национального университета, который приводит в своей работе Р. Силецкий, логично требует рассмот-

рения следующего компонента анализируемого выражения – «дядька», который, несомненно, является русифицированной формой украинской лексемы *дідко* – «то же, что и черт, бес: сравн. укр. *Йй прийшли на думку чорні рогаті дідьки; як той дідько боїться ладану*. Эта лексема в украинском языке также употребляется в таких фразеологических сочетаниях, как: *дідько знає; сам дідько не знає* – в значении ‘черт знает; сам черт не знает’; *дідька лисого* – ‘черта лысого’, *дідко приніс* – ‘черт принес’, *якого дідька?* – ‘какого черта?’ и т. п. [9, т. 2, с. 300]. Таким образом, компонент *дядька* (а также *лисий дідько*) – это далеко не некий «дядька», который в возникающем благодаря омонимии русском «каламбуре» воспринимается как чей-то родственник, – а это черт, дьявол, бес, нечисть. По сведениям этнографа С. Рокосовской, «на Волыни и Прикарпатье повсюду верят, что в кустах бузины водится черт, а на Гуцульщине говорят, что *де бзина росте, там дїтько сидит*» [8, с. 143]. Более того, исследователь региона Прикарпатья И. Огиенко фиксирует такой эвфемизм-демонизм, как *бузичний*: *Бузина небезпечна рослина, бо в ній сидить бузичний*, а для самой бузины – *Дідькове дерево: Він, бузичний, його купи, то його купи, бузина це його дерево, дідькове дерево* [Там же, с. 144].

3. **Огород (огороженное межами место).** Бузина – это еще и ассоциативная привязка к таким понятиям, как «межа, граница», т. е. граница огорода, она растет в тех местах, где он заканчивается, так как это не пригодное в хозяйстве растение, к тому же тесно связанное с вышеупомянутыми народными ассоциациями: *Йй тільки на межах садили; Бузину, що росла на межі чи біля поля, а особливо на городі, не викорчовували, бо цим можна було викликати в сім'ї хвороби, а навіть і смерть; На межах між сусідами були бзини, бо в нас кажуть, що там сидить нечиста сила, в бзині...* [10, с. 49–50]. Эти и подобные этнографические записи из украинского Подолья и Прикарпатья иллюстративно объясняют нам смысл совсем не алогизма, а народного верования, – почему именно «бузина – в огороде», и даже – почему именно в огороде, а не, например, в поле, овраге, на лугу, где она обычно произрастает, – сравн. укр. *на городі бузина*; появление бузины (т. е. сорняка) в огороде – это плохая примета, и выкорчевывать ее – это «разозлить черта» [8, с. 144].

4. **Киев.** В анализируемой нами фразе далеко не случайно фигурирует топоним Киев. Традиционным сюжетом в устном народном творчестве является шабаш ведьм на киевской Лысой горе, которых, по преданиям, существует четыре: Лысая гора расположена на правом берегу реки Лыбеди, в месте ее впадения в Днепр, вторая – в центре Киева, на Подоле, который в народе назывался «Чертово беремеще», т. е. овраг, или яр; третья – на левом берегу Днепра, киевляне до сих пор помнят это место как «Чертора», а четвертая – это холм Щекавица, рядом с которым у одноименной возвышенности протекает ручей Юрковица, а также место, где располагался древний «добатыевский» могильник стольного града Киевской Руси. «Ведьма известна, я думаю, всякому, хотя она и водится, собственно, на Украине, а Лысая гора под Киевом служит сборищем всех ведьм, кой тут по ночам отправляют свой шабаш...», – писал В. Даль [11, с. 96]. Этим объясняется употребление топонима Киев в анализируемом нами выражении, а именно из-за Лысой горы (Голосиевский район), которая, по преданиям, также называлась Девич-гора (сравн. литовск. *dievas*, лат. *dievs* – ‘бог’, т. е. ‘потусторонняя сила’, но с разными коннотациями в украинском и балтийских языках) – древний ритуальный холм, где боги метали свои молнии в места, где по преданиям водится нечистая сила, и эта возвышенность напоминает плешь, или лысину, откуда и пошло ее название [12, с. 84]. Таким образом, Киев, а именно – Лысая гора, или Девич-гора, или же Чертово беремеще стало прообразом места, где обитает нечисть.

Рассмотрев ассоциативно-культурологический и фольклорно-лингвистический фон компонентов анализируемой нами фразы, обратимся непосредственно к модели, по которой она построена. Русский языковой материал не дает нам аналогичных конструкций для сопоставления и объяснения ее структуры, тогда как богатый материал

украинского устного народного творчества предоставляет нам все основания соотнести это выражение с украинской приметой, которая послужила толчком для возникновения этого выражения, а также дает возможность сравнить с пословичными моделями, бытующими в украинском фольклоре, а именно – примета предупреждения об опасности: «если в огороде выросло / появилось *что*, то жди *чего-то*»: например, *якщо на городі зав'яло – чекай біди*. Приведем примеры из украинского фольклора для иллюстрации устойчивости данной пословичной формулы: укр. нар. песни: *На городі чорна редька, Любить, мамо, мене Петька, Ой любить... Ой, мамо, що буде, як він мене не візьме* (редька на огороде – предчувствие беды); *На городі рясна верба, Там стояла дівка красна, Хороша та вродлива, Її доля нещаслива – Нема того, що любила*; или: *На вгороді калинонька, на обніжку бузина, Чоловік мій у дорозі, десь поїхав, та й нема*; *На городі біля хати бузина, Тільки вечір упаде, Виглядає сина мати Из війни, а син не йде* – о плохом предчувствии. Далее отметим еще ряд аналогичных примеров, иллюстрирующих модель украинской приметы: *На городі буркун* (лекарственное растение) *ягідок не родить, А кум до куми що вечера ходить* – в значении ‘несмотря на опасность, делать что-то’; *На вгороді будяк* (русс. чертополох), *полюбив мене дяк, Купив мені черевички, закаблучки-то реплять* – «к несчастью» и многие другие им подобные фольклоризмы.

Итак, исходя из проведенного анализа, как первоначально кажется, непринужденного шутливо-ироничного алогизма-каламбура «об огороде, бузине и дядьке», можно сделать вывод о глубоком заложенном в нем смысле, который своими корнями уходит в мифологию, фольклор и древнее мировоззрение восточных славян времен Киевской Руси, объяснить который помогает украинский языковой и лингвокультурологический материал. Этот и подобные обороты, созданные на фольклорной образно-понятийной, метафорической основе, производящей основой которых послужили поговорки и пословицы языка, фиксирующие прескрипции народной мудрости [13, с. 16], обладают высокой культурно-национальной значимостью, сохраняют в себе важные элементы культурного кода нации. Поэтому воспринимаемая в современном языковом сознании фраза, на первый взгляд кажущаяся простым каламбуром (как в нашем случае), при ее более пристальном филологическом анализе может заключать в себе намного больше лингвокультурологической информации, чем простой алогизм, в котором обнаруживается своеобразная «пословичная примета», ведущая нас в глубь восточнославянской мифологии, которую можно истолковать как предостережение об опасности, плохое предзнаменование: «если в огороде выросла бузина – жди черта с киевской Лысой горы».

Приведенный нами языковой материал, несомненно, позволяет сделать вывод об украинских корнях анализируемого в статье русского выражения, которое, согласно результатам нашего исследования, ни с культурно-исторической, ни даже с чисто лингвистической точек зрения не является ни каламбуром, ни оксюмороном и т. п. лексическим единицам, а имеет намного более глубинный смысл, уходящий корнями в дохристианскую эпоху Восточной Славии.

Список использованных источников

1. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка / М. И. Михельсон. – М. : ЭТС, 2005. – 2208 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2000. – 944 с.
3. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1991. – 534 с.
4. Белякова, Г. С. Славянская мифология / Г. С. Белякова. – М. : Просвещение, 1995. – 239 с.
5. Войтович, В. М. Українська міфологія / В. М. Войтович. – К. : Либідь, 2012. – 664 с.
6. Агапкина, Т. А. Бузина / Т. А. Агапкина, В. В. Усачева // Славянские древности : этнолингвистический словарь. Т. 1 ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 1995. – С. 267–270.

7. Седакова, И. А. Дед / И. А. Седакова // Славянские древности : этнолингвистический словарь. Т. 2 ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 1995. – С. 41.
8. Сілецький, Р. Бузина в народних демонологічних повір'ях українців / Р. Сілецький // Наукові зошити історичного факультету Львівського університету. – Вип. 16. – Львів : ЛДУ ім. І. Франка. – С. 140–150.
9. Словник української мови в 11 томах. – К. : Наукова думка, 1977. – Т. 2. – 300 с.
10. Кузьминська, Б. Межа в традиційних демонологічних уявленнях опілян / Б. Кузьминська // Народознавчі зошити. – № 1–2. – Львів : ЛДУ, 2006. – С. 47–54.
11. Даль, В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – М. : Аргументы недели, 2016. – 208 с.
12. Ляшенко, В. А. Мистическая история и топография Киева. Сборник очерков / В. А. Ляшенко. – К. : «Випоп», 2012. – 144 с.
13. Давлетбаева, Д. Н. Фразеологический неологизм vs окказиональный вариант языковой ФЕ vs языковой фразеологизм / Д. Н. Давлетбаева // Известия ВПУ. № 6 (70). – Волгоград : ВГПУ, 2012. – С. 16–19.

Abstract. The article discusses the figurative basis and structure of the expression *В огороде бузина, а в Киеве дядька* (Literal: *Elderberry is in the kitchen-garden, and the uncle is in Kiev*), which is usually perceived by native speakers of the Russian language as a pun, or wordplay. At the same time, both the figurative-conceptual, metaphorical, and structural-semantic model of this phrase remains obscured for them. At the same time, an appeal to Ukrainian folklore, as well as to the linguistic and historical and culturological sources, clarifies both the imagery and structural model of this expression, and its conceptual content, which together turns out to be closely connected with mythology, ancient beliefs, superstitions and way of thinking of Eastern Slavs.

Keywords: paremiology, phraseology, Russian language, Ukrainian language, Slavic Folklore.

УДК 811.161.1'373.7

А. Н. Столярова

ОБ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ВАРИАТИВНОСТИ НЕОФРАЗЕМ

Аннотация. На материале, отобранном из современных медиатекстов, анализируется употребление неофраземы *переобуться в воздухе* и ее вариантов. Рассматриваются возможности вариативности для повышения коммуникативно-прагматического потенциала текстов и реализации авторских интенций.

Ключевые слова: (нео)фразема, прагматический потенциал, интенциональность, фразеологический вариант, вариативность, коннотации.

Исследование выполнено в рамках НИР «Ключавыя ідэнтыфікатары беларускай лінгвакультуры і іншакультурныя моўныя феномены ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі», входящей в задание «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання» падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

Создавая образ той или иной ситуации, фраземы представляют собой выразительные средства, способствующие более глубокому восприятию описываемой ситуации. Будучи единицами косвенной номинации, они не только воссоздают образ ситуации, легшей в основу фразеологизма, но и актуализируют дополнительные значения, коннотации, связанные с переосмыслением ситуации-прототипа в субъективном сознании автора и усиленные осознанной интенцией, направленной на воздействие на адресата. Субъективное и объективное в прагматическом использовании фразем неразрывно связаны. Выбирая определенную объективно существующую или воображаемую ситуа-

цию для переосмысления, автор опирается на свое видение происходящего, свою субъективную оценку и свой эмоциональный отклик, возникающий при реакции на данную ситуацию. Весь этот комплекс субъективных ощущений передается в коннотациях и в случае успешного выполнения коммуникативно-прагматических интенций без искажения воспринимается адресатом. Ш. Балли во «Французской стилистике» в 1951 г. отметил, что «говорящий почти всегда стремится донести до слушателя и навязать ему не столько логическое содержание мысли, сколько ее субъективную сторону, и это даже не тогда, когда речь вовсе не идет о каких-нибудь реальных интересах, а самому говорящему его мысль представляется вполне объективной» [1, с. 331]. «Поэтому как в картине художника или в рисунке кроме мысли передается настроение, так и в большинстве фразеологизмов, сохранивших образность, передаются чувство, настроение, экспрессивная оценка предмета мысли, которые соотносятся в речи с экспрессией всего высказывания» [2, с. 204], – обобщает исследователь Е. А. Молодых.

Наша цель – рассмотреть, каким образом фраземы способствуют реализации коммуникативно-прагматических интенций авторов публикаций в текстах СМИ. Для анализа была выбрана неофразама *переобуваться в воздухе*. Данная единица, на наш взгляд, прошла полную фразеологизацию, поскольку не только обладает структурными и семантическими особенностями фразем, но и характеризуется широким вхождением в язык и речь – она устойчива, воспроизводима, узнаваема. ♦

Образ неофраземы *переобуваться в воздухе* без труда рисуется сознанием: человек, находясь в воздухе, меняет обувь. Таким образом, движение в воздухе начинается в одной обуви, а заканчивается в другой. Основная характеристика такой ситуации – стремительность, крайне ограниченный отрезок времени, в течение которого нужно произвести действие, ведь, не умея летать, человек может находиться в воздухе лишь в прыжке или при падении. Кроме того, акцентируются происходящие изменения, имеющие кардинальный характер. Данные особенности стали основой для метафорического переосмысления свободного словосочетания в сторону расширения и обобщения значения. Сема быстротечности и кратковременности сохранилась, а семантика *переобувания* преобразовалась от конкретности в сторону абстрактного понятия, в результате чего образовалась неофразама со значением ‘резко менять мнение, причем чаще всего – на противоположное первоначальному’. К основному значению добавляется оценочное, ведь «наша мысль (и в этом одна из причин ее величайшей слабости) постоянно и непреднамеренно добавляет к малейшему восприятию элемент оценки; смутный инстинкт самосохранения соотносит все явления окружающего мира с нашим “я”, с нашей жизнью и благополучием» [1, с. 183]. Резкое радикальное изменение мнения традиционно вызывает отрицательную оценку, поскольку любые решения должны быть обдуманными и взвешенными.

Анархисты и экстремисты, любители переобуться в воздухе и прокатиться в багажнике, почитатели всевозможных коктейлей – от водочных до Молотова – настойчиво преподносят героями (СБ, 13.04.2021).

А самое противное, что эти люди неспроста стараются выразить в зависимости от слушателя две позиции одновременно. Как бы ни сложилось дальше, они рассчитывают остаться на плаву, при должностях и у кормушек. Мастерство переобуваться в воздухе, доступное лишь хамелеонам и приспособленцам (news.21.by, 27.10.2020).

Зафиксированные нами варианты данной неофраземы *переобуваться в прыжке / переобуваться на ходу* соответствуют определению, данному Н. Ф. Алефиренко: «...фразеологическими вариантами следует считать те видоизменения фраземы, которые, характеризуясь относительным тождеством фразеологического значения и этимологического образа, различаются отдельными компонентами плана выражения, что придает им определенное экспрессивно-стилистическое своеобразие» [3, с. 69–70].

Учителя справились с дистанционной формой и даже «максимально эффективно наладили учебный процесс». СМИ элегантно переобулись в прыжке (kr.by, 25.04.2020).

*Вроде бы дело осталось за малым: нашипиговать имеющиеся предприятия датчиками, контроллерами и процессорами, и процесс пойдет. В Беларуси уже выбрали две пилотные промышленные площадки для их цифровизации. Но во время дискуссии выяснилось: **на ходу в цифровизацию не переобуешься** (СБ, 24.09.2019).*

Использование неофраземы в текстах статей подчиняется прагматическим интенциям автора, который транслирует свое видение ситуации и свою оценку происходящего читателю. В приведенных примерах общая тональность контекста открыто негативная, что проявляется как в способе подачи информации, так и в выборе лексического материала. Лексемы *противное, у кормушек, хамелеоны, приспособленцы* имеют явное отрицательное значение. При этом употребление неофраземы в сочетании с лексемами *мастерство* и *элегантно* добавляет экспрессивности. Мастерство или способность элегантно делать что-либо обычно воспринимаются одобрительно, являются положительными характеристиками. Однако в данных контекстах авторы используют их для контраста, тем самым акцентируя отрицательное значение неофраземы и усиливая общий прагматический эффект текста.

Кроме того, следует отметить, что значение варианта *переобуться на ходу* значительно шире, чем у неофразем *переобуваться в воздухе / в прыжке* поскольку предполагает изменения, происходящие в процессе движения, что расширяет период, в котором протекает действие. Нахождение в воздухе подразумевает стремительные изменения, поскольку опуститься нужно уже преобразованным. Вариант с изменением по ходу движения не требует столь резких, молниеносных изменений, поскольку они не ограничены такими тесными временными рамками. В зависимости от ситуации авторы используют необходимые для их целей варианты неофразем.

Для повышения экспрессивности текста используется и неофразема *перемакияж в полете*. Ее значение и коннотации те же, что у неофраземы *переобуться в воздухе*, однако возможность варьирования лексического состава, изменения частеречной отнесенности позволяет автору видоизменять исходную фразу для выражения субъективного видения ситуации:

*Однако как вам такой **перемакияж в полете**? Сначала радоваться, что твою страну назвали «последней диктатурой Европы» <...> Но когда наступит лихая година и окажется, что на деле демократия – это когда каждый сам за себя, – бежать к этому же государству с отчаянным криком: «Где диктатура? Кто спасет? Жёстче давай, па-ма-гі-це!» (СБ, 31.03.2020).*

Раздельнооформленность неофразем позволяет целенаправленно воздействовать на их структуру и модифицировать ее, «приспосабливая традиционную форму и содержание к какой-либо ситуации или явлению современности» [4, с. 37], и таким образом добиваться достижения нужного автору коммуникативно-прагматического эффекта.

*Интересно девки пляшут. Особенно если **меняют кружева в полете**, оставаясь, как сказали бы в ранешние времена, простоволосыми. <...> Не так и давно Анна отряхнула прах всю-то жизнь давившей её государственной системы образования. <...> И немедленно пошла «разоблачать», «срывать покрыва» и «выпячивать стыд» (СБ, 23.07.2020).*

В данной ситуации автор не только опирается на основное значение неофраземы и выражает свое негативное отношение к происходящему, но и подчеркивает, что герой статьи – женщина, употребляя лексему *кружева*, ведь присутствие данного аксессуара присуще именно лицам женского пола. Как представляется, данный факт является для автора значимым, что выражается в выборе лексического материала. Вариативность неофраземы, таким образом, служит как для повышения прагматического эффекта, так и для более точного отражения описываемой ситуации.

Анализ употребления неофраземы *переобуться в воздухе* и ее производных подтверждает, что прагматический потенциал фразеологизма обусловлен такими свойствами, как образность, экспрессивность, оценочность, структурная расчлененность и, как следствие, способность к трансформациям, вариативности. Возможность варьирования компонентов неофраземы способствует достижению поставленных авторами текстов интенций.

Список использованных источников

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с фр. К. А. Долинина ; вступ. ст. Р. А. Будагова ; под ред. Е. Г. Эткинда. – 2-е изд., стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 393 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
2. Молодых, Е. А. Коммуникативно-прагматическая роль фразеологизмов при трансляции языковой картины мира В. Скотта / Е. А. Молодых // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 204–209.
3. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 343 с.
4. Лазарева, Е. И. Коммуникативно-прагматический потенциал фразеологизмов-пословиц / Е. И. Лазарева // Современный немецкий язык: лексикон – коммуникация – текст : сб. науч. тр. / Моск. гос. лингв. ун-т ; редкол.: И. Г. Ольшанский (отв. ред.) [и др.]. – М. : МГЛУ, 1994. – Вып. 424. – С. 33–42.

Abstract. Based on the material selected from modern mediatexts the use of the neophraseme *переобуться в воздухе* and its variants is analysed. The possibilities of variation for strengthening the communicative-pragmatic potential of texts and realization of author's intentions are dealt with.

Keywords: (neo)phaseme, pragmatic potential, intentionality, phraseological variant, variation, connotations.

УДК 811.161.1'373'42:398.92

И. Ю. Третьякова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию окказиональных преобразований фразеологических единиц в условиях речевого общения педагогов и учеников. Рассматриваются интралингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на выбор фразеологизмов при организации речевого высказывания и на процессы трансформации идиом в речи учителей. Выявляются основные приемы трансформации фразеологизмов, определяются особенности окказиональных преобразований языковых единиц, обусловленные интенциями коммуникаторов.

Ключевые слова: трансформации фразеологизмов, окказиональные преобразования фразеологических единиц, педагогический дискурс.

Проблема окказионального преобразования фразеологических единиц (далее ФЕ) находится в фокусе исследовательских интересов фразеологов не один десяток лет. Помимо описания собственно трансформаций фразеологизмов, типизации этих трансформаций и классификации приемов преобразования ФЕ, ученые обосновали обусловленность процессов и результатов модификаций ФЕ внутренним строением устойчивых единиц (семантикой, грамматической структурой, внутренней формой, образностью). Однако утвердившийся в научном гуманитарном мире интерес к человеку говорящему привел к смене ориентиров, к переключению внимания с интралингвистических особенностей фразеологизмов к экстралингвистическим факторам, обуславливающим функционирование фразеологизмов.

Фразеологи освещали и освещают бытование ФЕ в языке в рамках таких новых направлений, как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, дискурсивная лингвистика. Появляются работы с описанием функционирования фразеологизмов в политическом, рекламном, поэтическом и других дискурсах. Однако часто за декларированием исследования ФЕ в том или ином дискурсе кроется традиционное описание фразеологизмов в структурно-семантическом и функциональном аспектах. Дискурсивное исследование, на наш взгляд, должно обязательно затрагивать внешние факторы, влияющие на выбор фразеологизмов при построении и реализации высказывания, на коммуникативные эффекты ФЕ.

Настоящая работа посвящена исследованию фразеологических единиц, функционирующих в педагогическом дискурсе. Педагогический дискурс не единожды становился объектом внимания ученых [1; 2]. Следует заметить, что в научных исследованиях для общей характеристики педагогического дискурса часто используется разработанная В. И. Карасиком модель описания педагогического дискурса, включающая в себя характеристику участников речевой коммуникации, хронотопа, стратегий, жанров, прецедентных текстов, дискурсивных формул [3]. Полученные данные об особенностях педагогического дискурса используются и в нашей работе – применительно к анализу фразеологизмов. Основное внимание уделяется выявлению экстралингвистических факторов, обуславливающих трансформации фразеологизмов, и собственно трансформациям идиом.

Для ученых, исследующих язык / речь с позиций дискурсивного анализа, важным является вопрос о коммуникативной ситуации, то есть об обстоятельствах реального общения, включающих прежде всего характеристики коммуникантов. В педагогическом дискурсе, с его ориентиром, в первую очередь, на воспитательный процесс в школе, коммуникантами традиционно являются учитель и ученик.

Основным коммуникантом (коммуникатором, адресантом, говорящим) является учитель / педагог, именно в его речи – в сравнении с речью учеников – фразеологические единицы функционируют более частотно. На выбор фразеологизмов при построении речи учителя влияют разные экстралингвистические факторы. Эти факторы связаны как с личностью говорящего, так и с личностью второго коммуниканта (коммуникантов).

На выбор фразеологизмов при порождении речи коммуникатора влияют: (1) уровень интеллекта учителя, проявляющийся в знании / незнании фразеологизмов; (2) социальный статус учителя в обществе, связанный с институциональным характером педагогического дискурса, институциональными предписаниями и ограничениями коммуникативного поведения учителя; (3) уровень языковой личности учителя, его умение вступать в коммуникацию и вести ее; (4) педагогические умения, проявляющиеся в речевой коммуникации, к примеру, в постановке целей общения, в определении стратегии и тактики речи и др.

Все вышеперечисленные факторы обуславливают выбор того или иного фразеологизма как единицы языка, которую носитель языка, будучи организатором высказывания, выбрал как предпочтительную, как максимально точную для выражения своих интенций и – более широко – для осуществления цели коммуникации.

Учитель, становясь участником коммуникативного процесса, конечно, должен учитывать и особенности адресатов речи, то есть учеников. Обращается внимание на следующие экстралингвистические факторы: (1) умственные способности учеников, связанные с пониманием ФЕ; (2) языковой «багаж» учеников, определяющий знание / незнание учениками фразеологизмов в языке; (3) социальный статус семьи и др.

Трансформации фразеологизмов в речи учителя происходят в тех случаях, когда коммуникатор, руководствуясь целями общения, приняв во внимание факторы, препятствующие использованию фразеологизма, выбирает среди имеющихся единиц языка именно данный фразеологизм как соответствующий ситуации и наиболее точно выражающий авторский замысел; но выбранный фразеологизм не может обеспечить в полной мере выполнение задач, связанных с данным коммуникативным актом, а потому языковую единицу нужно «доработать», трансформировать, приспособив к конкретной ситуации речевого общения.

Большое значение для трансформации фразеологизмов имеет устный / письменный характер речи. В педагогическом дискурсе преобладающей является устная речь. Для устной речи характерна автоматизация, то есть воспроизведение сегментов фраз, уже имеющихся в памяти носителей языка. Трансформации же ФЕ не связаны с автоматизмом: в памяти носителей языка содержатся языковые фразеологизмы, но не их трансформы. Поэтому говорящий должен применить к языковому фразеологизму какой-либо прием, то есть произвести умственную работу – актуализировать умения об-

разовывать словосочетание, изменить конструкцию фразеологизма, имеющую в большинстве своем грамматическую форму словосочетания, проконтролировать, правильно ли произошло механистическое и смысловое преобразование языковой единицы, соответствует ли результат преобразования той цели, ради которой, собственно, и производится трансформация языковой единицы. Весь этот процесс требует времени. Поэтому если в неподготовленной устной речи и происходит преобразование фразеологизма, то это преобразование будет осуществляться простыми способами и приемами, хорошо знакомыми носителям языка, незатратными по времени, доведенными ими до автоматизма. На наш взгляд, именно все вышесказанное обуславливает несложные (так называемые «элементарные») трансформации, способные быть произведенными в короткое время посредством «элементарных» приемов. К таким приемам относятся расширение и сужение компонентного состава ФЕ, замена компонента фразеологизма, модификация синтаксических моделей языковых фразеологизмов.

Появление преобразованных ФЕ посредством использования именно элементарных приемов связано еще и с учетом адресата: речь, воспринимаемая на слух, не должна содержать слишком сложные для учеников слова, фразеологизмы, синтаксические конструкции, иначе говорящий рискует быть непонятым, а значит, коммуникация может стать неуспешной. Образовавшиеся в результате изменений языковых ФЕ фразеологические трансформы имеют большое сходство в семантике и/или структуре со своими прототипами – языковыми ФЕ, известными ученикам.

Трансформации ФЕ обусловлены различными авторскими интенциями [5, с. 133–146]. В педагогическом дискурсе наиболее частыми интенциями являются интенсификация и экспликация значения, конкретизация ФЕ. Анализ речевого материала позволил выявить наиболее частотные трансформации фразеологизмов.

1. Интенсификация значения. Интенция автора направлена на усиление действия либо признака, характеризуемого ФЕ.

Учитель [порицание]: *Что молчишь? Виноват, так прямо скажи. А то чуть что – так сразу ускакал в кусты.*

В реплике учителя использована ФЕ *уйти в кусты* ('спрятаться от ответственности, удалиться подальше от непосредственного участия в деле'), трансформированная посредством замены глагольного компонента *уйти* глаголом *ускакать*, привносящим в значение фразеологизма добавочный элемент 'очень быстро' <удалиться>, тем самым смещая смысловой акцент в трансформе на интенсификацию действия.

Учитель [угроза]: *Ты вообще на тоненьком волосочке висишь. Еще один раз так сделаешь – и все, из секции вылетешь.*

В реплике учителя-тренера функционирует языковая ФЕ *висеть на волоске* ('оказаться в опасном положении, под угрозой лишения чего-либо нужного, ценного') в трансформированном виде. Расширение компонентного состава фразеологизма путем введения адъективного компонента *тоненький* и замены компонента *волосок* производным словом с суффиксом субъективной оценки *волосочек* приводит к частичному изменению элемента фразеологического образа, что в свою очередь интенсифицирует элемент значения – 'в предельно опасном положении'.

Учитель [порицание]: *Да ты с пять коробов наврешь, нет у меня к тебе ни грамма доверия.*

Языковая ФЕ *с три короба наврать* ('очень много наговорить, наврать') преобразуется посредством замены компонента-квантитатива *три* числительным *пять*, что приводит к интенсификации признака.

Учитель [возмущение, порицание]: *Вы не понимаете, что вы натворили?! Таких дров наломали! Таковую кашу заварили!*

Языковые фразеологизмы *наломать дров* ('наделать глупостей, грубых ошибок') и *заварить кашу* ('создать своими действиями неожиданно сложную, неприятную си-

туацию) в данном случае включают в свой состав местоимение *такой*, указывающее на высокую степень проявления негативных признаков, действий. Ввод местоимения в состав фразеологизмов приводит к появлению добавочных смысловых оттенков: 'надеть очень много глупостей, грубых ошибок' и 'создать своими действиями исключительно сложную, неприятную ситуацию'.

2. Конкретизация значения. Интенции автора направлены на расширение «ареала» характеристики кого- или чего-либо.

Учитель [порицание]: *Ты читаешь и ничего не понимаешь. У тебя в один глаз влетает, а из другого вылетает.*

Языковой фразеологизм *в одно ухо влетает, а из другого вылетает* ('о человеке, который по своему легкомыслию, непониманию чего-либо быстро забывает услышанное, воспринятое или не придает ему должного значения') характеризует человека, не способного удержать в памяти, понять информацию, воспринимаемую через слух. В анализируемой реплике языковой фразеологизм трансформируется посредством замены именного компонента *ухо* существительным *глаз*, что обусловлено характеристикой школьника, не способного воспринять информацию визуально.

Учитель [укор, ирония]: *Такое впечатление складывается, что вы не выбираете простых дорог, а идете по пути наибольшего сопротивления.*

Языковой фразеологизм *идти по пути наименьшего сопротивления* ('выбирать наиболее легкий способ действия, избегая препятствий, уклоняясь от трудностей') преобразуется в окказиональный фразеологизм посредством замены адъективного компонента *наименьший* прилагательным *наибольший*; при этом меняется значение фразеологизма – 'выбирать наиболее сложный способ действия, намеренно усложнять достижение цели'. Фразеологический трансформ используется для характеристики действий учеников, в данной ситуации выходящих за пределы норм, принятых в обществе.

3. Экспликация значения. Интенция автора направлена на облегчение восприятия фразеологизма; в состав ФЕ вводится компонент, называющий элемент значения.

Учитель [ирония]: *Ну, умники и умницы, говорите по делу. И не нужно новых велосипедов изобретать.*

ФЕ *изобретать велосипед* ('обнаруживать, создавать заново что-либо уже открытое, общеизвестное') в данной реплике включает в свой состав компонент *новый*, эксплицирующий элемент значения 'заново'.

Приведенные выше фрагменты / реплики диалогов учителей с учениками демонстрируют еще одну особенность использования трансформированных ФЕ: отсутствие сложных преобразований языковых единиц. В педагогическом дискурсе не замечена языковая игра как интенция для преобразования фразеологизмов (что свойственно художественному и публицистическому дискурсам). Очевидно, это объясняется целями педагогической коммуникации, не связанными с проявлением креативных способностей авторов текстов, с демонстрацией богатства русского языка. Фразеологические трансформы употребляются – часто – для подчеркнутого, усиленного выражения экспрессии со стороны учителя при характеристике качеств, действий учеников. Именно экспрессивность и оценка становятся необходимыми компонентами субъективного отношения педагога к воспитуемому, что является важной составляющей воспитательного процесса.

Изучение фразеологизмов в их традиционном и преобразованном виде в условиях разных дискурсивных практик позволяет по-новому оценить значимость этих единиц в современном русском языке.

Список использованных источников

1. Антонова, Н. А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Антонова ; Саратовский гос. ун-т и. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2007. – 158 с.

2. Габидуллина, А. Р. Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие (на примере школьного предмета «русский язык»): дис... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Р. Габидуллина; Ин-т языкознания имени А. А. Потебни НАН Украины. – Донецк, 2009. – 463 с.
3. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
4. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: «Русские словари», 1997. – 684 с.
5. Третьякова, И. Ю. Окказиональная фразеология: монография / И. Ю. Третьякова. – Кострома: КГУ имени Н. А. Некрасова, 2011. – 290 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

Abstract. The article is dedicated to occasional transformations of phraseological units in terms of pedagogues – students' communications. The work studies intralinguistic and extralinguistic factors which affect a choice of idioms in the course of communication and it also describes transformational processes, taking place in the teachers' speech. The study defines transforming methods and depicts specific features of occasional transformations that are conditioned by communicators' intentions.

Keywords: phraseological transformations, occasional transformations of idioms, pedagogical discourse.

УДК 811.161.1`221.2`373.2:398.92

Л. Л. Фёдорова

ЗАДРАТЬ НОС ИЛИ ВЗДЕРНУТЬ ПОДБОРОДОК – КАЖДОМУ СВОЕ?

Аннотация. В статье рассматривается русская разговорная идиома *задрать / задирать нос* в сопоставлении с оборотом *вздернуть подбородок*, ставшим активным в современных текстах. Описание исходного жеста в русском языке акцентирует нос, в то время как для аналогичного жеста в английском более характерно выделение подбородка. Сопоставление проводится на основании текстов Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: жесты, фразеология, межъязыковые соответствия.

В Словаре языка русских жестов (далее СЯРЖ) проводится разграничение описания жеста и его фиксированной в языке номинации. Например, «наклон головы вперед» – описание, которому могут соответствовать два жеста, для них имеются собственные номинации: *кивок* как знак согласия или одобрения и *склонить голову* как знак скорби [1, с. 17–18]. Для общепринятых жестов существует, как правило, и устойчивая номинация – слово или языковая формула. При этом иногда языковая формула жеста начинает использоваться шире, чем прямое соответствие жесту; например, *смотреть косо* в значении ‘относиться с неодобрением, с подозрением или осуждением’ вовсе не подразумевает реальное исполнение жеста, хотя сохраняет с ним связь:

(1) *Здесь на него смотрят косо, не прощают ему принципиальности* [И. Грекова. На испытаниях (1967)].

В этом случае мы имеем дело с фразеологической единицей, коллокацией или идиомой, которая может сохранять семантическую связь с исходным жестом.

К подобного рода языковым формулам относится и выражение *задрать / задирать нос*.

Фразеологические единицы с лексемой *нос* весьма распространены в русском языке, они имеют, как правило, разговорный или разговорно-сниженный характер. Многие из них представляют сочетания с глаголами движения в широком смысле (*воротить нос, задрать нос, повесить нос, совать нос, крутить носом, клевать носом,*

водит к-л за нос, повести носом и др.), однако глагольная семантика в идиомах затемняется, связь фразеологизма с описанием жеста уловить в этом случае трудно: *повесить нос на квинту* (отсылающее к позе скрипача или гитариста) – *повесить нос / вешишь нос* ('прийти в уныние, унывать').

Аналогично выражение *задрать / задирать нос* приобретает переносные значения выражения чувства, настроения, не сопровождаемые описываемым движением. Заметим, что глагол совершенного вида *задрать* передает как бы видимое однократное действие, а несовершенного вида *задирать* – характерное движение, соответствующее определенной манере поведения, обычно осуждаемой (а потому частой в формуле с отрицанием в повелительном наклонении: *не задирай нос!* или в индикативе уже с положительной оценкой: *он совсем не задирает нос*). И уже как результат оценки подобной манеры поведения данное сочетание (*задрать / задирать нос*) может подразумевать ментальное, психологическое состояние субъекта ('заснасться, загордиться' [2]), его отношение к кому-либо или к ситуации. В словарях отмечается и близкое выражение *нос кверху держать* ('не унывать', также неодобр. 'важничать, зазнаваться' [2]). Вообще выражения *задрать нос* и *повесить нос* можно рассматривать как антонимические, так что призыв *не вешишь нос* имеет ободряющий характер, а *не задирай нос* – напротив, урезонивающий, неодобрительный.

Интересно, что само движение, лежащее в основе жеста, может описываться по-разному: *поднять / вскинуть голову, поднять / вздернуть нос, поднять / вздернуть подбородок*. Ни *задрать нос*, ни одно из этих выражений не рассматривается в СЯРЖ – возможно, в силу того что подобный мимический жест имеет самое общее, а не специфически русское содержание. Однако нам представляется, что выражения *задрать нос* и *задрать / вздернуть подбородок* все же отражают разные национальные предпочтения. Задачей работы является сопоставить эти два выражения в их употреблении и в переводах.

При анализе употребления выражения *задрать / задирать нос* мы обратились к НКРЯ [3]. В основном корпусе зафиксировано 158 вхождений *задрать нос* и 123 – *задирать нос*. Однако часть из них (особенно заметная для первого) характеризует ситуации управления самолетом, кораблем, лодкой или другим транспортным средством с переносным значением слова *нос*; их мы не учитываем в анализе. Таким образом, к описанию поведения относятся немногим более 200 примеров. Их интерпретации могут быть различны: от описания вынужденного движения или позы до описания жеста и оценки психологического состояния субъекта; причем границы между ними не всегда очевидны и могут подсказываться сочетаемостью и более широким контекстом.

Для первой интерпретации – как движения, часто вынужденного, это выражение сохраняет буквальный смысл, синонимично *поднять / задрать голову*:

(2) – *Заливают нас сверху. – Дочь задрала нос к потолку* [А. Щербаков. Пах антилопы // «Октябрь», 2002];

(3) <...> *был маленького роста и мог глядеть в оконце, только поднявшись на цыпочки и задравши нос* [В. В. Вересаев. Воспоминания (1925–1935)].

Но чаще наблюдаемое мимическое движение передает и состояние субъекта:

(4) *Гусев в ответ немедленно выпятил грудь, задрал нос и холодно сверкнул глазами* [О. Дивов. Выбраковка (1999)];

(5) *Буратино, засунув руки в карманы, задрав нос, сказал хвастливо...* [А. Н. Толстой. Золотой ключик, или приключения Буратино (1936)].

В этом случае в описании может передаваться ряд сопровождающих характерных движений или действий: *выпятить грудь, засунуть руки в карманы* или последующих действий: *задрал нос и ушел / и (гордо) удалился / и отвернулся* и проч. Здесь передается жест, в котором сочетаются прямое описание и его оценочный смысл.

Типично для этого выражение *задрав нос*, уточняющее описание других действий:

(6) *Тогда «Мужичок в мешочке» начинает злиться и хорохориться и всегда говорит, задрав нос...* [М. М. Пришвин. Кладовая солнца (1945)].

Нередко деепричастный оборот употребляется в сочетании с глаголом *ходить* или близкими по значению, при этом наблюдается переход от буквального к переносному значению:

(7) *От Дана ты тоже уходил, **задрав нос*** [Д. Гранин. Иду на грозу (1962)].

Аналогично – *ходить с задраннным носом*:

(8) *Хожу с **задраннным носом**, – вот и все достоинства* [А. Н. Толстой. Хожение по мукам / Книга первая. Сестры (1922)].

Само мимическое движение или поза «с задраннным носом» предполагают демонстрацию превосходства по отношению к кому-либо или обиды и оскорбленного достоинства; выражение *задирать нос* допускает управление *перед кем*:

(9) *Но он не задается, никогда не **задирает нос** перед товарищами* [Е. Велтистов. Электроник – мальчик из чемодана (1964)];

(10) *Пусть-ка теперь филин попробует **задирать** передо мной нос!* [А. М. Волков. Урфин Джюс и его деревянные солдаты (1963)].

Действие может уточняться словами *гордо, высокомерно, самодовольно, задорно* и под., или может поясняться причина: *задирать нос от чего-л.* При этом выражение чрезвычайно редко употребляется с субъектом 1 л.: о себе так говорят чаще с самоиронией, сглаживая негативную оценку:

(11) *И я **задрала нос** от гордости, в таком блистательном актерском составе я еще никогда не была...* [Т. Окуневская. Татьяна день (1998)].

Но чаще устойчивое выражение употребляется без всяких уточнений, в этом случае самого мимического движения может и не быть, но присутствует оценка поведения как высокомерного, соответствующего синонимам, отмеченным в словарях и контекстах НКРЯ: (*за*)*важничать, загордиться, зазнаться, задаваться, заноситься, воображать, кичиться, хорохориться, чваниться*, или описанию: *ходить с высоко поднятой головой*. При обсуждении значения этого выражения с группой студентов были выявлены два случая: описание позы (например, «поза пианиста») или демонстративного поведения: *зазнаться, вести себя высокомерно, поднять голову, вздернуть нос, хвастаться, оскорбиться, относиться с высокомерием, обидеться*.

Студенты назвали также интересный синоним: *закозлиться*. Это жаргонное современное слово, употребляемое в значении ‘зазнаться, загордиться, заупрямиться’ [4].

Именно в таком негативно-оценочном значении и закрепилось в языке выражение *задирать нос*:

(12) *Быть может, думаете, что **слишком задирает нос**?* [А. Н. Толстой. Хожение по мукам / Книга первая. Сестры (1922)];

(13) – *Ты, кажется, начинаешь **задирать нос**, – да, да, я все больше замечаю это!* [А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)].

Нам представляется, что, хотя мимическое движение, лежащее в основе этого оборота, является общепринятым, само выражение присуще русскому языку (и, возможно, и другим славянским языкам), так что является в определенной степени лингвоспецифичным. Аналогичное выражение используется в польском языке – *zadzierać nosa*. В армянском языке в подобных описаниях используется устойчивый оборот с буквальным значением ‘поднять лицо’, но с положительной оценочностью (сравн. с русским (*гордо*) *поднять голову*).

Да, не раз я проигрывал битву,

И я видел усмешку лжецов,

Но я волею тверже гранита,

И я вновь *поднимаю* лицо.

(Никол Пашинян. Мой шаг (перевод с армянского наш – Л.Ф.))

В английских текстах мы встречаем несколько оборотов, передающих близкие значения: *to lift one's chin*, букв. ‘поднять подбородок’, *turn up one's nose*, букв. ‘повернуть вверх нос’, для образа действия типа *задрав нос – (with) the nose in the air* ‘носом кверху’ (букв. ‘с носом в воздухе’).

Именно наличие в переводных английских художественных текстах выражения *поднять / вздернуть подбородок* привлекло наше внимание к этому русскому выражению.

По параллельному корпусу можно сравнить выражение *задрать нос* в его переводах на английский и в русских переводах английских текстов. Примеров немного (15 в 14 документах, из них о людях всего 12), три с русского на английский, 9 с английского на русский. В английских переводах русскому выражению даны два соответствия:

(14) *Жители его ходили по своему Бродвею, задрав носы к небу* [И. А. Ильф, Е. П. Петров. Одноэтажная Америка (1937) | Pya If, Evgeny Petrov. Little Golden America (Charles Malamuth, 1944)] – *Its inhabitants walked on their Broadway, their noses high in the air*;

(15) *Хожу с задранном носом, – вот и все достоинства* [А. Н. Толстой. Сестры (1922) | Alexey Tolstoy. The Sisters (Constance Garnett)] – *I turn my nose up at everything, and that's my only virtue*.

Выражение *to turn one's nose up* в параллельном корпусе, однако, чаще переводится сочетанием *воротить нос* с управлением *от чего-л* (что видно и в примере), т. е. выражать брезгливость по отношению к чему-то, в то время как русское *задрать нос* выражает отношение к человеку или ситуации: *задрать нос перед кем-то*, выражая собственное превосходство или пренебрежение чужим мнением. Так что нельзя здесь говорить о полной синонимии.

В английских текстах русские переводы «задрать нос» показывают различные исходные выражения:

(16) *Hermione marched away with her nose in the air* [Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997) | Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)] – *Гермиона проплыла мимо, высоко задрав нос*;

(17) *The moment she was out of sight Francis came out head up and grinning* [Harper Lee. To Kill a Mockingbird (1960) | Харпер Ли. Убить пересмешника (Нора Галь, Р. Облонская, 2013)] – *Едва она ушла, Фрэнсис вышел из кухни, задрал нос и ухмыльнулся во весь рот*;

(18) *No, she turned up her nose at my civility* [Emily Brontë. Wuthering Heights (1847) | Эмили Бронте. Грозовой перевал (Н. Вольпин, 1956)] – *Так нет, в ответ на мою учтивость она только задрала нос*.

Кроме того, оборотом «задрать нос» переводятся английские глаголы без дополнений *bridle up* (*bridle* ‘взнуздывать’), *be stuck up* (*stick* ‘торчать’).

Наиболее близкое соответствие можно усмотреть в описаниях образа действия: *с задранном носом, задрав нос* – (*with*) *one's nose in the air*.

Тем не менее можно предположить, что нос более значим при описании жеста для русского языка, чем для английского (и для армянского).

В переводах английских и американских книг их герои нередко производят такой жест: вздергивают подбородок, в английском *to lift one's chin* ‘поднять / задрать подбородок’. В русских текстах это выражение появляется в единичных примерах в первой половине XX в. и далее в основном при описаниях позы, но набирает частоту в XXI в. особенно после 2010 г. в описании жеста. Студенты отметили, что это выражение описывает жест, но чаще говорится не про русского человека.

В основном корпусе НКРЯ 53 вхождения *задрать подбородок*, обычно с уточнением, что позволяет передать характер жеста в отличие от вынужденной позы:

(19) – *Что я вам говорила? – бабушка торжествующе задрала подбородок* [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)];

(20) *Оля, презрительно задрав подбородок, проплыла мимо Вовки к своему паке-ту, из которого во все стороны рассыпались краски и кисти...* [Д. Лагутин. Спица // «Дальний Восток», 2019].

Задрать подбородок можно высоко, гордо, горделиво, упрямо, вызывающе, победно, уточнение может быть развернутым:

(21) *Он стоял, задрав подбородок к потолку, в позе человека, готовящегося пройти церемониальным маршем* [И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев (1927)].

Как переводятся на русский английское *to lift one's chin*, можно увидеть в примерах параллельного корпуса (всего 15); это обычно *вздернуть подбородок* или *поднять голову*:

(22) *I haven't done so bad, she thought, **lifting her chin** and smiling* [Margaret Mitchell. *Gone with the Wind, Part 2* (1936) | Маргарет Митчелл. Унесенные ветром, ч. 2 (Т. Кудрявцева, 1982)] – «Только я не так уж плохо преуспела», – подумала она и, **вздернув подбородок**, улыбнулась;

(23) *She **lifted her chin** and managed to ask quietly: Where will you go?* [Margaret Mitchell. *Gone with the Wind, Part 2* (1936) | Маргарет Митчелл. Унесенные ветром, ч. 2 (Т. Кудрявцева, 1982)] – Она **подняла голову** и постаралась спокойно спросить: – Куда же вы едете?;

(24) *June slightly narrowed her blue eyes, and **lifted her decided chin*** [John Galsworthy. *To Let* (1921) | Джон Голсуорси. Сдается внаем (Н. Д. Вольпин, 1946)] – Джун слегка прищурила синие свои глаза и **вздернула решительный подбородок**.

Хотя нет ни одного примера взаимного перевода «задрать нос» – «задрать / вздернуть подбородок», можно предположить, что в основе своей это идентичные или очень близкие жесты, однако первое выражение закрепилось как фразеологическая единица русской разговорной речи в переносном негативно-оценочном значении, а второе появляется в языке как более нейтральное описание, еще не ставшее русским фразеологизмом. Оно, возможно, вступает в конкуренцию с устойчивым *задрать нос* именно как более литературное и не отягощенное негативной оценочностью. Характерно то, что более активно оно стало использоваться в XXI в., возможно, под влиянием переводов английских текстов и развитию языковых контактов.

Тем не менее для русского языка более активным описанием жеста остается «задрать / заирать нос», в то время как в английском более типично «поднять / вздернуть подбородок». И этому есть параллель и в других выражениях, связывающих мимику поднятия головы с носом в русском или с подбородком в английском: *chin(s) up!* не унывай(те)! – *выше нос!* (Ср. также *to take things on the chin* букв. ‘принимать вещи на подбородок’ – не падать духом, держаться бодро, держать *нос* кверху).

В связи с этим можно предположить большее внимание к мимике с участием носа в русской языковой культуре и большее внимание к подбородку в англо-американской. Связано ли это с характером внешности (курносый, вздернутый носом, более типичным для русского лица, и ординым носом – для англосаксонского или армянского типов) – остается вопросом. Возможно, что-то осознается как наиболее «торчащее», выступающее при поднятии головы. Помимо внешности, значение могут иметь и языковые номинации. Русское *подбородок* – производное от *борода*, уже в силу производности кажется вторичным. Оно не присутствует ни в каких фразеологических оборотах (хотя может описывать жесты: «почесать подбородок», «взять кого-то за подбородок»), в то время как *борода* более активно, оно используется и для описания жеста («поглаживать бороду» (‘задумчивость’), в котором в качестве бороды может выступать и подбородок. среди описаний жеста – «*гладить* <поглаживать, сжимать> *подбородок*» [1, с. 88]). В текстах *задрать бороду* (25 вхождений в НКРЯ) используется для описания позы или движения, причем обычно в прямом своем значении:

(25) *Отец Мефодий, бывший Сапог, **задрал бороду** и задумчиво почесал подбородок* [Владимир Лавришко. Даже верблюду легче... // «Октябрь», 2013];

(26) *Изя кивнул, откинулся в кресле и, **задрав бороду**, закрыл глаза* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Град обреченный (1972)].

Так что русская борода не дает возможности сделать акцент на подбородке. И действительно, значимость русской бороды воспета еще М. В. Ломоносовым в шутилке Гимне бороде (1756–1757), ее поддерживает и современная песня в жанре шансона И. Словесника «Борода, борода...». Может быть, и производность подбородка связана с тем, что русские стали брить бороду на несколько веков позже европейцев, так что она оставалась более выразительной внешней чертой.

В английском же слово *chin* не производно, имеет переносные значения ('болтовня, треп'; 'дерзости') и соответствующие глагольные конверсивы и входит в ряд фразеологических единиц (кроме вышеназванных – *up to the chin* 'по горло, по уши', букв. 'по подбородок'; *to hold up by the chin* 'поддерживать, оказывать помощь', букв. 'взять за подбородок', *chins are wagging* 'идут толки, сплетни' и др.).

Однако есть в параллельном корпусе пример, подтверждающий идентичность описания жеста с «бородой кверху» и «носом кверху»:

(27) *Ох, хотел Бенедикт податься в истопники. <...> сам мечтал, как пройдет посереде улицы, – весь из себя чванный такой, борода кверху, огневой горшок за собой на веревке тащит, – только искры из дырок сыплются* [Татьяна Толстая. Кись (2000) / Tatyana Tolstaya. The Slynx (Jamey Gambrell, 2007)] – *Yes, Benedikt really wanted to try for the Stokers. <...> he himself dreamed of swaggering down the middle of the street, his nose in the air, pulling a fire pot behind him on a string with sparks spilling from the holes.*

Возможно, этот обратный перевод, а также проведенное сопоставление позволяет представить соотношение по значимости: рус. *нос, борода* – англ. *подбородок, нос* в характерных описаниях внешности и жестов. Изменится ли оно для русского языка под влиянием английского, или сохранится каждому свое?

Список использованных источников

1. Григорьева, С. А., Григорьев, Н. В., Крейдлин, Г. Е. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – М. – Вена : ЯСК, WSA, 2001 – 254 с.
2. Большой толковый словарь современного русского языка / под ред. С. А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari>. – Дата доступа : 17.09.2022.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 15.09.2022.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка ; в 4 томах. (1903–1909). – М. : Прогресс – Универс, 1994.

Abstract. The article examines the Russian colloquial idiom *zadrat' / zadirat' nos* ('to turn up one's nose') in comparison with *zadrat' / vzdernit' podborodok* ('to lift one's chin'), the last becoming active in modern texts. Description of the original gesture in Russian emphasizes the nose, while the chin is more characteristic of a similar gesture in English. The comparison is based on the texts of the Russian National Corpus.

Keywords: gestures, phraseology, crosslinguistic correspondences.

УДК 811.163.1'374'42:398.91

С. Г. Шулежкова

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ПАРЕМИЙ В «БОЛЬШОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА»

Аннотация. Автор, придерживаясь широкого взгляда на объект фразеологии, ставит проблему фразеографического описания паремий общеславянского литературного языка Средневековья. Помимо грамматической, семантической, справочной, иллюстративной зон, статьи, возглавляемые паремиями, предлагается сопровождать жанровой характеристикой и отражением их исторических судеб.

Ключевые слова: старославянский язык, фразеологический словарь, устойчивый словесный комплекс, паремия.

Работа над старославянским фразеологическим словарем убедила нас в том, что для полноценного представления корпуса сверхсловных единиц одного из уникальных литературных языков средневековой Европы необходимо придерживаться, во-первых,

широкого взгляда на объект фразеологии, во-вторых, учитывать системные отношения внутри этого корпуса, в-третьих, устанавливать источники происхождения каждой из них. Кроме того, чрезвычайно важно включать в число описываемых единиц не только устойчивые словесные комплексы (УСК) всех известных семантико-грамматических классов (предметные, процессуальные, адвербиальные и пр.), но и те, что выполняют предикативные функции (обобщенно назовем их паремиями). После публикации в 1964 г. знаменитой работы В. Л. Архангельского «Устойчивые фразы в современном русском языке» [1], убедительно доказавшего языковой статус такого рода единиц, особых оснований сомневаться в принадлежности УСК предикативного типа к объектам фразеологии не приходится. К тому же, издание через два года другим известным фразеологом, В. П. Жуковым, не сборника, а «Словаря русских пословиц и поговорок» [2] положило начало активному фразеографическому описанию паремий разного рода сперва в нашей стране, а потом и за рубежом (см. об этом: [3, с. 257–259]). Однако до сих пор ни один из собственно старославянских словарей не включал паремии в число фиксируемых сверхсловных языковых единиц, несмотря на то, что непредикативные УСК, пусть далеко не системно и не в полном объеме, всё же попадают в словарные статьи, озаглавленные лексемами, входящими в УСК в качестве одного из их компонентов (см., например, [4, с. 125; 5, с. 196; 6, с. 747]). Справедливости ради следует сказать, что исторический комментарий значительной части интересующих нас паремий, которые были освоены русским литературным языком, можно обнаружить в современных теоретических исследованиях по фразеологии, в эпиграфических изданиях и в библейских справочниках (см., например, [7, с. 33–166, 353–358; 8, с. 98–225; 9; 10] и пр.). Между тем только в Супрасльской рукописи встречается более 100 УСК предикативного типа [11], а в Остромировом евангелии их обнаружено более 150 [12], и многие из них до второго десятилетия текущего столетия еще не были исследованы как элементы старославянской фразеологической системы. Потому авторский коллектив «Большого фразеологического словаря старославянского языка» обратил особое внимание на паремии. 60 из них, в том числе такие, как Балии / врачу, исцѣли с# самъ, Блажень м@жь, иже не идетъ на свѣтъ нечѣстивыхъ, Врази чловѣкоу домашнии ~го [13, с. 126–128, с. 234–235, с. 460–461]; Вьньзи ножь (свои) въ ножьниц@, Впра без дѣль мрътва ~сть, Впрънь(и) въ малѣ и въ мнози впрънь ~сть, Гр#ди и виждь [14, с. 213–214, с. 291–293, с. 432–433]. В статье сделан краткий обзор фонда паремий, отраженных в старославянских памятниках.

Значительное место среди паремий общеславянского литературного языка Средневековья занимают изречения Иисуса Христа. Хотя большинство из тех, кто находился рядом с Мессией и слушал его удивительные речи, считали Христа простым земным человеком, сыном плотника Иосифа, сам он прекрасно осознавал, кто он, каково его предназначение и что его ждет. В целом ряде паремий-самохарактеристик, попавших в старославянские тексты X–XI вв., он сумел это передать: Азь отъ сего мира нѣсмь, Аз и отць ~дино ~свѣ, Азь въ отци и отць въ мѣнѣ, Азь ~смь въскрѣшени~ и животь, Азь ~смь двѣрь (къ овцамъ), Азь ~смь лоза (истиньна"1, и отць мои дѣлатель / виноградарь ~сть), Азь ~смь пастырь добрый, Азь ~смь п@ть, истина и животь и др. (см. об этом [15, с. 633–644]).

Наибольший интерес для фразеографа представляют УСК-паремии, «учительно-го» характера, которые Иисус Христос адресует своим ученикам и многочисленным слушателям в качестве жизненных *наставлений, заповедей, сентенций* и даже *девизов*. Не случайно исследователи древнейших евангельских текстов подчеркивают афористичность речей основателя христианства.

Афоризмы Христа не только «воодушевляют людей «подставлять левую щеку» или «входить узкими вратами» и представлять Бога «как “сеятеля”, “царя”, “отца” или “пастыря”» [16, с. 218]. Иисус был «учителем мудрости, который постоянно использовал классические формы мудрой речи (притчи и запоминающиеся короткие изречения,

известные как афоризмы)» [17, с. 30]. Как проповедник он сумел через лаконичные, предельно четко структурированные и доступные пониманию каждого человека фразы передать глубину, гуманность и привлекательность новой веры, в основе которой лежат равенство всех людей, любовь и милосердие. При этом Иисус Христос неоднократно напоминал: *«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, исполнить»* (Мф 5: 17). Е. М. Верещагин, анализируя приемы, с помощью которых Мессия, создавая Новый Завет с его новыми заповедями, выходит за пределы ветхозаветной этики, пишет: «Он сначала формулирует “законное” предписание», а затем «настойчиво» использует одну и ту же «контрарную формулу <...> “А Я говорю вам”, и всякий раз употреблена частица *δέ*, создается впечатление, что ветхий закон противоположен новозаветному, но на деле перед нами всё-таки не замена одного тезиса на совсем другой, противоположный, а расширение его объема. Думается, что перед нами феномен, описываемый как перевод слабой (или обиходной) этики в этику сильную» [18, с. 258–259]. В совокупности именно изречения-паремии Христа составляют нравственный кодекс христиан.

Включая в «Большой фразеологический словарь старославянского языка» (БФСЯ) обнаруженные в памятниках X–XI вв. такие разновидности паремий, как *заповеди*, авторы непременно учитывали изменения, которые происходили с этими оборотами в речах Иисуса Христа. В средневековом обществе одним из самых популярных развлечений невежественной толпы было присутствие на публичных пытках и казнях, и, в противовес этому жестокому обычаю, Иисус Христос, выступая перед народом, трансформирует ветхозаветную заповедь из Декалога, связанную с любовью к ближнему, расширяя границы этой любви. Из его уст *призыв* к гуманности, милосердию и человеколюбию как основной нравственный закон для всех верующих начинает звучать по-новому: *«Если в Ветхом Завете говорится: “Люби ближнего твоего”, то Иисус сформулировал новый принцип взаимоотношений: “Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный”»* (Мф 5:43–48) [14, с. 135–136].

В БФСЯ отмечено, что Иисус Христос внес корректировку и в требование из Десятисловия *Не приобг сътвори* (‘Не прелюбодействуй!’ Седьмая ветхозаветная заповедь, осуждающая половую распущенность). Как и прочие заповеди Декалога, Иисус Христос считал 7-е его требование обязательным для всех своих последователей и при этом оказал серьезное влияние на представление о прелюбодеянии вообще. Ветхий Завет осуждал прежде всего женщин, ведущих распутный образ жизни, но допускал при этом многобрачие для мужчин. Во всяком случае многие из героев Ветхого Завета, в том числе Авраам и Давид, были полигамны, а прославившийся своей мудростью Соломон, помимо 700 жён имел еще 300 наложниц. Иисус Христос своими проповедями о святости союза мужчины и женщины, создающих семью для рождения и воспитания детей, способствовал узаконению единобрачия, а христианский обряд венчания закрепил статус такой семьи, в которой нарушение верности не только со стороны женщины, но и со стороны мужчины стало оцениваться как прелюбодеяние.

В БФСЯ включены и ставшие крылатыми паремии-наставления (духовные и житейские), которые прозвучали в проповедях Христа. Большая их часть восходит к Нагорной проповеди Сына Божьего: *Аме десна"l тво"l p@ка съблажн!"~тъ т#? оучти \ (и отъвръзи отъ себе)* (‘Необходимо соблюдать большую осторожность и не поддаваться соблазнам и страстям, когда речь идёт о грехе прелюбодеяния’) [13, 121–122]; Не

пометаите бисера вашего свни"лмъ / прѣдъ свини"лми и его синоним Не дадите св#тааго (св#мени"л) пьсомъ **б** ('Не следует делиться высокими мыслями и чувствами с теми, кто ими пренебрегает; не нужно тратить слов, усилий, своих средств на тех, кто не способен или категорически не хочет Вас понять и оценить'); Не с@дите, да не с@d#тъ вамъ• и не ос@ждаите, да не ос@d#тъ васъ / да не ос@ждени б@dете ('Не злословь(те) по поводу кого-л., поскольку и тебя (вас) могут осудить'. *Запрет на осуждение и хулу*) и пр. Нагорная проповедь содержит множество подобных изречений. По словам А. П. Лопухина, они передают «очевидные истины», но их нужно было растолковывать неискушенным язычникам. В стихах Евангелия от Матфея «осуждается слишком большая суровость; в 6-м стихе – слишком большая слабость», которую ученики Христа могут проявлять по отношению к неискушенным слушателям. А апостолы должны избегать крайностей в своей проповеднической деятельности. Иисус Христос предостерегает их и от чрезмерной суровости, и от излишней слабости. «Ученики не должны стремиться быть судьями других, но они не должны безрассудно выставлять перед людьми и свое высокое призвание. Потому что священное и ценное дано им не только для обладания, но и с той целью, чтобы они сообщали его другим людям» [19, Лопухин, НЗ, т. 1, 2007, с. 187–188].

Некоторые евангельские афоризмы, описываемые в БФССЯ, представляют собой фрагменты реплик, произнесенных Христом при определенных обстоятельствах. Так, афоризм Доухъ ~сть бѣдръ, а плоть немощна, акцентирующий внимание на противоречии между силой духа человека и его физической слабостью, которая является причиной негативных поступков, восходит к 26-й главе Евангелия от Матфея, где описываются события, предшествовавшие аресту и распятию Мессии. Иисус испытывал тяжелое чувство тоски. Он знал, что проводит последние часы в кругу близких ему людей, и, будучи богочеловеком, нуждался не только в поддержке Бога Отца, но и в обыкновенном человеческом сочувствии. Трижды, прерывая свои молитвенные обращения к небесному отцу, подходил Христос к ученикам. Но они, утомленные тревожными предчувствиями, заснули, хотя он и просил их: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение, ибо дух бодр, плоть же немощна» (Мф 26: 41). Как пишет автор «Толковой Библии», «Простейшее, совершенно немногословное и чуждое всякого упрека объяснение состояния учеников. Они уснули, но им нужно было бодрствовать и молиться. Им предстояли искушения. Бодрствование заставило бы их быть на страже, а молитва сделалась бы для них оружием для отражения искушений. Наставление всем людям, которым угрожает искушение. Дух сам по себе всегда бывает бодр, но он уступает немощи плоти. Не дух, а плоть бывает причиной искушения человека» [19, с. 547]. Паремия-наставление Въздадите кесарева кесарю и божи~ богу ('Пусть каждому воздается, платится по заслугам, по его положению в обществе') прозвучала как ответ Иисуса Христа на вопрос, придуманный фарисеями для того, чтобы «уловить» Мессию в слове, поставить его в затруднительное положение. Они послали к Иисусу «учеников своих с иродианами, говоря: “Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итак, скажи, как Тебе кажется? Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?”» (Мф 22: 16–17). Если бы Иисус ответил положительно, то это вызвало бы гнев народа, считавшего для себя унизительным платить дань римскому императору. Если бы он ответил «Нет», его могли бы признать бунтовщиком. Но Иисус попросил принести ему монету, какой иудеи уплачивали налог кесарю. Ему принесли динарий, и он спросил: «Чье это изображение и надпись?». Ему ответили: «Кесаревы». Тогда Иисус сказал: «Отдавайте кесарю кесарево, а божие – Богу» (Мф 22: 20–21). «Смысл ответа, пишет А. П. Лопухин, – служение кесарю не препятствует служению Господу Богу» [14, с. 75–76; 19, с. 440–441].

В старославянских памятниках нередки случаи использования *пословиц* или *крылатых выражений*, имевших хождение у средиземноморских и восточных народов

в период создания священных текстов, которые позже были переведены на язык славян солунскими братьями и их учениками. Любопытна в этом отношении судьба пословичного выражения *Не мѣсто освѣтитъ чловѣка, а чловѣкъ мѣсто* ('Человек оценивается не по тому положению, которое он занимает в обществе, и не по тем собраниям, которые он посещает, а по его собственным качествам'). В Изборнике 1073 г. эта пословица приписывается апостолам Павлу и Петру. Но, как пишет автор книги «Литературные источники и прототипы трёхсотъ русскихъ пословиць и поговорокъ» И. Е. Тимошенко, русская пословица *Не место красит человека, а человек место* имеет греческие корни. Похожие обороты можно обнаружить в комедиях Филемона, жившего в IV–III вв. до н. э. Однако Тимошенко считает, что оборот сформировался в I в. н. э.: «Гораздо ближе къ нашей пословицѣ изрѣченіе, приписываемое Плутархомъ юноше – Агезилаю: когда распорядитель хора во время *гимнопедій*, расставляя мальчиковъ, отвѣл Агезилаю одно из второстепенныхъ мѣсть, послѣдній, хотя и былъ наслѣдникомъ спартанскаго престола, безпрекословно повиновался, но сказалъ при этомъ: “Хорошо; я докажу, что *не мѣсто дѣлаетъ честь чловѣку, а чловѣкъ мѣсту*” <...> На латинскомъ языкѣ ту же сентенцію – *Nono ornat lokus, non hominet lokus* мы встречаем у грамматика IV вѣка, Харизія, который приводитъ её как примѣръ “антиметаболы”» [20, с. 82–83]. Используют подобные выражения и христианские авторы – Иоанн Дамаскин, Иоанн Златоуст, а потому появление данного оборота в Изборнике Святослава 1073 г., содержащего отрывки из сборника «Апостолия», не кажется чем-то необычным.

Как и УСК непредикативного типа, каждая словарная статья, посвященная паремии, строится в «Большом фразеологическом словаре старославянского языка» в строгом соответствии с принятыми правилами. Она состоит из нескольких зон: инициальной, грамматической, семантической, историко-этимологической, синонимо-антонимической, иллюстративной и фразеографической, где в хронологическом порядке отражена история фиксации паремии в отечественных словарях и справочниках. Опыт работы над БФССЯ убедил нас в том, что включение паремий в качестве сверхсловных языковых единиц во фразеологические словари обогащает базу для дальнейших историко-лингвистических исследований в области славистики и создает дополнительные условия для воссоздания объективной языковой картины мира средневековых славян.

Список использованных источников

1. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.
2. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 535 с.
3. Койранова, Е. А. Разностороннее изучение паремий в русской и зарубежной лингвистике / Е. А. Койранова // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2011. – С. 257–259.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М. : Рус. язык, 1994. – 848 с.
5. Старобългарски речник : в 2 т. / Българска академия на науките ; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. 1. – София : Изд-во «Валентин Траянов», 1999. – 1120 с.
6. Старобългарски речник : в 2 т. / Българска академия на науките ; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. 2. – София : Изд-во «Валентин Траянов», 2009. – 1326 с.
7. Григорьев, А. В. Русская библейская фразеология в контексте культуры / А. В. Григорьев. – М. : «Индрик», 2006. – 360 с.
8. Шулежкова, С. Г. От земли обетованной к небесам обетованным: очерки о судьбах библейских крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 260 с.
9. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.

10. Мокиенко, В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов : ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : Астрель. – 639 с.
11. Супрасльская рукопись: трудъ Сергѣя Северьянова // Памятники старославянского языка. – Т. II. Вып. 1. – СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1904. – 570 с.
12. Остромирово евангелие 1056–1057 г. Иждивеніемъ Потомственнаго Почетнаго Гражданина Ильи Кирилловича Савинкова. – 2-е (фототипическое) изд-е. – СПб. : Фото-Литографія А. Ф. Маркова, 1889. – 294 с.
13. Большой фразеологический словарь старославянского языка / Науч.-исслед. словарная лаб. МГТУ им. Г. И. Носова; С. Г. Шулежкова, С. А. Анохина, А. А. Осипова, А. Н. Михин, В. Ф. Хайдарова ; гл. ред. С. Г. Шулежкова. – Т. 1. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 552 с.
14. Большой фразеологический словарь старославянского языка / Науч.-исслед. словарная лаб. МГТУ им. Г.И. Носова; С. Г. Шулежкова, В. Ф. Хайдарова, А. Н. Михин ; гл. ред. С. Г. Шулежкова. – Т. 2. – М. : ФЛИНТА, 2022. – 560 с.
15. Шулежкова, С. Фразы-самохарактеристики Иисуса Христа и его девизы в древнейших славянских текстах / С. Шулежкова // *Język i pamięć. Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Wojciechowi Chlebodziu z okazji 70. urodzin* ; pod red. W. Mokijenki i J. Tarsy. – Opole : Uniwersytet Opolski, 2020. – S. 633–644.
16. Вежбицкая, А. Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям / А. Вежбицкая // Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 218–272.
17. Borg, M. I. Meeting Jesus again for the first time: The Historical Jesus and the Heart of Contemporary Faith / M. I. Borg. – San Francisco : Harper Collins, 1994. – 150 p.
18. Верещагин, Е. М. Кирилло-мефодиевское книжное наследие. межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями / Е. М. Верещагин. – М. : «Индрик», 2012. – 520 с.
19. Лопухин, А. П. Новый Завет / А. П. Лопухин // Толковая Библия, или комментарии на все книги Священного Писания : в 7 т. – Т. 1. – М. : Даръ, 2007. – 1224 с.
20. Тимошенко, И. Е. Литературные источники и прототипы трёхсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ / И. Е. Тимошенко. – Киевъ : Типографія Петра Барскаго, 1897. – 172 с.

Abstract. The author, sharing a “broad view” on the object of phraseology, defines the problem of phraseological description of paroemiae of the common literary language of the Medieval Slavs. Besides grammatical, semantic, linguocultural and illustrative zones, the author suggests to accompany paroemia articles with the genre description and history note.

Keywords: Old Church Slavonic language, set phraseological unit, paroemia.

УДК 811.161.1'373.7.821.161.1

О. Г. Яблонская, В. В. Новик

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию фразеологических единиц в коммуникативно-прагматическом аспекте. На примере повести Ж. К. Жерома “Three men in a boat (To Say Nothing of the Dog)” / Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» выявляется семантическая ценность фразеологизмов в художественном тексте, а также способы сохранения прагматического потенциала при переводе. Отмечено, что при переводе прагматические установки фразеологизмов сохраняются за счет фразеологических или лексических средств. Употребление фразеологизмов повышает степень экспрессивности повествования.

Ключевые слова: фразеологические единицы, коммуникативно-прагматическая функция, прагматический потенциал, экспрессивность, контекст.

Фразеологизмы представляют собой многогранные языковые явления, что обуславливает пристальное внимание исследователей к их изучению. Согласно А. В. Кунину, фразеологические единицы (ФЕ) – это отдельно оформленные единицы языка с полностью или частично переосмысленными значениями [1, с. 7]. Основная функция фразеологизмов – номинативная, но особый интерес представляет изучение их экспрессивно-коммуникативной функции, так как данные единицы чаще всего употребляются в ситуациях, когда продуценту требуется выразить эмоциональное отношение к предмету речи, произвести определенный прагматический эффект на реципиента.

Под термином «прагматика» понимается раздел семиотики, посвященный изучению отношения интерпретатора-пользователя какой-либо знаковой системы к самой знаковой системе [2]. В связи с этим наиболее актуальным и значимым является изучение фразеологизмов в прагматическом аспекте, то есть с точки зрения их функционирования в языке. При таком подходе значимым является понятие прагматический потенциал, который понимается нами как совокупность всех значений, которые могут реализовывать ФЕ в том или ином контексте. Таким образом, данное исследование подразумевает изучение целенаправленного воздействия языкового знака (фразеологизма) на адресата (героя произведения или читателя).

В рамках данного аспекта фразеологические единицы рассматриваются как способ достижения или повышения экспрессивности, то есть являются отражением оценочного или эмотивного характера высказывания. Не редко использование таких языковых единиц в художественных текстах является отражением стиля или же особенностью письма автора.

В качестве языкового материала для исследования были отобраны ФЕ из художественного текста. Путем сплошной выборки из юмористической повести Jerome Кларка Jerome “Three men in a boat (To Say Nothing of the Dog)” / Джерома Клапка Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» было извлечено 26 английских фразеологизмов разной тематики. Для детального анализа были отобраны следующие фразеологические выражения: *to do smb a good turn, to play the fool, to put smth on the backs of other people, to keep a word, to be the death of smb, to give way to violent language, to make an ass of oneself.*

Цель исследования заключается в выявлении семантической ценности фразеологизмов как самостоятельных единиц в художественном тексте, в изучении особенностей их использования в вербальной деятельности в конкретных жизненных ситуациях, а также в выявлении способов сохранения прагматического потенциала рассматриваемых единиц при переводе.

Фразеологическая единица *to do smb a good turn* в англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина имеет следующее толкование: ‘оказать кому-либо дружескую услугу, сослужить хорошую службу’ [1, с. 782].

“He is an old chum of mine, and feels my pulse, and looks at my tongue, and talks about the weather, all for nothing, when I fancy I’m ill; so I thought I would do him a good turn by going to him now [3, с. 11].” / «Мы с ним старые друзья. Когда мне кажется, что я болен, он щупает у меня пульс, смотрит язык, болтает о погоде и не берет денег; по этому я решил, что мне, по всей справедливости, следует пойти к нему и теперь.»

В данном примере фразеологическая единица используется в прямом значении. Контекст конкретизирует причину использования автором фразеологизма. Так, старый друг героя повести является доктором, которому необходима постоянная практика по специальности. Соответственно, главный герой (Джей), обладающий множеством симптомов различных заболеваний, способен предоставить ему возможность практиковаться. Следовательно, данная перспектива и была завуалирована автором при помощи фразеологической единицы, которая выражает положительное намерение говорящего. При переводе на русский язык фразеологизм опускается, однако соответствующее конструктивное намерение героя повести передается с помощью лексических единиц. ФЕ демонстрирует также юмористический характер ситуации, в которой она была упо-

треблена. Читатель же воспринимает эти слова как снисхождение со стороны говорящего по отношению к доктору. В русскоязычном варианте предложения на первый план выходит констатация факта, а не комичность высказывания героя произведения.

Фразеологизм *to play the fool* означает ‘валять дурака; дурачиться, вести себя по-дурацки, делать глупости’ [1, с. 289].

“*Instead of helping you, it seems to you that the other man is simply **playing the fool***” [3, с. 27] / «Вместо того чтобы вам помогать, вам представляется, что ваш товарищ просто валяет дурака».

Разговорно-бытовые фразеологизмы достаточно часто используются писателями в художественных текстах. Данный фразеологизм используется для негативной характеристики ситуации, передает злость, гнев и ярость героя при сложностях в установлении палатки в плохих погодных условиях и отсутствии помощи со стороны товарища. Во фрагменте на русском языке наблюдается сохранение ФЕ и совокупности ее значений и функций.

Выражение *to put smth on the backs of other people* трактуется так: ‘взвалить, переложить на чьи-либо плечи’ [1, с. 682].

“*That’s Harris all over – so ready to take the burden of everything himself, and **put it on the backs of other people***” [3, с. 33] / «Как это похоже на Гарриса – вечно готов взять все тяготы и переложить их на чужие плечи!»

Данная языковая единица характеризует отрицательное качество человека – перекладывание работы или ответственности на другого. В исследуемом примере повествование ведется от лица главного героя, таким образом выражается его неодобрительная оценка поведения второстепенного персонажа (Гарриса). Использованные автором лексические средства (*that’s Harris all over*) указывают на регулярность данного поведения, тем самым фразеологизм усиливает эмотивный характер высказывания и выражает осуждение со стороны главного героя. При переводе также используется ФЕ, которая способствует сохранению эмоционально-оценочного восприятия ситуации.

Фразеологическая единица *to keep a word* толкуется как ‘сдержать свое слово, обещание’ [1, с. 834].

“*She **kept her word**, leaving the place in charge of the charwoman, who, when asked if she could stand the smell, replied: “What smell [3, с. 51]?”* / «Она сдержала слово, поручив дом судомойке, после того как последняя на заданный ей вопрос, в силах ли она перенести запах, спросила: «Какой запах?»

Словосочетание *to keep a word* использовано в повести в прямом значении и понимается как выполнить обещанное, что является положительной характеристикой девушки. Фразеологизм, воздействуя на читателя, способствует созданию образа героини, подчеркивает ее твердый характер и железную волю. Выражение является стилистически нейтральным, что сохраняется при переводе. Такое соответствие в двух фрагментах обуславливает одинаковые коммуникативно-прагматические характеристики ФЕ.

Устойчивый оборот *to be the death of smb* имеет два толкования в словаре:

- 1) ‘изводить кого-либо, очень огорчать кого-либо; сживать со свету’;
- 2) ‘уморить кого-либо (со смеху)’ [1, с. 204].

“*We finished dressing, and, when it came to the extras, we remembered that we had packed the tooth-brushes and the brush and comb (that tooth-brush of mine will **be the death of me**, I know), and we had to go downstairs, and fish them out of the bag*” [3, с. 62] / «Мы закончили одеваться; когда же дошло до мелочей, вспомнили, что уложили зубные щетки и щетку с гребнем (я знал, что эта зубная щетка таки вгонит меня в могилу), и пришлось отправиться вниз и выудить их из чемодана».

Фразеологическая единица в самостоятельном употреблении характеризуется экспрессивностью, так как имеет в своем структурном составе компонент *death*, который сам по себе содержит негативную коннотацию. В данном примере фразеологизм использован автором в его первом словарном значении, которое и содержит отрица-

тельный подтекст. При переводе ФЕ сохраняется, но в ее основе лежит другой образ, который, однако, относится к той же семантической сфере, что способствует сохранению оценочной и эмотивной модальности текста. Данное словосочетание является экспрессивно наполненным, так как обладает высокой степенью выражения эмоционального аспекта: раздражительности, недовольства, нервозности и вспыльчивости говорящего.

Фразеологизм *to give way to...* имеет также несколько значений в зависимости от его сочетаемости с другими лексическими единицами:

1) 'уступать, идти на уступки кому-либо или чему-либо, сдавать свои позиции; уступать место чему-либо, сменяться чем-либо';

2) 'давать волю чему-либо, поддаваться, предаваться; потерять самообладание, контроль' [1, с. 804].

"George fancied that, if it had not been for the restraining influence of the sweet woman at his side, the young man might have given way to violent language" [3, с. 127] / «Джордж полагает, что, когда бы не сдерживающее влияние кроткой его подруги, молодой человек дал бы волю языку».

Словосочетание *to give way to language* понимается так: 'начать много, безудержно говорить либо позволять себе излагать что-то лишнее'. В данном случае рассуждение может быть благонравным и позитивным. Но использование лексемы *violent*, которая переводится с английского языка на русский как «неистовый, яростный, вспыльчивый, горячий», добавляет отрицательную экспрессивность выражению. Таким образом ФЕ *to give way to violent language* ассоциируется с возможностью грубо выражаться. При переводе такая уточняющая лексема отсутствует, но русскоязычный фразеологизм также сохраняет и передает отрицательное отношение к герою.

Выражение *to make an ass of oneself* трактуется следующим образом: 'вести себя как дурак (или осёл), свалить дурака, поставить себя в глупое, дурацкое положение' [1, с. 476].

"When Harris or George makes an ass of himself on dry land, I smile indulgently; when they behave in a chuckle-head way on the river, I use the most blood-curdling language to them" [3, с. 271] / «Когда Гарри и Джордж ломают дурака на суше, я снисходительно улыбаюсь; когда же они выкидывают глупости на воде, я награждаю их леденящими кровь наименованиями».

Контекст обуславливает следующее значение фразеологизма: 'вести себя вызывающе глупо, кривляться или паясничать', что, в целом, соответствует словарному значению. Языковая единица при самостоятельном функционировании обладает негативным характером, так как очень часто подобное поведение досаждают окружающим и вызывает раздражение. Но автор использовал данное словосочетание относительно нейтрально. В основе русскоязычной ФЕ лежит другой образ, но функции сохраняются, при этом смысловой акцент смещается с характеристики героев на выражение отношения к ним говорящего.

Проведенный анализ показал высокую степень использования Джеромом Клапка Джеромом в юмористической повести «Трое в лодке, не считая собаки» фразеологических единиц, обладающих экспрессивно-стилистической окраской. Фразеологизмы употребляются в тексте в словарном или же контекстуально обусловленном значении. Совокупность словарных и контекстных значений ФЕ составляет их прагматический потенциал. Коммуникативно-прагматическая функция языковых единиц проявляется в повышении эмоциональности анализируемых высказываний, чему способствуют структурно-семантические изменения фразеологизмов. При переводе прагматические установки могут сохраняться за счет фразеологических или лексических единиц. Однако, как показал анализ, при опущении ФЕ при переводе степень наглядности повествования и его эмоциональность могут уменьшаться.

Список использованных источников

1. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин; лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.

2. Прагматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4702/ПРАГМАТИКА. – Дата доступа : 16.10.2022.

3. Джером, Дж. К. Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog) = Трое в лодке, не считая собаки / Дж. К. Джером. – СПб. : Антология, 2021. – 288 с.

Abstract. The article deals with the study of phraseological units in the communicative and pragmatic aspect. On the example of J. K. Jerome's story "Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)" / Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» the semantic value of phraseological units in a literary text is revealed, as well as ways to preserve the pragmatic potential when translating. It is noted that when translating, the pragmatic aims of phraseological units are preserved at the expense of phraseological or lexical means. The use of phraseological units increases the degree of expressiveness of the narrative.

Keywords: phraseological units, communicative-pragmatic function, pragmatic potential, expressiveness, context.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абреимова Г. Н.</i> Особенности употребления оригинальных индивидуально-авторских фразеологизированных конструкций в произведениях и дневниках М. М. Пришвина.....	3
<i>Алефиренко Н. Ф.</i> Фразеологические образы этнокультурного сознания.....	7
<i>Арефьева Н. Г.</i> Иноязычное влияние во фраземике русских говоров Одесщины.....	11
<i>Бакина А. Д.</i> Репрезентация духовного кода культуры во фразеологической картине мира.....	17
<i>Бароўская І. А.</i> Беларускія і рускія фразеалагізмы з кампанентам «вочы» / «глаза» ў міжкультурным узаемадзеянні.....	22
<i>Валугева О. Н.</i> Паремнологический словарь в инновационной репрезентации иноязычным обучающимся: технология буктрейлер.....	26
<i>Володина Т. В., Мокиенко В. М.</i> Микологический портрет в русско-белорусских словарях сравнений (опыт лексикографии).....	30
<i>Глазкова Е. А.</i> Фразеологизмы в рекламных слоганах в сфере продажи недвижимости.....	34
<i>Голубева В. К.</i> Грамматическая трансформация устойчивых сочетаний адекватной структуры: прагматический аспект.....	39
<i>Губич П. А., Петрушевская Ю. А.</i> Фразеологические единицы в учебном пособии по иностранному языку.....	43
<i>Гуркова О. С., Кураш С. Б.</i> Структурно-семантические и прагматические особенности антипословиц контаминированного типа в современной русской речи.....	48
<i>Гутовская М. С.</i> Источники формирования межъязыковых сходств и различий во фразеологии.....	52
<i>Данич О. В.</i> Формирование культурных знаний младших школьников на материале фразеологизмов и паремий.....	58
<i>Денисенко Е. Н.</i> Репрезентация мифологемы «дерево» в русских и белорусских паремиях и фразеологизмах.....	62
<i>Дербишева З. К.</i> Фразеологическая картина мира как источник формирования ментального образа народа.....	66
<i>Дерунова А. А.</i> Фразеологические средства наименования лиц в «Рэстры путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года».....	70
<i>Дзядзінкін А. Л., Лавіцкі А. А.</i> Вобраз прыроды ў ад’ектыўных устойлівых параўнаннях славянскіх моў.....	73
<i>Дубровская Е. М.</i> Особенности фиксации устойчивых сочетаний и выражений (на примере орфографического академического ресурса «Академос»).....	76
<i>Завтрикова П. С.</i> Сочетание <i>свое место</i> в аспекте семантической слитности компонентов.....	79
<i>Зайцева И. П.</i> Осмысление фразеологизма <i>Иван, не помнящий родства</i> в современном медиадискурсе.....	83
<i>Золотых Л. Г., Космачёва О. Ю.</i> Ценностная парадигма фразеологической репрезентации концептов «Женщина» vs «Мужчина» в русской лингвокультуре.....	88
<i>Зыкова И. В.</i> Фразеология в авангардном поэтическом и кинематографическом дискурсах с позиции теории лингвистической креативности.....	93
<i>Іваноў Я. Я.</i> Праблемы вызначэння і дыферэнцыяцыі аб’ёму афарыстычнага фонду мовы.....	99
<i>Каліта І. У.</i> Фразеасемантычнае поле ‘старасць’ на фоне нацыянальнай карціны свету беларусаў.....	104
<i>Капшай Н. П.</i> Что за прелесть эти пословицы! Ценность и функциональная значимость русских пословиц в понимании смысла пушкинского образа <i>коня</i>	109
<i>Коваль В. И.</i> О русских этнофразамах с компонентом <i>шапка</i>	114

<i>Ковшова М. Л.</i> Лингвокультурологический анализ русских загадок, пословиц и идиом с терминами некровного родства.....	118
<i>Козловская М. М.</i> Фразеологизация устойчивых сочетаний медицинской речи в условиях непрофессиональной коммуникации.....	123
<i>Конюшкевич М. И.</i> Союзные идиомы: языковой статус, парадигматика.....	127
<i>Кошкіна Н. Я.</i> Фарміраванне беларускай нацыянальнай парэміяграфічнай традыцыі (на матэрыяле зборнікаў парэмій XIX стагоддзя).....	132
<i>Красикова Е. А.</i> Лингвокреативность в формировании кодов культуры: опыт когнитивно-дискурсивного анализа фразеологизмов и паремий русского и китайского языков	138
<i>Кудрявцева Е. В.</i> Оказиональные фразеологизмы в публицистическом дискурсе... ..	143
<i>Кулік Л. У.</i> Вобразная матываванасць унутранай формы саматычных фразеалагізмаў англійскай мовы.....	145
<i>Ладутько М. В., Чжан Я.</i> Образ человека в русской фразеологической картине мира (на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом).....	149
<i>Лаптева М. Л.</i> Фразеологические возможности лексемы <i>сам</i>	155
<i>Ляшчынская В. А.</i> Канцэптуалізацыя сакральнага ў фразеалагізмах беларускай мовы.....	160
<i>Лиханова Н. А.</i> Этнографические источники изучения региональной паремиологии Восточной Сибири.....	166
<i>Маслова В. А.</i> Фразеологизм – «душа» любого языка, а в чем «душа» фразеологизма?..	169
<i>Мельникова О. Н.</i> О внутренней форме компонентов устойчивого словесного комплекса <i>хула и хвала</i>	173
<i>Мечковская Н. Б.</i> Пословицы и антипословицы о языке и речи: пародии на мета-языковые паремии и их вклад в обыденные представления о языке.....	177
<i>Мокиенко В. М.</i> Паремиологическая аксиология концепта «болото» как враждебной стихии.....	183
<i>Муратова Е. Ю.</i> Роль соматической лексики в русских пословицах и поговорках... ..	193
<i>Недельчо Е. В., Павлова А. Э.</i> «Мужское» и «женское» в пословицах и поговорках Петровской эпохи.....	196
<i>Нестерович О. Б.</i> Русская и китайская фразеология в межкультурном коммуникативном взаимодействии.....	199
<i>Никитина Т. Г., Роголёва Е. И.</i> Учебный фразеологический словарь: кросс-культурная составляющая.....	204
<i>Ничипорчик Е. В.</i> О разноязычных пожеланиях с апотропной функцией.....	208
<i>Павлова А. В.</i> Эквивалентность перевода фразеологизмов.....	215
<i>Півавар К. С.</i> Фразеалагічныя адзінкі ў сучаснай камунікацыі: роля ў фарміраванні і рэпрэзентацыі моўнай карціны свету беларусаў.....	221
<i>Позднякова Н. В., Чурилина Л. Н.</i> <i>Легион мне имя есть</i> : судьба новозаветного выражения в современном дискурсе.....	225
<i>Протасеня Н. С.</i> Архитектурный код культуры во фразеологии русского, белорусского и китайского языков (на примере единиц <i>ворота / вароты / 大门, дверь / озверь / 阍</i>).....	228
<i>Ратько Т. В.</i> Трансформация фразеологизмов и паремиологических единиц как стилистический прием (на примере публицистических текстов).....	233
<i>Рычкова Л. В.</i> Возможности использования Национального корпуса русского языка в изучении воспроизводимости и вариативности фразеологизмов и паремий.....	237
<i>Савченко А. В., Хмелевский М. С.</i> «В огороде бузина, а в Киеве дядька»: языковая игра или поговорка?.....	242
<i>Столярова А. Н.</i> Об интенциональной обусловленности вариативности неофразем.....	246
<i>Третьякова И. Ю.</i> Трансформация фразеологизмов в современном педагогическом дискурсе.....	249

<i>Фёдорова Л. Л. Задрать нос или вздернуть подбородок – каждому свое?.....</i>	253
<i>Шулежкова С. Г. Принципы описания паремий в «Большом фразеологическом словаре старославянского языка».....</i>	258
<i>Яблонская О. Г., Новик В. В. Особенности реализации прагматической функции фразеологизмов при переводе.....</i>	263

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Научное издание

**СЛАВЯНСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник научных статей

Подписано в печать 23.11.2022. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 31,62. Уч.-изд. л. 27,54.

Тираж 40 экз. Заказ 602.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель